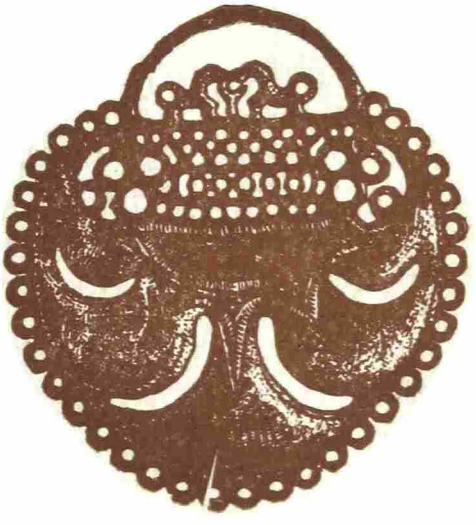
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3
1990

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1990 3

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан
в январе 1957 г.

Выходит
4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. А. Плетнева (главный редактор)

**А. А. Аскаров, А. В. Виноградов, В. И. Гуляев,
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, В. И. Козенкова** (отв. секретарь),
**Г. А. Кошеленко, В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон,
Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев, Т. М. Потемкина,
Д. С. Раевский, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко,
Е. Н. Черных** (зам. главного редактора), **В. Л. Янин**

СОДЕРЖАНИЕ

Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О. (Москва). Телль Хазна I (исследования советской экпедиции в Северо-Восточной Сирии, 1988—1989 гг.) 5

Крайнов Д. А., Зайцева Г. И., Уткин А. В. (Москва, Иваново). Стратиграфия и абсолютная хронология стоянки Ивановское III 25

Бузин В. С. (Ленинград). Поселения и жилища волосовской культуры как источник социологической реконструкции . 32

Стефанов В. И., Кокшаров С. Ф. (Свердловск). Северное Зауралье накануне бронзового века . 44

Козенкова В. И. (Москва). Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы . 64

Колотухин В. А. (Симферополь). Кизил-кобинская культура: генетические корни и условия формирования 93

Ольховский В. С. (Москва). О северокавказских стелах эпохи раннего железа 113

Винников А. З. (Воронеж). Контакты донских славян с алано-болгарским миром . 124

Коробушкина Т. Н., Саливон И. И. (Минск). Сельское население Среднего Побужья IX—XIII вв. (по материалам курганных могильников) 138

Дискуссии

Васильев В. И. (Москва). О статье Н. Л. Членовой «Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II — начале I тыс. до н. э.» 150

Раевский Д. С. (Москва). К статье Н. Л. Членовой «Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II — начале I тыс. до н. э.» 151

© Издательство «Наука»,

Соколова З. П. (Москва). Ардви Сура Анахита иранцев и «Злата Баба» финно-угров 154
Членова Н. Л. (Москва). Заключительное слово по дискуссии . 161

Публикации

Корпусова В. Н., Ляшко С. Н. (Киев). Катакомбное погребение с пшеницей в Крыму 166
Кирчо Л. Б. (Ленинград). Древнейшие печати и их оттиски из Алтын-депе 176
Бгажба О. Х., Терехова Н. Н., Розанова Л. С. (Сухуми, Москва). Кузнечные изделия из памятников цебельдинской культуры 184
Попова Е. А. (Москва). Позднескифские жертвенники с городища «Чайка» 196
Сапрыкин С. Ю. (Москва). Уникальный статер боспорской царицы Динамии 204
Воронина Р. Ф. (Москва). Трапециевидные привески с трубчатыми подвесками древней мордвы 215
Никитина Ю. И. (Новгород). Рисунки-граффити из Софии Новгородской . 220
Белецкий С. В., Крымов Е. Ю. (Ленинград, Дубна). Памятники актовой сфрагистики из древнерусской Дубны 233

Заметки

Шевелев В. В. (Таллинн). Кремневые фигурки из Каргополья 247
Субботин Л. В., Петренко В. Г. (Одесса). Редкие памятники древних культур Подунавья 250
Клочко Л. С., Оленковский Н. П. (Киев). Новые скифские навершия с нижнего Днепра 253
Киржнер Е. Э., Арматынская О. В. (Ижевск). Бронзовая ананьинская секира из с. Галаново 256
Шаповалов Г. И. (Запорожье). Вотивные якоря из Черного моря 259
Кызласов Л. Р. (Москва). О шаманизме древнейших тюрков . . 261
Артемьев А. Р. (Владивосток). К вопросу о типологии крепостного зодчества в Псковской земле XV в. 264

История науки

Артамонов М. И. (Ленинград). Первые страницы русской истории в археологическом освещении 271

Хроника

Смирнова Г. И., Флёров В. С. (Ленинград, Москва). Всесоюзный семинар, посвященный 90-летию со дня рождения Михаила Илларионовича Артамонова 291
Потёмкина Т. М. (Москва). Совещание по некоторым итогам и перспективам археологических исследований в стране (Москва, 1989) 296
Смирнов К. А. (Москва). Памяти Ростислава Леонидовича Розенфельдта 301

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

1990 3

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Munchaev R. M., Merpert N. Y., Bader N. O. (Moscow). Tell Hasna I (Soviet Expedition in North-Eastern Syria in 1988—1989) 5
Krainov D. A., Zaitseva G. I., Utkin A. V. (Moscow, Ivanovo) Stratigraphy and Absolute Chronology of Ivanovskoe III Camp 25
Buzin V. S. (Leningrad). Settlements and Dwellings of the Volosovo Culture as a Source of Sociological Reconstructions 32
Stefanov V. I., Koksharov S. F. (Sverdlovsk). Northern Transural Area in the Early Bronze Age . . . 44
Kozenkova V. I. (Moscow). The Koban Culture's Chronology: Results, Experience, Elaboration, Unsolved Problems 64
Kolotukhin V. A. (Simferopol). The Kizil-Koba Culture: Its Genetic Roots and Conditions of Formation . . . 93
Olkhovsky V. S. (Moscow). The Northern Caucasian Stelae of the Early Iron Age 113
Vinnikov A. Z. (Voronezh) Contacts of the Don Slavs with the Alan-Bulgarian World 124
Korobushkina T. N., Salivon I. I. (Minsk). The Countryside Population in the Middle Bug in the 9th-13th Centuries (on the materials from kurgan burials) 138

Discussions

Vasiliev V. I. (Moscow). On N. L. Chlenova's Article "The Volga and the Southern Urals as Imagined by the Eraly Iranians and Finno-Ugrians in the Second-Earlt First Millennia B. C." (SA, No. 2, 1989) 150
Raevsky D. S. (Moscow). On N. Chlenova's Article "The Volga and the Southern Urals as Imagined by the Early Iranians and Finno-Ugrians in the Second-Early First Millennium B. C." (SA, No. 2, 1989) . 151
Sokolova Z. P. (Moscow). Ardvi Sura Anahita of the Iranians and the "Colden Idol" of the Finno-Ugrians 154
Chlenova N. L. Concerning Responces to My Article 161

Publications

Korpusowa W. N., Ljaschko S. N. (Kiev). Catacomb Burial with Wheat in the Crimea 166
Kircho L. B. (Leningrad). The Earliest Seals and Their Stamps from Altyn-Depe 176
Bgazhba O. Kh., Terekhova N. N., Rosanova L. S. (Sukhumi, Moscow). Blacksmiths' production from the sites of Tsebelda culture 184
Popova E. A. (Moscow). Late Scythian Sacrificial Complexes at the Chaika Settlement 196
Saprykin S. Y. (Moscow). A Unique Stater of Dynamia, a Bosporan Queen 204
Voronina R. F. (Moscow). Trapeze Pendants with Tube Additions of Ancient Mordva 215

Nikitina Y. I. (Moscow). Grafitti from the St. Sophia of Novgorod 220
Beletsky S. V., Krymov E. V. (Leningrad, Dubna). Memorials of Sphragistics from Old Russian Dubna 233

Notes

Shevelev V. V. (Tallinn). Flint Figurines from Kargopol . 247
Subbotin L. V., Petrenko V. G. (Odessa). Rare Monuments of the Danube Ancient Cultures 250
Klochko L. S., Olenkovsky N. P. (Kiev). New Scythian Tips from the Lower Dnieper 253
Kirzhner E. E., Armatynskaya O. V. (Izhevsk). A Bronze Ananino Pole-Axe from Galanovo 256
Shapovalov G. I. (Zaporozhie). Votive Ancors from the Black Sea 259
Kyzlasov L. R. (Moscow). On the Shamanism among the Ancient Turks . . . 261
Artemiev A. R. (Vladivostok). On the Typology of Architecture of the Serft in the Pskov Area in the 15th Century 264

History of Archaeology

Artamonov M. I. (Leningrad). The Beginnings of the History of Russia as Told by Archaeology 271

Chronicle

Smirnova G. I., Flerov V. S. (Leningrad, Moscow). National Seminar Dedicated to the 90th Birth Anniversary of Mikhail I. Artamonov 291
Potemkina T. M. (Moscow). Conference on the Results and Prospects of Archaeological Research in the USSR . . . 296
Smirnov K. A. (Moscow). Rostislav L. Rozenfeld. Obituary . . . 301

Р. М. МУНЧАЕВ, Н. Я. МЕРПЕРТ, Н. О. БАДЕР

ТЕЛЛЬ ХАЗНА I

(исследования советской экспедиции в Северо-Восточной Сирии, 1988—1989 гг.)

Весной 1988 г. экспедиция Института археологии АН СССР приступила к широким полевым исследованиям на территории Сирии.

Как известно, Сирия составляет неотрывную и глубоко оригинальную часть древневосточного культурного очага. Уже в раннем палеолите Восточное Средиземноморье играло огромную роль, являясь одним из основных путей расселения древнейшего человека из его восточноафриканской прародины. В дальнейшем здесь, в частности на территории Сирии, происходили важнейшие культурно-исторические процессы, которые привели к возникновению производящих форм хозяйства и формированию древнейшей цивилизации. В Сирии скрещивались основные пути культурных связей, имевших самые различные источники и направления. Чрезвычайно интересные и своеобразные пути культурного развития сочетались на ее территории с воздействиями Месопотамии, Египта, Финикии, Хеттской державы, Ахеменидского Ирана. Позднее здесь сформировались замечательные очаги развития эллинистической, римской и византийской культур. Наконец, хорошо известна огромная роль Сирии в становлении арабской государственности, в развитии всех отраслей великой арабской цивилизации. Поэтому совершенно закономерна значительная концентрация на территории Сирии археологических памятников, начиная с ранних ступеней палеолита вплоть до позднего средневековья, равно как и особая активность археологических исследований в данном регионе Ближнего Востока. Более 100 лет памятники Сирии исследуются как местными учеными, так и экспедициями Англии, Франции, Италии, США, ФРГ, Голландии, Японии, Польши, ГДР и других стран. В целом ряде случаев эти исследования привели к открытиям общемирового значения. Достаточно вспомнить результаты раскопок Рас Шамры, продолжающиеся по сей день исследования Дура Европос (начатые еще М. И. Ростовцевым), Мари на Среднем Евфрате и, наконец, Эблы (Иблы) с ее феноменальным архивом из более чем 16 тыс. клинописных документов, заставляющих взглянуть по-новому на культурно-исторический процесс на Ближнем Востоке в III тыс. до н. э. В этой связи нельзя не выразить сожаления, что советские ученые со столь большим опозданием начали археологические работы на сирийской земле. Правда, как известно, в 1969—1980 и 1985 гг. экспедиция Института археологии АН СССР провела широкие и весьма результативные исследования на территории Северо-Западного Ирака, смежной с северо-восточной частью Сирии и представляющей вместе с ней Северную Месопотамию.

Здесь, на правобережье Тигра, в Синджарской долине нашей экспедицией была исследована группа раннеземледельческих поселений VIII—IV тыс. до н. э., отражающих основные ступени развития дописьменной Месопотамии [1] В процессе этих работ выявилась необходимость расширения деятельности экс-

[1] Результаты работ Иракской экспедиции Института археологии АН СССР отражены более чем в 50 публикациях, включая монографические исследования [1, 2].

© Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт, Н. О. Бадер, 1990 г.

педиции на смежные территории, прежде всего на сопредельные районы Сирии, являющиеся естественным продолжением Синджарской долины и составлявшие в древности единую в культурно-историческом отношении область Ближнего Востока. Возможность осуществить это конкретно представилась после решения АН СССР организовать специальную экспедицию для проведения археологических исследований на территории Сирии. Перед экспедицией была поставлена задача изучения проблемы развития раннеземледельческих культур и древнейших цивилизаций в этом важнейшем регионе Ближнего Востока.

Весной того же года группа в составе Р. М. Мунчаева, Н. О. Бадера и О. Г Большакова совершила поездку в Сирию с целью проведения разведочных работ, выбора объектов исследования советской экспедиции и заключения соответствующего соглашения с Управлением древностей и музеев Сирийской Арабской Республики. Разведки были проведены, естественно, в северо-восточной части страны, пограничной с районом работ нашей экспедиции в Ираке. В процессе их мы остановили свой выбор на группе холмов, расположенных в 25 км к северо-востоку от г Хасеке, слева от дороги из Хасеке в Телль Брак, близ с. Телль Хазна. На склонах одного из них были собраны отдельные образцы характерной расписной керамики убейдской культуры (конец V—IV тыс. до н. э.) наряду с большим количеством фрагментов более поздних сосудов, относящихся в основном к III тыс. до н. э. (раннединастического I—III и аккадского периодов). Подчеркнем, что на археологической карте данного района Сирии ни этот холм, ни другие телли, расположенные между селами Телль Хазна и Телль Нурек и дальше вдоль вади на север и юг, не отмечены. Таким образом, выяснилось, что памятники этого небольшого региона Северо-Восточной Сирии до нас совершенно не были обследованы. Это обстоятельство и послужило импульсом к исследованию данной группы памятников, и в частности отмеченного телля.

Исследуемый холм находится в 1 км к северо-северо-востоку от с. Телль Хазна и известен у местного населения под названием Телль Алави (по имени небольшого хутора близ него) По соседству с ним имеется еще ряд холмов. Поэтому в полевой документации экспедиции раскапываемый памятник обозначен как Телль Хазна I — Алави (для краткости — Телль Хазна I). Он расположен на левом берегу вади, впадающего в Джак-Джак — приток Хабура. Общепринятого названия вади нет. Одно из таких названий — вади Ханзир.

Холм имеет конусовидную форму, со склонами, более крутыми на северной и восточной стороне и более пологими на южной и западной. Он достигает в высоту 17,2 м, а средний диаметр его 150 м. Поверхность холма активно задернована, заметных нарушений не наблюдается (рис. 1, *1*).

Особая концентрация находок (керамика, кремневые и обсидиановые орудия) отмечена на поверхности юго-западной части телля. Здесь у его основания найдены фрагменты керамики наиболее ранних периодов — убейдского и урукского. Они позволяли предполагать наличие остатков древнейших поселений прежде всего в данной части телля. Поэтому здесь и был заложен первый раскоп общей площадью 525 м ^{2} (рис. 1, *2*). Стремясь к скорейшему достижению наиболее ранних слоев, мы начали раскопки не в верхней части холма, а на сравнительно пологом его склоне, примерно на уровне, соответствующем средней части высоты холма [3]

В 1989 г. раскопки были продолжены в северном (в сторону вершины холма) и восточном направлениях. В результате исследуемая площадь телля достигла 1150 м^2, от уровня 1,98 до уровня 13,87 м. Раскопки велись квадратами 5×5 м (всего 46 квадратов), которые обозначались с севера на юг арабскими цифрами и с запада на восток — римскими. Фиксировались все профили по периметрам квадрата. Все остатки сооружений, а также погребения и ямы получали порядковые номера.

Верхняя часть культурного слоя в нижней части склона холма светло-коричневая, рыхлая, перемешанная, образовавшаяся в результате смыва с более высоких участков. С этим же связана и разновременность обнаруженной здесь

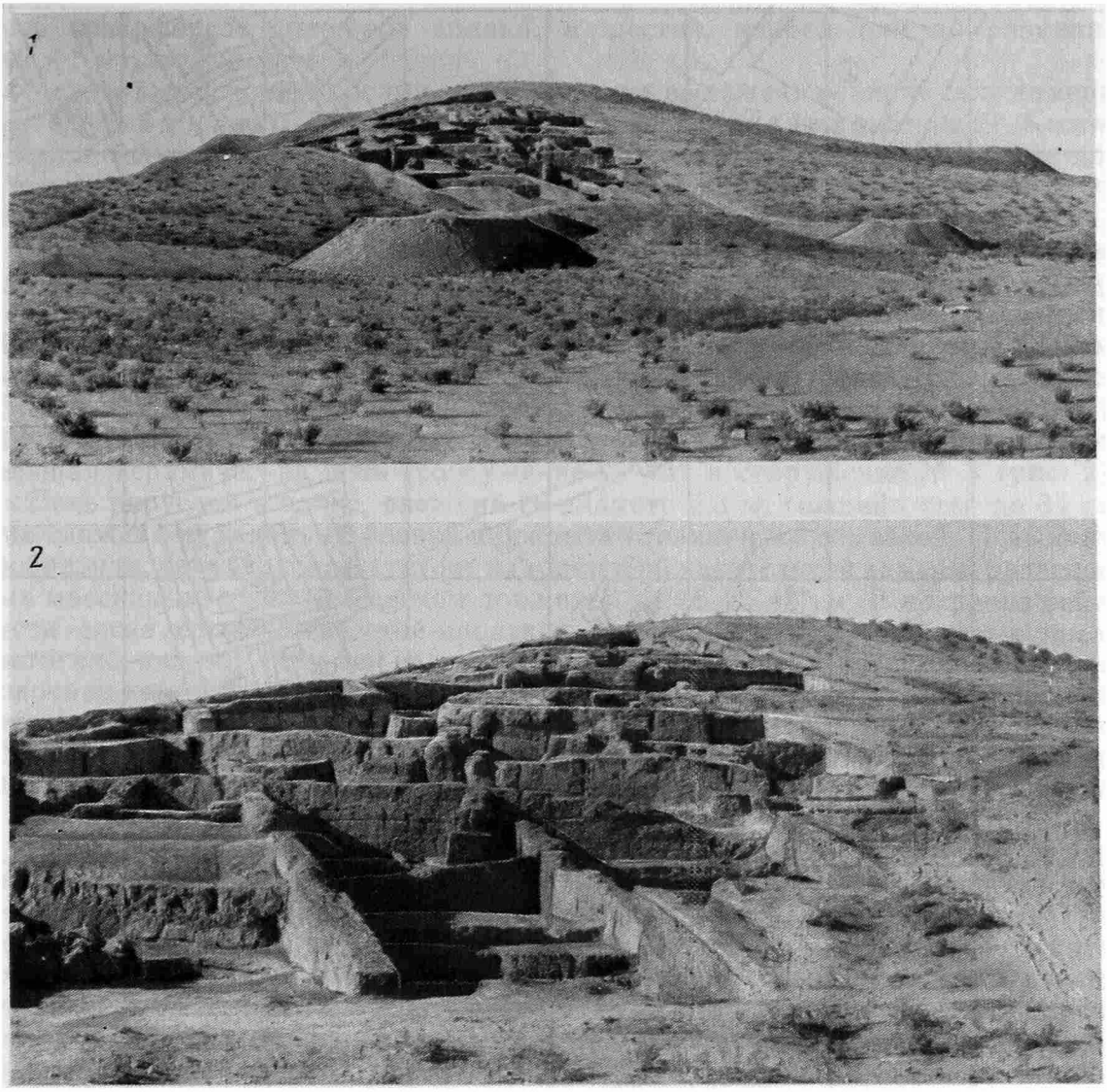


Рис. 1. *1, 2* — поселение Телль Хазна I. Общий вид

керамики. Однако уже на этих участках, почти непосредственно под дерновым слоем, зафиксированы аморфные скопления строительных остатков, гумусные прослойки, а также плотные массивы глины. Что же касается верхних участков, то остатки сооружений начинаются там прямо с поверхности.

В целом на исследованной площади вскрыта сложная система многочисленных сооружений, большей частью взаимосвязанных и относящихся к III тыс. до н. э. Прежде всего следует отметить весьма характерную особенность их расположения: наличие ряда последовательных платформ-террас, с каждой из которых связан определенный комплекс сооружений. Этим объясняется фактическая идентичность материала (главным образом керамического) на всех участках, несмотря на значительную разницу уровней их расположения. Таких платформ-террас выявлено не менее четырех. Первая из них примыкает к массивной стене (сооружение № 17), очевидно, оборонительного характера, прослеженной на протяжении более 15 м (рис. 2). Толщина этой стены 3,3 м. Она сложена из плотных пластов серой и коричневой глины и с обеих сторон обмазана глиняной штукатуркой. Ее основание прослежено на уровне 13,8 м, сохранность в высоту до 1,6 м. С севера к стене примыкает ряд прямоугольных помещений (сооружения № 30—33). Средние размеры их 3×3 м.

Северную границу отмеченных помещений составляет длинная стена — сооружение № 5 (рис. 2). Она стоит на уровне от 11,2 до 10,05 м. Сохранившаяся

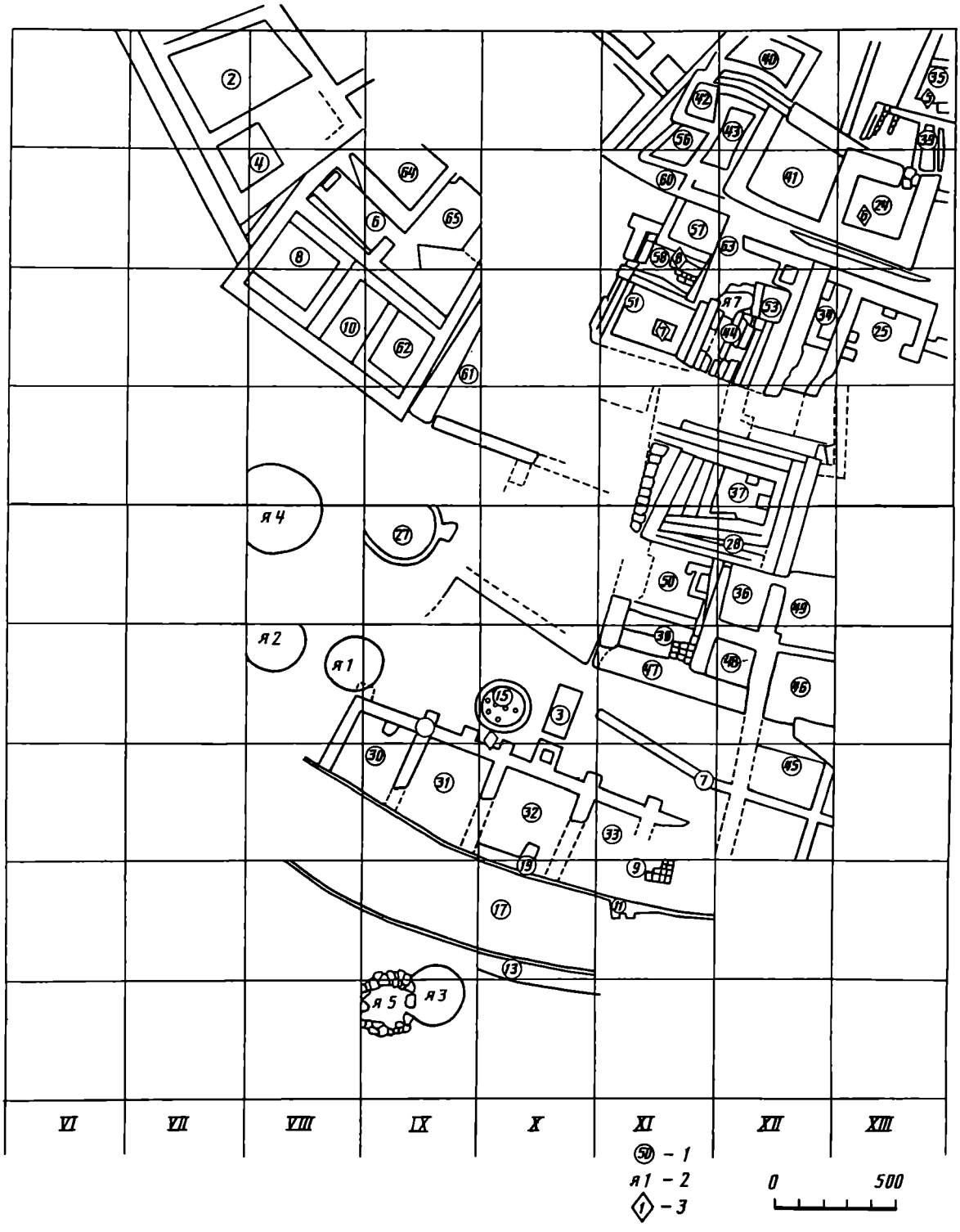


Рис. 2. Телль Хазна I. Генеральный план раскопа. *1* — номер сооружений; *2* — номер ям; *3* — номер погребений

ее высота в среднем 1 м. Стена идет параллельно стене № 17 и прослежена на протяжении около 14 м. У западного окончания (квадрат VIII-19) стена образует угол, сочленяясь с такой же стеной, идущей к юго-западу. Сложена стена из сырцовых кирпичей двух стандартов. Первый — вытянутые кирпичи размером 30×11×7 см, второй — 28/30×20×7 см. Кладка нерегулярна: на некоторых участках два ряда кирпичей, на других — три. Кирпичи лежали как по оси стены, так и перпендикулярно ей. Средняя толщина стены 50 см. С северной стороны она была укреплена рядом контрфорсов, сложенных из таких же кирпичей.

Пять контрфорсов сплошной кладки, а шестой, наибольший по размерам (1,2×1 м), полый внутри.

Между двумя контрфорсами зафиксирована выложенная кирпичами камера, в которой на уровне 10,56 м открыто погребение ребенка (погребение 2). Костяк лежал в большом глиняном сосуде с ручками в виде налепов, характерном для раннединастического III и аккадского периодов. Отметим, что уровень погребения выше основания стены № 5 и примыкавшей к стене площади.

Очевидно, что стена № 5 носила опорный характер и поддерживала упиравшиеся в нее поверхности более северного участка платформы. Таких поверхностей не менее пяти. Три из них на отдельных участках выложены сырцовыми кирпичами, под которыми зафиксированы зольные прослойки толщиной до 9 см. Основная, наиболее ранняя поверхность прослежена на уровне 10,9 м. На ней отмечен ряд сооружений. В их числе вторая опорная стена (сооружение № 7), примыкающие к ней (в квадрате XII-20) прямоугольные помещения, а также большая керамическая печь (сооружение № 15) и сооружение № 3 (рис. 2).

Печь округлая в плане, внешний ее диаметр 2,3 м, толщина стен до 34 см. Она сложена из глиняных блоков и покрыта глиняной же обмазкой. Печь конусообразная, двухъярусная, состоит из топки и обжигательной камеры, разделенных массивным глиняным диском толщиной от 36 до 43 см. В сохранившейся части диска есть 9 отверстий-продухов диаметром 12 см. Общее их число достигало, видимо, 14, и они располагались двумя концентрическими кольцами. Топочная камера имела глубину 50 см. Устье ее находилось в северо-западной части печи и несколько расширялось с наружной стороны стены, достигая 60—55 см. Оно было закрыто глиняной плитой, а по сторонам фланкировано небольшими контрфорсами. Примыкавший к печи участок был перекрыт толстым (до 1 м) зольно-угольным слоем.

Рядом с печью открыта сплошная кирпичная кладка (сооружение № 3) размером 2,6×1,2 м и высотой до 1,3 м. Сохранились 15 рядов кирпичей размером 30×30×7 см (рис. 2). Это сооружение являлось основанием арки, крепившейся с севера к борту следующей — второй платформы, поверхность которой зафиксирована на уровне в среднем 8,5—9 м. Отдельные участки платформы сложены из сырцового кирпича, другие — из пластов глины. Здесь также открыт ряд сооружений (№ 36, 38, 46—50), сконцентрированных на определенном участке террасы.

Следует особо подчеркнуть, что эти сооружения по плану своему увязаны с сооружениями первой террасы. Прежде всего это касается массивных стен (север—юг), ограничивающих группы помещений и продолжающихся далее к северу уже на третьей террасе, поверхность которой находилась на уровне 7,5 м. На значительном участке третьей платформы открыта кирпичная вымостка размером 6×4 м, в которую впущено углубленное на 50 см помещение (№ 37) с внутренними контрфорсами и, возможно, аркой.

Постройки второй и третьей террас не имеют обычного для жилых сооружений культурного слоя, а связь их с большими и тщательно выполненными вымостками позволяет предполагать особый их характер и возможную связь с дворцовым или ритуальным комплексом.

Указанные постройки подступают к следующей, четвертой платформе-террасе, плотная застройка которой зафиксирована на уровнях от 3,7 до 6,7 м. Здесь открыто 20 сооружений (№ 24, 25, 29, 34, 35, 40—44, 51—60), различных по размерам и назначению. Они расположены очень плотно, примыкая друг к другу, и в ряде случаев подчинены единому плану (рис. 2). Все они прямоугольной формы и сравнительно небольшой площади. Дверные проемы зафиксированы в единичных случаях. Стены сложены из сырцовых кирпичей различного стандарта — от 23×23×7—8 до 50×23×7—8 см. Они сохранились в высоту до 2 м, при толщине до 1 м. Наиболее крупными по размерам являются сооружения № 41 (3,5×3,5 м) и 24 (2,5×2,5 м).

И на данной платформе культурный слой с обычными бытовыми остатками

(печами, очагами, костями животных и т. д.) зафиксирован лишь в отдельных случаях. Вместе с тем ряд помещений, особенно небольших размеров, имел особое назначение. Об этом свидетельствуют значительные скопления золы, обгоревшего зерна и находок ритуального характера. Особенно характерно в этом плане сооружение № 42. Площадь его всего 1,2×1,1 м. Высота стен 2,2 м (основание помещения еще не достигнуто). Помещение было заполнено золой, в которой найдено 40 зооморфных статуэток. Близкая картина зафиксирована и в смежном помещении (№ 56), где обнаружено еще шесть статуэток. Наконец, в пяти случаях на полах и под полами помещений, а также в специальных кирпичных конструкциях открыты погребения как детей, так и взрослых. К ним мы вернемся несколько позже. Сейчас же отметим, что в северо-восточном углу раскопа зафиксированы очень слабо сохранившиеся остатки сооружений (№ 26, 35 и др.), расположенных на уровне 3,2—3,4 м. Это позволяет говорить о наличии еще одной платформы-террасы или о более позднем слое, перекрывшем описанные выше более ранние постройки четвертой террасы.

Особый интерес представляет западный участок раскопа, включающий квадраты VI—IX/14—17 (рис. 2). Культурный слой здесь вскрыт на глубину более 6 м. На этом участке открыты остатки фундаментальных архитектурных конструкций с мощными стенами толщиной до 2 м. На отдельных участках они прослежены в длину до 17 м. Стены сложены из кирпичей различного стандарта — от 20×10×7 до 50×30×7 см. К стенам примыкает целый ряд прямоугольных помещений (№ 2, 4, 6, 8, 10 и др.). Помещения эти составляют два больших дома с весьма длительным периодом существования. Об этом свидетельствуют последовательные наслоения полов и следы серьезных реконструкций. И здесь найдены погребения, совершенные на полах комнат.

Несомненно, в Телль Хазне I открыты сложные и взаимосвязанные архитектурные комплексы с необычным расположением на платформах-террасах. Планировка и конструктивные приемы их находят близкие аналогии на синхронных памятниках данного региона, прежде всего на Телль Бдери [4]. Последний расположен на левобережье Хабура и исследуется с 1985 г. экспедицией Германского археологического института в Дамаске. На Телль Бдери выявлены два основных слоя: позднего бронзового века (хурритско-митаннийского периода) мощностью до 2 м и раннединастического и аккадского времени толщиной 11 м. В раннем слое наиболее интересны остатки оборонительной стены толщиной до 2,15 м, сложенной из сырцовых кирпичей стандарта 20×20 см [4, с. 236] Эта стена по конструктивным особенностям полностью аналогична оборонительной стене (№ 17), вскрытой на Телль Хазне I. С внешней стороны стены в Телль Бдери открыт ров с оформленным гласисом, что также находит близкую аналогию в Телль Хазне I. Более того, в районе стены раскопаны две печи и скорченное захоронение. Как отмечалось, подобная же картина зафиксирована у стен в Телль Хазне I.

Следует подчеркнуть, что и на целом ряде других поселений III тыс. до н. э. в районе Хабура открыты архитектурные комплексы, чрезвычайно близкие по планам и конструктивным приемам сооружениям Телль Хазны I. Речь идет, в частности, о таких памятниках, как Телль Мелебийа [5], Телль Барри [6] и др. Особенно выделим среди последних поселение Телль Абу Хафур вблизи Хасеке, исследуемое с 1987 г. экспедицией Варшавского университета, относящееся ко второй половине III тыс. до н. э. Вся структура этого поселения, начиная с основной черты — расположения построек на последовательных платформах-террасах, поразительно близка структуре Телль Хазны [2]

Назначение ряда сооружений, вскрытых на Телль Хазне I, пока не определено, как не выяснены последовательность их создания и соотношение между со-

---

[2] С данным памятником и его материалами мы имели возможность ознакомиться на месте работ в 1989 г. Пользуясь случаем, приносим искреннюю благодарность проф. П. Белинскому и другим членам польской экспедиции.

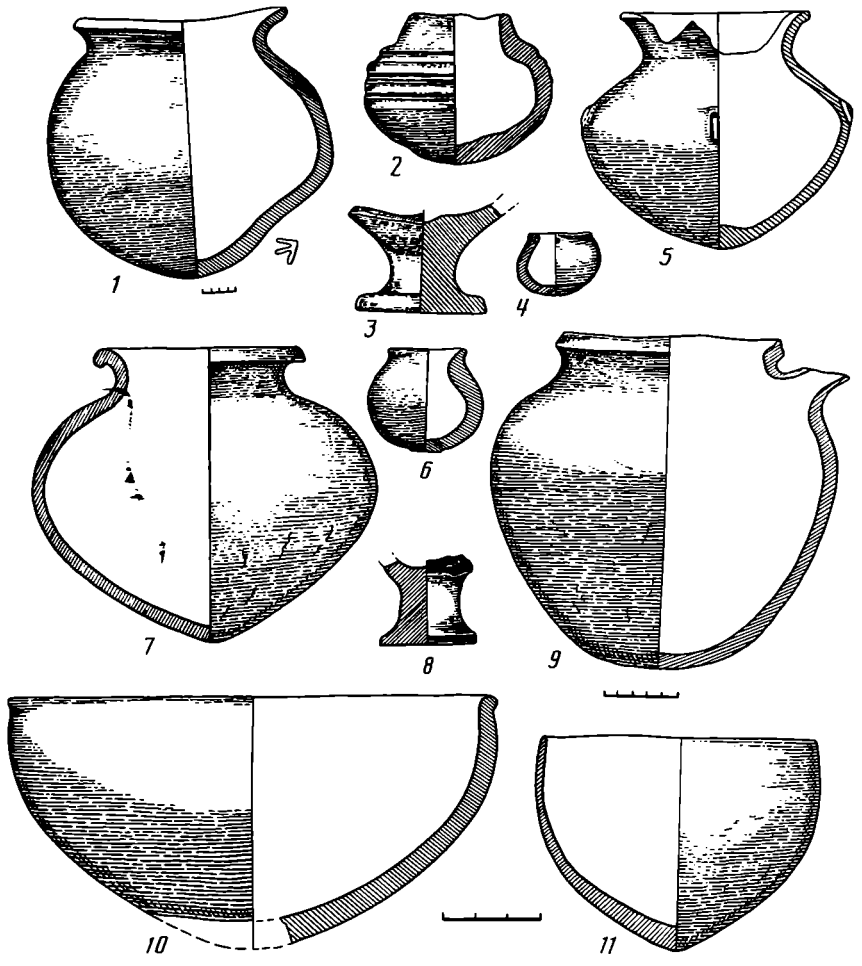


Рис. 3. Телль Хазна I. Керамика

бой. Учитывая единообразие массового керамического материала, комплексы этих сооружений могут датироваться в пределах прежде всего раннединастического II—III периодов. В этом плане показательно, что все формы и технологические группы керамики указанных периодов (вторая половина III тыс. до н. э.), выделенные в Телль Бдери [4, с. 259, 311, рис. 14—27, 31—41], находят массовые аналогии в материалах Телль Хазны I. Анализ этих материалов позволит уточнить хронологию конкретных архитектурных комплексов. Но уже сейчас некоторые даты могут быть обоснованы погребальными комплексами, открытыми на Телль Хазне I. Перейдем к их рассмотрению.

Всего на Телль Хазне I раскопано пока девять погребений, из них четыре детских и пять взрослых. Во всех случаях фиксируется трупоположение. В одном случае погребение ребенка находилось в глиняном сосуде, остальные же совершены внутри помещений, часто в специальных кирпичных конструкциях. Погребенные лежат скорченно на спине или на боку, ориентировка их различная. В трех случаях погребения сопровождались инвентарем, хронологически достаточно выразительным. Поэтому остановимся на них, обратив особое внимание на стратиграфическое положение погребенных.

Погребение 1 открыто в квадрате X-22, на глубине 13,35 м, с внешней стороны стены № 17 Оно располагалось в заполнении котлована, вырытого в культурном слое уже после разрушения стены. Покойник был положен в скорченном положении на правом боку, головой на северо-запад-запад. У черепа и позади него находились два небольших остродонных сосуда. Один из них имеет сферическое тулово, четко выраженную шейку с отогнутым наружу округленным венчиком (рис. 3, 7). Размеры его в см: высота — 8,5, диаметр устья — 5,5, максимальный диаметр тулова — 10. Второй сосуд в виде кубка с прямым вен-

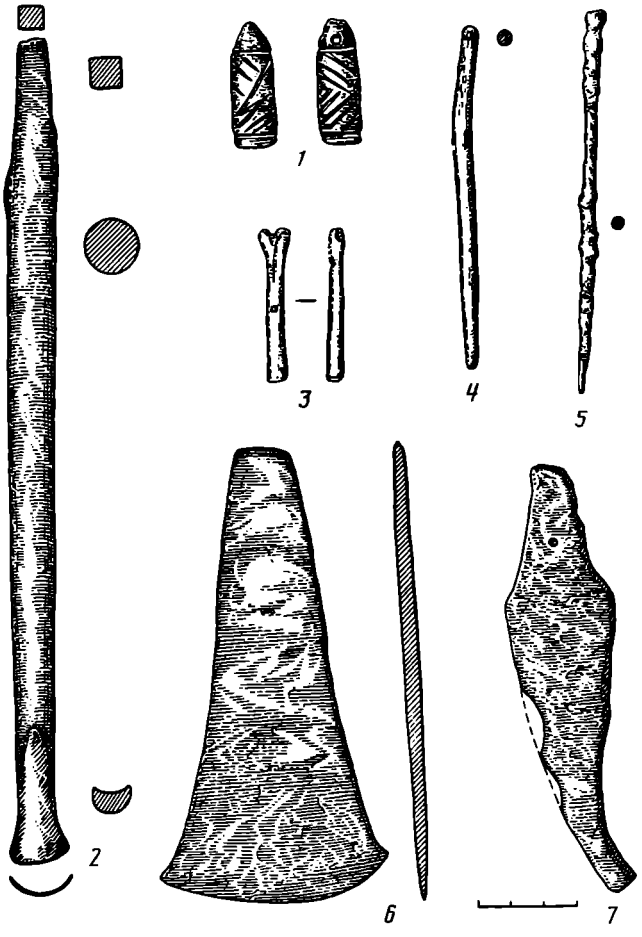


Рис. 4. Телль Хазна I. Каменная цилиндрическая подвеска-печать (*1*), бронзовые изделия (*2—7*)

чиком (рис. 3, *11*); его высота 6 см, диаметр устья 8 см. Оба сосуда изготовлены на кругу из серой глины, поверхности их тщательно затерты.

У локтя левой руки обнаружена часть белокаменной сферической бусины. Перед лицом погребенного была воткнута в землю бронзовая булавка округлого сечения длиной 10,5 см и диаметром от 0,5 до 0,2 см (рис. 4, *5*).

Погребение 3 раскопано на западном участке площади (квадрат VIII-15), на верхнем полу помещения № 8, на глубине 10,65—11 м. Оно было перекрыто остатками стен того же помещения. Костяк взрослого человека лежал скорченно на правом боку, головой на юг Перед лицевой частью черепа найдено бронзовое тесло-топор длиной 12,5 см (рис. 4, *6*), у лобной части — длинное (22,7 см) долото с желобчатым рабочим краем (рис. 4, *2*). У таза и пяточной кости левой ноги найдены два обсидиановых наконечника стрелы миндалевидной формы, часть глиняной зооморфной (?) статуэтки, а в ногах — челюсть козы. В области груди и между костями рук обнаружено значительное скопление тонких дисковидных бус из горного хрусталя и кварцита (рис. 5). Всего их 215. Они составляли ожерелья или нашивались на одежду. Из таких же бус, включая одну сердоликовую, состояли трехрядные браслеты, расчищенные у запястий.

Интересно и погребение 6, открытое в квадрате XIII-15, внутри помещения 24 на уровне 5—5,29 м. Покойник был положен в южной половине почти квадратного (2,3×2,1 м) помещения, на подсыпку из мелкого гравия по красноватому грунту. Вполне вероятен обжиг поверхности пола: горелый слой отмечен под черепом и под конечностями. Костяк лежал на спине, несколько завалившись на правый бок, с подогнутыми руками и ногами, головой на северо-запад-запад (рис. 5, *II*). В области черепа и костей грудной клетки, рук и таза отмечены скопления плоских дисковидных бусин из горного хрусталя и кварцита (рис. 6,

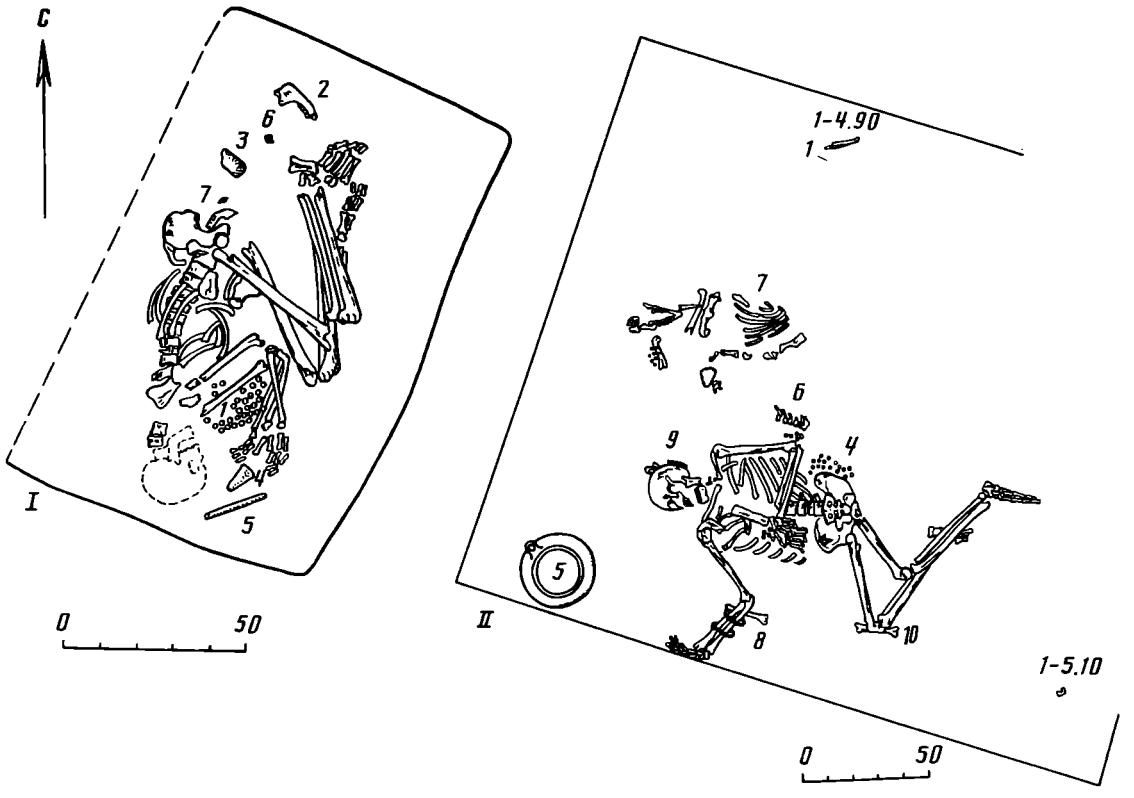


Рис. 5. Телль Хазна I. *I* — погребение 3. *1* — скопление кварцитовых бус; *2* — челюсть козы; *3* — часть глиняной статуэтки; *4* — бронзовое тесло; *5* — бронзовое долото; *6, 7* — обсидиановые наконечники стрел. *II* — погребение 6: *1* — нож бронзовый; *2* — зооморфная статуэтка; *3* — бусы сердоликовые; *4, 8* — бусы хрустальные; *5* — глиняный сосуд; *6, 7, 9, 10* — кости барана

1). Найдено всего 316 таких бусин, в том числе — по предварительному определению — 86 кварцитовых и 230 хрустальных.

Под предплечьем правой руки и коленом правой ноги лежали ножные кости барана. Под голову была положена часть позвоночника барана: семь позвонков в правильном анатомическом порядке находились под черепом погребенного. В 20—60 см к северу от костяка найдены остатки расчлененной туши барана: череп, кости грудной части и позвоночника, а рядом с ними 19 округлых плоских сердоликовых бусин с двусторонним сверлением (рис. 6, *2*). Еще одна сердоликовая бусина найдена в северо-восточном углу помещения.

Близ головы погребенного был поставлен большой (высотой 28 см) глиняный сосуд с носиком (рис. 3, *9*). У костей левой руки найдена глиняная зооморфная статуэтка с отбитой головкой, а у левой ключицы — кремневая пластина.

Укажем, что с данным погребением связан, вероятно, бронзовый нож с изогнутым концом, длиной 12,3 см (рис. 4, *7*), обнаруженный близ северной стенки помещения на глубине 4,9 м.

Остальные погребения, принадлежавшие в основном детям, не содержали каких-либо находок.

Весьма важно стратиграфическое положение описанных погребений. Погребение 1 было впущено в заполнение котлована, перекрытого слоем строительных остатков и относящегося к наиболее позднему периоду существования рассмотренных выше строительных комплексов. Погребение 3 также должно быть отнесено к этому периоду, поскольку оно совершено на верхнем полу помещения № 8 и перекрыто забутовкой из остатков стен того же помещения. Аналогично и положение погребения 6. Как уже отмечено, оно находилось на верхнем полу помещения № 24 и подстилалось более ранними полами. Хронологическая близость этих погребений между собой подтверждается как особенностями обряда, так и характером инвентаря.

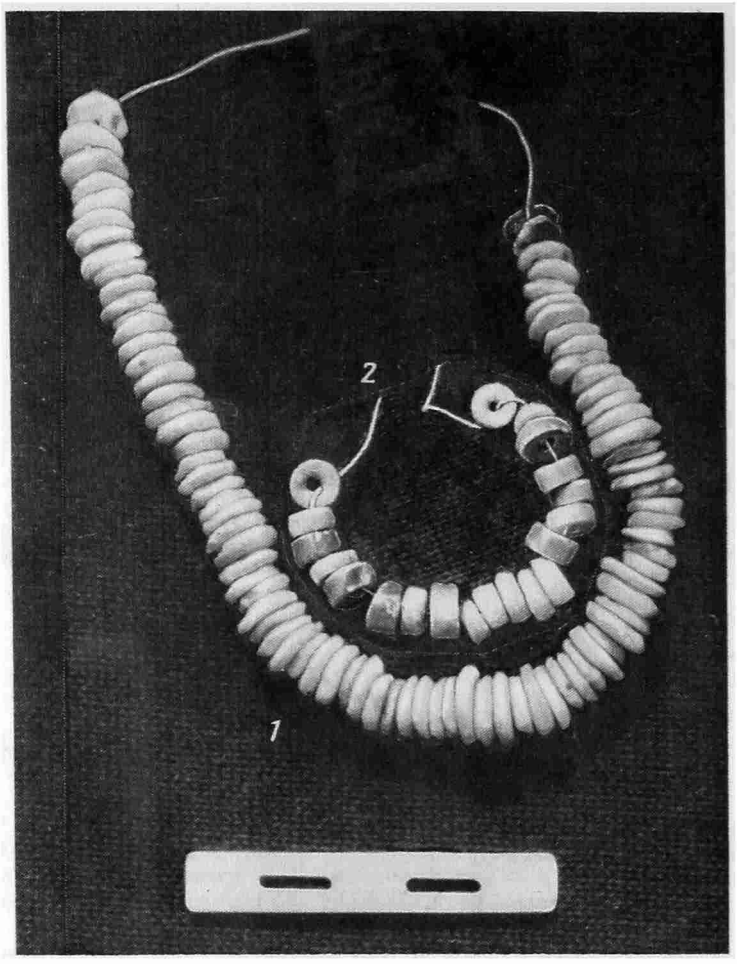


Рис. 6. Телль Хазна I. Погребение 6. Бусы из горного хрусталя (*1*) и сердолика (*2*)

Рассматривая обряд погребения, можно отметить, что он достаточно характерен для аккадского периода и второй половины III тыс. до н. э. в целом. Подобные описанным погребения открыты в соответствующих слоях ряда поселений в бассейне Хабура, а также в сопредельных районах Месопотамии [4, с. 238] [3]

Более конкретные ориентиры для хронологизации данных погребений дает анализ инвентаря. Начнем с керамики, обнаруженной в погребении 1. Сферический сосуд с выделенной шейкой (рис. 3, *7*) находит близкие аналогии в керамике из поселений раннединастического III периода района Диалы в Средней Месопотамии. Укажем в этой связи на сосуды из поселения Хафаджи [7, табл. 159] Надо отметить, что данная форма посуды продолжает существовать и позже, вплоть до позднеаккадского периода и времени III династии Ура [4, табл. 159, 160]. Севернее сосуды этого типа встречены в слое VI Тепе Гавры, относящемся к аккадскому периоду [8, табл. LXVII, LXVIII] В те же хронологические рамки укладывается и второй сосуд в виде остродонного кубка. Эта форма сосудов представлена в памятниках как раннединастического II—III периодов [4, табл. 35, *м—р*], так и аккадского времени [4, табл. *а—d*]

Что касается большого сосуда с носиком из погребения 6 (рис. 3, *9*), то он представляет один из типов «чайников», хорошо известных в комплексах саргонидского кладбища Ура [9, табл. 265] в Южной Месопотамии, аккадских слоев

[3] Такие же погребения открыты и в поселении Кашкешок в том же районе Сирии, но пока они не опубликованы. Глубоко благодарим исследователя этого памятника д-ра Антуана Сулеймана за информацию о раскопанных там погребениях.

Диалы в Среднем Двуречье [7, табл. 150] и, наконец, в Северной Месопотамии (Чагар Базар II—III [10, рис. 15] и др.).

В погребениях, раскопанных на Телль Хазне I, обнаружены значительные скопления бусин (более 500) из горного хрусталя, кварцита, а также сердолика. Все они дисковидные, с двусторонним сверлением. Такие бусы известны в большом количестве из целого ряда памятников Месопотамии аккадского и предаккадского времени, например из слоя VI Тепе Гавры и др. То же следует сказать и о кремневых и обсидиановых наконечниках стрел миндалевидной формы, характерных для аккадских слоев Тепе Гавры [8, с. 84], Телль Брака [11, табл. XXXVII], поселений бассейна Диалы [12, с. 167] и т. д.

Наиболее выразительны металлические находки из погребений, прежде всего погребения 3. Бронзовый тесловидный топор имеет заметно расширяющуюся дуговидную рабочую часть и слабоокругленную пятку, в сечении уплощенный, с равномерно сходящимися к лезвию сторонами (рис. 4, *6*). Этот тип орудия принадлежит к числу ранних металлических изделий, широко распространенных в памятниках Передней Азии, включая Кавказ, а также эгейско-балканского региона в III — начале II тыс. до н. э. Приведем некоторые ближайшие аналогии нашей находке. Укажем, в частности, на обнаруженные в шестом слое Тепе Гавры само орудие подобной формы [8, табл. XLVIII, *8*], и литейную форму для его производства [8, табл. XLVII, *а*]. Данный слой, как отмечалось, датируется в пределах второй половины III тыс. до н. э. К этому же времени относятся бронзовые орудия подобной формы, обнаруженные в «цистовых» погребениях акрополя Каркемиша [13, табл. 58, *а*] Тот же тип представляют тесла, найденные в слое конца III тыс. до н. э. поселения Телль эль Хези в Палестине [14, табл. VI, *4*], а также в кладе Библа у храма-обелиска в слое VIII, относящемся к тому же времени [15, табл. 258, *14—17*], как и в погребениях холма А в Кише [15, табл. 199, *42*]. Отмеченная дата подтверждается и находками аналогичных тесловидных орудий в соответствующих слоях Фары [15, табл. 193, *51—55*] и Мари [15, табл. 224, *50*] Подчеркнем, что топоры-тесла рассмотренного типа датируются указанным периодом в самых различных регионах своего ареала: от Терми и острова Наксоса в Эгее [14, табл. VI, *9*; VIII, *6*] до Тарса в Киликии, Суз в Иране [14, с. 27, табл. VIII, *6*] и даже Чанху-даро в Индостане [14, табл. V, *12*]. Все эти находки представляют близкий по пропорциям тип орудия, отличный от вытянутых топоров-тесел более раннего периода.

Достаточно характерно и бронзовое долотовидное орудие с желобчатым рабочим краем из того же погребения 3. Верхняя часть его составляет квадратный в сечении обушок, отделенный от остального, округлого в сечении стержня (рис. 4, *2*). Территория распространения этих орудий также достаточно широка и хронологически охватывает в основном тот же период, т. е. вторую половину III тыс. до н. э. Ограничимся указанием на находки подобных орудий в Трое II—V, Гиссаре III-с, Сузах [14, табл. XII, *14, 16, 17*], а также на Кавказе, прежде всего в поздних комплексах майкопской культуры, где они представлены значительной серией [16, рис. 49].

Интересен, несомненно, и бронзовый нож, найденный на полу помещения № 24 и связанный, вероятно, с погребением 6. Его отличают слабо выделенный широкий черенок с округлым отверстием для заклепки и особенно изогнутость лезвия, заметно сужающегося к концу, к сожалению, обломанному (рис. 4, *7*). Сохранившаяся длина его 12,3 см, ширина у основания лезвия 3 см. Находки подобных ножей сравнительно немногочисленны. Они встречены в Греции, Анатолии (Трое II—V) и других областях, включая Сирию [14, с. 124—125, табл. XLI] Но нигде они не представлены в комплексах ранее второй половины III тыс. до н. э. Таким образом, и данная находка согласуется хронологически с рассмотренными выше предметами из погребений Телль Хазны I.

Наконец, последняя находка металлического изделия в погребениях — бронзовая булавка (погребение 1). Она имеет круглое сечение, головка ее уплощена и незначительно расширена (рис. 4, *5*). Размеры: длина 10,5 см, диаметр сече-

ния 0,5—0,2 см. Этот архаический тип бронзовой булавки представлен в Тепе Гавре VI, Чагар-Базаре III, аккадском слое Телль Брака и других памятниках Северной Месопотамии, а на юге — в царском некрополе Ура [8, табл. L, *8;* 9, табл. 231; 17, рис. 12, *5*]

Забегая вперед, отметим, что в исследованном слое Телль Хазны I (рис. 4, *3, 4*) найдены фрагменты еще двух подобных булавок (квадрат XI-14, глубина 6 м; квадрат XIII-15, глубина 5,5 м). Следует заметить, что из памятников Сирии раннего бронзового века происходят целые серии бронзовых булавок, в том числе посоховидной формы, характерные для комплексов позднего майкопа. При этом необходимо иметь в виду, что эти булавки имели значительную амплитуду хронологического колебания.

В этой связи важно наблюдение А. Перкинс, согласно которому типы металлических изделий, появившиеся на юге, прежде всего в царском некрополе Ура, в раннединастический III период, на севере появляются лишь в аккадском контексте [18, с. 48, 49] Поэтому есть все основания считать, что хронологически инвентарь погребений согласуется со стратиграфической позицией последних. Обобщая приведенные данные, мы можем заключить, что рассмотренные погребения из Телль Хазны I относятся к аккадскому периоду, конкретно к последней четверти III тыс. до н. э. Тем самым определяется terminus ante quem для большинства раскопанных сооружений Телль Хазны I.

Очень коротко остановимся на находках в культурном слое памятника. Начнем с каменных изделий. Подавляющее их большинство составляют остатки земледельческих орудий, представленные вкладышами составных серпов и ножей (рис. 7), зернотерками, терочниками, ступами, пестами и жерновами. Вкладыши немногочисленны, они встречены лишь 11 раз, в 10 случаях они сделаны из кремня, в одном — из обсидиана. Все они двулезвийные, выполнены на крупных пластинах (длиной до 12 и шириной до 4 см), в ряде случаев зафиксированы дополнительная ретушь (иногда и зубчатость), а также характерная для серпов залощенность рабочей поверхности.

Зернотерки многочисленнее: их 25, сделаны они из интрузивных пород камня, в плане большей частью овальные, реже круглые или подпрямоугольные, длиной до 40 и шириной 30 и толщиной до 8 см. В соответствии с сечением орудия могут быть выделены два типа: линзовидные и седловидные зернотерки. Терочники либо повторяют формы и пропорции линзовидных зернотерок, несколько уступая им в размерах, либо представлены в виде параллелепипедов с округленными углами. Функционально с этими категориями орудий сближаются жернова. Они сделаны из тех же пород камня, что и зернотерки. Диаметр их до 18 см, толщина до 7 см, диаметр центрального отверстия до 5 см. Встречены жернова трижды. В единичных случаях в культурном слое встречены ступы диаметром до 18 и глубиной до 5,3 см и песты высотой до 17 и диаметром до 10 см.

Все перечисленные категории каменных изделий, повторяем, связаны с земледелием. Помимо них, также в единичных случаях, встречены алабастровое и мраморное конические пряслица, каменные пули для пращи, дисковидные и чечевицеобразные бусы (подобные найденным в погребениях), а также фрагменты каменных наверший (булавы?), подпяточных плит и, наконец, сосудов (хотя принадлежность последних к комплексу исследуемого слоя пока не доказана).

Особо должна быть отмечена кварцитовая подвеска-печать, найденная в квадрате XIII-14 на глубине — 3,40 м. Печать цилиндрической формы, с коническим навершием, просверленным для подвешивания и отделенным от основной части цилиндра кольцевой каннелюрой. Вторая такая же каннелюра отделяет эту часть от нижнего окончания цилиндра. Поверхность цилиндра между каннелюрами заполнена врезанными линиями, образующими систему вписанных углов (рис. 4, *1*).

Костяные изделия чрезвычайно редки и ограничиваются тремя проколками из трубчатых костей овцы и фрагментами булавки.

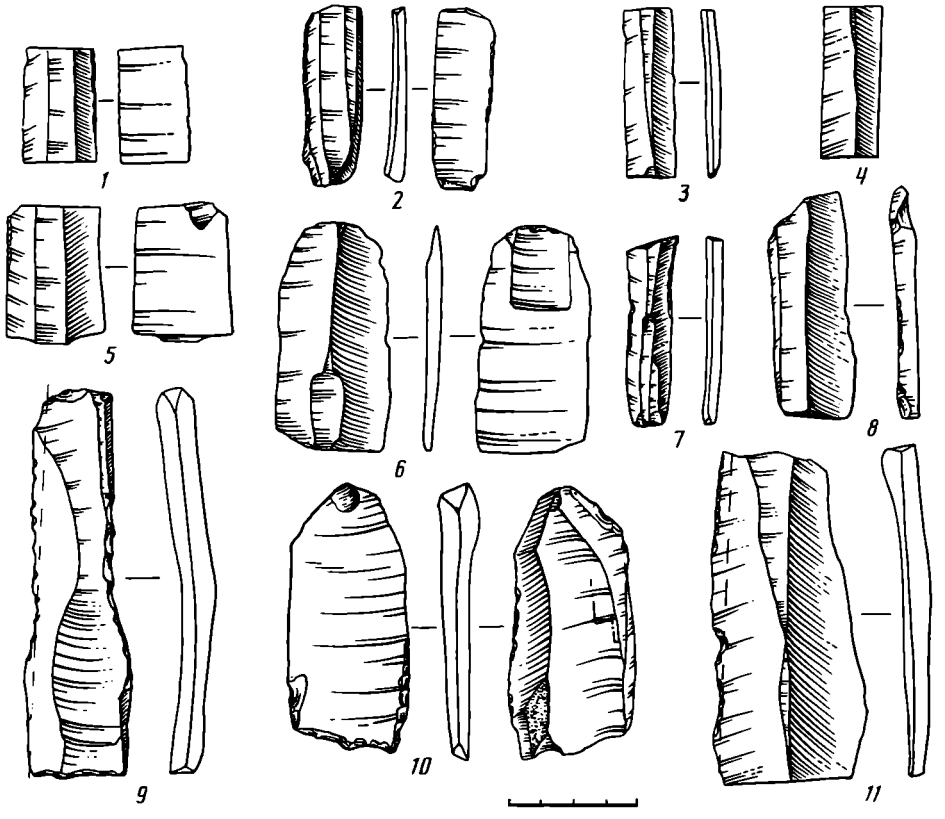


Рис. 7. Телль Хазна I. Кремневые вкладыши составных серпов и ножей

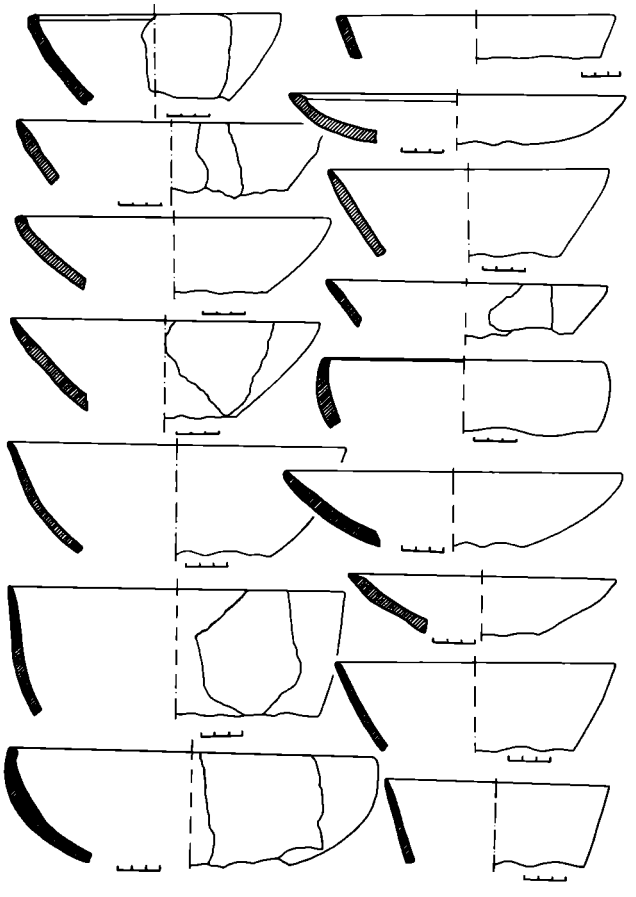


Рис. 8. Телль Хазна I. Керамика

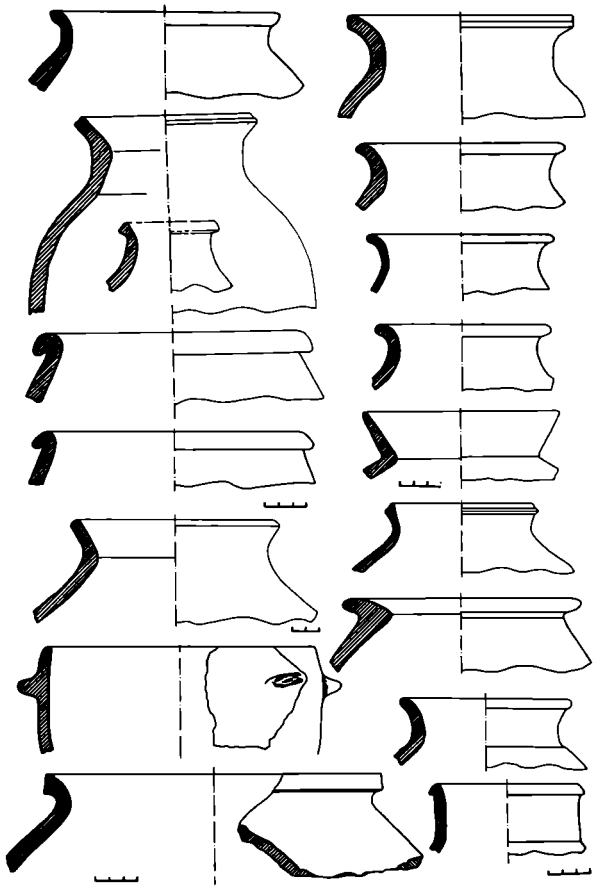


Рис. 9. Телль Хазна I. Керамика

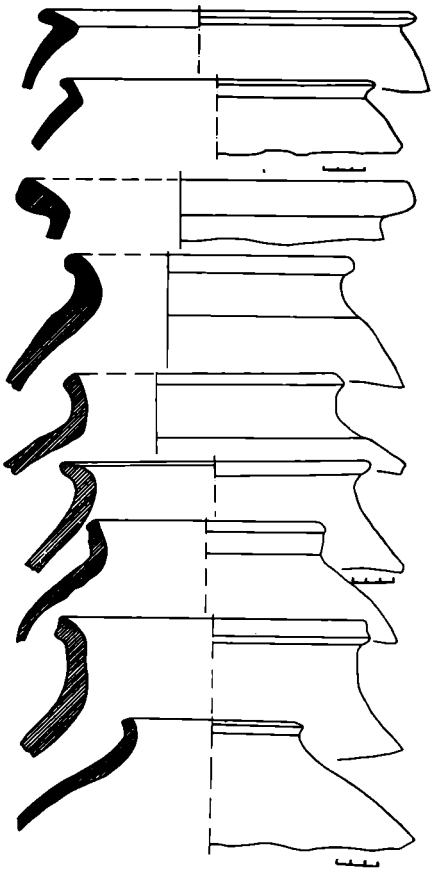


Рис. 10. Телль Хазна I. Керамика

Подавляющую часть находок в культурном слое составляет керамика. При ее рассмотрении необходимо учитывать многочисленные нарушения слоя, обусловленные ямами, перекопами при строительных работах, а также естественными разрушениями склонов холма с соответствующим перемещением находок. Эти нарушения на ряде участков приводили к смешению хронологически разнородных материалов — от убейдских до позднеассирийских, что заметно затрудняет их классификацию. Но основная часть керамической коллекции представлена все же достаточно однородной массой сосудов и их фрагментов, характерных для раннединастического I—III и аккадского периодов Северной Месопотамии (рис. 3; 8—10). Большинство их выполнено на гончарном круге. Технологически выделяются группы с органическими (рубленая солома) и неорганическими (песок, известь, слюда, дресва) примесями в глиняном тесте, а иногда с сочетанием тех и других. Преобладающий цвет поверхности сосудов серый, для обработки ее характерны затертость и лощение, в отдельных случаях придающие ей «металлический» характер. Орнаментация редка и большей частью ограничивается резьбой, лишь изредка встречаются аппликации, а также роспись черной и красной краской. Размеры изделий варьируют от миниатюрных горшочков до громадных сосудов-хранилищ. Формы их в основном соответствуют типологии, разработанной ранее П. Делюгасом для района Диалы [7], а в значительно большей мере — детальной классификации керамики Телль Бдери, разработанной П. Пфельцнером [4, с. 259] В керамической коллекции, полученной в результате первых двух сезонов раскопок Телль Хазны I, могут быть выделены те же, что и в Телль Бдери, основные типы. Перечислим их и приведем самые краткие их характеристики.

Тип 1. Чаши — полусферические, с округлыми стенками, с круглым, острым, лишь в единичных случаях плоским дном. Внутри типа выделен ряд вариантов,

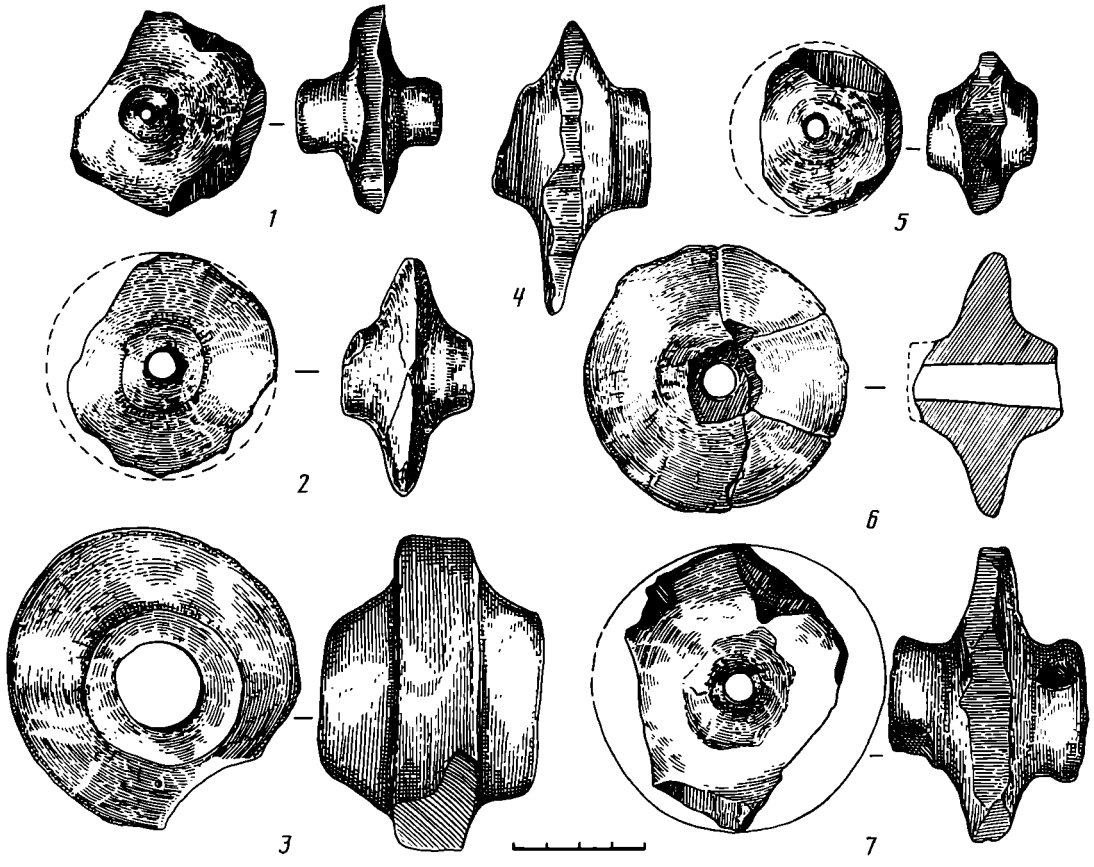


Рис. 11. Телль Хазна I. Глиняные модели колес

отличающихся по формам венчика (округлого, расширенного, уплощенного, заостренного и т. д.) (рис. 8)

Тип 2. Миски — глубокие, с прямыми, реже округлыми стенками и плоским дном и рядом вариантов венчиков (округлые, заостренные, затупленные и т. д.) (рис. 8).

Тип 3. Горшки — со сферическим, яйцевидным или грушевидным туловом, круглым, лишь в единичных случаях плоским дном, выделенной шейкой и широким низким горлом с отогнутым, реже прямым венчиком. Высота, как правило, превышает диаметр сосудов. Варианты выделены по формам горла и венчика (рис. 9).

Тип 4. Фляги — со сферическим, яйцевидным или грушевидным туловом, круглым дном, четко выделенной низкой или высокой шейкой, горлом, заметно уступающим по диаметру тулову сосуда, отогнутым венчиком. Варианты выделены по формам горла и венчика (рис. 9).

Отдельно должны быть отмечены пифосы — очень крупные толстостенные сосуды, повторяющие формы горшков и фляг (рис. 10), сита — миски и горшки с многочисленными отверстиями в стенках и дне, кольцевидные прямостенные подставки для сосудов, наконец, особые формы: прежде всего небольшие круглодонные горшочки для подвешивания с резко выступающими, вертикально или горизонтально просверленными налепами-ручками и косо срезанным отогнутым венчиком (рис. 3, *5*). Эта весьма специфичная форма также находит прямые аналогии в Телль Бдери, где определена П. Пфельцнером как «горшок с клювовидным венчиком» и отнесена к аккадскому периоду [4, с. 27, рис. 21, *a—c*]

К особым формам должны быть отнесены и «чайники», подобные большому сосуду с носиком из погребения 6. Фрагменты их неоднократно встречены в слое. Как уже отмечалось выше, эта форма известна в аккадских памятниках севера

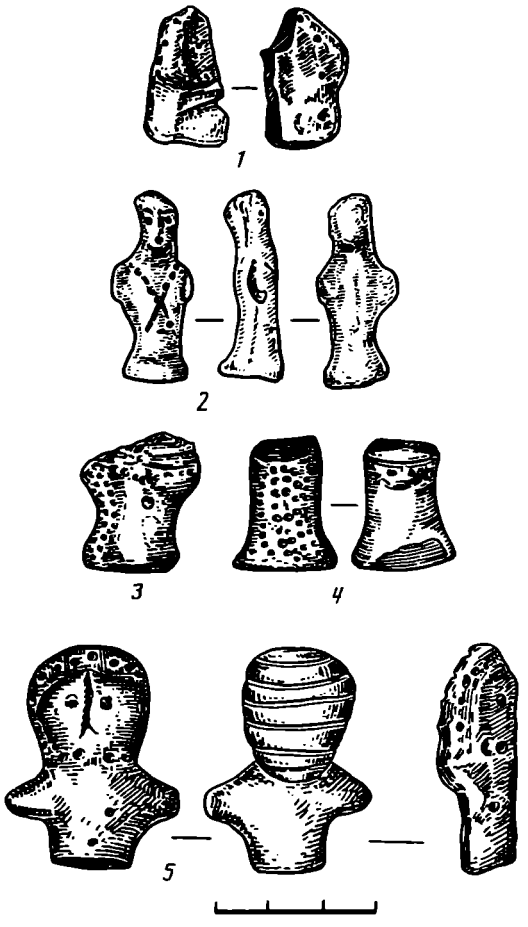


Рис. 12. Телль Хазна I. Глиняная антропоморфная пластика

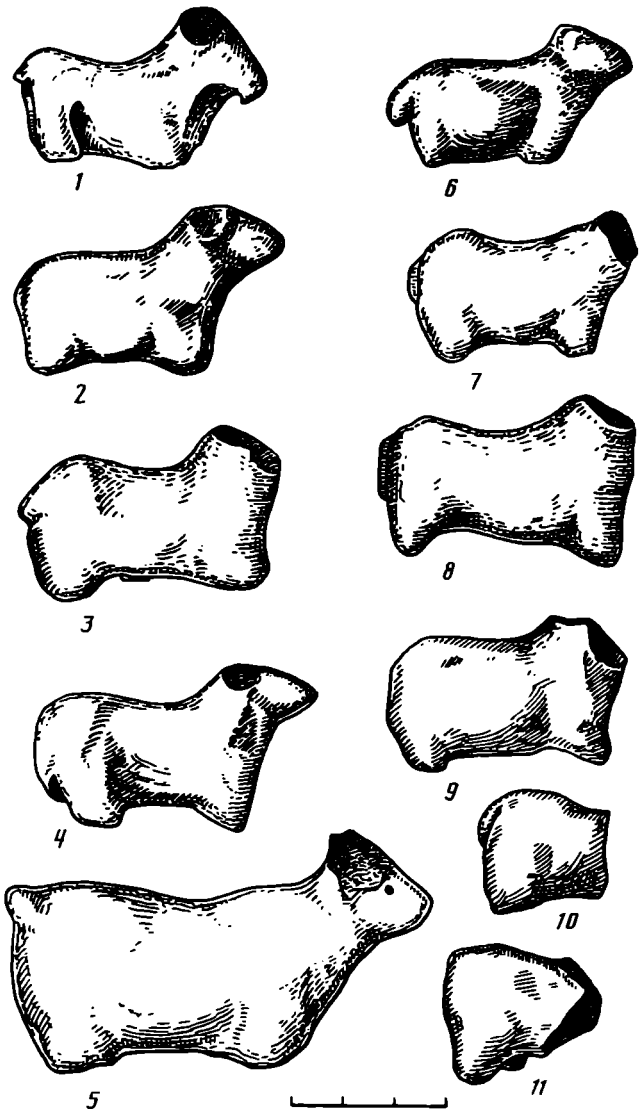


Рис. 13. Телль Хазна I. Глиняные зооморфные фигурки

и юга Месопотамии. Дважды встречены фрагменты ножек высоких чаш — так называемых «ваз для шампанского» (рис. 3, *3, 8*), распространенных в последней четверти III тысячелетия и известных, в частности, по находкам в «цистовых» погребениях Каркемиша [13, с. 224]. Наконец, отметим находки миниатюрных сосудов — круглодонных горшочков, высота и диаметр которых не превышает 3 см (рис. 3, *4, 6*)

Резной орнамент встречен на сосудах различных типов: крупных мисках, горшках, флягах, даже пифосах. Он нанесен острым и достаточно широким инструментом. Композиции ограничиваются линейным и волнистым орнаментом, треугольниками, зигзагом, отдельными группами пересекающихся линий, точками. Роспись красной и черной красками представлена на горшках и флягах, один из основных мотивов ее — решетка. Иногда роспись двухцветная: густая черная решетка перекрыта более редкой красной. На отдельных сосудах отмечены знаки в виде креста, косого креста, трезубца и т. п., также нанесенные резцом или штампом. Аппликации чрезвычайно редки и ограничиваются дуговидными налепами или «язычковыми» ручками.

Наряду с основной массой круговой керамики в слое встречены и фрагменты лепных сосудов. Лепным был и сосуд, внутри которого находился детский

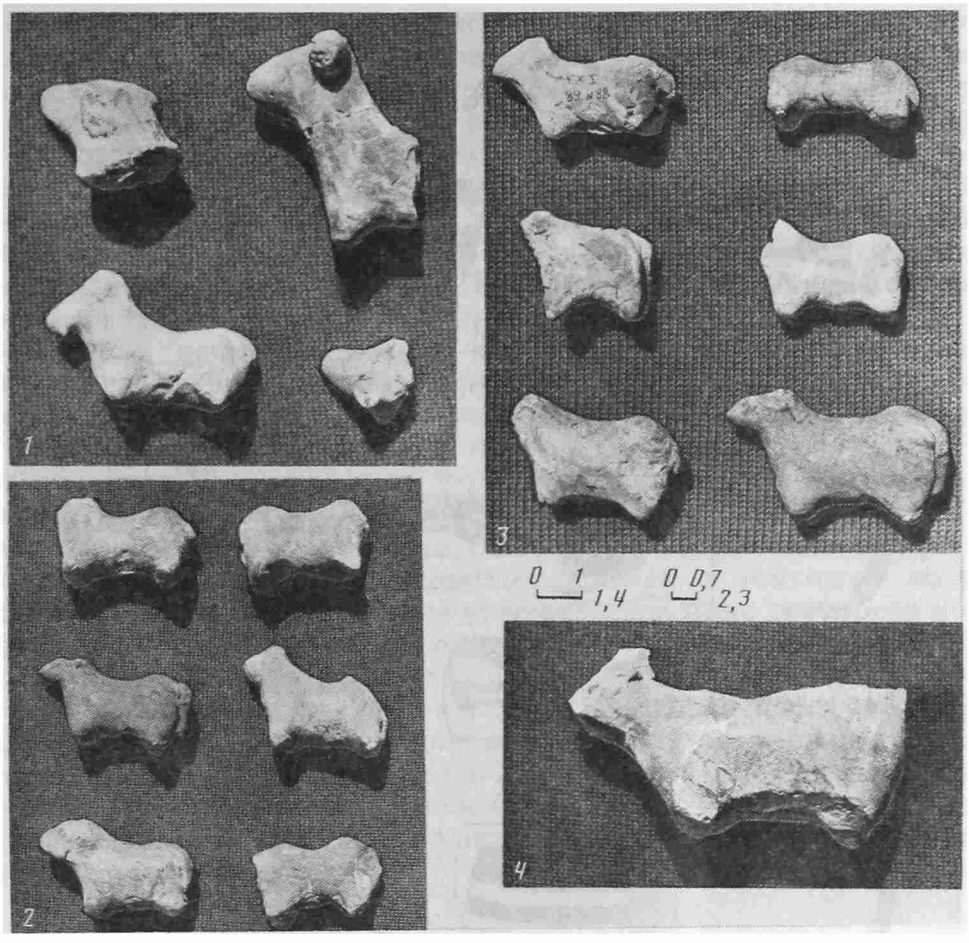


Рис. 14. Телль Хазна I. Глиняные зооморфные фигурки

костяк погребения 2,— не исключено, что он изготовлен специально как погребальная урна. В целом же технологический и типологический анализ массового керамического материала Телль Хазны I, в том числе и подсчет соотношения круговых и лепных сосудов на конкретных участках и уровнях, еще предстоит. Он крайне важен, в частности, для определения керамических комплексов раннединастического III и аккадского периодов, поскольку между ними наблюдается безусловная преемственность основных форм, приемов оформления поверхности, орнаментации [12, с. 165] И только статистический анализ технологических показателей, пропорций и типологических деталей сосудов сможет обусловить разделение соответствующих слоев, что достаточно убедительно выполнено П. Пфельцнером на материалах Телль Бдери [4, с. 370]

Помимо сосудов в культурном слое Телль Хазны I найдены другие глиняные изделия, в том числе конические пряслица, дисковидные и шаровидные просверленные грузила, печные заглушки, спиральные бусы, крупные цилиндрические подвески, модели колес с одной или двумя ступицами (рис. 11). Последние представляют довольно значительную серию из 12 разновеликих экземпляров. Диаметр их колеблется от 2,7 до 14 см. Подобные изделия также хорошо известны в различных районах Месопотамии в III раннединастическом и аккадском периодах [15, табл. 210, *13, 14,* 236, *34*]

Наконец, значительный интерес представляет коллекция глиняной пластики из слоя Телль Хазны указанных периодов. Она включает 6 антропоморфных и около 60 зооморфных статуэток. Антропоморфные фигурки стоячие, с расширенной и уплощенной базой, моделированными руками или расширениями на их месте, цилиндрической или круглой головой и намеченными резьбой и наколами лицом, волосами, ожерельями (рис. 12). Размеры их резко колеблются (высота от 3,3 до 7,5 см).

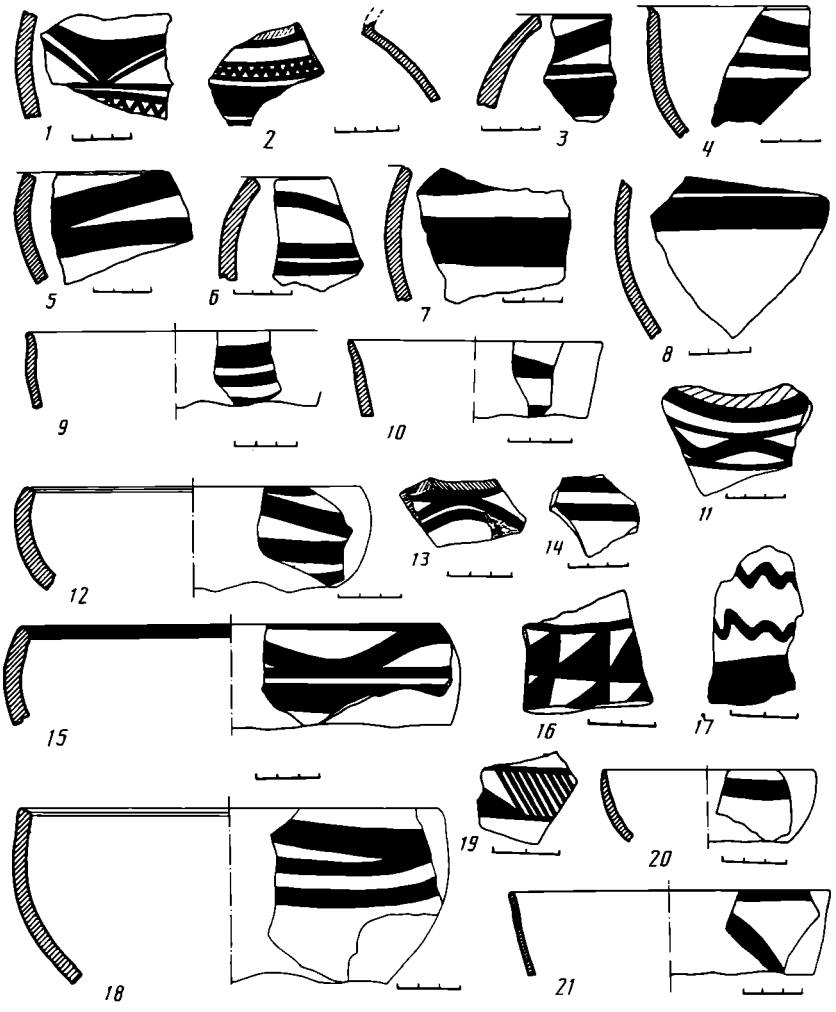


Рис. 15. Телль Хазна I. Образцы расписной керамики убейдской культуры

Зооморфные фигурки иногда обнаруживаются целыми скоплениями. Так, в небольшом заполненном золой помещении № 42, как отмечалось выше, найдено 40 таких изделий, а в смежном помещении № 56 — 6 фигурок и т д. Все фигурки выполнены в реалистической манере (рис. 13, 14) В ряде случаев характерная моделировка рогов и хвоста позволяет видеть в фигурках изображения баранов. Идентификация прочих статуэток требует еще специального анализа. В целом же зооморфная пластика продолжает здесь длительную традицию, начавшуюся еще в халафской культуре и ярко представленную в убейдском слое поселения Ярым-Тепе III, исследованного советской экспедицией в Северо-Западном Ираке [19, рис. 10, *6—10*] Обратим внимание на специфические фигурки рогатых животных с длинной шеей, находящие аналогии в VI слое Тепе Гавры [8, табл. XXXVI, *7*]

Органические остатки представлены в слое Телль Хазны I костями домашних животных, прежде всего коров и овец. Значительная часть их найдена в разновременных ямах, что затрудняет хронологическое определение. В одной из ям найден скелет болотной птицы. Внутри некоторых помещений (в том числе в зольном заполнении упоминавшихся выше помещений № 42 и 56) отмечены скопления зерна, прежде всего ячменя.

Суммируя приведенные выше данные, еще раз подчеркнем значительную информативность и в то же время не меньшую сложность Телль Хазны I. Террасообразное расположение построек обусловило необычную стратиграфию памятника со спускающимися по склонам слоями и взаимосвязанными, входящи-

ми в единые комплексы конструкциями на резко различных уровнях. Сочетание мощных оборонительных и опорных стен с обширными вымощенными кирпичом площадками, производственными комплексами, системами массивных помещений и погребениями в последних, при очень скупо представленных бытовых остатках, не позволяет считать памятник обычным поселением. Вопрос о его характере сможет быть разрешен лишь в процессе дальнейших раскопок. Что касается хронологии исследуемого слоя Телль Хазны I, то рассмотренные показатели стратиграфии и основных категорий находок свидетельствуют о принадлежности его к раннединастическому II—III и аккадскому периодам по месопотамской шкале и к фазе I по шкале Амука, т. е. ко второй половине III тыс. до н. э.

Вместе с тем значительное число выброшенных из перекопов фрагментов сосудов убейдского (рис. 15) и раннеурукского типа, а также ку ьтуры Ниневия V свидетельствует о наличии остатков поселений этих периодов, охватывающих IV — первую половину III тыс. до н. э., в глубинных слоях телля. Это еще более увеличивает перспективность его исследований, которые будут продолжены в последующие сезоны.

Наряду с основными работами на Телль Хазне I экспедиция совершила ряд разведывательных маршрутов в смежных районах, в том числе по течению Джак-Джака и вади Ханзир. В ходе этих разведок было осмотрено несколько десятков теллей, скопление которых в этой части Сирии отличается особой плотностью. Зафиксированы свидетельства ранних периодов начиная с VI и V тыс. до н. э. (керамика типа Телль Сотто и Телль Халафа). Но почти все обследованные телли содержат большие слои, аналогичные по характеру материала охарактеризованному выше слою Телль Хазны I, что позволяет говорить о весьма значительном масштабе заселения Северо-Восточной Сирии в раннединастическом и аккадском периодах, об активности и многообразии протекавшего здесь исторического процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.: Наука, 1981.
2. *Бадер Н. О.* Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука, 1989.
3. *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О., Большаков О. Г.* Работы советской археологической экспедиции в Сирии (первые результаты) // ВДИ. 1989. № 1.
4. *Pfalzner P.* Tell Bderi 1985. Bericht über die erste Kampagne // Damaszener Mitteilungen. 1988. B. 3.
5. *Lebeau M.* Tell Melebiya // Accadica. 1985. 45; Accadica. 1986. 46.
6. *Pecorella P. E., Salvini M.* Tell Barri-Kahat I. Rome, 1982.
7. *Delougas P* Pottery from Diyala Region. Philadelphia, 1952.
8. *Speiser E. A.* Excavations of Tepe Gavra. Philadelphia, 1935.
9. *Wooley C. L.* Ur Excavations. V II. The Royal Cemetery. L. 1934.
10. *Mallowan M. E. L.* Excavations at Tall Chagar Bazar and an Archaeological Survey of the Habur Region, 1934—1935// Iraq. V III. L., 1936.
11. *Mallowan M. E. L.* Excavations at Brak and Chagar Bazar // Iraq. V IX. L., 1947.
12. *Porada E.* The Relative Chronology of Mesopotamia. Pt 1. Seals and Trade (600—1600 B. C.) // Chronologies in Old World Archaeology. Chicago; London, 1965.
13. *Hogarth D. G., Campbell-Thompson R., Wolley L.* Carchemish. Pt III. L., 1952.
14. *Deshayes J* Les outuls de bronze de L'Indus au Danube. V II. P., 1960.
15. *Muller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. B. III. T. 3. München, 1974.
16. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
17. *Mallowan M. E. L.* The excavations at Tall Chagar Bazar and an Archaeological Survey of the Habur Region. Second campaign, 1936 // Iraq. V IV L., 1937
18. *Perkins A.* The Relative Chronology of Mesopotamia // Relative Chronologies in Old World Archaeology. Chicago, 1954.
19. *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Убейдское поселение Ярым-Тепе III в Северной Месопотамии // СА. 1982. № 4.

R. M . MUNCHAEV, N. Y. MERPERT, N. O. BADER

TELL HASNA I (SOVIET EXPEDITION IN NORTH-EASTERN SYRIA IN 1988—1989)

Summary

In ancient time Syrian territory made an inalienable and highly specific part of the Oriental cultural area. Studies here can provide a key to many problems of ancient history, the most important of which are the origins of producing economy and formation of the early states and civilisations. The Soviet archaeological expedition launched its wide-scale studies in north-eastern Syria in spring 1988. This was a direct continuation of the similar studies in the neighbouring regions of Iraq in 1969—1980 that produced significant results. A tell near the village of Hasna (that we called Tell Hasna) at the city of Hasseke was selected as the main object. It was 17 m high and 250 m in diametre. Random finds included pottery fragments of several periods: the Ubaid (late fifth-early fourth millenia B. C.), ED II—III (first-third quarter of the third millennium B. C.), Uruk (fourth millennium B. C.) and Akkadian (fourth quarter of the third millennium B. C.). In two seasons the expedition stripped more than 15000 sq m to the depth of from 1 to 6 m. The greater part of the investigated layer belongs to the ED and Akkadian periods with their fairly complicated fortifications and, probably, temple-palace complex, that occupied a series of terraces. We have found a large two-tier pottery kiln and a number of child and adult burials inside buildings. The dead were posed in a contracted position; the burials sometimes contained bronze tools (axes, chisels, knives and pins) and stone ornaments made of crystal and cornelian (typical of the latter half of the third millennium B. C.). This period is associated with a fairly large pottery collections (mainly of the ED III and Akkadian periods) and anthropomorphic and numerous zoomorphic figurines. A considerable number of shards of these periods testifies that deeper in the tell there can be found remnants of a settlement.

Д. А. КРАЙНОВ, Г. И. ЗАЙЦЕВА, А. В. УТКИН

СТРАТИГРАФИЯ И АБСОЛЮТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ СТОЯНКИ ИВАНОВСКОЕ III

Стоянка Ивановское III находится на Ивановском болоте в Переславском р-не Ярославской обл., в 5 км к юго-востоку от одноименного поселка (рис. 1).

Остатки древнего поселения были обнаружены в начале 60-х годов при осушительных работах на торфянике. Первые немногочисленные обломки неолитической посуды и орудия из камня и кости встречены рабочими в выбросах из валовой канавы, проложенной между 13-й и 14-й фрезерными площадками. Летом 1965 г. в 2-метровой толще торфа при прокладке отводной канавы от шестой насосной станции были вновь найдены древние предметы.

В 1966 г. стоянку обследовали А. Л. Никитин, Н. А. Хотинский и А. М. Микляев, которые установили многослойный характер памятника [1] В 1972 г. Верхневолжской экспедицией ИА АН СССР под руководством Д. А. Крайнова на стоянке впервые были проведены раскопки широкой площадью, главным результатом которых являлось открытие новой ранненеолитической верхневолжской культуры [2, 3] В 1973, 1974, 1981, 1984 и 1986 гг. исследования поселения были продолжены [4—8].

Стоянка Ивановское III расположена на юго-восточном мысу бугра, возвышающегося на 3 м над уровнем торфа в болоте. По своему происхождению бугор является остатком моренного холма, сложенного из песков, склоны которого перекрыты слоями глины и торфа. Вершина холма разрушена небольшим карьером.

Поселение вытянуто с северо-востока на юго-запад. Его приблизительная площадь около 4—4,5 тыс. м^2 Северо-восточная окраина стояки уничтожена валовой канавой, проходящей с севера на юг через восточную оконечность бугра. Ширина канавы 10 м. Под углом к ней по юго-восточному склону холма прорыта отводная канава шириной 4—5 м. Последняя разделила стоянку вдоль на две примерно равные половины — суходольную и болотную (рис. 2)

В течение шести полевых сезонов на стоянке вскрыто 350 м^2 (из них 293 м^2— на торфянике), собрана большая коллекция археологических находок и остеологических материалов, изучена литология болотных отложений и стратиграфия культурных слоев, составлена серия спорово-пыльцевых диаграмм и проведено массовое радиоуглеродное датирование. Некоторые результаты раскопок, главным образом 1972—1974 гг., относящиеся к верхневолжской культуре, опубликованы [9—13] [1]

В настоящей заметке рассматриваются только радиоуглеродные даты. Но прежде чем перейти к их анализу, еще раз остановимся на стратиграфии стоянки и краткой характеристике культурных слоев с учетом новых данных, полученных при раскопках 1981 и 1986 гг.

В 1981 г. в раскопе I по юго-восточной стенке квадрата 2 была зафиксиро-

[1] В докладе, посвященном абсолютной хронологии [13], допущена неточность: дата 4460 ± 50 (Ле-1981) получена по образцу со стоянки Ивановское II, а не со стоянки Ивановское III.

© Д. А. Крайнов, Г И. Зайцева, А. В. Уткин, 1990 г.

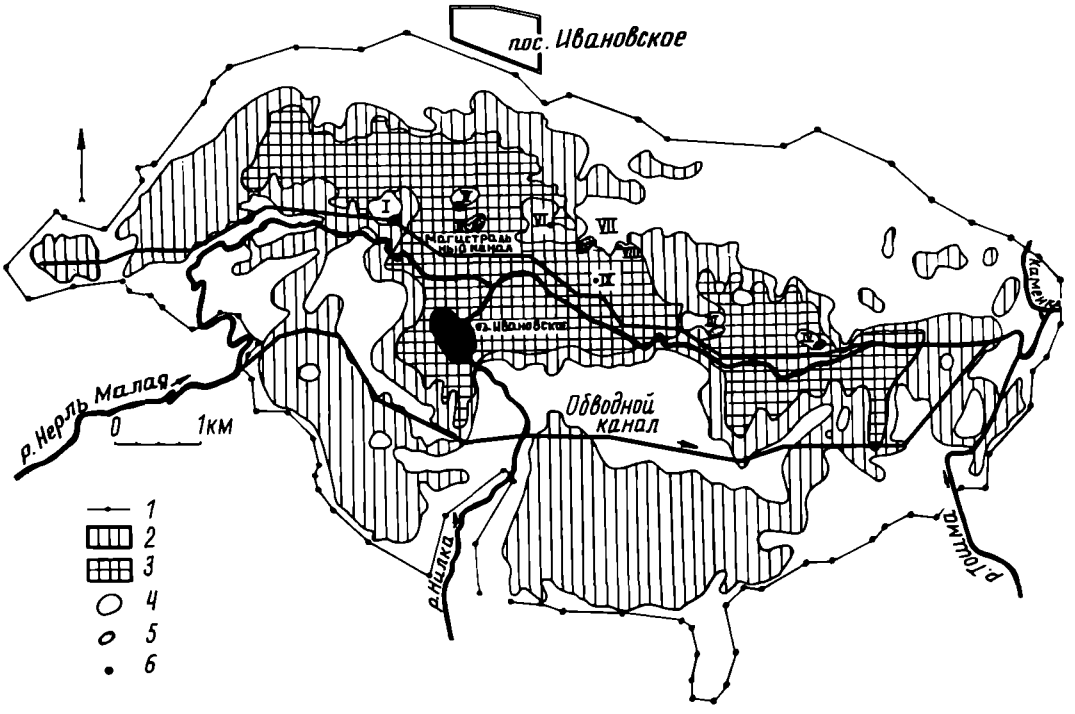


Рис. 1. Схематический план Ивановского болота и расположение стоянок. *1* — граница торфопредприятия; *2* — торф; *3* — сапропель; *4* — суходолы; *5* — стоянки; *6* — разрушенные стоянки

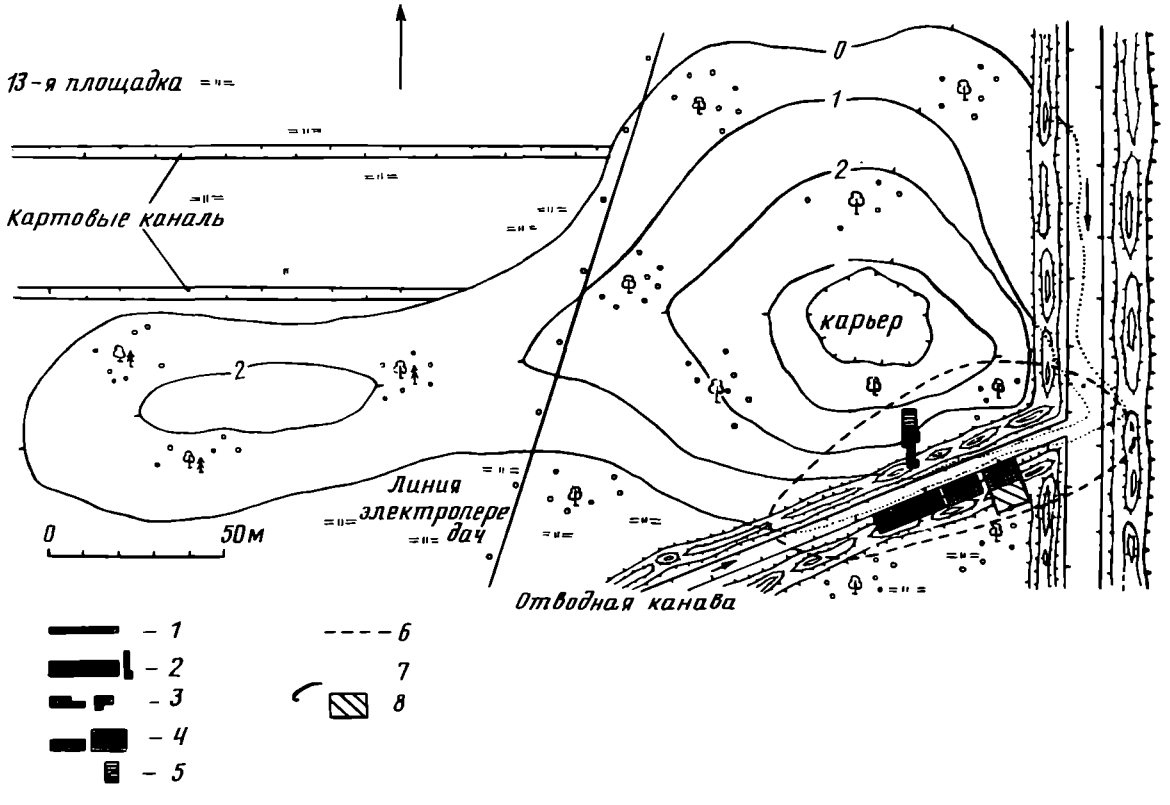


Рис. 2. Схематический план стоянки Ивановское III и раскопов. *1* — раскоп 1972 г.; *2* — 1973 г *3* — 1974 г.; *4* — 1981 г.; *5* — 1984 г.; *6* — приблизительные границы стоянки; *7* — уничтоженные канавами контуры рельефа; *8* — 1968 г.

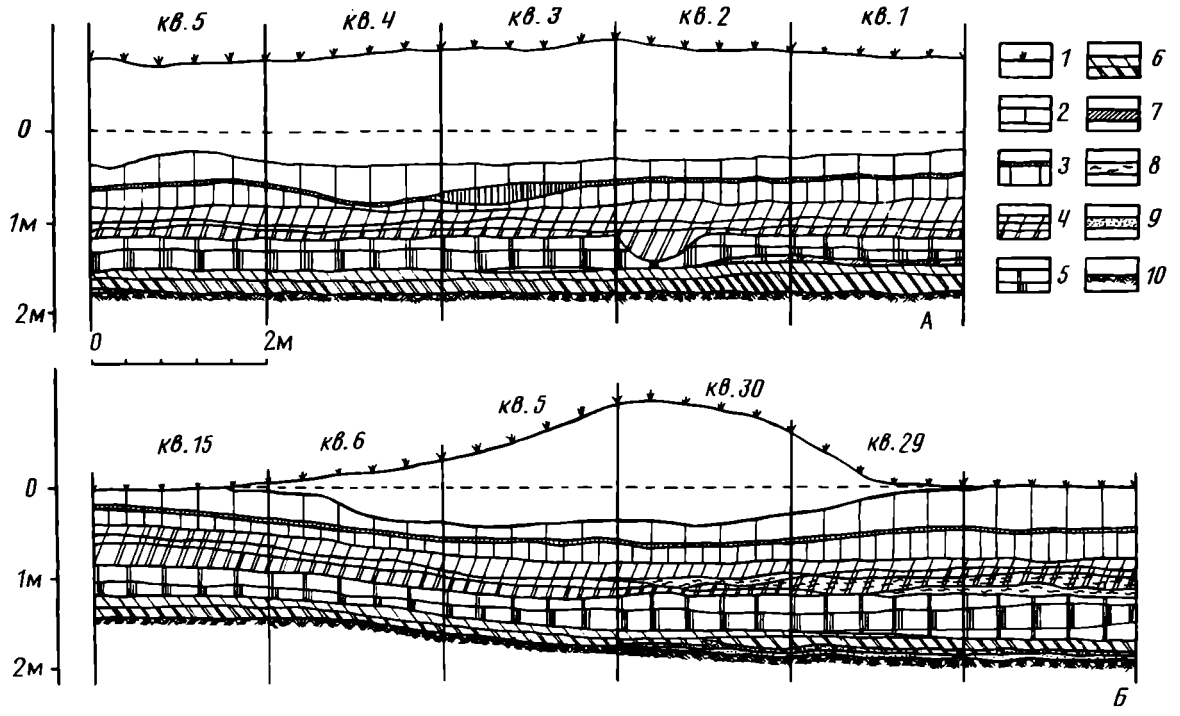


Рис. 3. Профили юго-восточной (*А*) и северо-восточной (*Б*) стенок раскопа I 1981 и 1986 гг. *1* — наброс из отводной канавы 1965 г.; *2* — осоковый торф; *3* — I культурный слой и древесный торф; *4* — ольховый торф и II культурный слой; *5* — ольхово-тростниковый торф и III культурный слой; *6* — древесно-тростниковый торф с песком и IV культурный слой; *7* — сапропель оторфованный; *8* — ольхово-вахтовый торф; *9* — песок; *10* — сизая глина (материк)

вана следующая стратиграфическая колонка (рис. 3) выше — 0—0,3 м — наброс из отводной канавы 1965 г., состоявший из смеси торфа, песка и лесного мусора с редкими находками эпохи мезолита и неолита;

0,3—0,58 м — осоковый торф светло-рыжего цвета, в основании его на глубине 0,54—0,58 м залегал I культурный слой;

0,58—0,9 м — древесный торф темно-рыжего цвета;

0,9—1,16 м — ольховый торф светло-коричневого цвета, в нем на глубине 1 м зафиксирована тонкая (2—3 см) темная торфянистая прослойка, а на глубине 1,04—1,16 м находился II культурный слой;

1,16—1,4 м — ольхово-тростниковый торф темно-коричневого цвета с примесью сапропеля, в нем на глубине 1,3—1,4 м залегал III культурный слой;

1,4—1,48 м — сапропель оторфованный свето-коричневого цвета, в нем продолжался III культурный слой;

1,48—1,77 м — древесно-тростниковый торф с песком темно-серого цвета, в его основании на глубине 1,62—1,77 м находился IV культурный слой;

1,77 м и ниже — сизая глина (материк).

Данная колонка в целом повторяет стратиграфию, зафиксированную в 70-е годы. Однако между ними есть и существенные различия. В раскопе I 1981 г. стерильные прослойки, разделявшие культурные слои, прослежены достаточно четко, тогда как в раскопах 1972—1974 гг. и частично в раскопе II 1981 г. они имели слабовыраженный характер или (на некоторых участках) отсутствовали полностью. Это объясняется частичным проседанием культурного слоя в глубь болотных отложений вследствие их сильной увлажненности и рыхлости, что отмечалось особенно в первые годы исследования памятника. Кроме того, в процессе раскопок выявлены локальные участки, на которых стратиграфия была нарушена антропогенными и природными факторами. Так, в раскопе 1973 г. в профиле стенки зафиксированы остатки двух неглубоких ям, по-видимому хозяйственного назначения, впущенных из поздненеолитического слоя в ранненеолитический и повредивших последний. Аналогичная яма неясных очертаний и размеров обнаружена в северо-западной части первого раскопа 1981 г., а в юго-восточной части расчищена яма с волосовским ритуальным

кладом, частично вклинившаяся в верхневолжский слой. И наконец, в юго-западной части раскопа 1974 г. и раскопа II 1981 г. на глубине 1,1—1,45 м находилась линза песка, в котором совместно залегали материалы раннего неолита и мезолита. Линза была ориентирована по длинной оси с севера на юг, т. е. от суходола в болото, ее максимальные размеры составляли 6,0×2,5 м при толщине 20—25 см. Природа образования линзы окончательно не выяснена, скорее всего это остатки несформировавшегося берегового вала древнего озера.

Культурные слои, заключенные в болотную толщу, как отмечалось ранее, разновременны и фиксируют различные этапы заселения человеком юго-восточного склона суходола в древности.

Первый слой относится к эпохе поздней бронзы. Он находился на границе осокового и древесного торфа. Мощность его составляла 2—4 см, доходя на некоторых участках, в основном в естественных западинах древней поверхности, до 10 см. Слой имел незначительный уклон в сторону болота и крайне слабую насыщенность культурными остатками, которые состояли из редких обломков ложнотекстильных сосудов, обожженных камней и кухонных отбросов. Кроме того, встречено несколько кремневых орудий и отщепов.

Второй слой залегал в основании ольхового торфа и частично в подстилающем его ольхово-тростниковом. Мощность слоя колебалась от 10 до 20 см. Он имел резко выраженный наклон от суходола в болото, который составлял примерно 5—6° Насыщенность его находками была достаточно плотная. Среди артефактов доминировала керамика. Типологически она представлена тремя культурно-хронологическими комплексами, перемешанными между собой: энеолитическим поздневолосовским, обломками посуды с гребенчато-ямчатым орнаментом (или протоволосовским, по Д. А. Крайнову) и льяловским позднего облика (керамика с редкоямочным и ямочно-гребенчатым орнаментом). Наблюдения над планиграфией второго слоя показали, что фрагменты льяловских сосудов доминировали на всей исследованной площади стоянки, большая часть протоволосовской керамики встречена в юго-западной части (раскоп 1972—1973 гг.), а поздневолосовской — в северо-восточном углу раскопа I 1981 г., где она была приурочена к тонкому (4—7 см) прослою ярко-рыжего горелого (?) торфа, лежавшему непосредственно на слое с поздненеолитическими материалами. Таким образом, в раскопе I 1981 г. на небольшом участке площадью 10—12 м^2 поздневолосовская керамика выделялась и стратиграфически. Следовательно, второй слой можно разделить на два условных горизонта: энеолитический (горизонт А) и поздненеолитический (горизонт Б)

В первые годы раскопок между поздне- и ранненеолитическим слоями был выделен еще и средненеолитический с незначительным количеством гребенчато-ямчатой и ямочно-гребенчатой керамики [9, 12], однако камеральное изучение материалов и сравнение их с материалами вышележащего второго слоя показало, что они типологически и морфологически однородны. Более же глубокое залегание части находок по отношению к основной массе культурных остатков второго слоя объясняется их проседанием в глубь рыхлых болотных отложений. Поэтому в дальнейшем материалы «средненеолитического» слоя мы относим ко второму слою (горизонт Б).

Третий культурный слой, относящийся к ранненеолитическому времени, залегал внизу ольхово-тростникового торфа и в оторфованном сапропеле. Мощность слоя колебалась от 15 до 40 см. Он, как и предыдущие культурные горизонты, имел незначительный уклон в сторону болота. Материальные остатки слоя представлены обломками верхневолжской керамики двух типов — с гребенчатым и тычково-накольчатым орнаментом, костяными и кремневыми (на отщепах и пластинках) орудиями, отходами производства и кухонными отбросами.

Четвертый слой был приурочен к низам опесоченного древесно-тростникового торфа и подстилающим пескам. Толщина его в северо-западной (присуходольной) части исследованных участков составляла 10 см, а по направле-

нию в болото увеличивалась до 25 см. Культурные остатки немногочисленны, но выразительны. Это небольшая серия миниатюрных скребков, главным образом на отщепах, резцы, редкие обломки ножевидных пластинок с обработкой по краям, тесла, веретенообразные и игловидные наконечники стрел из кости (кремневые отсутствуют), гарпуны, костяные оправы для вкладышей, «заострения под углом 45°», роговые топорики, муфты и пр. Типологически они датируются эпохой мезолита и относятся к кругу древностей позднебутовского культурного облика.

Уникальность стратиграфии болотной части стоянки Ивановское III и хорошая сохранность органогенных остатков в слоях позволили провести широкий отбор образцов торфа, древесного угля, обработанной и необработанной древесины и датировать их радиоуглеродным методом. Всего в разные годы в лабораториях Геологического института, Института географии и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР получена 51 радиоуглеродная дата. За основу их достоверности нами принято, с одной стороны, стратиграфическое и планиграфическое залегание датированных образцов, а с другой — логическое соответствие полученных дат основам уже разработанной абсолютной хронологии и палинологии мезолита, неолита и эпохи бронзы для лесной зоны Северо-Восточной Европы [14—19]

Анализ каждой даты в отдельности показал, что достоверными могут быть признаны лишь 33 даты (64,7%), прочие являются ошибочными (или сомнительными). К последним отнесены, во-первых, все даты, полученные по образцам, взятым в раскопе II 1981 г. из песчаной линзы и подстилающих ее слоев, где в древности была нарушена стратиграфия культурных отложений и поэтому привязка образцов к конкретным слоям немыслима [2]; во-вторых, датировки главным образом остатков деревянных кольев, стратиграфическое положение которых явно противоречит их «радиоуглеродному» возрасту [3]

Первый культурный слой по необработанной древесине, взятой с глубины 0,9—1,0 м из естественной западины древней поверхности, датируется 1370±40 (Ле-1939) г. до н. э. Ниже его залегал ольховый торф, в верхней части которого встречено много плохо разложившейся древесины, в том числе целых поваленных стволов деревьев. Дата одного из них — 1630±40 (Ле-1968) г. до н. э., т. е. лес на болоте погиб, по-видимому, во время резкого похолодания, начавшегося в позднесубореальный климатический период.

Для второго слоя получено четыре даты. Единственный образец из поздневолосовской прослойки датирован 1770±50 (Ле-1936) г. до н. э., а образцы из горизонта Б — 2780±70 (Ле-1971), 2850±250 (ГИН-241) и 3150±60 (Ле-1976) гг. до н. э. Последние даты можно уверенно считать позднельяловскими.

Третий ранненеолитический культурный слой имеет компактную серию радиоуглеродных дат в интервале с 3890±40 (Ле-1908) по 4590±70 (Ле-1935) г. до н. э.[4], а необработанная древесина из верхнего горизонта ольхово-тростникового торфа, отделявшего верхневолжский слой от предыдущего, датирована 3560±40 (Ле-1946) г. до н. э.

В 70-е годы для низа ранненеолитического слоя по сапропелю были получены три даты: 5060±70 (Ле-1250), 5550±70 (ИГАН-161) и 5550±110 (ИГАН-68) гг. до н. э. Столь «древний» возраст дат вызвал сомнение в отнесении их к

---

[2] 280±40 (Ле-1933), 870±40 (Ле-1969), 940±40 (Ле-1966), 2440±60 (Ле-1975), 2610±50 (Ле-1907), 2890±40 (Ле-1938), 3330±60 (Ле-1910), 4980±80 (Ле-1904), 4910±70 (Ле-1911), 5150±80 (Ле-1972) и 6480±80 (Ле-1905) гг. до н. э.

[3] 3490±40 (ИГАН-70), 2250±50 (Ле-1937), 5520±80 (Ле-1912), 4740±70 (Ле-1913), 4110±70 (Ле-1947), 1530±40 (Ле-1967) и 4620±80 (Ле-1970) гг. до н. э.

[4] 3890±40 (Ле-1908), 4140±70 (Ле-1249), 4200±60 (ИГАН-69), 4260±60 (Ле-3094), 4350±40 (ИГАН-160), 4400±70 (Ле-3097), 4410±80 (Ле-1978), 4420±70 (Ле-1973), 4450±50 (ИГАН-71) и 4590±70 (Ле-1935) гг. до н. э.

раннему неолиту и было высказано предположение, что «верхневолжский культурный слой несколько просел в глубь рыхлых сапропелей и переместился таким образом в отложения более древнего возраста по сравнению с собственным» [12, с. 105] Правильность этого предположения подтвердили наблюдения над стратиграфией находок в слое, их статистические подсчеты (основная масса залегала в верхнем горизонте слоя, а внизу зафиксированы лишь единичные предметы) и радиоуглеродные датировки четвертого культурного слоя. Образцы древесины и угля, отобранные в 1981 г. из хорошо стратифицированных участков мезолитического слоя, были датированы 5030±80 (Ле-1949), 5680±40 (Ле-1980), 5560±80 (Ле-1979), 5450±80 (Ле-1934), 5360±80 (Ле-1983) и 4950±80 (Ле-1948) гг до н. э. Аналогичная дата — 5360±70 (Ле-3095) г. до н. э.— получена в 1986 г. Таким образом, «древние верхневолжские» даты из раскопок 1973 г. следует отнести к четвертому, мезолитическому слою, который в целом датируется 4950±80—5680±40 гг. до н. э.

Ниже этого слоя залегал опесоченный торф, отложившийся в предбореальном и бореальном периодах. Для его верхних горизонтов получено четыре даты: 6180±80 (Ле-3098), 6420±50 (ИГАН-80), 6900±700 (ГИН-242) и 6950±100 (ИГАН-81) гг. до н. э., и две — для нижних: 8150±100 (Ле-3096) и 8260±100 (Ле-3099) гг до н. э.

Итак, на основании радиоуглеродных датировок выяснена следующая абсолютная хронология культурных отложений на присуходольной части стоянки Ивановское III. Мезолитический слой относится ко второй четверти VI — рубежу VI—V тыс. до н. э.; ранненеолитический — ко второй половине V — началу IV тыс. до н. э. Хронологический «разрыв» между ними, как видим, минимальный, около 350 лет, что чрезвычайно важно. Высказанное в свое время предположение о формировании верхневолжской культуры на базе местного мезолита позднебутовского облика и доказанное на основе типологии кремневых и отчасти костяных орудий теперь подтверждается и радиоуглеродными датировками.

Поздненеолитический горизонт Б второго культурного слоя датирован концом IV — первой половиной III тыс. до н. э., а отсутствие раннельяловских отложений, которые логически должны были бы быть между III и II слоями, хорошо маркируется прослойкой «чистого» ольхового торфа, относящегося, судя по одному датированному образцу, к первой половине IV тыс. до н. э.

Энеолитический горизонт А второго слоя и первый культурный слой отложились в болотной толще соответственно около первой половины и конца II тыс. до н. э.

И наконец, самые поздние находки на стоянке Ивановское III относятся уже к историческому времени. Это обломки древнерусских круговых горшков XII—XIII вв., встреченных при раскопках суходольной части памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Нейштадт М. И., Завельский Ф. С., Микляев А. М., Хотинский Н. А.* Комплекс стоянок мезолита и неолита на болотах Берендеево и Ивановское в Ярославской области // Голоцен. М.: Наука, 1969.
2. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Молодцова Е. М., Урбан Ю. Н.* Древнейшая ранненеолитическая культура Верхнего Поволжья // Вестн. АН СССР. 1973. № 5.
3. *Крайнов Д. А.* Исследования Верхневолжской экспедиции // АО — 1972. М., 1973.
4. *Крайнов Д. А.* Результаты работ Верхневолжской экспедиции // АО — 1973. М., 1974.
5. *Крайнов Д. А.* Работы Верхневолжской экспедиции // АО — 1974. М., 1975.
6. *Крайнов Д. А.* Результаты работ Верхневолжской экспедиции // АО — 1981. М., 1982.
7. *Уткин А. В.* Исследования на Ивановском торфянике // АО — 1984. М., 1986.
8. *Крайнов Д. А.* Исследования Верхневолжской экспедиции в Ярославской области // АО — 1986. М., 1988.
9. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА. 1977 № 3.
10. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Природа и неолитический человек Русской равнины в свете новых археологических открытий // Природа. 1978. № 5.

11. *Завельский Ф. С., Марков Ю. А., Романова Е. Н., Хотинский Н. А.* Определение возраста нижней границы неолита Центра Русской равнины // Геохронология четвертичного периода. М.: Наука, 1980.
12. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Ивановские стоянки — комплекс мезо- и неолитических озерно-болотных поселений в Волго-Окском междуречье // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М.: Наука, 1984.
13. *Крайнов Д. А., Зайцева Г И., Марков Ю. Н.* Абсолютная хронология неолитических памятников Верхней Волги // Геохронология четвертичного периода (Тезисы докладов Всесоюзной конференции). Таллинн, 1985.
14. *Тимофеев В. И., Романова Е. Н., Маланова Н. С., Свеженцев Ю. С.* Радиоуглеродные датировки неолитических памятников СССР // КСИА. 1978. Вып. 153.
15. *Крайнов Д. А.* Хронологические рамки Верхнего Поволжья // КСИА. 1978. Вып. 153.
16. *Хотинский Н. А., Гуман М. А., Романова Е. Н., Маланова Н. С., Свеженцев Ю. С.* Палинологические и радиоуглеродные датировки Языковских стоянок в Калининской области // КСИА. 1978. Вып. 153.
17. *Хотинский Н. А.* Палеографические основы датировки и периодизации неолита лесной зоны европейской части СССР // КСИА. 1978. Вып. 153.
18. *Лозе И. А., Лийва А. А., Стелле В. Я., Эберхардс Г Я., Якубовская И. Я.* Звидзе — многослойное поселение эпох мезолита и неолита на Лубанской низине (Латвийская ССР) // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М.: Наука, 1984.
19. *Загоркис Ф. А., Эберхардс Г Я., Стелле В. Я., Якубовская И. Я.* Оса — многослойное поселение эпохи мезолита и неолита на Лубанской низине (Латвийская ССР) // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М. Наука, 1984.

D. A. KRAINOV, G. I. ZAITSEVA, A. V. UTKIN

STRATIGRAPHY AND ABSOLUTE CHRONOLOGY OF THE IVANOVSKOE III CAMP

Summary

The authors provide an analysis of studies of the multilayer Ivanovskoe III camp that lasted many years. They offer a critical approach to its stratigraphy and absolute datings of its levels. The samples from all levels gave 51 C14 dates. An analysis of a series of reliable dates produced the following absolute chronology for the cultural levels of the camp's dry part: the Mesolithic level is related to the second quarter of the fourth and the turn of the fifth millennium B. C.; the Early Neolithic to the second half of the fifth and early fourth millennium B. C.; the clean peat stratum that covered these two levels is dated to the first half of the fourth millennium B. C. and corresponds to the early Lyalovo times. The Late Neolithic of the pit-comb culture is dated to the late fourth and the first half of the third millennium B. C. The Eneolithic cultural remains (late Volosovo) are dated to the first half of the second millennium B. C. Netted pottery was typical of the second half of the second millennium B. C. The missing links in the cultural succession can be supplied by the dates from other camps of the Ivanovskoe peat moor (Ivanovskoe I, II, IV, V, VII).

В. С. БУЗИН

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ИСТОЧНИК СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Волосовская культура, исследование памятников которой началось еще в дореволюционное время, довольно долго рассматривалась как чисто неолитическая, что и отразилось в названии сводной работы И. К. Цветковой, вышедшей в 1953 г.: «Волосовские неолитические племена» [1, с. 18—52] Последующие исследования уточнили ее эпохальную принадлежность. Находки металлических изделий и следы металлообработки дали основание датировать культуру энеолитическим временем [2, с. 10—28] Как и для большинства других культур неолита — энеолита лесной зоны Европейской части СССР, наиболее изученной категорией ее памятников являются поселения, на многих из них обнаружены жилые сооружения. Значительное количество последних позволяет не только охарактеризовать домостроительство волосовцев, но и использовать их как источник для реконструкции общественных отношений.

Первые волосовские жилища были раскопаны В. А. Городцовым еще в дореволюционное время на эпонимном памятнике [3, с. 43—45] В 20-х годах им же было вскрыто жилище на Панфиловской стоянке [4, с. 3—9]. При вскрытии жилищ он применял метод «выкружки», который, по мнению О. Н. Бадера, не позволял правильно установить их форму в плане. В. А. Городцов определил ее как округлую, в то время как впоследствии на тех же стоянках Б. С. Жуковым и Е. И. Горюновой были обнаружены жилища иной — прямоугольной формы [5, с. 26—28] Сомнения О. Н. Бадера подтвердились еще раз, когда Л. В. Кольцов, доследуя жилище, не полностью вскрытое В. А. Городцовым на Галичской стоянке, установил его прямоугольную, а не округлую, как считал первый исследователь, форму [6, с. 63]. Очевидно, прямоугольными были и городцовские жилища Волосовской и Панфиловской стоянок, хотя установить сейчас это невозможно, поэтому и материалы этих раскопок в данной работе не используются.

Основное количество волосовских жилищ было обнаружено в послевоенное время в Волго-Окском бассейне работами главным образом И. К. Цветковой и Д. А. Крайнова, не территории Среднего Поволжья — А. Х. Халиковым, Г А. Архиповым, В. В. Никитиным и другими исследователями. Эти работы подтвердили типичность прямоугольной формы волосовских жилищ и установили другие характерные их особенности: углубленный характер, большие размеры, зачастую наличие переходов между ними, существование на поселении, как правило, нескольких жилищ.

В работе использовались материалы по наиболее полно опубликованным жилищам волосовских поселений Володары [7], Подборица-Щербининская [8], Вашутинское [9], Панфиловское (раскопки Е. И. Горюновой) [10, с. 133—136], Сахтыш VIII [11] — в Волго-Окском междуречье и Ахмыловское II [12], Уржумкинское [13], Юринское поселение [14, с. 93, 94], Юринская стоянка [14, с. 96—98], Майданское [15, с. 130; 16; 17, с. 47], Кокшайское IV [14, с. 90, 91], Руткинское [18], Мазарское I [19], Выжумское [20], Баркужерское III [21] — в Среднем Поволжье. Кроме того, для статистических подсчетов использова-

© В. С. Бузин, 1990 г.

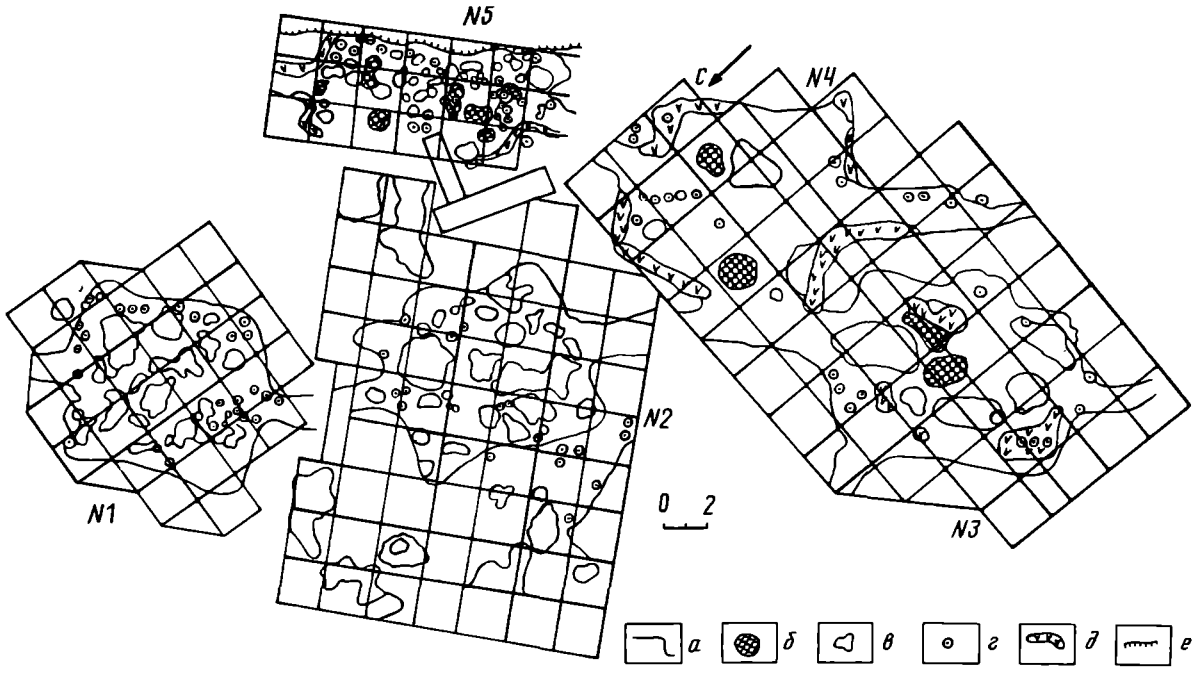


Рис. 1. Жилища Майданской стоянки (по В. В. Никитину). *а* — контуры жилищ; *б* — очаги; *в* — хозяйственные ямы; *г* — столбовые ямки; *д* — гумусные и углистые полосы; *е* — границы разрушения культурного слоя

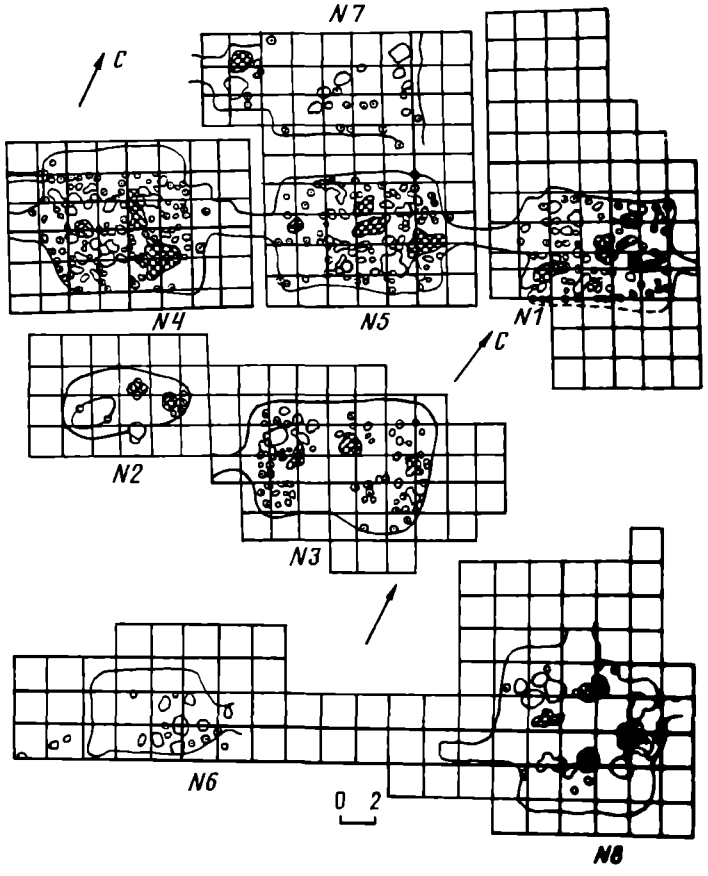


Рис. 2. Ахмыловское II поселение (по В. В. Никитину)

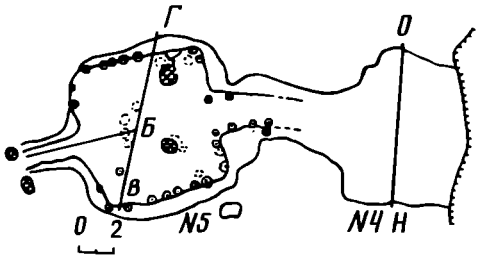


Рис. 3. Жилища Панфиловской стоянки (по Е. И. Горюновой)

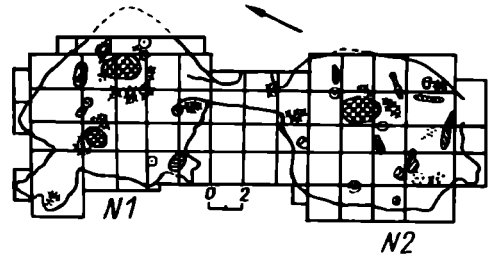


Рис. 4. Жилища стоянки Володары (по И. К. Цветковой)

лись данные по жилищам, публикация которых неполна, но размеры которых или площадь указывались: Заречье I [22, 23], Стрелка I [2, с. 15], Сахтыш I (жил. 4-го гор.) [2, с. 15], Сахтыш VIII (раскопки 1977 г.) [2, с. 15, 16], Майданское II, Майданское III, Майданское IV [24], Красномостовское III [25]

Почти все волосовские жилища имели прямоугольную форму; следы их конструкций, во многих случаях довольно хорошо сохранившиеся, дают возможность восстановить их внешний вид и внутреннее устройство. Видимо, практически все они были углубленного типа. Правда, о некоторых сообщается как о наземных, но если приводится подробное описание, то из него становится ясно, что под таковыми имеются в виду жилища, слабо углубленные в землю — на 10—20 см. Углубленность жилищ требовала предохранения их стенок от осыпания, и в процессе раскопок волосовских жилищ довольно часто обнаруживают темные гумусные или углистые полосы вдоль стен котлованов — следы деревянных креплений стен. Обычно четко прослеживаются столбовые ямки. Подмечены закономерности их расположения — цепочкой вдоль центральной оси жилища: видимо, эти столбы поддерживали продольную балку перекрытия, скорее всего двухскатного (Майданское, жил. № 4 — рис. 1; Ахмыловское II, жил. № 1,5 — рис. 2, и др.). Очень часто столбовые ямки располагаются вдоль стен котлованов на небольшом удалении от них в линию (Панфилово, жил. № 5 — рис. 3; Ахмыловское II, жил. № 1, 4,7 и др.). А. Х. Халиков интерпретирует их как следы вертикальных столбов, прижимавших венцы срубного каркаса к стенам котлована [15, с. 164]. Необходимость таких стояков, очевидно, обуславливалась тем, что строители волосовских жилищ не знали способов крепления бревен в углах сруба: «в лапу», «в простой угол», «в замок», «в чащу», «в обло» и т. д. В противном случае надобность в вертикальных столбах отпала бы. Если при этом учесть, что ямки от вертикальных столбов прослеживаются почти исключительно внутри котлованов жилищ, то можно сделать вывод, что стены срубов не поднимались выше уровня поверхности земли. Иначе их нужно было бы поддерживать стояками и с внешней стороны, а следов таковых не обнаружено.

Описанная конструкция, видимо, не была единой для всех волосовских жилищ. Так, в жилых сооружениях стоянки Володары наблюдается иное расположение столбовых ям: при отсутствии их вдоль стен, четыре ямки располагались прямоугольником в средней части одного жилища, в другом — две у костра в центре (рис. 4). Не исключено, что здесь мы имеем дело с архитектурно иным типом сооружения.

Одной из характернейших особенностей волосовских поселений является наличие на каждом из них по нескольку жилищ, исключения довольно редки. В Среднем Поволжье благодаря жилищным впадинам есть возможность установить на многих поселениях число жилых сооружений без полномасштабных раскопок. Количество впадин колеблется от 2 до 16. В Волго-Окском бассейне в процессе раскопок волосовских памятников тоже, как правило, обнаруживалось более двух жилищ. Можно с уверенностью говорить о существовании на каждом

поселении волосовской культуры группы жилищ, в среднем (как показывают арифметические подсчеты по количеству впадин) их 9—10 [1] Несомненно, что часть этих жилищ функционировала одновременно. Об этом же свидетельствуют и переходы между жилищами, связывавшие их попарно (Панфилово, Володары), по три в ряд (Ибердус II, Ахмыловское II) либо в более сложную систему (Майданское, Уржумкинское и др.). Еще одна особенность волосовских жилищ — довольно большие размеры. Площадь их варьирует от 26 до 180 м^2 (таблица), при средней площади 74 м^2

Состав обитателей жилища формируется под влиянием определенных социально-экономических факторов, которые объединяют обитающих в нем в единый коллектив. О правомерности отождествления жилища с социальной единицей свидетельствуют прямые этнографические данные; отразилось это и в лингвистике, и в мифологии, и в фольклоре. Так, в названиях дочерних родов квакиютлей Северной Америки сохранился элемент, обозначавший жилище [29, с. 21]; у нутка, индейцев того же региона, анализ окончаний названий селений указывает на то, что прежде вся родовая община локализовалась в одном доме [29, с. 150]; каждый старинный род нивхов имел культовое общеродовое жилище [30, с. 19]; у фульбе Судана слова «род» и «жилища» идентичны [31, с. 183]; у тигре Эфиопии клан часто обозначается как бет — «дом» [32, с. 214]; слово «дом» (domos / domus) в ряде индоевропейских языков первоначально, видимо, означало не жилое строение, а общественную организацию, семью [33, с. 123] Количество примеров такого рода можно без труда увеличить. Очень удачно Г Кларк определил жилище как «внешнюю оболочку социальной структуры» [34, с. 199] Размеры этой «оболочки» — жилища, очевидно, позволят вычислить количество его обитателей, а отсюда открывается возможность установить и социальный их статус, т. е. то, какая общественная единица занимала жилище. При определении численности обитателей жилища использовались этнографические данные по жилой площади, приходящейся на одного человека в обществах со сходным культурно-хозяйственным типом и близкой экологической средой. В данном случае наиболее отвечают этим требованиям оседлые рыболовы и охотники Сибири и Дальнего Востока и северо-запада Северной Америки: ульчи, нивхи, тлинкиты, хайда и др. У них жилая площадь, приходящаяся на одного человека, составляет примерно 2,5—3,5 м^2 [29; 30; 35; 36; 37; с. 587—589] При исчисленной средней площади волосовского жилища 74 м^2 можно определить число его обитателей в 25—30 человек. Этнографические данные показывают, что наиболее соответствует этому числу такая социальная единица, как большая семья, являвшаяся, очевидно, ячейкой коллектива, который оставил то или иное поселение волосовской культуры. Долгое время в археологии, да и в этнографии таким коллективом считался род. Работами советских историков первобытного общества была показана неправомерность этого утверждения, его заменило понятие «община». По типологии общины существует обширная литература [32; 38—40 и др.], но представляется, что наиболее приемлемой является та, которая предложена Н. А. Бутиновым [41, с. 89—155] Он выделяет четыре стадии развития общинных отношений: дородовую (кровную), родовую, большесемейную (гетерогенную) и сельскую. Исходя из анализа жилищ, общину носителей волосовской культуры можно, таким образом, определить как большесемейную. Примечательно, что такая же форма общины была зафиксирована и у народов, данные по жилой площади которых использовались,— индейцев северо-запада Северной Америки и народов Сибири и Дальнего Востока.

---

[1] Мазарское I—12; Мазарское II—15; Баркужерское III—7; Ахмыловское II—16; Уржумкинское — 7; Майданское I—12; Майданское II—6; Майданское III—11; Майданское IV—15; Выжумское — 4 [26, с. 23]; Красный Мост II—9; Красный Мост III—6 [27, с. 31]; Шордоер — 7; Мазарское III—7; Баркужерское I—6; Баркужерское II—9; Юркинское I—11; Юркинское II—2 [28, с. 18, 19]; Кокшайское IV—6 [14, с. 90].

Таблица

Размеры и площадь жилищ волосовской культуры

Памятник	№ жилища	Размеры жилища, м	Площадь, м²
Володары	1	9,5×9	82
»	2	11×9	92
Подборица-Щербининская		8×8,5	64
Вашутинское		6×6,5	40
Панфиловское	4	?×8	?
»	5	9×9,5	88
Сахтыш VIII		8×5	40
Стрелка I			130
Сахтыш I	4-й гор.		180
Сахтыш VIII	1977 г.		60
Заречье I	2	8,5×3,5	30
»	3		48
»	4	11×9	99
Ахмыловское II	1	10×7—8	72
»	2	9×4,5	30
»	3	12×8,5	92
»	4	9×10	90
»	5	11×8	80
»	6	7×5	31
»	7	13×8	84
»	8	9×8	74
Уржумкинское	1	12×8	92
»	2	10×9	92
»	3	13×6	80
»	4	10×5	60
Юринское поселение		7×8	56
Юринская стоянка		8×8	58
Майданское	1	9×8	66
»	2	8×7	55
»	3	9×6	60
»	4	8×7	55
»	5	10×6?	≈56
Кокшайское IV		9×6	52
Руткинское	1	9?×9?	≈80
»	2	8×6,5	54
»	4	7×7,5	45
Мазарское I		9,5×8	72
Выжумское	2	17×7,5	130
»	3	14×9,5	125
»	4	18×10	180
Баркужерское III	4	8×8	58
»	5	8×9	54
»	6	4×7	26
Майданское II		10×8	80
Майданское III		9×10	90
		12×8	96
Майданское IV		11×7	77
Красномостовское III		8×10	80
		7,6×6	46

Правда, график распределения площади волосовских жилищ (рис. 5) показывает выделение по меньшей мере двух групп их. Одну с площадью в среднем 60 м², другую — порядка 80 м² Возможны различные гипотезы, объясняющие этот факт, например существование наряду с большесемейными домами общественных построек типа мужских домов, домов холостяков и т. п.; бóльшие по площади дома могли принадлежать общинным вождям. Однако принятию их противоречит количественное соотношение построек обеих групп: 12 к 9 — бóльших по площади слишком много по сравнению с меньшими. Как правило, на одно поселение приходится один общинный или мужской дом. При средней численности десяти жилищ на волосовском поселении (по впадинам) на 12 жилищ приходилось бы 1—2 общинных дома, но уж никак не 9. Слишком велика

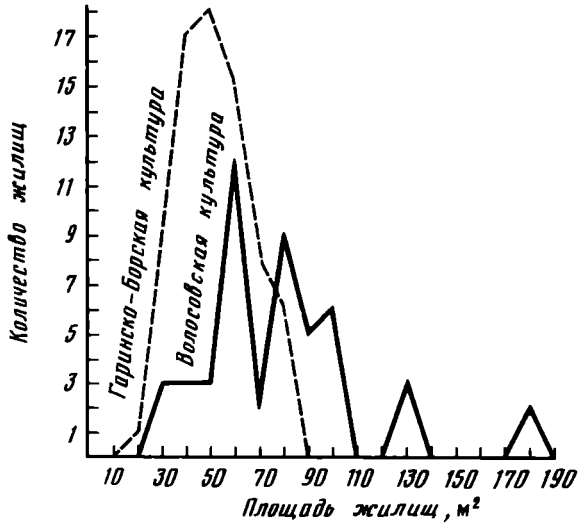


Рис. 5. График распределения площади волосовских и гаринско-борских жилищ

эта цифра и для подтверждения второй гипотезы: почти половина глав домохозяйств не могут быть общинными лидерами.

Различие в площади жилищ и не настолько велико, чтобы можно было говорить о существовании на поселениях социально разнородных групп (наряду с большими семьями, например, неразделенных) С большей долей вероятности для объяснения этого вида графика подходит положение М. Эмбера о различиях площади жилищ в патри- и матрилокальных обществах. Используя данные «Этнографического атласа» Дж. Мердока, он показал, что в первых она меньше, чем во вторых, а разграничительная цифра между ними составляет примерно 55—60 м^2 [42, с. 177—182] Она близка к той, которая разделяет две группы волосовских жилищ. Небольшое различие, возможно, объясняется тем, что в волосовском обществе норма жилой площади на человека была несколько большей, чем получилось по выборкам М. Эмбера. Таким образом, для волосовской культуры можно предполагать наличие общин и с патрилокальным и с матрилокальным браком. Это не означает, конечно, что каждая семья, занимавшая жилище площадью меньше 70 м^2, была патрилокальной, а больше — матрилокальной. Социальные законы имеют форму не строгой функциональной зависимости, а выражаются в виде тенденции, поэтому и необходима статистика, чтобы эту тенденцию выявить.

Заслуживают внимания и те волосовские постройки, которые не вошли в две упомянутые группы. Площадь их больше 100 м^2 Как раз они и могли быть общинными домами либо домами лидеров общин, но обращает на себя внимание то, что из пяти больших жилищ три вскрыто на одном поселении — Выжумском.

Интересно, что если сравнить волосовские жилища с гаринско-борскими (гаринский этап), то можно увидеть, что типологическое сходство их доходит почти до идентичности. Гаринские жилища тоже подпрямоугольной формы, углубленные, часто соединяются переходами; в среднем длина их также несколько превышает ширину; количество очагов в них различно; жилищ на поселении, как правило, несколько, и размеры их довольно велики — десятки квадратных метров. Есть все основания полагать, что тип общины ее носителей не отличался от такового волосовской культуры и имел также большесемейный характер. И в то же время средняя площадь гаринских жилищ значительно меньше, чем волосовских. Она была определена по выборке из двух источников [43, 44], достаточно большой, учтено 74 жилища с 27 памятников. Средняя площадь их 47 м^2, она в 1,5 раза меньше средней площади жилищ волосовской культуры и

меньше «пограничной» цифры М. Эмбера. Эта цифра и график распределения площади, близкий к нормальному (рис. 5), дают основание предполагать патрилокальность брака во всех общинах гаринского этапа культуры.

Отдельные вопросы изучения социального строя волосовского общества затрагивались некоторыми исследователями. Так, И. К. Цветкова предполагала, что население стоянок этой культуры «представляло собой группы людей, принадлежащих к одному роду» [1, с. 45] Но, строго говоря, коллектив, занимавший поселение, не мог состоять из представителей только одного рода, кровных родственников. В силу экзогамии в род должны были вливаться представители других родов — свойственники. Говоря языком современных этнографических понятий, коллектив волосовского поселения И. К. Цветкова идентифицирует с родовой общиной. В общем на такой же позиции стоял и О. Н. Бадер: «...нет никаких оснований полагать, что древний матриархально-родовой строй, расцвет которого относится у нас ко времени неолита, претерпел у волосовских племен существенные изменения» [5, с. 42]

Действительно ли это так? В эпоху неолита территория волосовской культуры была занята в основном культурами ямочно-гребенчатой керамики и волгокамской. На поселениях этих культур были обнаружены либо большие, в несколько десятков квадратных метров, одно, редко два, жилища — Удельно-Шумецкая V, Саконовская, Андозеро II, Хуторская и другие стоянки, либо округлые малые (до трех) — стоянки Федоровская, Гавриловская, Желнино, на р. Яне и некоторые другие. Большие жилища были, видимо, местом проживания всех жителей поселения. Степень интеграции их в единое целое была, судя по жилой архитектуре, довольно велика, и социальный организм, занимавший поселение, можно охарактеризовать как родовую общину. Очевидно, и обитатели малых, видимо односемейных, жилищ составляли родовую общину; но самостоятельность семей, в нее входивших, была большей, что нашло отражение в домостроительстве.

С рубежа двух эпох наблюдается качественно новый этап в развитии общества — появление общины большесемейного типа, что было уже началом разложения первобытнообщинных отношений, шагом к формированию классового общества [41, с. 143—154] Обусловлено это могло быть только появлением регулярного прибавочного продукта. Процесс разложения родовой общины происходил в виде появления больших семей как относительно самостоятельных социальных единиц внутри общины. Малая семья, располагавшая двумя-тремя полноценными членами коллектива, не могла существовать в качестве такой единицы, так как многие производственные операции требовали бóльших трудовых ресурсов, чем те, которые находились в ее распоряжении.

Большую роль в социологических построениях в археологии играет анализ очагов. Обычно очаг приравнивается к социальной единице, либо тождественной всему коллективу, обитавшему в жилище, если он один, либо ячейке такого коллектива, если очагов в жилище несколько [45, с. 11—25] О правомерности отождествления очага с социальной ячейкой того или иного уровня свидетельствуют и прямые этнографические данные, и обряды и представления, связанные с очагом, особенно в жилище, и лингвистика (см., в частности, [33, с. 116, 117, 160—168]).

Однако прямое сопоставление: количество очагов — количество социумов, которое нередко приходится встречать, вряд ли правильно. Достаточно указать на возможность простого переноса очагов, да и этнография дает свидетельства бытования у многих народов очагов, не несущих социальной нагрузки (см., например, [46, с. 41, 47, 73 и др.]). Есть этнографические свидетельства существования очагов социально неоднозначных групп, например мужских и женских [46, с. 30, 31] Естественно, что такого рода нюансы должны учитываться, хотя не всегда характер имеющегося материала позволяет это сделать.

Возможности использования очагов волосовских жилищ для социологических построений уже рассматривались в литературе. Е. И. Горюнова, обнаружив

два очага в раскопанном ею жилище № 5 стоянки Панфилово, на основании анализа находок вокруг них сделала вывод, что правый от входа очаг был женским, а левый — мужским [10, с. 135]. Некоторые двухочажные жилища гаринско-борской культуры также реконструируются исследователями как разделенные на две половины — мужскую и женскую, с очагами в каждой, мужским и женским [43, с. 33; 44, с. 27, 51—53], причем в одном случае между ними была даже прослежена перегородка.

Интересно, что в жилище № 5 Панфиловской стоянки как мужской был определен Е. И. Горюновой левый относительно входа очаг, а как женский — правый. У индоевропейцев оппозиция мужской / женский семантически соотносится с оппозицией правый / левый обратным образом: мужское — правое, а женское — левое [47, с. 94] Есть некоторые указания на то, что у финно-угров соотношение бинарных оппозиций обратное, нежели у индоевропейцев [48, с. 61]. Многими исследователями языковая принадлежность носителей волосовской культуры определяется как финно-угорская, и, таким образом, расположение очагов в панфиловском жилище могло бы быть еще одним фактом в пользу этой гипотезы.

Впрочем, А. Х. Халиков, отметив двухочажность раскопанных им жилищ Майданской стоянки, сделал иной вывод: «Каждый дом волосовского поселка, судя по расположению очажных ям, обычно делился на две разделенные по диагонали половины... Вероятно, в каждом таком доме обитало две семьи, у которых имелся свой семейный угол» [15, с. 347] Отметив, что встречаются и волосовские жилища с одним очагом, он отнес стоянки с ними к более позднему времени, интерпретировав тенденцию к появлению одноочажных домов как следствие обособления «отдельных» семей.

Утверждение А. Х. Халикова, что «каждый» волосовский дом был либо двухочажным, либо (позднее) одноочажным, слишком категорично: многие волосовские дома были многоочажными (Ахмыловское II, Уржумкинское, Юринское и др.). К тому же не для каждого двухочажного дома можно предположить диагональное деление. В жилище № 1 стоянки Володары оно могли быть только поперечным (как и в гаринско-борском жилище стоянки Бор I, где обнаружены следы перегородки), а в жилище № 5 Панфиловской стоянки — продольным.

Непонятно, что имеет в виду А. Х. Халиков, когда говорит об «отдельной» семье. Очевидно, это малая семья, но такая интерпретация вряд ли возможна: слишком велики для этого жилища. В одноочажных при средней площади 74 м^2 и обычной численности малой семьи в 5 человек на одного человека придется 15 м^2 жилой площади. Для первобытности, да и не только для нее, цифра невероятная. Исходя из гипотезы А. Х. Халикова, надо предполагать, что на начальной стадии волосовской культуры существовали какие-то социально-экономические ячейки общины, объединявшие две семьи. Таковые, действительно, известны этнографии — это так называемая неразделенная семья, состоящая из двух малых семей: родительской и семьи одного из их сыновей (дочерей) — младшего при минорате, старшего при майорате. Но такая форма семьи возникает на довольно позднем этапе развития общества, при появлении института наследования, обусловливает ее необходимость передачи семейного имущества. Предполагать такой высокой уровень развития волосовского общества нет достаточных оснований. Площадь волосовских жилищ тоже противоречит такому предположению — 7 м^2 жилой площади на человека слишком много для этой эпохи. Социальные ячейки, которые объединяли бы две большие семьи, этнографии неизвестны.

Первое предположение — о делении двухочажных жилищ на мужскую и женскую половины — кажется более обоснованым, хотя и относительно него есть некоторые сомнения. Не разработаны четко понятия «мужской» и «женский» инвентарь, нет в данном случае и полных сведений, какие именно предметы и в каком количестве обнаружены вокруг очагов.

Существуют трудности субъективного характера и в интерпретации мно-

гоочажных жилищ. Раскопки их велись разными исследователями, это могло сказаться на определении количества очагов: не все объекты, имевшие признаки сжигания органики, считались очагами. В археологии для них существует обширная терминология: «очаг», «кострище», «очажная яма», «зольник» и даже «стояк». Для многих авторов это просто синонимы, но некоторые употребляют разные понятия сознательно, для них это и различные объекты. Очевидно, это действительно так, и такая типология необходима, но она практически не разработана и своя у каждого автора. В данной ситуации, очевидно, целесообразно проводить сравнение жилищ (по количеству очагов в них), раскопанных одним исследователем. Этому условию, например, отвечают все жилые сооружения Уржумкинской, Ахмыловской II, Володарской стоянок в отличие от, допустим, жилищ Майданской стоянки.

Надо отметить, что в некоторых работах число очагов на представленных чертежах не совпадает с количеством их в описании. В частности, как двухочажные изображены на плане жилища № 2 и 3 Уржумкинской стоянки, между тем в описании говорится не менее чем о четырех очагах в одном жилище и шести — в другом. Не обозначен на плане упомянутый в тексте очаг жилища № 4 стоянки Панфилово. Нет уверенности в том, что этими двумя случаями все ситуации такого рода исчерпаны.

Затруднения объективного и субъективного характера при использовании очагов волосовских жилищ для социологических реконструкций пока позволяют сделать только некоторые предварительные выводы.

Одноочажные жилища, очевидно, реальны, тем более что территория их распространения практически ограничивается Волго-Окским бассейном: стоянки Подборица-Щербининская, Вашутинская, Володары (жилище № 2), Заречье I, Сахтыш VIII. Четыре жилища из шести раскопаны одним исследователем — И. К. Цветковой. В Среднем Поволжье только в жилище № 7 Ахмыловской II стоянки обнаружен один очаг. Таковым он обозначен на плане, а в описании об этом объекте говорится как о хозяйственной яме с углистым заполнением. Но это жилище частично разрушено, возможно, очаги были еще в несохранившейся части. Один очаг обнаружен на той же стоянке в жилище № 2, имевшем удлиненно-овальную форму, в то время как все остальные жилища — прямоугольную. Скорее всего в процессе раскопок удалось уловить только дно жилища и не все его объекты удалось зафиксировать. В одноочажных жилищах общий очаг был рассчитан на всех обитателей, т. е. на большую семью. Впрочем, судя по сообщениям Д. А. Крайнова, в Волго-Окском бассейне существовали и жилища с несколькими очагами, однако материалы этих раскопок не опубликованы.

Не приходится сомневаться в реальности и многоочажных жилищ волосовской культуры. Территория их распространения охватывает в основном Среднее Поволжье — жилища Ахмыловской II, Уржумкинской, Юринской и других стоянок. В принципе каждый очаг таких жилищ можно рассматривать как принадлежавший малой семье, входившей в большую, которая занимала это жилище. Возможны и другие гипотезы, требующие специальной проверки, в частности анализа размещения находок на полу жилищ. Что же касается двухочажных жилищ, то интерпретацию их как разделенных на мужскую и женскую половины желательно подтвердить дополнительными исследованиями.

В гипотезу о большесемейном характере волосовских жилищ не укладываются лишь две постройки, раскопанные Д. А. Крайновым на стоянках Сахтыш I и Сахтыш II. Размеры их $3 \times 2{,}5$ и $5{,}7 \times 3$ м, они имели овальную в плане форму, кострища и очаги на дне, количество их, к сожалению, не указано [49, с. 37]. Судя по площади, это были жилища малых семей. На стоянке Сахтыш I рядом с округлым небольшим жилищем частично были вскрыты два больших прямоугольных дома. Если мы здесь имеем дело с единым комплексом объектов, то не исключена аналогия с поселениями некоторых народов Сибири и Дальнего Востока, которые рядом с большими углубленными домами, где зимой

жили большие семьи общины, строили небольшие округлые в плане жилища для летнего проживания малых семей [36, с. 73; 50, с. 108; 51, с. 35, 36]

Социальная организация того или иного общества как надстроечное явление базируется на основе экономических отношений. Экономика неолитических обитателей территории, впоследствии занятой волосовской культурой, носила присваивающий характер, данных об элементах производящего хозяйства у нас нет. Что же касается волосовской культуры, то один из первых ее исследователей — В. А. Городцов, отметив находки на стоянке Панфилово костей поросят, сделал вывод, впрочем очень осторожный, о возможном скотоводстве у волосовских племен [4, с. 14, 15] Однако остеологический материал, полученный Е. И. Горюновой, продолжившей раскопки стоянки, не подтвердил этого предположения. Из общего количества около 3 тыс. костей было определено 627, они принадлежали 12 видам только диких животных [52] И. К. Цветкова в упомянутой сводной работе указала 11 видов животных, кости которых были обнаружены на волосовских стоянках, и единственным домашним среди них была собака [1, с. 40], хотя среди памятников, которыми оперировала автор, было и Панфилово.

Однако, по мнению А. Х. Халикова, с рубежа III—II тыс. до н. э. у волосовцев появляются домашние сельскохозяйственные животные, до этого из домашних животных им была известна только собака [15, с. 341] При этом он ссылается на материалы двух памятников: уже упомянутой Панфиловской стоянки и Сумской. Мнение о наличии домашних животных на Панфиловской стоянке, видимо, ошибочно. Не исключена ошибка и относительно фауны Сумской стоянки. Так, А. Г Петренко, просматривая остеологический материал Майданской стоянки, обнаружила среди костей диких животных четыре кости теленка домашней коровы, но по некоторым особенностям датировала их более поздним временем. Общий вывод исследователя расходится с мнением А. Х. Халикова: «... на сегодня нет достаточно достоверных данных о наличии в хозяйстве у волосовского населения Среднего Поволжья домашних сельскохозяйственных животных» [53, с. 101].

На данных косвенного характера основывается и предположение В. В. Никитина о существовании у волосовцев земледелия [26, с. 20—42] Терочники и песты, нередкие среди волосовских находок, могли использоваться и для переработки дикорастущих злаков и корней, мотыги — не для вскапывания почвы, а для рытья котлованов жилищ. Проанализировав имеющийся материал, осторожно отнесся к гипотезе о знакомстве волосовцев с производящей экономикой Д. А. Крайнов [2, с. 19, 20]

Те данные, которыми мы сейчас располагаем, свидетельствуют о том, что подавляющая часть, а может быть, и все количество продукта, потребляемого носителями волосовской культуры, давали им охота, рыболовство и собирательство. Определить их соотношение в доле потребляемых продуктов пока не представляется возможным. Однако, учитывая сделанный на основе анализа жилищ вывод о существовании у волосовцев общины в большесемейной форме, можно, очевидно, говорить, что количество получаемого ими продукта не только обеспечивало необходимые потребности, но и несколько превосходило их. Появившийся прибавочный продукт способствовал выделению больших семей в составе общинных коллективов, что поставило их на качественно новую ступень развития — общину большесемейного типа. В данном случае это происходит, видимо, на базе присваивающей экономики, чему не противоречат и этнографические аналогии. Достаточно указать на далеко зашедшее разложение первобытнообщинных отношений с выделением классов рабов, свободных общинников и вождей у индейцев северо-запада Северной Америки, не знавших ни земледелия, ни домашних животных, но занимавшихся высокопродуктивным речным рыболовством [29]

В целом анализ жилищ волосовской культуры показывает, что социальную организацию ее носителей можно охарактеризовать как общину большесемейно-

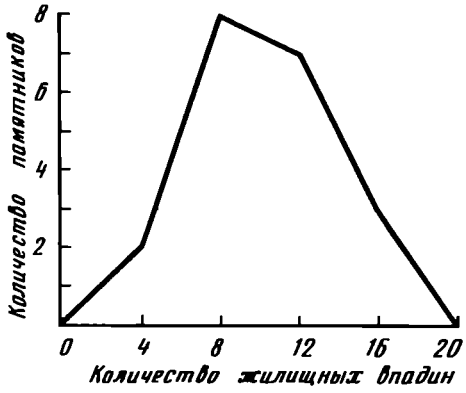


Рис. 6. График распределения количества жилищных впадин волосовских поселений Среднего Поволжья

го типа с матрилокальной формой брака в одних коллективах и патрилокальной в других. Появление большесемейной общины означает начало разложения первобытности, однако у волосовцев оно находилось в самой начальной стадии. По крайней мере построенный график распределения животных впадин волосовских поселений Среднего Поволжья оказался одновершинным и близким к нормальному (рис. 6). Следовательно, не существовало еще крупных центров, резиденций надобщинной власти, к которым тяготели бы более мелкие поселки.

Начиная с эпохи раннего металла поселения с большими по размерам (иногда более сотни квадратных метров), нередко соединенными переходами жилищами становятся характерными для лесной и лесостепной зон европейской части СССР — гаринско-борская культура [43, 44], балановская [54, с. 119], приказанская [55, с. 24, 25], поздняковская [56, с. 236—252] Таким образом, вырисовывается картина широкой распространенности общины большесемейного типа на территории, занятой этими культурами, и, очень вероятно, в более южных районах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Цветкова И. К.* Волосовские неолитические племена // Тр. ГИМ. 1953. Вып. XXII.
2. Эпоха бронзы лесной полосы. Археология СССР. М.: Наука, 1987.
3. *Городцов В. А.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. // Древности. 1914. Т. XXIV.
4. *Городцов В. А.* Панфиловская палеометаллическая стоянка // Тр. ВГОМ. 1926. Вып. 2.
5. *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970.
6. *Кольцов Л. В.* Изображение рыбы на сосуде из Галичской стоянки // КСИА. 1971. Вып. 127.
7. *Цветкова И. К.* Неолитические жилища стоянки Володары // СА. 1958. № 2.
8. *Цветкова И. К.* Стоянка Подборица-Щербининская // СА. 1961. № 2.
9. *Цветкова И. К.* Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского // Тр. ГИМ. 1960. Вып. 37.
10. *Горюнова Е. И.* Развитие жилища у мордвы // Тр. ИЭ. Нов. сер. 1963. Т. 86.
11. *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
12. *Никитин В. В.* Ахмыловское II поселение // АЭМК. 1977. Вып. 2.
13. *Архипов Г А., Никитин В. В.* Уржумкинское поселение // АЭМК. 1977. Вып. 2.
14. *Патрушев В. С.* Памятники волосовской культуры у пос. Юрино и с. Кокшайск // АЭМК. 1978. Вып. 3.
15. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
16. *Третьяков В. П.* Майданская стоянка волосовской культуры // СА. 1970. № 3.
17 *Никитин В. В.* Волосовские поселения на Средней Волге // АЭМК. 1978. Вып. 3.
18. *Архипов Г. А., Никитин В. В.* Руткинское поселение // АЭМК. 1978. Вып. 3.
19. *Архипов Г А., Никитин В. В.* Мазарское I поселение // АЭМК. 1981. Вып. 5.
20. *Архипов Г А., Никитин В. В., Шикаева Т Б.* Выжумские памятники на Ветлуге // АЭМК. 1984. Вып. 7.
21. *Никитин В. В.* Баркужерское III поселение // АЭМК. 1982. Вып. 6.
22. *Диков Е. И., Раушенбах В. М.* Исследования памятников неотлита и бронзы в Московской и Владимирской областях // АО—1970. М., 1971.
23. *Диков Е. И.* Исследования памятников Владимирской области // АО—1971. М., 1972.
24. *Архипов Г А., Никитин В. В., Шикаева Т. Б.* Раскопки в Марийской АССР // АО—1977. М., 1978.

25. *Никитин В. В.* Работы неолитического отряда Марийской экспедиции // АО—1979. М., 1980.
26. *Никитин В. В.* О хозяйстве населения Марийского края в начале эпохи раннего металла // АЭМК. 1979. Вып. 4.
27. *Никитин В. В.* Красномостовские поселения финального неолита // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984.
28. *Архипов Г. А.* Волосовские поселения Марийской АССР // АЭМК. 1978. Вып. 3.
29. *Аверкиева Ю. П.* Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-запада Северной Америки // Тр. ИЭ. Нов. сер. 1961. Т. 50.
30. *Таксами Ч. М.* Основные проблемы этнографии и истории нивхов. М.: Наука, 1975.
31. *Бутинов Н. А.* Этнографические материалы и их роль в изучении общины древнего мира // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1967.
32. Община в Африке: Проблемы типологии. М.: Наука, 1978.
33. *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.
34. *Klark G.* Archaeology and Society. Cambridge, Massachusetts, 1957
35. *Крейнович Е. А.* Нивхгу. М.: Наука, 1973.
36. *Смоляк А. В.* Ульчи. М.: Наука, 1966.
37. *Narroll R.* Floor Area and Settlement Population // AmA. 1962. V 27 № 4.
38. Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968.
39. Социальная организация народов Азии и Африки. М.: Наука, 1975.
40. *Семенов Ю. И.* О стадиальной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979.
41. *Бутинов Н. А.* Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты) // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968.
42. *Ember M.* An Archaeological Indicator of Matrilocal Versus Patrilocal Residence // AmA. 1973. V. 38. № 2.
43. Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1. М., 1959; Вып. 2. М., 1961.
44. *Бадер О. Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Поволжье // МИА. 1961. № 99.
45. *Григорьев Г. П.* Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей // Охотники, собиратели, рыболовы. М.: Наука, 1972.
46. Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1979.
47. *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965.
48. *Шикаева Т. Б.* Хозяйственный инвентарь марийцев XIV—XVIII веков // АЭМК, 1979. Вып. 4.
49. *Газдяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // КСИА. 1965. Вып. 100.
50. *Вдовин И. С.* Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973.
51. *Старкова Н. К.* Ительмены. Материальная культура: XVIII—60-е годы XX века. М.: Наука, 1976.
52. *Горюнова Е. А.* Отчет о раскопках Панфиловской стоянки за 1946 год // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 85.
53. *Петренко А. Г.* К истории фауны памятников волосовской культуры с территории Марийской АССР // АЭМК. 1977. Вып. 2.
54. *Бадер О. Н., Халиков А. Х.* Памятники балановской культуры // САИ. 1978. Вып. В1-25.
55. *Халиков А. Х.* Приказанская культура // СА. 1968. № 2.
56. *Фоломеев Б. А.* Жилища стоянки Фефелов Бор I // Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974.

V. S. BUZIN

SETTLEMENTS AND DWELLINGS OF THE VOLOSOVO CULTURE AS A SOURCE OF SOCIOLOGICAL RECONSTRUCTIONS

Summary

Those who undertook a sociological analysis of the Volosovo culture relied on the dwelling sizes, their total number in settlements and the number of fireplaces inside. The author offers a conclusion that as distinct from the clan of the Early Neolithic time the Volosovo community took the form of an extended family. This is an evidence that in the Early Metal Age the primitive communal system began to disintegrate in the forest belt of European Russia. A similar type of dwellings and settlements found in other sites of the Early Metal time and Bronze age in the forest belt and to the south of it shows that an extended family community was fairly widespread in that period.

В. И. СТЕФАНОВ, С. Ф. КОКШАРОВ

СЕВЕРНОЕ ЗАУРАЛЬЕ НАКАНУНЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА

В 120 км к северо-востоку от г. Ивделя, почти на границе Свердловской и Тюменской областей, из водораздельных болот вытекает небольшая речка Атымья. В 70 км от истока она впадает с левой стороны в р. Пелым (бассейн р. Тавда). Помимо р. Атымья из этих болот берут начало притоки рек Конда и Северная Сосьва. Начиная с 1978 г. на берегах Атымьи открыто и исследовано около полутора десятков стоянок, поселений и городищ, относящихся к различным археологическим эпохам — от мезолита до позднего средневековья.

В данной статье публикуются материалы стоянок эпохи энеолита — ранней бронзы, которые характеризуются прежде всего чистотой комплексов и по этой причине могут рассматриваться как опорные при решении соответствующих проблем зауральской и западносибирской археологии.

Все интересующие нас памятники — стоянки Атымья IA, II, IV, VII и др.— расположены, как правило, у края надпойменной террасы. Это наиболее сухие, песчаные места, занятые бруснично-лишайниковыми сосновыми борами. Исследованные на всех стоянках объекты прослеживались на поверхности в виде неглубоких впадин, в ряде случаев едва угадываемых.

Стоянка Атымья VII [1, с. 14—21] расположена на левобережной надпойменной террасе, на высоте около 7 м. Раскопом площадью 84 м^2 исследованы впадина, окружающая ее по периметру валообразная насыпь и внешние ямы. В процессе раскопок выявлены остатки наземной постройки, имевшей, судя по очертаниям пола, подпрямоугольную форму; ее размер 7,4×6,4 м (площадь ~47 м^2). Длинной стороной она ориентирована вдоль береговой кромки в направлении северо-восток — юго-запад (рис. 1, *Б*). Каких-либо остатков, связанных с конструкцией входа, не зафиксировано. На уровне пола в жилище обнаружено 18 ямок от столбов, расположенных хаотично. В центре находился очаг-кострище, остатки которого сохранились в виде линзы бурой супеси с включением мелких жженых косточек. Линза имела неправильную округлую форму диаметром ~1 м, мощностью слоя и подстилающего прокала, соответственно 16 и 8 см.

Некоторые неглубокие, но крупные ямы можно, по-видимому, считать хозяйственными. В одной из них найдены развалы сосудов, в другой — керамика, каменные орудия, отщепы и чешуйки камня.

Относительно ровный пол в жилище посыпан красной охрой. За пределами сооружений на расстоянии до 1,5 м располагались ямы, отличающиеся довольно большими размерами и глубиной. Вероятно, из них брался грунт для подсыпки стен, после разрушения которых образовалась валообразная насыпь. Отмечены следы ремонта или незначительной перестройки жилища, после чего пол вновь посыпался охрой. Временной интервал между двумя периодами функционирования объекта, на наш взгляд, был минимальным.

В жилище, во внешних ямах и валообразной насыпи найдено большое количество керамики и каменных изделий. В коллекции имеется также несколько очень фрагментарных фаунистических остатков.

Комплекс керамики насчитывает, судя по венчикам, более 100 сосудов,

© В. И. Стефанов, С. Ф. Кокшаров, 1990 г.

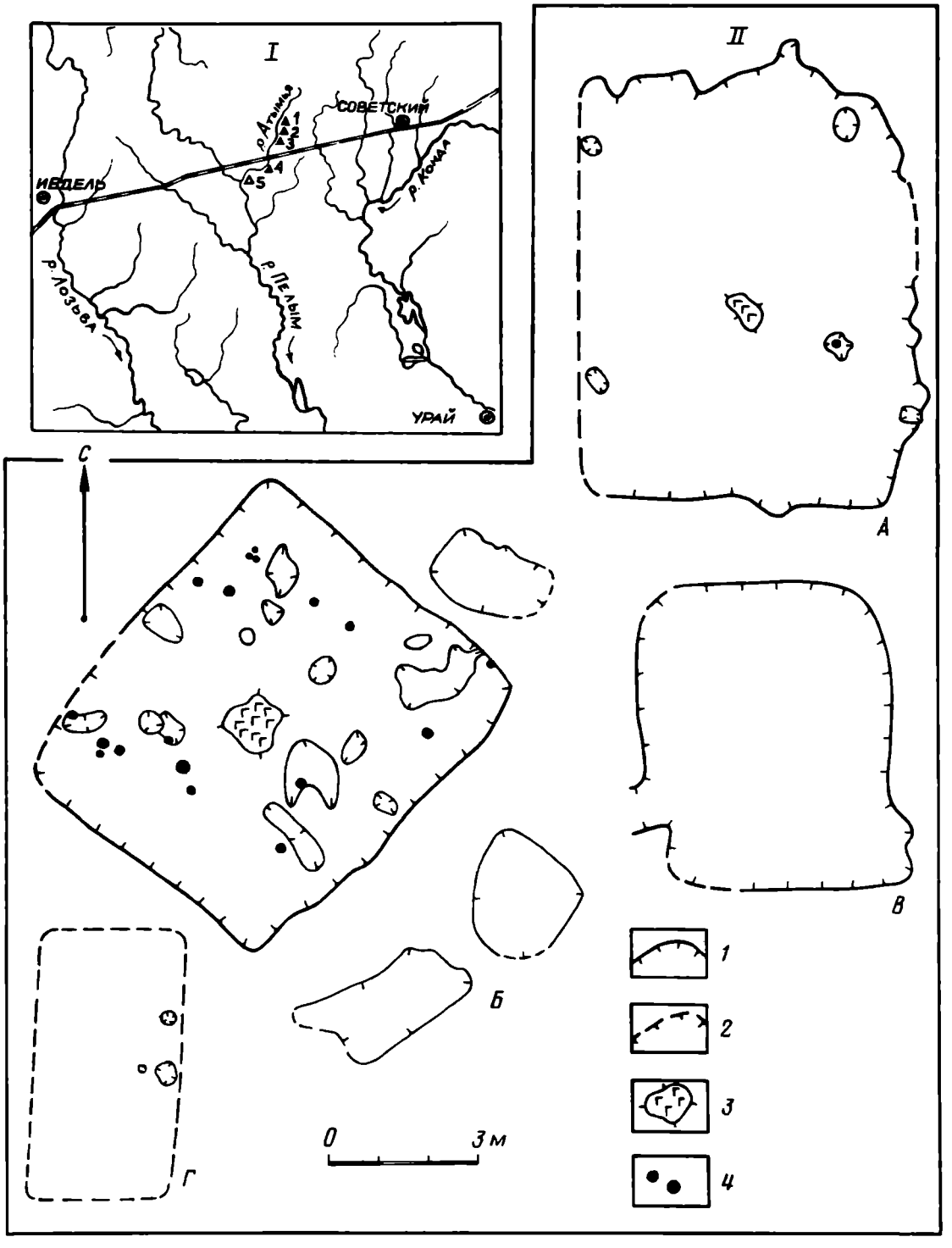


Рис. 1. I — карта-схема расположения стоянок на р. Атымья: *1* — пос. Атымья IV, *2* — ст. Атымья II, *3* — ст. Атымья IA, *4* — ст. Атымья VII, *5* — пос. Вершина; II — постройки атымьинских стоянок: *А* — ст. Атымья IA, *Б* — ст. Атымья VII, *В* — ст. Атымья II, *Г* — пос. Атымья IV (жилище 1): *1* — четко фиксируется граница объектов, *2* — предполагаемая граница, *3* — остатки очагов, *4* — ямки от столбов

для которых характерны открытая или закрытая форма и округлое дно. Плоские днища встречаются как исключение. Следует упомянуть о посуде индивидуальных форм: в одном случае это многоугольный сосуд (рис. 2, *1*), в другом — сосуд с ушками для подвешивания (рис. 2, *4*) Найден также миниатюрный неорнаментированный сосудик, выполненный из одного куска глины. Среди небольших сосудов (с диаметром по венчику до 15 см) преобла-

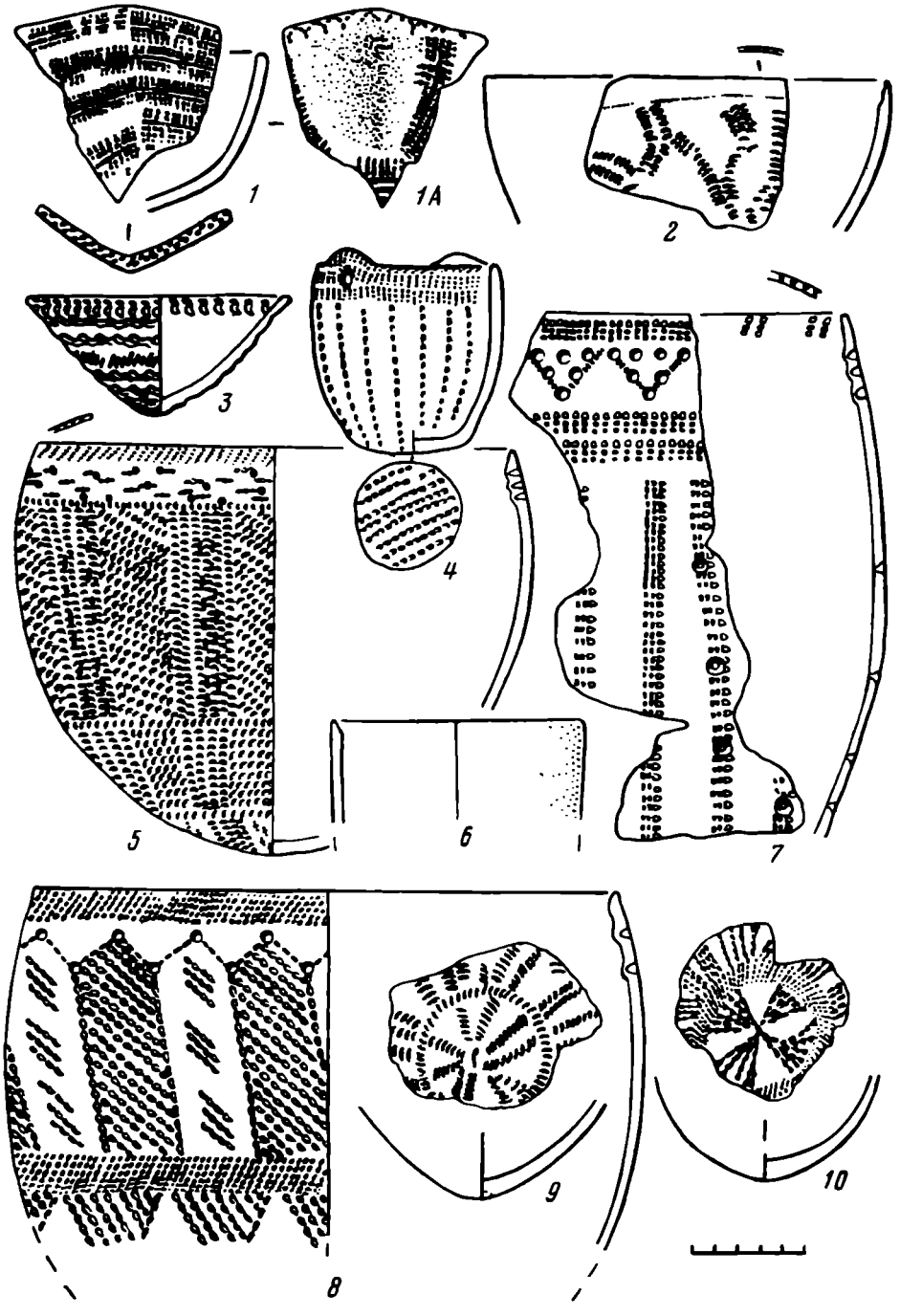


Рис. 2. Стоянка Атымья VII. Керамика

дают чашевидные формы; более крупные (с диаметром устья свыше 15 см) имеют, как правило, прямые стенки или закрытую форму. Наиболее характерны плоские венчики, хотя есть округлые и приостренные. Нередко венчикам придавалась волнистая форма (рис. 3, *1, 5, 7*). У некоторых сосудов на внутренней стороне стенок под венчиком зафиксированы наплывы. Толщина черепков колеблется от 0,3 до 0,9 см. Цвет их светло-желтый, в тесте большая примесь песка, изредка дресвы и охры. Снаружи стенки сосудов тщательно заглажены, на внутренней стороне нередки следы от затирки грубым предметом, по-видимому гребенчатым штампом.

Почти вся посуда имеет орнамент, покрывающий всю наружную поверхность сосудов, включая днище. Среди способов нанесения орнамента абсолютно

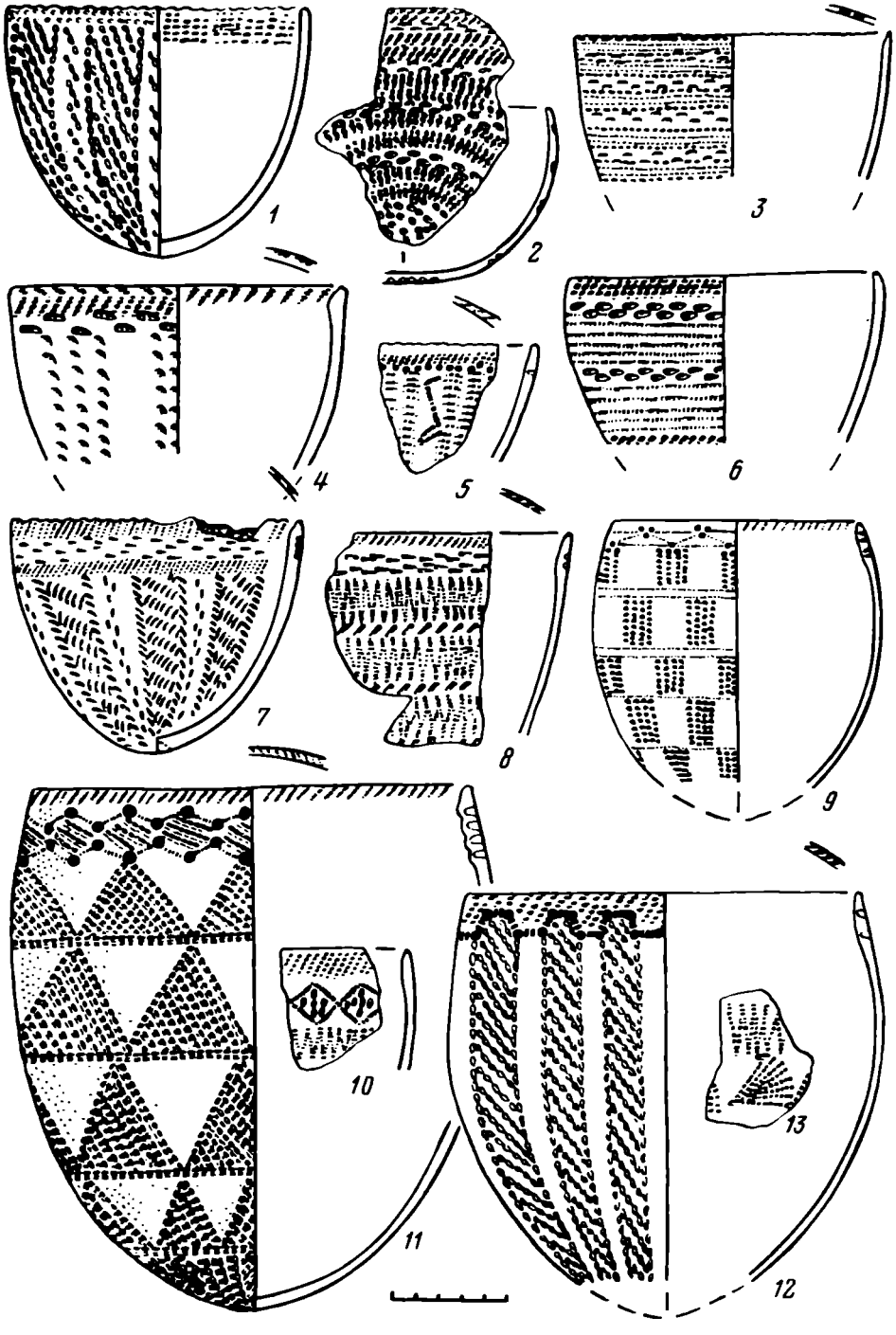


Рис. 3. Стоянка Атымья VII. Керамика

преобладают оттиски гребенчатого штампа, которыми украшено более 90% сосудов. Судя по оттискам, инструменты имели различные размеры и нарезку зубцов: однорядовую, двухрядовую («рамчатый» штамп), иногда рабочая поверхность имела вид ромбической сетки. При нанесении орнамента гребенчатый штамп очень часто ставился под углом к поверхности, и в зависимости от количества пропечатанных зубцов он напоминает то отступающую палочку (рис. 4, *1*, *2*), то отступающую «шапкульскую» гребенку (рис. 2, *5*) [2, рис. 3, *1—3*; 3; табл. XXXI, *1—10*] Довольно много гребенчатой качалки (~7,6%), орнамент этого типа чаще встречается на тулове сосуда. В верхней части многих сосудов (более 52%) обычно размещены пояски или сложные комби-

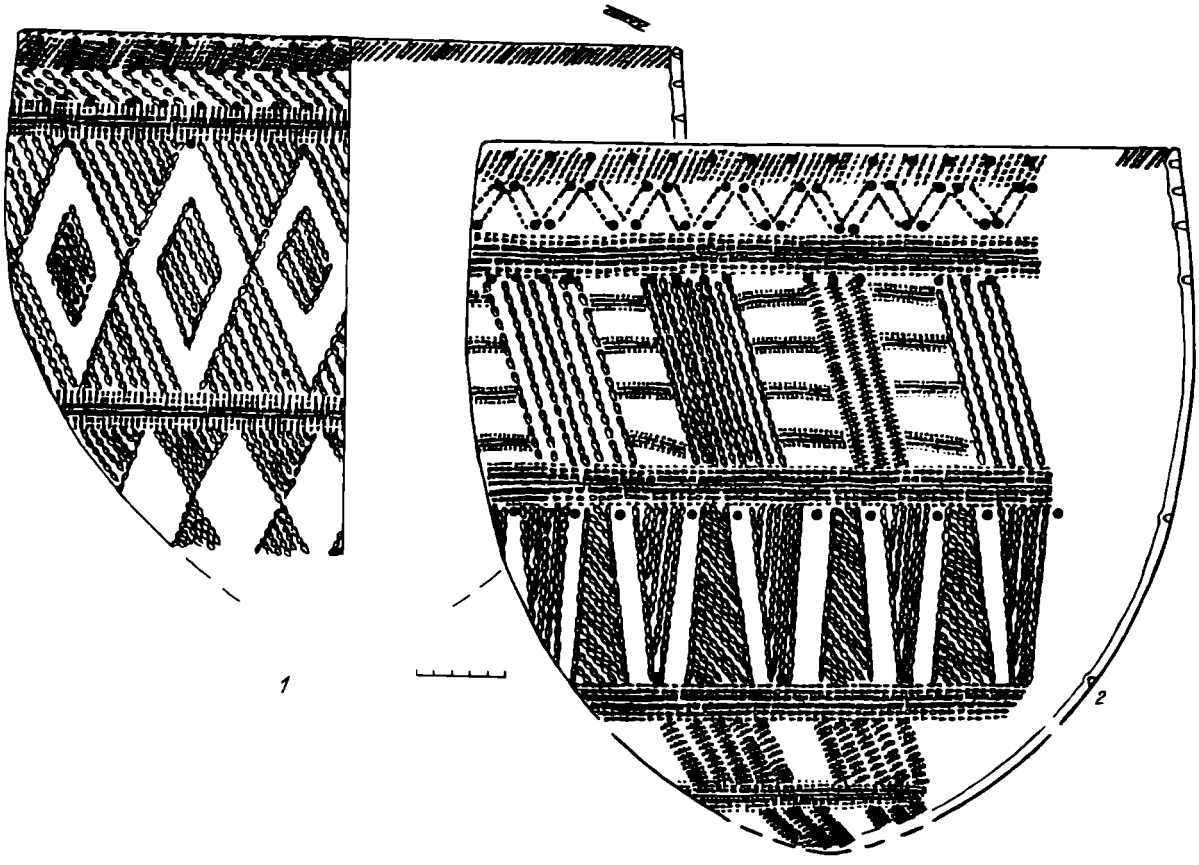


Рис. 4. Стоянка Атымья VII. Керамика

нации из ямочных вдавлений. Удельный вес отступающе-накольчатой техники невелик и составляет ~5%.

В расположении узоров наблюдается ряд закономерностей, выражающихся как в зональном расположении орнаментальных мотивов, так и в выборе того или иного технического приема для их нанесения. Выделяется зона под венчиком — ряд наклонных оттисков гребенки. Ниже помещен поясок ямок или глубоких вдавлений гребенчатого штампа. И те и другие часто размещены в шахматном порядке, а ямки нередко соединяются гребенчатыми отпечатками, образующими геометрические фигуры. По характеру орнаментальных мотивов на тулове сосуды разделены на две группы. К первой (более половины всех сосудов) отнесена посуда, украшенная геометрическими фигурами: треугольниками, ромбами, прямоугольниками. Чередование заполненных и чистых клеток или колонок может идти как по горизонтали, так и по вертикали. В ряде случаев такой рисунок напоминает поле шахматной доски (рис. 3, *9*). На свободных полях между вертикальными колонками помещаются пояски ромбов, наклонных линий, изредка — зооморфные изображения (рис. 3, *5*; 5, *2*). Для второй группы сосудов характерно наличие в орнаменте на тулове однообразно повторяющихся горизонтальных поясков штампованной и шагающей гребенки, которые иногда разделяются семечковидными оттисками гребенчатого штампа (рис. 5, *2*, *3*; 3, *2*, *3*, *6*, *8* и др.).

Стратиграфические и планиграфические наблюдения свидетельствуют о принадлежности всех сосудов к одному культурно-хронологическому комплексу, своеобразие которого проявляется, в частности, в сочетании таких черт, как наличие сосудов с округлым и плоским дном, сохранение наплывов под венчиками, орнаментация в технике штампованной и шагающей гребенки, отступающей палочки и ямочных вдавлений. На некоторых сосудах можно

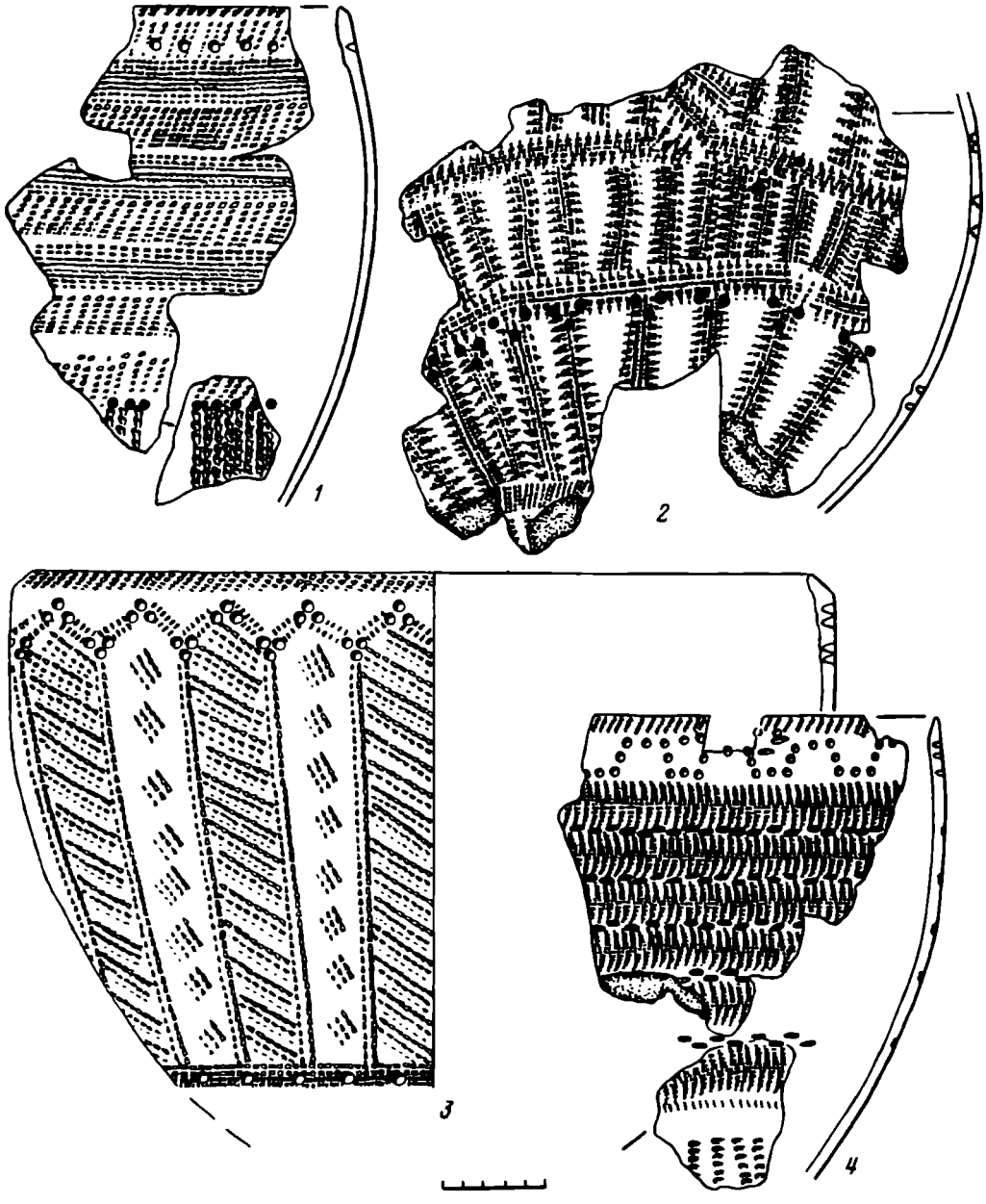


Рис. 5. Стоянка Атымья VII. Керамика

встретить орнаментальные композиции, выполненные всеми перечисленными приемами (рис. 4, *2*; 5, *1*). Присутствие в коллекции сосудов, украшенных различными геометрическими фигурами, и наличие менее «нарядных» экземпляров, украшенных чередующимися по тулову сверху вниз поясками гребенки, также определяют специфику атымьинского комплекса.

Довольно многочисленная группа находок представлена изделиями из камня и отходами их расщепления (см. табл. 1)

Типологический и трасологический анализы каменного инвентаря атымьинских стоянок выполнены сотрудниками археологической лаборатории Уральского государственного университета О. М. Литовченко (Атымья VII) и Ю. Б. Сериковым (Атымья IV).

Сырьем для изготовления орудий служили окремнелые сланцы, кварц, халцедон, сургучная и серая яшма. Судя по составу находок, на памятнике проводилась первичная и вторичная обработка камня.

Исходной заготовкой для изготовления орудий служил отщеп; пластинча-

тых форм мало, и они невыразительны (рис. 6, *6*, *12*, *21*, *25*, *27*, *30*). Основным способом вторичной обработки являлось ретуширование, чаще всего краевое. Исключение составляют наконечники и часть скребков. Ретушь наносилась на спинку, реже — на брюшко, есть и сочетание этих приемов.

По характеру макро- и микроизноса выделено 34 орудия, выполнявших операции строгания, сверления, скобления и резания (см. табл. 2).

Наиболее представительной является группа скоблящих орудий — 16 экз. (рис. 6, *2*, *5*, *7* и др.). Это отщепы с краевой ретушью со спинки. В одном случае сколами подработано брюшко отщепа; вероятно, это результат подправки лезвия. Скребки выраженных форм, где обработаны не только рабочая кромка, но и тело отщепа, имеют округлые очертания (рис. 6, *1*, *4*, *10*). Характер износа — незначительная округленность кромки, связанная с ее истиранием в процессе работы, и короткие широкие линейные следы — позволяет говорить о том, что данными орудиями обрабатывался твердый непластичный материал (дерево или кость). Особый интерес представляет плитка сланца, у которой рабочая кромка была оббита с двух сторон уплощающими сколами (рис. 6, *29*). Заглаженность и округленность кромки, длинные и тонкие линейные следы, заходящие на спинку изделия, свидетельствуют об обработке мягкого пластичного материала (коры?).

С операцией сверления связано 11 предметов (рис. 6, *11*, *19*). Орудия изготовлялись на отщепах, рабочая кромка оформлялась краевой ретушью либо со спинки и брюшка, либо только со спинки. Два экземпляра отретушированы краевой и уплощающей ретушью по всему телу отщепа (рис. 6, *3*, *9*). Часть отщепов использовалась в работе без дополнительной подработки. Сработанность рабочих кромок орудий характеризуется наличием ретуши утилизации, заваленности кончика жала и линейными следами на выпуклых участках лезвия. Глубина проникновения в обрабатываемый материал 3—7 мм. Неправильные очертания жала, слабая изогнутость профиля и неодинаковые по глубине участки сработанности лезвия указывают на одноручное сверление. Сравнение следов износа острий со следами макро- и микроизноса на экспери-

Таблица 1

Тип изделия	Количество	%
Расколотая галька и галечные отщепы	50	14,9
Отщепы без ретуши	203	60,5
Отщепы с ретушью	33	9,9
Пластинчатые отщепы	5	1,5
Пластины	1	0,3
Острия	14	4,2
Скребки и скребла	11	3,3
Наконечники стрел и их обломки	4	1,2
Шлифованные орудия	4	1,2
Долотовидные орудия	1	0,3
Ретушеры и отбойники	7	2,1
Шлифовальные плиты и оселки	2	0,6
Общее количество	335	100

Таблица 2

Вид операции	Обрабатываемый материал	Количество орудий	%
Скобление	Дерево, кость, кожа	16	47,1
Сверление	Дерево, кость	11	32,3
Резание	Мясо	2	5,9
Строгание	Дерево	2	5,9
Тесание	»	3	8,8
Итого		34	100

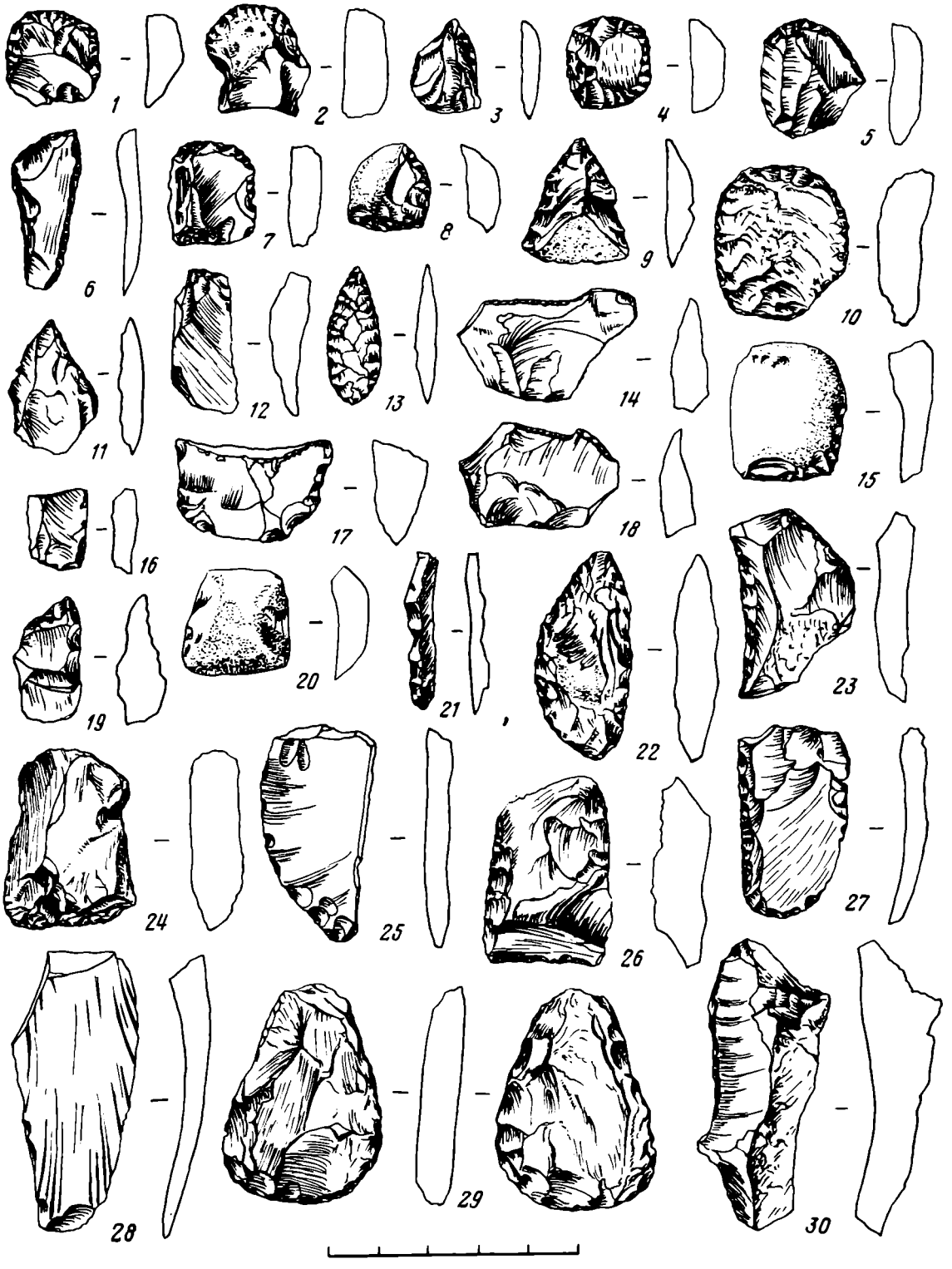


Рис. 6. Стоянка Атымья VII. Каменный инвентарь

ментальных орудиях позволяет предположить, что на стоянке сверлились дерево и кость.

Режущие орудия изготовлены из отщепов окремнелого сланца. Одно из них использовалось в работе без дополнительной подработки (рис. 6, *12*), у второго спинка отшлифована и обработана краевой ретушью. Износ выражен в виде двустороннего залощения рабочей кромки, фасетки ретуши сглажены, ли-

нейных следов нет. Сработанность такого вида характерна для ножей, которыми резали мясо.

По характеру микроизноса выделяется группа строгальных ножей (рис. 6, *6*, *23*). Это сланцевые отщепы, оба края которых оформлены краевой ретушью по спинке. Одно орудие изготовлено несколько иначе: сланцевый отщеп был отшлифован с двух сторон, и дополнительной отшлифовкой было оформлено лезвие (рис. 6, *28*). Изношенность представляет собой линейные следы, идущие почти под прямым углом к рабочей поверхности, в сочетании с заглаженностью и ретушью утилизации.

К специализированным орудиям для обработки дерева отнесены два тесла и долото. Одно из тесел (рис. 6, *20*) сделано из отщепа туфопорфирита и отшлифовано с двух сторон, лезвие выделено дополнительной двусторонней пришлифовкой. На обушке орудия снята фаска для более удобного закрепления его в рукояти. Второе тесло — сланцевый отщеп, рабочим лезвием которого является кромка, полученная при скалывании отщепа. Один край изделия обработан эпизодической краевой ретушью на спинке (рис. 6, *26*). В качестве долота использовалась расколотая вдоль плитка сланца (рис. 6, *24*). Двусторонняя забитость на обушке свидетельствует об отсутствии рукояти. На использование перечисленных орудий в работе указывают забитость и ретушь утилизации, располагающаяся на брюшке. Завершая характеристику каменного инвентаря, заметим, что из 42 изделий со следами сработанности более половины (26 экз.) связано, по-видимому, с обработкой дерева и кости. Кстати, в жилище найдена кость со следами строгания.

Кроме керамики и каменных предметов в жилище обнаружены: обломок глиняного рыболовного грузила, по-видимому, биконической формы, кости и зубы лося, бобра, рыбы, а также — в одном из сосудов — гастролиты птиц.

Поселение Атымья IV [4, 5] находится в 9 км вверх по реке от Атымьи VII и занимает участок на пологом склоне левой надпойменной террасы, на высоте 8—10 м. Памятник раскопан полностью. В раскопе площадью свыше 200 м^2 исследованы остатки трех сооружений, в различной степени пострадавших при прокладке ЛЭП и под действием факторов, обусловленных склоновым стоком.

Сооружение 1 (рис. 1, *Г*) было, очевидно, наземной постройкой легкого типа, подпрямоугольной формы, со сторонами 5×3,5 м (площадь свыше 16 м^2), ориентированной длинными сторонами по линии СВВ—ЮЗЗ. Пол в жилище, образованный незначительной подправкой древней поверхности, был посыпан охрой, отчетливо прослеживавшейся вдоль восточной и южной стен, а также небольшими пятнами у западной стены и в юго-западном углу. В восточной части жилища около стены зафиксированы три ямы, две из которых, возможно, от столбов. Остатки очага не обнаружены. Находки (керамика, обломки и целые глиняные грузила, каменные предметы) концентрировались в основном вдоль стен, особенно много их было в восточной части сооружения. В центре постройки и за ее пределами находки были единичны.

Сооружение 2 находилось в 7 м к северо-западу от первой постройки. Основание этого наземного строения фиксировалось в плане в виде пятна охры неправильной округлой формы, имевшего более интенсивную окраску в центре и размытого по краям. Находки концентрировались в пределах этого пятна на площади ~16—17 м^2, особенно плотно в его центральной части. Судя по составу находок (керамика, каменные изделия, глиняные грузила) и наличию очажного слоя, сооружение носило жилой характер (рис. 7). Объект 3 выделен достаточно условно [1] В 10 м от жилищ 1 и 2 выше по склону на небольшой площади найдено около 40 мелких фрагментов керамики,

[1] Ряд фактов позволяет предположить, что для энеолитических построек 2 и 3 были использованы впадины мезолитических жилищ, уровень пола которых фиксируется на 10—20 см ниже. С ранними жилищами связаны изделия из камня мезолитического облика: нуклеусы, ножевидные пластины, скребки, острия, обломок трапеции и др. [6, с. 6, 9].

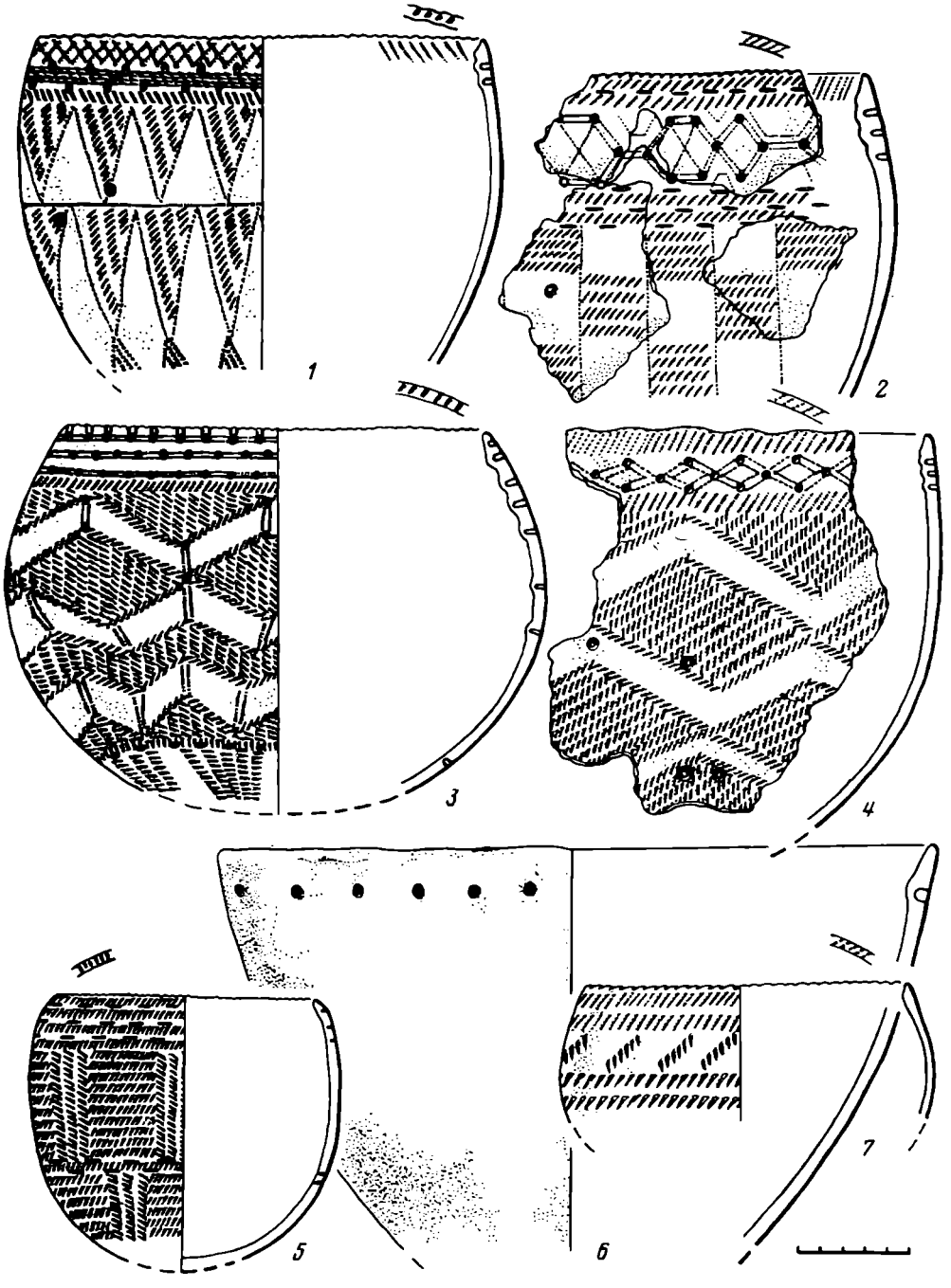


Рис. 7 Поселение Атымья IV Керамика (*2, 7* — жилище 1, остальное — жилище 2)

обломок грузила и 2 каменных предмета. Заметим, что на пространстве между жилищами и данным объектом не найдено ни одного предмета.

Таким образом, к эпохе энеолита на поселении Атымья IV относятся жилища 1, 2 и небольшой комплекс находок объекта 3, о чем свидетельствует наличие многих общих черт и деталей (наземный характер, малая площадь, посыпка пола охрой, концентрация находок в пределах площади пола, сходство инвентаря и, что очень важно, присутствие обломков от одних сосудов в разных постройках).

Коллекция керамики с поселения насчитывает более 700 фрагментов примерно от 25 сосудов. В их числе имеется несколько оригинальных экземпляров: один так называемый ладьевидный сосуд (рис. 8, *3*), три миниатюрных

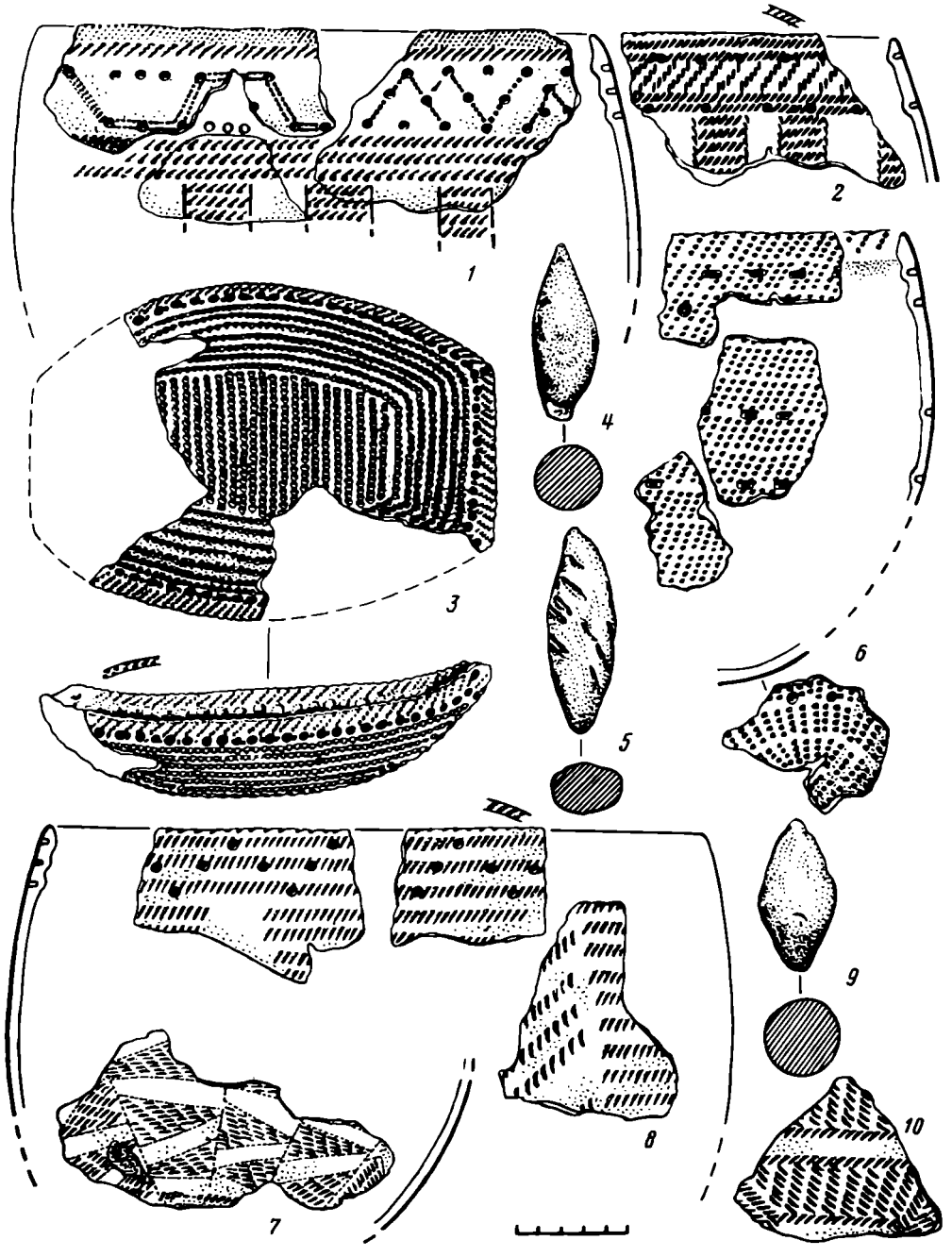


Рис. 8. Поселение Атымья IV Керамика и глиняные грузила (*1, 4, 5, 8, 9* — жилище 1, остальное — жилище 2)

(рис. 9, *13*, *14*, *15*) и низкая овальная чаша со сливом в виде головки птицы (рис. 9, *12*). Посуда распределялась по объектам следующим образом: жилище 1 — 6 сосудов, жилище 2 — 16, в том числе ладьевидный и чаша с головкой птицы, объект 3 — 3 сосуда.

Коллекция керамики включает разнообразную по форме и размерам посуду. Основу комплекса составляют круглодонные сосуды закрытой формы с плавнопрофилированным туловом (20 экз.). Среди реконструированных только один экземпляр имеет открытое устье (рис. 5, *6*). Диаметры по венчикам варьируют от 12 до 32 см. Наибольший диаметр по тулову в большинстве случаев приходится на середину или верхнюю треть высоты сосуда. Высота сосудов всегда меньше диаметров по тулову и венчику. У многих сосудов венчики имеют скошенность с внутренней или, реже, наружной стороны. Характерно наличие

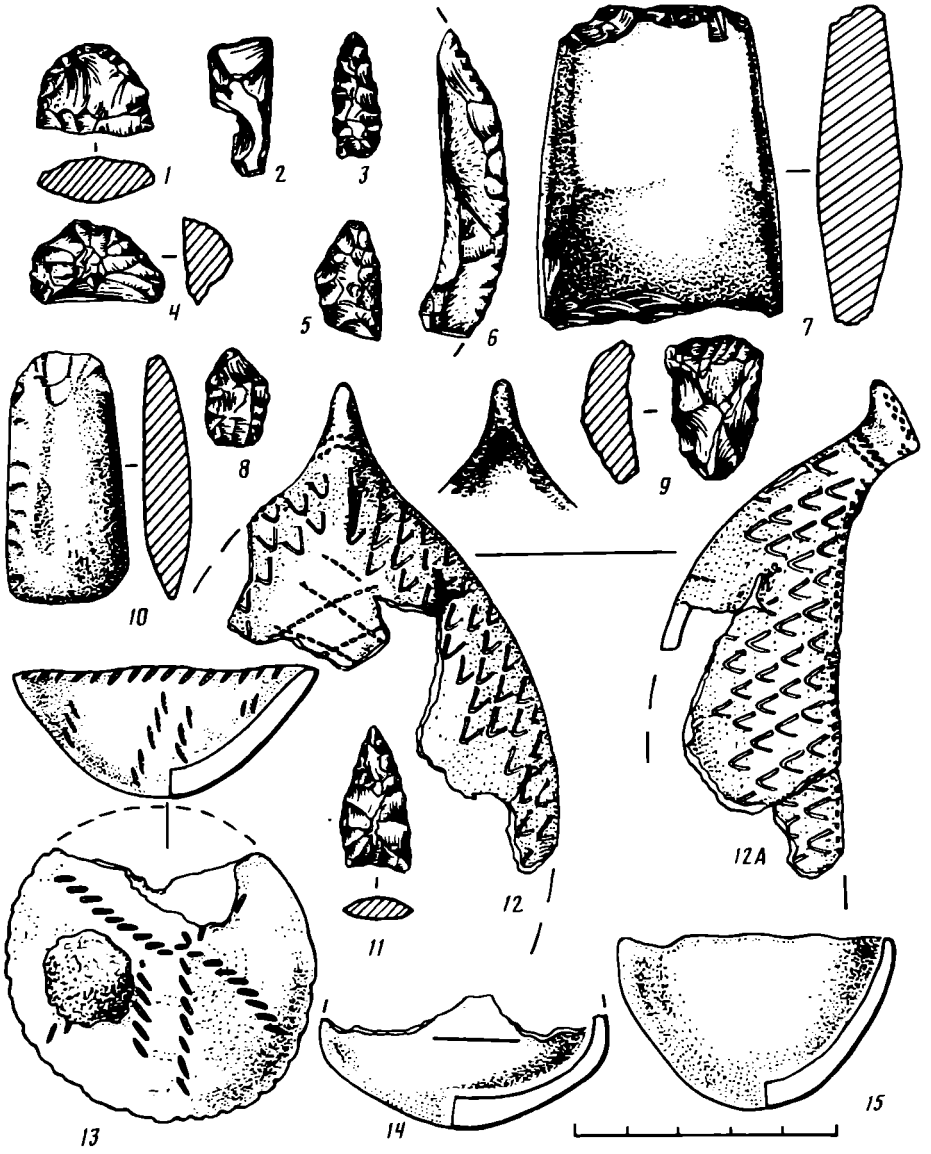


Рис. 9. Керамика и каменный инвентарь атымьинских памятников (*1—6, 8—11, 13—15* — Атымья IV; *7* — пос. Вершина; *12* — Атымья II)

незначительного утолщения на внутренней стороне стенок под скошенным венчиком. Края венчиков в большинстве случаев прямые, у трех сосудов волнистые (рис. 7, *4*) Вся посуда сделана из хорошо промешанной глины, содержащей песок, мелкую дресву, шамот; у нескольких сосудов — на изломе и на поверхности — видны мелкие включения охры. Керамика — хорошего обжига, от светло-коричневого до темно-серого и серого цвета. Наружная поверхность стенок аккуратно заглажена, а внутренняя часто затиралась гребенчатым штампом. Стенки сосудов довольно тонкие (4—6 мм)

Для керамики характерна сплошная и довольно плотная орнаментация. Исключение составляет сосуд, украшенный пояском ямочных вдавлений (рис. 7, *6*) Орнамент наносился преимущественно косопоставленным гребенчатым штампом в 3—5 мелких зубцов и концом круглой палочки. Единично встречены штампы индивидуальных форм (рис. 9, *13*), а также прочерчивание (рис. 8, *1*) и наколы (рис. 8, *3*) В расположении орнамента прослеживаются те же закономерности, что и на керамике Атымьи VII. Однако ямки в сочетании с соединяющими их гребенчатыми оттисками образуют более сложные фигуры, близкие по форме сотовым (рис. 7, *2*). По характеру орнамента на тулове посуда

также может быть разделена на две группы: сосуды с геометрическими узорами (рис. 7, *1*, *4*; 8, *1*, *2*, *7*) и украшенные повторяющимися поясками из наклонных оттисков гребенчатого штампа, разделенных наколами того же штампа (рис. 8, *6*).

Привлекает внимание посуда оригинальных форм. В одном случае это небольшая овальная чаша (рис. 9, *12*), на краю которой имеется налеп в виде головки птицы с желобком для слива (?). Ее тулово украшено отпечатками фигурного штампа в виде скобки, а дно — гребенчатыми оттисками, образующими сетку, вероятно, имитирующими оперение птицы. Второй экземпляр — ладьевидный сосуд (рис. 8, *3*) — имеет округлое дно и открытое устье в форме усеченного в обеих вершинах овала. Вся наружная поверхность его покрыта орнаментом из отпечатков гребенки, ямочных вдавлений под венчиком и многочисленных рядов наколов на стенках и дне. На тулове некоторых сосудов имеются парные отверстия (рис. 7, *1*, *2*, *4*), возможно следы их починки.

Во всех исследованных объектах Атымьи IV найдены глиняные грузила. Они представлены 3 целыми экземплярами биконической формы (рис. 8, *4*, *5*, *9*) и 20 фрагментами еще от 5—6 штук. У них круглое или овальное сечение, длина — от 7,1 до 9,8 см, одно грузило орнаментировано (рис. 8, *5*).

Изделия из камня распределяются по объектам следующим образом: в первом жилище — 3, во втором — 26, в объекте 3 — 2 экз.

В первом жилище найдены: обломок двусторонне ретушированного наконечника стрелы, пластинчатый отщеп с краевой ретушью с трех сторон (рис. 9, *2*) и так называемый «каменный диск» округлой формы, диаметром 8 и толщиной ~1,5 см, на одном из выступов которого видна выкрошенность, характерная для скребков по дереву.

Комплекс из жилища 2 включает 10 орудий и 16 отщепов. Среди них два шлифованных тесла, одно целое и лезвие от второго, сколотое сильным ударом. Длина целого экземпляра — 4,9, ширина в средней части — 2,3, у лезвия — 2,4, толщина — 1 см. Интересно, что в работе использовались оба конца орудия.

Другая группа орудий представлена пятью скребками (рис. 9, *1*, *4*, *5*, *8*, *9*). Они изготовлены на отщепах, размеры небольшие — от 2,3 до 2,6 см. Лишь один скребок, применяющийся для обработки кожи, имеет длину 4,6 см, кромка его лезвия заглажена и скруглена, на ней видны четкие линейные следы скребкового характера. У остальных скребков рабочие кромки выкрашены; по-видимому, их использовали при обработке дерева.

Среди наконечников стрел лишь один экземпляр (рис. 9, *3*), листовидной формы с усеченным основанием (длина — 2,4 см), кончик пера слегка поврежден. Два сломанных наконечника, как показал микроанализ, были переделаны в сверла диаметром 6 и 7 мм. Их концы скруглены и сглажены. На скругленных участках прослежены тонкие концентрические следы, судя по которым, этими орудиями сверлили камень или керамику. Глубина проникновения в обрабатываемый материал составляет 4—6 мм.

На площади объекта 3 был найден обломок наконечника дротика (рис. 9, *6*), имевшего длину ~7—7,5 см. Обломок вторично использовался в качестве пилки; на одном из выступов бокового края сохранились линейные следы, параллельные кромке лезвия.

Здесь же найден подпятник — округлая уплощенная галька (100×85 мм) с двумя высверленными на противоположных плоскостях лунками диаметром ~35 мм и глубиной до 9 мм. На боковых гранях по периметру этой гальки есть следы, свидетельствующие об использовании ее для дробления и растирания твердых материалов (камень, кость?). Основным назначением орудия было использование его для сверления и, по-видимому, добывания огня.

Орудия изготовлены из кремня, кремнистых пород, кварцита, песчаника и сланцев. Весьма показателен их набор: тесла, наконечники (из их обломков — сверло и пилка) и скребки, очень мало отщепов. 6 орудий из 14 применялись для обработки дерева. Предельно экономное использование каменных орудий

Рис. 10. Стоянка Атымья II. Керамика (*2, 3* — фрагменты одного сосуда)

свидетельствует о том, что обитатели поселка испытывали дефицит каменного сырья.

Стоянка Атымья II [1, с. 10—14] расположена на мысовидном выступе надпойменной террасы левого берега реки, на высоте 8—9 м. На этом памятнике исследованы остатки наземной постройки, которая, судя по очертаниям пола, посыпанного красной охрой, имела подпрямоугольную форму. Длина стен 6×4,8 м (площадь ~28 м^2), западную стену прорезал коридорообразный выступ выхода (шириной 0,7 м), обращенного к реке. Остатков очага и столбовых ямок в сооружении не обнаружено. В жилище и снаружи, возле стен, найдены немногочисленные обломки посуды и всего 13 каменных предметов. Среди последних следует отметить наконечник стрелы подтреугольной формы с выемкой в основании (рис. 9, *11*) и обломок небольшого шлифованного тесла, остальное — отщепы и куски камня. Комплекс керамики включает фрагменты полутора десятков сосудов, в том числе двух плоскодонных (рис. 10, *2*). Материал сильно раздроблен [2] По всем основным показателям керамика Атымьи II (рис. 10) обнаруживает значительное сходство с материалами поселения Атымья IV Близость обоих комплексов проявляется в одинаковой рецептуре формовочной массы, форме сосудов, заглаживании внутренней поверхности гребенчатым штампом, орнаментации (сплошная, зональная, с использованием геометрических фигур и т. д.), способах нанесения орнамента (печатная гребенка, в том числе косо поставленная к поверхности, и ямки) и др.

[2] Это объясняется тем, что на данном участке террасы люди останавливались на короткое время еще по крайней мере дважды: в раннем железном веке и позднем средневековье.

Типологическое сходство комплексов Атымья II и Атымья IV очевидно, несмотря на то, что в первом имеется несколько черепков, украшенных шагающей гребенкой, и полностью отсутствует отступающе-накольчатая техника. Напомним, что в материалах Атымьи IV в свою очередь отсутствует шагающая гребенка и имеется всего один сосуд (ладьевидный), украшенный наколами палочки.

Прежде чем перейти к сравнительному анализу материалов Атымьи IV и II, с одной стороны, и Атымьи VII — с другой, вкратце остановимся на некоторых сторонах хозяйственного и бытового уклада древних обитателей здешней тайги.

Можно констатировать, что все исследованные стоянки носят кратковременный, сезонный характер. В пользу этого свидетельствуют следующие факты: постройки легкого типа, отсутствие в некоторых из них очагов, малое количество находок, предельно экономное использование каменных орудий, глиняная посуда со следами починки и др. Пребывание людей на этих стоянках было непродолжительным. Сравнительно большое количество находок на Атымье VII не противоречит нашему выводу, так как одиночное жилище на этом памятнике заселялось неоднократно, о чем говорят, в частности, следы его ремонта и подправки. Большинство же из найденных в жилище развалов сосудов и крупных обломков следует отнести к последнему периоду функционирования постройки.

Исследованные жилища — легкие каркасные — не могли быть местом постоянного обитания людей в условиях суровой и продолжительной зимы. Этот вывод подтверждают и находки грузил на Атымье IV и VII, так как лов сетями мог производиться только по открытой воде.

Наиболее вероятным периодом, когда на короткое время происходило заселение удобных участков побережий р. Атымья, является, на наш взгляд, осень. Это период миграции лосей, именно осенью наиболее продуктивны рыболовство (что связано с ходом рыбы к местам нерестилищ) и охота на боровую и линную птицу. В этот период особенно щедры тайга и болота ягодой, кедровым орехом.

Однако главным промыслом являлась все-таки охота. К сожалению, костные остатки сохраняются в песке очень плохо, удалось найти лишь кости и зубы лося и бобра на стоянке Атымья VII. Мы предполагаем, что большинство каменных орудий, имеющих следы работы по дереву или кости, использовались для изготовления орудий охоты (ловушки, настораживающие устройства, костяные наконечники стрел и т. п.).

Если наши рассуждения верны, то перед нами типичные промысловые охотничьи жилища (избушка), хорошо известные по этнографии северных народов. Они строились вдоль промысловых пешеходных троп в пределах охотничьих угодий [7, с. 128] Из этого следуют два вывода. Во-первых, осенний промысел проходит недалеко от основного места обитания охотников. Следовательно, на реке Атымья, по-видимому в ее устьевой части, должно было находиться такое поселение, возможно, с иным типом жилищ. Данное предположение не лишено оснований, так как недалеко от впадения Атымьи в р. Пелым, в д. Вершина, найдены керамика и каменные изделия (рис. 9, 7), возможно, относящиеся к периоду энеолита — ранней бронзы. Впрочем, оно могло существовать и на берегах небольшого озера, расположенного недалеко от места слияния двух рек. Во-вторых, на ограниченном участке побережий р. Атымья не могли существовать одновременно промысловые домики или избушки, принадлежащие многим хозяевам, поскольку сама специфика охотничьего хозяйства предполагает рассредоточенность населения, его очень малую плотность [7, с. 128; 8, с. 281]

Таежное население Северного Зауралья на рубеже каменного и бронзового веков было крайне немногочисленным. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют утверждать, что хозяйственно-бытовой уклад таежных

охотников характеризуется стабильностью на протяжении многих веков и даже тысячелетий. Так, например, стоянка бронзового века Атымья IA [9] отличается от рассмотренных выше очень незначительно и только обликом керамики. На ней было раскопано одиночное жилище легкой наземной конструкции (рис. 1, *А*), площадью ~55 м^2 (8,5×6,5 м), имевшее подпрямоугольную форму. В центре постройки находился очаг, пол был посыпан охрой, в жилище найдены около 200 черепков от десятка сосудов и всего одно каменное изделие. Кстати, посыпка охрой пола в жилищах является еще одной устойчивой традицией, фиксируемой на всех атымьинских памятниках.

Сравнивая материалы Атымьи VII и II, IV, нельзя не прийти к выводу об их значительном сходстве. Сказанное в равной мере относится и к каменному инвентарю, и к посуде. Керамические комплексы сопоставимы между собой по совокупности многих признаков (форма, технология, техника орнаментации, орнаментальные мотивы и композиции); сходство их проявляется даже в деталях. Как различие отметим отсутствие или исключительную редкость в комплексах Атымья II и IV шагающей гребенки и отступающей палочки, в то время как на Атымье VII их удельный вес достаточно велик.

Принимая во внимание, что шагающая гребенка была наиболее широко распространена в Зауралье в позднем неолите, а в посленеолитическое время ее удельный вес значительно уменьшается, стоянку Атымья VII следует признать наиболее ранним среди исследованных памятников. Отступающе-накольчатая техника в этом плане менее показательна, так как в том или ином виде она доживает до середины II тыс. до н. э. Две другие стоянки — Атымья II и IV — мы считаем одновременными и более поздними, чем Атымья VII. Таким образом, есть все основания признать стоянки Атымья VII, II и IV однотипными, но разновременными памятниками. Решение вопроса о культурной принадлежности атымьинских материалов по существу сводится к выяснению принадлежности наиболее раннего из памятников — Атымьи VII.

Материалы Атымьи VII ярки и оригинальны. Облик керамики настолько своеобразен, что в настоящее время ей трудно найти прямые аналогии. Сосуды закрытых и открытых форм, круглодонные, с наплывами под венчиками, вертикальной разбивкой орнаментального поля, преобладанием гребенчатой техники орнаментации (при наличии шагающей и отступающе-накольчатой) — эти и другие черты представлены в отдельности как на поздненеолитической, так и на энеолитической и раннебронзовой посуде Зауралья. Однако, взятые в совокупности, они характерны прежде всего для посуды липчинской культуры [3, с. 155; 10, с. 38; 11, с. 9, 17]

Очень важными, на наш взгляд, являются свидетельства ряда исследователей, что на липчинской керамике встречается «шагающая гребенка». В данном случае речь идет о коллекциях, происходящих из жилищ, обследованных на северном берегу Андреевского озера [12, с. 4, рис. 1, табл. 1], стоянке Сосновый остров [13, с. 172—173, рис. 7 и 9] и однослойном Моршининском поселении [3, с. 155]. К числу памятников, близких последнему, В. Ф. Старков относит Махтыли и Кокшарово I [3, с. 149] Шагающая гребенка известна в энеолитических комплексах Южного Зауралья: на суртандинских памятниках (Суртанды VIII, Мурат, Карабалыкты IX и др.) [14, с. 21, 47, 81] и поселениях кысыкульского типа (Латочка, Кораблик, Кысыкуль, Няшевка II и др.) [15, с. 14, 29, 37, 40] На последних она встречается в сочетании с печатной гребенкой и «ложным шнуром».

Ямочная орнаментация характерна для энеолитической керамики Среднего Притоболья, в том числе липчинской [10, с. 38] В липчинских комплексах достаточно широко представлена ложношнуровая техника орнаментации, которую можно рассматривать как разновидность отступающе-накольчатой, столь характерной для посуды стоянки Атымья VII. Еще более значительным является сходство атымьинской и липчинской керамики по орнаментальным мотивам, прежде всего геометрическим. В обоих случаях это вертикальные колонки,

треугольники, взаимопроникающие зоны и др. По мнению ряда археологов, для орнаментации липчинской посуды характерен развитый геометризм [3, с. 147; 16, с. 42] В неменьшей степени он характерен и для посуды атымьинских стоянок. Примеры взаимосочетания развитого геометризма с архаичными техническими приемами нередки в энеолитических памятниках Среднего Зауралья и Тюменского Притоболья [3]

Правомерности сопоставления материалов атымьинских стоянок с липчинскими не может противоречить облик атымьинского каменного инвентаря, поскольку все еще неизвестны характерные типы последнего для стоянок липчинской культуры Среднего Зауралья и Нижнего Притоболья [16, с. 42]. Биконические глиняные рыболовные грузила, как и каменный инвентарь, в данном случае не являются этнокультурным показателем, хотя некоторые исследователи характеризуют их именно как липчинские [18, с. 110—111].

Исходя из сказанного, мы считаем возможным отнести стоянку Атымья VII к кругу памятников липчинской культуры и предлагаем рассматривать атымьинские комплексы (Атымья VII, II и IV) как опорные одного из вариантов (его можно назвать северным или атымьинским) липчинской культуры.

Особых расхождений в датировке липчинских комплексов не существует, и время их бытования определяют второй половиной III тыс. до н. э. [11, с. 10; 16, с. 44; 19, с. 11] В эти же рамки укладываются две абсолютные даты, полученные для угля из заполнения жилища Атымьи VII—4130±40 (шифр ЛЕ-2642) и внешней ямы — 4410±40 лет (шифр ЛЕ-2644). Однако следует иметь в виду, что это даты наиболее раннего памятника, стоянки же Атымья II и IV имеют, по-видимому, более поздний возраст — ближе к концу III — началу II тыс. до н. э. Об этом свидетельствуют определенное сходство керамики Атымья IV с посудой аятского типа и находка ладьевидного сосуда в одном из жилищ Атымьи IV Ладьевидные сосуды характерны для северососьвинской сартыньинской культуры на всем протяжении ее существования (XVIII—XIV вв. до н. э.) [20, с. 51—52, рис. 6, *в*; *19—24*], но все они отличаются от атымьинского. По мнению Е. А. Васильева, сосуд из Атымьи IV является одним из самых ранних экземпляров [4].

Таким образом, атымьинская группа памятников липчинской культуры может быть датирована второй половиной III — рубежом III—II тыс. до н. э. или эпохой энеолита. За этот период не произошло каких-либо серьезных изменений в хозяйстве и бытовой деятельности таежных охотников и рыболовов. Можно отметить изменения в домостроительстве: уменьшается площадь промысловых домиков — от 47 м^2 (Атымья VII) до 28 м^2 (Атымья II) и 16 м^2 (Атымья IV), а также керамики (постепенно исчезают шагающая гребенка и отступающе-накольчатая техника). Неизменной осталась техника обработки камня.

В заключение хотелось бы сделать несколько замечаний по проблемам липчинской культуры.

1. Анализ материалов липчинских памятников из разных районов Зауралья и Нижнего Притоболья дает основания предполагать многокомпонентный состав керамики липчинской культуры. Это выражается, с одной стороны, в наличии в комплексах сосудов, украшенных геометрическими фигурами, и посуды с несложными линейными узорами, а с другой — в использовании самых различных способов нанесения орнамента. Соотношение этих компонентов в разных районах и в разные периоды будет различным. Так, для липчинской керамики Среднего Зауралья, по-видимому, в большей степени характерны геометризм в орнаментации и ложношнуровая техника; для синхронных мате-

---

[3] На Дуванском XVII поселении (в раннем комплексе) имеются экземпляры сосудов, украшенных треугольниками, поле которых заполнено поясками шагающей гребенки (см. также [17, рис. 4, *б*]).

[4] Письменное сообщение Е. А. Васильева от 5.01.1985 г.

риалов из Среднего и Нижнего Притоболья более характерными будут ямочные вдавления и шагающая гребенка. Но и в том, и в другом районах данные компоненты не будут единственными.

Можно предположить, что будут различаться — в каждом конкретном районе — и тенденции изменения липчинской керамики. В Среднем Зауралье, по-видимому, постепенно возрастает удельный вес гребенчатой техники (что находит законченное выражение в керамике аятского типа); в районах Притоболья аналогичные процессы протекают более сложным путем.

2. Говоря о происхождении атымьинских памятников и в целом липчинской культуры, необходимо учитывать как роль местного компонента в их сложении, так и значение передвижек групп населения из восточных или южных районов [16, с. 42] Многие характерные для липчинской керамики черты можно найти в неолитических комплексах Зауралья. Исходя из того что липчинская культура формируется в Среднем Зауралье и на смежных с ним территориях, можно предположить аналогичную многокомпонентность позднеолитической керамики в этих районах. В этой связи особый интерес для нас представляют материалы поселения Дуванское V (раскопки В. И. Стефанова) с керамикой, сопоставимой как с полуденковской, так и с сосновоостровской. Для памятника имеется радиоуглеродная дата — середина IV тыс. до н. э. (шифр образца ЛЕ-1367) Интересно, что такая же дата есть для полуденковских памятников Андреевского озера [21, с. 58]

3. Представляется возможным говорить о существовании двух этапов в развитии липчинской культуры. В основу их выделения может быть положена керамика, и в первую очередь техника нанесения орнамента. Если для раннего, собственно липчинского этапа мы фиксируем наличие техники шагающей гребенки, отступающей палочки, печатной прямо и косо поставленной гребенки (Атымья VII), то на керамике более поздних памятников (Атымья II, IV) два первых приема почти не встречаются. Интересно, что именно эта посуда при всем ее таежном облике вызывает аятские ассоциации. Реальность существования указанных этапов культуры, во всяком случае в северных и северо-восточных районах ее распространения, подтверждается материалами, полученными Уральской археологической экспедицией в бассейне р. Конда.

4. В настоящее время трудно выделить какой-то определенный район сложения липчинской культуры. Возможно, ее формирование на позднеолитической основе шло параллельно в нескольких районах. В связи с этим так или иначе приходится говорить о наличии локальных вариантов культуры. Этот вопрос, впервые поставленный Н. П. Кипарисовой [22, с. 23], нуждается в уточнении, но уже сейчас можно назвать следующие варианты «липчинки»: среднеуральский, тюменский, северный (атымьинский) и, по-видимому, кондинский [5] Не исключено, что локальные различия связаны со своеобразием той основы, на которой возникали варианты липчинской культуры.

5. Мало разработаны вопросы отношения липчинцев со своими соседями и пути их миграций. В южных районах липчинская культура — в ее среднеуральском и тюменском вариантах — граничит с суртандинской. В пограничной между ними зоне (север Челябинской обл.) складывается оригинальная группа памятников (типа Абселямовская, Иткуль II, V, Латочка, Кораблик, Нящевка II и др.) с сочетанием липчинских и суртандинских элементов [14, с. 105; 16, с. 37] Хотя вопрос о взаимоотношении липчинской и суртандинской культур достаточно сложен, на наш взгляд, между ними имеется много общего, и противопоставлять их было бы неверно. Во всяком случае, в эпоху энеолита керамика только этих зауральских культур характеризуется развитым геомет-

---

[5] Памятники кондинского варианта липчинской культуры, относящиеся ко второму этапу ее существования, мы предлагаем назвать волвончинскими — по наиболее полно исследованному памятнику Волвонча I, расположенному в районе пос. Кондинское [23]

ризмом в орнаменте. К сожалению, Г Н. Матюшин, говоря о господстве геометрических узоров в орнаменте суртандинской керамики [14, с. 271], не приводит данных о количестве такой нарядной посуды в комплексах. Мы предполагаем, что ее удельный вес все же не настолько высок, чтобы считать геометрические узоры принадлежностью только суртандинской культуры. Для липчинской керамики они характерны в неменьшей степени. Поэтому неверно объяснять наличие керамики с геометрическими узорами в материалах памятников сопредельных районов (Приуралье, Тюменское Притоболье, лесное Зауралье) контактами или проникновениями только суртандинских элементов [14, с. 106]. При таком подходе суртандинские элементы можно было бы распознать в комплексах Северного Приуралья (типа Чужьяёль) [24] или лесостепного Приишимья (типа Ир II) [25, с. 45—55] На наш взгляд, появление чужьяёльских памятников и поселений типа Ир II (III комплекс) следует связывать с миграциями различных групп липчинского населения. Отсутствие на керамике этих памятников шагающей гребенки [24, рис. 2, *9*; 10, *11*; 25, с. 54] и незначительный процент отступающей палочки [25, с. 54] могут свидетельствовать о сравнительно позднем проникновении в эти районы липчинского населения (время существования стоянок Атымья II и IV). Еще ждет своего разрешения вопрос о соотношении липчинских и шапкульских памятников. Думается, этой теме должно быть посвящено самостоятельное исследование.

6. Включая в ареал липчинской культуры районы Северного, Среднего Зауралья, Тюменского (а возможно, и Среднего) Притоболья и бассейна р. Конда, мы допускаем, что в данном случае речь может идти о существовании на рубеже каменного и бронзового веков на обширных пространствах таежного Зауралья (включая прилегающие районы Западной Сибири), культурно-исторической общности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кокшаров С. Ф.* Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Свердловской и Тюменской областях летом 1984 года // Архив КА УрГУ Ф. II. Д. 399. Свердловск, 1985.
2. *Старков В. Ф.* Стоянка Шапкуль 1 и особенности энеолита в лесном Зауралье // ВАП. 1976. Вып. 1.
3. *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980.
4. *Морозов В. М.* Отчет о раскопках поселения Атымья IV в Ивдельском районе Свердловской области. Т. I // Архив КА УрГУ, Ф. II. Д. 332. Свердловск, 1980.
5. *Сериков Ю. Б.* Работы Нижнетагильского отряда // АО—1981. М., 1982.
6. *Сериков Ю. Б.* Мезолит Среднего Зауралья: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1984.
7. *Чупин Н. К.* О местах жительства и образе жизни вогул (по Альквисту) // Сб. Пермского земства. 1874. Кн. 1.
8. *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей северной Евразии. М.: Наука, 1976.
9. *Стефанов В. И.* Отчет об археологических работах на трассе газопровода Надым—Пунга—Ивдель в Свердловской и Тюменской областях и на территории строящегося нефтехимического комплекса у г. Тобольска // Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 282. Свердловск, 1978.
10. *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35.
11. *Ковалева В. Т* Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1979.
12. *Юровская В. Т* Классификация и относительная хронология археологических памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени // ВАУ. 1973. Вып. 12.
13. *Викторова В. Д.* Сосновый Остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья // СА. 1968. № 4.
14. *Матюшин Г Н.* Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982.
15. *Крижевская Л. Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
16. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981.
17. *Ковалева В. Т* Энеолитическое поселение на Андреевском озере // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1977.
18. *Юровская В. Т., Сосновкин И. Н.* Поселение на северном берегу оз. Андреевского близ г. Тюмени // Вопросы истории Западной Сибири. Вып. 1. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1974.
19. *Старков В. Ф.* К вопросу о периодизации зауральского неолита // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970.

20. *Васильев Е. А.* Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983.
21. *Ковалева В. Т.* О схемах развития неолита лесного Зауралья // ВАУ. 1981. Вып. 15.
22. *Кипарисова Н. П.* О культурах лесного Зауралья // СА. 1960. № 2.
23. *Стефанова Н. К.* Отчет об археологических исследованиях Уральской археологической экспедиции в зоне строительства Кондинского рыбопитомника. Т. 1 // Архив КА УрГУ Ф. II. Д. 320. Свердловск, 1979.
24. *Стоколос В. С.* Поселение Чужьяёль на Мезени // МАЕСВ, 1978. Вып. 7.
25. *Косинская Л. Л.* Поселение Ир II // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1984.

V. I. STEFANOV, S. F. KOKSHAROV

NORTHERN TRANSURAL AREA IN THE EARLY BRONZE AGE

Summary

The authors publish the materials gathered on the camps along the Atymya river (the left tributary of Pelym) (the Tavda basin in Sverdlovsk and Tyumen regions). They relate the camps to the Early Metal Age (second half of the third-early second millennium B. C.) and believe that they are the remnants of the Lipchino population's northern group. The goods and faunal remains point to a specialised, mainly hunting, economy. The authors agree with V Chernetsov that the Lipchino pottery complexes consisted of many components. The authors believe that a great simpliarity between Eneolithic antiquities of the trans-Ural area can be explained by a single cultural and historical entity to the east of the Urals.

В. И. КОЗЕНКОВА

ХРОНОЛОГИЯ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ДОСТИЖЕНИЯ, ОПЫТ УТОЧНЕНИЯ, НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Изыскивая подходы к уточнению особенностей и признаков любой археологической культуры, исследователи конечную цель познания видят в установлении точного места групп и отдельных памятников этой культуры в общей системе дат человеческой цивилизации. «Факт считается историческим, — писал Э. Бикерман, — если он может быть определен не только в пространстве, но и во времени» [1, с. 7]

Первые обобщения, касающиеся периодизации и хронологии кобанской культуры, связаны с именами А. С. Уварова [2, с. 1—6], Д. Я. Самоквасова [3, с. 31—36], П. С. Уваровой [4, с. 14, 112], Г Д. Филимонова [5, с. 33], Р. Вирхова [6, с. 10—13]. Основной итог этих обобщений конца XIX — начала XX в. сводился к первоначальному осмыслению и определению сначала общих рамок исторического периода существования культуры, а затем все более углубленной конкретики относительного и абсолютного хронологического соотношения отдельных объектов близкого облика. Этот первый этап в разработке хронологии кобанских древностей характеризуется, на мой взгляд, двумя главными достижениями: точным определением эпохи бытования этого культурного комплекса как переходного от бронзы к железу и установлением факта разновременности групп вещей, что позволило создать первые схемы периодизации культуры.

Новый, качественно более высокий рубеж в разработке хронологии кобанской культуры в конце 30 — начале 60-х годов XX в. был обусловлен интенсивными полевыми и теоретическими исследованиями многих кавказоведов, но главным образом Е. И. Крупнова [7 — 15] и А. А. Иессена [16—21]. Особенно полно и скрупулезно для своего времени проблема периодизации и хронологии Кобани представлена в специальных трудах на эту тему Е. И. Крупновым [8, с. 56; 10, с. 49; 12, с. 13] Им были критически проанализированы все подходы предшественников к проблеме, дана оценка значимости материалов базовых для периодизации и хронологии кобанской культуры, исчерпывающе учтены новейшие достижения в данном вопросе не только по северокавказскому региону, но и в Северном Причерноморье, но главным образом в Закавказье.

Существенным результатом этих разработок явилось создание схемы, где выделенные три периода имели дробную абсолютную датировку [11, с. 93—96, таблица]

В этом же русле разрабатывались региональные периодизации на основе материалов центральной и северо-западной частей Северного Кавказа Е. П. Алексеевой [22, 23], о чем мне уже приходилось писать [24, с. 19], а также Д. Газдапустаи [25—27]. В работах последнего чрезвычайно ценным является не только попытка создания трехчленной схемы периодизации центральной группы кобанской культуры на северном склоне [27, с. 265—268], но и максимальное привлечение для обоснования датировок материалов Западной Европы.

В середине 60-х и в 70-е годы большое влияние на формирование новых

© В. И. Козенкова, 1990 г.

взглядов на периодизацию и хронологию кобанской культуры оказали исследования по упорядочению хронологических схем для древностей смежных регионов. Таковы исследования К. Ф. Смирнова, А. И. Мелюковой, А. М. Лескова, В. С. Бочкарева, Е. Н. Черных, В. А. Сафронова, Г И. Смирновой, Э. С. Шарафутдиновой. Особое место занимают работы А. И. Тереножкина по уточнению основ хронологии памятников предскифского периода юга Восточной Европы, в которых разработки кавказоведов по хронологии Кобани играли немаловажную роль [28, 29] Примечательны также работы В. А. Сафронова и В. С. Бочкарева по исследованию и интерпретации вещей Бородинского клада [30, 31], в особенности опыт первого из упомянутых авторов по выделению т. н. «рутхинского погребального комплекса северокавказской культуры» [32, с. 28—30]

В Закавказье в этот период были созданы схемы периодизации отдельных культур эпохи бронзы и раннего железа центральной и восточных частей региона (А. Н. Калантадзе, Г А. Ломтатидзе, Т. Н. Чубинишвили, О. М. Джапаридзе, Р. М. Абрамишвили, А. А. Мартиросян, К. Х. Кушнарева, К. Н. Пицхелаури, С. А. Есаян, М. Н. Погребова и др.). Вопросы хронологии Кобани в работах этих авторов затрагивались лишь косвенно, но даже в таком аспекте точек возникали основания для критической переоценки господствующих точек зрения. Способствовали этому и новые данные, особенно широкие раскопки Б. В. Теховым блестящего Тлийского могильника в Южной Осетии [33, 34] Созданная на его основе пятичленная периодизация Б. В. Техова довольно убедительно включала материалы кобанского облика в общую шкалу хронологии культур эпохи бронзы — раннего железа Закавказья. Она позволила правильно соотнести комплексы из Тли с комплексами таких приоритетных для хронологии Кавказа памятников как Самтаврский и Артикский могильники [35—37] Не все в этой схеме [33, 38, таблица; 39] бесспорно, на что в известной степени справедливо указывалось в литературе [40, с. 26; 41, с. 201; 42] Однако и основания оппонентов в ряде случев также уязвимы для критики. Например, неоправданное омоложение некоторыми кавказоведами (А. П. Калитинский, Ю. Н. Воронов и др.) кавказских дуговидных фибул, на что в свое время обращал внимание А. А. Иессен [42, с. 5; 43, с. 139]

В целом же периодизация Б. В. Техова несомненно представляла шаг вперед в упорядочении накопленной лавины археологических фактов. Поэтапность их размещения в схеме прослежена не умозрительно, а на основе непосредственно наблюдаемой стратиграфии эталонных комплексов из Тли, Стырфаза и других могильников.

К концу 70-х годов относится региональная схема периодизации и хронологии памятников эпохи бронзы и раннего железа Дагестана и юго-восточной Чечни, разработанная О. М. Давудовым и В. Г Котовичем, в которой небесспорную интерпретацию получили и восточнокобанские древности [44, 45]

Одновременно большая работа велась по упорядочению хронологии новейших собственно кобанских памятников северного склона Большого Кавказа, преимущественно на востоке и западе ареала (В. М. Батчаев, В. Б. Виноградов, С. Л. Дударев, В. Б. Ковалевская, В. И. Козенкова, А. В. Найденко, Т Н. Нераденко, А. П. Рунич и др.). Основное направление было сосредоточено на разработке схем внутренней хронологии отдельных широко раскопанных памятников типа могильников Сержень-юрт, Аллерой 1 и 2, Новогрозненского, Ахкинчу-барзой, Мебельная фабрика 1, Терезе, Уллубаганалы 2, Белореченского 2, Исправного и многих других. Некоторые стороны этих схем не избежали критической оценки [46], но в целом сами разработки несомненно способствовали рассмотрению проблемы на новом, более высоком уровне [47—59] Исключительно важное место принадлежит здесь работам В. Г Петренко по уточнению хронологии раннескифских курганов Ставрополья [60—62]

Анализ итогов обобщения этих разработок содержат ряд трудов последних лет [63—65], среди которых наиболее фундаментальным является исследование Г Коссака (1983 г.). Но даже в этом всеохватывающем труде не уделено должного внимания пересмотру основ хронологии памятников центральной

группы Северного Кавказа. Между тем, корректировка дат в свете всего вышесказанного очевидна и здесь.

Более чем 10-летнее изучение проблемы происхождения кобанской культуры привело меня к необходимости пересмотра традиционных взглядов на хронологию некоторых памятников Северной Осетии и Кабардино-Пятигорья [24; 66, с. 8; 67, с. 27; 68] В рамках, выделенных Б. В. Теховым (по сравнительной типологии вещей) и С. Н. Кореневским (по особенностям металла) центральнокавказских древностей начала поздней бронзы [69, с. 155; 70, с. 24; 71, с. 15], обозначились и одновременные памятники Северного Кавказа. Раскопки близ Николаевской, Комарова, Нартана, Пседахе внесли корректировку в хронологию позднего предскифского и раннескифского периодов. Уточнение общих рамок развития культуры привело к пересмотру и абсолютных дат уже известных источников, таких, как погребения 1 и 2 могильника Загли барзонд, раннего слоя Змейского поселения, ряда могил некрополя Верхней Кобани. Например, Е. И. Крупнов, первоначально на основе погребений 1 и 2 определил Загли барзонд (1935 г.) как «предшествующий знаменитому Кобанскому могильнику...» [74, с. 47] Позднее он уточнил дату этих погребений началом II тыс. до н. э. Основанием послужило отдаленное сходство элементов формы и орнаментации керамики с энеолитическими сосудами Закавказья [75, с. 31—33] Приведенные аналогии однако очень далеки. В. И. Марковин, следуя за Е. И. Крупновым, на тех же основаниях включил могилы из Загли барзонда в группу памятников первого этапа северокавказской культуры [76, с. 42] Но детальный анализ вещей, проделанный самим же исследователем, не показывает столь архаичной даты. Сосуды имеют черты, сближающие их с сосудами третьего этапа (формы, близкие баночной, резной геометрический узор и налепы, серо-черная лощеная поверхность) Бронзовый листовидный нож близок III типу, характерному для второй половины II тыс. до н. э. [76, с. 93] Кремневая стрелка из погреб. 1 морфологически (симметричная треугольная со слабой выемкой в основании) аналогична стрелам из погреб. 10 могильника Верхняя Рутха [75, с. 51, рис. 14, *1, 2*], более точно датирующимся третьей четвертью II тыс. до н. э. на основе сопряженности с погребальным инвентарем могилы 16, содержавшим пастовые бородавчатые бусы [75, с. 56; 76, с. 78; 77, с. 80]

В свете новых данных раскрылась основополагающая для уточнения хронологии кобанской культуры роль находок из слоя Змейского поселения [78, с. 28—33] Наряду с роговыми псалиями, бронзовым серпом, роговыми бляхами, имевшими аналогии в раннебелозерских памятниках Северного Причерноморья [79, с. 138—142], здесь была найдена вместе с раннекобанской керамикой бронзовая фибула, близкая коленчатым италийским фибулам типа Пантелича II, датирующимся XI—X вв. до н. э. [80, с. 53, 54] Особая её важность — в том, что это первая находка из научно раскопанного памятника, позволяющая прямо обращаться к материалам Средиземноморья конца II — рубежа II—I тыс. до н. э. Причем она доказывает закономерность присутствия в кобанских древностях и других, казавшихся здесь ранее случайными среднеевропейских предметов, таких, как бронзовая дисковидная поясная пряжка из склепа № 1 (Хоргон) могильника Верхняя Рутха [22, табл. VIII, 24], точная аналогия ранним пряжкам XV—XIII вв. до н. э. из Сёрег и Веллем-Сентвид [81, с. 43, 48] Выразителен фрагмент бронзовой щитковой фибулы из «могилы девочки» в Северном могильнике Кобани из раскопок 1887 г. В. И. Долбежева. Как на один из примеров импорта из Подунавья на неё впервые обратил внимание Д. Газдапустаи [27, с. 237, рис. 10, *5*]

Щитковые фибулы типичны для памятников культуры полей погребальных урн периода На-А, т. е. XII—XI вв. до н. э. [82, с. 56, 57]. Ближайшая аналогия экземпляру из Кобани — фибула позднего варианта из разрушенного погребения могильника Брно-Обжаны периода На-В [83, с. 62, рис. 13, *7*] Примечательно, что в этом памятнике подольской культуры Средней Моравии засвидетельствовано, как и в Кобани присутствие элементов, характерных для черногоров-

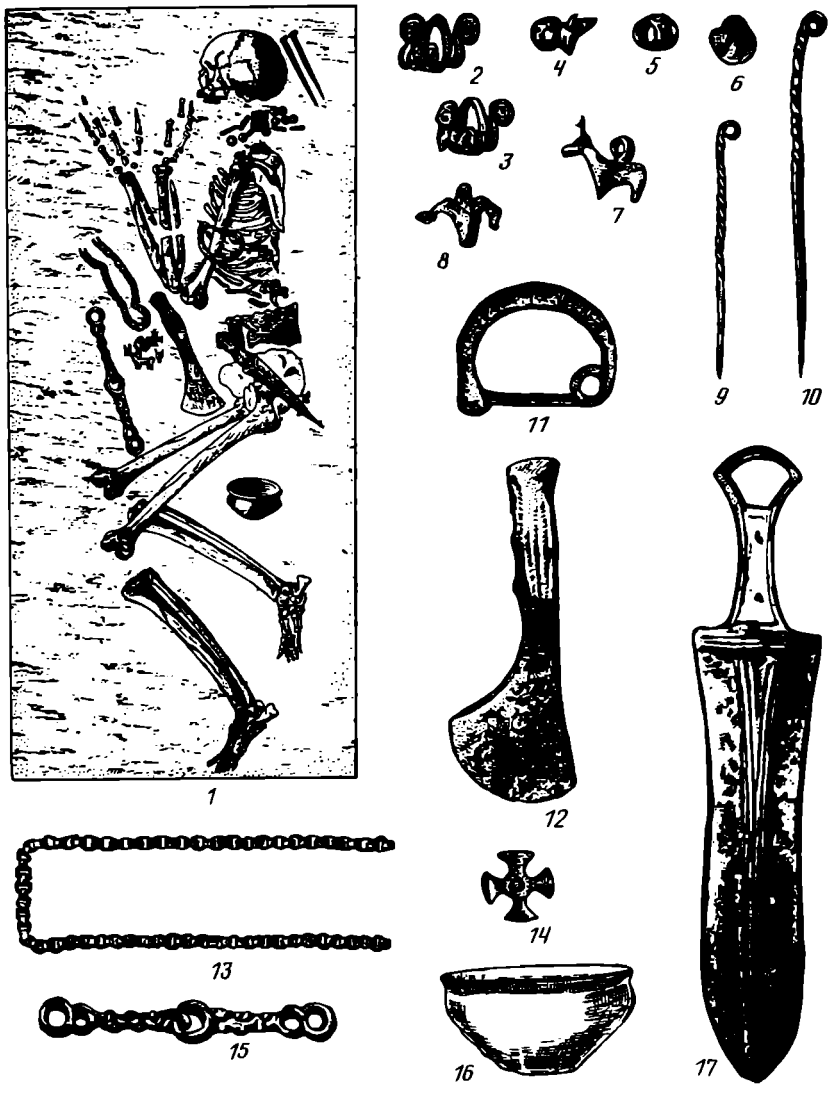


Рис. 1. Верхне-Кобанский могильник, комплекс могилы 12 (по Э. Шантру и К. И. Ольшевскому)

ского этапа позднекиммерийской культуры, по А. И. Тереножкину, и культуры VIII в. до н. э. Трансильвании, по Е. Патек: V-образная бляшка для уздечки, грибовидная бронзовая ворворка, бронзовая фибула, дужка которой украшена скульптурой хищника [83, рис. 13, *2, 13, 15*]

А. А. Иессен убедительно датировал VIII в. до н. э. погребение 12 из раскопок Э. Шантра (рис. 1) на основе изображения двукольчатых удил вместе с типично кобанскими предметами на чертеже этого погребения, выполненным К. Ольшевским [20, с. 102] Реконструкция по литературным и архивным данным других комплексов Верхне-Кобанского могильника из этих же раскопок, например, из погребений 9, 13, 15—17 (рис. 2—5), открывает новые возможности для уточнения их более узких дат В этих могилах классические кобанские изделия, имеющие широкие хронологические рамки, сочетались с вещами, близкими среднеевропейским, узкие даты которых разработаны А. Можолич, Т. Кеменцей, К. Вински-Гаспарини, В. Подборским, Л. Велачиком и др. Так, дата могил 9 и 15 может быть определена XI—X вв. до н. э. по бронзовым многовитковым браслетам, близким трансильванским из кладов горизонта Араньош, по А. Можолич, периода На-$А_1$, т. е. примерно XII—X вв. до н. э. [84, с. 76—78, табл. 8] Для уточнения даты могил 16 и 17 в пределах начала — первой половины X в. до н. э. важны находки в погребальных комплексах вещей глиняных, изящно орнаментированных цилиндрических

Рис. 2. Верхне-Кобанский могильник, комплекс могилы 9 (по Э. Шантру и К. И. Ольшевскому)

сосудов с крышками — пиксид (рис. 4, *24*; 5, *23*). Пиксиды — типичный элемент культуры Эгейского бассейна на протяжении всего II тыс. до н. э. Они бытуют здесь и на близлежащих территориях (эпизодически, как и в Кобани) до XI—X вв. до н. э. В восточной Европе пиксиды засвидетельствованы в памятниках культурных групп Сахарна-Солончены и Гава-Голиграды, тяготеющих по ряду признаков к культурам фракийского гальштатта X — первой половины VIII в. до н. э. [85. с. 36, 37], причем в указанных группах они, в большинстве своем, относятся к важным предметам, маркирующим именно их нижний хронологический рубеж. Кобанские комплексы с пиксидами, очевидно, доскифского периода. Мало того, в них нет железных изделий. Можно предполагать только инкрустацию железом на бронзовых поясных пряжках. Однако тип фибул не самый ранний. Все эти соображения и заставляют нас остановиться на вышеуказанных датах.

Чрезвычайно важен для уточнения хронологии кобанской культуры и синхронизации ее древностей с западно-европейскими новый комплекс вещей из случайных раскопок грунтового могильника близ сел. Верхний Акбаш в

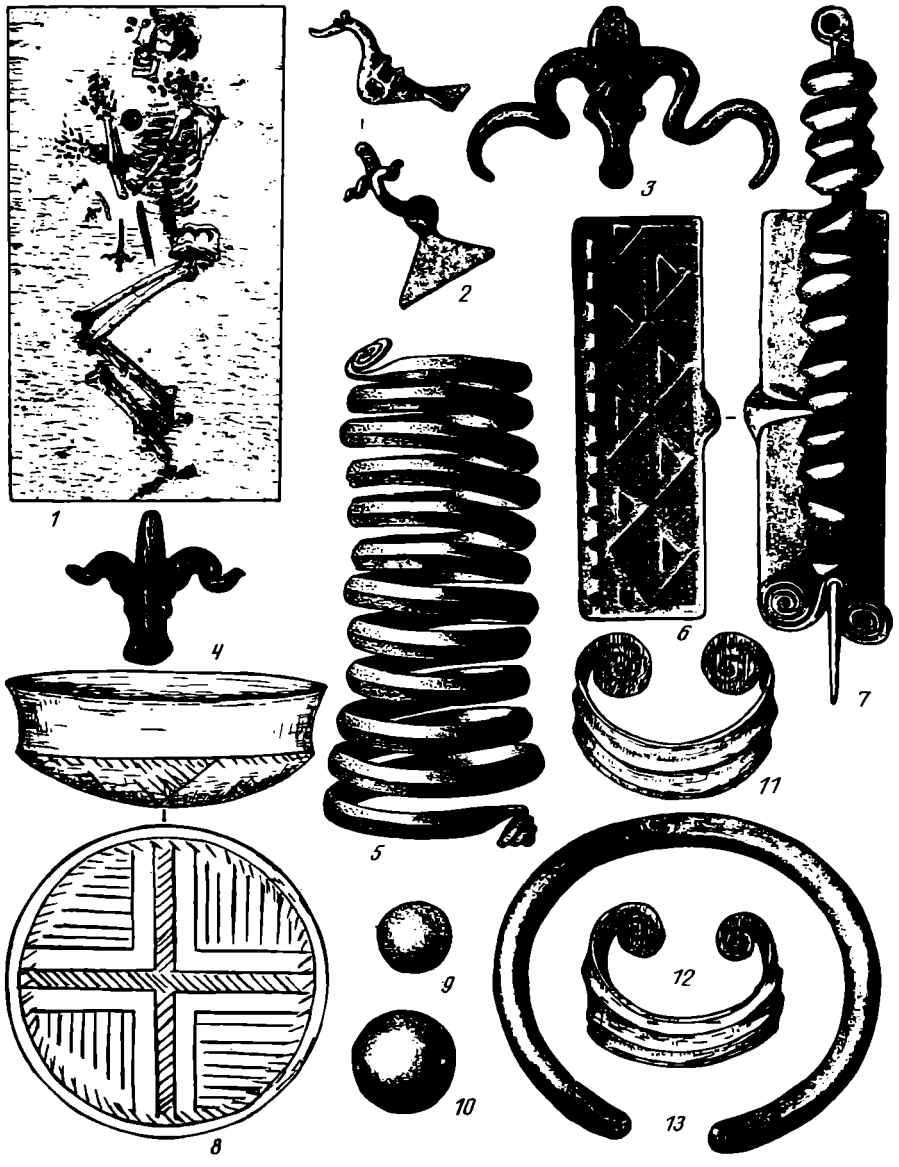


Рис. 3. Верхне-Кобанский могильник, комплекс могилы 15 (по Э. Шантру и К. И. Ольшевскому)

Кабардино-Балкарии [1] В нем сочетались ранние бронзовые ножи, пластинчатые «манжетовидные» с продольным рифлением браслеты III типа [86, с. 46], поясная полуовальная Кобанская пряжка с петлями, подвеска в виде секиры и другие украшения мужского костюма. Особенно примечательна бронзовая цилиндрически-лопастная подвеска «михалковского типа», вторая на Северном Кавказе, после аналогичной из погр. 5 протомеотского Николаевского могильника [88, табл. IV, *6*] Благодаря этим своеобразным мужским украшениям и некоторым типам оружия в настоящее время обнаруживаются поразительная близость и связь ряда кобанских и протомеотских комплексов с комплексами на территории Юго-Восточной Европы, в частности в Северной Хорватии. Например, в кладе V фазы культуры полей погребальных урн (850—750 гг до н. э.) близ Саренграда вместе с такими подвесками находились витые однокольчатые удила и трубчатые псалии, железный наконечник копья с малым

[1] Предметы были переданы археологу Б. Атабиеву, который провел первые раскопки, однако результаты их еще полностью не опубликованы [87, с. 40] Глубоко благодарна автору за разрешение упомянуть об этих важных данных.

Рис. 4. Верхне-Кобанский могильник, комплекс могилы 16 (по Э. Шантру и К. И. Ольшевскому)

пером и очковидные фибулы, типичные для памятников На-В Средней Европы [89, табл. 131, *4, 6*] В кладе из Матиевиц такие фибулы сочетались с бронзовыми наконечниками копий с шестигранными втулками, почти тождественными аналогичным копьям из погребений 7, 32 Николаевского могильника [89, табл. 129] Любопытно, что в кладе из Матиевиц наконечники с гранеными втулками сочетались также с бронзовыми одноушковыми кельтами, аналогичными кельтам из клада в Адашевичах. В последнем же такие кельты сочетались с трубчатыми псалиями с большой грибовидной шляпкой на одном конце, как в Черногоровке и Сержень-юрте. В свою очередь по кельтам синхронные клады в Матиевицах и Адашевичах соответствовали кладу из Прюдь (Венгрия), где они лежали в сосуде культуры Гава вместе с бронзовыми изделиями, близкими кобанским (рифленое навершие булавы, скипетр с головой лошади, кольца с подвесками от конской сбруи) Дата клада из Прюдь, по Т. Кеменцей,— не позднее IX в. до н. э. [90, с. 41], с чем согласны Г Коссак и Г И. Смирнова [85, с. 34] Кстати, наконечники с гранеными втулками обнаружены на территории Северной Хорватии, по К. Вински-Гаспарини, уже в кладах конца IV фазы, т. е. в абсолютных датах в первой половине IX в. до н. э. [89, с. 22, табл. 108, *32*]

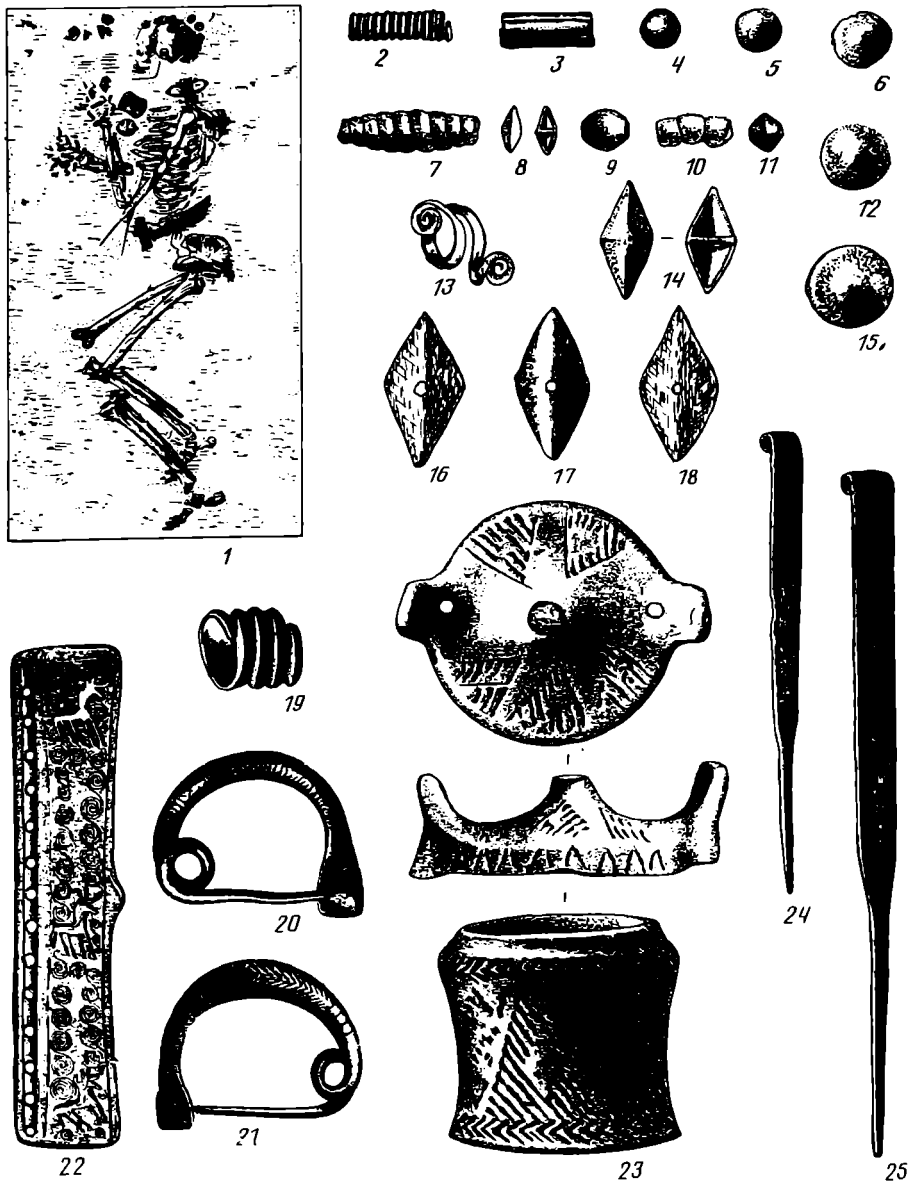


Рис. 5. Верхне-Кобанский могильник, комплекс могилы 17 (по Э. Шантру и. К. И. Ольшевскому)

Таким образом, на основе сравнительного сопоставления выявляется более значимая, чем это предполагалось еще четверть века тому назад, роль памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа Юго-Восточной и Центральной Европы для уточнения деталей хронологии северокавказских памятников кобанской культуры, а вместе с тем и всех кобанских древностей.

Одна из причин неоднозначного определения разными исследователями эпохальной принадлежности кобанской культуры заключалась в наглядных признаках эволюционности, преемственности большинства основополагающих признаков культуры (погребальный обряд, технологические, морфологические и типологические особенности металлопроизводства, керамика, этнографические черты украшений), не позволявших доказательно и жестко разделить последовательно сменявшие друг друга разновременные культурные комплексы. Особенно это касалось переходных комплексов со следами «стыка» или взаимопереплетения черт разных эпох. Отсюда проистекало стремление определить их как изделия то чисто бронзового, то раннежелезного века. Но каждый раз в связи с этим неизбежно возникали обоснованные противоречия в конкрет-

Таблица 1

Периодизация и хронология
центрального варианта кобанской культуры (века до н.э.)

Технологич. этапы		Металлургич. очаги	Периоды	Фазы развития		Диагностирующие памятники	Абсолютн. даты
ранний железный век	3	Тага-уро-Ичкеринский и Верхнекубанский	позднекобанский	Кобан IУ	б	В.Рутха,п.9(1937) Гастон Уота (1987) Терская,п.2 Кобан(сев.кладб.) Владикавказ(атт.шлем)	IУ 400
					а	В.Рутха,п.13 Казбеги,п.1 Реком(подвеска) В.Рутха,п.19,20 Казбеги,п.3 Нартан,к.10 Нижний Джулат,п.91,110 Казбеги(клад) Тли,п.216 Душети(бронз.пояс) Тли,п.103,246	У 500
	2		классический	Кобан Ш	Б	В.Рутха,п.3(1937) Комарово,п.3,8,9 Тли,п.68 Тли,п.129 Тли,п.85 Моздок-поселение(конец УШ-конец УП вв.) В.Кобан-"могила воина"(1887) Николаевская-поселение(УШ-УПвв.) Жемтала В.Рутха,к/я 2/3(1889) Тли,п.40,121,127 В.Рутха(шлем 789-766гг.) Кобан,п.12(Шантр)	УI 600 УП 700 УШ 800
	1				А	В.Акбаш,п.1(1986) В.Кобан(узда типа Эсте) Тли,п.109 В.Рутха,п.17(1937) Фаскау(шлем 883-824гг.) В.Рутха,п.4 Догуй-хунта,п.2(В.Тимофеев) В.Кобан(Шантр),п.9,13;"могила девочки"-1887	IX 900 X 1000
3			раннийй	Кобан П		Тли,п.223 В.Рутха,п.1,6-8(1937) Кобан,п.16,17(пикс.) В.Кобан(Шантр),п.15 В.Рутха-"крематорий"(1974-76) Тли,п.52 Змейская-поселение(ХП-УШ вв.) В.Рутха,п.5,12,18(1937) В.Рутха,к/я.1,272(1889) Тли,п.105,115	XI 1100 XII 1200
переходный этап							
2 поздний бронзовый век		Балкаро-Дигоро-Тлийско-Рачинский	протокобанский переходный	Кобан I	б	В.Рутха,п.11(1937) Кобан(полуовал.пряжка) Н.Кобан,п.1-6(Дранцин) Стырфаз,кромл.8 В.Рутха,к/я.2/1(1889) Стырфаз,кромл.9 В.Рутха,п.14,15(1937) Беахни-куп Фаскау(бляхи-птицы) Нацар-гора-пос.(XIII-Хв)	XIII 1300
1					а	В.Рутха,п.16 Стырфаз,кром.5 Тли,п.43,51,73 Нули,п.5(1931) В.Рутха,п.10(1937) Нальчик,п.28,31(1929) Загли барзонд,п.1,2(1935) В.Рутха,склеп 1(пряжка) Догуй-хунта	XIУ 1400

ной оценке тех или иных археологических источников и в суждениях относительно размещения их на хронологической шкале. Особенно спорным оставался и остается вопрос о их раннем рубеже.

Лишь взгляд на кобанскую культуру как на динамичную этнокультурную систему, постоянно пребывавшую в движении разной интенсивности, позволяет проникнуть в строгую логику «дифференцированной эволюции» (Г. А. Ломтатидзе), которая свойственна всему процессу образования позднебронзовых культур не только Кавказа, но и, в широком смысле, Средиземноморья. Одна

Таблица 2

Периодизация и хронология
западного варианта кобанской культуры (века до н.э.)

Технологические этапы		Периоды: центр		Периоды: запад	Диагностирующие памятники	Абсолютн. даты
ранний железный век	3	Кобан IУ	б	Ш	Прикумский,п.21 Домбай-Софруджу (аттический шлем) Минводы, п.33 Новозаведенное (грунт.погр.) Минводы,п.28-30,35 Теберда, п.1	IУ 400
			а		Байбарис, п.1 Гунделен,п.I Каррас, гр. П,IУ,УI,IX,X Клин-яр-2, п.7 (1964) Тамгацик, п.4 Лермонтовская скала-2, п.7 Султан-гора-1, п.1,7,8 Минводы,п.1,6,10 Клин-яр-2,п.3(1964) Гоготлоба,п.1 Каррас,гр.Ш Султан-гора-3,п.6(1976) Учкекен.кург. Минводы,п.3 Исправная,п.13/2 Каменномостский,п. (1954) Пелагиада,п., Карабашево,к., Тамгацик,п.7 Кызылкала,п.2 Горно-Джуцкий,п.5 Бекешевская,п.1 Березовский,п.17 Мебельная фабрика,п.24,29,30 Уллубаганалы-2,п.4,7,9 Подкумский,п.1 Индустрия,п.2(1971)	У 500 УI 600 УП
	2	Кобан Ш	Б	П	Каррас,гр.УШ Исправная,п.1 Лермонтовский разъезд Березовский-1,п.24(669-ок.635 гг.),26,п.3(1946) Каменномостский,курган 1921г. (МИА,3) Мебельная фабрика,п.13 Мебельная фабрика,п.14,34 Индустрия,п.4 Терезе,п.3 Кобан-гора,п.1 Александровское (Дубовая роща) Мебельная фабрика,п.28 Эчкиваш,п.4 Березовский-1,п.15 Бештау(с.з.клад) Каменномостский,п.2(1948) Заюково,п.2 Красные камни,п.1 Ставропольское погребение Агачевский,п.36 Каменномостский,п.10(1971) Клин-яр-3("клад") Клин-яр(предмет конской узды)	700 УШ 800 IX 900
3	1		А		Мебельная фабрика,п.44 Уллубаганалы-2,поселение (X-УШ вв.)	X 1000
переходный период		Кобан П		I	Терезе,гр.1 (XI-сер.УШ вв.) Верхнебаксанский клад Инжиччукун,п.1 Кяфарский клад Терезе,п.1(1928) Сосновогорский (отдельные предметы) Боргустанский клад Бык-гора,п.1 Машук-гора,п.1 Бекешевская(клад) Константиновское плато,п.3(1882)	XI 1100
2					Терезе,гр.2(XП-X вв.) Эшкакон,гр.1 (XП-X вв.) Ессентукская(лит.форма) Сулимина поляна (лит.форма) Упорная (клад), Заюково,п. (1888г.) Былым(клад) Аман-кол,п.1 Былым(жилище) Удобная,к.1-3 Клин-яр,к.	XП 1200
позд-ний брон-зовый век		Ко-бан I	б			XШ 1300
1			а			XIУ 1400

из особенностей этого процесса — наличие групп памятников переходного типа, характеризующихся смешанностью признаков культур более раннего периода с элементами культуры нарождающейся, находящейся в стадии становления.

Под этим углом зрения и с учетом всех достижений в разрешении проблемы периодизации и относительной и абсолютной хронологии кобанской культуры на протяжении долгого периода ее изучения в настоящее время представляется возможным выделить четыре основных периода развития культуры центрального варианта (табл. 1). Соответственно несколько более короткие периоды

Таблица 3

Периодизация и хронология
восточного варианта кобанской культуры (века до н.э.)

Технологические этапы		Периоды: центр		Периоды: восток	Диагностирующие памятники	Абсолютн. даты
ранний железный век	3	Кобан IУ	б	П	Ханкала-I,п.27,33,34,35 Курен-беной,п.(барельефн.пряжки) Нестеровский,п.29 Луговой,п.121	IУ 400
					Ханкала,п.6,25 Луговой,п.112 Нестеровский,п.28	У 500
			а		Гойты,к.4(1962) Луговой,п.75 Луговой,п.114,128,130 Луговой,п.152	
					Воздвиженское,п.(XIXв.) Аллерой-I,п.10 Луговой,п.122	УI 600
					Ца-ведено,п.I Исти-су,п.20 Нестеровский,п.2,4,8 Нестеровский,п.12,53	
					Сержень-юрт,п.4(р-П) Нестеровский,п.20 Кескем,п.11	УП 700
	2	Кобан Ш	Б	I	Сержень-юрт,п.I/76(р-П) Аллерой,п.14 Сержень-юрт-поселение,п.5(яма 5) Сержень-юрт-поселение (клад)	УШ 800
					Сержень-юрт,п.24 Кескем(клад) Сержень-юрт,п.26 Сержень-юрт,п.37 Зандак,п.38,51 Кескем,п.3	
					Сержень-юрт,п.44	IX 900
3	I		А		Сержень-юрт,п.56,57 Сержень-юрт,п.38,39,41,49 Кескем,п.7	
переходный этап					Сержень-юрт,п.70,75 Аккинчу-барзой,п.I Сержень-юрт,п.42 Дагбаш-Зандак,п.3 Сержень-юрт,п.6,35 Аллерой,п.43 Аккинчу-барзой,п.4	X 1000
		Кобан П			Сержень-юрт,п.80,85 Алхасте(X-УШвв.) Зандак,п.10 Майртуп-3,п.7	
2 поздний бронзовый век					Сержень-юрт,п.I,2(р-IУ) Бамут(XI-УШ) Майртуп-2,п.3,28	XI 1100
					Сержень-юрт,поселение(1190±95;940±75;910±60;670±75гг. до н.э.)	XII 1200
		Кобан I	б			XIII 1300
			а			XIУ 1400
I						

модели развития культуры прослежены [91, с. 256—261] на периферии ареала (западный и восточный варианты); основные диагностические памятники их представлены на табл. 2 и 3.

1. Протокобанский, или период *Кобан I*, обозначает наиболее раннюю, переходную стадию (рис. 6). Основная особенность его памятников состоит в том, что они, культурно и хронологически примыкая к развитым и постоянным по набору инвентаря памятникам бесспорно кобанской культуры, еще имеют на себе печать ряда признаков предшествующих культур середины — начала второй половины II тыс. до н. э., эпохи средней бронзы. Такого типа вещи

Рис. 6. Период Кобан I — протокобанский переходный (начало XIV — первая половина XII в. до н. э.) *1, 15, 47* — Загли барзонд, п. 1; *2, 14, 22, 46, 52, 56—58, 67—69* — Беахни-куп (Чми); *3—5, 18, 19, 24, 36—38, 41* — Фаскау (Галиат); *6, 20, 71* — Кумбулта; *7* — Карца; *8* — Лескен; *9, 10, 30, 31, 35, 49, 60—62* — Стырфаз; *11, 25* — Верхняя Рутха, п. 16 (1937); *12* — Верхняя Рутха (ГИМ, инв. № 1799/7), *13, 23, 50, 64* — Чегемское ущелье (по Е. Зичи); *16, 29* — Верхняя Рутха, п. 10 (1937); *17* — Верхняя Рутха, п. 5 (А. П. Мошинский); *21, 43, 59* — Донифарс; *26* — Верхняя Рутха (Хоргон), склеп 1 (по Е. П. Алексеевой); *27, 30* — Верхняя Рутха; *28, 44, 51, 63* — Тли (по Б. В. Техову), *32—34* — Верхняя Рутха, каменный ящик 2, п. 1 (1889); *40* — Змейское поселение; *42, 70* — Верхний Кобан; *45* — Зилга (оттиск из литейной формы); *48, 65* — Верхняя Рутха, п. 15 (1937); *54* — Верхняя Рутха, каменный ящик 2, п. 2 (1889); *55* — Верхняя Рутха, п. 4 (1937). *3, 47* — камень; *14—21* — глина; *67* — кость; остальное — бронза

известны в могильниках Загли барзонд (Кобан), Фаскау, Комунта, Донифарс, Верхняя Рутха, Беахни-куп, а на южном склоне Кавказа — в Квасатели и Нули. Качественные характеристики материальных признаков этих памятников отражают не стабильное состояние культуры центрального варианта, а лишь находящейся в процессе формирования. По деталям различия в формах вещей, в особенностях их наборов в самом протокобанском периоде выделяются два этапа, или две фазы развития: Ia и Iб.

На первом, древнейшем этапе, Кобан Iа, происходило синкретическое сращивание элементов северокавказских и закавказских культур, причем такое, что невозможно бесспорно указать на преобладающее влияние ни одной из них. Очевидны компонент катакомбной культуры и отдельные элементы культуры средней бронзы Центральной Европы (например, бронзовая дисковидная поясная пряжка с длинным выступающим крюком из Верхней Рутхи). С точки зрения технологии, в этот период начинается переход к позднебронзовой металлургии, выразившийся в появлении наряду с мышьяковистыми высокооловянистых сплавов у предметов архаичных по облику (С. Н. Кореневский). На втором этапе, Кобан Iб, на базе сложного синтеза составляющих элементов, дополнительных новых внешних импульсов (степных и центрально-европейских) и собственного внутреннего саморазвития вызревают и становятся еще более наглядными многие черты, позднее типичные в кобанской культуре классического периода. По-прежнему наблюдается синкретизм во многих проявлениях и элементах культуры. Ведущие признаки еще неустойчивы и не завершены. Незавершенность и неустойчивость отмечаются в погребальном обряде (сочетание ингумации и кремации, вытянутого и скорченного положения, черты северокавказской культуры в погребальных конструкциях и т. д.). Незавершенность проявляется и в ведущих категориях предметов, например в эклектичности облика сосудов и орнаментации (банковидные формы с нарезным геометрическим, меандровым и спиральным узорами). То же самое — в ранних модификациях некоторых типов украшений, ставших позднее характерными индикаторами кобанской культуры (дважды изогнутые височные подвески со спиралями, птицевидные бляхи с головками баранов, «манжетовидные» браслеты, булавки с навершиями в виде двойных спиралей («бараньи рога», полуовальные и дисковидные поясные пряжки, булавки с дисковидными навершиями, венчики с пуансонным солярным узором, птички-привески и др.). Что касается оружия, то именно в фазе Кобан Iа продолжали функционировать кремневые наконечники стрел, отмечалось сочетание в одних и тех же комплексах трубчатообушных топоров с шаровидными выступами на обухе с бронзовыми кинжалами, тип которых был характерен для поздней бронзы. Нередки кинжалы с плоскими клинками и рукоятками, близкими классическим кобанским. Продолжали бытовать черешковые плоские кинжалы, навершия булав с четырьмя выступами на корпусе. К концу периода Кобан I известны экземпляры бронзовых топоров-тесел без выступов, боевых топоров и литейные формы для них, свидетельствующие о том, что шли активные поиски оформления дважды изогнутого топора — прототипа классической формы (тип «А», по П. С. Уваровой), экспериментировалось его декоративное оформление, пока еще только привычным литым орнаментом без гравировки (Фаскау, Зилга, Беахни-куп).

Заметное место в фазе Кобан Iб занимали костяные, кавказского облика длинночерешковые наконечники стрел (Беахни-куп), бронзовые наконечники копий с раскованной втулкой (Верхняя Рутха). В орнаментации керамики и других изделий нередко можно встретить мотив бегущей спирали или сочетание трех-четырех взаимосвязанных спиралей и выемчатых треугольников, чрезвычайно близких микенскому стилю. Специфику этапа Кобан Iб составляли предметы (оружие, украшения, культовые предметы), типы которых по происхождению связаны с культурами финального этапа бронзы Восточной и Средней Европы, особенно Карпато-Дунайского бассейна, примерно XIV—XII вв. до н. э. (серпы, кельты, наконечники копий, кинжалы раннесрубного и позднекатакомбного типа, клинки кинжалов с пятью отверстиями для крепления рукоятки, бронзовые подвески культуры Ноа, дисковидные пряжки с длинным выступающим крюком). На позднем этапе периода Кобан I проникли на северный склон хурритская печать XV—XIV вв. до н. э. и бронзовые кинжалы переднеазиатского типа (Фаскау, Кумбулта, Верхняя Рутха), на южный — кроме них еще и бронзовые булавки с проволочной обмоткой петлевидного навершия (Стырфаз, Цхинвали). Еще более выразительно протокобанский период пред-

Рис. 7 Период Кобан II — ранний (середина XII — рубеж XI—X, возможно начало X в. до н. э.). *1, 4а, 7—11, 13—15, 17—19, 21—22, 24—29, 34—36, 40—43, 47, 48, 52, 53* — Верхне-Кобанский могильник; *2, 3, 5, 12, 23, 30, 33, 39, 46* — Тлийский могильник; *4, 16, 32, 44, 55* — Змейское поселение; *6, 20* — Кумбулта; *31, 38, 49, 50* — Донифарс; *37* — Дигория (по А. В. Комарову); *45* — Чегемский мост; *51* — Фаскау (Галиат); *54* — Верхняя Рутха (1937). *33* — камень; *44, 47—50* — кость; *40—43, 53—55* — глина; остальное — бронза

ставлен на южном склоне древностями Тлийского могильника, соответствующими первому этапу эпохи поздней бронзы, по Б. В. Техову, и датируемыми им началом XIV — первой половиной XII в. до н. э. [33, с. 20, 21, рис. 1] Абсолютная дата периода Кобан I в пределах начала XIV — первой половины XII в. до н. э. подтверждается наличием вещей протокобанского типа, например полуовальных поясных пряжек со спиралями в грунтовых могилах Самтаврского могильника (Восточная Грузия), относящихся к этому периоду [36, с. 10, табл. 1] О том же свидетельствует появление топоров раннекобанского типа в кладах бронз XIII—XII вв. до н. э. в Причерноморье (И. Т. Черняков) и бассейне Дуная (М. Петреску-Дымбовица, Е. Н. Черных), типологически

близких экземплярам, известным на западе ареала культуры [64, с. 15, рис. 2, *20, 22*] В диагностирующих памятниках (табл. 2) Кабардино-Пятигорья (западный вариант) материалы, близкие по набору форм украшений, оружия и орудий труда [91, табл. 100, *Б*], соответствуют концу периода Кобан I, но главным образом периоду Кобан II, что отражает несколько более позднее время формирования западной группы культуры. Период Кобан I частично соответствует стадии Тли А, по Г Коссаку, т. е. примерно XIII — концу XII в. до н. э. [65, рис. 41].

2. Ранний период, или *Кобан II*, характеризуется завершением оформления основных признаков культуры центральной части ареала (рис. 7). Небольшое число диагностирующих памятников (табл. 1) показывает в погребальном обряде господство ингумации покойников в скорченной позе набоку, кремация лишь эпизодическая в северо-западной части ареала [24] В материальной культуре отмечается дальнейшее развитие уже прочно сложившегося комплекса украшений и оружия. Отличительная особенность — появление в памятниках дуговидной фибулы с асимметричной дужкой и узким иглодержателем (рис. 7, *4*, 5) раннего варианта средиземноморских [65, с. 97—99]. Выразительные экземпляры таких фибул происходят из разрушенных погребений Верхне-Кобанского могильника и из непотревоженных комплексов погребений 105 и 115 Тлийского могильника. К этому же периоду относится появление в центрально-кобанских памятниках тесловидного плоского топора с боковыми уступами (Тли) типа Трои VIIб, ранних форм глиняных пиксид (Кобан, погребения 16, 17) и крупных корчаг, близких сосудам типа протовилланова (Змейская). Отмечены начало и расцвет изготовления бронзовых сосудов в горах. Заметно присутствие изделий, характерных для позднесабатиновских и раннебелозерских памятников: кельтов (Чегемский мост), коленчатых серпов (Змейская). Завершается оформление бронзового топора с дважды изогнутым корпусом — типичного элемента культуры Кобани, особенно в центре ареала. Просматривается стремление к изощренной орнаментации бронз, особенно топоров, пинцетов, наверший булав, целыми фигурами хищников и земноводных. Начало стереотипизации престижных предметов, особенно оружия, например кинжалов типов VI и IX, 1, по Б. В Техову. К концу периода — появление железа как украшения (железная инкрустация по бронзе) и в виде мелких орудий труда (ножи, шилья). Расцвет бронзолитейного производства. Выдающееся достижение эпохи — овладение искусством взнуздывания лошади при помощи мягкой ременной уздечки с роговыми псалиями (Змейская), аналогичными тем, что происходят из памятников XII—XI вв. до н. э. степной зоны Юго-Восточной Европы. В основном период Кобан II представлен рядом погребений Верхне-Кобанского могильника (раскопки Э. Шантра, Р. Вирхова, К. И. Ольшевского), отдельными комплексами могильника Верхняя Рутха (раскопки В. И. Долбежева, Е. И. Крупнова), частью материалов Змейского поселения, отдельными выразительными предметами из Фаскау, Комунты и других мест.

Абсолютная хронология периода Кобан II — середина XII — рубеж XI—X вв. до н. э., возможно, самое начало X в. до н. э. Она базируется на сравнительно-типологическом методе и присутствии в данном пласте древностей форм изделий, известных в Средиземноморье, Центральной Европе и Северном Причерноморье со второй половины XII до середины X в. до н. э. (бронзовые арочные фибулы и фибула с прогнутой спинкой, пиксиды, близкие найденным в погребениях X в. до н. э. в афинском некрополе Керамейкосе).

На южном склоне период Кобан II соответствует погребениям второй половины XII—X в. до н. э. — второго периода эпохи поздней бронзы, по Б. В. Техову [33, с. 25—29]. В материалах периода Кобан II много соответствий древностям позднебронзовых культур Закавказья, особенно с восточно-грузинской (трельско-самтаврской) культурой. Безусловная близость, главным образом в бронзовых изделиях (поясные пряжки, украшения, гравированные узоры) с колхидской культурой рубежа II—I тыс. до н. э. — начала I тыс. до н. э. В северо-западной части ареала много соответствий периоду Кобан II в

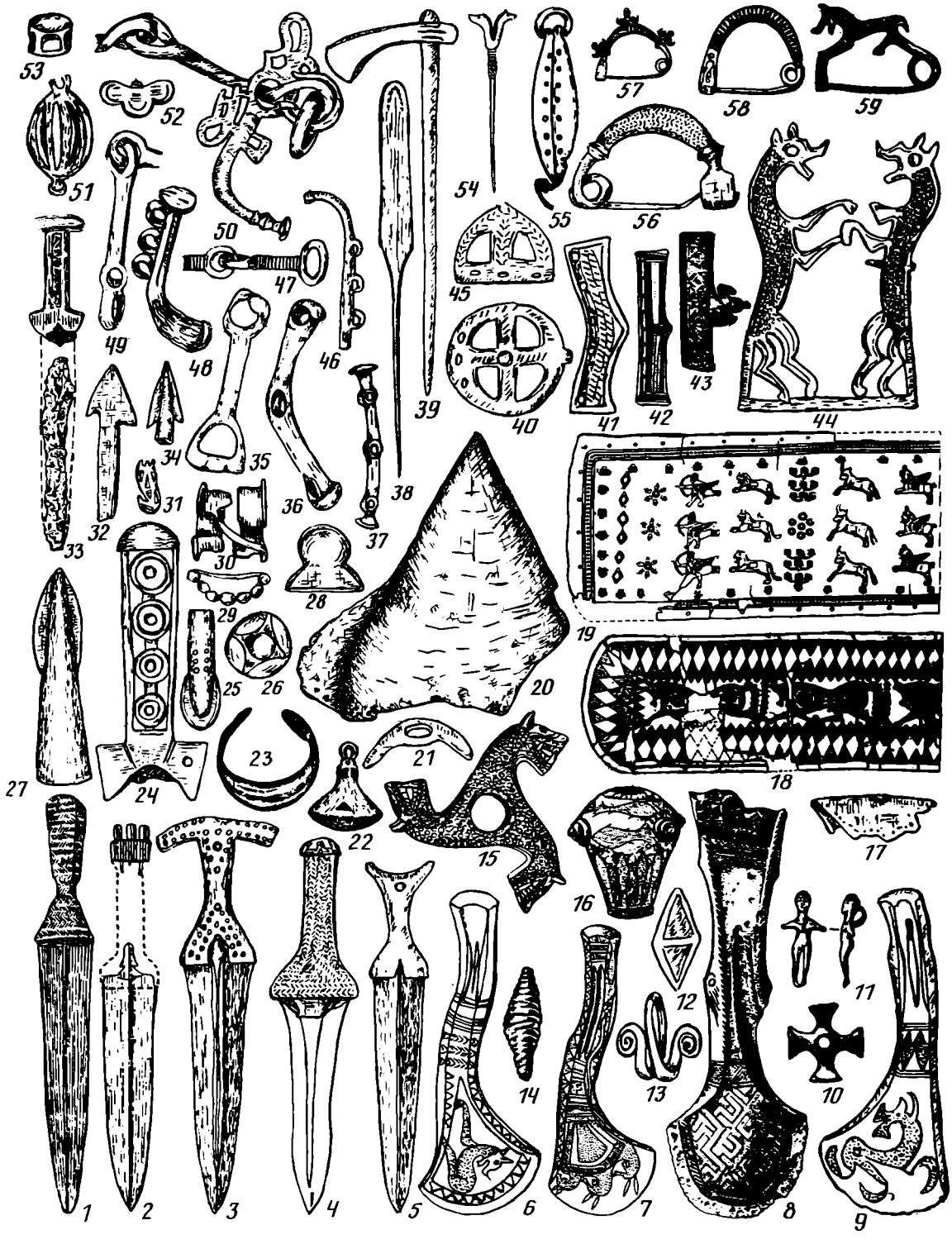


Рис. 8. Период Кобан III — классический (начало второй половины X — начало VII в. до н. э.)
1, 2, 11, 15, 16, 18, 19, 22, 33, 38, 42, 58 — Тлийский могильник; *3, 6, 7, 10, 12—14, 17, 21, 23, 26, 28, 29, 35—37, 39—41, 43—50, 52—54, 56, 57, 59* — Верхний Кобан; *4, 8, 20* — Фаскау (Галиат); *5* — Царца; *9* — Тагаурия; *24* — Змейское поселение; *25* — Дигория; *27* — Донифарс; *30* — Верхний Акбаш (по Б. Атабиеву); *31* — Жемтала; *32* — Чми; *34* — Чегемское ущелье (по Е. Зичи); *51* — Кумбулта; *55* — Верхний Кобан (Северное кладбище — «могила девочки»), по Д. Газдапустаи, 1962. *24, 33* — бронза и железо; остальное — бронза

материалах II этапа развития культуры западной группы (табл. 2) Абсолютные даты в пределах середины XII—XI в. до н. э. кобанских комплексов, хотя и не столь ярких, как в центре, подкрепляются находками в них коленчатых серпов, кельтов, наконечников копий с прорезным пером, кинжалов раннесрубного типа,

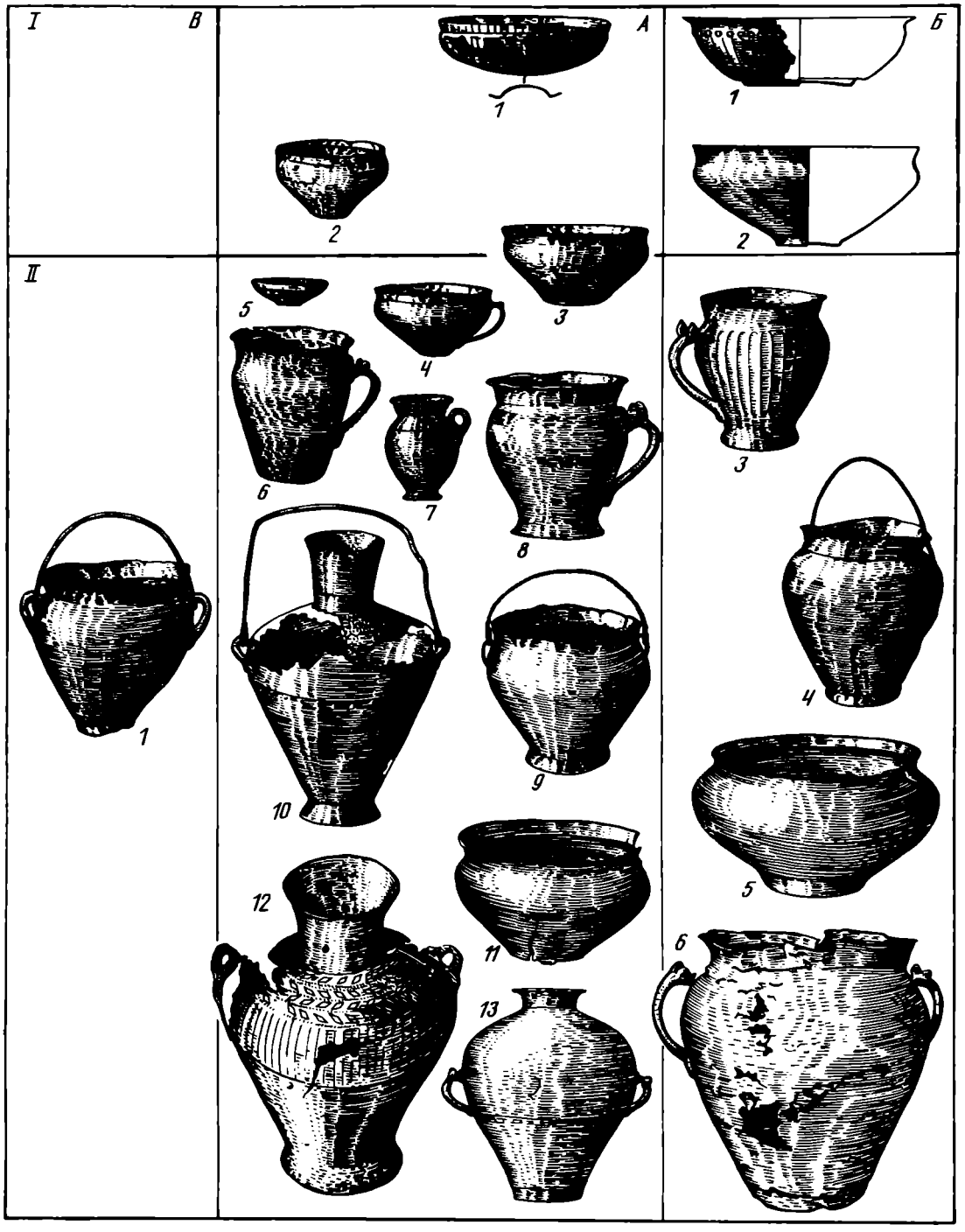


Рис. 9. Бронзовые сосуды кобанской культуры. А — центральный вариант. I — середина VII—VI в. до н. э.: *1, 2* — Тли; II — середина XII — середина VII в. до н. э.: *3—7, 9—12* — Тли; *8, 13* — Жемтала, клад. Б — западный вариант. I — середина VI—IV в. до н. э.: *1, 2* — Уллубаганалы 2; II — XI — середина VII в. до н. э.: *3, 4, 6* — Терезе, гробница 3, *5* — Мебельная фабрика 1 (Кисловодск). В — восточный вариант. II—X — середина VII в. до н. э.: *1* — Кескем (Советское), клад воинского снаряжения

роговых пуговиц, булавок сабатиновского типа, секиры крендорфского типа, бронзовой бляхи-умбона, бронзового ножа с орнаментированным лезвием (Бык-гора, Хабаз, Эшкакон, Терезе, Бекешевская, Боргустанская, Удобная, Упорная, Инжич-чукун, Ольгенфельд). Все эти хотя и немногочисленные, но яркие изделия позволяют синхронизировать пласт Кобани с памятниками Юго-Восточной и Центральной Европы [92, с. 130—133] На востоке ареала, в памятниках восточно-кобанской группы ее I этапа (табл. 3), который соответ-

ствует концу периода Кобан II и началу периода Кобан III, абсолютные даты в пределах конца XI — первой половины X в. до н. э. подтверждаются целой серией находок, часть из которых появилась в самое последнее время. Кроме хорошо известных находок из Сержень-юрта (бронзовая дуговидная фибула, роговые псалии и бляшки), Дагбаша-Зандака (роговые псалии), Бамута (роговые псалии и литейная форма для коленчатого серпа) следует упомянуть бронзовый наконечник копья с прорезными лопастями и роговые детали конской узды из могильника Майртуп 2 [93, с. 28; 94, с. 4, 5], которые довольно надежно синхронизируют восточно-кобанские древности с периодом расцвета белозерской культуры [79, с. 150]. Объективно эту хронологию подтверждают три из четырех дат по C^{14} (3140 ± 95; 2890 ± 75; 2860 ± 60; 2620 ± 75 гг.) из слоя поселения Сержень-юрт [12, с. 16—18]. Период Кобан II может быть соотнесен со стадией Тли В, по Г. Коссаку [65, с. 114, 165]

3. Классический этап, или *Кобан III*, знаменует расцвет всех элементов культуры (рис. 8). Среди диагностических памятников (табл. 1.) погребение 9 Верхне-Кобанского могильника с полуовальной пряжкой, но уже не с петлями, а с отверстиями для прикрепления к поясу, погребение 4 из Верхней Рутхи (1937 г.), в комплексе которого сочетались широкие пластинчатые с волютами браслеты и ранние конусовидные подвески, аналогичные подвескам из Былымского клада. Малоизвестен комплекс из «могилы воина», приобретенный В. И. Долбежевым в 1887 г. Среди типично кобанских украшений и оружия находилась бляшка с ромбическим солярным значком. Расцвет предгорных поселений (Змейская, Сержень-юрт, Бамут, Алхасте, Уллубаганалы) свидетельствует об относительной безопасности в начале периода мест обитания на естественно укрепленных возвышениях. Количество и качество металлических изделий (рис. 9) знаменуют мощное функционирование бронзолитейных очагов металлообработки с некоторой застойностью в технологии и формотворчестве престижных изделий типа бронзовых ваз и чаш, гравированных топоров, полуовальных прямоугольных поясных пряжек, фибул объемной зооморфной и антропоморфной скульптуры, а также появление ранних бронзово-железных изделий, главным образом кинжалов с индивидуальными рукоятками. Дальнейшее местное развитие получают бронзовые арочные фибулы, дужки которых приобретают более симметричную форму, иногда утолщенную в центре («пиявкообразные»). Начало стилизации гравированных изображений на топорах и других предметах. В технологии сосудов из глины, особенно в форме и отделке, проглядывает общая близость к гальштаттским периода Ha-B$_1$.

В развитии материальной культуры периода Кобан III различаются два этапа: IIIA и IIIБ. На раннем этапе, Кобан IIIA, еще заметно влияние степной культуры Северного Причерноморья белозерского этапа, но появляются отдельные предметы (бляшки, привески), свидетельствующие о начале использования металлической узды. В конце этапа фиксируется появление на северном склоне бронзовой узды черногоровского типа (стремечковидные удила с трубчатыми псалиями). Второй этап, Кобан IIIБ, характеризуется началом нового динамического состояния культуры, возможно, связанного с активизацией жизни в Закавказье, обусловленной урарто-ассирийскими взаимодействиями военного характера. В ареале центрального варианта продолжают развиваться местные формы вооружения, причем характерна их исключительная многовариантность. В орнаментации усиливается процесс стилизации, начинают преобладать геометризированные символы, в особенности солярные знаки. На топорах и других престижных бронзовых изделиях появились изображения животных с повернутой назад головой. Такие символы и стиль изображения животных чрезвычайно близки стилю орнаментации керамики из переднеазиатских памятников конца IX — первой половины VIII в. до н. э. [95, табл. V, *5*]. В материалах заметно присутствие форм оружия, близкого урартскому, ассирийских и урартских шлемов [96, с. 56, рис. 189]. В этот же период отмечены предметы, подражающие центрально-европейским и западно-средиземномор-

ским (этрусским), например удила с овальными наружными кольцами, удила с фигурными напускными псалиями, фибулы с дужкой в форме хищника, фигурные сосуды на высокой ножке с четырьмя емкостями (Верхняя Рутха). Но особенно заметно увеличение числа местных форм бронзовой узды в виде различных вариантов двукольчатых и однокольчатых удил и трехпетельчатых псалиев (новочеркасский тип, по А. А. Иессену). В конце периода Кобан III начинается активное изготовление железного оружия.

Четкую границу между этапами Кобан IIIА и Кобан IIIБ обосновать пока трудно, но реальность ее существования подтверждается некоторым визуальным различием состава комплексов, наличием разновидностей одних и тех же типов изделий, переходными признаками в облике некоторых предметов, бóльшим или меньшим количеством железных вещей.

Абсолютная хронология периода Кобан III определяется началом второй половины X — началом VII в. до н. э. на основании присутствия в пласте кобанских древностей вышеупомянутых предметов ассиро-урартского происхождения (шлемы, узда, пояса, оружие) или известных в Луристане (оружие, украшенное лежащей фигуркой льва), с одной стороны, а с другой — наличием в северокавказской группе комплексов с предметами, аналогичными тем, что встречены в памятниках второй половины IX — рубежа VIII—VII вв. до н. э. Центральной Европы фрако-киммерийского периода (Прюдь, Брно-Обжаны, Саренград, Адашевичи, Штильфрид и др.). Последние в свою очередь имеют по ряду материалов прочную линию связей с точно датированными памятниками Эгейского бассейна. Период Кобан III соответствует стадии Тли С, по Г Коссаку, [65, с. 114, 142]

Основное отличие периода Кобан III от последующего, Кобан IV, — в отсутствии предметов безусловно скифо-савроматского облика, хотя некоторые изделия местного типа уже имеют форму, которая позднее становится типичной; например, железные топоры, аналогичные бронзовым кобанским, присутствуют пока эпизодически.

На южном склоне Кавказа периоду Кобан III соответствуют материалы, представленные в погребениях третьего периода — конца X—IX в. (первый этап железа) и четвертого периода — VIII — первой половины VII в. до н. э. В последнем появляются на юге образцы оружия, близкие скифским, например биметаллические акинаки. Это позволило Б. В Техову определить четвертый период своей схемы хронологии как кобано-скифский [33, с. 29—32, рис. 2, *168—267]*.

Особенность периода Кобан III — видимая однородность культуры в центре и на периферии ареала, прослеживаемая для IX — первой половины VII в. до н. э., хотя и выявлены специфические локальные черты [86, табл. 100]. На западе могильники (Баксанский, Каменномостский, Мебельная фабрика, Эчкиваш и др.) и клады на территории от Баксана до Урупа надежно синхронизируют кобанские древности с протомеотскими и далее — со степными черногоровского и новочеркасского этапов. Особенно важны самые новейшие комплексные находки из Клинярского могильника, сочетающие типичные черты местной культуры, биметаллическое оружие и ассирийские бронзовые шлемы [97, с. 27], остроконечный абрис которых хорошо известен на рельефах IX в. до н. э. (Нимруд, Балават), примерно от 888 г. до н. э. и позднее [65, с. 111].

На востоке чрезвычайно близкие комплексы, синхронные периоду Кобан III, имели место в Сержень-юртовском, Зандакском, Кескемском и Пседахском могильниках [91]. Благодаря таким находкам, как бронзовые наконечники копий Трансильванского типа (XIII—X вв. до н. э.), бронзовые и биметаллические кинжалы и овальные наконечники ножен (IX — начало VII в. до н. э.), бронзовые трубчатые псалии с большими шляпками, протягивается цепь синхронизации от юго-восточной Чечни и центра Северного Кавказа через Прикубанье и Северное Причерноморье к Средней Европе [98, с. 112—139].

4. Позднекобанский период, или *Кобан IV* (рис. 10), характеризуется новой

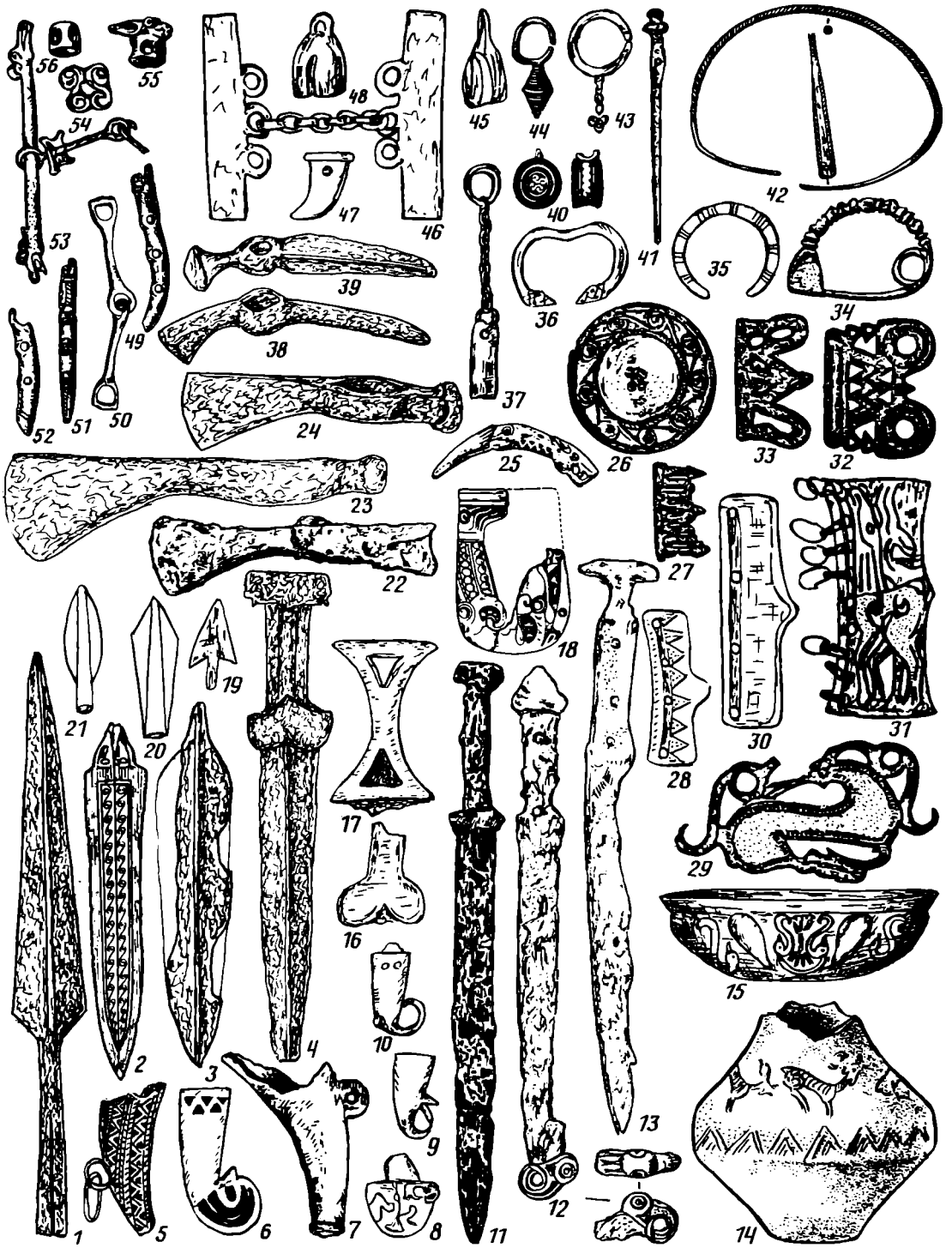


Рис. 10. Период Кобан IV — поздний (середина VII — начало IV в. до н. э.). *1, 3* — Нартан; *2, 4, 8, 11—13, 22, 28, 37, 49—52* — Тлийский могильник; *5, 9, 10* — Дигория; *6, 26, 30, 32—34, 41, 42, 47* — Верхне-Кобанский могильник; 7, 40, *54—56* — Чегемское ущелье (по Е. Зичи); 14 — Нальчик; *15* — Казбек, клад; *16, 17, 31* — Фаскау (Галиат); *18* — Закуты; *19—21* — Суаргом (Чми); *23* — Карца; *24, 27, 35, 36, 43, 45* — Верхняя Рутха; *25* — Реком; *29* — Лизгор; *44, 53* — Шалушка; *46, 48* — Канчаети. *1, 3, 4, 11, 13, 22—24, 27, 33* — железо; *10, 16, 17, 53* — бронза и железо; *8, 12* — кость и железо; *25, 49, 51, 52, 55* — кость; *37* — камень и бронза; *14* — глина; *15* — серебро; остальное — бронза

резкой деформацией традиционной культуры. В основе активизации этого процесса две основные причины: полное овладение железоделательным и железокузнечным искусством и начавшееся интенсивное передвижение в Предкавказье и по доступным горным проходам — к перевалам степных ираноязычных кочев-

ников скифо-савроматского облика. Наблюдается некоторое изменение местного погребального обряда, выразившееся в увеличении числа грунтовых могил, обложенных камнем, в появлении подкурганных грунтовых погребений и курганов больших размеров в предгорьях, в увеличении числа погребений с южными направлениями в ориентировке. Традиционные черты сохраняют многие украшения костюма. Фибулы приобретают огромные размеры, меняется их морфология (рис. 10, *34*). Приемники-иглодержатели имеют вид широкого подквадратного щитка. Появляются и железные фибулы. В моду входят многочисленные подвески на длинных цепочках, пояса из цепей с подвесками-пинцетами и т. п. Оружие в подавляющем большинстве железное, а формы его повторяют скифские. Традиционные местные типы кинжалов и топоров дублируют в железе. Диагностирующие памятники (табл. 1) содержат датирующие предметы степного облика или близкие им подражания.

В периоде Кобан IV также различаются два этапа. Ранний, Кобан IVа, представлен предметами, имеющими еще много общих черт с предшествующим IIIБ. Но если раньше, в предыдущем периоде, они эпизодичны, только лишь появляются, то теперь заметно увеличивается их количество. Они становятся типичными и господствующими компонентами культуры. Ощущается активный поиск новых модификаций. В этот период активизируется процесс синкретического сращивания элементов старой культуры с чужеземными новациями ираноязычных кочевников. Глиняные сосуды имеют подчеркнуто ломаный контур.

Позднейший этап Кобан IVб характеризуется стабильным, даже несколько застойным характером культуры. В производстве вещей просматривается стереотипизация форм, выработанных на раннем этапе. Появляются изделия, в которых ощущается воздействие греческой культуры (аттические шлемы, чаши-фиалы, оружие типа махайры) и связь с ахеменидским Ираном (узда, украшения сбруи колокольчиками и роговидными распределителями для ремней, чаши-фиалы, биконические серьги, браслеты с головками животных на концах и с прогнутой серединой и т. п.). Снова претерпевает изменение глиняная посуда. На смену геометризированным формам приходят формы с более плавным контуром, почти исчезает орнаментация нарезным узором. Отделка поверхности и обжиг не столь качественные, как раньше.

Абсолютная хронология периода Кобан IV определяется концом первой половины — серединой VII в. до н. э., а самая поздняя граница — началом IV в. до н. э., поскольку некоторые датирующие предметы невозможно отнести только к V в. до н. э. (например, железные петельчатые удила с подвижными кольцами в наружных концах, как в кургане 10 в Нартане). Этап Кобан IVа соответствует стадии Тли Д, по Г Коссаку [65, с. 157, 165] Основы хронологии этапа Кобан IVа (середина VII — вторая половина V в. до н. э.) опираются на присутствие в очень многих памятниках центрального варианта изделий раннескифского типа, выполненных в зверином стиле (Тли, Кобан, Чегем). Например, роговые псалии с изображением копыта (погреб. 68 в Тли), ранние аналогии которым Г Коссак указывает в Хасанлу III, в Кавус-тепе и Кармир-блуре. Не менее важны для уточнения ранней границы периода бронзовые и роговые наконечники ножен с изображением свернувшегося в кольцо зверя, близкие найденному во втором мидийском слое в Сардах вместе с протокоринфской, эфесской и мидийской керамикой середины VII в. до н. э. [65, с. 154] Важны бронзовые втульчатые двухлопастные наконечники стрел (Верхняя Рутха, Нартан, Комарово), хронология которых досконально разработана скифологами с учетом греческих импортов. Надежна хронология и второго этапа — Кобан IVб (вторая пол. V — начало IV в. до н. э.). Решающая роль здесь отводится находкам в местных памятниках предметов, характерных для этого же времени в собственно степных памятниках Евразии [99, 100].

В южно-кавказской группе культуры периоду Кобан IVа, б соответствуют и дополняют его характеристику материалы второй половины VII—IV в. до н. э.

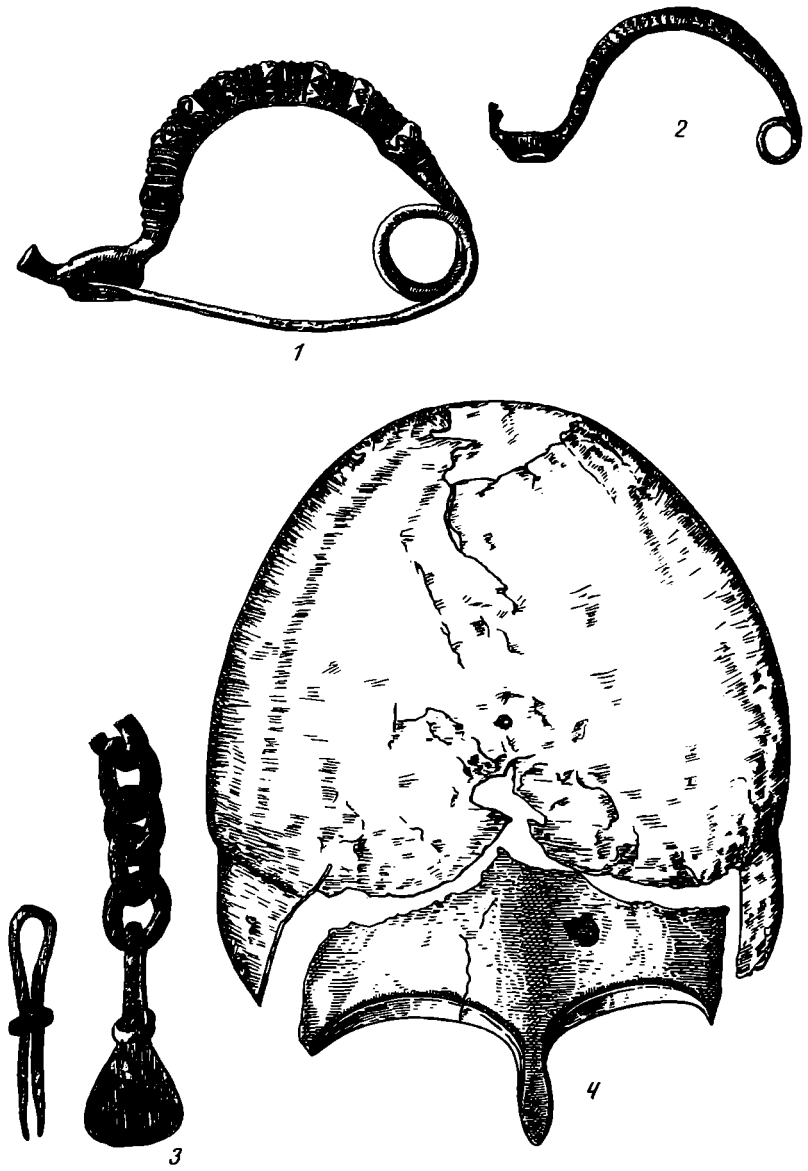


Рис. 11. Предметы из бронзы периода Кобан IVб (конец V — начало IV в. до н. э.) с верховий Кубани (фибулы, часть пояса, аттический шлем). *1, 3* — Домбай-Ульген (из комплекса 1967 г.); *2* — Алибек, «Солнечная поляна» (из комплекса 1964 г.); *4* — Домбайская поляна (альплагерь «Софруджу», 1954 г.)

из Тли, Стырфаза, Канчаети и Кливана, абсолютные даты которых подкреплены точными параллелями, например, для конской узды, в позднеколхских памятниках Ванского царства [101]

В ареале западного варианта кобанской культуры могильники скифского периода также содержат изделия (оружие, предметы в зверином стиле и т. п.), позволяющие представить схему их относительного и абсолютного датирования (табл. 2). Наиболее ранние комплексы III периода западного варианта, соответствующие периоду Кобан IVа центра, включают наборы бронзовых втульчатых двухлопастных наконечников стрел с пером ромбовидных очертаний (Каррас, гробница VIII). По ряду сходных элементов в украшениях, конской узде и типам стрел выделяются погребения конца VII — первой половины VI в. до н. э. Выявлена группа могил с инвентарем, датирующимся второй половиной VI—V в. до н. э. Для определения даты важны здесь, кроме оружия, комплексные находки зеркал так называемого ольвийского типа (Каменномостское, каменный ящик из раскопок П. Г Акритаса в 1954 г.). К середине

Кобанская культура в системе культур эпохи поздней бронзы

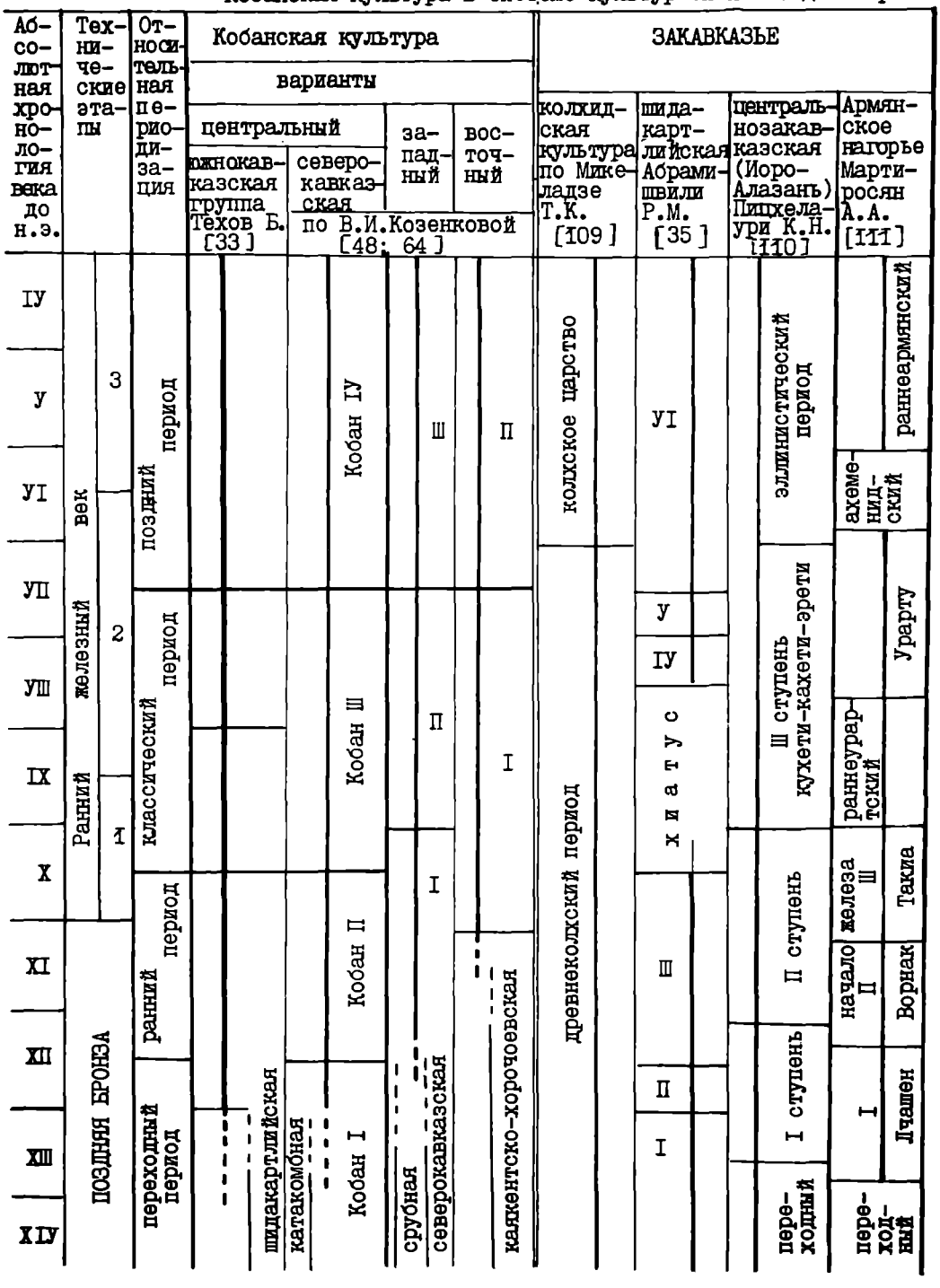


Таблица 4

-раннего железа Кавказа, Закавказья, Восточной и Центральной Европы

ДАГЕСТАН		ПРИКУБАНЬЕ		КРЫМ		Северное и северо-западное Причерноморье			Центральная Европа		Средиземноморье	ГРЕЦИЯ	Абсолютная хронология века до н.э.
по В.И.Марковину [77]	по В.Г.Котовичу и О.М.Давудову [44]	по А.А. Иессену [18]	по Н.В. Анфимову [88]	горный	степной	степь	лесостепь	Молдавия	Карпато-Дунайский рег.	Альпийский регион			
				Крис Х.И. [112]		Тереножкин А.И. [29]			Мюллер-Карпе Г. [113]				
III этап (скифский период)	каякентско-хорочоевская культура	предалбанский (скифский) этап	"скифская" культура	меотская культура	тавры	скифская культура	скифская культура	скифская культура	Латен		классический период		IУ
									$НаД_3$	НаД			У
									$НаД_2$				УI
									$НаД_1$				
					II этап	кизилкобинская культура	скифская культура		$НаС_2$	НаС	Сиракузы	восточный стиль	УII
		шахсенгерский этап	позднекубанская культура	протомеоты					$НаС_1$				
					I этап		ранние кочевники	новочеркасский	$НаВ_3$	Адерно	позднегеометрический		УIII
II этап				прикубанская культура				черногоровский	$НаВ_2$				
									$НаВ_1$	$НаВ_2$	Панталича III	геометрический стиль	IX
							белозерский	белозерский	$НаА_2$	$НаВ_1$	Панталича II	протогеометрический	X
		зандакский этап							$НаА_1$	$НаА_2$		субмикенский стиль	XI
I этап									ВД	$НаА_1$	Панталича I	SH III C_1	XII
		талгинский этап	средне-кубанская				сабатиновский	сабатиновский	ВС	ВД	Племирион	SH III B	XIII
									ВВ	ВС		SH III A	XIУ

Северное и северо-западное Причерноморье: скифская культура; скифская культура; ново-черкасский; черногоровский; белозерский; сабатиновский; срубная культура; жаботин. этап; чернолеоская культура I II; белогрудовская культура; ранние кочевники; белозерский; сабатиновский; культуры фракийского гальштатта; культура Ноа

VI в. до н. э. изменяются наборы стрел в погребениях; железные акинаки приобретают поздние морфологические признаки. Таков, например, комплекс погребения 6 Султан-горского 3-его могильника из раскопок Н. Л. Членовой [102, с. 237]. Упомянем раскопанную А. П. Руничем подкурганную гробницу близ Учкекена с захоронением всадника с конем и с инвентарем, отмеченным степным влиянием. Набор стрел VI в. до н. э., костяной наконечник для ножен — грубое подражание скифским в зверином стиле, сочетались здесь с местной богато орнаментированной глиняной корчагой и биметаллическим ведром. Последнее представляет позднюю модификацию ведер из Тли. В отличие от ранних (Тли, Терезе, Кескем) оно имело дно и дужку из железа. К концу VI, может быть к V в. до н. э. относилось погребение 7 в могильнике Лермонтовская скала 2, в комплексе которого оказался бронзовый браслет с шишечками на концах, близкий скифским браслетам I-го типа (по В. Г Петренко), датирующимся в степных памятниках Северного Причерноморья V—IV вв. до н. э. [103, с. 49, табл. 38] Об этом же свидетельствовал и бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с внутренней втулкой [64, табл. XLIV, *3*] В наиболее поздних памятниках периода Кобан IV, в конце V — начале IV в. до н. э., в комплексах появляются железные трехлопастные и трехгранные втульчатые наконечники стрел.

Особо выделяются позднекобанские древности из памятников верховий Кубани (Домбай, Теберда, Байбарис и др.). Для уточнения абсолютной хронологии важны оригинальный тип бронзовых фибул, напоминающий фракийские V — IV вв. до н. э. [104, с. 198], и греческий аттический шлем V — III вв. до н. э. (рис. 11), аналогичный владикавказскому.

На востоке периоду Кобан IVа, б соответствует II-й период локального варианта кобанской культуры (табл. 3), имеющий много общих черт с центром. Основы хронологии этой группы составляли многочисленные параллели «престижным» изделиям степных памятников скифо-савроматского круга, а также из Закавказья и Передней Азии (вещи в зверином стиле, оружие, конская узда). Дополняли основные источники отдельные предметы импорта или подражавшие таковым: греческие зеркала (могилы Пседахе), финикийские бусы из стекла с лицевыми масками (Луговой), бронзовые биконические бусы, подражавшие ахеменидским (Луговой, Пседахе), бронзовые гривны с овальными раскованными концами, украшенными гравировкой (Нестеровский и Воздвиженский могильники), имитировавшие колхские. К скифскому времени относились отдельные могилы из Сержень-юрта, Аллероя 1, Новогрозненского, Исти-су, Пседахе и ряд находок из слоев поселений. Наиболее ранним было погребение 5 на поселении Сержень-юрт, датирующееся крупным бронзовым двухлопастным втульчатым наконечником стрелы с ромбическими очертаниями пера, возможно, первой половины VII в. до н. э. [48, табл. XIII, *5*]. Ближе к середине VII в. до н. э. может быть отнесено погребение 1/76 Сержень-юрта, по составу вещевого комплекса напоминающее погребение 129 из Тли, в котором найден раннескифский наконечник стрелы с ромбическим пером. В самом же могильнике Сержень-юрт еще отсутствовали стрелы скифского типа, что важно для определения относительной хронологии могил. Большинство поздних восточнокобанских могильников датируются серединой VI — рубежом V — IV вв. до н. э. Хронология их установлена сравнительно-типологическим методом сопоставления ведущих категорий предметов [86] К наиболее поздним относилось погребение 29 Нестеровского могильника, где обнаружен браслет с шишечками по периметру лицевой стороны, похожий на браслеты «латенской схемы» [103, с. 55] Последние разных модификаций известны в скифских древностях V — IV вв. до н. э. [105, с. 25, табл. 24, *68*]. Примерно этим же временем датируются и погребения с ажурно-барельефными пряжками из Гардали, Курен-беноя и Шали [106, с. 41].

Понимая умозрительность предложенного опыта периодизации и хронологии

кобанской культуры, иллюстрированного главным образом материалами центрального варианта, все же убеждена, что многие сопоставления и совпадения, прослеженные выше, не случайны. «Хронологические совпадения редко бывают случайными, — писал известный филолог М. П. Алексеев. Причинная связь между ними может быть установлена даже тогда, когда она кажется особенно неожиданной. Необходимо лишь найти промежуточные звенья в той общей цепи, которая их связывает, чтобы случайность стала закономерностью» [107, с. 44]

Хотя на протяжении около 1000 лет кобанская культура видоизменялась и обогащалась за счет инноваций и внутреннего поступательного саморазвития, сохраняя при этом генофонд многих признаков, на всех этапах, или почти на всех, наряду с глубоко местной материальной основой засвидетельствованы яркие предметы некавказского происхождения, уточняющие абсолютные даты. Это позволяет основы хронологии Кобани рассматривать в общеевропейской системе хронологии (табл. 4), надежность которой весьма высока.

Несмотря на достигнутые успехи, в разработке периодизации и датировки кобанской культуры остаются и нерешенные проблемы. Точность относительного и абсолютного датирования возрастет, если будут более равномерно и одинаково полно изучены памятники в разных частях ареала. Одной из нерешенных остается проблема повышения надежности и объективности дат, ключевой момент которой видится в выявлении источников с «узкими датами» [108, с. 28] К нерешенным проблемам хронологии Кобани относится разработка методов относительного и абсолютного датирования древностей кобанскоого облика вне пределов ареала культуры. Она может быть решена лишь с выявлением закономерности интервалов допуска в разрывах дат памятников одного порядка, но разных регионов. Но это, конечно, комплексная задача, предусматривающая кроме традиционных, новые принципы хронологизации культур переходного периода от бронзы к железу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. Ближайший Восток и античность. М.: Наука, 1975.
2. *Уваров А. С.* К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе // Тр. V АС в Тифлисе. М., 1887.
3. *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Пятигорского округа // Тр. V АС в Тифлисе. М., 1887.
4. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа // МАК 1900. Т. VIII.
5. *Филимонов Г Д.* О доисторической культуре Осетии // ИОЛЕАЭ. 1878. Т. XXXI: Тр. антропол. отд. 4.
6 *Virchow R.* Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, B., 1883.
7 *Крупнов Е. И.* К вопросу о хронологии кобанской культуры // Уч. зап. Кабард. НИИ. Т. 1. Нальчик, 1946.
8. *Крупнов Е. И.* О происхождении и датировке кобанской культуры // СА. 1957 № 1.
9. *Kroupnov E.* A propos de la Ghronologie de l'age du Fer au Caucase Nord //VI Congres international de sciences prehistoriques et protohistoriques. Moscou, 1962.
10. *Крупнов Е. И.* Ранний железный век Северного Кавказа // Уч. зап. Дагестан. ИИЯЛИ ДагФАН СССР. Т. XIV Махачкала, 1965.
11. *Kroupnov E.* A propos de la Chronologie de l'age du Fer au Caucase nord //Atti del VI Congresso Internationale delle Scienze Preistoriche e Protostoriche — Sezione V — VIII. Roma, 1966.
12. *Крупнов Е. И.* Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры // СА. 1969. № 1.
13. *Крупнов Е. И.* Жемталинский клад // Тр. ГИМ. 1952. Вып. 4.
14. *Крупнов Е. И.* Древняя история и культура Кабарды. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
15. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
16. *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. 1941. № 3.
17. *Иессен А. А.* К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. Т. XII.
18. *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. 1951. № 23.
19. *Иессен А. А.* Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа // Тез. докл. на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 года. М., 1956.
20. *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР // СА. 1953. Т. XVIII.

21. *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР. 1954.
22. *Алексеева Е. П.* Позднекобанская культура Центрального Кавказа // Уч. зап. ЛГУ. Сер. истор. 1949. № 85. Вып. 13.
23. *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971.
24. *Козенкова В. И.* Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА. 1982. № 3.
25. *Газдапустаи Д.* Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу: Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1962.
26. *Gazdapusztai Gy.* Bezichungen zwischen den praskythischen Kulturen des Karpatenbeckens und des Nordkaukasus (Beitrage zum sogenannten Kimmerierproblem) // Acta antiqua et archaeologica. T. V. Szeged, 1963.
27. *Газдапустаи Д.* Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу: Дис. канд. ист. наук. Л., 1962// Библиотека ЛГУ. Инв. № Д /444 1788.
28. *Тереножкин А. И.* Основы хронологии предскифского периода // СА. 1965. № 1.
29. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
30. *Сафронов В. А.* Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. Вып. 1. Л., 1968.
31. *Бочкарев В. С.* Проблема Бородинского клада // Проблемы археологии. Вып. 1. Л., 1968.
32. *Сафронов В. А.* О датировке рутхинского погребального комплекса северокавказской культуры // КСИА. 1966. Вып. 108.
33. *Техов Б. В.* Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа // СА. 1972. № 3.
34. *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М.: Наука, 1977
35. *Абрамишвили Р. М.* К вопросу о датировке памятников эпохи бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике // Вест. Гос. музея Грузии. 1957 Т. XIX-A, XXI-B (на груз. яз.).
36. *Abramichvili R.* Le nécropole de Smathavro et Chronologie des civilisations archéologiques du Bronze récent et du debut du Fer au Caucase // VIII Congr. Internat. de scien. préhistoriques et protohistoriques (Belgrade, 1971). Moscou, 1971.
37 *Хачатрян Т. С.* Артикский могильник. Каталог. Ереван, 1979.
38. *Техов Б. В.* Тлийский могильник. Каталог. Т. III. Тбилиси, 1985.
39. *Техов Б. В.* Стырфазские кромлехи. Цхинвали, 1974.
40. *Панцхава Л. Н.* К истории художественного ремесла колхидской и кобанской китератур: Автореф. дис. канд. ист. наук. Тбилиси, 1975.
41. *Воронов Ю. Н.* О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
42. *Воронов Ю. Н.* Восточное Причерноморье в железном веке (Вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н. э. — VIII в. н. э.): Автореф. дис. докт. ист. наук: 07.00.06. М, 1984.
43. *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Изв. ГАИМК 1935. Вып. 120.
44. *Котович В. Г., Давудов О. М.* О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа на Северо-Восточном Кавказе // СА. 1980. № 4.
45. *Котович В. Г* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982.
46. *Марковин В. И.* К вопросу о хронологии археологических культур эпохи бронзы на территории Северного Кавказа // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982.
47. *Козенкова В. И.* Раннекобанский могильник у сел. Сержень-юрт // СА. 1969. № 4.
48. *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. 1977. Вып. В2-5.
49. *Козенкова В. И.* Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.
50. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.
51. *Дударев С. Л.* Раскопки могильника у сел. Ахкинчу-барзой (Чечено-Ингушетия) // СА. 1976. № 1.
52. *Дударев С. Л.* О ранних погребениях Аллероевского I могильника // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
53. *Батчаев В. М.* К вопросу о датировке Каменномостского могильника (в свете раскопок 1971 г.) // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
54. *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик, 1985.
55. *Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П.* Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
56. *Козенкова В. И., Найденко А. В.* Кобанский могильник близ станицы Исправной (Ставропольский край) // СА. 1980. № 1.
57. *Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И.* О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска // СА. 1981. № 2.
57. *Биджиев Х. Х., Козенкова В. И.* Предметы кобанской культуры из сел. Трезе (Карачаево-Черкесия) // СА. 1980. № 3.
58. *Даутова Р. А., Дударев С. Л., Власова Т. Н.* К изучению материалов рубежа II—I — начала I тысячелетия до н. э. из плоскостной Чечено-Ингушетии // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982.

59. *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. Века и народы. М.: Наука, 1984.
60. *Петренко В. Г* Памятники раннескифской культуры на Ставрополье // IX Крупновские чтения (тез. докл.). Элиста, 1979.
61. *Петренко В. Г.* Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополье // КСИА. 1980. Вып. 162.
62. *Петренко В. Г* Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. 1983. Вып. 23.
63. *Виноградов В. Б., Дударев С. Л.* О хронологии некоторых памятников и комплексов начала I тысячелетия до н. э. из Карачаево-Черкесии и Пятигорья // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Вып. 2. Черкесск, 1983.
64. *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Западный вариант // САИ. 1989. Вып. В2-5. Т. 3.
65. *Kossack G. Tli Grab* 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // Beiträge zur allgemeinen und vegrleichenden Archäologie. B. 5. Bonn, 1983.
66. *Козенкова В. И.* О протокобанской группе древностей Северного Кавказа // Науч. конференция, посвященная новейшим открытиям в области археологии и 100-летию Археологического съезда. Тбилиси, 1981.
67. *Козенкова В. И.* К вопросу о выделении древнейшего этапа кобанской культуры на Северном Кавказе // Тез. докл. конф. по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения. М., 1982.
68. *Козенкова В. И.* Датировка кобанской культуры в трудах А. А. Иессена (в свете последних археологических данных) // КСИА. 1987. Вып. 192.
69. *Кореневский С. Н.* Химический состав бронзовых изделий из Тлийского могильника // СА. 1981. № 3.
70. *Кореневский С. Н.* Сравнительная характеристика металла гинчинской культуры эпохи средней бронзы // Тез. докл. конф. по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения. М., 1982.
71. *Кореневский С. Н.* О металле Былымского клада // КСИА. 1984. Вып. 177.
72. *Абрамова М. П.* Погребение скифского времени Центрального Предкавказья // СА. 1974. № 2.
73. *Козенкова В. И.* Пседахский могильник кобанской культуры // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.
74. *Крупнов Е. И.* Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии (по материалам СКАЭ ГИМ 1935 г.) // Тр. ГИМ. 1938. Вып. VIII.
75. *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА. 1951. № 23.
76. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) // МИА. 1960. № 93.
77. *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности. М.: Наука, 1969.
78. *Деопик Д. В., Крупнов Е. И.* Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.
79. *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка. 1986.
80. *Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели) // Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
81. *Kovács T* Neure bronzezeitliche Gürtelblech und Gürtelhakenfunde aus Ungarn // Communicationes Archaeologicae Hungariae. Budapest, 1984.
82. *Veliačik L.* Die Lausitzer kultur in der Slowakei. Nitra, 1983.
83. *Podborsky V* Mähren in der Spätbronzezeit und an der Schwelle der Eisenzeit. Brno, 1970.
84. *Mozsolics A.* Bronzefunde aus Ungarn. Budapest, 1985.
85. *Смирнова Г И.* Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. 1985. № 4.
86. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. 1982. Вып. В2-5.
87. *Атабиев Б. Х.* Новые материалы по эпохе поздней бронзы и раннего железа Центрального Кавказа (IX—VI вв. до н. э.) // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Махачкала, 1988.
88. *Анфимов Н. В.* Протомеотский могильник с. Николаевского // СМАА. 1961. Т. II.
89. *Vinski-Gasparini K.* Kultura polja sa zarama u sjevernoj Hrvatskoj. Zadar, 1973.
90. *Kemenczei T.* A Prügyi koravaskori kincslelet // Communicationes archeologicae Hungariae. Budapest, 1981.
91. *Козенкова В. И.* Кобанская культура Кавказа // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989.
92. *Аптекарев А. З., Козенкова В. И.* Клад эпохи бронзы из станицы Упорной (Краснодарский край) // СА. 1986. № 3.
93. *Дударев С. Л.* О хронологии некоторых памятников конца II — начала I тысячелетия до н. э. из Чечено-Ингушетии // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
94. *Дударев С. Л.* Памятники Прикубанья киммерийского времени и проблема периодизации — хронологии древностей предскифского периода Северного Кавказа // I Кубанская археологическая конф. (тез. докл.). Краснодар, 1989.
95. *Medvedskaya I. N.* A Study on the Chronological Parallels between the Greek Geometric Style and Sialk-B Peinted Pottery // Iranica antiqua. V XXI. Gent, 1986.
96. *Müller A., Nagel W* Kunst im Handwerk früher Völker. B., 1961.
97. *Калмыков А., Бабенко В., Шафорстова М.* Работы на могильнике Клин-яр 3 // Студенческие

археологические открытия 1987—1988 годов (тез. докл. и сообщений зональной выставки студенческих и аспирантских работ). Грозный, 1989.
98. *Kossack G.* «Kimmerische» Bronzen. Bemerkungen zur Zeitstellung in Ost- und Mitteleuropa // Situla. 20/21. Ljubljana, 1980.
99. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.
100. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
101. *Сланов А. Х.* Памятники скифо-сарматского периода на территории Южной Осетии: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1978.
102. *Членова Н. Л.* Могильник VI в. до н. э. Султан-гора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
103. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии в VII—III вв. до н. э. // САИ. 1978. Вып. Д4-5.
104. *Козенкова А. И., Ложкин М. Н.* Находки из погребений позднекобанской культуры в верховьях Кубани // СА. 1981. № 4.
105. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. 1965. Вып. Д1-31.
106. *Петренко В. А.* Бронзовые барельефно-ажурные бляхи скифского времени Юго-Восточной Чечни // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
107 *Алексеев А. М.* Пушкин и наука его времени // Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука, 1984.
108. *Щукин М. Б.* Об «узких» и «широких» датировках // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978.
109. *Микеладзе Т. К.* Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья (XV—IV вв. до н. э.): Автореф. дис. докт. истор. наук. Тбилиси, 1969.
110. *Пицхелаури К. Н.* Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
111. *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: Изд. АН АрмССР, 1964.
112. *Крис Х. И.* Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. 1981. Вып. Д1-7.
113. *Müller-Karpe H.* Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nordlich und südlich Alpen. B., 1959.

V. I. KOZENKOVA

THE KOBAN CULTURE'S CHRONOLOGY: RESULTS, EXPERIENCE, ELABORATION, UNSOLVED PROBLEMS

Summary

The author looks at the 120-year-long studies of periodisation and chronology of the Koban culture that was flourishing in the Caucasus in the Late Bronze and Early Iron period. She offers a historiography of dating (G. Filimonov, A. Uvarov, P. Uvarova, E. Krupnov, G. Kossak and many others) and analyses the basis of the recent absolute and relative chronology. Kozenkova offers a summary that involves old materials revised in the light of the latest field studies of a higher quality (Serzhen-yurt, Zmeiskaya, Bamut and the burials mainly of the central Koban area). The diagnostically significant sites and the dating objects have been identified (Tables 1-3). She suggests a new 4-member pattern to divide the sites into periods and their relative and absolute chronology. The Koban I period (Fig. 6) — the proto-Koban transition period (early 14th-first half of the 12th centuries B. C.) that displayed syncretism and incompleteness. The Koban II period (Fig. 7) — the early period (mid-12th-turn of the 10th and, probably, the early 10th centuries) when all typical features took their final shape; the end of the Late Bronze and the first features of the Iron age: the Koban III period (Fig. 8.)— the classical period (early second half of the 10th-early 7th centuries B. C.) when culture and iron making were at their peak. The Koban IV period (Fig. 11) — the late period (mid-7th-early 4th centuries B. C.) when the culture displayed a Scythian-Sarmatian impact; wide-scale introduction of iron. The author shows how the Koban culture can be synchronised with the neighbouring European cultures (Table 4). She believes that the early Koban culture developed unevenly: in the centre of its area it survived for about 1000 years, while in the fringes it disappeared 2-3.5 centuries earlier

В. А. КОЛОТУХИН

КИЗИЛ-КОБИНСКАЯ КУЛЬТУРА: ГЕНЕТИЧЕСКИЕ КОРНИ И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ

Вопрос о формировании кизил-кобинской культуры специально рассматривался в работах П. Н. Шульца, С. Ф. Стржелецкого, А. М. Лескова, Х. И. Крис и А. А. Щепинского. Первые три исследователя считают ее раннетаврской; Х. И. Крис и А. А. Щепинский видят в ней вслед за В. Н. Дьяковым самостоятельное, независимое от тавров образование.

По мнению П. Н. Шульца, сложение кизил-кобинской культуры происходило в сложных условиях смешения как местных, так и пришлых племенных групп; разнородность привнесенных компонентов предопределила наличие в ней некоторых особенностей локального порядка: на Керченском полуострове прослеживается влияние прикубанских культур, в предгорьях — позднесрубной [1, с. 237] Памятники Восточного Крыма кизил-кобинского типа П. Н. Шульц первоначально соотносил с киммерийцами [2, с. 65], однако впоследствии он отказался от этой точки зрения, так как с последними была связана культура многоваликовой керамики, которая ошибочно датировалась концом II — началом I тыс. до н. э. [3, с. 112; 4, с. 85, 90]

Согласно С. Ф. Стржелецкому, кизил-кобинской культуре предшествовали непосредственно поселения с многоваликовой керамикой и подкурганные погребения в каменных ящиках со скорченными и окрашенными костяками [5, с. 7] Мнение о возможной генетической связи указанных погребений с таврскими впервые в 1910 г. высказал Н. И. Репников, но он подчеркивал существование значительного хронологического разрыва между ними [6, с. 20] Сопоставляя материалы кизил-кобинской культуры с чернолесскими и белогрудовскими, С. Ф. Стржелецкий пришел к выводу о единстве исторического процесса, охватившего в X—VIII вв. до н. э. земледельческие племена Северного Причерноморья [5, с. 9]

Детально, с привлечением почти всех накопленных к 1965 г. материалов рассмотрел этот вопрос А. М. Лесков. Согласно его точке зрения, своеобразие этнокультурной истории степного и горного Крыма прослеживается начиная с эпохи энеолита. Степные районы характеризует та же смена культур, что и юг Украины. Специфика горных проявляется в наличии здесь погребений в подкурганных каменных ящиках, инвентарю которых, представленному главным образом керамикой, ближайшие аналоги автор находит в дольменах Прикубанья и Западного Кавказа. На основании сходства погребальных сооружений и керамики А. М. Лесков выделяет их в локальный вариант дольменной культуры, племена которой на рубеже III—II тыс. до н. э. переселились в горные районы Крыма [7, с. 191] Однако поскольку самые ранние памятники кизил-кобинской культуры отделяет от дольменных, по мнению автора, не менее пяти столетий, то ее происхождение он связывает со второй миграционной волной, которую представляет себе как постепенную инфильтрацию племен кобанской культуры, смешавшихся в Крыму с потомками первых переселенцев. Основной комплекс кизил-кобинской культуры сложился, таким образом, на базе богатой и многообразной кобанской, тогда как влияние позднесрубной, проявляющееся

© В. А. Колотухин, 1990 г.

главным образом в сходстве некоторых форм керамики и отчасти — ее орнаментации, автор считает ограниченным [7, с. 139, 158; 8, с. 81].

Дифференциация памятников на две культурные группы — кизил-кобинскую и таврскую — и соотнесение их с разными этносами предполагают выделение двух генетических линий. В. Н. Дьяков, разделявший распространенное еще в дореволюционные годы мнение о таврах как потомках киммерийцев [9, с. 79], вопрос об истоках кизил-кобинской культуры оставил открытым. Х. И. Крис, напротив, не касалась вопроса о происхождении таврской культуры; в формировании кизил-кобинской, по ее мнению, принимало участие население, обитавшее прежде в Нижнем Поднепровье, продвинувшееся в конце IX или на рубеже IX—VIII вв. до н. э. в предгорные районы Крыма. Наиболее ранние поселения, расположенные в труднодоступных местах, она рассматривает в качестве естественных убежищ для тех, «кто прокладывал путь своим соплеменникам, основавшим кизил-кобинскую культуру» [10, с. 163]

А. А. Щепинский в статье, посвященной этническому составу населения предгорного и горного Крыма в раннем железном веке, связывает кизил-кобинскую культуру с поздними киммерийцами, переселившимися в VIII—VII вв. до н. э. из степей в предгорья, на исконно таврскую территорию [11, с. 39] В научно-популярной книжке «Красные пещеры», где его взгляды изложены в развернутом виде, две параллельные линии этнокультурного развития обозначены следующим образом: 1) кемиобинцы — тавры и 2) позднекатакомбная культура — киммерийцы — кизил-кобинцы. Единственным недостатком данной реконструкции автор считает временной разрыв в 300—500 лет между киммерийцами и таврами, с одной стороны, племенами катакомбной и кемиобинской культур — с другой [12, с. 51] Этот, по выражению А. А. Щепинского, «безмолвный период», охватывающий вторую половину II — начало I тыс. до н. э., представлен в Крыму культурой многоваликовой керамики, раннесрубной культурой, а также памятниками сабатиновского и белозерского типов. Как считает исследователь, кизил-кобинцы и тавры «в той или иной мере сродни племенам всех этих культур», но более всего «генетическая связь прослеживается между кизил-кобинскими и памятниками сабатиновского типа» [12, с. 51] С учетом этого последнего вывода вырисовывается следующий генетический ряд: позднекатакомбная культура — сабатиновцы — киммерийцы — кизил-кобинцы. Какими «культурными типами» представлен «безмолвный период» в линии развития кемиобинцы — тавры, осталось не уточненным. Нет ясности и в вопросе о месте белозерских памятников. С одной стороны, автор относит их к заключительному периоду срубной культуры (1150—900 гг. до н. э.), следующему за сабатиновским, с другой — за сабатиновским этапом у него следует киммерийский [12, с. 51]

В 1984 г. А. А. Щепинский вновь вернулся к этой проблеме и отнес формирование кизил-кобинской и таврской культур к эпохе раннего железа; первую, как и ранее, он связал с киммерийцами, вторую вывел непосредственно из кемиобинской [13, с. 22] Следует отметить, что построения А. А. Щепинского не всегда последовательны. Отсутствие детального анализа источников, постоянное смешение этнических и культурных терминов без раскрытия вкладываемого в них содержания затрудняет уяснение его позиции в вопросах этногенеза.

«Автохтонная» гипотеза С. Ф. Стржелецкого не получила признания, так как удревнение памятников с многоваликовой керамикой [14] показало несостоятельность попытки рассматривать их в качестве непосредственных предшественников кизил-кобинской культуры. Другие гипотезы, несмотря на всю их несхожесть, характеризует один общий момент: исходя из особенностей физико-географических условий, для Южного Крыма заранее предполагается своеобразие этнокультурных процессов, отличающихся от происходивших в сопредельной степи. Хотя эта посылка никем специально не сформулирована и выступает обычно в неявном виде, тем не менее многочисленные параллели

в кизил-кобинской и синхронных ей культурах объясняются не общностью исторического развития в эпоху бронзы, а исключительно притоком нового населения, которое привнесло эти общие для обширного региона культурные элементы в замкнутую местную среду. Само появление кизил-кобинской культуры рассматривается как более или менее единовременный акт, обусловленный внешним импульсом, за которым последовал новый период изоляции, нарушенный скифским вторжением. Различия в позициях исследователей сводятся к различиям в определении исходной для мигрантов территории. При этом местный субстрат, безымянный у П. Н. Шульца и Х. И. Крис, и атрибутированный как позднедольменный у А. М. Лескова и таврский у А. А. Щепинского, оказался лишенным материального выражения, т. е. исследователи, говоря о его наличии, не в состоянии связать с ним какие-либо конкретные памятники. Так, А. А. Щепинский, намечая генетический ряд «катакомбники — сабатиновцы — киммерийцы — кизил-кобинцы», в сравнительной таблице сопоставляет катакомбные и кизил-кобинские комплексы, разделенные промежутком времени как минимум в 700—800 лет [12, с. 56] А. М. Лесков после сопоставления отдельных элементов культуры Северного Кавказа и Крыма конца III — начала II тыс. до н. э. переходит к сравнительному анализу материалов второй четверти I тыс. до н. э. [7, с. 142] Вследствие слабой археологической изученности горного Крыма фактически вся эпоха бронзы оказалась за пределами внимания исследователей. Рассматривая вопросы сложения кизил-кобинской культуры, они оперировали материалами уже сформировавшейся культуры; выявление генетических истоков в такой ситуации невольно подменялось поисками параллелей и аналогов на других территориях.

Керамика эпохи поздней бронзы найдена в горном Крыму одновременно и вместе с кизил-кобинской. В коллекции Г. А. Бонч-Осмоловского из пещеры Кош-Коба наряду с лепной лощеной посудой с врезным геометрическим орнаментом, относящейся ко времени не ранее чем вторая половина VI в. до н. э., содержатся обломки кухонных горшков с валиками и сковород и кубок с высокой цилиндрической шейкой [1], т. е. посуда, типичная для белозерских комплексов, но совершенно не характерная для второго этапа кизил-кобинской культуры. Залегание разновременных материалов в одном слое послужило основанием для их объединения в одну культурно-хронологическую группу, которую Г. А. Бонч-Осмоловский в дальнейшем рассматривал как эталонную [15, с. 9] Отсутствие возможности дифференцировать материал предопределило отнесение к «группе Кош-Коба», выделенной позднее в кизил-кобинскую культуру, памятников широкого хронологического диапазона — от Нейзацкого поселения V—IV вв. до н. э. до поселения Альма 1 с однородным материалом белозерского типа, хотя, по мнению исследователя, эта культура должна была отражать только период, непосредственно предшествовавший времени исторических тавров [16] В этой связи становятся понятными колебания П. Н. Шульца, который первоначально датировал поселение Альма 1 последней четвертью II тыс. до н. э. [17, с. 6], а позднее отнес его к X—IX вв. до н. э. [1, с. 243; 18, с. 67] Раскопки многослойного поселения на горе Кошка под Симеизом, где выявлены материалы позднекатакомбной и позднесрубной культур [19], отдельные аналогичные находки из других районов горного Крыма [7, с. 137], результаты раскопок Туотайского (Новокленовского) белозерского могильника [20, с. 37] и поселения Тау-Кипчак близ Зуи [21, с. 128] — все это свидетельствовало о несравненно более значительном влиянии степи на этнокультурные процессы в горном Крыму, чем принято было считать ранее. К сожалению, материалы двух последних памятников остаются неопубликованными [2] К на-

---

[1] Фонды Гос. Эрмитажа, коллекция № 4105, инв. № 299, 324, 348, 349, 384 и др.

[2] Материалы Новокленовского могильника обработаны автором. С материалами Тау-Кипчака автор познакомился благодаря любезности О. И. Домбровского и О. А. Махневой.

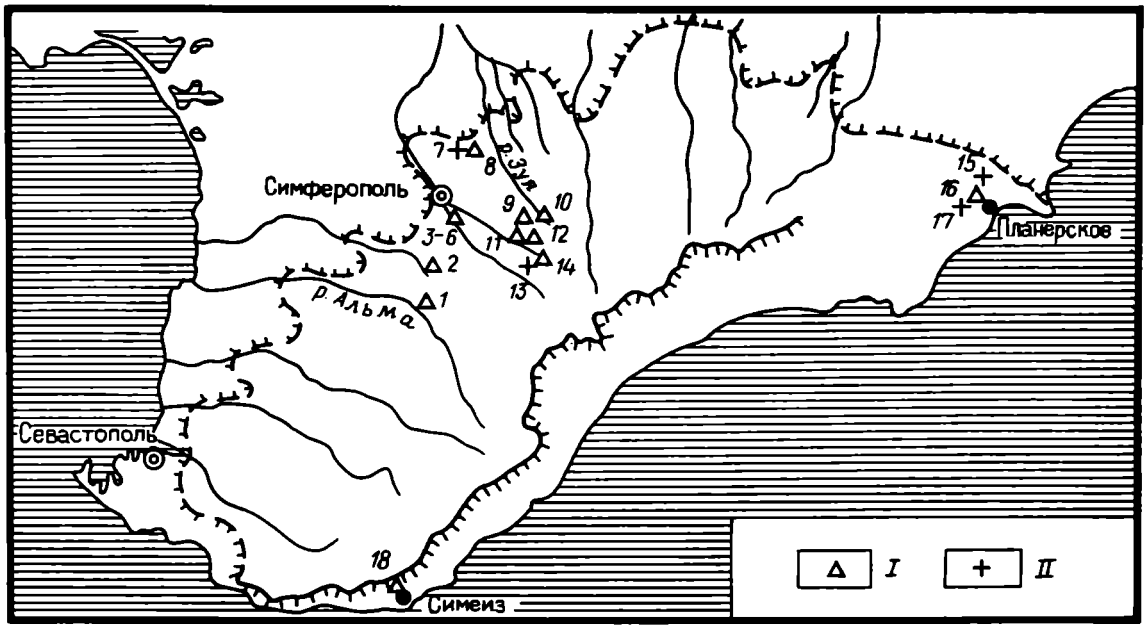


Рис. 1. Памятники позднесрубной культуры горного Крыма. *I* — поселения; *II* — могильники. *1* — поселение Альма 1; *2* — поселение Фонтаны; *3—6* — поселения в черте г Симферополя (Университет, на ул. Мате Залки, Луговое, Петровская балка), *7* — могильник Донское; *8* — поселение у с. Донское; *9* — поселение Тау-Кипчак; *10* — поселение Чуюнча; *11* — поселение Дружное (Ставок); *12* — поселение Дружное 2; *13* — могильник Суучхан; *14* — поселение Краснопещерное; *15* — курган на горе Климентьева; *16* — пос. Планерское; *17* — курган у пос. Планерское; *18* — поселение на горе Кошка

стоящему времени нами учтено в горной зоне 14 поселений [3] сабатиновского и белозерского типов (рис. 1). Раскопки, главным образом разведочного характера, проводились на 11 из них, выразительные коллекции керамики получены на 8. Из этих 14 поселений 12 расположены в районе Второй гряды, между верховьями рек Альма и Зуя,— планомерные обследования территории проведены пока только здесь. Поселения занимают открытые участки: склоны балок, надпойменные террасы и речные долины. Площадь их не превышает 2 га, культурный слой выражен обычно слабо и прослеживается в местах жилых и хозяйственных построек. Исключение составляют многослойные памятники (Тау-Кипчак, Дружное 2, Фонтаны), отличающиеся большими размерами, что объясняется, очевидно, неполным совпадением границ разновременных поселков.

Сведений о планировке поселений нет. Остатки трех жилищ с углубленным основанием размером 2,5—4×3,5—6 м, располагавшихся одно над другим, выявлены в Тау-Кипчаке [21, с. 129]; участок утрамбованного пола с остатками очага на глубине 0,35 м от современной поверхности — в Чуюнче; столбовые ямы и часть жилища, углубленного на 0,4—0,5 м, которое оказалось разрушенным при планировке участка строителями,— в Луговом. В Петровской балке зафиксированы остатки двух углубленных жилищ, одно из которых нарушено при выборке грунта на хозяйственные нужды Симферополя, второе осталось недоследованным; на уровне пола последнего выявлены столбовые ямы и очаг. Для всех поселений характерны хозяйственные ямы.

Кроме поселений к позднесрубному времени относятся основное и два впускных подкурганных погребения на горе Климентьева (восточная оконечность Главной гряды), три подкурганных погребения у Планерского, а также

[3] Поселения у с. Луговое, в Петровской балке, Дружное (Ставок) открыты О. А. Гумашьяном, который в течение многих лет работал в качестве сезонного сотрудника различных экспедиций Отдела археологии Крыма ИА АН УССР.

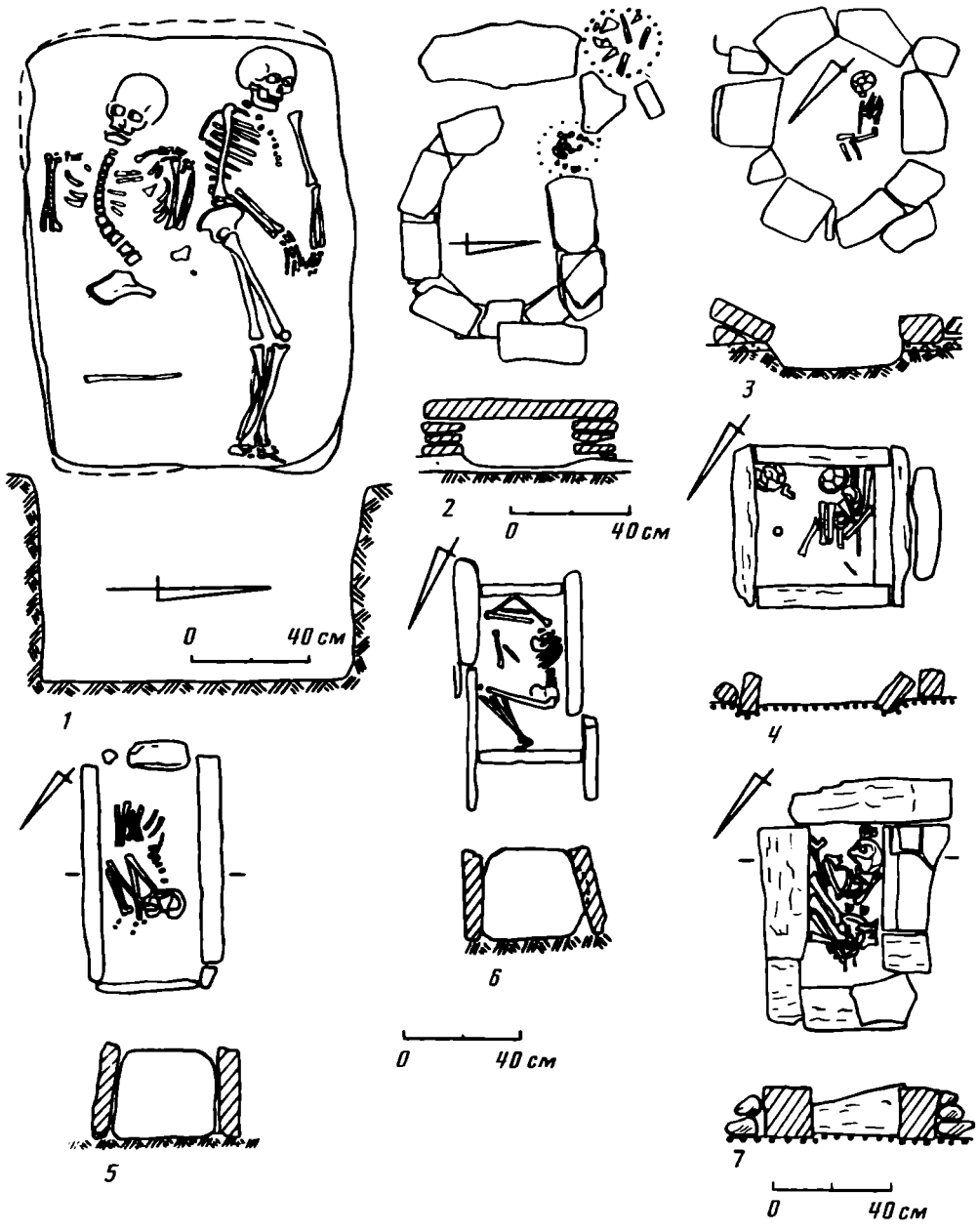


Рис. 2. Погребения эпохи бронзы. *1, 2* — курган на горе Климентьева; *3, 4, 7* — могильник Суучхан; *5, 6* — могильник Донское

бескурганные могильники Суучхан в урочище Кизил-Коба и у с. Донское Симферопольского района (Третья гряда)

Основная могила (№ 1) в кургане на горе Климентьева представляла собой грунтовую яму с каменным закладом. Погребение парное, с западной ориентацией: первый скелет лежал на спине с подогнутыми коленями (кости ног, за исключением одной берцовой, смещены землероями), кисти рук находились в области ключиц; второй скелет (с элементами скорченности) лежал на левом боку (рис. 2, *1*) Инвентарь — лепной горшок с гладким валиком и банка (рис. 3, *3, 6*) Вторая могила (№ 3) представляла собой небольшую (0,95 × × 0,55 × 0,4 м) каменную гробницу, ограбленную через боковой пролом, рядом с которым найдены обломки костей детского скелета и двух сосудов — биконического горшка с двумя валиками и плошки (рис. 2, *2*; 3, *1, 2*) От третьего погребения (№ 5) сохранились череп и раздавленный горшок с расчлененным валиком (рис. 3, *5*).

В разрушенном кургане на окраине Планерского три впускных захоро-

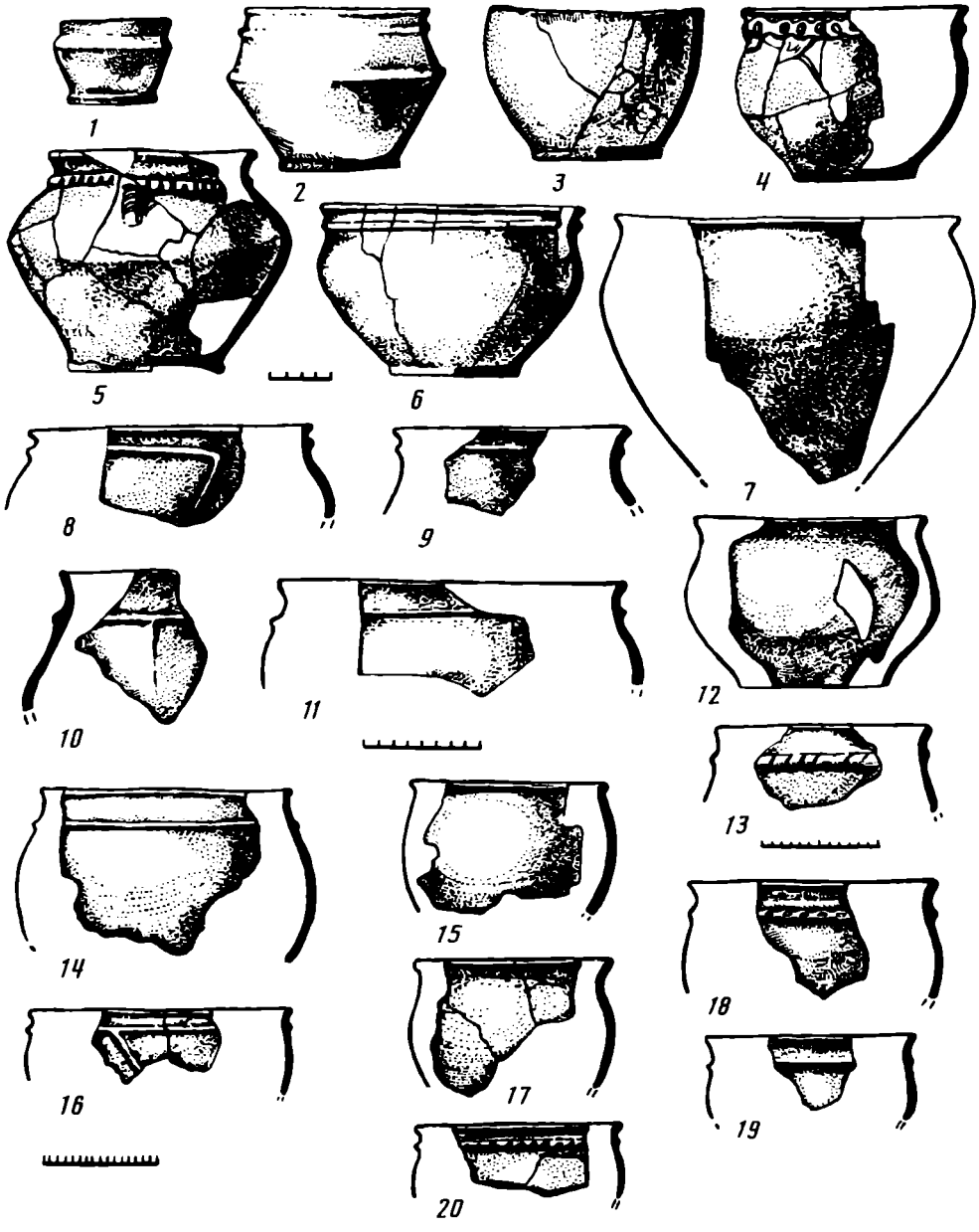


Рис. 3. Кухонная посуда эпохи поздней бронзы. *1—4, 5, 6* — курган на горе Климентьева; *7—13* — поселение Луговое; *14—20* — поселение Чуюнча (*1, 2* — реконструкция)

нения (№ 1, 2, 6) совершены в грунтовых ямах в скорченном положении, с поднятыми к лицу кистями рук; в двух случаях скелеты лежали на правом боку, черепами на ЮЗ, в одном — на левом боку, черепом на ЮВ. Инвентарь — фрагментированная плошка и горшок с валиком (рис. 3, *4*)

Могильник Суучхан расположен на левой надпойменной террасе одноименной речки; он связан, по-видимому, с поселением, перекрытым с. Краснопещерное (бывшее Кизил-Коба) Здесь вскрыто 15 могил. Одна из них представляла грунтовую яму, впущенную с уровня древнего горизонта на глубину 0,2—0,25 м, по периметру ее шла однорядная кладка из крупных камней, поддерживавших перекрытие из плит Остальные могилы — ящики, каждый из которых состоял из четырех боковых плит и пятой покровной. Обломки последних сохранились в единичных случаях. Верх гробниц соответствовал современному дневному горизонту или был перекрыт тонким слоем земли. Один ящик ориентирован по оси ЮЮВ—ССЗ, остальные — с ЮВ на СЗ. Внутренние размеры могил —

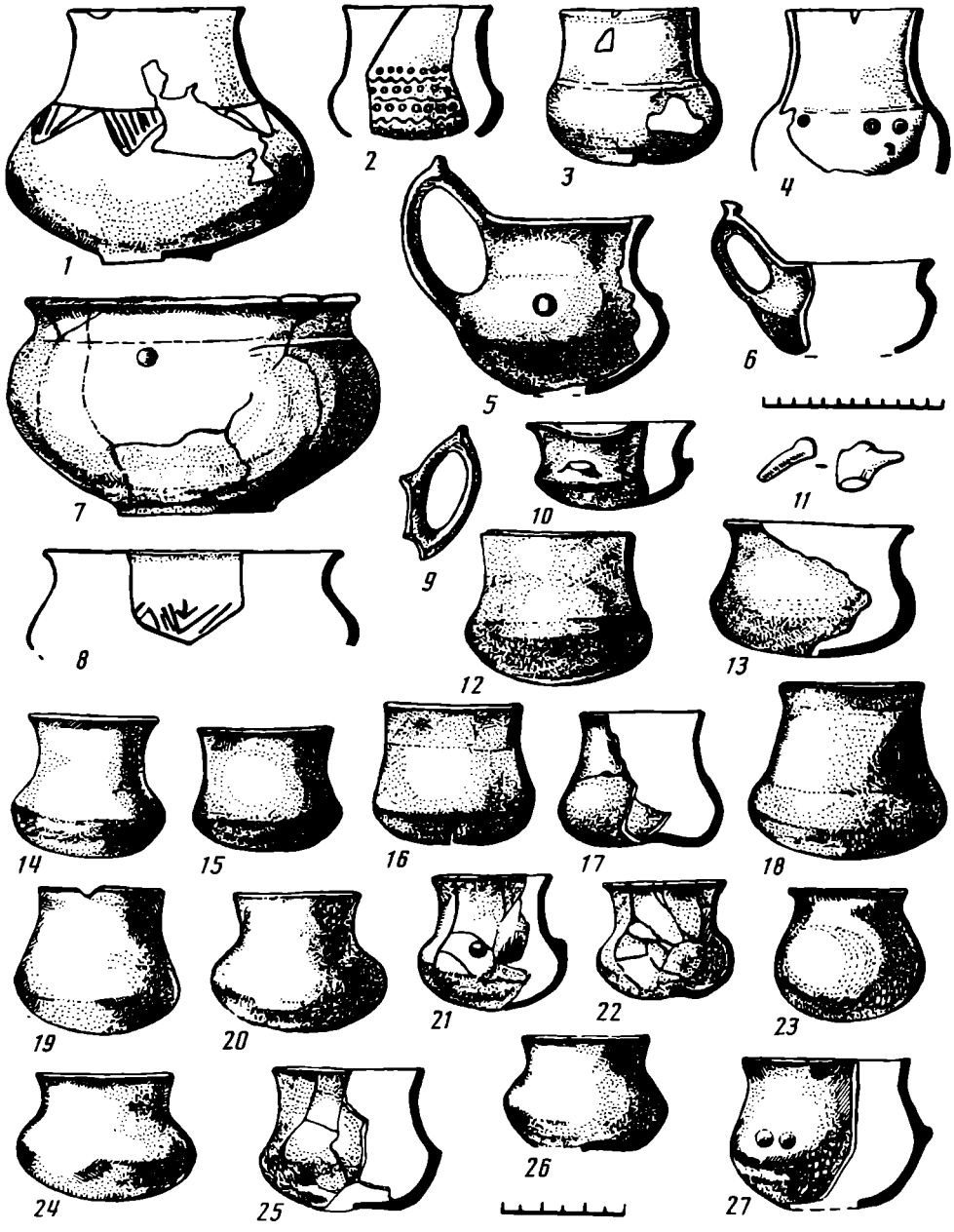


Рис. 4. Столовая посуда эпохи поздней бронзы. *1—5, 10* — поселение Дружное 2; *6, 17, 18* — поселение в Петровской балке; *7—9* — поселение Луговое; *11* — поселение Чуюнча; *12, 13* — поселение Фонтаны; *14* — пещера Кош-Коба; *15, 16* — поселение Альма 1; *19—24* — могильник у с. Донское; *25—27* — могильник Суучхан

от 0,8×0,8 до 1,4×0,8 м при высоте стенок 0,25—0,4 м. Они содержали по одному-два скелета, нарушенных при ограблении. Положение погребенных прослежено в 8 случаях. Захоронения совершались в скорченном положении, на правом боку, головой на юг и юго-восток; инвентарь представлен лепными кубками и бронзовыми проволочными браслетами (рис. 2, *3, 4, 7*; 4, *25—27*; 5, *36—39*; 6, *16*)

Второй бескурганный могильник расположен в 2 км к западу от с. Донское, на водоразделе. Погребальные сооружения в целом аналогичны суучханским, с той разницей, что у отдельных ящиков продольные стенки составлены из двух плит каждая. Из 13 вскрытых могил 5 ориентированы по оси юг — север, остальные — с ЮВ на СЗ или с ЮЮВ на ССЗ. Внутренние размеры ящиков — от 1,08×0,6 до 1,5×0,8 м при высоте стенок 0,45—0,6 м. Могильник ограблен,

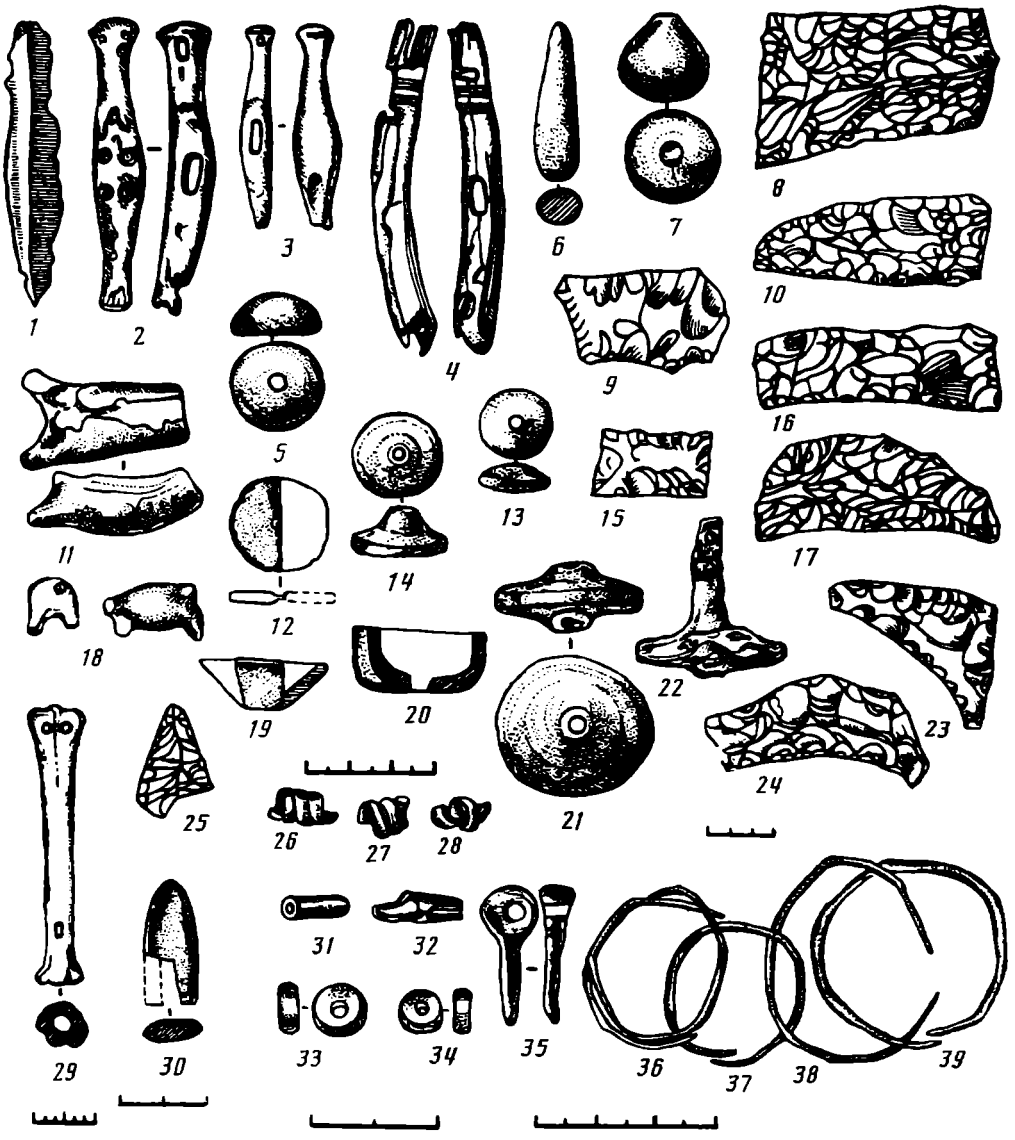


Рис. 5. Изделия эпохи поздней бронзы: бронзовые (*1, 26—28, 32, 36—39*), костяные (*2—5, 29—31, 35*), каменные (*6, 7*), кремневые (*8—10, 15—17, 23—25*), глиняные (*11—14, 18—22*), перламутровые (*33, 34*)

положение погребенных установлено в 8 случаях. Все скелеты принадлежат взрослым людям, ориентированы они по оси юг — север или ЮВ—СЗ; захоронения совершены в скорченном положении, на правом боку. Положение рук прослежено в 2 случаях: в одном кисти находились на уровне лицевой части черепа, в другом были подняты к ЮЮВ стенке ящика [4] Сопровождающий инвентарь — лепные кубки, перламутровые и костяная бусины, фрагменты бронзовых пронизей (рис. 2, *5, 6*; 4, *19—24*; 5, *26—28, 31—34*).

На поселениях самую многочисленную категорию находок составляют обломки кухонных горшков. Глиняное тесто, как правило, черное, часто с мелкими естественными включениями известняка; в качестве искусственных примесей использовались песок, мелкотолченая раковина или органические вещества. Обжиг неравномерный, цвет сосудов чаще всего неровный, преобладает коричнево-черный, бурый, черный. Единичность целых форм затрудняет типологическую дифференциацию массового материала. Реконструкция на основании крупных обломков при отсутствии эталонных комплексов приблизительна,

[4] Черепа или их обломки в могилах у с. Донское не зафиксированы.

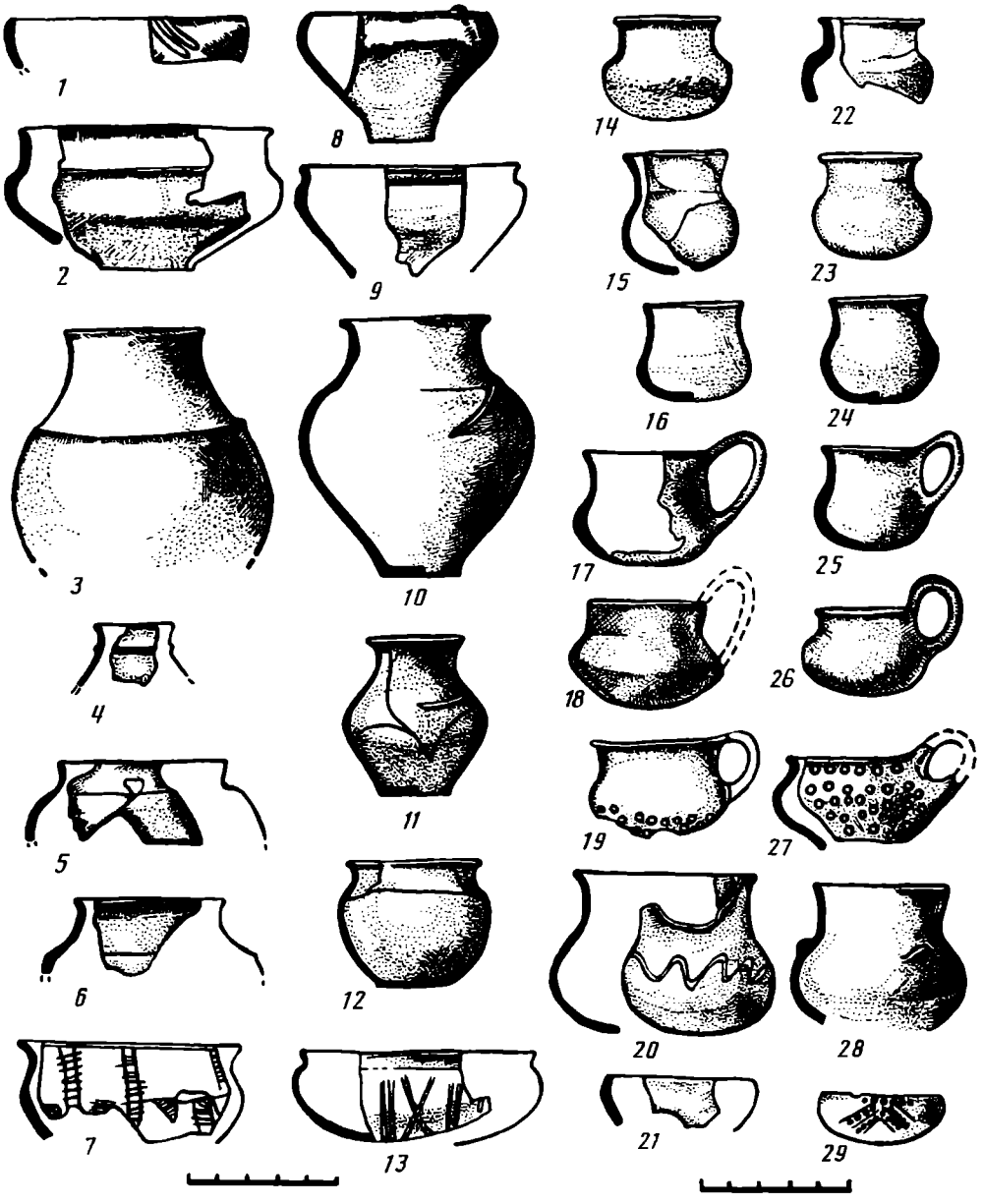


Рис. 6. Сравнительная таблица позднесрубной (*1—7, 14—21*) и кизил-кобинской (*8—13, 22—29*) столовой посуды

так как горшки с одинаково профилированной верхней половиной, но различные по высоте и диаметру дна существенно отличаются друг от друга. Поэтому предлагаемая типология носит предварительный характер, ее назначение — дать по возможности системное описание лепной посуды.

Высота горшков колеблется от 12 до 40 см. Среди них можно выделить шесть типов. 1. Слабопрофилированные горшки баночной формы с отогнутым краем и невыделенными плечиками, диаметр тулова не превышает диаметра венчика (рис. 3, *16, 18*; *7, 3, 5, 14*; 8, *1, 2*) 2. Горшки с высокой прямой или немного изогнутой шейкой и раздутым туловом; у горшков 1-го варианта наибольший диаметр расположен в верхней трети сосуда (рис. 8, *3*), у горшков 2-го варианта он смещен к придонной части (рис. 7, *1*) Возможно, вариантом этого типа являются горшки с прямой горловиной и слабовыпуклым туловом шаровидной формы (рис. 3, *2, 14*; 7, *9*). 3. Приземистые горшки с низкой изогнутой шейкой, широким дном и уплощенно-шаровидным туловом (рис. 3, *12*; 7, *6*) 4. Горшки с низкой отклоненной или слегка изогнутой шейкой и слабовыпуклым

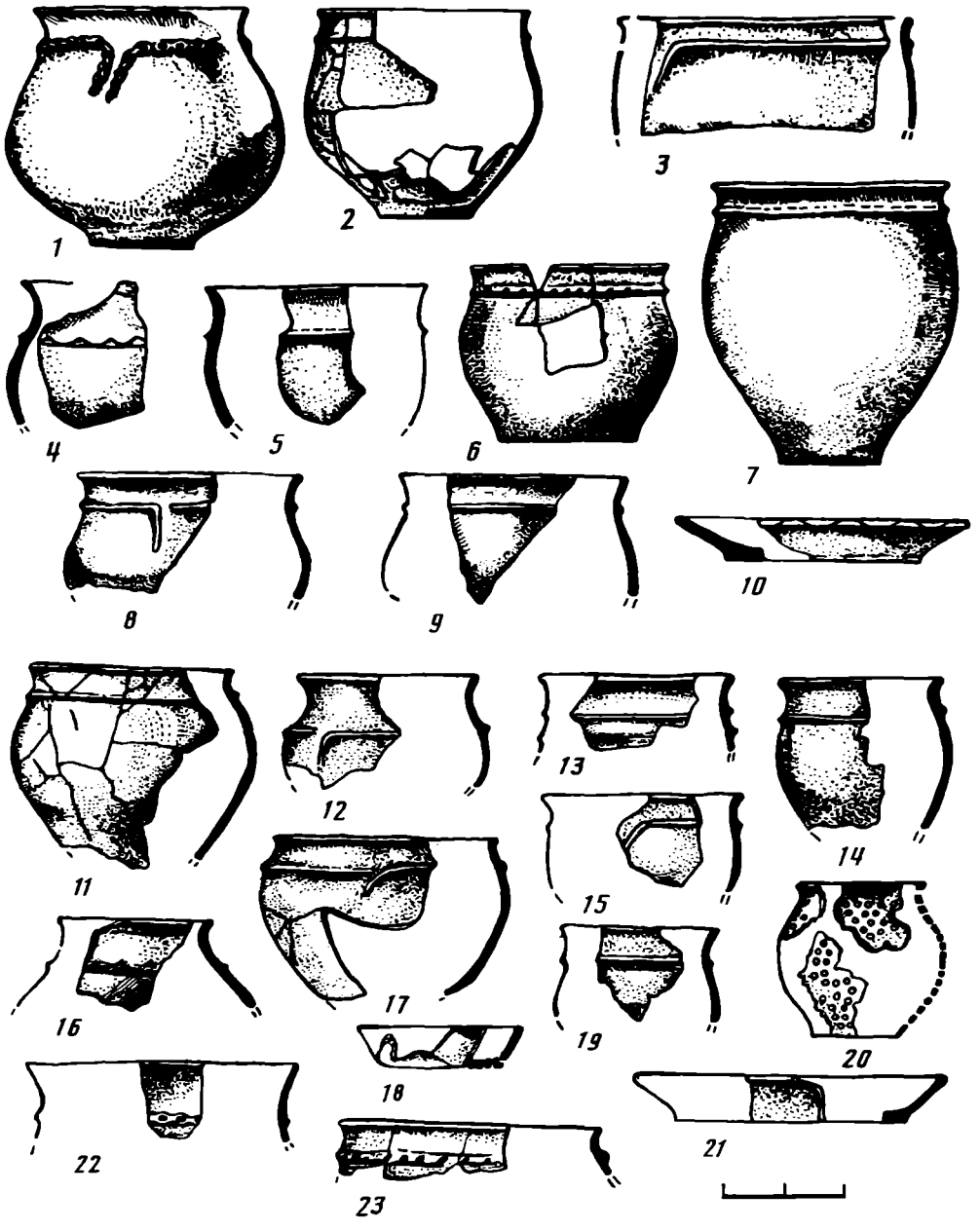


Рис. 7 Кухонная посуда эпохи поздней бронзы. *1—3* — поселение в Петровской балке; *4—10* — поселение Фонтаны; *11—23* — поселение Дружное 2

туловом, диаметр которого соответствует диаметру венчика или немного превышает его (рис. 3, *17*; 7, *7*) От горшков 3-го типа они отличаются вытянутыми пропорциями, от горшков 1-го типа — S-видной профилировкой. 5. Горшки котловидной формы, венчик отогнут, шейка не выражена, диаметр дна не превышает 1/2 диаметра венчика (рис. 7, *17*; 8, *5*). 6. К этому типу мы относим горшки, профиль которых имеет отчетливо выраженную S-видную форму; они отличаются друг от друга формой тулова, степенью изогнутости шейки, ее высотой и положением по отношению к плечикам (рис. 3, *9, 10*; 7, *4, 8, 11, 12, 16, 18*). Дифференцировать их на основании фрагментированного материала не представляется возможным.

Подавляющее большинство горшков имеет одинарные горизонтальные валики, расположенные на шейке, в ее основании или на плечиках; у несомкнутых валиков один или оба конца опущены на тулово, у сомкнутых на тулово опущено по одному или по два коротких отростка. Валики гладкие или расчле-

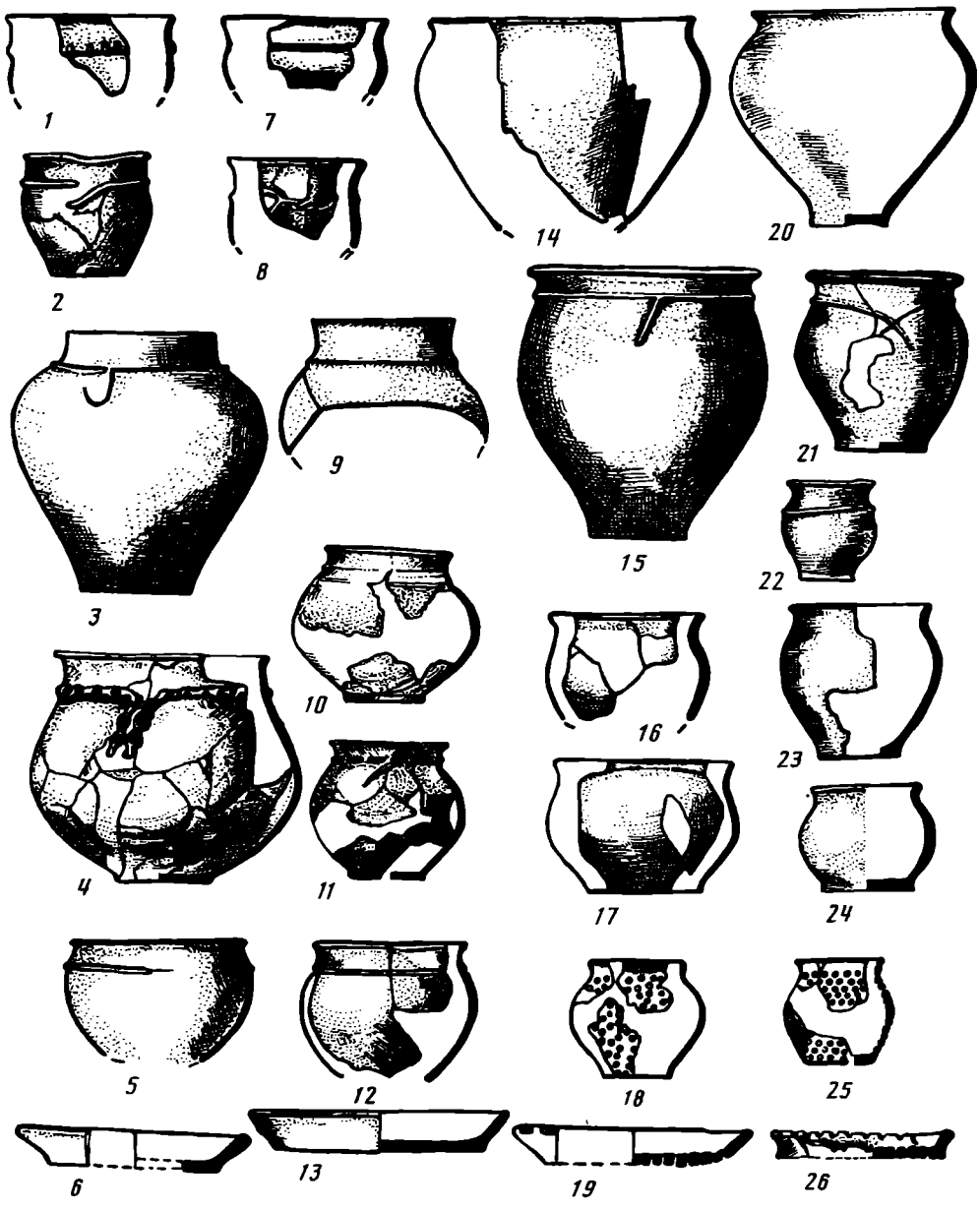


Рис. 8. Сравнительная таблица позднесрубной (*1—6, 14—19*) и кизил-кобинской (*7—13, 20—26*) кухонной посуды

ненные косыми параллельными нарезками, нарезками в виде зигзага, пальцевыми и ногтевыми вдавлениями. Кроме горшков к группе кухонной посуды относятся сковороды и дуршлаги различных форм (рис. 6, *19*; 7, *10, 19, 20, 23*; 8, *6, 18, 19*)

В группу столовой посуды входят корчаги, лощеные горшковидные сосуды, миски, чашки, кубки и черпаки. Фрагменты корчаг найдены на всех поселениях, однако полностью собрана только одна и одна реконструирована частично. Первая корчага имеет высокую горловину и низкое, сдавленное к дну тулово; у второй шаровидное тулово и коническая горловина, отделенная от тулова уступчиком в виде валика (рис. 4, *1*; 6, *3*). Лощеные горшковидные сосуды фрагментированы. У двух из них биконические горловины с гладким валиком на шейке, отличающиеся от горловин корчаг небольшими размерами (6, *4*), для остальных характерны невысокая шейка, выделенная уступом, и относительно широкое устье (рис. 6, *5, 6*). Миски и чашки имеют очень близкие формы и различаются абсолютными размерами. В той и другой группе выделяется два

типа: полушаровидные и «шлемовидные». Диаметр венчика мисок колеблется в пределах 25—35 см. У мисок 1-го типа венчик округлен или уплощен, в последнем случае он образует закраину, которая выступает внутрь или наружу. Орнамент рельефный, в виде коротких валиков или их групп, опущенных от венчика (рис. 6, *1*). Миски 2-го типа имеют S-видный профиль. У них обычно низкая изогнутая шейка и уплощенно-шаровидное тулово; миска из поселения Фонтаны за счет удлиненной шейки имеет форму, близкую к биконической. Фрагментированная миска из поселения Луговое украшена врезным узором, остальные — различного рода налепами, расположенными на плечиках (рис. 4, *7, 8*; 6, *2*). Диаметр полушаровидных чашек составляет 8—12 см (рис. 6, *21*); шлемовидных — 11—15 см (рис. 6, *7*).

Наиболее многочисленную категорию в группе столовой посуды составляют кубки, среди которых предварительно можно выделить четыре типа. 1. Цилиндрошейные с низким, сдавленным к дну туловом; высота горловины, которая выделена уступчиком или горизонтальной врезной линией, составляет не менее 1/2 высоты сосуда (рис. 4, *2—4, 12, 18*). Вариантом 1-го типа являются слабопрофилированные кубки в виде баночки с невыделенной горловиной (рис. 4, *15, 16, 19*; 8, *16*). 2. Кубки с дуговидно изогнутой шейкой, составляющей около 1/3 высоты сосуда, и уплощенно-шаровидным туловом (рис. 4, *20—22, 24, 26*; 6, *14*). 3. Кубки с низкой, дуговидно изогнутой шейкой и шаровидным или вытянуто-шаровидным туловом (рис. 4, *23, 27*). У кубков 1—3-го типов показатель высоты сосуда равен диаметру венчика или превышает его. 4. Кубки этого типа приземистые, диаметр венчика у них больше показателя высоты (рис. 4, *13*). Высота кубков — от 6 до 10 см, единичными находками представлены кубки высотой 12—14 см (рис. 6, *20*). Орнаментированные кубки встречаются сравнительно редко: рельефный орнамент — в виде выпуклин, сосцевидных и конических налепов и коротких валиков, нарезной — в виде ломаной линии и колечек; на фрагментированном кубке из Дружного 2 последние два элемента выступают в сочетании (рис. 4, *2*).

Черпаки двух типов: это сосуды, высота которых соответствует диаметру венчика (рис. 4, *5*; 6, *17, 18*), и низкие, с уплощенно-шаровидным туловом, диаметр венчика у которых относится к высоте как 2:1 (рис. 4, *6, 10*). Форма дна у тех и других округлая, иногда с лунковидным углублением. Фрагментированный черпак из поселения Дружное 2 на изгибе ручки имеет гребешковый выступ, ручка с выступом в виде короткого столбика найдена в Луговом, фрагмент черпака с выступом на изгибе ручки — в Петровской балке, обломок ручки с налепом в виде кнопки — в Чуюнче (рис. 4, *5, 6, 9, 11*).

Перечисленные типы посуды не исчерпывают всего разнообразия форм. Некоторые сосуды, явно отличающиеся от описанных, представлены мелкими обломками и не реконструируются. К ним относятся крупные узкогорлые лощеные «кувшины» с широкими ленточными ручками и сравнительно крупные (диаметр дна 15—18 см) сосуды с округлым дном, которое имеет в центре лунковидное углубление, и др.

К числу других керамических изделий принадлежат миниатюрные сосудики, прясла, «крышечки» из стенок сосудов, льячка и фигурки животных (рис. 5, *12—14, 19—22*). Фигурки животных фрагментированные. Одна, из поселения Дружное 2, миниатюрная, сформована из плотной глиняной массы (рис. 5, *18*); не менее трех, небрежно изготовленных из рыхлой глиняной массы, найдены в обломках на дне одной из хозяйственных ям поселения Луговое вместе с глиняными «хлебцами», «шарами» и плоскими изделиями в виде «лепешек» (рис. 5, *11*).

Изделия из камня и кремня представлены обломками массивных зернотерок, крупными пестами из галек, пестиками миндалевидной и цилиндрической формы, целыми и фрагментированными вкладышами серпов, в числе которых один клювовидный. На поселении Дружное 2 в переотложенном слое найден кремневый наконечник стрелы с выемкой в основании (рис. 5, *6—10,*

15—17, 23—25). Костяные изделия немногочисленны. Это проколки из расколотых трубчатых костей и рога, булавки, в том числе с шаровидной головкой, палочка-застежка, «прясло» из эпифиза, неконечник стрелы с глубокой выемкой в основании, «конек» с четырьмя отверстиями: тремя — в горизонтальной плоскости, одним — в торцовой (рис. 5, *5, 29, 30, 35*).

На поселениях Чуюнча, Фонтаны и Дружное 2 найдены фрагментированные псалии. Псалий из Чуюнчи длиной 16 см, немного изогнут, имеет большое центральное отверстие (16×5 мм) овальной формы и одно крайнее, расположенное в той же плоскости, но под некоторым углом к центральному, его размер 8×6 мм. Второй конец псалия фрагментирован. У самого его края в одной плоскости с центральным расположено круглое отверстие диаметром 3 мм, между ними под углом в 45° — четвертое отверстие диаметром 5 мм. Края отверстий, за исключением самого маленького, имеют отчетливые следы потертостей от уздечных ремней. Псалий орнаментирован: три параллельные врезные линии идут по его вогнутой стороне, три — по боковой, два поперечных пояска, из трех линий каждый, расположены между двумя крайними отверстиями (рис. 5, *4*). Псалий из поселения Фонтаны относится к типу трехдырчатых с большим центральным и малыми крайними отверстиями, расположенными в одной плоскости; один конец его обломан в древности, для крепления нащечного ремня вырезан желобок. Сохранившаяся длина псалия — 13,3 см; на ненарушенных участках заполированной поверхности прослеживается орнамент в виде концентрических окружностей с точками в центре (рис. 5, *2*). Псалий из Дружного 2 относится к тому же типу, но отличается меньшими размерами и характером отверстий, которые имеют форму узких щелей; его сохранившаяся длина — 9,6 см, первоначальная не превышала 11,5 см (рис. 5, *3*).

Рассмотренные материалы являют собой однородный культурный комплекс. На всех поселениях представлены в целом одинаковые керамические формы. Кухонная посуда аналогична кухонной посуде сабатиновских и белозерских памятников степного Крыма, Поднепровья, Северо-Западного Причерноморья и Молдавии [22—26]. На поселениях Балта и Жовтневое находят аналоги или типологические параллели корчаги, миски 1-го типа, чашки, лощеные горшковидные сосуды [27, рис. 4, *2, 8, 9,* 5, *17, 20*; 28, рис. 2, *13, 14*], на поселении Мирное II — миски 2-го типа [29, рис. 2, *1, 4*], на поселения Ялпуг IV — чашки, некоторые кубки, высокогорлые лощеные сосуды [30, рис. 2, *3, 10*], на поселении Молога II — кубки [31, рис. 2, *9*], в белозерских погребениях степи — кубки и черпаки [32, с. 22; 33, рис. 6, *1, 4, 8, 9*]

Наиболее ранним памятником является основное погребение (№ 1) в кургане на горе Климентьева. Положение умерших на спине с подогнутыми коленями и кистями рук, поднятыми к ключицам, в сочетании с западной ориентацией встречено в могилах культуры многоваликовой керамики (КМК) [33; 34, с. 15; 35, с. 10; 36; 37, с. 29]. В срубных погребениях единичные захоронения на спине имеют иную ориентацию, тогда как захоронения с западной ориентацией совершены в скорченном положении, на левом боку [35, с. 10, 14; 36, с. 31, 32; 38, с. 212]. В то же время горшок и банка из погр. 1 представляют собой типично срубные формы; в частности, в таком же сочетании аналогичные сосуды найдены в сабатиновском погр. 3 кург. 8 у Новочерноморья [39, рис. 28, *11, 12*]. Слабопрофилированные горшки с гладким валиком под венчиком происходят с раннесрубного поселения Усово Озеро на Северском Донце [40, рис. 1, *8*], из сабатиновского погр. 29 на о-ве Виноградный [39, рис. 17, *5*]. Они выделены во 2-й тип банок маевского варианта срубной культуры и датируются XV—XIV вв. до н. э. [41, с. 6; 42, с. 100]. Близкую хронологическую позицию занимает могила 3 того же кургана: реконструированный горшок с двумя валиками и плошка типологически соответствуют сосудам из погр. 3 кург. 26 на участке А Днепростроя, которое также было совершено в каменной гробнице [39, рис. 19]. И. Н. Шарафутдинова склонна относить последнее к группе поздних погребений КМК, С. Н. Братченко усматривает в нем сочетание элементов двух

культур — многоваликовой и срубной [34, с. 16]. Не касаясь вопроса о взаимоотношении КМК и срубной, рассмотрение которого не входит в задачи настоящей работы, считаем необходимым лишь обратить внимание на отличие керамики из могил 1 и 3 кургана на горе Климентьева от происходящей с расположенного рядом поселения КМК Планерское 1. Последнюю характеризует относительно высокое качество: тонкие стенки, тщательно промешанное глиняное тесто, хороший обжиг [43, с. 279]. Керамика из погребений, толстостенная, с явными признаками асимметрии, тесто рыхлое, слоистое, содержит примесь мелкотолченой раковины. Эти же особенности присущи посуде подкурганных срубных погребений степного Крыма. Отмеченные обстоятельства не позволяют сильно удревнять погребения 1 и 3 — они могут быть отнесены к предсабатиновскому этапу. Судя по форме горшков и характеру валиков, в рамках сабатиновского этапа датируются погребение 5 из того же кургана и могилы из кургана у пос. Планерское.

Из поселений к числу наиболее ранних относятся два — у с. Луговое и в урочище Чуюнча. На первом присутствуют архаичные формы горшков с зауженной горловиной и гладким валиком под венчиком (рис. 3, *9*), аналогичные происходящим с поселения Каменка [44, с. 42, рис. 13, *б*], которые не зафиксированы в Чуюнче. В Луговом не найдены кубки, в Чуюнче они найдены не в хозяйственных ямах, а в шурфах, что не исключает их асинхронности основной коллекции, однако, судя по фрагментам горловин, кубки аналогичных форм имеются на сабатиновских поселениях Молога II и Сабатиновское [26, рис. 33, *6, 7*; 39, рис. 26, *24*]. На сабатиновских и синхронных им памятниках культуры Ноа широко распространены сосуды малых форм с петельчатыми ручками, на изгибах которых имеются выступы в виде столбика, кнопки или гребешка, такие же найдены в Луговом и Чуюнче; для этого же круга памятников характерны костяные «коньки» [45, с. 21]. Псалий из Чуюнчи типологически близок псалиям типа Фюзешабонь, у которых один конец раздвоенного нащечного ремня закреплялся как у чуюнчинского, в ушке, второй — в малом крайнем отверстии, расположенном перпендикулярно центральному; на экземпляре из Пакоздвара имеются, кроме того, аналогичные пояски из врезных линий [46, с. 73] А. Можолич связывает их с III периодом бронзового века Венгрии (Тоцег С), который она первоначально отнесла ко времени, предшествующему ГА (по Рейнеке), т. е. к 1100 г. до н. э., позднее — к XVI—XV или XV—XIV вв. до н. э. [46, с. 71; 47, с. 129; 48, с. 182]. Передатировка основана на анализе резной кости с орнаментом в виде кружочков и волны, известного в Микенах. Находки на памятниках культуры Пилинь свидетельствуют, что псалии типа Фюзешабонь и резная кость с кольчатым орнаментом продолжали бытовать в Венгрии до XIII—XII вв. до н. э. включительно [49, рис. 25, *40, 41*]. Очевидно, концом XIII—XII в. до н. э. может быть датировано поселение Чуюнча, в рамках XIII в. до н. э.— поселение Луговое. Углубить эту дату не позволяет набор кухонной посуды, представленный в целом теми же формами, что и на белозерском поселении Фонтаны. Характер орнамента в данном случае не является хронологическим показателем, поскольку он встречается на предметах белозерского времени (рис. 4, *2*; 5, *2*).

В свете новейших исследований предварительная датировка поселения у с. Фонтаны IX — началом VIII в. до н. э. [50, с. 116] представляется завышенной по меньшей мере на столетие. Предлагая эту дату, мы исходили, во-первых, из близости керамического комплекса из Фонтан ранней кизил-кобинской керамике, ориентируясь главным образом на материалы поселения Дружное 1, и, во-вторых, опираясь на параллели в Бабино IV, которое датировалось IX—VIII вв. до н. э. Отнесение последнего к началу белозерского этапа [39, с. 146] меняет прежние представления. Кроме того, материалы, полученные позднее на поселении Кизил-Коба и могильниках Суучхан и Донское, которые в хронологической шкале занимают промежуточную позицию между поселениями Фонтаны и Дружное, свидетельствуют о наличии более значительного временно́го разрыва между ними, чем предполагалось ранее.

Для поселения Тау-Кипчак имеется пять радиоуглеродных дат, однако они, особенно при учете допусков, определяющих, как считал Л. В. Фирсов, меру статистического доверия, дают очень широкие хронологические рамки — от XIII до VII в. до н. э. [21, с. 129].

Материалы поселения Дружное 2 неоднородны. В основной своей массе они происходят из переотложенного слоя и стратиграфически не разделяются. Характер орнаментики некоторых сосудов: двойные горизонтальные валики, тонкие одинарные, расчлененные узкими нарезками, гребешковый выступ на ручке черпака, а также кремневый наконечник стрелы — все это указывает на сабатиновский этап. В то же время основной керамический комплекс, костяной трехдырчатый псалий, бронзовый нож — типично белозерские вещи. Сходная картина наблюдается в Петровской балке. Ограниченность материала не позволяет уточнить дату позднесрубного поселения у пос. Планерское.

К числу наиболее поздних относятся могильники Суучхан и Донское. На них представлены, с одной стороны, цилиндрошейные кубки, тождественные белозерским, но не зафиксированные в закрытых кизил-кобинских комплексах (рис. 4, *19, 21, 24*), с другой — кубки с низкой дуговидной шейкой и шаровидным туловом, аналогичные кизил-кобинским (рис. 4, *23*). Это позволяет определить хронологическую позицию могильников между наиболее ранними кизил-кобинскими памятниками и рассмотренными здесь поселениями белозерского времени.

Таким образом, кизил-кобинской культуре в горном Крыму предшествуют памятники сабатиновского и белозерского типов. Позднесрубные поселения у пос. Планерское и на горе Кошка свидетельствуют об аналогичном облике памятников южнобережной зоны. Для позднесрубных и кизил-кобинских поселений одинаково свойственны наземные, немного углубленные жилища каркасно-столбовых конструкций, хозяйственные ямы и слабо выраженный культурный слой. Кизил-кобинские погребальные конструкции в виде каменных ящиков находят прямые аналоги на позднебелозерских могильниках Суучхан и Донское с одинаковым обрядом захоронения — скорченным трупоположением. Грунтовые могильники кизил-кобинской культуры, соответствующие Новокленовскому, не выявлены, однако отсутствие каменных ящиков на территории, примыкающей к ряду поселений, не исключает возможности их существования. Во всяком случае, грунтовые погребения в скорченном положении зафиксированы в слоях поселений Кизил-Коба и Дружное 1 [7, с. 24; 51, с. 2].

Для кизил-кобинской культуры характерны те же категории лепной посуды при наличии тождественных форм и типологических параллелей. В группе кухонной посуды имеются аналоги белозерским горшкам 1, 3, 4, 6-го типов, а также низкобортным сковородам и дуршлагам в виде сковород и горшков (рис. 8, *1—3, 6—9, 13—26*). У кизил-кобинских горшков с шаровидным туловом в отличие от позднесрубных горшков 2-го варианта 2-го типа наибольший диаметр смещен с нижней трети высоты сосуда на ее середину (рис. 8, *4, 10, 11*); у горшков котловидной формы намечается шейка (рис. 8, *5, 12*). В группе столовой посуды аналогичны миски 1-го типа и полушаровидные чашки (рис. 6, *1, 8, 21, 29*), бесспорное типологическое сходство имеют отдельные корчаги (рис. 6, *3, 10*), лощеные горшковидные сосуды (рис. 6, *4—6, 11, 12*), группа кубков с укороченной, дуговидно изогнутой шейкой (рис. 6, *14—16, 22—24*) и некоторые черпаки (рис. 6, *17, 18, 25, 26*). Одинаковы приемы рельефной орнаментации, а также некоторые изделия из камня (зернотерки, молотки), кремня (вкладыши серпов, шаровидные отбойники), в группе украшений — бронзовые проволочные браслеты и пронизи.

В то же время белозерские и кизил-кобинские керамические комплексы существенным образом отличаются друг от друга. В группе кухонной посуды отличия проявляются прежде всего в различном пропорциональном соотношении одинаковых форм. Так, горшки 1-го, 3-го, 5-го типов, 1-го варианта 2-го типа и низкобортные сковороды, составляющие не менее 50% кухонной

посуды позднесрубных поселений, на ранних кизил-кобинских представлены отдельными находками. Заметно уменьшается количество горшков с валиками, причем валики гладкие и располагаются на плечиках. Расчлененные валики зафиксированы в единичных случаях, также в единичных случаях отмечено их расположение на шейке. В группе столовой посуды при большом числе типологических параллелей тождественные формы немногочисленны. В закрытых комплексах кизил-кобинских памятников неизвестны наиболее характерные для белозерского этапа цилиндрошейные кубки, единственным экземпляром представлена миска 2-го типа. Все это позволяет предполагать существование памятников переходного типа. И хотя они еще не выявлены, преемственность культурного развития прослеживается достаточно отчетливо.

Последовательность смены культур эпохи бронзы — раннего железного века отражена на многослойных поселениях в различных районах Южного Крыма: у пос. Планерское, на горе Кошка, у с. Фонтаны. На первом содержатся материалы катакомбной, многоваликовой, позднесрубной, кизил-кобинской культур, на втором и третьем — позднекатакомбные, позднесрубные, кизил-кобинские [19, 49, 52, 53] Мощность многоваликового слоя в Планерском, достигающая 2 м, три последовательно сменявших друг друга позднесрубных поселения в Тау-Кипчаке свидетельствуют о продолжительности обитания племен — носителей каждой из этих культур. Позднедольменные, поздние кемиобинские или какие-либо иные комплексы на обозначенной территории не засвидетельствованы. Это дает основание для вывода о единстве этнокультурных процессов в степных и горных районах Крыма в эпоху бронзы и их обусловленности процессами, происходившими в северопричерноморских степях. При консервации локальной культуры в ней неизбежны выпадания отдельных звеньев, определяющих тот или иной этап регионального развития, тогда как одинаковый порядок смены одинаковых культурных комплексов был возможен лишь при условии их синхронности. Физико-географические особенности Южного Крыма способствовали, очевидно, более длительному сохранению в местной среде некоторых культурных элементов предшествующих этапов, но эти последние имели рудиментарный характер и не оказали существенного влияния на общее направление развития.

Из 12 позднесрубных поселений, выявленных в междуречье Альмы и Зуи, к сабатиновскому этапу относятся 4 — это Луговое, Чуюнча, Петровская балка и Дружное 2, причем на последних двух преобладают материалы белозерского времени, т. е. они являются двухслойными. Если учесть, что в Тау-Кипчаке три хронологически близких, но тем не менее разновременных слоя, то соотношение сабатиновских и белозерских поселений составит 1:3. Отмеченная территория обследована сравнительно равномерно, и новые открытия едва ли смогут изменить его в пользу первых, скорее следует ожидать увеличения процента последних, прежде всего за счет поселений, которые на основании подъемного материала получили кизил-кобинскую атрибуцию. В условиях общего кризиса комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства и запустения степей рост населения в этой части полуострова мог происходить главным образом за счет его притока извне — горно-лесная зона представляла собой своеобразную экологическую нишу для групп степного населения, оказавшихся по тем или иным причинам неподготовленными к переходу на кочевые формы быта. Таким образом, сложение киммерийской и кизил-кобинской культур происходило параллельно: первой — в условиях коренной перестройки хозяйства и быта, этнического смешения, широкого диапазона и высокой интенсивности связей, второй — в процессе консолидации оседлого белозерского населения. Не исключена возможность участия в сложении кизил-кобинской культуры и пришлого, инокультурного населения, однако выделить привнесенный компонент пока не удается. В силу культурной инерции на стадии становления и в самом начале своего развития кизил-кобинская культура сохраняет многочисленные элементы белозерской ступени; в состав этого наследия входил

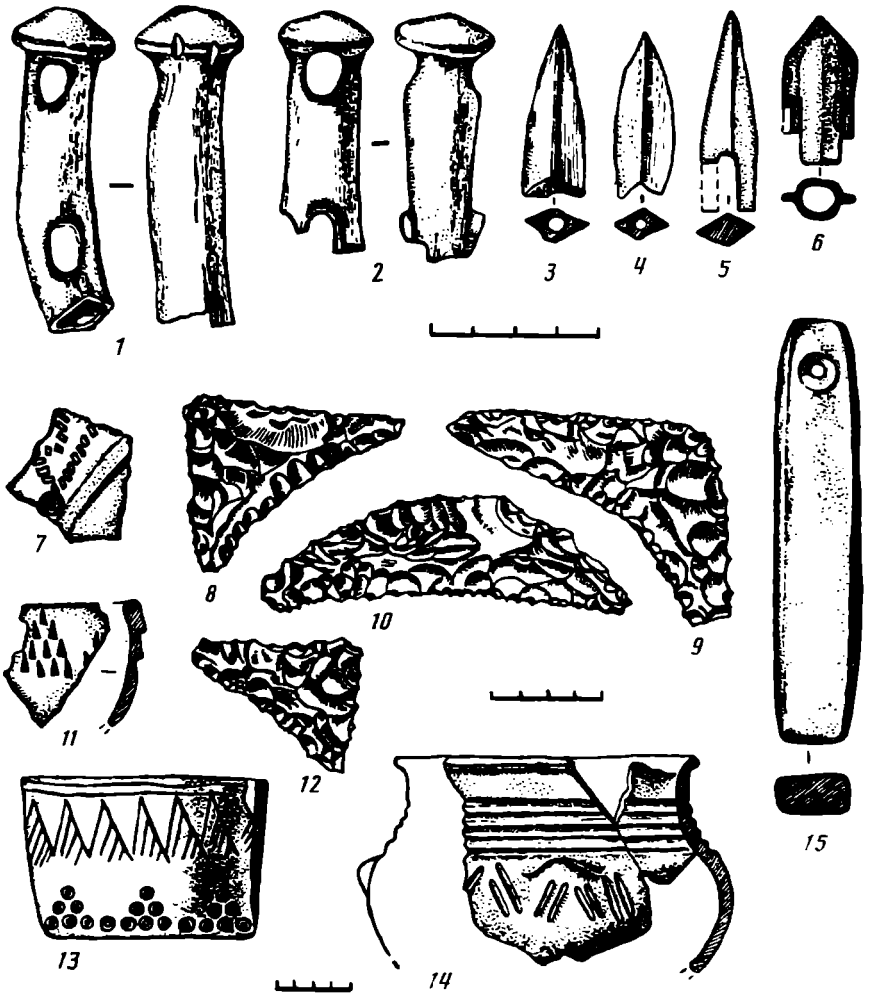


Рис. 9. Находки с поселений кизил-кобинской культуры: Кизил-Коба (*1—5, 7—13, 15*), Дружное 1 (*14*), могильник Дружное 1 (*6*) (*1—5* — кость: *8—10, 12* — кремень; *6* — бронза; *7, 11, 13, 14* — глина; *15* — камень)

каменный и кремневый инвентарь, в частности кремневые вкладыши серпов (рис. 9, *8—10, 12*) Рассматривая его как свидетельство отсталости местных племен [9, с. 79; 54, с. 33], исследователи упускают из виду, что аналогичные находки представлены на синхронных памятниках, расположенных в районах с древними традициями бронзолитейного производства [55, с. 9; 56, с. 12; 57, с. 84] Увеличение удельного веса каменного и кремневого инвентаря в хозяйстве племен конца бронзового века, его сохранение в оседло-земледельческой среде в самом начале железного века отражают какие-то кризисные явления в металлургии бронзы всего юга европейской части нашей страны [58, с. 201]

Многочисленность кизил-кобинских памятников резко контрастирует с единичностью собственно киммерийских и раннескифских погребений (всего пять) в Крымской степи [59—62] Очевидно, в начале железного века последняя посещалась кочевниками спорадически, во время их сезонных передвижений. С другой стороны, концентрация кизил-кобинских поселений в предгорьях, т. е. на стыке двух ландшафтных зон, их открытый характер свидетельствуют об отсутствии постоянной опасности со стороны степи и предполагают ее использование населением предгорий в качестве сезонных пастбищ. По-видимому, границы между кочевыми скотоводческими и оседлыми земледельческо-скотоводческими племенами были нечеткими, с широкой контактной зоной. Тезис о загнанных в горы и изолированных от внешнего мира таврах нуждается в пересмотре. Ему противоречат прежде всего киммерийские типы псалиев

и наконечников стрел из горного Крыма [50, рис. 7, *1—5*; 54, табл. 8, *1—12*] Показательна серия новых находок на поселении Кизил-Коба: костяные наконечники стрел, два фрагментированных псалия, сланцевый оселок, а также фрагментированная лепная банка и обломок стенки лепного сосуда, при орнаментации которых использованы кольчатый штамп и мелкозубчатый чекан (рис. 9, *1—5, 7, 13, 15*). Орнаментика названных сосудов, характерная для чернолесско-жаботинских и сахарна-солонченских памятников, не имеет аналогов в Крыму, что позволяет рассматривать эту посуду в качестве импорта. Остальные находки типичны для степных киммерийских погребений.

В середине — второй половине VII в. до н. э. киммерийское влияние сменяется скифским. Распространение скифских предметов вооружения и конской сбруи сопровождается появлением некоторых видов украшений, известных в кобанской культуре [7, с. 153—155], лепных кухонных горшков, встречающихся в античных центрах Западного и Северо-Западного Причерноморья, а также керамики с врезным геометрическим орнаментом, который находит параллели в Лесостепном Поднепровье. Разнородность привнесенных компонентов не позволяет усматривать в них результат миграций или сепаратных контактов. Очерченная территория представляла собой зону кочевания скифских племен, основной центр которых до начала V в. до н. э. находился на Северном Кавказе [63, с. 37]; очевидно, через посредство скифов эти новации проникали в местную среду. Что касается орнаментации столовой посуды, то здесь заимствован сам принцип, в то время как все или почти все элементы и композиции раннего кизил-кобинского орнамента дублируют позднесрубные и, следовательно, являются частью культурного наследия эпохи бронзы.

Состояние источников пока позволяет рассматривать характер этнокультурных процессов в самом общем, схематизированном виде. Поэтому в статье намечена лишь основная, «генеральная» линия развития, тогда как историческая реальность того времени в Крыму отличалась исключительной сложностью и противоречивостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шульц П. Н.* О некоторых вопросах истории тавров // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
2. *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция // КСИИМК. 1949. Вып. XXVII.
3. *Кругликова И. Т.* Памятники эпохи бронзы из Киммерика // КСИИМК. 1952. Вып. 43.
4. *Кругликова И. Т.* Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточном Крыму // СА. 1955. № 24.
5. *Стржелецкий С. Ф.* Очерки истории Гераклейского полуострова и его округи в эпоху бронзы и раннего железа: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1954.
6. *Репников Н. И.* О так называемых «дольменах Крыма» // ИТУАК. 1910. Вып. 44.
7. *Лесков А. М.* Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев: Наук. думка, 1965.
8. *Лесков А. М.* Курганы: находки, проблемы. Л.: Наука, 1981.
9. *Дьяков В. Н.* Древняя Таврика до римской оккупации // ВДИ. 1939. № 3.
10. *Крис Х. И.* О таврах и кизил-кобинской культуре // ВДИ. 1971. № 4.
11. *Щепинський А. О.* Населення Південного берегу Криму в епоху раннього заліза // Археологія 1979. № 21.
12. *Щепинский А. А.* Красные пещеры. Симферополь: Таврия, 1983.
13. *Щепинский А. А.* Взаимоотношение нагорий и равнин Крыма в эпоху камня — начала железа // Душетская науч. конф., посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными районами: Тез. докл. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984.
14. *Березанская С. С.* Об одной группе памятников средней бронзы на Украине // СА. 1960. № 4.
15. *Бонч-Осмоловский Г А.* Предварительный отчет о палеоэтнографических исследованиях в Крыму в течение 1924 года // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 56. Д. 123.
16. *Бонч-Осмоловский Г А.* Доисторические культуры Крыма // Крым. 1926. № 2.
17. *Шульц П. Н.* О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма: Тез. докл. на Сессии по истории Крыма. Симферополь: Крымиздат, 1952.
18. *Крис Х. И.* О периодизации кизил-кобинской культуры // СА. 1961. № 4.
19. *Шульц П. Н.* Таврское укрепленное поселение на горе Кошка в Крыму // КСИА АН УССР. 1957. № 7.
20. *Щепинський А. О.* Кримська охоронно-археологічна експедіція 1969 року // АИУ — 1969. Київ, 1972.

21. *Фирсов Л. В.* Радиоуглеродные даты раннетаврского поселения Тау-Кипчак // СА. 1976. № 2.
22. *Кривцова-Гракова О. А.* Поселение бронзового века на Белозерском лимане // КСИИМК. 1949. Вып. XXVI.
23. *Ильинская В. А.* Поселение времени поздней бронзы у с. Бабино // КСИА АН УССР. 1955. № 5.
24. *Лесков А. М.* Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. Киев: Наук. думка, 1970.
25. *Дергачев В. А.* Памятники эпохи бронзы: Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев: Штиинца, 1973.
26. *Черняков И. Т* Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. Киев: Наук. думка, 1985.
27 *Ванчугов В. П.* Раскопки поселения позднего бронзового века Балта в Южном Побужье // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
28. *Ванчугов В. П.* О появлении корчаг в памятниках эпохи поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
29. *Ванчугов В. П., Тошев Г Н., Черняков И. Т* Землянки позднебронзового века в Нижнем Подунавье // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1985.
30. *Ванчугов В. П.* Поселение конца позднего бронзового века Ялпуг IV в Нижнем Подунавье // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
31. *Черняков И. Т* Керамика позднебронзового века из поселения Молога II // Новые археологические исследования на Одесщине. Киев: Наук. думка, 1984.
32. *Гаврилюк Н. А.* Лощеная керамика степных погребений предскифского времени // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1979.
33. *Писларий И. А.* О двух культурно-хронологических группах погребений в срубах бассейна Северского Донца // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. Ч. 1. Киев: Наук. думка, 1975.
34. *Братченко С. Н.* Погребения срубной культуры // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.
35. *Отрощенко В. В.* Катакомбные и срубные курганы в окрестностях с. Балки // Курганные могильники Рясные могилы и Носаки. Киев: Наук. думка, 1977
36. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С.* Срубные курганные могильники Нижнего Приорелья // Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Т. 2. Днепропетровск, 1978.
37. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
38. *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V—I тыс. до н. э. Симферополь: Крым, 1969.
39. *Шарафутдинова И. Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
40. *Березаньска С. С., Косарева А. А.* Валиковый орнамент на кераміці зрубної культури // Археологія. 1982. № 39.
41. *Ковальова І. Ф. Волкобой С. С.* Маївський варіант зрубної культури // Археологія 1976. № 20.
42. *Волкобой С. С.* Срубные погребения с трупосожжением в Орельско-Самарском междуречье // Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 3. Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. ун-та, 1979.
43. *Колотухин В. А.* Многослойное поселение в Юго-Восточном Крыму // СА. 1983. № 1.
44. *Рыбалова В. Д.* Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. 1974. № 16.
45. *Смирнова Г И.* Новые исследования поселения Молога // АСГЭ. 1972. № 14.
46. *Mozsolics A.* Mors en bois de cerf sur le territoire du Bassin des Carpathes // Acta archaeologica Hungaricae. 1953. T. III. F. 1—4.
47 *Mozsolics A.* Die Herkunftfrage der ältesten Hirschgeweih-trensen // Acta archaeologica Hungaricae. 1960. T. XII. F 1—4.
48. *Mozsolics A.* Eine Beitrage zur Chronologie der uhgarischen Frühbronzezeit // Komission für das Äneolithikum und die ältere Bronzezeit, Nitra, 1958. Bratislava, 1961.
49. *Каменцеи Т* Культура Пилинь // Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н. э.— I тысячелетие н. э. М.: Наука, 1986.
50. *Колотухин В. А.* Обследование памятников предскифского и раннескифского времени в Крыму // СА. 1982. № 1.
51. *Колотухин В. А.* Отчет об охранных археологических раскопках кизил-кобинского поселения у села Дружное в Крыму // Архив ИА АН УССР. № 1977/35.
52. *Щепинский А. А.* Средневековые погребения в грунтовых могилах близ Симферополя // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наук. думка, 1968.
53. *Колотухин В. А.* Поселение кизил-кобинской культуры в Холодной Балке у Симферополя // СА. 1979. № 3.
54. *Крис Х. И.* Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. 1981. Вып. Д1-7
55. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. 1982. Вып. В2-5.
56. *Смирнова Г И.* Последний сезон работ на чернолесском поселении Днестровка-Лука и вопросы хронологии позднего чернолесья // АСГЭ. 1986. № 27.
57. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев: Изд-во АН УССР, 1961.
58. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.

59. *Щепинский А. А.* Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР. 1962. № 12.
60. *Корпусова В. Н., Белозор В. П.* Могила киммерийского воина в Крыму // СА. 1980. № 3.
61. *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
62. *Бессонова С. С., Черных Л. А., Куприй С. А.* Курганы у с. Филатовка // Курганы степного Крыма. Киев: Наук. думка, 1984.
63. *Виноградов Ю. Г., Марченко К. К.* Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Всесоюз. симпоз., посвященного памяти А. И. Тереножкина. Ч. 1. Кировоград, 1987.

V. A. KOLOTUKHIN

THE KIZIL-KOBA CULTURE: ITS GENETIC ROOTS AND CONDITIONS OF FORMATION

Summary

The Kizil-Koba culture of the Crimean mountains is usually associated with migrations. Researchers have so far failed to agree about the migrants' original habitat: some point to the Lower Dnieper (Kh. I. Kris), to the Northern Pontic area (A. A. Schepinsky), still others to the Northern Caucasus (A. M. Leskov). Recently a series of new Bronze sites came to light in the mountains: 12 settlements and 2 moundless burials with stone boxes in the interfluve of the Alma and Zuya rivers where archaeological studies were of a consistent nature (Fig. 1). The materials obtained are analogous to the materials from the Sabatinovo and Beloye Ozero sites of the steppe belt (Figs. 3, 4, 5, 7). This permits us to include the Crimean mountains into the area of the late timber-grave culture. A comparison of the late timber-grave and Kizil-Koba materials, pottery in the first place, (Figs. 6, 8, 9, 8—10, 12) leads to a conclusion that the Kizil-Koba culture was based on the late-timber-grave cultural foundation. The Kizil-Koba culture was taking shape at the same time when the nomad Cimmerian culture was emerging. In the conditions of the general crisis of the combined landtilling-cattlebreeding economy and depopulation of the steppe the number of people living in the southern Crimea could be increased solely through expansion. The mountain and forest zone was an ecologically niche for those population groups who had failed, for one reason or another, to switch to nomadism. Regular contacts between the mountains and the steppe are evidenced by the find of Cimmerian cheek pieces, stone arrowheads, a polished whetstone and imported earthenware (Fig. 9, *1—7, 13—15*).

В. С. ОЛЬХОВСКИЙ

О СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ СТЕЛАХ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Значительное расширение круга источников по археологии переходного от бронзы к железу периода закономерно усилило интерес специалистов к памятникам монументального искусства этого времени — «киммерийским» стелам, обычно именуемым оленными камнями. Происходящим с Северного Кавказа и из Предкавказья стелам посвящен ряд статей [1—6], а также монография Н. Л. Членовой [7] Указанные работы в значительной мере осветили типологические особенности, хронологию, иконографию, отчасти семантику памятников, но не исчерпали всех возможностей их анализа. Новые прорисовки стел (рис. 1, 2) позволяют уточнить понимание отдельных деталей, устранить некоторые неточности в их ранее опубликованных изображениях.

Стела из с. Кызбурун I (рис. 1, *1*). Изображенные на левой грани стелы меч и кинжал имеют не прямое, а сложное, со свисающими треугольниками концами перекрестие, более обычное для кинжалов, менее — для мечей «кабардино-пятигорского» («киммерийского») типа [8—10]. Меч с подобным перекрестием изображен и на известной ольвийской стеле [11, с. 15, рис. 4, 5] Весьма интересен удлиненный предмет, подвешенный к сегментовидной пряжке на конце завязки пояса; возможно, это нож в чехле [7, с. 16]. Конец его воспроизводит клюв (и голову?) хищной птицы или грифона. Подобные наконечники ножен из кости либо бронзы известны в архаических памятниках Кавказа и лесостепной Украины VII—VI вв. до н. э. [12, с. 38, рис. 18, *2*; 13, с. 42, рис. 11] Таким образом, перед нами одно из немногих свидетельств знакомства создателей «киммерийских» стел с приемами декорирования предметов в зверином стиле.

Стела из окрестностей г. Армавира (рис. 1, *2*) по набору изображенных атрибутов и характеру их размещения очень близка кызбурунской. На ее передней грани показаны завязки боевого пояса, причем к правому ремешку подвешены оселок и, очевидно, нож в ножнах. Длинный, заткнутый за пояс меч имел шаровидное навершие и заметно расширяющийся от короткого (?), почти прямого перекрестия клинок. На правой грани сохранилось рельефное изображение подвески, несомненно, для топора. Отчетливо выделяется вертикальный желобок, идущий по задней грани стелы и воспроизводящий позвоночный столб. У верхнего конца желобка неглубокой горизонтальной подтеской обозначены, возможно, человеческие лопатки. На правой грани гравировкой показан большой полукруглый предмет, заходящий на переднюю и заднюю грань.

Усть-лабинская и сходная с ней зубовская стелы отличались от основной массы «оленных камней» валетообразной композицией, что, как установила Н. Л. Членова [7, с. 10, 13], явилось результатом их переиспользования. В дальнейшем более ранние части стел будем обозначать цифрой I, более поздние — II, рассматривая каждую стелу как две. Отметим, что валетообразная — двусторонняя и двухголовая — «каменная баба» неуточненного времени, по сведениям В. В. Волкова, была обнаружена и на территории Монголии [14, с. 118]

Усть-лабинская I стела (рис. 2, *1*, верхняя часть) интересна наличием изображений большого круга на правой грани и подпрямоугольной орнаменти-

© В. С. Ольховский, 1990 г.

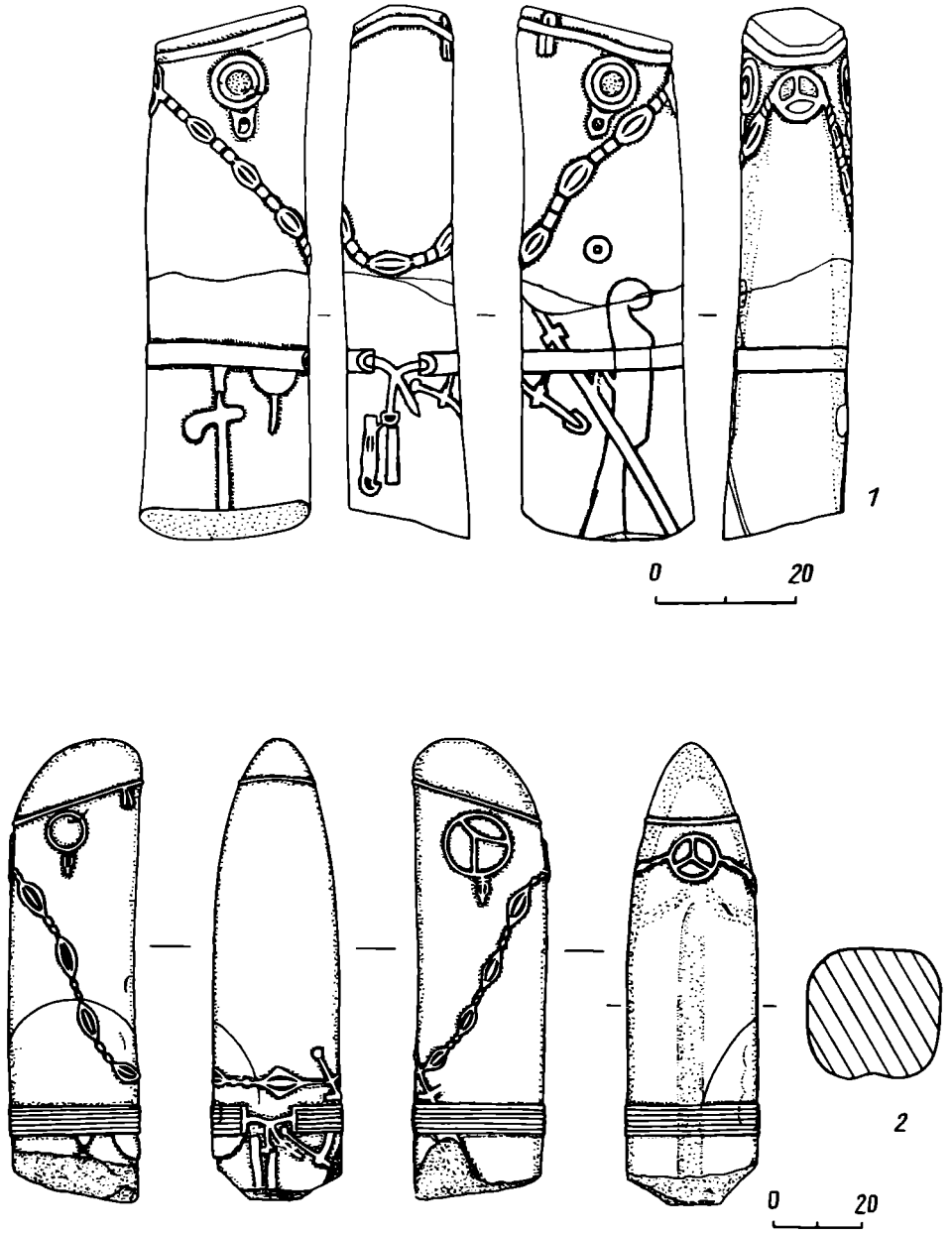
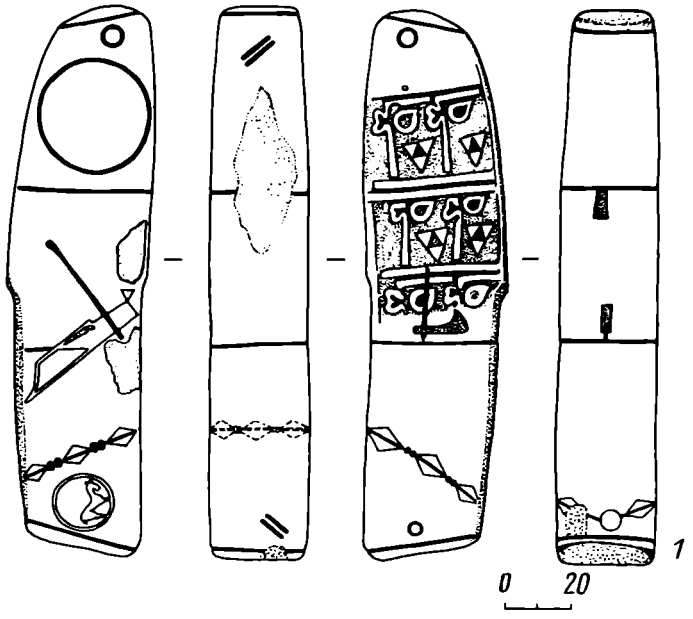


Рис. 1. Стелы эпохи раннего железа. *1* — с. Кызбурун I; *2* — оз. Марьинское (Армавирский музей)

рованной фигуры — на левой. Назначение последней неясно. Возможно, это действительно мешок (футляр, сумка?) для стрел [7, с. 19], подобный орнаментированному прямоугольнику, представленному на левой грани белоградецкой стелы [11, с. 14, рис. 2]

Усть-лабинская II стела (рис. 2, *1*, нижняя часть) на левой грани несет изображение лука в горите, перекрещенное с длинным прямым предметом. Судя по аналогичным композициям зубовской, кызбурунской и ольвийской стел, это не стрела, а меч, рукоять которого не сохранилась (сбита).

Усть-лабинская стела в момент обнаружения находилась в наклонном положении в верхней части каменной засыпи могильной ямы, более тонким (поздним) концом вниз, что хорошо видно на полевом чертеже Н. И. Веселовского [15, л. 117а] Подобное положение свидетельствует о том, что стела попала в захоронение через грабительскую воронку при хищнических раскопках кургана каким-то купцом (по мнению Н. И. Веселовского, до каменной засыпи могилы



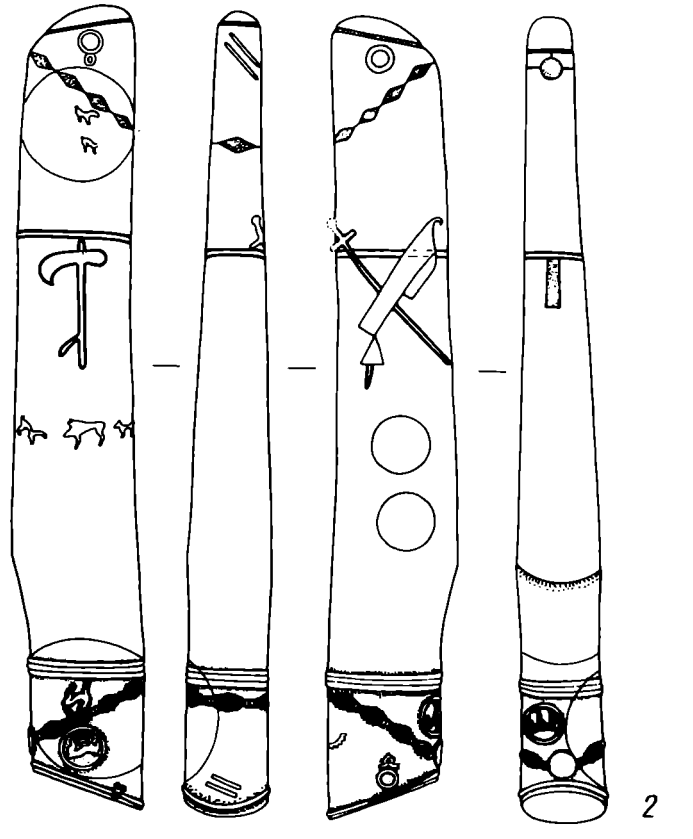


Рис. 2. Стелы эпохи раннего железа (по Н. Л. Членовой, с исправлениями). *1* — ст. Усть-Лабинская, кург 1; *2* — хут. Зубовский, курган 1899 г.

купец-кладоискатель, несомненно, добрался, так как в его раскопе попадались камни-голыши), а не была специально вкопана [7, с. 8, 10] в засыпь могилы.

Зубовская I стела (рис. 2, *2*, верхняя часть), как и усть-лабинская I, на правой грани имеет изображение большого круглого предмета с двумя фигурами животных «на цыпочках». Пока неясно значение помещенной в нижней половине стелы сцены травли кабана двумя собаками. К данному раннему хроноло-

гическому пласту, очевидно, относятся и два сравнительно небольших круга на левой грани стелы.

Зубовская II стела (рис. 2, *2*, нижняя часть) на левой грани также имеет изображение круга, заходящее на переднюю и заднюю грани, с фигурой животного в центре. Помещенное ниже ленты-диадемы височное кольцо (серьга) интересно тем, что принадлежащая ему сердцевидная привеска из-за недостатка места показана не ниже кольца, а внутри него.

Из изображенных на стелах предметов непонятно назначение больших кругов, представленных на правой либо левой грани армавирской, I усть-лабинской, I, II зубовских стел. Большие размеры, геометрическая правильность и тщательность изображения, размещение в верхней половине памятников, преимущественно между диадемой (ожерельем) и поясом, свидетельствуют о несомненной значимости данных фигур. Сходным же образом — сочетанием разновеликих кругов — на боковых гранях многих оленных камней Монголии, Тувы и Забайкалья показаны украшения — кольцевидные серьги с подвесками и без них. Антропообразный оленный камень № 14 культового комплекса Ушкийн-Увэра [16, с. 83, рис. 3] позволил убедительно подтвердить атрибуцию кругов именно как серег; выяснилось, что создатели оленных камней носили в каждом ухе по одной-две (изредка по три) серьги, из которых большая крепилась к мочке уха, а меньшие располагались над ней.

Из рассматриваемых шести кругов наиболее близки центрально-азиатским изображениям серег окружности на I усть-лабинской и I зубовской стелах. Однако пара небольших кругов, размещенная на левой грани зубовской II стелы, в ее нижней части, вряд ли является серьгами. Подобные же парные круги, помещенные возле либо ниже пояса, отмечены и на отдельных оленных камнях из Тувы [7, с. 16, рис. 6, *5*; 17, рис. 327, 328; 18, табл. XVI, *8*] и Монголии [14, табл. 34, *1*]. Примечательно, что подобным же образом — парой друг над другом — размещаются и пятиугольные фигуры, отождествленные М. А. Дэвлет и Э. А. Новгородовой с изображениями щитов [19, 20], на некоторых оленных камнях Тувы [7, с. 16, рис. 6, *5*; 18, табл. XVI, *8*, XVII, *4*; 21, с. 16, рис. 4, *4*]. Не исключено, что рассмотренные круги на северокавказских стелах также изображают щиты. Можно предположить, что и две последние окружности — с армавирской и II зубовской стел — воспроизводят щиты. То, что предполагаемые щиты изображены при этом как бы заткнутыми за пояс (пояс пересекает их), не должно нас смущать: подобным образом на оленных камнях нередко изображались и налучья, в действительности носимые несколько иначе — на ременной подвеске либо крюке.

Судя по археологическим материалам, деревянно-кожаные щиты округлой, квадратной и прямоугольной формы, украшенные разнообразным орнаментом, применялись кочевниками Азии (в частности, Алтая и Восточного Памира) по крайней мере с VI в. до н. э. [22, с. 372, рис. 7]; идентификация «пятиугольников» оленных камней позволяет значительно удревнить эту дату [23, с. 197]. Изображение животного, помещенное в центральной части круга II зубовской стелы, в таком случае, возможно, воспроизводит металлическую нащитную бляху. Подобные золотые бляхи, по археологическим данным, не позднее VI в. до н. э. уже использовались для украшения горитов и, вероятно, щитов (келермесская, костромская и др.).

Отметим, что предлагаемая трактовка изображений кругов как щитов или серег не отвергает их возможную связь и с солярным культом: на многих оленных камнях кольцевидные серьги, в том числе с подвесками, имеют явное сходство с солнечным диском [23, с. 199].

Из перечисленных Д. Г Савиновым и Н. Л. Членовой признаков, свойственных только северокавказским «оленным камням» [3, с. 6], существенными следует признать: наличие лент-диадем с узелком, подвесок к височным кольцам или серьгам особых форм, покрытие отдельных изображений животных резной сеткой, выполнение всех изображений (или многих из них) в рельефе. Большин-

ство прочих признаков изредка встречается и на других стелах: бляха — замок ожерелья (Штормовое [24]), пряжки с завязками на концах пояса, топор — секира (Целинное [25]), мечь с опущенными треугольниками концами перекрестия (Ольвия [11, с. 15]) [1]

Отметим еще одну особенность северокавказских стел — их большую насыщенность изображениями атрибутов, наивысшую среди «киммерийских» изваяний Европы. Данное обстоятельство в сочетании с неплохой сохранностью северокавказских памятников позволяет, изучив изображения предметов, попытаться установить относительную хронологию всех шести стел. Значительная работа в этой области проделана Н. Л. Членовой, приведшей многочисленные аналогии изображенным на стелах предметам и датировавшей их. По ее мнению, между армавирской и кызбурунской стелами, с одной стороны, и усть-лабинской и зубовской — с другой, нет существенной хронологической разницы [7, с. 61], и различия между ними объясняются локально-этническими причинами. Она замечает, что «кызбурунский и армавирский камни ближе к верхним (более поздним.— *В. О.*) концам усть-лабинского и зубовского камней, чем к нижним. Но является ли эта близость хронологической — не ясно» [7, с. 62]

Попытаемся проверить и уточнить данное допущение, используя в качестве основного «хронологического разделителя» технологию обработки стел.

Как известно, почти все изображения на оленных камнях Центральной Азии выполнены контррельефом и гравировкой. Подобным же образом оформлены и «киммерийские» стелы Причерноморья. Армавирская же и кызбурунская стелы выполнены почти исключительно рельефом с отдельными элементами гравировки; усть-лабинская I — гравировкой, рельефом, контррельефом; усть-лабинская II и зубовская I — гравировкой, контррельефом; зубовская II — рельефом, гравировкой. Вряд ли будет ошибочным предположение, что древнейшей и свойственной собственно оленным камням технологией являются контррельеф, а также гравировка [2], с течением времени контррельеф, надо полагать, вытесняется рельефом. Исходя из данного предположения, первыми в хронологическом ряду должны стоять зубовская I и усть-лабинская I стелы. Орнаментированный предмет (сумка?) на левой грани усть-лабинской I стелы выполнен весьма профессионально, в технике сочетания рельефа и контррельефа, что свидетельствует о большом опыте работы резчика именно в контррельефе (снятая площадь камня заметно превышает площадь рельефных деталей). Это обстоятельство с учетом отсутствия на данной стеле элементов, известных на явно более поздних зубовской II и усть-лабинской II стелах, заставляет поставить усть-лабинскую I стелу первой в хронологическом ряду. Следующие за ней зубовская I и усть-лабинская II стелы близки архаичной технологией и изображенными атрибутами. Зубовская II стела, более поздняя, демонстрирует уже господство техники рельефа при наличии такой древней детали, как две косые черты на лицевой грани. Замыкают группу кызбурунская и армавирская стелы, очень близкие технологически, типологически и, очевидно, хронологически.

Проверим полученный ряд, сопоставив в том же порядке основные изображения на стелах (рис. 3).

Выявляются следующие закономерности. Более ранним стелам свойственны две косые линии на лицевой грани, узкие пояса и ленты-диадемы без узелков, простые формы серег (височных колец). Довольно рано появляются топоры (кавказских типов), лук в горите (с кистью) и мечи (помещаются в скрещенном положении); оселки изображаются на тыльной грани стелы. Ожерелья, пер-

---

[1] Наличие на армавирском изваянии головного убора типа пилотки, а на кызбурунском — пулевидного наконечника ремня и желобка-позвоночника более чем сомнительно.

[2] Так, наскальные изображения, известные в Старом Свете с глубокой древности до средневековья, также выполнялись гравировкой и контррельефом. Контррельеф наиболее «экономичен» и декоративен при создании изображений именно на больших каменных плоскостях.

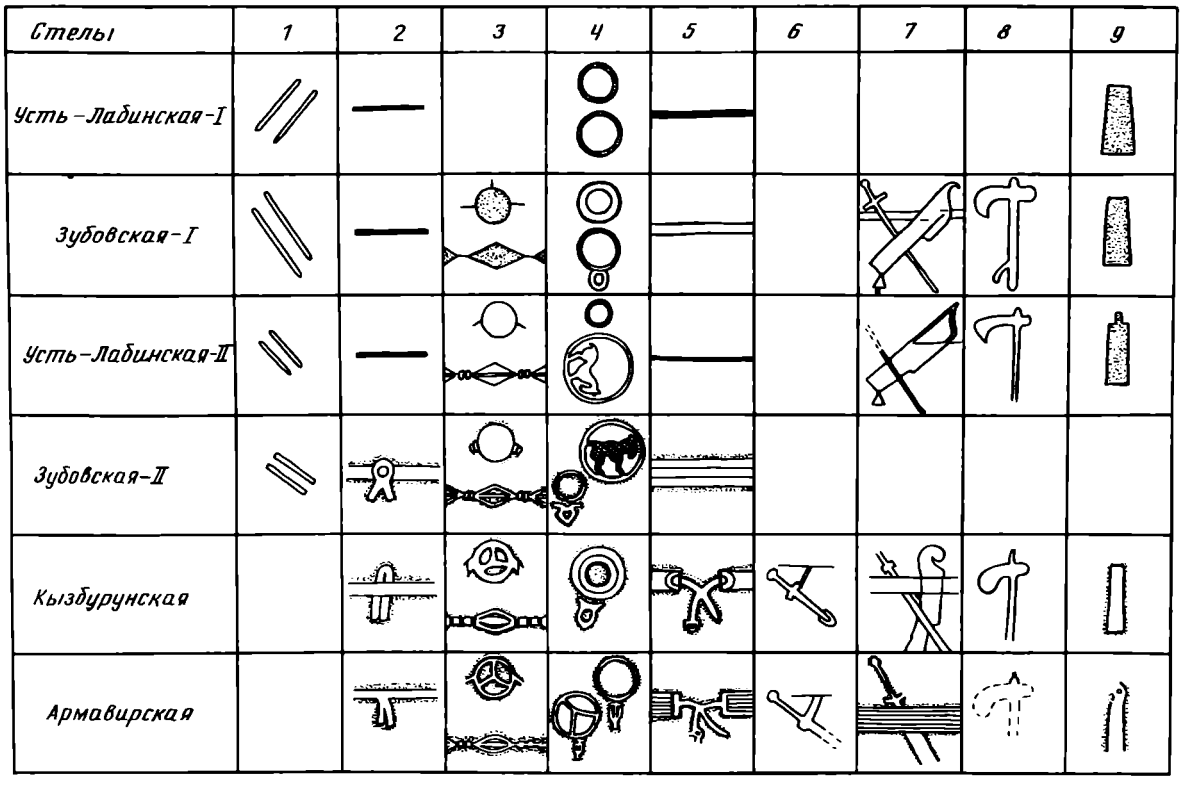


Рис. 3. Изображения, наиболее распространенные на северокавказских стелах. *1* — две косые черты; *2* — лента-«диадема»; *3* — ожерелье, замок ожерелья; *4* — височное кольцо — серьга; *5* — пояс, его детали; *6* — кинжал; *7* — лук в горите, меч; *8* — топор; *9* — оселок

воначально простые — из бусин или каури подчеркнуто геометризованных форм, затем усложняются: большие бусины приобретают более сглаженную форму, увеличивается их сходство с раковинами каури. Между ними помещается по две маленькие овальные или боченковидные бусины. Височные кольца становятся круглорамчатыми, украшаются изображениями животных и подвесками, пояса — широкими, нередко с горизонтальным рифлением. Оселки перемещаются на лицевую грань. Вооружение усиливается: кроме мечей появляются кинжалы.

Таким образом, проведенное сопоставление подтверждает вывод о некоторой обособленности зубовско-усть-лабинской и кызбурунско-армавирской групп стел при наличии явных связующих элементов, проявившихся на зубовской II стеле. Обособленность эта, вероятно, объясняется не столько культурными, сколько хронологическими причинами, о чем свидетельствует определенная эволюция изображенных на стелах украшений и самого репертуара изображений.

Нетрудно заметить, что предположительно древнейшая в серии усть-лабинская стела I своим лаконизмом (отсутствуют почти обязательные ожерелье и оружие) очень близка центрально-азиатским, особенно алтайским и тувинским, оленным камням, хотя орнамент ее «сумки» аналогий в Центральной Азии не находит. Кавказские элементы: пояса, топоры, височные кольца — появляются на стелах несколько (но ненамного) позже. Складывается впечатление, что диапазон бытования группы северокавказских стел бы не особенно велик — лет 50—60. Н. Л. Членова датирует группу второй половиной — концом VII в. до н. э. [7, с. 56] На наш взгляд, есть больше оснований относить ее к последней четверти VIII — первой половине VII в. до н. э. Если предлагаемая датировка соответствует действительности, северокавказские стелы оказываются почти синхронными центрально-азиатским оленным камням III типа, относимым Э. А. Новгородовой к VII—VI вв. до н. э. [23, с. 201].

Типологическая взаимосвязь северокавказских и центрально-азиатских стел очевидна. Однако территориальная разобщенность указанных групп памятников, специфика этнокультурной среды привели к видоизменению общей древней изобразительной традиции, выделению ее европейского варианта, достаточно своеобразного, насыщенного новыми изобразительными реалиями. Какое-то время (вероятно, в VIII — первой половине VII в. до н. э.) и центрально-азиатская традиция, и ее европейский вариант развивались параллельно. При этом на всем протяжении степного пояса, от Монголии до Предкавказья, следует ожидать открытия целого ряда памятников подобного рода, но более близких «азиатскому архетипу».

Вернувшись к репертуару изображений, отметим, что на стелах представлено 17 категорий предметов и сцен (с более дробной типологией — 27; при перечислении ниже они даются в скобках): 1) лента-диадема (узелок); 2) ожерелье (застежка); 3) пояс (застежка пояса); 4) височное кольцо — серьга кольцевая (с подвеской; с изображением животного; с изображением животного и подвеской); 5) топор; 6) меч; 7) кинжал; 8)лук в горите; 9) мешочек (с «ремешком»); 10) оселок; 11) нож; 12) «щит» (полукруглый; круглый; круглый с изображением животных); 13) две косые черты; 14) сдвоенный концентрический кружок; 15) «скоба»; 16) сцена травли кабана; 17) «сумка» (орнаментированный предмет).

Для подсчета встречаемости изображений введем условную единицу — предметопозицию, означающую наличие на одной грани одного предмета определенной категории. Так, лента-диадема, пояс, ожерелье (независимо от количества бусин) изображаются обычно на всех четырех гранях стелы, поэтому они имеют по четыре предметопозиции.

«Насыщенность» рассмотренных стел, расположенных в предполагаемой хронологической последовательности, следующая.

Усть-лабинская I: 7 (7) [3] категорий предметов — 13 предметопозиций (п. п.); зубовская I: 11 (14) категорий — 23 п. п.; усть-лабинская II: 9 (11) категорий — 19 п. п.; зубовская II: 7 (11) категорий — 18 п. п.; кызбурунская: 12 (15) категорий — 22 п. п.; армавирская: 11 (14) категорий — 21 п. п.; всего 116 п. п.

Таким образом, диахронный срез в целом свидетельствует о расширении репертуара изображенных предметов, но закономерность эта выражена нечетко.

Из-за овального сечения стел иногда трудно установить, к какой грани следует относить предмет. Так, кинжалы относятся нами к левой, а «мешочки» — к правой грани. Отбросив практически нейтральные категории предметов, охватывающих все грани (лента-диадема, пояс, ожерелье — всего 67 предметопозиций [4]), выясним распределение прочих 14 категорий, занимающих 49 предметопозиций (таблица).

Итак, на левых гранях находится 40,9% изображенных предметов, на правых — 34,7, на передних — 16, 3, на задних — 8,1%. «Перевес» левой грани достигнут исключительно за счет помещения на ней горитов, мечей и кинжалов. Подобное расположение оружия, очевидно, отражало этнографические особенности военного костюма, который с течением времени, несомненно, менялся. Так, на белоградецкой стеле кинжал изображен подвешенным к поясу спереди [11, с. 14, рис. 2] В реальности же при наличии на левом боку меча и горита кинжал, изображенный на кызбурунской и армавирской стелах слева, неизбежно перемещался вперед, к пряжкам или завязкам пояса, т. е. его носили практически спереди, а не сбоку. Но даже если считать, что кинжалы находятся на стелах слева, нельзя признать особую значимость этой грани [7, с. 67] из-за

---

[3] В скобках дано количество категорий по расширенной типологии (с указанием застежек, узелков, типов серег).

[4] На левой грани усть-лабинской I стелы, занятой орнаментированной «сумкой», изображение ремня не просматривается, поэтому одна из 68 возможных предметопозиций потеряна.

Таблица

Категория предмета	Место расположения			
	справа	спереди	слева	сзади
Височное кольцо, серьга	8		6	1
Топор	4			
Меч			4	
Кинжал			2	
Лук в горите			3	
Мешочек	2			
Оселок		2		3
Нож		2		
«Щит»	1		3	
Две косые черты		4		
Концентрический кружок			1	
«Скоба»	1			
Сцена травли кабана	1			
«Сумка»			1	
Всего	17	8	20	4

незначительности перевеса ее «предметной нагрузки». Рассмотрение «киммерийских» стел Причерноморья также не выявило их «левосторонности». Материалы же скифских погребений и изваяний свидетельствуют о том, что в течение VI—IV вв. до н. э. способ ношения меча и кинжала менялся у скифов трижды. Достаточно выраженной «правосторонности» [7, с. 67] скифские изваяния не демонстрируют на протяжении всего периода бытования (см. рисунки в работе П. Н. Шульца [26]).

Семантика оленных камней и относимых к их числу северокавказских стел в течение длительного времени оставалась невыясненной. Н. Н. Диков [18, с. 45] и Н. Л. Членова [27, с. 30] первыми высказали мнение о том, что оленные камни изображают фигуру мужчины-воина. Данная трактовка была принята большинством исследователей. В последнее время все большее признание получает точка зрения, согласно которой оленные камни есть «изображение не просто воина, а явления космологического порядка» [28, с. 159] Она хорошо согласуется с выводами Д. С. Раевского, который установил, что антропоморфная фигура скифского изваяния «представляет вселенную в целом, это своего рода синтетический образ, лишенный сюжетности, воплощающий не действие, а мифологическое представление о мироздании во всем его объеме, образ закрытый» [29, с. 59]. Скифское изваяние, таким образом, «можно рассматривать как моделированную „телесным" или анатомическим, кодом вертикальную структуру космоса» [29, с. 52]

Неоднократно отмечаемая структурность оленных камней — деление их на три (реже — на две) зоны по вертикали [27, с. 30; 28, с. 159; 30, с. 88; и др.] — соответствует древнейшим (бинарным и тернарным) моделям упорядоченной вселенной [31] и позволяет видеть в оленных камнях воплощение глобального символа — вертикальной оси мира (мирового древа, мировой горы и т. д. [32]). Достаточно очевидно, что оленные камни Центральной Азии, «киммерийские» стелы Причерноморья и Северного Кавказа не антропоморфны, а фалломорфны (подробнее см. [33, 34]). Они изображали фалл (эквивалент древа жизни, мировой горы), воспринимаемый в то же время и как фигура человека (первопредка, культурного героя) благодаря нанесению на них определенного набора атрибутов. Различие «киммерийских» стел и скифских изваяний заключается не в их лево- либо правосторонности, а в разнофазности воплощения одной и той же идеи. Явная фалломорфность оленных камней закономерно сменяется скрытой фалломорфностью скифских изваяний V—IV вв. до н. э.

Первый антропоморфный элемент «киммерийских» стел — обозначенный на тыльной грани ложбинкой либо гравировкой позвоночный столб (стелы из Ар-

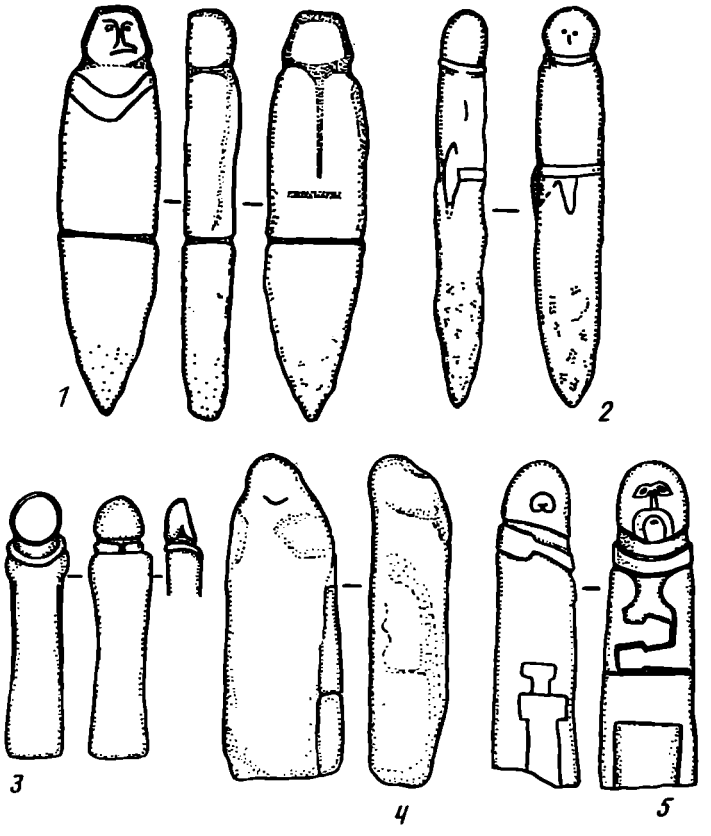


Рис. 4. Антропоморфные изваяния VII—V вв. до н. э. *1* — курган у Царевой могилы; *2* — с. Б. Михайловка (Дибровка), кург. 2; *3* — Кисловодский музей; *4* — с. Нартан, кург. 16; *5* — Киевский музей

мавира, Ольвии, Царевой Могилы, Белоградца). Примечательно, что центрально-азиатские оленные камни такого элемента не имеют; в исключительных случаях в их верхней части изображается человеческое лицо. Итак, позвоночный столб, возможно, лопатки (Армавир, Ольвия) и аккуратно просверленные отверстия-уши на боковых гранях ольвийской стелы исчерпывают антропоморфные черты «киммерийских» стел, не меняя их неантропоморфной формы.

В. П. Белозор, обратив внимание на группу центрально-азиатских оленных камней, «проявляющую явные признаки эволюции в сторону антропоморфности» (имеются в виду стелы с изображением человеческого лица), признал ее протоскифской; рассмотренные выше северокавказские памятники он считает киммерийскими [35, с. 11, 13]. В. П. Белозор считает, что среди азиатских оленных камней есть экземпляры, «стилистически примыкающие к скифским изваяниям Причерноморья», но неотделимые «от предшествующей типологически группы оленных камней» [35, с. 11] Не отрицая возможности не только семантической, но и типологической связи оленных камней и раннескифских изваяний, отметим, однако, что тезис об эволюции оленных камней в сторону антропоморфности нуждается в более серьезном обосновании и подтверждении конкретным материалом. Так, логической фазой антропоморфизации оленных камней должно быть выделение головы при сохранении традиционной формы столба или фалла, затем рук. Однако стелы с подобными признаками и «киммерийскими» атрибутами в Европе пока не найдены; достоверных экземпляров нет и в Центральной Азии. Вместе с тем имеются происходящие из раннескифских (или раннескифского времени) памятников стелы столбообразной (фалломорфной) формы с выделенной головой, но без обозначения рук; это известное изваяние из малого кургана у Царевой Могилы (рис. 4, *1*) [36, с. 128], из с. Б. Михайловка (рис. 4, *2*) [37, с. 127, рис. 2], из Кисловодского музея (рис. 4, *3*)

[38, с. 160, рис. 1, *1*]. Весьма архаичная стела VII—VI вв. до н. э. найдена и у с. Нартан в Кабардино-Балкарии (рис. 4, *4*) [39, с. 36, табл. 41, *31*]. Интересная стела из Киевского музея (рис. 4, *5*) [38, с. 162, рис. 4], вероятно, отражает дальнейшее развитие процесса антропоморфизации образа. При сохранении явно фаллической формы (сечение в нижней части подквадратное, в верхней — овальное) низким рельефом на ней показаны голова, лицо, руки; вероятная дата изваяния — середина — вторая половина VI в. до н. э. Почти столь же массивны и менгирообразны изваяния из с. Александровское, хут. Красное Знамя на Ставрополье [38, с. 160, рис. 1, *4, 5*] и ряд других раннескифских антропоморфов.

Таким образом, «киммерийские» стелы Северного Кавказа и Причерноморья, оленные камни Центральной Азии, скифские изваяния Причерноморья стадиально по-разному воплощают одну и ту же универсальную общеевразийскую идею упорядоченного мира и его центрального элемента в образе дерева, столба, фалла, фигуры мифологического персонажа и т. д.[5] (ср.: [29, с. 58, примеч. 25]). Данный факт не позволяет все же констатировать генетическую взаимосвязь «киммерийских» стел и скифских антропоморфов, но и ни в коей мере не отрицает ее. Имеющийся к настоящему времени материал свидетельствует о внезапном прекращении традиции создания стел «киммерийского» типа. Объясняется ли это внутренними причинами (резкой трансформацией «формы выражения» господствующей концепции) или внешними (изменением демографической ситуации) — покажут будущие исследования. Судя же по последним работам специалистов, определенной популярностью пользуется мнение об отсутствии существенного хронологического разрыва между «позднекиммерийскими» стелами и раннескифскими изваяниями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Савинов Д. Г.* О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977.
2. *Савинов Д. Г., Членова Н. Л.* Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. М.: Наука, 1978.
3. *Савинов Д. Г., Членова Н. Л.* Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии // КСИА. 1980. Вып. 162.
4. *Батчаев В. М., Керефов Б. М.* Оленный камень из Кабардино-Балкарии // СА. 1980. № 3.
5. *Членова Н. Л.* О связях Северо-Западного Причерноморья и нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху // Studia Thracica. 1. София, 1975.
6. *Членова Н. Л.* Северокавказские оленные камни и новомордовские стелы // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1987.
7. *Членова Н. Л.* Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск: Наука, 1984.
8. *Тереножкин А. И.* Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
9. *Анфимов Н. В.* Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья // МИА. 1965. № 130.
10. *Козенкова В. И.* К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа // Studia Thracica. 1. София, 1975.
11. *Тереножкін О. І.* Кіммерійські стели // Археологія. 1978. Вип. 27.
12. *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. М.: Наука, 1980.
13. *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
14. *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981.
15. *Веселовский Н. И.* Отчет за 1903 г. // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. Д. 14/1903.
16. *Волков В. В., Новгородова Э. А.* Оленные камни Ушкийн-Увэра, Монголия // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975.
17. *Appelgren-Kivalo H.* Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931.
18. *Диков Н. Н.* Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958.

[5] Вряд ли «двусторонность» зубовской и усть-лабинской стел, объясняемая их переиспользованием, отражает дуалистические представления о добре и зле [30, с. 87].

19. *Новгородова Э. А.* К вопросу о древнем центральноазиатском защитном вооружении (середина I тыс. до н. э.) // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск: Наука, 1975.
20. *Дэвлет М. А.* О загадочных изображениях на оленных камнях // СА. 1976. № 2.
21. *Грязнов М. П.* К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. 1978. Вып. 154.
22. *Горелик М. В.* Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.: Наука, 1987
23. *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия. М.: Наука, 1989.
24. *Ольховский В. С.* Раскопки в Сакском районе Крыма // АО—1984. М., 1986.
25. *Корпусова В. Н., Белозор В. П.* Могила киммерийского воина у Джанкоя в Крыму // СА. 1980. № 3.
26. *Шульц П. Н.* Скифские изваяния // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
27 *Членова Н. Л.* Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
28. *Килуновская М. Е.* Оленные камни как памятники монументального искусства культур скифского облика / Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Тез. докл. обл. науч. конф. по разделам: «М. П. Грязнов и его место в археологии», «Теория и методология археологии», «Каменный и бронзовый века», «Скифская проблема». Омск, 1987.
29. *Раевский Д. С.* Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М.: Наука, 1983.
30. *Кубарев В. Д.* Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979.
31. *Топоров В. Н.* Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественно-научных знаний в древности. М.: Наука, 1982.
32. *Топоров В. Н.* Древо мировое // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1980.
33. *Ольховский В. С.* Оленные камни: форма и образ // Тез. докл. конф. «Религиозные представления в первобытном обществе». М., 1987.
34. *Ольховский В. С.* Оленные камни (к семантике образа) // СА. 1989. № 1.
35. *Белозор В. П.* Скифские каменные изваяния VII—IV вв. до н. э.: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Киев, 1986.
36. *Fabritius. L.* «Tzaréwa Mohila» // ESA. 1929. T. IV
37. *Мухопад С. Е.* Скифские архаические погребения на р. Волчьей // Проблемы археологии Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 1. Днепропетровск, 1984.
38 *Петренко В. Г* О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.
39. *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Т. 2. Нальчик, 1985.

V. S. OLKHOVSKY

THE NORTHERN CAUCASIAN STELAE OF THE EARLY IRON AGE

Summary

The author describes four stone stelae of the 8th—7th centuries B. C. found in the Northern Caucasus and the Caucasian foothills, at Armavir, the villages of Kyzburun I, Ust-Labinskaya and Zubovsky. An analysis of the representations and technological traits provides the stelae's relative chronology and an evolution of the images on them. The author suggests that the stelae that are of the phallic shape presented the central axis of the two- or three-member model of the world.

А. З. ВИННИКОВ

КОНТАКТЫ ДОНСКИХ СЛАВЯН С АЛАНО-БОЛГАРСКИМ МИРОМ

Донские славяне, как уже неоднократно подчеркивалось, занимают окраинные районы восточнославянского мира, подходя непосредственно к границам расселения алано-болгар, известных в литературе как население салтово-маяцкой культуры [1, с. 5; 2, с. 186].

Проблема контактов двух этносов: восточных славян и их соседей — племен салтово-маяцкой культуры — поднималась многими исследователями в различных аспектах, как теми, кто занимался изучением собственно славян, так и теми, кто исследовал памятники салтово-маяцкой культуры [3, с. 222, 223; 4, с. 244; 5, с. 151—154; 6, с. 136, 148; 7, с. 132; 8, с. 202; 9, с. 271; 10, с. 56—63; 11, с. 128, 129; 12, с. 138, 139; 13, с. 8, 9] Но лишь С. А. Плетнева, Д. Т. Березовец, А. Н. Москаленко посвятили данному вопросу специальные работы.

С. А. Плетнева, исследуя поселения салтово-маяцкой культуры в верховьях Северского Донца, отметила присутствие на этих памятниках керамики смешанного облика: типичных для салтово-маяцкой культуры горшков яйцевидной и шаровидной форм, изготовленных из теста с примесью шамота, характерного для славянской керамики, а также находки на одних и тех же поселениях славянской лепной и салтово-маяцкой посуды. Эти факты, по мнению С. А. Плетневой, свидетельствуют «о близком сожительстве и вероятном смешении в этом районе двух народов и двух культур» [14, с. 19]

В специальной статье на эту тему С. А. Плетнева пишет, что от близости славян зависело некоторое своеобразие салтово-маяцкой культуры данного региона [15] К чертам такого своеобразия, возникшим под влиянием славян, она относит: укрепленные городища, жилища-полуземлянки, искусственную подрезку склонов мыса — как прием фортификации, сооружение в некоторых салтовских жилищах печей, появление на ряде памятников салтово-маяцкой культуры лепной керамики с шамотом. Наряду с влиянием славян на культуру салтово-маяцкого населения С. А. Плетнева отмечает, что обратный процесс, т. е. влияние салтово-маяцкого населения на славян, проявилось прежде всего в приобретении славянами многих изделий ремесленного производства у своих южных соседей: мотыжек, украшений, оружия. Эти вещи попадали к славянам в результате развитой торговли. По мнению С. А. Плетневой, часть салтовцев под давлением печенегов в начале X в. отступила к северу, т. е. в район, заселенный славянами [15, с. 94]. Ряд положений данной статьи С. А. Плетнева развивает в монографии, посвященной салтово-маяцкой культуре [16, с. 20, 70, 112, 114, 121, 134].

В статье, посвященной вопросу взаимоотношений славян и населения салтово-маяцкой культуры, Д. Т. Березовец подчеркивает, во-первых, что славяне и население салтово-маяцкой культуры очень различны в социально-экономическом, политическом отношении. Во-вторых, считая, что территория салтово-маяцкой культуры входила в состав Хазарского каганата, который брал дань с ряда восточнославянских племен, Д. Т. Березовец выдвинул предположение о возможности существования в глубине славянской территории своеобразных административных центров каганата. В-третьих, полемизируя с С. А. Плет-

© А. З. Винников, 1990 г.

невой, он отрицает возможность каких-либо культурных связей, взаимовлияния, смешения славян и алано-болгар в районе Среднего Поднепровья, в том числе и в его Левобережье. В-четвертых, Д. Т. Березовец считает, что в тех районах, где славяне и население салтово-маяцкой культуры имели возможность вступить в контакты, эти процессы протекали по-разному [17].

Трудно согласиться с таким пессимистическим взглядом на славяно-алано-болгарские контакты в Лесостепном Поднепровье, и в то же время абсолютно верной является мысль Д. Т. Березовца о различных формах взаимосвязей славян и населения салтово-маяцкой культуры в разных районах Восточной и Юго-Восточной Европы.

А. Н. Москаленко, исследовавшая на протяжении почти 20 лет историю и культуру донских славян, много внимания уделила связям, контактам, взаимоотношениям с соседними народами. В книге «Городище Титчиха» ею рассмотрены отношения донских славян с алано-болгарским миром [18, с. 123—127] Она обратила внимание на наличие на Титчихинском городище некоторых смешанных типов керамики, содержащих в себе черты славянского и салтово-маяцкого керамического производств, и объясняет этот факт присутствием «каких-то отдельных переселенцев...» — представителей салтово-маяцкой культуры в результате семейно-брачных связей [18, с. 158, 160, 162]

Вопросу славяно-алано-болгарских отношений А. Н. Москаленко посвятила специальную главу в обобщающей работе о донских славянах [1, с. 134—141] Она приводит данные о наличии керамики салтово-маяцкой культуры на поселениях донских славян и еще раз обращает внимание на находки на славянских памятниках в бассейне Дона разнообразных вещей, изготовленных салтово-маяцкими мастерами: украшений из бронзы и стекла, амулетов. В этой работе ею высказана мысль о наличии населения салтово-маяцкой культуры кроме Титчихинского городища и на ряде других славянских поселений в бассейне Дона.

Таким образом, А. Н. Москаленко предприняла определенные усилия для освещения вопроса контактов славян и алано-болгар в бассейне Дона и пришла к выводу, что можно «говорить скорее о добрососедских, чем о враждебных отношениях», этих двух этносов [1, с. 141]

В последнее время Г Е. Афанасьевым высказано мнение, что салтовские поселенцы застали в бассейне Среднего Дона «значительный массив оседлого населения и входили с ним в определенные контакты» [19, с. 153] Под значительным массивом оседлого населения подразумеваются памятники пеньковской культуры, открытые в последние годы на данной территории, связываемые многими исследователями с ранними славянами, на что Г Е. Афанасьев обращает особое внимание. Не вдаваясь в проблему этнической принадлежности населения пеньковской культуры, так как это особая тема, отметим, что ни на одном пеньковском поселении в бассейне Дона не зафиксировано каких-либо салтово-пеньковских контактов. Перекрытие пеньковского слоя салтовским никак не может свидетельствовать ни о преемственности, ни о включении, ни о восприятии элементов одной культуры другой, ни об их сосуществовании в какой-то промежуток времени [19, с. 153]

И даже салтовский Дмитриевский могильник, где обнаружено семь трупосожжений с лепной керамикой, связываемой С. А. Плетневой с пеньковской культурой [20], не может «отражать процесс инфильтрации местных племен в аланскую среду», «процесс постепенного восприятия пеньковцами элементов салтовской культуры» [19, с. 153]. На данном могильнике салтовские и пеньковские материалы выглядят как два совершенно различных явления, не случайно пеньковское поселение расположено отдельно от салтовского и хронология его неизвестна [20, с. 115] Кроме того, керамика из трупосожжений Дмитриевского могильника демонстрирует не столько салтовские (аланские) традиции, сколько кочевнические, не характерные для алан, на что обратила внимание С. А. Плетнева [20, с. 118]

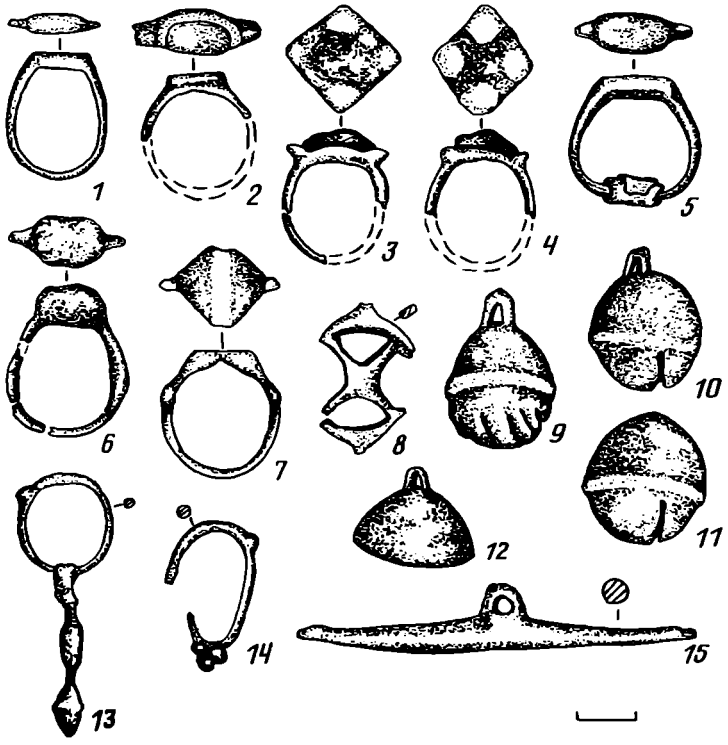


Рис. 1. Салтово-маяцкие украшения на памятниках донских славян

Необходимо вспомнить, что сама пеньковская культура, датируемая V—VII вв. [21, с. 15], и в этническом, и в культурном плане далеко не однородна. Она включает в себя помимо других и степные кочевнические элементы, которые условно называют «салтовскими» [22], хотя салтово-маяцкая культура сложилась, как известно, позже. Совершенно не исключено, что, с одной стороны, именно эти материалы на пеньковских поселениях в ряде случаев и рассматриваются некоторыми исследователями как собственно салтовские, а с другой — носители этих элементов культуры из числа пеньковцев могли быть включены в состав населения салтово-маяцкой культуры, найдя здесь родственную себе среду При этом основная масса пеньковского населения под давлением аланоболгар в начале VIII в. отступила на север и впоследствии приняла участие в формировании отдельных групп восточных славян Днепровского Левобережья [23, с. 83—94]

Рассматривая связи двух соседствующих этнических групп — донских славян и населения салтово-маяцкой культуры, прежде всего необходимо отметить наличие торговых отношений между ними. Но масштабы этой торговли или обмена, судя по количеству вещей салтово-маяцкой культуры, находимых на славянских памятниках в бассейне Дона, были весьма незначительны. Это главным образом украшения. И. П. Русанова, характеризуя раннеславянскую культуру пражского типа VI—VII вв., отмечала «отсутствие среди находок специфических украшений, за исключением вещей общеевропейских типов» [24, с. 197] Восточные славяне на протяжении ряда веков второй половины I тыс. н. э. пытались восполнить этот «дефицит» за счет заимствования украшений у других народов. С памятниками салтово-маяцкой культуры прежде всего связаны перстни, найденные на Титчихинском городище (один целый и один обломок) (рис. 1, *1, 2*). Перстни, близкие к салтово-маяцким, обнаружены и на памятниках на р. Воронеж. Обломок одного из них найден в кургане Лысогорского могильника (рис. 1, *4*), перстни обнаружены на городищах I Белогорском (рис. 1, *3*), Михайловский кордон (рис. 1, *5*), Животинном (рис. 1, *6, 7*). Кроме перстней на Титчихинском городище найдена кресто-

образная бронзовая подвеска-амулет (рис. 1, *8*). Эта подвеска интересна тем, что в целом виде она представляла собой крест в круге, т. е. типичный для памятников салтово-маяцкой культуры солнечный амулет. По поводу аналогичных амулетов С. А. Плетнева пишет, что они были широко распространены в пределах Хазарского каганата [16, с. 177, рис. 49]. Но с начала IX в. властители Хазарского каганата стали насаждать новые формы религии в каганате, уничтожались капища, амулеты, и прежде всего солнечные, символизирующие «бога неба и света». С. А. Плетнева приводит отрывок из Моисея Каганкатваци, где сказано, что епископ Исраил «своими руками перед всеми ломал их и из них делал изображения креста Господня» [16, с. 175]. Возможно, титчихинский амулет и являлся отражением этих событий.

Среди украшений, попавших из салтово-маяцкого мира к славянам, А. Н. Москаленко отмечает черные стеклянные браслеты, производство которых, по мнению З. А. Львовой, осуществлялось в Саркеле еще до появления там славян [25, с. 310, 311].

К категории амулетов-украшений салтово-маяцкого типа относятся бронзовые бубенчики, встреченные на Титчихинском городище (рис. 1, *9—12*), которые довольно часто находят в погребениях салтово-маяцкой культуры. На Титчихинском городище обнаружена салтовская бронзовая копоушка коромысловидного типа с петлей посредине (рис. 1, *15*). К украшениям салтово-маяцкого типа можно отнести и две серьги. Одна из них найдена на Воргольском (рис. 1, *13*), вторая — на Животинном городище (рис. 1, *14*). Обе они датируются в рамках IX—X вв. [16, с. 141, рис. 36]

Как показывает анализ украшений салтово-маяцкого типа, они сосредоточены главным образом на Титчихинском городище и на памятниках, расположенных на р. Воронеж. Перечисленными предметами не исчерпываются салтово-маяцкие вещи на поселениях донских славян. Имеются орудия труда, предметы быта, но встречены они главным образом на поселениях по р. Воронеж.

Население салтово-маяцкой культуры, вероятно, играло не последнюю роль и в торговле донских славян с арабским миром, с причерноморскими городами. Об этом свидетельствуют и находимые на славянских памятниках арабские монеты, стеклянные бусы ближневосточного производства, амфоры и кувшины южного производства.

Есть на славянских поселениях в бассейне Дона и салтово-маяцкая керамика, главным образом тарная, также свидетельствующая о наличии торговых отношений. Такая керамика встречена на Титчихинском городище (пифосы, кувшины, амфоры) [18, с. 123—125]. На других памятниках Среднего Дона: Архангельском [26], Малом [27] и Большом Боршевском городищах [28, с. 41, 42] — эта керамика исчисляется буквально несколькими фрагментами. Значительно больше тарной салтово-маяцкой посуды выявлено на славянских памятниках на р. Воронеж: I Белогорском [29] и Животинном городищах. На последнем выявлено большое количество фрагментов от лощеных пифосов с налепными валиками.

В коллекции керамики Титчихинского городища совершенно отсутствуют кухонные сосуды салтово-маяцкого типа, нет жилищ или каких-либо конструктивных деталей в жилищах, которые можно было бы связать со стационарным пребыванием салтово-маяцкого населения на городище наряду со славянами. Трудно согласиться с тезисом А. Н. Москаленко о наличии на Титчихинском городище представителей алано-болгарского населения в результате семейно-брачных связей [18, с. 160]

Массовое расселение восточных славян в Лесостепном Подонье происходило в то время, когда северные и северо-западные границы салтово-маяцкой культуры в рамках Хазарского каганата уже обозначились. И с самого начала расселения славян в этом регионе между ними и алано-болгарами установились, как отмечали многие авторы, дружественные отношения. И те, и другие в новых для себя условиях Донской лесостепи в общении друг с другом взаимно

вырабатывали некоторые необходимые элементы материальной культуры.

У донских славян в процессе этих контактов появились некоторые новые формы посуды, изготовленной в основном из плотного, хорошо промешенного теста, украшенной обычными славянскими орнаментами. К этой же группе керамики, появившейся у донских славян в процессе общения их с алано-болгарами, можно отнести и сосуды с почти шаровидным туловом. Они так же, как и горшки яйцевидной формы, изготовлены из теста несколько лучшего качества, чем основная славянская керамика. Часть горшков шаровидной и яйцевидной форм имеет следы правки на гончарном круге.

Но общение с населением салтово-маяцкой культуры не внесло каких-либо кардинальных изменений в технологию изготовления керамики донскими славянами. Появление горшков яйцевидной и шаровидной форм, столь характерных для алано-болгарского населения [9, с. 221; 14, с. 14, рис. 5], изготовленных в основном по славянской технологии, украшенных в подавляющем своем большинстве типично славянским орнаментом (что свидетельствует об их местном производстве), связано со стремлением донских славян восполнить имевшийся у них недостаток в тарной керамике. А эти сосуды использовались именно в таких целях [30, с. 175]. К явлениям аналогичного характера — стремлению донских славян расширить ассортимент посуды — можно отнести и появление на славянских памятниках Подонья кувшинов.

Не только славяне испытывали определенное воздействие культуры своих южных соседей; эти процессы носили в какой-то степени взаимный характер. Исследователями отмечалось, что влияние славян на население салтово-маяцкой культуры проявилось в появлении у последних полуземляночного жилища [16, с. 58] и в обычае сооружения глинобитных печей в углу жилища [31, с. 30].

Г Е. Афанасьевым высказано сомнение в правомерности постановки вопроса о роли славян в широком распространении полуземляночных жилищ у населения салтово-маяцкой культуры. Он считает, что стремление углубить свое жилище в материк было характерно для алан Северного Кавказа на протяжении многих веков и салтовские полуземлянки на Среднем Дону следует рассматривать «как проявление этнокультурной традиции в домостроительстве, полностью отвечающей экологическим условиям данного региона» [19, с. 72].

Во-первых, действительно, стремление углубить нижнюю часть жилища в землю и тем самым утеплить его свойственно многим народам, и не всегда в этом нужно видеть какое-то влияние одного этноса на другой. Но в данном случае приводимые Г Е. Афанасьевым примеры недостаточно убедительны, так как они единичны, разбросаны в хронологическом плане и не создают сколько-нибудь цельной картины. Во-вторых, В. Б. Ковалевская, исследовательница кавказских алан, пишет, что на равнинах для них характерны «свободно расположенные турлучные легкие постройки», а «в предгорьях и горах — каменные наземные постройки» [32, с. 85] Скорее всего та часть алан, которая переселилась в бассейн Среднего Дона, освоила в очень короткий срок совершенно новый для себя тип жилых построек, и, вероятно, это не могло произойти без какого-либо участия славян, которые практически в это же время, как уже отмечалось, стали активно осваивать и Днепровское Левобережье, и Лесостепное Подонье. При этом необходимо отметить, то если даже идея полуземляночного жилища и появилась у алано-болгар, освоивших лесостепные районы Подонья, под влиянием славян, то все же они не восприняли всего, что им предложила многовековая славянская традиция в сооружении полуземляночных жилищ. Как весьма справедливо отметила С. А. Плетнева, в салтовской полуземлянке сочетались черты оседлой (славянской) и кочевнических культур [16, с. 58]. Особенно это хорошо видно на жилищах Маяцкого селища, одного из ближайших к донским славянам памятников салтово-маяцкой культуры [33]. Ряд конструктивных черт сближает маяцкие полуземлянки со славянскими: деревянная облицовка стен; черноземно-меловая забутовка между стеной котлована и деревянной облицовкой; наличие в некоторых постройках вместо типичных для салтово-

маяцкой культуры открытых очагов различной конструкции, расположенных в центральной части жилищ, печей-каменок, расположенных в углах построек, а в одной из полуземлянок — весьма совершенной глинобитной печи; своеобразные лавки-лежанки или верстаки для работы ремесленников с использованием материка и дерева. Все это, а возможно, и некоторые другие элементы конструкции полуземлянок Маяцкого селища было заимствовано скорее всего у соседних славянских племен.

Интересные данные, дающие возможность выявить совершенно новые аспекты во взаимоотношениях донских славян и алано-болгарского населения салтово-маяцкой культуры, дали раскопки ряда славянских памятников на р. Воронеж, и среди них в первую очередь I Белогорского городища [29] Выявленные здесь полуземляночные постройки можно разделить на две группы. К первой относятся полуземлянки с обычными славянскими печами, сложенными из камней и глины. И по конструктивным элементам эти жилища представляют собой типичные славянские полуземлянки.

Ко второй группе жилищ относятся полуземлянки с очагами, обложенными камнями. Таких построек встречено четыре. В трех постройках обнаружено по одному открытому очагу, а в одной — три. В двух постройках выявлен вход в виде прямоугольного коридора. Почти во всех в материковом полу вдоль стен ямки — остатки каркасно-столбовой конструкции. Пол во всех постройках материковый, за исключением одной, где материковый песок покрыт слоем обожженной глины.

Полуземляночные жилища с подобного рода отопительными устройствами на славянских памятниках боршевского типа неизвестны. Очаги встречались в постройках, но вместе с печами. С. А. Плетнева отмечала, что под влиянием славян население салтово-маяцкой культуры стало сооружать и печи, но «очаги в салтовских жилищах остались преобладающей формой отопительного устройства». И это, по ее мнению, объясняется определенными традициями, сложившимися в культуре и быте алано-болгарского населения Подонья [15, с. 90, 91] На полу этих полуземлянок встречена главным образом керамика салтово-маяцкой культуры. На наш взгляд, мы имеем основания связывать данные жилища с какими-то группами населения салтово-маяцкой культуры, жившими на славянском поселении на Белой горе.

Наряду с обычной славянской керамикой на I Белогорском городище встречена весьма разнообразная посуда салтово-маяцкого типа, которая представлена как гончарными, так и, что особенно важно, лепными или правленными на круге кухонными горшками. Это горшки яйцевидной формы, украшенные весьма небрежным линейным орнаментом, на некоторых поперечный орнамент пересекается вертикальным, образуя довольно густую сетку. Верх венчика украшен наколами гребенчатого штампа или различными насечками (рис. 2). Вылеплены эти сосуды из теста с примесью песка или мелкого шамота. Мы отмечали выше, что на других славянских памятниках близкая по форме керамика изготовлена по славянской технологии и является результатом заимствования формы славянами, а на I Белогорском городище по всем своим компонентам (форма, технология, орнаментация) это обычная салтовская посуда. Ближайшие аналогии этой керамике имеются в материалах салтово-маяцкой культуры на Северском Донце [14, с. 14, рис. 5]

При этом следует подчеркнуть, что рассматриваемые горшки являются предметом местного производства. Об этом свидетельствуют данные петрографического анализа. Но общий их вид, фактура, орнаментация, техника свидетельствуют о том, что они изготовлены не славянскими мастерами, а представителями населения салтово-маяцкой культуры, жившими на I Белогорском городище. Рассматриваемые горшки распространены неравномерно на площади городища. Подавляющее большинство (89%) обнаружено в верхней части культурного слоя. Это свидетельствует о том, что они не сразу появились на городище, а спустя какое-то время после того, как вся территория была засе-

Рис. 2. Керамика салтово-маяцкой культуры с I Белогорского городища

лена славянами. Об этом же свидетельствуют раскопки укреплений. Под насыпью вала в культурном слое этой керамики нет совершенно, а сооружение вала, по всей видимости, относится не ранее чем к началу X в.

Таким образом, распространение салтово-маяцких горшков на I Белогорском городище связано с появлением здесь нового этнического элемента — населения салтово-маяцкой культуры, которое принесло с собой не только новые

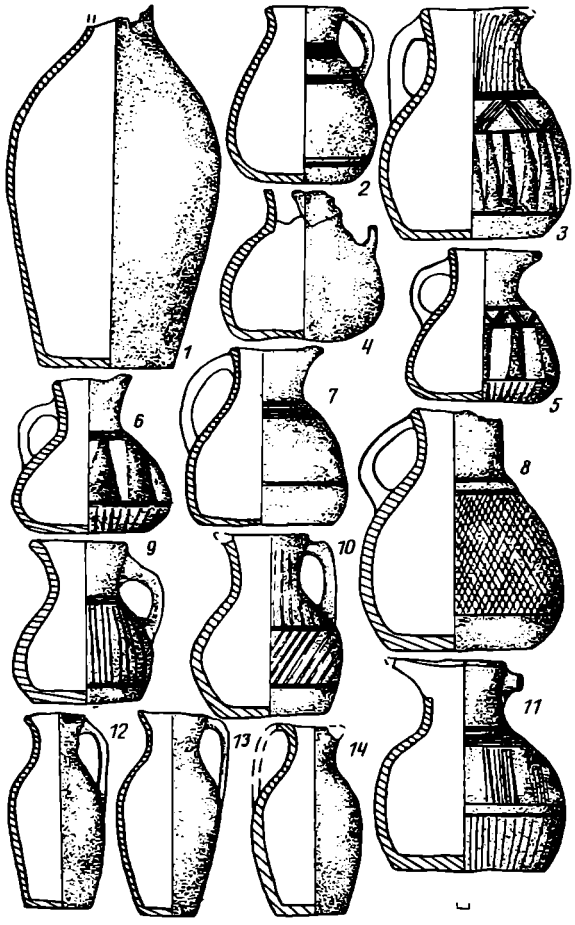


Рис. 3. Кувшины салтово-маяцкой культуры из славянских курганов на р. Воронеж

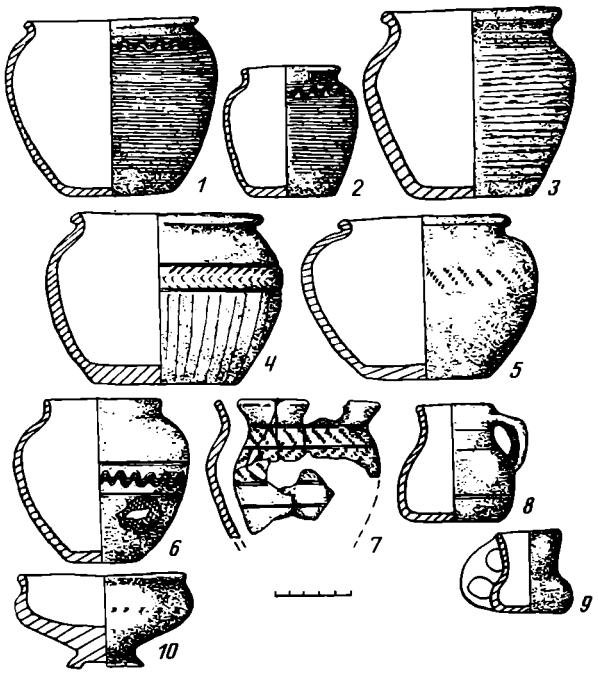


Рис. 4. Салтово-маяцкая керамика из славянских курганов на р. Воронеж

типы керамических изделий, но и типы построек и другие элементы материальной культуры.

О наличии населения салтово-маяцкой культуры на р. Воронеж свидетельствуют и раскопанные здесь могильники. Сразу необходимо отметить, что погребальный обряд, выявленный на р. Воронеж, с одной стороны, обладает рядом существенных отличительных признаков по сравнению с Боршевским могильником на р. Дон, с другой — он всеми своими чертами характерен для других районов восточно-славянского мира [2, с. 151—180]

Курганы могильников на р. Воронеж содержат самую разнообразную керамику. Наряду с обычной славянской посудой (горшки, миски) здесь встречена в большом количестве гончарная керамика салтово-маяцкой культуры, представленная кувшинами, горшками, кружками, и в одном экземпляре — ваза-светильник.

Самая большая коллекция салтовской керамики — кувшины. Они обнаружены на всех изучавшихся могильниках. Согласно классификации, предложенной С. А. Плетневой, салтовские кувшины можно разделить на три вида [16, с. 115, 116] К первому виду относится кувшин коричнево-желтого цвета из 5-го кургана I Белогорского могильника (рис. 3, *1*). Он имеет яйцевидное удлиненное тулово, изготовлен на гончарном круге из плотного теста с примесью песка. Лощения нет. Верхняя часть отломана. Ручки кушин не имел. Несколько удлиненное тулово, расширяющееся книзу, имеет кувшин из 9-го кургана Лысогорского могильника (рис. 3, *2*). Это сосуд серо-коричневого лощения. На большей части сосуда лощение отшелушилось, в тесте примесь песка, отчего под лощением его поверхность шершавая, местами бугристая. Трудно подобрать аналогии этим двум сосудам, хотя они не выходят из круга салтово-маяцких

древностей, но некоторое своеобразие и в технологии производства, и в форме связано, вероятно, с их местным производством.

Кувшины второго вида имеют шаровидное тулово и сравнительно высокое горло. Они найдены на Лысогорском могильнике (рис. 3, *3, 4*), I Белогорском могильнике (рис. 3, *5—7*), II Белогорском могильнике (рис. 3, *8—11*). У них прямое или плавно отгибающееся наружу высокое горло, хорошо выраженный слив. Почти все сосуды отличаются довольно пышной пролощенной орнаментацией, которая горизонтальными врезными линиями делится на зоны. На одном из них (Лысая гора) лощение почти полностью отшелушилось. Лощение, как правило, черного или серого цвета.

Три кувшина из Лысогорского (рис. 3, *12, 13*) и I Белогорского могильника (рис. 3, *14*) относятся к четвертому виду. Эти стройные кувшины с яйцевидным туловом, плавно переходящим в невысокое горло, изготовлены из очень хорошего промешенного теста. У них тонкие, ярко-оранжевого цвета стенки. С. А. Плетнева подчеркивает, что, судя по необычайной однотипности, изготовлены они в одной из мастерских какого-то южного приморского города, где особенно сильно сказывалось римско-византийское влияние. Из этого центра они расходились в самые отдаленные уголки территории салтово-маяцкой культуры [16, с. 116]

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в курганах не обнаружено ни одного целого салтовского кувшина. Все они поставлены в погребения после длительного использования, о чем свидетельствуют сильно потертые поверхности с облупившимся лощением.

Обнаружено всего пять салтовских горшков. Все они сделаны на гончарном круге. Три из них, согласно классификации кухонной керамики салтово-маяцкой культуры С. А. Плетневой, относятся к типу «А» [16, с. 106] Сюда мы относим горшки из курганов I Белогорского (рис. 4, *1, 2*) и Лысогорского (рис. 4, *3*) могильников. Это горшки яйцевидной формы, из плотного теста с примесью речного песка, хорошим ровным обжигом, серого цвета, покрыты сплошным горизонтально-линейным и линейно-волнистым орнаментом. Венчики горшков не украшены.

Очень своеобразны три горшка, обнаруженных в курганах II Белогорского (рис. 4, *4*) и Лысогорского (рис. 4, *5, 6*) могильников. Это приземистые гончарные сосуды подшаровидной формы, с неплохим лощением, в наиболее широкой части имеют орнамент, заключенный между двумя параллельными линиями.

Аналогичный горшок был обнаружен и на Кузнецовском городище (рис. 4, *7*) П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков отмечают, что по орнаментации этот сосуд напоминает болгарскую керамику XI в., по тесту — керамику «хазарских городищ Нижнего Дона» [28, с. 95, 96, табл. XV, *2*]. С. А. Плетнева указывает на аналогичный сосуд из Саркела — Белой Вежи, подчеркивая его синкретический славяно-салтовский характер, отмечает, что горшок (саркельский) был скорее всего изготовлен салтовским населением города [9, с. 225, рис. 9, *14*].

Салтовские кружки встречены в 2 экземплярах. Кружка, найденная в одном из курганов Лысогорского могильника, имеет несколько раздутое тулово, широкое дно, темно-коричневое лощение по всей поверхности, которое местами отшелушилось (рис. 4, *8*). В нижней части тулова — горизонтальная врезная линия. Кружка с I Белогорского могильника имеет приземистое, как бы сплющенное тулово (рис. 4, *9*), по всей поверхности покрыта темным лощением. Но главную ее особенность составляет зооморфная ручка. Лощеные кружки с зооморфными ручками являются «одним из характернейших признаков северокавказских аланских древностей». При этом А. С. Плетнева подчеркивает, что сосуды с зооморфными ручками кроме Северного Кавказа известны на лесостепных памятниках Подонья салтово-маяцкой культуры, куда проникали северокавказские аланы в начале VIII в. [34, с. 211; 35, с. 174, 175]

В 26-м кургане II Белогорского могильника обнаружена очень интересная ваза-светильник — чаша на небольшом поддоне (рис. 4, *10*), вылепленная из

хорошего, плотного теста с примесью мелкого песка, изготовленная на гончарном круге. На внутренней ее поверхности имеется орнамент насечками. У населения салтово-маяцкой культуры светильники были распространены довольно широко, но они несколько иной формы: это блюда или чаши на высокой ножке-поддоне.

Итак, сейчас уже не вызывает сомнения тот факт, что в глубине территории донских славян, на р. Воронеж, на уже существовавших славянских поселениях появились примерно в начале X в. отдельные группы салтово-маяцкого населения. Какая-то часть салтовского населения отступила под давлением печенегов на север, в район верхнедонской славянской группировки [36, с. 36] Совершенно не исключено, что это могли быть потомки пеньковского (болгарского) населения, включенные в состав салтово-маяцкой культуры.

Ничего принципиально нового они не внесли в погребальный обряд славянского населения. Погребений по обряду салтовской культуры (катакомбных или ямных) здесь не обнаружено. Вероятно, даже можно говорить о восприятии ими славянского погребального обряда, тем более что отдельным группам салтово-маяцкого населения обряд трупосожжения не был чужд [37], а в целом для погребального обряда населения салтово-маяцкой культуры весьма характерен культ огня [16, с. 100—102]

Кроме салтовской керамики в курганах на р. Воронеж обнаружена целая серия посуды, сочетающей традиции салтовского и славянского производства керамики и отдельные типы салтовской посуды, утратившей ряд технологических приемов салтовского керамического производства (изготовление без гончарного круга, без лощения или с некачественным лощением, с примесью шамота).

Эта керамика весьма разнообразна по форме, технологии изготовления. Можно выделить горшки, кувшины, кружки. Горшки нами рассмотрены в соответствии с типологией, разработанной для славянской донской керамики (типы 7—9) [2, с. 131—136]

Горшки этих типов, как подчеркивалось, появились у славян в результате общения их с населением салтово-маяцкой культуры. Но если на донских памятниках (Титчихинское, Малое и Большое Боршевские городища) эти сосуды появились в сугубо славянской среде и по всем параметрам (технологии, орнаментации) соответствуют славянской керамике, то горшки названных типов из могильников на р. Воронеж возникли в славяно-алано-болгарской среде и в известной степени являются отражением совместного проживания этих двух этносов, что наложило отпечаток на их облик. Кроме того, здесь возникли и некоторые другие формы сосудов, изготовленных по смешанной технологии.

Характерной чертой горшков 7-го типа является высокая, почти вертикальная шейка. Встречены на II Белогорском могильнике в количестве 11 экземпляров (рис. 5). Все сосуды изготовлены без гончарного круга, из плотного теста с примесью мелкого песка, верх венчика плоско срезан. Поверхности хорошо обработаны, вплоть до незначительного лощения. Орнамент имеется лишь на двух сосудах. На одном это беспорядочно разбросанные по тулову и шейке вдавления веревочного штампа (рис. 5, *4*), на другом — пальцевые вдавления (рис. 5, *7*) По составу теста, по обработке поверхностей они идентичны аналогичным сосудам с I Белогорского городища, но нескольких иных пропорций: диаметр дна в ряде случаев равен или даже несколько больше диаметра горла, большая вытянутость придает совершенно иные контуры данным сосудам. Не исключено, что здесь мы имеем керамику, специально изготовленную для погребений, в пользу чего свидетельствуют исключительно малые размеры некоторых сосудов.

Горшки 8-го типа также встречены только на II Белогорском могильнике. Их обнаружено 11 экземпляров (рис. 6). Это округлобокие сосуды удлиненных пропорций, с яйцевидным туловом, без орнамента. Диаметры дна и горла примерно равны. Наибольшее расширение приходится почти на середину тулова

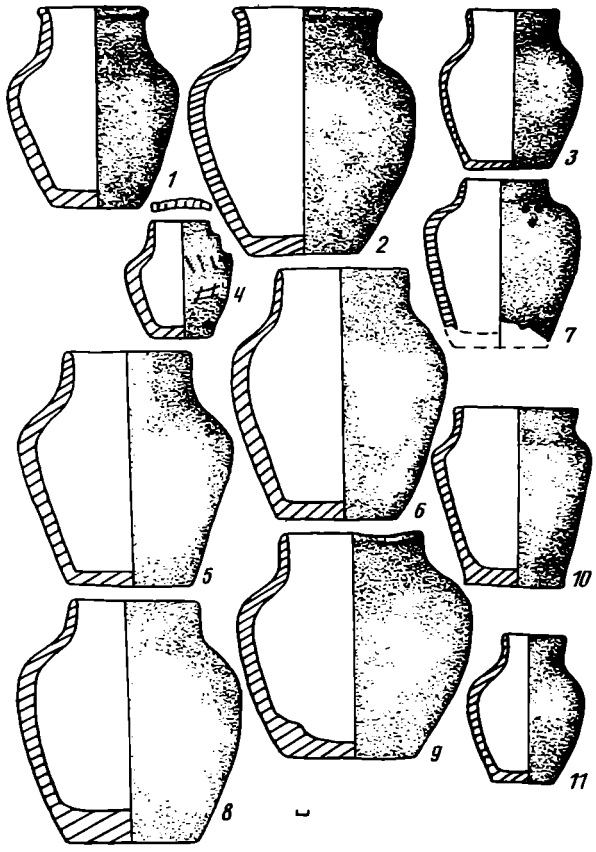


Рис. 5. Керамика, сочетающая традиции салтовского и славянского керамического производств, из славянских курганов на р. Воронеж

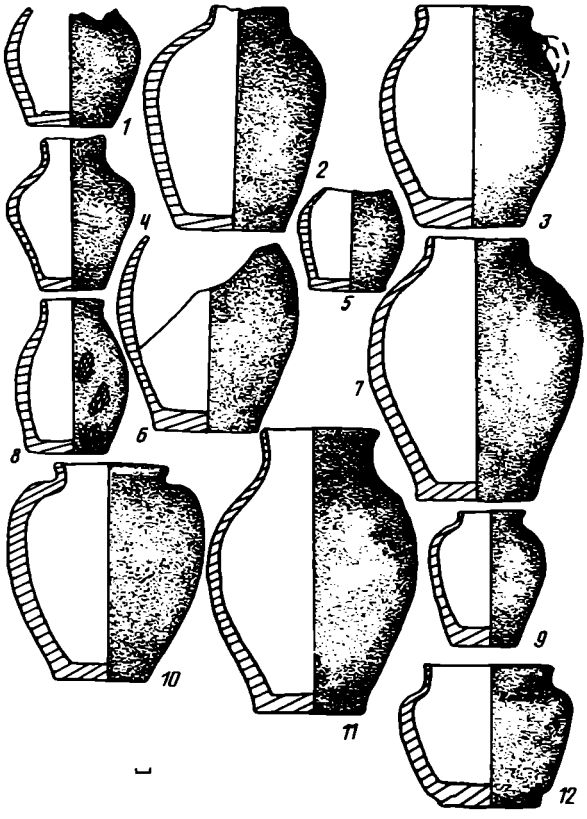


Рис. 6. Керамика, сочетающая традиции салтовского и славянского керамических производств, из славянских курганов на р. Воронеж

сосуда. Горшки вылеплены из теста с примесью песка, а в ряде случаев шамота и растительной примеси. Некоторые горшки имеют следы лощения поверхностей. Небольшие, как правило, размеры сосудов, асимметричность форм, полное отсутствие орнамента, на наш взгляд, свидетельствуют о специальном изготовлении их для погребального ритуала.

Имеется лишь один сосуд 9-го типа. Найден он в кургане 60 II Белогорского могильника (рис. 6, *12*). Это горшок с почти шаровидным туловом и короткой прямой шейкой, изготовлен из плотного, хорошо промешенного теста с примесью мелкого песка. Поверхности кирпичного цвета хорошо заглажены, местами едва виден орнамент, нанесенный накольчатым штампом, встречающийся на салтовских гончарных горшках.

Выше мы отмечали, что кувшины не характерны для донских славян и появляются там, где они вступают в тесные контакты с населением салтово-маяцкой культуры. На II Белогорском могильнике выявлена довольно интересная коллекция лепных кувшинов из 6 экземпляров (рис. 7, *1—6*). Лишь один лепной кувшин обнаружен на Лысогорском могильнике (рис. 7, *7*).

Все кувшины со II Белогорского могильника изготовлены без правки на гончарном круге. Они имеют коричневые или кирпичного цвета поверхности. На некоторых из них видны следы облупившегося лощения. Один из них изготовлен в технике, типичной для обычной славянской керамики (плохое тесто, слабый обжиг, асимметричен, бугристые необработанные поверхности). Другие сделаны значительно более аккуратно (плотное, тщательно промешенное тесто, неплохо заглаженные поверхности), однако сколько-нибудь стабильный состав не отмечен.

О связи лепных белогорских кувшинов со славянской керамикой в какой-то

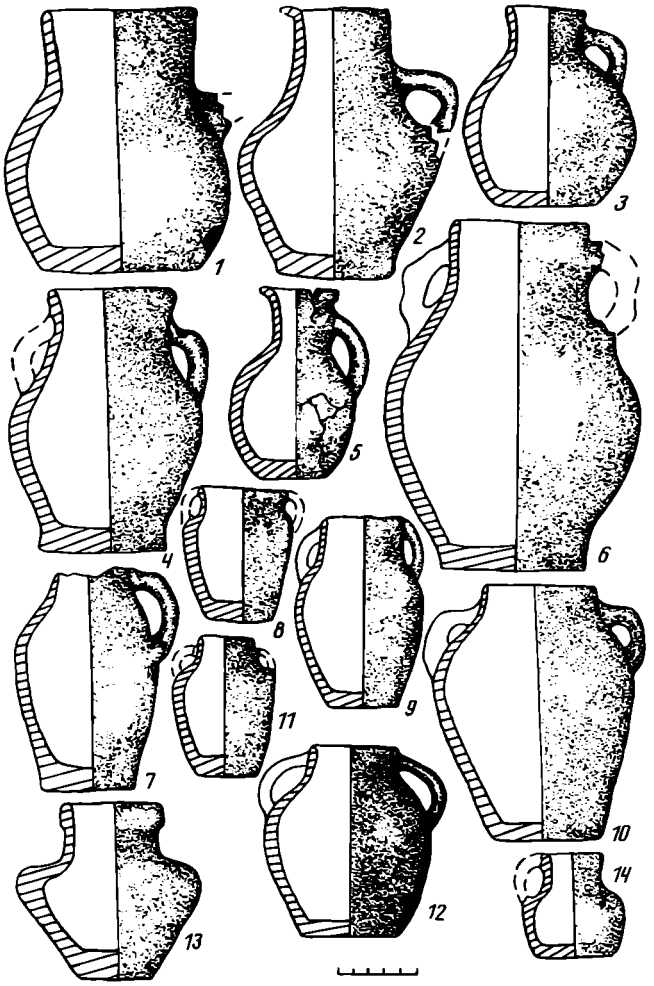


Рис. 7 Лепные кувшины (*1—7*), сосуды с ушками (*8—12*), кружки (*13, 14*) из славянских курганов на р. Воронеж

степени свидетельствует форма их нижней части, представляющая собой у большинства кувшинов конический славянский горшок, к которому прилеплено прямое или плавно отгибающееся наружу высокое горло. О том, что отдельно изготовлялась нижняя часть кувшинов, к которой прилепливался затем верх, указывает и С. А. Плетнева применительно к салтовским гончарным лощеным кувшинам [9, с. 219, 220]. Славяне, переняв кувшинообразную форму сосудов, стали изготовлять их с учетом своих сложившихся традиций. Впрочем, нельзя исключать изготовление лепных кувшинов с элементами лощения алано-болгарским населением, попавшим в славянскую среду. Некоторые кувшины имеют вместо одной ручки по два ушка у горла, что встречается иногда на салтовских кувшинах.

Лепной кувшин из Лысогорского могильника по форме принадлежит к яйцевидным кувшинам салтово-маяцкой культуры, но по технологии производства типично славянский. Это очень тяжелый лепной сосуд коричневого цвета, с плохо обработанными, бугристыми поверхностями, в тесте примесь шамота и песка.

Кувшинообразных сосудов с ушками встречено пять, и все найдены на II Белогорском могильнике (рис. 7, *8—12*). Они имеют вытянутую яйцевидную форму. Диаметр горла почти равен диаметру дна. Сосуды светло-коричневого или кирпичного цвета. Некоторые имеют хорошо обработанные, с элементами лощения поверхности. Под самым венчиком имеются небольшие налепные ушки. Эти сосуды с некоторой оговоркой можно отнести к группе кочевнической керамики, которая так широко представлена в материалах Саркела — Белой Вежи. Там аналогичные кувшины вылеплены без круга, из теста с примесью

дресвы, соломы и шамота, яйцевидной формы. Часть горшков снабжена ушками, прикрепленными на плечиках [9, с. 230—239, рис. 18]

Два сосуда являются своеобразной имитацией салтовских кружек. Оба найдены на II Белогорском могильнике (рис. 7, *13, 14*). Это небольшие сосудики с низким коническим туловом, составляющим примерно 1/2 общей высоты, и высоким горлом. Кружка с отломанной ручкой имеет более приземистое тулово, лощеную поверхность. Сделана из хорошего теста с примесью мелкого песка. Вторая кружка ручки не имела вообще. Сделана она несколько грубее, обработана хуже, хотя местами также имеется очень некачественное лощение.

Заканчивая рассмотрение этой группы керамики, необходимо отметить, что изготовлялась она как салтовцами, которые в новых условиях, в отрыве от традиционных гончарных центров, в новом окружении, перенимали у славян и форму, и значительно упрощенную технологию, так, вероятно, и славянами, пытавшимися делать посуду по салтовским образцам. В этом совместном общении возникли новые формы керамики, и не случайно им практически нет аналогий в других районах восточнославянского и салтово-маяцкого мира. Вместе с алано-болгарским населением на воронежские славянские поселения проникли и отдельные кочевнические элементы, известные по материалам Саркела — Белой Вежи, что также нашло отражение в керамическом материале.

Керамика, которая может быть связана с кочевническими традициями, обнаружена и на Боршевском могильнике [38, с. 67], но там она встречена в единичных экземплярах и не меняет общей картины.

Контакты славян и алано-болгарского населения были довольно тесными и разнообразными. Во-первых, они носили характер торговых отношений, хотя и не очень развитых. Во-вторых, культурные связи выразились во взаимном обогащении отдельными производственными навыками. В-третьих, отношения славян и населения салтово-маяцкой культуры носили мирный характер, что выразилось в их совместном проживании на одних поселениях в связи с передвижением части алано-болгар в более северные, безопасные районы, заселенные славянами. Здесь они смешались со славянами, будучи, вероятно, ими очень быстро ассимилированы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Москаленко А. Н.* Славяне на Дону. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981.
2. *Винников А. З.* Славянские курганы Лесостепного Дона. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.
3. *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое // МИА. 1958. № 74.
4. *Ляпушкин И. И.* Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. 1961. № 104.
5. *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. 1968. № 152.
6. *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры бассейна р. Дон // МИА. 1958. № 62.
7. *Белецкий В. Д.* Жилища Саркела — Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
8. *Березовец Д. Т* Поселения уличей на Тясмине // МИА. 1963. № 108.
9. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
10. *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа // МИА. 1958. № 62.
11. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. 1970. № 163.
12. *Сухобоков О. В., Юренко С. П.* Этнокультурные процессы на территории Левобережной Украины в I тысячелетии н. э. // Проблемы этногенеза славян. Киев: Наук. думка, 1978.
13. *Горюнов Е. А.* О памятниках волынцевского типа // КСИА. 1975. Вып. 144.
14. *Плетнева С. А.* Средневековые поселения верховьев Северского Донца // КСИИМК. 1960. Вып. 79.
15. *Плетнева С. А.* О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. // СА. 1962. № 1.
16. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142.
17. *Березовец Д. Т* Слов'яни и племена салтівскоі культури // Археологія, 1965. Т. XIX.
18. *Москаленко А. Н.* Городище Титчиха. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1965.
19. *Афанасьев Г Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (Аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.: Наука, 1987
20. *Плетнева С. А.* Об этнической неоднородности населения Северо-Западного Хазарского пограничья // Новое в археологии. М.: Изд-во МГУ, 1972.

21. *Приходнюк О. М.* Славянское население Юго-Восточной Европы V—VII вв. (пеньковская культура): Автореф. дис. докт. ист. наук: 07.00.06, Киев, 1981.
22. *Русанова И. П.* Памятники типа Пеньковки // Проблемы археологии. Вып. II. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
23. *Горюнов Е. Н.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981.
24. *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М.: Наука, 1976.
25. *Львова З. А.* Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
26. *Москаленко А. Н.* Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. // КСИИМК. 1956. Вып. 62.
27. *Пряхин А. Д., Винников А. З.* Итоги исследования Малого Боршевского городища на р. Дон // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980.
28. *Ефименко П. П., Третьяков П. Н.* Древнерусские поселения на Дону // МИА. 1948. № 8.
29. *Винников А. З.* Славянское городище на Белой горе под г. Воронежем // Из истории Воронежского края. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977
30. *Винников А. З.* Керамика донских славян конца I тысячелетия н. э. // СА. 1982. № 3.
31. *Нечаева Л. Г* О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н. э.— первая половина II тыс. н. э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука, 1975.
32. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
33. *Винников А. З.* Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища (результаты раскопок 1975, 1977, 1978 гг.) // Маяцкое городище. М.: Наука, 1984.
34. *Плетнева С. А.* Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
35. *Флёров В. С.* Распространение лощеной керамики на территории салтово-маяцкой культуры // Плиска — Преслав. Кн. 2. София, 1981.
36. *Плетньова С. А.* Древните българи в източна Европа // Известия на Българското историческо дружество. 1980. Кн. XXXIII.
37. *Михеев В. К.* Сухогомольшанский могильник // СА. 1986. № 3.
38. *Винников А. З., Пряхин А. Д.* Боршевский курганный могильник на р. Дон // Археологические памятники Лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983.

A. Z. VINNIKOV

CONTACTS OF THE DON SLAVS WITH THE ALAN-BULGARIAN WORLD

Summary

The Don Slavs lives along the fringes of the East Slavonic world and were direct neighbours of the Alan-Bulgars (of the Saltovo-Mayak population). Though discussed by some of the authors (I. Lyapushkin, M. Artamonov, S. Pletneva, M. Moskalenko and others) the problem of contacts of the two etnoses has not yet been studied in depth. The recent materials permit to make a new approach to the problem. One can say that such contacts were evident in trade which was not active, in technological borrowings and in the fact that members of both groups lived in one and the same settlements.

Т. Н. КОРОБУШКИН, И. И. САЛИВОН

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО ПОБУЖЬЯ IX—XIII вв. (по материалам курганных могильников)

Среднее или Белорусское Побужье включает в себя территорию правобережья среднего течения р. Западный Буг со всеми притоками (реки Мухавец, Лесная Рита). Оно представляет собой западную часть Брестской обл. и по современному административному делению включает шесть районов: Кобринский, Жабинковский, Брестский, Малоритский, Пружанский, Каменецкий. В геоморфологическом отношении это Брестское Полесье и Прибужская равнина.

Территория бассейна Западного Буга была густо заселена еще в глубокой древности. В эпоху средневековья ее заселенность также была довольно плотной. Но в связи с сильной распаханностью большое количество курганных могильников погибло. Особенно интенсивному разрушению подвергались археологические памятники в первые десятилетия XX в. в связи с появлением новой сельскохозяйственной техники [1, с. 310] Но несмотря на активную распашку курганов, до нашего времени все же дошло довольно значительное количество археологических памятников (рис. 1).

Интенсивное изучение археологических памятников на этой территории началось в 50-е годы XX в., до этого времени проводились только эпизодические раскопки. Так, в 1911 г. на территории Среднего Побужья С. А. Дубинским было раскопано несколько курганов с каменной обкладкой (деревни Дальные Бацики, Ближние Бацики, Роговка, Цецели, Щиты). В 1959, 1962 гг. Ю. В. Кухаренко и И. П. Русановой было изучено три кургана с трупосожжением у д. Радость, на левом берегу р. Лесная. Эти курганы исследователи датируют VIII—X вв. и считают, что оставлены они волынянами [2, с. 45]. В 1966 г. И. П. Русановой раскапывалось восточнославянское поселение у д. Дружба (Скорбичи), расположенное также на левобережье р. Лесная. В верхних слоях этого поселения ею были вскрыты наземные и слегка углубленные в землю, расположенные группами, на расстоянии 5—10 м одна от другой, жилые постройки с глинобитными печами и печами-каменками. Здесь найдено также большое количество керамики и других вещей IX—X вв. (кресала, ножи, серпы, металлическое шило, стеклянные бусы и др.) Жилища и другие предметы материальной культуры позволили исследователю связать это поселение с восточными славянами [2, с. 45, 46]

В конце 50-х — начале 60-х годов большое количество курганов на данной территории было раскопано И. В. Бирулей (123 кургана), в 1961 г 7 курганов у д. Свищево изучено В. В. Седовым [3, с. 41—43] В 1962 г 2 грунтовых могильника вскрыто Ю. В. Кухаренко у д. Ратайчицы, в 1973 г. 3 кургана раскопано П. Ф. Лысенко у д. Лумна. К настоящему времени на изучаемой территории вскрыто более 200 курганов, из которых 92 исследовано Т Н. Коробушкиной в 1981—1983, 1986—1988 гг Кроме того, ею были изучены все материалы, полученные из раскопок предыдущих исследователей.

Результаты изучения городов (Брест, Дрогичин-Надбужский) позволяют сделать вывод, что в начале XI в. на территории Среднего Побужья появляются

© Т. Н. Коробушкина, И. И. Саливон, 1990 г.

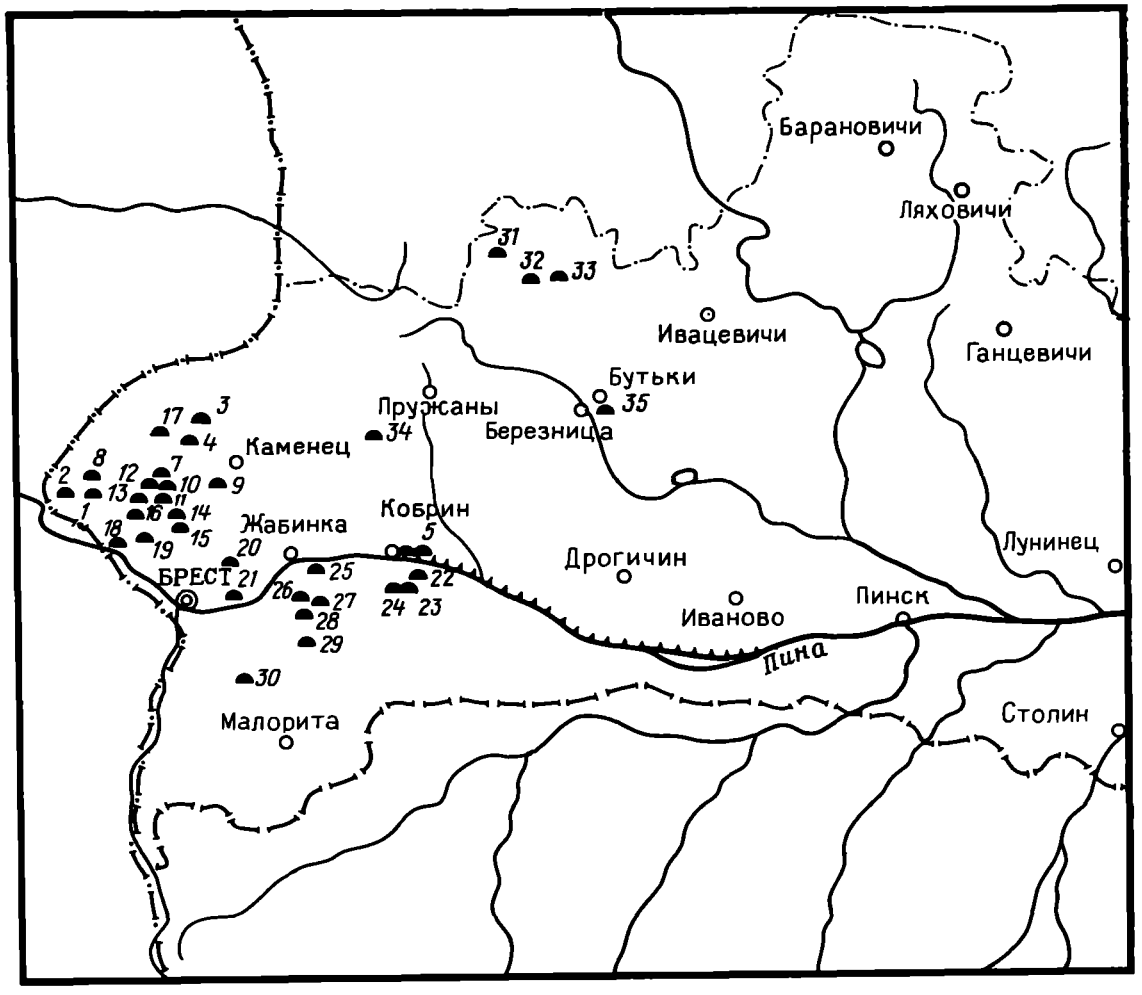


Рис. 1. Расположение курганных могильников Среднего Побужья. *1* — жд. ст. Вербы; *2* — Плянта; *3* — Любашки; *4* — Войская; *5* — Великий лес; *6* — Чемери 1; *7* — Шестаково; *8* — Малые Зводы; *9* — Радость; *10* — Хотиново; *11* — Ратайчицы; *12* — Свищево; *13* — Кустичи; *14* — Тростяница 1; *16* — Гурки; *17* — Лисовчицы; *18* — Малые Щитники; *19* — Кашилово; *20* — Хоритоны; *21* — Щебрин; *22* — Зосимы; *23* — Зосимы 1; *24* — Кисилевцы; *25* — Мышицы; *26* — *28* — Старое Село; *29* — Антоново; *30* — Струга; *31* — Могилевцы; *32* — Байки; *33* — Березница; *34* — Котелки; *35* — Бутьки

города с развитыми ремеслами и торговлей. Их появление было обусловлено дальнейшим развитием производительных сил, а продукция их ремесленников в состоянии была удовлетворить повышенный спрос не только своего населения, но и близлежашей сельской округи. Данные, полученные в результате раскопок древнего Бреста (Берестья) в 1968—1981 гг., свидетельствуют, что город был основан дреговичами [4, с. 7] Но этот важный вывод об этнической принадлежности основателей города будет неполным, если не решить сложный вопрос об этнической принадлежности сельского населения.

Археологическое изучение показывает, что сельское население проживало на открытых поселениях, в 0,5—1 км от курганных могильников (деревни Кустичи, Дружба). Курганы представляют собой песчаные насыпи полусферической формы, обложенные у оснований камнями-валунами или без них, от 1 (д. Байки) до 171 (хут. Гурки) в группе. Высота их 0,3—1,2 м, диаметр 3—13,4 м. В отдельных случаях под дерном курганы имеют вымостку из камней (д. Войская, кург. 28; д. Ратайчицы, кург. 5; д. Шестаково, кург. 4; д. Свищево, кург. 4,7). Курганные группы занимают обычно небольшую площадь (75×50, 90×60 м) и так же, как и поселения, располагаются вблизи водных источников. Важно подчеркнуть, что как в курганах с каменной обкладкой, так и без нее погребения совершены по одному и тому же обряду. В ранних захоронениях VIII—X вв. это

обряд трупосожжения на стороне. В курганах XI—XIII вв. — трупоположение в насыпи, на горизонте или в подкурганной яме; судя по всему, эти различия имеют хронологическую основу. Удалось проследить переход от обряда трупосожжения к обряду трупоположения. Так, в 1981 г. у д. Лисовчицы нами был раскопан курган XI в. с частичным трупосожжением. Погребенный в нем мужчина был обложен бревнами, которые были подожжены во время погребения. Вместе с ними частично сгорели голова и ноги погребенного, и только после этого начали насыпать курган. Следы огня обнаружены у локтя правой руки погребенного в кургане XI в. у д. Бутьки. Как правило, в кургане погребен один человек, но встречаются случаи двойного захоронения: деревни Малые Зводы, Лумна, Хотиново, Ратайчицы, Свищево — в 2 курганах на каждом могильнике; Любашки — в 3, Шестаково — в 1 и 1 тройное, двое взрослых и ребенок — д. Ратайчицы, кург. 14. Все погребенные, за небольшим исключением, имели западную ориентировку. Среди 19 погребенных с восточной ориентировкой есть мужские, женские и детские захоронения.

В курганах с трупоположением в насыпях, на горизонте, а также в подкурганных ямах встречаются угли и зольные пятна, иногда погребения совершены на песчаной или зольно-угольной подсыпке (15—20 см). Зола и угли встречаются над погребениями, у самих погребений и под ними.

В 36 из более чем 200 раскопанных курганов погребения не обнаружены. В некоторых из них они не сохранились, а в отдельных случаях отсутствовали вообще. Важен факт, что курганы без погребений совершены с соблюдением всех правил обрядности. Иногда в них находились даже очень редкие для курганных древностей вещи. Так, в кургане 34 у д. Войская был найден круглый трубчатый замок XII в.

Погребальный инвентарь курганов Среднего Побужья не очень богат, но довольно разнообразен. Встречаются целые горшки, по одному, а в отдельных случаях по два в кургане, они иногда ставились с едой. Так, в кург. 16 у д. Ратайчицы в горшке была обнаружена кость животного. Золу приносили в горшках. У ног погребенной в кург. 22 у д. Свищево стоял перевернутый разбитый гончарный сосуд, заполненный золой с вкраплениями мелких угольков. В этом горшке приносили золу для подсыпки под погребение, но часть золы осталась в разбитом горшке, который поставлен здесь же. Целые горшки найдены чаще всего у ног, реже — у головы или на уровне левой руки погребенного. Вся найденная керамика в основном изготовлена на ручном гончарном круге. Судя по ее обломкам, можно заключить, что иногда горшки разбивали при погребении, в отдельных случаях ставили заранее разбитые горшки (д. Кустичи, кург. 9; Малые Зводы, кург. 2). По размерам горшки из курганов разные — от больших и высоких, как найденный в кург. 5 у д. Малые Зводы (высота без венчика — 24 см, диаметр — 23 см), до самых маленьких (д. Войская, кург. 36) — сосуд высотой 7,5 см, диаметром 9 см (рис. 2, *23*). По тулову горшки имеют рифление, венчики отогнуты наружу. Погребения сопровождают ножи (рис. 2, *16*), кресала (рис. 2, *14, 15*), булавки (рис. 2, *22*), шпоры (рис. 2, *19*), перстни (рис. 2, *3, 20*), зерненые металлические бусы (рис. 2, *1*), серебряные и свинцово-оловянные проволочные височные кольца (рис. 2, *8, 10*), бронзовые бубенчики, стеклянные бусы, золоченые, посеребренные и цветные (рис. 2, *5—7*), сланцевые пряслица (рис. 2, *24, 25*), дужки, обручи, ушки деревянных ведер. Как правило, женские погребения богаче мужских, в которых кроме керамики встречаются ножи, реже — кресала, точильные бруски, шпоры, перстни, проволочные кольца, поясные пряжки (рис. 2, *17*). Деревянные ведра найдены у ног мужских погребений (д. Ратайчицы, кург. 9; д. Свищево, кург. 19).

Для определения этнического состава населения изучаемой территории кроме деталей погребального обряда (песчаные и зольно-угольные подсыпки) особо важное значение приобретают найденные в курганах этноопределяющие вещи. К ним прежде всего следует отнести металлические зерненые бусы (рис. 2, *1*), трехбусинные височные кольца киевского типа (рис. 2, *9*) (деревни

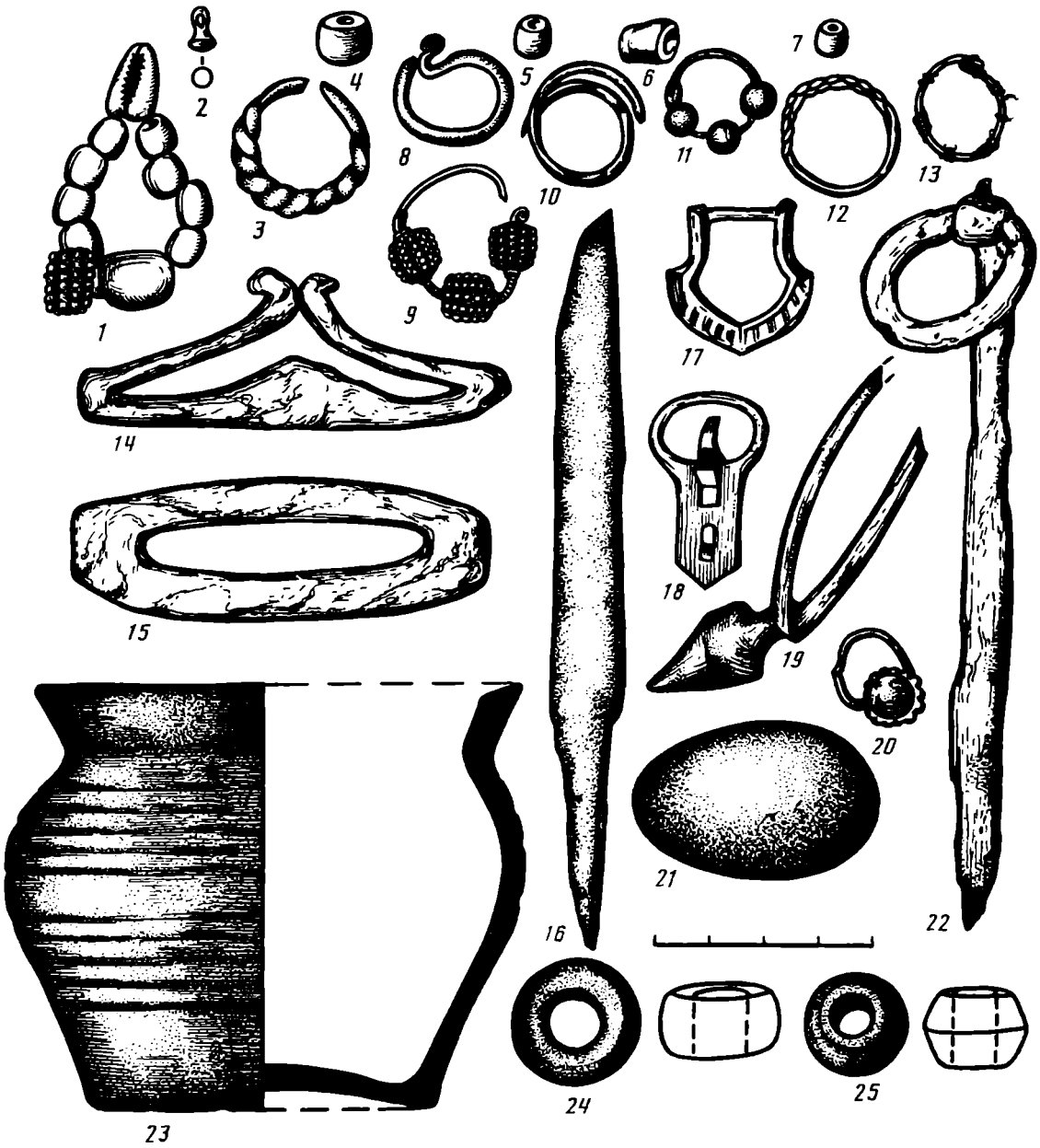


Рис. 2. Погребальный инвентарь из курганов Белорусского Побужья. *1* — Ратайчицы, кург 20; *2* — Кустичи, кург 11, *3* — Войская, кург 22; *4,9* — Войская, кург 3; *5—7* — Войская, кург 30; *8* — Свищево, кург 6; *10* — Войская, кург 37; *11* — Кустичи, кург 12; *12, 23* — Войская, кург 36; *13* — Кустичи, кург 20; *14, 15* — Ратайчицы, кург. 13; *16* — Гупки, кург 19; *17* — Ратайчицы, кург. 4; *18* — Тростяница, кург. 5; *19, 20* — Ратайчицы, кург 18, 24; *21* — Хотиново, кург 20; *22* — Тростяница, кург 5; *24* — Хотиново, кург 13; *25* — Кустичи, кург 15

Войская, Роговка, Ратайчицы, Тростяница, Свищево, Любашки) Кроме трехбусинных височных колец с зерненными бусами найдены височные трехбусинные кольца с пустотелыми гладкими бусами (рис. 2, *11*), которые, вероятнее всего, изготовлены местными мастерами по киевским образцам. Зерненые бусы дреговичского типа и трехбусинные височные кольца с зерненными бусами являлись в древности дорогостоящими украшениями. Не случайно они даже при раскопках древних городов встречаются редко и значительно реже — на сельских поселениях и в могильниках. Для сравнения следует сказать, что за 14 лет работы в древнем Бресте была найдена всего одна зерненая бусина. В курганах сельских могильников Побужья такие находки обнаружены только на несколь-

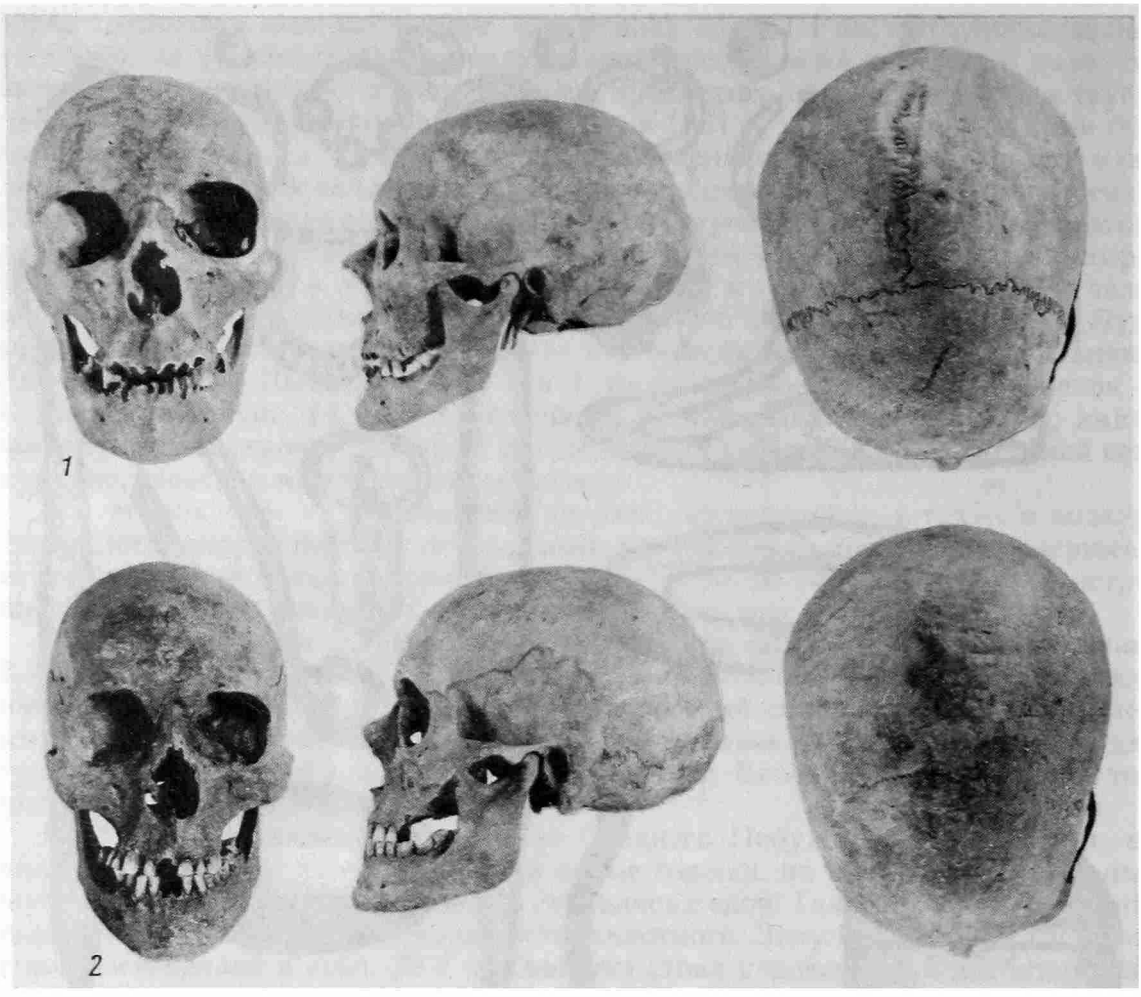


Рис. 3. Черепа из курганного могильника XII в. у д. Малые Зводы. *1* — женский (кург. 4); *2* — мужской (кург. 8)

ких памятниках. Выявление деревянных ведер в курганах также связывают с восточнославянскими племенами, дреговичами и радимичами [5, с. 75]. Многолетнее изучение курганов Среднего Побужья дает основание утверждать, что основная масса этих памятников оставлена дреговичами, за исключением тех, которые можно связать с волынянами. О дреговичской принадлежности населения указанной территории свидетельствует как погребальный обряд, так и инвентарь. Отдельные случаи восточной ориентировки — почти обычное явление на большинстве памятников не только дреговичской, но и кривичской и радимичской территории [6, с. 21, 22] Такое явление наблюдается и в других восточнославянских регионах. Погребения с восточной ориентировкой в незначительных количествах обычны на любом восточнославянском могильнике II тыс. н. э. [7, с. 98, 104]. Применение камней-валунов при сооружении курганов на территории Среднего Побужья можно объяснить их обилием, особенно в Каменецком р-не, где находится основное количество курганов с каменной обкладкой. Логично объяснить применение валунов при насыпке курганов с целью придания им большей монументальности, неуязвимости, долговечности. Во всем этом можно видеть заботу жившего здесь населения о его предках. Нельзя согласиться с мнением отдельных исследователей, считающих, что курганы Среднего Побужья оставлены славянизированными ятвягами [8, с. 119—122] лишь по таким деталям погребального обряда, как наличие каменной обкладки у оснований и, в очень редких случаях, вымостки под дерном, так как весь погребальный инвентарь и обряд свидетельствуют об их восточнославянской принадлежности. Применение камней при сооружении курганов свойственно не только ятвягам, но

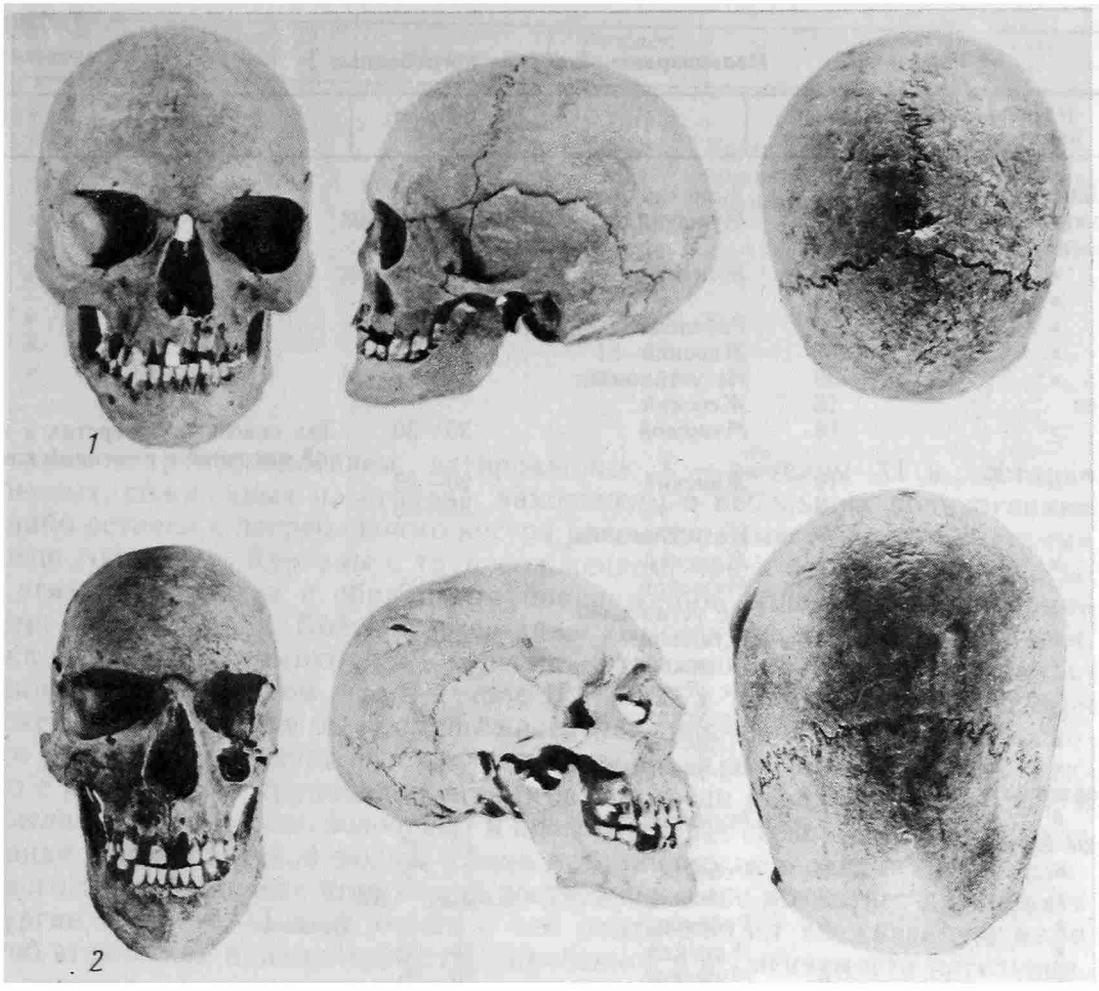


Рис. 4. Черепа из курганного могильника XII в. у д. Тростяница. *1* — женский (кург. 9); *2* — мужской (кург. 15)

и другим западным балтам, а также восточнобалтским племенам, финно-уграм, новгородским словенам и в отдельных случаях бесспорно восточнославянскому населению. Более того, на этой территории мы не знаем ни более ранних ятвяжских памятников с трупосожжением, которые есть на собственно ятвяжской территории, ни более поздних, начала II тыс. Изучение же ранних курганных могильников с трупосожжением на этой территории дает основание сделать вывод, что сооружены они восточнославянскими племенами. Таковыми, например, являются курганы VIII—X вв. у д. Радость. Изученные нами в последние годы могильники с указанным обрядом погребения у деревень Березница (VI—VIII вв.), Струга (VIII—IX вв.), Шебрин (VIII—X вв.), за исключением обломков лепной керамики, не содержали находок. Они насыпаны без включения камней, сожжения производились на стороне. Относить их к западнобалтским ни по каким признакам нельзя. Что же касается более поздних курганов с сожжением, выявленных на могильниках, где основная их масса сопровождается трупоположением, то они убедительно свидетельствуют о том, что в начале II тыс. на этой территории произошла смена обряда, но не было смены населения. Эти курганы, датированные X — началом XI в., по своей конструкции повторяют более поздние курганы с трупоположением. Такие курганы встречаются у деревень Ратайчицы (кург. 20), Войская (кург. 17, 18), Хотиново (кург 7), Кустичи (кург. 7, 20). Кроме того, важное значение имеют результаты изученного нами кургана с частичным трупосожжением у д. Лисовчицы, которые не только свидетельствуют о том, что у одного и того же населения происходила смена обряда, но и дают возможность установить на этой территории время перехода от обряда трупосожжения к обряду трупоположения.

Таблица 1

Половозрастной состав погребенных

Название памятника	Номер кургана	Пол	Возраст, лет	Примечание
Большой Зосин		Женский	30—35	
Бутьки	1	Мужской	Старше 60	
Войская	32	»	30—35	
»	33	Женский	35—40	
»	35	»	20—25	
»	36	Ребенок	1,5	
»	37	Женский	45—50	
»	38	Не установлен		
Гурки	16	Женский		
»	18	Мужской	25—30	Два сквозных отверстия в правой височной и теменной костях
»	19	Женский	20—25	
Кустичи	8	»	55—60	
»	9	Не установлен		
»	11	Женский		
»	12	Мужской	До 25	
»	13	Не установлен		
»	14	Мужской	40—45	
»	15	Женский		
»	16	Не установлен		
»	18	Не установлен	6—7	
»	21	Мужской		
»	23	Не установлен		
Лисовщицы	1	»		
»	2	Мужской		
Малые Зводы	1	»	40—45	
»	2	Ребенок	7—7,5	
»	3	Женский	Свыше 55	
»	4	Ребенок	2	Двойное
»		Женский	45—50	
»	5	Мужской	20—25	
»		»	45—50	
»	6	Ребенок	5	
»	7	Мужской	до 25	
»	8	»	40—45	
»	9	Мужской	50—60	Нет лицевой части
»	10	Женский	30—40	Проникающее отверстие в левой теменной кости (возможно, копьем, стрелой), вокруг костный валик — следы зарастания раны
Могилевцы	1	Женский		
Свищево	22	Женский	До 25	В левой височной кости сквозное отверстие округлой формы
»	23	»	До 30	Двойное
»		Мужской	Старше 50	
Тростяница	8	Женский	20—25	
»	9	»	20—25	
»	10	Мужской	50—55	
»	11	»	30—35	Следы рубленого ранения (возможно, мечом?) в правой теменной кости с грубой костной мозолью вокруг раны. Долгое время жил после ранения
»	12	»	45—50	
»	13	Женский	50—60	
»	14	»	60—70	
»	15	Мужской		
»	16	»	30—35	
»	17	»	20—25	
»	18	»	18—20	
Хотиново	11	Женский	35—40	
»	13	»		

Название памятника	Номер кургана	Пол	Возраст, лет	Примечание
	14			
	15		30—35	Кости черепа (грудного или новорожденного ребенка) между тазовыми костями
	16	Мужской	45—50	
	17	»	20—25	
	18	Женский	18—20	
	19	»		
	20	»	18—20	
	21	Мужской	30—40?	

В курганах с трупосожжением, датированных X — началом XI в., останки погребенных, сожженных на стороне, захоронены в небольших подкурганных ямах, либо останки с погребального костра рассыпаны вместе с золой и углями на уровне горизонта. Курганы с трупосожжением, как и более поздние насыпи на этих могильниках с обрядом трупоположения, обложены у оснований камнями. Курган 18 у д. Войская имел даже вымостку из камней под дерном. Изредка вымостки встречаются и в курганах с трупоположением. Подтверждением наших выводов о том, что в начале II тыс. н. э. на территории Побужья была смена обряда, но не было смены населения, являются результаты раскопанного у д. Ратайчицы кург. 20 с трупосожжением. Кроме общности конструкции его с курганами с трупоположениями в нем среди пережженных костей и углей были найдены восемь золоченых и посеребренных стеклянных бусин, одна стеклянная цилиндрической формы и одна металлическая зерненая бусина дреговичского типа. Комплекс этих вещей достаточно четко позволяет датировать этот курган началом XI в. и вместе с тем подтверждает высказанную нами мысль об этнической принадлежности погребенной и несменяемости населения. Еще в дореволюционное время учеными было высказано мнение о заселенности Среднего Побужья дреговичами. Одни из них считали, что Среднее Побужье было заселено дреговичами, только на основании топонимических данных (Н. П. Барсов), другие (В. В. Завитневич), учитывая археологические источники, имевшиеся в то время, доводили западную границу дреговичей только до Пинска. Советские ученые А. В. Успенская и Е. И. Тимофеев [9, с. 18; 10, с. 73] на основании археологического материала сделали вывод, что не только территория Среднего Побужья в древнерусский период была заселена дреговичами, но и их западная граница уходила даже на левобережье Западного Буга. Это мнение разделяют и польские археологи А. Каминский и К. Мусянович [11]

Нашим выводам относительно принадлежности изучаемого населения к дреговичам не противоречат заключения антропологов, изучавших эти материалы. Собранная нами во время раскопок 1981—1983 и 1986 гг. краниологическая коллекция была изучена доцентом кафедры анатомии, гистологии и эмбриологии медицинского факультета Вильнюсского государственного университета Г А. Чеснисом по неметрическим (дискретно варьирующим) признакам [12, с. 53, 54] При осмотре коллекции он обратил внимание на существенные визуальные отличия нашей коллекции от изученных им ранее западнобалтских серий того же периода, выражающиеся в значительно меньшей массивности черепов из раскопанных нами курганов. Изучение характера распространения наследственно обусловленных неметрических признаков среди черепов из курганных могильников X—XVI вв. с территории Белоруссии (с включением и наших материалов) позволило Г А. Чеснису сделать вывод об общности генофонда населения южной, центральной и западной областей. По комплексу рас-

Средние величины черепа у средневекового населения Белоруссии и белорусско-литовского пограничья

Территория, хронология	Пол	№	Условные обозначения								
			1	8	17	5	9	51	52	54	55
Курганные могильники X—XIII вв. Брестской обл.	М	24	183,6	136,5	131,4	100,0	95,0	40,5	32,3	24,2	49,5
	Ж	17	176,5	132,4	128,7	97,1	91,8	39,8	31,3	22,6	47,7
Курганные могильники Гродненской обл. X—XIII вв.	М	17	184,9	138,7	134,4	101,8	95,9	39,7	31,5	24,2	50,5
	Ж	21	177,2	138,8	127,8	96,6	91,2	38,8	31,6	23,6	48,2
Грунтовый могильник г. Новогрудка конца XI—начала XII в.	М	29	188,5	140,1	138,1	106,6	99,2	41,5	31,8	25,4	52,5
	Ж	12	178,5	136,2	130,3	99,3	93,7	39,4	31,7	24,2	48,0
Сборная серия с западной территории дреговичей X—XIII вв.	М	33	189,9	136,3	135,7	104,7	94,9	41,7	31,0	25,7	50,5
	Ж	14	176,5	131,3	130,3	98,5	98,7	40,6	31,9	24,9	47,5
Сборная серия с территории радимичей X—XII вв.	М	37	186,3	137,3	136,1	103,3	94,1	41,6	31,7	25,7	50,3
	Ж	17	177,5	132,5	127,7	94,9	93,1	39,2	30,9	23,9	48,5
Сборная серия с территории смоленских кривичей X—XII вв.	М	43	184,7	133,1	134,6	101,9	95,6	42,6	32,0	25,0	49,8
	Ж	31	176,9	132,8	127,7	94,4	94,8	40,8	32,7	24,7	46,8
Сборная серия с территории полоцких кривичей XI—XIV вв.	М	29	189,8	138,4	135,8	104,3	98,4	42,0	30,7	25,5	49,7
	Ж	4	179,2	134,8	132,3	96,0	95,0	—	—	—	—
Серия из грунтового могильника Якштайчяй XIV—XVII вв.	М	—	183,6	141,2	135,8	103,1	95,2	42,2	31,4	24,2	51,0
	Ж	—	178,8	135,2	132,3	99,9	92,5	40,8	32,9	23,8	48,1

Таблица 3

Обобщенные расстояния (ОР) межгрупповых различий по форме черепа

Мужские серии				Женские серии			
Брестская курганная серия		Якштайчайский могильник		Брестская курганная серия		Якштайчяйский могильник	
сравниваемая серия	ОР	сравниваемая серия	ОР	сравниваемая серия	ОР	сравниваемая серия	ОР
Гродненская курганная	0,1369	Радимичская	0,1763	Новогрудский могильник	0,1471	Дреговичская западная	0,2586
Дреговичская западная	0,2023	Дреговичская западная	0,2147	Радимичская	0,2012	Новогрудский могильник	0,2586
Новогрудский могильник	0,2407	Кривичская смоленская	0,2366	Кривичская смоленская	0,2862	Кривичская смоленская	0,3482
Кривичская смоленская	0,2498	Новогрудский могильник	0,2699	Якштайчайский могильник	0,3537	Брестская курганная	0,3537
Радимичская	0,2720	Брестская курганная	0,3213	Дреговичская западная	0,4538	Радимичская	0,3943
Якштайчайский могильник	0,3213	Гродненская курганная	0,3255	Гродненская курганная	0,4581	Гродненская курганная	0,4691

Таблица 2

признаков, по Р. Мартину											
40	45	48	DS	DC	SS	SC	32	72	75 [1]	77	Зига-макс. угол
97,1	130,1	69,1	12,8	21,4	4,9	9,3	82,5	85,7	28,7	136,1	121,3
89,7	124,1	64,1	11,6	21,1	4,3	8,9	84,2	87,5	26,3	135,1	125,4
100,5	132,7	69,0	12,9	22,9	4,6	10,3	86,7	85,4	31,1	139,0	127,3
91,1	122,2	63,0	14,1	26,6	4,4	9,2	85,4	86,7	29,5	136,6	124,9
101,5	132,5	70,6	14,9	23,1	4,8	10,0	81,9	84,2	28,3	137,6	125,5
95,1	124,1	66,0	12,1	21,8	4,1	10,3	87,7	84,6	25,9	137,4	127,0
99,6	132,7	69,0	13,4	21,8	4,7	9,5	83,3	84,5	28,2	136,4	127,0
94,5	124,7	63,6	11,3	20,0	3,5	8,4	85,4	83,9	20,3	138,8	124,4
98,5	131,7	69,1	11,6	19,9	4,7	8,5	82,8	84,3	29,0	137,5	124,6
92,3	123,1	63,2	12,0	22,2	3,7	9,0	87,8	84,2	26,0	138,6	123,7
99,0	132,2	68,1	11,9	21,3	4,2	9,1	83,4	83,9	27,5	138,4	126,9
92,1	125,7	63,4	10,6	21,1	4,0	9,4	87,1	83,9	22,3	139,1	129,3
99,7	135,6	67,4	13,5	21,1	5,1	9,7	83,7	85,9	32,0	138,8	124,5
—	126,0	—	—	—	—	—	—	—	—	141,3	—
98,2	133,3	66,6	12,3	20,8	4,3	8,4	82,2	84,0	33,0	140,9	125,1
96,4	124,2	63,6	11,1	20,4	3,5	8,8	84,2	79,6	25,4	140,5	122,8

смотренных признаков были выявлены наиболее генетические различия между населением в первую очередь юго-западного и северо-восточного регионов. Сравнение их с краниологическими сериями XIV—XVI вв. с территории литовско-белорусского пограничья (д. Войстом и Ланкишки) показало наибольшую близость последних групп к центральной и южной группам, несколько меньшую — к западной и существенное отличие от северной и восточной.

Измерения черепов нашей курганной серии, произведенные И. И. Саливон по традиционной краниометрической программе, показали, что они в целом имеют средние размеры; костный рельеф даже на мужских черепах выражен нерезко (рис. 3, *2*; 4, *2*). Определение пола осуществлялось с учетом закономерностей половых различий в строении черепа, а биологического возраста — на основании оценки степени стертости зубов и облитерации швов (табл. 1).

Были исследованы материалы из 61 погребения, из них: 24 (39,3% принадлежали мужчинам, 26 (42,6%) — женщинам, 5 (8,1%) — детям в возрасте от 1,5 до 8 лет, в 6 (10%) случаях пол и возраст не определены из-за крайней фрагментарности костных остатков взрослых людей. Средний биологический возраст погребенных мужчин равняется 37,3 года; среди них до 25 лет — 26,3%, старше 50 лет — 21,5%, от 25 до 50 лет — 52,2%. Средний возраст погребенных женщин достигает 36,2 года, из них в возрасте до 26 лет умерло 27,8%, старше 50 лет — 16,7%, от 25 до 50 лет — 55,5%. Таким образом, среди взрослого населения исследованной популяции отмечается более высокая и в более молодом возрасте смертность женщин.

Чтобы определить место серии среди средневекового населения Восточной Европы, мы провели сравнение прежде всего с территориально близкими

группами сначала по абсолютным величинам наиболее важных в расово-диагностическом отношении признаков (табл. 2), затем по формуле Л. Пенроза, позволяющей оценить обобщенное (по 16 размерным признакам) расстояние между группами по форме черепа. Для сравнения привлечены данные по курганным сериям X—XIV вв. с территории смоленских кривичей, радимичей, западной ветви дреговичей [13, с. 301, 302] и полоцких кривичей [14], данные о населении, оставившем грунтовый могильник конца XI — начала XII в. в Новогрудке [15, с. 92—100; 16, с. 36—39], а также наши неопубликованные данные о населении X—XIII вв. из раскопанных К. В. Павловой 16 курганов в окрестностях г. Новогрудка и близлежащих селах (Ботаревка, Бретянка, Брольники, Городиловка, Орловичи, Сулятичи), обозначенные нами в таблице как курганные могильники Гродненской обл. В качестве материалов из курганных могильников Брестской обл. представлена суммарная серия из раскопок Т. Н. Коробушкиной, а также из раскопок, проводившихся в 60-х годах В. В. Седовым в д. Свищево (4 черепа) и И. В. Бирулей в д. Войская (7 черепов). Кроме того, нами использованы данные по населению белорусско-литовского пограничья (серия из грунтового могильника XIV—XVI вв. Якштайчай) [17, с. 264, 265]

Из всех сравниваемых серий наша выделяется минимальными размерами черепа и наиболее выраженной европеоидностью черт по комплексу признаков, характеризующих строение носа и горизонтальную профилировку лица (табл. 3). По абсолютным величинам размеров мозгового и лицевого отделов черепа наибольшая степень сходства обнаруживается с курганной серией из Гродненской обл. Более поздняя и наиболее удаленная территориально иноэтничная серия из Якштайчай отличается от всех сравниваемых серий менее долихокранной формой головы, более широким скуловым диаметром, наиболее выступающим носом при небольшом уплощении лица в верхней части.

При сравнении серий по комплексу признаков [1] методом обобщенных растений (ОР) Пенроза, позволяющим учитывать сходство по форме черепа независимо от его размеров, оказалось, что диапазон различий среди мужских серий невелик — в 2 раза, чем среди женских (табл. 3). Он представлен у мужчин минимальной величиной ОР-0,1155 и максимальной — 0,3788, а у женщин — соответственно 0,1165 и 0,7097 Наиболее сходными оказались мужские группы Новогрудка — западных дреговичей и женские Новогрудка — радимичей, так как имеют минимальные показатели ОР. Более всего отличаются мужская группа Гродненской обл. от радимичской, а женская курганная группа Гродненской обл. от новогрудской. В пределах этих различий мужские черепа нашей Брестской серии более всего сходны с курганной гродненской (ОР-0,1369) и западных дреговичей (ОР-0,2023) а женские — с новогрудской (ОР-0,1471) и радимичской (ОР-0,2012). У женщин несколько иное направление различий, чем у мужчин, а именно: наша серия более всего отличается от гродненской курганной (ОР-0,4581) и западных дреговичей (0,4538) а также несколько меньше — от якштайчайской (0,3482).

Значительное сходство мужских серий сельского населения, погребенного в курганах Брестчины и Гродненщины, со сборной серией западной ветви дреговичей позволяет включить их в единый генофонд. Более высокий (втрое выше) уровень различий между курганными женскими сериями, с одной стороны, брестской и гродненской — с другой, со сборной дреговичской может быть следствием включения иноэтничных женщин (представительниц иного генофонда) в круг брачных связей славян при их расселении.

Самая высокая степень сходства между сельским населением XI—XIII вв., оставившим курганные могильники на территории Брестской и соседней Гродненской области, позволяет говорить об их генетическом родстве и формиро-

---

[1] Серия полоцких кривичей, значительно отличающаяся по абсолютным размерам от нашей серии и тяготеющая к кругу массивных северных европеоидов, не привлекалась для сравнения.

вании генофонда на общей основе. Реальность отличия населения юго-западного региона от восточного и северного по исследованным нами краниометрическим признакам подтверждается и по другим системам признаков, варьирующих независимо друг от друга как среди хронологически одновременного (X—XVI вв.), так и у ныне живущего населения БССР [18]. Отмечен наиболее высокий уровень различий между белорусами Брестской и Витебской областей по направлению юго-запад — северо-восток по четко генетически детерминированным признакам: распределению групп крови системы АВО, чувствительности к фенилтиокарбамиду, цветоощущению, пигментации. Комплекс этих и других признаков у населения Брестской обл. указывает на направление генетических связей с территорией Западной Европы и преемственность антропологического типа с X в. на протяжении всего II тыс. н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. География Белоруссии / Под. ред. В. А. Дементьева. Минск: Высш. шк., 1977
2. *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. 1973. Вып. Е1-25.
3. *Седов В. В.* Из полевых исследований 1961 г. Свищевские курганы // КСИА. 1963. Вып. 96.
4. *Лысенко П. Ф.* Берестье. Минск, 1985.
5. *Соловьева Г Ф.* Славянские курганы у с. Ботиновка Гомельской области // КСИА. 1982. Вып. 171.
6. *Гуревич Ф. Д.* О восточной ориентировке славянских погребений // КСИА. Вып. 126.
7. *Соловьева Г. Ф.* К вопросу о славянской ориентировке погребенных в славянских курганах IX—XIII вв. // СА. 1963. № 2.
8. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М.: Наука, 1982.
9. *Успенская А. В.* Белорусское Полесье в X—XIII вв.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1953.
10. *Тимофеев Е. И.* Расселение юго-западной группы восточных славян // СА. 1961. № 3.
11. *Musianowicz K.* Granica masowiecko-drehowicka na Podlasiu we wczesnym średniowieczu // Materialy wczesnośredniowieczne. T. V Warszawa, 1960.
12. *Чеснис Г., Чаквин И.* Использование неметрических краниологических признаков в этногенетических исследованиях (по палеоантропологическим материалам X—XVI вв. с территории БССР // Glasnik antropološkog drustva Jugoslavije. Sv. 23. Beograd, 1986.
13. *Алексеева Т. И.* Этногенез восточных славян (по данным антропологии). М.: МГУ, 1973.
14. *Дэбец Г Ф.* Чарапы Люцынскага магільніку старажытных славян Беларусі і месца апошніх у палеантрапалогіі Усходняй Еуропы // Працы секцыі археологіі Ін-та гісторы БАН. Т. III. Мінск, 1932.
15. *Саливон И. И.* Краніологічна характеристика середньовічного населения м. Новогрудка // Материалі з антропології Україні. Вып. 5. Київ: Наук. думка, 1971.
16. *Павлова К. В.* Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка // КСИА. 1967. Вып. 110.
17. *Sesnys G.* Jakstaiciu XIV—XVII a. Gyventoju paleodemografija ir antropologija // Tietuvos archeologija. I. Vilnius: Mokslas, 1979.
18. *Саливон И. И., Тегако Л. И., Микулич А. И.* Очерки по антропологии Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1978.

T. N. KOROBUSHKINA, I. I. SALIVON

THE COUNTRYSIDE POPULATION IN THE MIDDLE BUG IN THE 9TH-13TH CENTURIES (ON THE MATERIALS FROM KURGAN BURIALS)

Summary

The vast body of archaeological and anthropological material collected in the middle Bug permits the authors to conclude that in the early second millennium A. D. there occurred a change in the burial rite: cremation ceded place to enterrment. It should be indicated that this change was not accompanied by a population change and different constructions of kurgan burials. They belonged to Dregovichi, one of the East Slavic tribes. Anthropological materials support this conclusion. They testify that the countryside population of Grodno region in the 9th-13th centuries was close to the population that had left the kurgans and that they belonged to one and the same gene pool.

Дискуссии

В. И. ВАСИЛЬЕВ

О СТАТЬЕ Н. Л. ЧЛЕНОВОЙ «ВОЛГА И ЮЖНЫЙ УРАЛ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНИХ ИРАНЦЕВ И ФИННО-УГРОВ ВО II — НАЧАЛЕ I ТЫС. ДО Н. Э.»

Указанная статья Н. Л. Членовой написана на основе привлечения обширного круга разнообразных источников из области этнографии, лингвистики и археологии. Автор вполне свободно владеет этим материалом и проявляет завидную эрудицию в аргументации своей гипотезы, что придает статье безусловный познавательный интерес. Жаль только, что сама гипотеза Н. Л. Членовой заранее запрограммирована.

На основе далеко не очевидного мнения о том, что создатели срубной и андроновской культур по своей языковой принадлежности были иранцами, Н. Л. Членова строит всю канву своей статьи. Исходя из того, что финно-угры являлись древнейшими обитателями Среднего Поволжья и Приуралья, а во II — начале I тыс. до н. э. эта территория была «густо заселена племенами срубной культуры», автор делает непререкаемый вывод о том, что именно в данном регионе и именно в очерченную ею эпоху и происходили контакты финно-угров и иранцев. На этом весьма гипотетическом основании строится еще один не менее гипотетический вывод: следы конкретных контактов иранцев и финно-угров сохранились в наименовании и почитании р. Волги и горы Иремель на Южном Урале. В качестве главных источников для своих построений Н. Л. Членова привлекает Ригведу и Авесту. Небесная р. Раса Ригведы и столь же мифическая р. Рангха Авесты сопоставляются Н. Л. Членовой с Волгой.

Заметим, однако, что с аргументацией, приводимой в доказательство правомерности подобных сопоставлений, автор обращается более чем вольно. Утверждение Авесты о том, что Рангха стекает с гор Хара Березайти, с высочайшей вершины этих гор, находит у Н. Л. Членовой такое объяснение: в качестве истока Волги древние и средневековые географы считали р. Белую. Белая — река, берущая свое начало с Южного Урала, следовательно, горы Хара Березайти это и есть Южный Урал, а гора Хукарья (одна из вершин мифической горной страны) в действительности — гора Иремель. Число подобных примеров можно было бы при желании увеличить.

С моей точки зрения, под реками Раса и Рангха индийских и иранских источников с не меньшей доказательностью можно подразумевать реки Иртыш или Обь. Обе эти реки берут свое начало действительно, если не с «высочайших», то несомненно с высоких гор, у их истоков зимой свирепствуют «сильные морозы». Обь впадает в губу «тысячью протоков», а то обстоятельство, что море, в которое она впадает, расположено не к югу, а к северу от гор Хара, можно объяснить недостатком географических знаний о Северной Сибири во времена Ригведы и Авесты.

В бассейнах притоков таежной Оби в изобилии водятся бобры (что, кстати,

© В. И. Васильев, 1990 г.

подтверждается тем, что большинство примеров в отношении культа бобров у древних иранцев Среднего Поволжья автор черпает из литературы по духовной культуре хантов и манси — коренных обитателей бассейнов Оби и Нижнего Иртыша).

Наконец, именно Прииртышье было регионом этнических контактов скифо-сарматов и угро-самодийцев еще в конце I тыс. до н. э. [1]

Таким образом, обе эти реки или любая из них куда более отвечают тем условиям, на основании которых Н. Л. Членова делает вывод о соответствии Волге мифических рек Ригведы и Авесты.

Но, как я уже писал выше, автор увлеченный своей гипотезой и уверовавший в ее аксиоматичность, иные версии в своей статье не рассматривает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Корякова Л. Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск, 1988.

Д. С. РАЕВСКИЙ

К СТАТЬЕ Н. Л. ЧЛЕНОВОЙ «ВОЛГА И ЮЖНЫЙ УРАЛ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНИХ ИРАНЦЕВ И ФИННО-УГРОВ ВО II — НАЧАЛЕ I ТЫС. ДО Н. Э.»

Статья Н. Л. Членовой находится в русле достаточно уже давней научной традиции, связанной с изучением тех следов, которые оставили в культуре индоиранских и финно-угорских народов контакты между их предками в эпоху их предполагаемого обитания на смежных территориях Восточной Европы (и, возможно, Северо-Западной Азии) Обширную литературу имеет и вопрос о правомерности отождествления р. Рангхи древней индоиранской мифологической традиции с Волгой. Таким образом, сама постановка вопроса в статье не является принципиально новой. Новизна статьи проявляется в стремлении, во-первых, значительно конкретизировать, уточнить выводы из указанной концепции, а во-вторых, привлечь новые материалы для ее подтверждения. Что касается второго момента, то привлеченные материалы, без сомнения, представляют определенный интерес. Однако, на мой взгляд, решающее слово при оценке убедительности содержащейся в статье интерпретации различных данных должно принадлежать лингвистам, фольклористам и этнографам. Археологические материалы привлечены Н. Л. Членовой в весьма малой степени, причем, к сожалению, даже в тех случаях, когда их использование весьма желательно и могло бы подтвердить отдельные построения автора. Некоторые соображения на этот счет будут предложены ниже.

Что же касается попытки Н. Л. Членовой дать предельно конкретную интерпретацию некоторых мифологических мотивов, то она вызывает у меня серьезные возражения, на которых я и остановлюсь в этой заметке, хотя и в этом моменте основную оценку, конечно, должны дать специалисты по индоиранским вербальным источникам.

Мне представляется весьма уязвимым стремление автора (свойственное, кстати, и некоторым другим работам Н. Л. Членовой) излишне прямолинейно увязать между собой содержание мифологических текстов и историческую, географическую и иную реальность, недостаточно учитывающее природу этих текстов, сам механизм формирования мифологической традиции. Автор рассматривает миф как пусть и специфическое по характеру, но в конечном счете вполне

© Д. С. Раевский, 1990 г.

достоверное отражение этой реальности, позволяющее практически каждому мотиву найти реальный «прототип», отвечающий всем запечатленным в мифе характеристикам. Поиски такого соответствия ведутся на всех уровнях — от общей конструкции до мелких деталей. Приведу один хотя и не самый важный, но предельно показательный пример такого подхода.

Трактуя мифическую р. Рангху как (следуя снизу вверх по течению) Нижнюю Волгу, Нижнюю Каму и р. Белую, Н. Л. Членова уделяет специальное внимание тому факту, что исток Белой находится «у горы Иремель, одной из двух высочайших вершин Южного Урала». С другой стороны, она принимает предложенное в свое время Г Нюбергом отождествление Рангхи с Ардви Сурой, которая — в тех случаях, когда она осмысляется в образе великой реки — описывается как берущая начало на горе Хукарья, высочайшей вершине мифических гор Хара Березайти. По мнению Н. Л. Членовой, даже свидетельство мифа о высоте Хукарьи, «обозначенной в „Авесте" как „высота тысячи мужей",— это не какое-то круглое число, означающее „очень высокая", а вполне соизмеримое с реальной высотой этой горы (Иремель.— *Д. Р.*) — 1586 м над уровнем моря, около 1300 м над уровнем окружающей местности» (с. 230), что якобы подтверждает правомерность отождествления Хукарьи с Иремелью, а значит, и конкретную локализацию истока Рангхи.

Такое обращение с мифологическими и вообще фольклорными свидетельствами представляется совершенно недопустимым, что в данном случае подтверждается и конкретными цифрами, по существу прямо опровергающими метод, примененный автором. Естественно, что древние обитатели Южного Урала не могли оперировать данными о высоте той или иной точки «над уровнем моря», а соотносили ее положение исключительно с окружающими объектами. О какой же «соизмеримости с реальной высотой» горы Иремель содержащихся в «Авесте» данных можно говорить, если «рост мужа», призванный служить единицей измерения величины высочайшей горной вершины, оказывается равен... 130 см?! Конечно, «рост тысячи мужей» — чисто фольклорное по природе указание на исключительные размеры описываемого объекта, не имеющее никакого отношения к реальным величинам и не дающее оснований для идентификации этого объекта.

Единичный опыт такой идентификации не заслуживал бы столь подробного разговора, но дело в том, что последовательное применение подобного метода — стремление найти реальный «прототип» каждого элемента мифической картины: горы, стекающей с нее реки, климата в области, где берет начало эта река, и т. д.— сочетается в статье Н. Л. Членовой с полным невниманием к особенностям этой картины как *целостной структуры*, к ключевым элементам этой структуры. К примеру, одним из определяющих ее моментов,— что наглядно показали в специальной работе Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский [1],— является характеристика Хара Березайти (гор, составным звеном которых выступает Хукарья) и их индийского (Меру) и скифского (Рипеи) соответствий как горной цепи, тянущейся в широтном направлении *вдоль всей северной границы обитаемого мира* и именно потому (а вовсе не вследствие локальных климатических особенностей конкретной местности в окрестностях горы Иремель) связанной с представлением о страшных морозах. Не случайно с этими горами в индоиранских традициях связан комплекс представлений, трактуемых современными исследователями как реминисценции знакомства с полярными явлениями. Все эти характеристики никак не вяжутся с Южным Уралом, куда стремится поместить исток мифической (или полумифической) Рангхи Н. Л. Членова.

Если уж пытаться искать реальный ландшафтный прообраз мифических северных (именно так!) гор арийской традиции, то более убедительной представляется гипотеза С. В. Жарниковой [2], видящей его в гряде Северных Увалов с примыкающими к ней Тиманским кряжем и северным участком Урала. Впрочем, и этот автор, видимо, излишне буквально прочитывает мифологический источник. Ландшафтные реалии и в этом случае должны были дать лишь первичный

толчок к формированию мифической по самой природе картины мира, в дальнейшем строящейся преимущественно на концептуальных противопоставлениях (юг — север, море — горы, мир людей — мир блаженных и богов и т. п.) и ими организуемой.

Одним из элементов этой картины, как показали Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский, является представление о реках, текущих с севера (сверху, с гор) на юг (в море, вниз). Реальные реки Восточной Европы отвечают этому признаку лишь в самой общей степени, но их основная ориентированность (по крайней мере в нижнем течении) вполне могла послужить побудительным стимулом для формирования указанного представления. Рангха авестийской традиции — одна из рек этого ряда, и уже потому попытка Н. Л. Членовой обнаружить реальные соответствия *всем* ее характеристикам и для этой цели сконструировать ее из разных рек оказывается уязвимой прежде всего методически, как не соответствующая природе используемого источника. К тому же даже таким путем обеспечить полное достижение поставленной цели не удается, а значит, локализация горы Хукарья и истока Рангхи на Южном Урале остается, на мой взгляд, недоказанной.

Следует отметить еще одно обстоятельство. Предложенные в обсуждаемой статье реальные прототипы образов мифической картины мира существуют в работах Н. Л. Членовой не изолированно: автор координирует их с интерпретацией чисто географических пассажей античных авторов о Восточной Европе. В частности, описанный Геродотом (IV, 22) путь в землю скифов, отделившихся от своих соплеменников, и далее — к живущим за ними аргиппеям, обитающим у подножия гор, соответствующих, судя по ряду данных, горам Хара Березайти авестийской традиции, приводит, по мнению Н. Л. Членовой, опять-таки на Южный Урал [3, 4] Анализировать здесь эту гипотезу подробно вряд ли уместно, хотя она и тесно связана с содержанием обсуждаемой статьи. Но один аспект этой гипотезы и некоторые особенности способов ее обоснования Н. Л. Членовой я вынужден вкратце затронуть. В одной из своих работ она, аргументируя эту гипотезу, полемизирует, в частности, с предложенной М. Н. Погребовой и мною локализацией упомянутых отделившихся скифов в ареале раннеананьинских памятников Средней Волги [4, с. 5—7] При этом, сославшись поначалу на тезисы нашего совместного с М. Н. Погребовой доклада [5], Н. Л. Членова в дальнейшем по непонятной причине настойчиво приписывает оспариваемую ею трактовку одному мне, против чего я не могу не высказать решительного протеста. К тому же, полемизируя не столько с названными краткими тезисами, сколько с нашей работой на эту тему, к моменту выхода статьи Н. Л. Членовой еще не опубликованной [6] и знакомой ей по устному докладу в Институте востоковедения АН СССР в ноябре 1984 г., она совершенно искаженно воспроизводит все наши аргументы, в том числе даже те, что изложены в тезисах достаточно подробно. Я вынужден выразить глубокое сожаление по поводу такого способа ведения полемики.

Любопытно, что, полемизируя с нами, Н. Л. Членова в принципе не оспаривает факт проникновения скифов на ту территорию, где мы помещаем отделившихся скифов, и лишь категорически отвергает их идентификацию с упомянутой Геродотом этнической группой. Объясняется это тем, что подобная идентификация вступает в противоречие с предлагаемым Н. Л. Членовой толкованием комплекса географических и мифологических свидетельств как связанных с Южным Уралом. О весомости толкования ею мифологических текстов речь шла выше, трактовка же географических свидетельств в значительной мере базируется на упомянутом искажении аргументации оппонентов. Все это заставляет критически отнестись к ее построению в целом.

Возвращаясь к обсуждаемой здесь статье, следует сказать, что если конкретная привязка привлеченных Н. Л. Членовой данных к Южному Уралу вызывает возражения, то сами собранные ею факты арийско-угро-финских схождений представляются мне достаточно интересными и информативными в плане вос-

создания истории контактов между представителями двух названных языковых групп. В дальнейшем они, видимо, будут еще дополнены, что позволит уточнить некоторые выводы автора. Так, по мнению Н. Л. Членовой, следы культа бобра, засвидетельствованные у восточных (приуральских) финно-угров, «значительно хуже сохранились у финно-волжских народов» (с. 18) Если привлекать данные широкого хронологического диапазона,— что Н. Л. Членова по существу и делает,— то в этой связи целесообразно вспомнить предложенную М. В. Фехнер интерпретацию глиняных моделей звериных лап из могильников X—XI вв. в Ярославском Поволжье как изображений лапы бобра. При этом в абсолютном большинстве эти предметы происходят из погребений, по ряду признаков принадлежащих представителям финского населения этого заселенного разноэтничными группами региона [7, с. 86—89] Иными словами, перед нами относящееся к средневековью проявление той же традиции, о которой Н. Л. Членова говорит применительно к древности, традиции, очевидно, в самом деле на какомто этапе присущей и финно-уграм, и индоиранцам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бонгард-Левин Г М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1983.
2. *Жарникова С. В.* К вопросу о возможной локализации священных гор Меру и Хары индоиранской (арийской) мифологии // Информ. бюл. МАИКЦА. 1985. Вып. 11.
3. *Членова Н. Л.* Предыстория «торгового пути Геродота» (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА. 1983. № 1.
4. *Членова Н. Л.* О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелах и «отделившихся скифах» // КСИА. 1988. Вып. 194.
5. *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* О некоторых комплексах II четверти I тыс. до н. э. Закавказья, Северного Кавказа и Восточной Европы (Опыт исторической интерпретации межкультурных связей) // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотации). Тбилиси, 1984.
6. *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* К вопросу об «отделившихся скифах» (Herod., IV. 22) // ВДИ. 1989. № 1.
7 Ярославское Поволжье X—XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. М.: Сов. Россия, 1963.

З. П. СОКОЛОВА

АРДВИ СУРА АНАХИТА ИРАНЦЕВ И «ЗЛАТА БАБА» ФИННО-УГРОВ

Статья Н. Л. Членовой «Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II — начале I тыс. до н. э.» очень интересна. О заимствованных финно-уграми, в частности обскими (хантами и манси), индоиранских элементов, проявляющихся в их языке и культуре, писали немало. Поэтому особая ценность статьи состоит в том, что она затрагивает малоизвестный аспект древних контактов индоиранцев и финно-угров с точки зрения влияния последних на индоиранцев.

В данной статье мне хотелось бы поддержать гипотезу Н. Л. Членовой о возможном тождестве Волги и ее притока Белой с мифологической иранской рекой Рангхой из «Авесты», в свою очередь отождествляемой с образом богини Ардви Сура Анахита, которую можно сблизить с финно-угорскими женскими божествами.

© З. П. Соколова, 1990 г.

Одно из наиболее легендарных и загадочных женских божеств манси и северных хантов — Золотая баба («Злата Баба»), как ее называли русские и иностранные источники XIV, XVI—XVII вв., по-мансийски — Сорни-Най [1, с. 179, 230, 231] (сорни — золото, най — огонь) [2, с. 59, 106] Представления о ней очень противоречивы, а сведения отрывочны.

Самые ранние данные о Золотой бабе содержатся в Софийской летописи 1398 г., где сообщается о крае пермичей, которые молятся Золотой бабе. Это сообщение повторяется и в 1510 г., в послании митрополита Симона «пермскому князю Матвею Михайловичу и пермичам» [3, с. 114—118]

Первые ее описания (как она выглядит), а также изображения на картах относятся к началу и середине XVI в. С. Герберштейн, известный автор «Записок о Московии» (1517—1519, 1549 гг.), пишет о Золотой бабе — статуе старухи «с сыном в утробе» (при этом виден еще один ребенок — внук), хранящейся в устье Оби, в Обдории. Он добавляет, что недалеко в горах слышны рев и трубные звуки, и высказывает предположение, что там установлены какие-то специальные инструменты. Все эти данные он взял из «Русского дорожника». На картах С. Герберштейна Золотая баба изображена в виде статуи женщины с копьем или жезлом в правой (1551 г.) или левой руке и в короне (1549 г.) либо сидящей на троне (?), в коронообразной шапочке (?), с горящим факелом в одной руке и ребенком в другой (1557 г.). Во всех трех случаях женщина одета в длинное платье, на картах 1549 и 1557 гг подпоясанное широким поясом. Ее фигура на карте 1549 г очень похожа на статую Минервы.

Польский врач Матиас из Михова (ректор Краковского университета М. Меховский) в книге «О двух Сармациях» (1517 г.) сообщает о Золотой бабе, что это статуя женщины или старухи, которой приносят жертвы, в том числе шкурки зверей, и хранится она в Скифии за Вяткой. Литовский географ А. Вид на своих картах (1542, 1555 гг.) помещает ее в Обдории, в других случаях — в низовьях Оби. Это статуя обнаженной женщины с распущенными волосами, стоящая на пьедестале с большим рогом изобилия в руках; ей молятся стоящие или упавшие ниц люди в глухой северной одежде с капюшоном. Другой вариант изображения — статуя женщины с ребенком. На карте С. Мюнстера, ученого монаха-франциканца (1544 г.), «ребенок превратился в золотую дубинку» [3, с. 116]

На карте С. Герберштейна и А. Дженкинсона XVI в. изображена сидящая на троне обнаженная женщина с двумя детьми в окружении молящихся ей людей, тоже в северной одежде. Карта А. Дженкинсона (1562 г.) дает представление о статуе обнаженной женщины с двумя детьми на руках и с ребенком, прижавшимся к ней слева. С головы у нее спускается то ли покрывало, то ли длинные распущенные волосы. Он сообщает, что она играет роль оракула, сообщает молящимся, что делать, куда кочевать, предсказывает, что будет. А. Тевэ во «Всемирной космографии» (1575 г.), помещая Сибирь между Пермью и Вяткой, а Золотую бабу — на Урале, рисует ее в виде сидящей женщины, держащей в руках обнаженное тело ребенка (?) в странной позе — умершего или раненого (?). На ней платье с поясом, сандалии (!), волосы распущены и, видимо, чем-то украшены (венок или корона?) [3, с. 139]

Итальянец А. Гваньини первый сообщает, что эта статуя из камня; она изображает сидящую старуху, держащую на руках ребенка, рядом с ней стоит другой. В жертву ей приносят собольи и «другие драгоценные меха», колют оленей, кровью которых мажут глаза, губы и другие ее члены; за это она предсказывает будущее. В горах по соседству с ней слышны рев и звон [3, с. 151—154]

Неизвестный космограф XVI в. изобразил Золотую бабу на карте в виде нагой простоволосой женщины с ребенком на руках, сидящей на скале. А Д. Флетчер в книге «О государстве русском» (1591 г.) написал, что это не идол или статуя, а скала близ устья Оби, имеющая вид женщины в лохмотьях с ребенком в руках. Подобные данные встречаются и в других сообщениях: К. Адамса (1556 г.), Р. Берберини (1565 г.), Бельфорэ (1575 г.), Г Меркатора (1500 г.), П. Петрея де Эрлезунда (1620 г.) [4, с. 8—20] Швед П. Петреус (1615 г.) сооб-

щает, что путники приносят в жертву Золотой бабе серебро, золото, жемчуг, драгоценные камни, иначе им не будет пути, застанет непогода. Немецкий автор (1620 г.) говорит о позолоченной, полой внутри статуе, сравнивая ее с Изидой; она, как оракул, вещает через уста жреца либо его голосом своими устами. П. Бремс (1628 г.) сообщает новые сведения: в случае голода, войны, чумы перед Золотой бабой гадают, падая ниц; в центр ставят бубен с серебряной лягушкой на нем. Бьют в бубен; на кого прыгнет лягушка, тот падает как мертвый, потом сообщает причину несчастья [5, с. 168—171] Н. Витсен (1672 г.), как и Д. Флетчер, высказал сомнение в правдивости сообщений о Золотой бабе.

«Сибирская (Кунгурская) летопись» С. Ремезова (1697—1710 гг.) сообщает о том, как Иван Брязга, атаман Ермака, в 1582 г., дойдя до с. Белогорье на Оби после впадения в нее Иртыша, штурмовал городище Нимьян, в котором его лазутчик видел моленье Золотой бабе. Оно заключалось в питье воды из серебряной чаши, в которой якобы стояла литая из золота статуя богини. После победы Брязги статуя исчезла; ее как будто унесли за Конду. Богиня изображена на карте летописи: это статуя нагой женщины с копьем в руке, стоящая на пьедестале. Вокруг нее на кострах кипят котлы [6, с. 118] В описании же говорится, что она сидит с ребенком на стуле, принимая подарки от просителей и исполняя их просьбы. Того, кто не дает ей то, что обещал, она мучает, кто дает неохотно, того она умерщвляет. Когда пришли казаки, она сказала, что исчезнет, и велела всем бежать.

Миссионер Г Новицкий, оставивший сочинение «Краткое описание о народе остяцком» (1712 г.) слышал о Золотой бабе на Конде и сообщил, что она кричит, «как дитя». Наконец, писатель К. Д. Носилов узнал от кондинских манси, что Золотую бабу унесли с Конды на север, на Обь (на реки Казым или Таз), а перед этим по золотой статуе отлили ее серебряную копию, которую хранили, принося ей в жертву дорогие шкурки, шелковые платки и серебряные монеты [7, с. 109—119]

Суммируя эти данные, можно отметить следующее. Культ Золотой бабы был известен и пермякам, и уграм. Ее изображение было перенесено с севера европейской части страны за Урал, в Приобье. Многие из тех, кто писал или изображал на картах Золотую бабу, сами ее не видели, а описывали с чьих-либо слов, публикаций или даже слухов. Она изображена то стоящей, то сидящей, то одетой, то обнаженной, то одна, то с детьми. Поскольку эти авторы сами ее не видели, они придавали ей черты известных им статуй божеств (Минервы, Деметры, Афины, Мадонны). Все называют ее Золотой бабой, но из описаний не ясно, из чего сделана статуя. По А. Гваньини, она каменная. Лишь «Сибирская летопись» и К. Д. Носилов говорят о литой из золота статуэтке. Ее функция — предсказывать, что делать и куда кочевать, ей молятся, приносят в жертву оленей, шкуры зверей, платки, серебряные деньги. Моление ей связано с водой.

Вопросом происхождения Золотой бабы занимались многие исследователи. Еще Ю. П. Лэт писал, что угры вместе с готами Алариха ходили на Рим и оттуда приносили медные статуи, которым поклонялись. П. Петрей отождествлял Золотую бабу с Изидой. Автор XVIII в. Ф. Страленберг сопоставил Золотую бабу с Иомалой скандинавских саг, божеством Биармии, находившейся на Северной Двине. Скандинавские саги рассказывают, что в XI в. викинги во время похода в Биармию видели это божество: в священной ограде находилась статуя обнаженной женщины с драгоценным ожерельем и серебряной чашей на коленях; в чаше были серебряные монеты. Иомалу Страленберг соотносит с Иома-бабой — сверхъестественным существом пермяцкой и зырянской мифологии. Михов предполагал, что это глиняная позолоченная статуя Мадонны, завезенная на север русскими, а П. Костомаров,— что Золотая баба занесена туда славянами [3, с. 115, 118] И. Н. Смирнов писал о культе Золотой бабы, распространенном среди пермяков, М. А. Лебедев — среди зырян [8, с. 263; 9, с. 154, 155] У Н. С. Трубецкого мы встречаем мнение о том, что Золотая баба — это вогульская богиня Куалтысь-сан-торум [10, с. 56—65]

А. Н. Соболевский сравнивает материалы о скандинавской Иомале с данными о древнеиндийском божестве подземного мира Иома, а также божестве заволоцкой чуди «Русской начальной летописи», сидящем в бездне [11, с. 22—26]

Исходя из угорской мифологии, К. Ф. Карьялайнен считал, что Золотая баба не обязательно была сделана из золота, это лишь перевод ее имени: в имени особо почитаемых духов всегда присутствует эпитет «золотой» (Сорне торум — Золотой бог, Сорни пос — Золотое сияние, Сорни Кворес — Золотой образ, Сорнэ сэнке — Золотой луч, лучистый, сияющий, Нуми Сорни — Верхний Золотой, Сорни оп аси — Золотой большой отец — имена небесного божества) [5, с. 173, 250, 251, 260, 294; 12, с. 96, 111] Слово «баба» в названии Золотой бабы он сопоставляет с мансийским словом «пупи», «попи» (дух) в имени Сорни пупи мансийской поэзии, сравнивая его и со словами хантыйского и мансийского языков: эква (женщина), сань анки (мать), ими (старуха), которые входят в состав имен женских духов (Золотая женщина, Золотая старуха, Золотая мать). У северных хантов и манси такое божество Калтась эква (Калтась сань, Калтась анки, Калтась ими — Земная мать, она же Сань-торум — Мать-богиня), Сарни сис (Золотая), Иоли тарем сань (Нижняя наша мать). У нее есть сын Эква пыгрись (сын-сыночек женщины), или Мир сусне хум. Она выступает в фольклоре хантов и манси то дочерью, то сестрой, то женой верховного божества. Она помогает роженицам, дала душу первым людям. Место ее обитания — юрты Калтысянские около с. Шеркалы на Нижней Оби (выше Березова) Слово Калтась — пермско-зырянского происхождения, ее имя сопоставимо с именем удмуртского божества — Килдисин [5,с. 174—180, 310, 313—315, 319]

В связи со всем изложенным напрашивается мысль о тождестве биармийского истукана Иомалы, божества коми Иоми-бабы, древнеиндийского божества Иомы и Золотой бабы. Ее перемещение с запада на восток, с северных берегов Двины за Урал, в Обдорию, не вызывает недоумения. С освоением Севера европейской части страны русскими землепроходцами, а особенно в связи с христианизацией края, с одной стороны, часть коренного населения (коми-зыряне, коми-пермяки, остяки, вогулы) переселилась на восток, в Прикамье, а вогулы и остяки позднее и за Урал, в том числе за Конду [13; 14, с. 16—19] С другой стороны, известно, что они уносили с собой и прятали в тайге изображения своих божеств. Г Ф. Миллер приводит слова И. Б. Мюллера, в значительной мере позаимствовавшего материалы из рукописи книги Г Новицкого «Краткое описание о народе остяцком» [15], о том, что многие остяки и вогулы бежали из Пермской земли на Обь, не желая принимать христианство, особенно в период христианизации пермяков епископом Стефаном, начиная с 1372 г «У этих обских остяков найдено много идолов, про которых они рассказывают, что эти идолы привезены ими из Пермской земли» [16, с. 188] Поэтому сведения о Золотой бабе на Северной Двине, в XIV—XV вв.— в Пермской земле, в XVI в.— в Сибири, за Уралом, легкообъяснимы. Тем не менее можно предположить, что Золотая баба была не одна, а по крайней мере две. На это указывают сведения о ее почитании в двух местах Приобья примерно в одно и то же время — в XVI в. в Обдории и при устье Иртыша, в Белогорье (на Конду она могла быть унесена позднее из Белогорья). Об этом же говорит двойственность в описании ее облика: это статуя либо стоящей, либо сидящей женщины, одной или с детьми. Правда, это можно объяснить тем, что все, кто ее описывал, сами ее не видели и пользовались рассказами или слухами.

Статья Н. Л. Членовой, особенно в части материалов об Ардви Суре Анахите, дает возможность, соединив точки зрения Страленберга, Трубецкого, Соболевского и Карьялайнена, расширить гипотезу об этом сходстве до предположения об общности представлений предков индоиранцев и финно-угров о реке и женщине-божестве, связанной с водой и подземным миром (иранская Ардви Сура, индийская Иома, биармийская Иомала, Иома-баба коми, мордовская Ведь-Ава, марийская Вуд-Ава, угорская Золотая баба — Сорни-Най). Их многое объединяет: золото (в названии, одежде или материале изготовления статуи), связь

с водой, подземным миром, функции — плодородия, здоровья, урожая, благополучия, покровительства роженицам, упоминание о близнецах или двух детях (сыне и внуке). Возможно, неслучайно сходство в описании или изображении ее облика и одежды: она одета в платье с поясом, в сандалии, на шее у нее ожерелье. В описаниях Золотой бабы отсутствуют упоминания о бобрах или шубе из бобровых мехов, характерной для Ардви Суры. Однако в жертву ей приносили «драгоценные меха», среди них наверняка были и бобровые. Например, Мюллер сообщает о том, что духи из мифологии угров сидят «в своих соболиных норах (гнездах), бобровых норах» [5, с. 102] В мансийской мифологии Калтась — молодая красивая женщина — Золотая Калтась, по одной косе которой поднимается живой соболь, по другой косе — живой бобр. Один из эпитетов Иолитарем сань — «черная», «шубная», «пушная», что связано с названием в мансийской мифологии Земли — «шубная мать земли», «черная мать земли» [5, с. 313—315, 319, 324]

У хантов и манси был весьма развит тотемизм, в том числе и почитание бобров. Наиболее известный ареал распространения бобров в Западной Сибири — территория Кондо-Сосьвинского заповедника. По-видимому, не случайно и то, что район бытования тамги в виде бобра начинается в бассейне Конды и уходит на восток, в Васюганье [17, с. 170, карта], а изображений бобра (так называемое культовое литье), означающих вместилища душ [18, с. 159, 160, 161; 19, с. 80, 81; 20], а также гравировок на блюдах, зеркалах, бляхах [18, с. 138, 155, 157; 19, с. 91, 92] находится в Прикамье и Нижнем Приобье (Чердынь, Лозьва, Ляпин, Нижняя Обь). Правда, ареал культа бобра как предка экзогамных тотемных групп несколько иной — Сургутское Приобье (реки Аган, Пим, Тромъеган, Юган). Бобры связаны с водной стихией, нижним миром [18, с. 140] (так же, как и собаки, хотя связь между бобрами и собаками в мифологии обских угров не прослеживается) [21, с. 227—229]

Таким образом, почитание бобра, его шкуры скорее всего было связано с культом Золотой богини. Шуба из 300 бобровых шкур как экзотическая деталь могла сохраниться в культе Ардви Суры, а в культе Золотой бабы заменена более ценными собольими шкурами.

Бобры вместе со змеями и выдрами изображены на бляхах и зеркалах в сценах борьбы с солнечной птицей Карс. Образ хищной птицы Карс ученые сближают с индоиранским образом птицы Гаруда [18, с. 140; 22, с. 116—120, 124, 125] Близок этим представлениям и образ небесного всадника Мир сусне хума, олицетворяющего солнце, сложившийся у обских угров под влиянием древних генетических связей с индоиранскими народами [22, с. 121; 23, с. 32] В связи с этим любопытны несколько деталей. Во-первых, Мир сусне хум — младший из семи сыновей Калтась, или Иоли торум сань, которую, как мы видели ранее, можно связать с Золотой богиней, Златой бабой. Центр почитания Калтась и Мир сусне хума находился в Троицких юртах, расположенных рядом с Белогорьем, где была отмечена Золотая баба. Во-вторых, Мир сусне хум — небесный всадник, ездит на коне (культ коня, по мнению большинства ученых,— иранское заимствование у финно-угров) [22, с. 114, 115; 24, с. 216; 25, с. 21—24; 26], а Ардви Суре служат четыре коня; в иранской мифологии она оказывает помощь воинственному всаднику [27, с. 100] В-третьих, к имени Мир сусне хума добавляются эпитеты «За миром (народом) смотрящий (наблюдающий) человек», что сближает с функцией всевидения древнеиранского мифологического персонажа Митры, который в свою очередь тоже олицетворяет солнце и связан с Ардви Сурой, водой, конем, небесной ездой. Эпитеты Митры: «исполненный собственного света», «сияющий», «блестящий» [28, с. 155, 156]; Мир сусне хума — «восходящего солнца златокосный (лучистый) отец», «Золотой богатырь», «Сын Золотого света» (эпитет Калтась — «утренняя звезда») [5, с. 179; 23, с. 31, 36; 29, с. 153].

Кстати, и сам термин «золото» — сорни, сарни в угорских языках, как и ряд других,— иранского происхождения [22, с. 115] В культуре обских угров поми-

мо этого есть и другие элементы южного, иранского происхождения: культ серебра, кукольный театр медвежьего праздника, представления об огне [22, с. 116; 30, с. 25—27] Возможно, такие же корни имеет у них ряд иных элементов мировоззрения и культуры: почитание священной цифры 7 (сравните с иранским семибожием: у Нуми торума и Калтась семь сыновей, на бляхах и зеркалах изображено семь духов, у северных хантов и манси известны семиголовые, семиликие идолы, периодический медвежий праздник имеет семилетний цикл, в нем участвуют семь менквов и т. п.); танцы с мечами или саблями, у нас не имеющие аналогий нигде, кроме Кавказа; обычай ношения мужчинами кос; манера ношения женщинами головного платка — с концами, спускающимися вдоль лица, очень близка манере индийских женщин. Эти элементы культуры связаны с угорским компонентом, вместе с аборигенным уральским сформировавшим хантов и манси, что убедительно было доказано В. Н. Чернецовым в его многочисленных работах.

Таким образом, можно предположить, что культ Золотой бабы и сам образ ее своим происхождением связан с индоевропейским, индоиранским миром и зародился очень давно, возможно в срубно-андроновское время, на территории европейской части страны, распространился среди предков финно-угров, был воспринят и предками обских угров. Изображение Золотой богини (Золотая баба), возможно, выполненное из металла, было принесено манси из Прикамья за Урал, тщательно скрывалось от посторонних, а со смертью его последнего хранителя могло быть забыто.

Сближение образа Ардви Суры с Золотой бабой не кажется невероятным. Напротив, в результате подобного объяснения происхождения этого культа становится ясно, почему подобное изображение столь необычно и нетипично для хантов и манси. Дело в том, что культ Золотой бабы известен лишь манси и северным хантам, восточные и южные его не знали. Во-вторых, среди изображений духов обских угров хотя встречаются и деревянные, и металлические, и из кости, наиболее распространены антропоморфные изображения двух типов [1] Во-первых, деревянные, нередко одетые в специально сшитую для них одежду или завернутые в жертвенные платки или меха. Среди этих остроголовых и круглоголовых идолов [31, с. 284, 285] выделяются разные типы, но в целом их можно считать аборигенными по происхождению. Во-вторых, это связки мехов или мешка, набитые мехами, к которым прикреплено серебряное блюдо или тарелка (иногда серебряная тарелка просто прикреплялась к дереву) [22, с. 121, 122; 32, с. 193—197] Возможно, этот тип изображений духов, как и в целом культ серебра, особенно иранского производства, также является южным, иранским по происхождению.

Никаких иных сведений о почитании статуй из металла типа Золотой бабы у хантов и манси нет. Вероятно, она является столь же одиночной формой идола, как и фигура серебряного слона, хранившаяся на священном месте манси Тасмановых на Северной Сосьве, описанная В. Н. Чернецовым [22, с. 122; 33, с. 205] Правда, на р. Казым хранилось изображение духа также весьма необычной формы: голова сплетена из тонких дранок (как плетутся рыболовные ловушки), покрыта шелковым платком, а вместо лица — ряд серебряных пластин (их ханты и манси покупали у купцов), туловищем служила связка мехов [34, с. 218, 219, рис. 5—7; 35, с. 491, рис. 1]. Идолы такого облика нигде более неизвестны, хотя подобные серебряные пластины встречаются в музейных собраниях из разных мест. По всей видимости, это оригинальная форма идола, связанная с культом серебра.

Но если сама форма этого изображения духа — Золотая баба и необычна для культа обских угров, то суть культа женского божества Калтась, или Иоли торум сань, земной матери, связанной с нижним миром, имеющей сына-солнце,

---

[1] Я не ставлю здесь задачи типологизировать все изображения духов у хантов и манси. Речь идет о наиболее широко распространенных.

небесного всадника, очень характерна для них. Образ матери-земли скорее всего очень архаичный и восходит к древнему аборигенному (сравни с образами матери-земли у кетов, нганасан), а образ небесного всадника — южного, иранского происхождения. В то же время образ матери-земли не мог не трансформироваться со временем и под влиянием пришлого угорского населения, южноиранских влияний. Например, мать земли Иоли торум сань никогда не изображалась. А Золотая баба, возможно, и есть ее изображение.

Связав культ Золотой бабы, с одной стороны, с почитанием индоиранских и финно-угорских женских божеств земли, нижнего мира, воды, с другой стороны, с индоиранским по происхождению обычаем культового отношения к золоту и серебру, в том числе с использованием его для серебряных личин идолов, можно, как мне кажется, более или менее убедительно объяснить этот необычный для Западной Сибири феномен — культ Золотой бабы.

Дальнейшие исследования этого аспекта проблемы, особенно в части мифологии финно-угорских и индоиранских народов, вероятно, приблизят нас к истине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шесталов Ю.* Тайна Сорни-Най. Избранные произведения. Л., 1987.
2. *Баландин А. Н., Вахрушева М. П.* Мансийско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1958.
3. *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932. Т. 1.
4. *Курочкин Ю.* Легенда о Золотой Бабе. Свердловск, 1968.
5. *Karjalainen K. F.* Die Religion der Yugra-Völker // Folklore Fellows Communication. T. II. V. XI. № 44. Helsinki, 1922.
6. *Гольденберг Л. А.* Семен Ульянович Ремезов. Сибирский картограф и географ. 1642 — после 1720 г. М.: Наука, 1965.
7. *Носилов К. Д.* У вогулов. Очерки и наброски. СПб., 1904.
8. *Смирнов И. Н.* Пермяки. Казань, 1891.
9. *Лебедев М. А.* Пермь Великая. Исторические очерки // ЖМНП. 1917. № 11, 12.
10. *Трубецкой Н. С.* К вопросу о Золотой бабе // Этногр. обозрение. 1906. Кн. 1, 2.
11. *Соболевский А. Н.* Древняя Пермь. К вопросу о Биармии // Изв. о-ва истории, археологии и этнографии Казанск. ун-та. 1929. Т. XXXIV. Вып. 3, 4.
12. *Kannisto A.* Materialen zur Mythologie der Wogulen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 113. Helsinki, 1958.
13. *Соколова З. П.* К происхождению современных манси // СЭ. 1979. № 6.
14. Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982.
15. *Новицкий Г* Краткое описание о народе остяцком. СПб., 1884.
16. *Миллер Г Ф.* История Сибири. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
17. *Симченко Ю. Б.* Тамги народов Сибири XVII века. М.: Наука, 1965.
18. *Чернецов В. Н.* Бронза усть-полуйского времени // МИА. 1953. Т. 35.
19. *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала // САИ. 1971. Вып. ВЧ-12 (2).
20. *Старков В. Ф.* Новые находки плоского литья в Нижнем Приобье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
21. *Лукина Н. В.* Формы почитания собаки у народов Северной Азии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. (Язык и этнос). Л.: Наука, 1983.
22. *Чернецов В. Н.* К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Тр. ИЭ. 1947 Т. 1.
23. *Чернецов В. Н.* Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. 1939. Т. II.
24. *Мошинская В. И.* Городище и курганы Потчеваш // МИА. 1953. № 35.
25. *Кузьмина Е. Е.* О культе коня у народов Урала и Сибири. (К вопросу о культурных связях древнего населения Урала) // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976.
26. *Винцене Кережи А.* Образ коня у финно-угорских народов Волго-Камья и Зауралья: Автореф. дис... канд. ист. наук.: 07.00.07. М., 1987.
27. *Брагинский И. С.* Ардвисура Анахита // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1987
28. *Топоров В. Н.* Митра // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1988.
29. *Хедимский Е. А.* Мир-сусне-хум // Мифы народов мира. Т. 2. М. Сов. энциклопедия, 1988.
30. *Баланин Ю. В., Яшин В. Б.* Представления об огне у иранцев и манси // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985.
31. *Иванов С. В.* Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л.: Наука, 1970.
32. *Бадер О. Н.* О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье (к последним находкам) // На Западном Урале. Сб. статей. Молотов, 1951.
33. Источники по этнографии Сибири. Томск, 1987.

34. *Соколова З. П.* Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века // Сб. МАЭ. 1971. Т. XXVII.
35. *Sokolova Z. P.* The Representation of a Female Spirit from the Kazym River // Shamanism in Siberia. Budapeşt, 1978.

Н. Л. ЧЛЕНОВА

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДИСКУССИИ

Моя статья «Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II— начале I тыс. до н. э.» [1, с. 119] первоначально представляла собой доклад под названием «The Iranian and Finno-Ugrians on the Volga and the Urals in the II — early I millenium B. C.», сделанный на VI Международном конгрессе финно-угроведов в Сыктывкаре в 1985 г На этом конгрессе присутствовали многие известные финно-угроведы, специалисты по этнографии, антропологии, археологии и лингвистике как советские, так и зарубежные, и мой доклад имел большой успех. Я делала этот доклад также в секторе скифо-сарматской археологии ИА АН СССР, где он также был высоко оценен и рекомендован к печати. Редколлегия журнала «Советская археология» сочла нужным поместить его в раздел дискуссий. Я должна ответить оппонентам на их замечания.

В. И. Васильев, основная специальность которого — этнография северных самодийцев, считает, что моя статья написана на основе разнообразных источников, этнографических, археологических и лингвистических, что я проявляю «завидную эрудицию» в аргументации, но сожалеет о том, что сама моя гипотеза «заранее запрограммирована». Признаюсь, этот упрек мне непонятен, так как всегда сначала у автора возникает какая-то мысль, а затем он ее проверяет с помощью различных данных. Это обычный ход работы. Далее, В. И. Васильев считает, что мнение о том, что создатели срубной и андроновской культур были инаноязычными, далеко не доказано, а Н. Л. Членова делает «непререкаемый вывод», что именно они в Волго-Камье во II—I тыс. до н. э. осуществляли контакты с финно-уграми.

Прежде всего, я никогда не считала и не считаю свою точку зрения «аксиоматичной», а выдвигаю гипотезу, базируясь на исследованиях своих предшественников — лингвистов и археологов и на своих собственных предыдущих работах, где приведена аргументация (это касается отождествления Рангхи с Волгой и предположения, что люди срубной и андроновской культур были древними иранцами, и ряда других моментов). Повторять всю эту аргументацию каждый раз невозможно, поэтому в рассматриваемой статье даются ссылки на эти работы. В. И. Васильев же, видимо, не обратив внимания на эти ссылки, считает, что все эти положения впервые и бездоказательно выдвинуты мной в данной работе.

В. И. Васильев хотел бы, чтобы Рангху можно было отождествить с Иртышом или Обью (хотя о реке Рангхе-Арвисуре известно из Авесты, что она впадает в море Ворукаша, расположенное к югу от истоков Рангхи) В. И. Васильев считает, что это не имеет значения, так как «то обстоятельство, что море, в которое она впадает, расположено не к югу, а к северу от гор Хара, можно объяснить недостатком географических знаний о Северной Сибири во времена Ригведы и Авесты». Но В. И. Васильев как этнограф должен не хуже меня знать, что нет такого народа, который не знал бы стороны света и не мог бы определить, течет ли река на юг или на север. Что же касается таких развитых людей бронзового века, как люди срубной и андроновской культур, то они отлично зна-

© Н. Л. Членова, 1990 г.

ли стороны света, что видно хотя бы из ориентировки их покойников головами на запад и юго-запад.

Далее В. И. Васильев почему-то считает, что я утверждаю, что контакты финно-угров с иранцами происходили только в Среднем Поволжье и Приуралье и только во II— начале I тыс. до н. э. Кроме того, по его мнению, я считаю этот вывод «непререкаемым». Поэтому В. И. Васильев указывает мне, что «именно Прииртышье было регионом этнических контактов скифо-сарматов и угро-самодийцев еще в конце I тыс. до н. э.», советуя при этом почитать статью Л. Н. Коряковой 1988 г. Это снова недоразумение. Контакты финно-угров с индоиранцами и древними иранцами происходили еще до III тыс. до н. э. и вплоть до средневековья, что давно доказано лингвистами, разбившими лексические заимствования из индоиранских и иранских языков в финно-угорские на целый ряд периодов [2, 3] Я беру только один из этих периодов, конец II— начало I тыс. до н. э., срубно-андроновскую эпоху и территорию Среднего Поволжья и Южного Урала, поскольку статья называется «Волга и Южный Урал в представлениях иранцев и финно-угров во II— начале I тыс. до н. э.», а другие периоды и другие территории не рассматриваю, они не имеют отношения к теме данной статьи. Мне кажется, что научные интересы В. И. Васильева достаточно далеки от рассматриваемой проблемы и он очень невнимательно прочел мою статью и, конечно, не читал моих предыдущих статей на эту тему [4, 5]; отсюда и все эти недоразумения.

Д. С. Раевский, специалист по археологии и мифологии скифов, исследователь, интересы которого близко соприкасаются с доскифской эпохой в истории древних иранцев, справедливо замечает, что моя статья находится в русле достаточно давней традиции изучения следов, оставленных в культуре древних иранцев и финно-угров, соответствующих их языковым контактам, и что попытки отождествить Рангху с Волгой также имеют давние традиции. Он приветствует привлечение мною новых материалов для подтверждения этой гипотезы, но упрекает меня в том, что я понимаю мифы слишком буквально и стремлюсь «найти реальный прототип каждого элемента мифической картины», что сочетается, по его мнению, с «полным невниманием к особенностям этой картины как целостной структуры». С первой частью этого замечания я готова согласиться. Действительно, я исхожу из того, что вообще фантазия людей далеко не безгранична, она ограничена их земным опытом, и в основе любой фантазии непременно лежит что-то земное и даже хорошо знакомое; правда, иногда эти знакомые объекты даны в необычных сочетаниях, но и это не всегда. Что же касается таких понятий, как прародина того или иного народа, то нередко память народа на протяжении многих столетий сохраняет воспоминания о ландшафте, климате, реках, растениях, животных этой прародины, находящейся за сотни и тысячи километров от мест теперешнего обитания народа. При этом многое конечно забывается, те или иные реки или горы переносятся на небо и т. д. Поэтому мне трудно согласиться, например, с точкой зрения Х. Ломмеля, что Рангха первоначально в представлениях древних иранцев была чисто мифической рекой, текущей среди звезд, и лишь впоследствии ее имя было перенесено на одну из конкретных рек, где жили иранцы [6, с. 407]. Я думаю, что напротив, Рангха была вполне конкретной рекой и лишь после далеких миграций древних иранцев ее местонахождение было забыто и вначале переносилось на другую реку (или реки) в процессе этих миграций, и лишь когда не нашлось ни одной реки, отвечающей Рангхе, ее превратили в небесную реку. То же касается и гор Хара Березайти. В основе представления о них лежали какие-то вполне реальные горы (быть может, и не соответствующие точно скифским Рипеям, как думает Д. С. Раевский: в основе представления о Рипеях может лежать Северный Урал, которого сами древние индоиранцы и иранцы и не достигали, а слышали о нем от своих северных соседей. Представление о Рипеях как тянущихся в широтном направлении вдоль северной границы обитаемого мира — следствие плохого знакомства древних с географией приполярных областей). Тем не менее в ми-

фологии древних иранцев и индийцев сохранился целый ряд сведений о «полярных явлениях» на их утраченной прародине или близ нее, собранных Г. М. Бонгард-Левиным и Э. А. Грантовским в их книге [7], которую я высоко ценю и которая наряду с другими исследованиями послужила отправной точкой моих работ о взаимоотношениях финно-угров и индоиранцев и древних иранцев. Я сослалась на эту книгу в своей предыдущей статье «Археологические материалы...», но некоторые высказанные в ней мысли не представляются мне, как Д. С. Раевскому, абсолютной истиной, а нуждаются, по моему мнению, в корректировке с точки зрения археологии и этнографии. Взять те же северные горы. Д. С. Раевский считает, что «реальный ландшафтный прообраз их» убедительнее видеть вслед за С. В. Жарниковой в Северных Увалах, Тиманском кряже и северном участке Урала. Статьи С. В. Жарниковой, как цитированная Д. С. Раевским [8], так и предыдущая [9], мне очень нравятся своей широтой и смелостью, но согласиться с тем, что прототипы гор Хара Березайти — это Северные Увалы, я не могу (Рипейских гор я здесь сознательно не касаюсь; как уже сказано раньше, есть сомнения в том, что Рипейские горы и Хара Березайти — это одни и те же горы; в частности, в Авесте не говорится о том, что горы Хара Березайти вытянуты в широтном направлении). Само название «Хара Березайти» переводится как «Высокие горы», а высота Северных Увалов, как пишет и С. В. Жарникова, не превышает 500 м над уровнем моря, высота же их над уровнем окружающей местности 300—400 м. Вряд ли они и в древности могли восприниматься как «высокие», даже «высочайшие» горы. Кроме того, на Северных Увалах нет горы Хукарьи «высотой в тысячу мужей», как сказано в Авесте. Южный же Урал — это действительно высокие горы, и там есть высочайшая гора Иремель, соответствующая Хукарье, и вторая гора — Ямантау, соответствующая второй высокой горе Хары Березайти. Наконец, с Северных Увалов не берет начало река, «равная всем водам, что по земле текут»,— Ардви Сура и не впадает она в море Ворукаша, расположенное к югу от ее истоков. Напротив, если принять за Хара Березайти Южный Урал и за исток Волги — Белую, а за море Ворукаша — Каспийское море и еще при этом учитывать свойственные истокам и стране по течению Волги морозы и древние золотые прииски близ «золотой» горы Хукарья, то получается та самая «целостная структура», в отсутствии которой меня упрекает Д. С. Раевский. Настоящего истока Волги древние индоиранцы и иранцы не знали, они туда не проникали. Срубные и андроновские памятники отсутствуют в лесной полосе европейской части СССР. За исток Волги принимали Каму, но иногда и р. Белую (еще в XII в.— Идриси). Напрасно упрекает меня Д. С. Раевский, что я «сконструировала Рангху из разных рек». Это современный человек, глядя на карту, видит на ней надписи: «р. Белая», «р. Кама», «р. Волга», для древних же это был единый водный путь, единая река Рангха, Ардви Сура. Столь же несправедливо упрекает меня Д. С. Раевский за то, что я доверяю Авесте в том, что высота горы Хукарья равна росту «тысячи мужей», и говорю, что это вполне сопоставимо с реальной высотой горы Иремель — около 1300 м над уровнем окружающей местности. Разумеется, я считаю так не потому, что принимаю за рост «мужа» 130 см, а потому, что высоко оцениваю глазомер древних: они не определяли высоту горы ни в рост 100, ни в рост 10 000 мужей (такие круглые цифры также встречаются в тексте Авесты при упоминании других объектов) и, значит, ошиблись даже не на порядок, а всего на каких-то 300 с лишним метров (т. е. считали, что высота этой горы 1600—1700 м, если считать рост «мужа» 160—170 см). Вряд ли и современный человек точнее оценит на глаз высоту горы; при этом, поскольку он смотрит на нее снизу, она будет казаться ему несколько выше, чем на самом деле. Я думаю, что это один из важных аргументов в пользу того, что древние иранцы-андроновцы воочию видели гору Хукарью (Иремель), да это и не удивительно, если учесть, что андроновские памятники находятся в 60—80 км от горы Иремель.

И наконец, Д. С. Раевский возвращается к нашему давнему спору по поводу

того, являются ли скифские предметы в ананьинском Старшем Ахмыловском могильнике следами пребывания здесь «отделившихся скифов». Сейчас, когда обе наши точки зрения на этот вопрос подробно опубликованы [10, 11], читатель легко увидит, что я нисколько не исказила точку зрения Д. С. Раевского и М. Н. Погребовой, в чем меня обвиняет Д. С. Раевский. Вообще рассматриваемая здесь моя статья об иранцах и финно-уграх не имеет никакого отношения к спору о локализации «отделившихся скифов», и то, что Д. С. Раевский здесь вновь возвращается к нему, по-моему, сильно ему вредит: читатель вполне может подумать, что раздраженный спором со мной об «отделившихся скифах» Д. С. Раевский никак не может его забыть и это отражается на объективности его суждения о моей статье о Рангхе — Ардви Суре и Хукарье — горе Иремель. Что же касается претензии Д. С. Раевского к тому, почему в работе «О культурной принадлежности ...» я критикую только его одного, а не вместе с его соавтором М. Н. Погребовой, то, конечно, формально он прав — за статью отвечают оба соавтора, хотя я по-прежнему уверена в том, что они не писали каждую строчку вместе, а М. Н. Погребова писала свою часть о закавказских и северокавказских аналогах ахмыловским бронзам, а Д. С. Раевский — свою, об «отделившихся скифах» в Ахмыловском могильнике, с которой я и не согласна. И, конечно, у Д. С. Раевского нет никаких оснований считать, что я локализую (вслед за многими исследователями) «отделившихся скифов» в Южном Приуралье, а не в лесном Марийском Поволжье потому, что последняя локализация противоречит каким-то моим представлениям. Нет, локализация «отделившихся скифов» в глухом лесу в Марийском Поволжье резко противоречит Геродоту, о чем и сказано подробно в моей статье.

Я благодарю Д. С. Раевского за положительную оценку собранных в моей статье сведений о культе бобра как у древних иранцев, так и у финно-угров. Статья М. В. Фехнер о бобровых лапах в Тимеревском могильнике мне известна, сейчас вышла новая ее статья [12] Я предполагаю еще вернуться к этому сюжету и рассмотреть вопрос о культе бобра подробнее.

Отзыв З. П. Соколовой, специалиста по этнографии угорских народов, хантов и манси, критических замечаний в адрес моей статьи не содержит. Напротив, она считает, что я затрагиваю малоизвестный аспект влияния финно-угров на индоиранцев (а не обратные влияния, о которых писали многие исследователи) и поддерживает мою точку зрения о возможном тождестве рек Белой и Волги с рекой Рангхой и Ардви Сурой. Моя статья навела З. П. Соколову на мысль о связи древнеиранских представлений об Ардви Суре Анахите с «Золотой бабой» финно-угров — культом, который стоит особняком в их религиозных представлениях. Прочитав с большим интересом отзыв З. П. Соколовой, я считаю, что ее мнение достаточно убедительно: описания Ардви Суры Анахиты, одетой в золотое покрывало, «высоко подпоясанной», в золотых сандалиях, с золотыми серьгами, золотым ожерельем и золотой короной на голове (Авеста, Яшт V, 64, 78, 80, 123, 126—128) очень напоминает «Золотую бабу» из области «между Пермью и Вяткой», одетой в платье с поясом, сандалии, с венком или короной на голове, по описанию А. Тевэ (XVI в.). Мне уже приходилось писать в рассматриваемой статье вслед за многими другими авторами (Д. Дарместетером, Х. Нюбергом, Э. Герцфельдом, Г Виденгреном, Л. И. Рингбомом, И. Б. Брагинским), что описание Ардвисуры Анахиты в золотом платье и золотых украшениях, видимо, навеяно одной из статуй Анахиты, поставленной Артаксерксом II (конец V—IV в. до н. э.) в храмах в разных частях Персидского государства, от греческо-ионийских сатрапий на западе вплоть до бактрийско-индийских сатрапий на востоке [13, с. 6].

Изображения эти были разные; известно, например, изображение эпохи Артаксеркса II сидящей статной женщины в короне, в длинном платье, с длинной косой, с птицей или диадемой в одной руке и цветком — в другой. В Сузах было воздвигнуто Артаксерксом другое изображение Анахиты; Плиний писал, что она напоминает Диану; эта статуя была, очевидно стоящей, так как Диану

(Артемиду) изображают обычно стоящей. Далее, известны статуи Анахиты раннесасанидского времени, одна из них — 4-метровой высоты [13, с. 6, 7, 9] Таким образом, и в Иране были и стоящие, и сидящие статуи Анахиты, и именно оттуда они могли попасть к финно-угорским народам Приуралья и Зауралья, получив название «Золотой бабы». Время, к которому относятся в Иране упомянутые статуи Анахиты,— ахеменидское, аршакидское или сасанидское, т е. с конца V—IV в. до н. э. до 70—90-х годов III в. н. э., после чего эта богиня теряет свой престиж вплоть до VI—VII вв. н. э. (эпоха Хосрова II) [14, с. 194, 199] Датировать точнее время изготовления «Золотой бабы» или «Золотых баб» трудно, нужны дополнительные исследования. И ахеменидский, и сасанидский импорт известен в Прикамье и на Урале. Раньше, чем ахеменидской эпохой, «Золотая баба» вряд ли может датироваться, так как в более раннее время не было персидских изображений Анахиты. Но ее прообраз, представленный в виде реки, или бобрихи, или каких-то связанных с ними предметов существовал здесь с глубокой древности и возник, вероятно, не позже эпохи бронзы, о чем говорилось в разбираемой здесь моей статье. Последующие связи с Ираном (зафиксированные в виде импорта в Прикамье и на Урале) принесли и новый, антропоморфный образ Анахиты, наложившийся на старые представления. Я считаю, что исследование о «Золотой бабе» и Ардвисуре Анахите — достаточно интересная тема и работу над ней следует продолжить.

В заключение я хотела бы отметить две важнейшие опечатки в моей статье, которые значительно искажают смысл: 1) на с. 228 1-я строка снизу: напечатано jònga вместо jòngra; 2) на с. 235 дата бляхи из Мурлинского городища указана I тыс. до н. э., нужно: I тыс. н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. VI Международный конгресс финно-угроведов. Тез. докл. Т. IV Сыктывкар, 1985.
2. *Joki A. J.* Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973.
3. *Korenchy E.* Iranische Lehnworter in den obugrischen Sprachen. Budapest, 1972.
4. *Членова Н. Л.* Предыстория торгового пути Геродота // СА. 1983. № 1.
5. *Членова Н. Л.* Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // СА. 1984. № 1.
6. *Lommel H.* Anahita-Sarasvati // Asiatica. Lpz., 1954.
7. *Бонгард-Левин Г М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. М.: Наука, 1974.
8. *Жарникова С.* К вопросу о возможной локализации священных гор Меру и Хары индоиранской (арийской) мифологии // Информ. бюл. МАИКЦА. 1986. Вып. 11.
9. *Жарникова С.* Архаические мотивы северорусской народной вышивки и их параллели в древних орнаментах населения евразийских степей // Информ. бюл. МАИКЦА. 1985. Вып. 8.
10. *Членова Н. Л.* О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелах и «отделившихся скифах» // КСИА. 1988. Вып. 194.
11. *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* К вопросу об «отделившихся скифах» (Herod. IV, *22*) // ВДИ. 1989. № 1.
12. *Фехнер М. В.* Бобровый промысел в Волго-Окском междуречье // СА. 1989. № 3.
13. *Ringbom L. -I.* Zur Ikonographie der Göttin Ardvi Sura Anahita Abo, 1957.
14. *Луконин В. Г* Древний и раннесредневековый Иран. М.: Наука, 1987.

Публикации

В. Н. КОРПУСОВА, С. Н. ЛЯШКО

КАТАКОМБНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ПШЕНИЦЕЙ В КРЫМУ

Уникальные материалы для изучения хозяйственной, социальной жизни и идеологии племен раннего периода эпохи бронзы Восточной Европы были получены Северо-Крымской экспедицией ИА АН УССР в 1978 г. в ходе работ в Крымском Присивашье [1] Наиболее информативным оказалось погребение 28 кург. 14. Курган входил в состав могильника, расположенного вдоль левого заболоченного берега р. Победная близ Сиваша, между селами Болотное и Армейское Джанкойского р-на Крымской обл. Насыпь кургана имела высоту 2,2 и диаметр 60 м. Всего в кургане было обнаружено 30 погребений разных культур, из них 7 относились к катакомбной культуре. Первичная насыпь возведена над погр. 6 ямного времени.

Погребение 28 располагалось в 5 м к югу от центра кургана, с его сооружением связана четвертая насыпь. Входная яма погребального сооружения трапециевидная, ориентирована по оси восток — запад, размером 1,8—2,2 × × 1,3—1,6 м, дно — на глубине 2,7 м от «0» (рис. 1, *1*). Вход в камеру шириной 0,72 и высотой 0,35 м был расположен в западной стенке входной ямы и соединялся с камерой дромосом длиной 1,9 и шириной 0,5 м. Устье дромоса было герметично замазано глиной. Камера прямоугольная, ориентирована с севера на юг. Ее размеры 2,45 × 1,84 × 1,2 м. Дно камеры находилось на глубине 3,55 м от поверхности насыпи. На потолке камеры и дромоса сохранилась обмазка с отпечатками пальцев, а на стенках камеры — желобчатые, косо направленные следы землеройного орудия. Большая часть камеры оказалась свободной от грунта, за исключением центральной и южной частей.

Захоронение парное (половозрастное определение скелетов оказалось невозможным из-за их плохой сохранности), скелеты находились в скорченном положении на боку, головами на юг, лицом друг к другу. Скелет 1 лежал у западной стенки лицом ко входу, у него крупные массивные кости (мужчина?), у второго — грациальные кости небольшой длины (женщина?). У груди погребенного находилась бронзовая пластина (рис. 2, *3*). На грудной кости и ребрах сохранился слой зеленой окиси. Рядом с пластиной лежал просверленный клык собаки (определение О. П. Журавлева, ИА АН УССР) (рис. 1, *3*). За головами погребенных в слое охры найдены: глиняный горшочек (рис. 1, *2*), два каменных растиральника, кремневый отщеп, бронзовый нож (рис. 1, *4*), шило, три кремневых отщепа, большой кусок алой охры, каменное изделие в виде утюжка. У ног погребенных находились четыре деревянных колеса, куль с пшеницей (рис. 3). Два колеса лежали плашмя, причем одно из них частично накрывало куль. Еще два колеса стояли вертикально.

---

[1] Начальник экспедиции — В. Н. Корпусова.

© В. Н. Корпусова, С. Н. Ляшко, 1990 г.

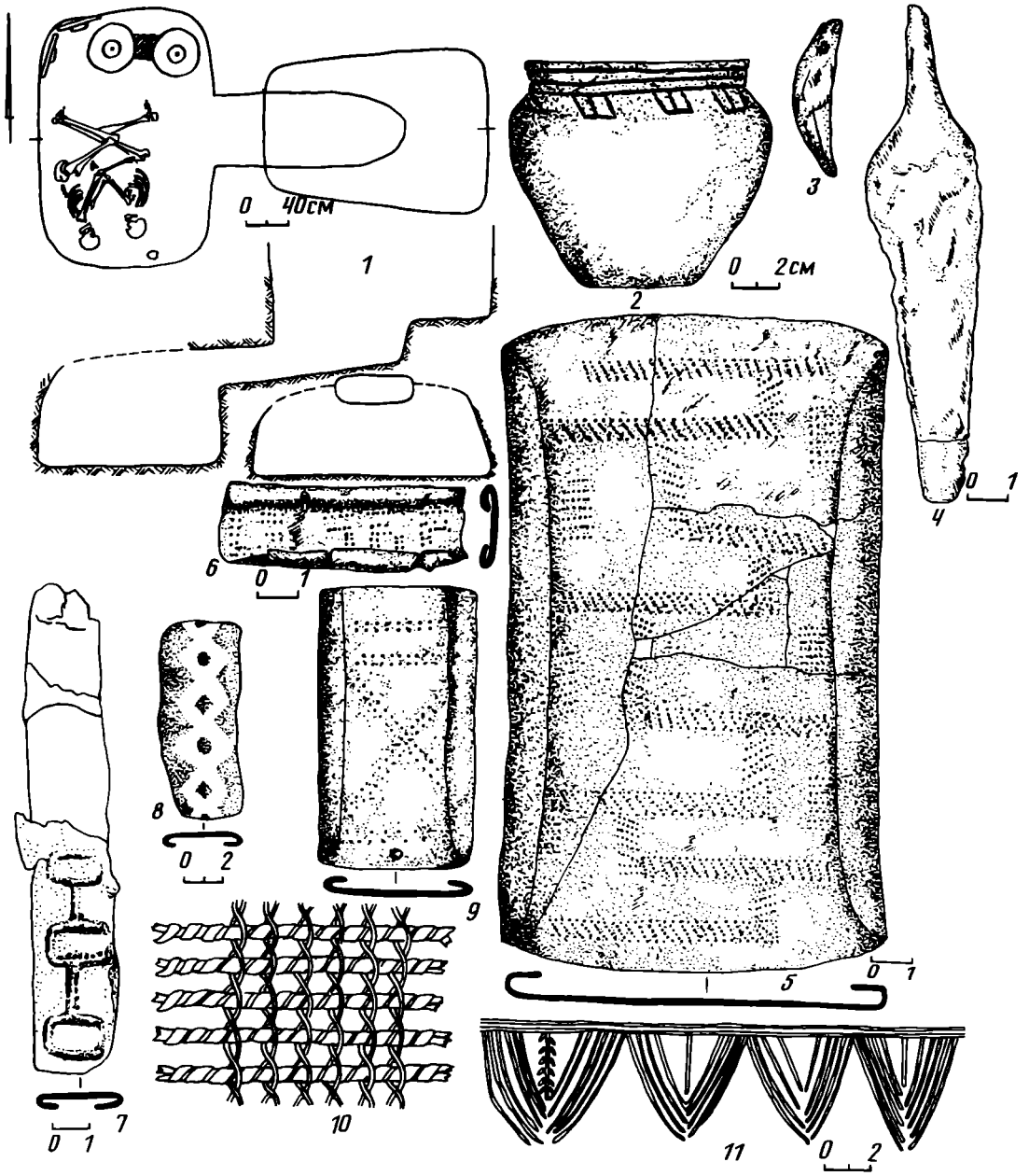


Рис. 1. Материалы из катакомбных погребений. *1* — план и разрез погребений; *2* — сосуд; *3* — клык собаки; *4* — бронзовый нож; *5—9* — бронзовые пластины; *10* — строение ткани куля; *11* — развертка орнамента сосуда. *1—5, 10* — Болотное, кург. 14, погр. 28; *6, 7* — Аккермень I, кург. 4, погр. 1; *8* — Приморск, кург. 1, погр. 5; *9* — Каменка Днепровская, кург. 11, погр. 10; *11* — Филатовка, кург. 8, погр. 11

Микроклимат, создавшийся в результате герметичности погребальной камеры, и близость Сиваша обусловили редкую для древности сохранность находок растительного происхождения и способствовали разрушению костных остатков (законсервированные находки — остатки куля, злаки, колеса — хранятся в фондах ИА АН УССР).

Погребальный инвентарь захоронения, обряд свидетельствуют о его принадлежности к раннему периоду катакомбной культуры, и концу III тыс. до н. э. [1, с. 105—121]

Набор инвентаря стандартен для богатых катакомбных погребений. Горшочек лепной, орнаментирован отпечатками шнура, его высота 7,6—7,9, диаметр горла — 8, дна — 4,8 см. Сосуду имеются аналоги в катакомбных погребениях Северного Причерноморья [2, с. 58, рис. 42] Орудия труда

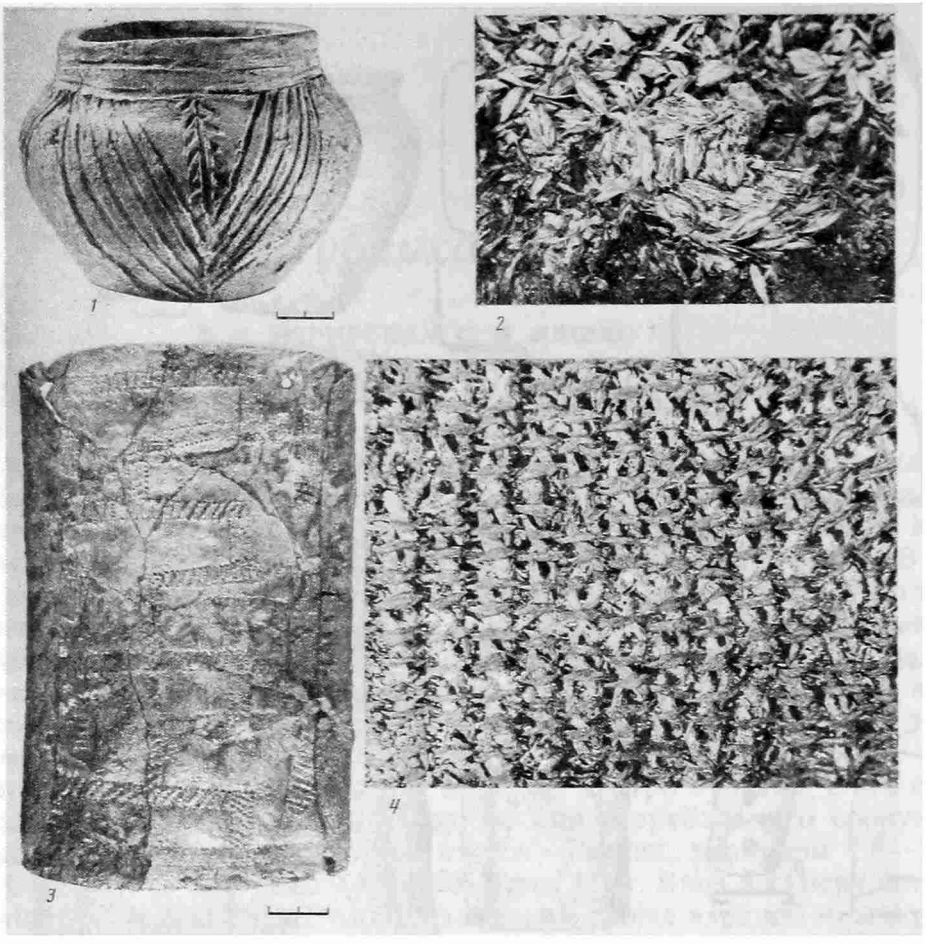


Рис. 2. Находки из катакомбных погребений: *1* — сосуд; *2* — пшеница; *3* — бронзовая пластина; *4* — ткань куля. *1* — Филатовка, кург. 8, погр. 11; *2—4* — Болотное, кург. 14, погр. 28

Рис. 3. Куль с пшеницей

представлены каменными растиральниками, кремневыми отщепами, бронзовыми изделиями. Четырехгранное в сечении шило, листовидный черешковый нож длиной 9,6 см часто встречаются среди орудий этой категории у племен ямной, катакомбной, северокавказской культур [3, с. 41—46, 4-я группа] Каменные орудия оказались утерянными. Размещение в камере инвентаря не позволяет связывать его конкретно с кем-либо из погребенных. Исключение составляет бронзовая пластина на груди скелета 1. Это обстоятельство позволяет предположить высокий общественный статус погребенного и связывать с его захоронением положенные в могилу куль с пшеницей и части повозки.

Пластина прямоугольная, размером 16,5×9,6 см. С лицевой стороны близ углов пробито по отверстию диаметром 2 мм. Поверхность пластины украшена пуансонным меандровидным орнаментом. Под загнутыми на 1,1 см длинными краями пластины сохранились остатки кожи, которые вместе с отверстиями в углах свидетельствуют о закреплении ее на кожаном поясе (рис. 1, *5*). Подобные пластины известны в раннекатакомбных памятниках Северного Причерноморья. Так, в погр. 1 кург. 4 в Приазовье (Аккермень I) найдены три бронзовые пластины (рис. 1, *6, 7*) [2, с. 70, 71] Очевидно, пластины составляли единое целое и крепились на кожаном ремне. Еще одна бронзовая обойма с остатками кожи была найдена у пояса погребенного в погр. 5 кург. 1 у г. Приморска в Приазовье [4, с. 77, 78] (рис. 1, *8*). Четвертая из известных нам пластин лежала у локтя правой руки ребенка в погр. 10 кург. 11 у г Каменка-Днепровская Запорожской обл. (рис. 1, *9*) [2] Ее размеры 7,2× ×3,9 см, края на 0,6 и 0,9 см загнуты вовнутрь. У коротких сторон по два отверстия диаметром 2 мм. Пластина орнаментирована пуансоном: крест и две параллельные линии.

Металлические орнаментированные пластины, бесспорно, являлись престижными знаками, подчеркивающими социальный статус погребенного. Особое смысловое значение придавалось в древности и самому поясу. Изображения поясов, исполненные в рельефе или обозначенные охрой, имеются на антропоморфных стелах эпохи энеолита (Новочеркасск, Казанки, Натальевка, Керносовка) [5, с. 180; 6, с. 36—46; 7, с. 27—34, рис. 6, *10,* 8, *9,* 9, *12,* 10, *11, 13,* 11, *2, 14, 23*] На киммерийских и карасукских стелах обязательно изображение пояса с подвешенным к нему оружием [8; 9, с. 224] Священным смыслом наделен пояс у скифов [10, с. 189] и выделен на антропоморфных стелах [11] Во всех приведенных примерах функция пояса как одного из признаков социальной значимости, его связь с воинским сословием и погребальным ритуалом несомненна. В виде гипотезы можно предположить, что для эпохи ранней бронзы пояс с атрибутами (пластинами) мог также указывать на принадлежность к воинской верхушке.

В связи с этим интересно совместное нахождение в могилах клыков собак и пластин. Культово-ритуальная функция волка и собаки, наделенных комплексом особых священных качеств, имеет место в представлениях периода индоевропейского единства. В мифологических представлениях многих народов образ волка и собаки был связан преимущественно с культом предводителя боевой дружины [12, с. 492, 493; 13, с. 493—495; 14, с. 242] Не исключая иных семантических трактовок, мы считаем, что бронзовая орнаментированная пластина и клык собаки подчеркивают прежде всего высокий социальный ранг погребенного и позволяют с этой позиции оценивать положенные в могилу зерно и повозку. Хотим подчеркнуть, что зерно и повозка в могиле наделены прежде всего культовыми функциями.

Куль, в котором находилось зерно, был изготовлен из полотнища, сложенного вдвое, края и швы его не сохранились. Сохранившийся кусок — размером 35×30 см. Предполагаемая ширина куля, фиксируемая по положению ко-

---

[2] Раскопки В. В. Отрощенко 1986 г. Авторы благодарят В. В. Отрощенко за разрешение опубликовать находку.

лосьев пшеницы,— 60 см. Толщина наполнения куля пшеницей — около 20 см. Куль изготовлен из нитей растительного происхождения (ботаническое определение проф. У Кёрбер-Гроне, Институт ботаники Университета Гогенхайма в Штутгарте). Нить основы изготовлена из стеблей или соломы ситника Junkus sp. или родственной ему болотницы (Eleocharis sp.). Для утка были использованы листья ковыля (Stipa sp.), обработка которого (скручивание) производилась в свежем, влажном состоянии.

Ткань полотняного переплетения выполнена в технике неткацкого текстиля (консультация по технологии изготовления тканей А. К. Елкиной). В создании раппорта участвуют две нити. Основой служат тонкие, дважды перевитые нити темно-коричневого цвета, диаметром до 1 мм. При их изготовлении использовалась правая крутка. В 1 см ткани — четыре нити основы. Для утка применялись светло-коричневого цвета толстые (3—4 мм) нити, скрученные S-видной круткой в одну нить. В 1 см ткани — две нити утка. Полотно, по мнению А. К. Елкиной, создавалось с помощью дощечек с двумя отверстиями, причем для каждой пары нитей основы бралась отдельная дощечка. Ткацким зевом, в который вводился уток, служил каждый виток нитей основы при повороте дощечки на 180° всегда в одну сторону — вправо (рис. 1, *10*; 2, *4*). Ткани перевитого типа были известны в Восточной Европе в последней четверти II тыс. до н. э. [15, с. 105] Находка ткани в Крыму удревняет засвидетельствованное по археологическим и этнографическим источникам ткачество на дощечках [16, с. 111—120] Изготовление куля, включая заготовку сырья, прядение нитей, изготовление полотнища и шитье являются неразделимым производством, осуществляемым в домашних условиях. Сырьем для нитей служили местные растения. Они характерны для речных долин степного Крыма и в настоящее время [17, с. 74, 550; 18, с. 46, 47]

Смесь колосьев натуральной необрушенной пшеницы занимала 0,24 $м^3$ объема куля [19, с. 24—28, рис. 2—4] (рис. 2, *2*). От распавшихся колосьев сохранились целые колоски, их отдельные чешуи, вилочки, ножки. По определению Г А. Пашкевич и З. В. Янушевич, они принадлежали к культурным пленчатым пшеницам двух видов: однозернянки (Triticum monococcum L.), и двузернянки (Triticum dicoccum Schrank). Их находки в Крыму интересны с точки зрения истории и географии пленчатых пшениц. Крымский полуостров входит в ареал диких видов однозернянки. Здесь найдено 9 из 11 известных ее разновидностей, причем для 6 из них Крым является единственным местонахождением [20, с. 23, рис. 11] Однозернянка довольствуется бедными почвами, дает зерно хорошего качества при незначительных урожаях. С двузернянкой Н. И. Вавилов связывал возникновение земледелия [21, с. 111—114] Полба неприхотлива, растет на разных почвах. Для посева невымолоченные колоски полбы заделываются на небольшую глубину в почву, обработанную сохой. Вследствие ломкости колосовых стержней ее уборка производится обламыванием и сбором колосьев, т. е. раздельно от соломы. Урожай пленчатых пшениц в древности хранился в колосе в ямах (Plin, N. H., XVIII, 306).

Перечисленные качества обоих видов пшениц играли решающую роль в развитии древнего земледелия в степной части Восточной Европы. Находка пшениц является неоспоримым доказательством возделывания двух видов хлебных злаков, что возможно при оседлом образе жизни населения. В Крыму известно уже около 25—30 поселений катакомбной культуры [22, с. 20, 21] Находка в Нижнем Поднепровье деревянного рала свидетельствует о пашенном характере земледелия [23, с. 146—152, 24, с. 44—47; 25, с. 22, 23]

Существование развитого земледелия у племен катакомбной культуры определяло у них и наличие развитого аграрного культа, что нашло отражение в погребальных памятниках. Интересен орнамент сосуда из катакомбного погребения 11 кург 8 у с. Филатовка в Крыму [26, с. 53, рис. 7, *4, 5*] (рис. 1, *11;* 2, *1*), включающий изображение колоса. В целом изображение на сосуде можно трактовать как своеобразный земледельческий календарь, в котором че-

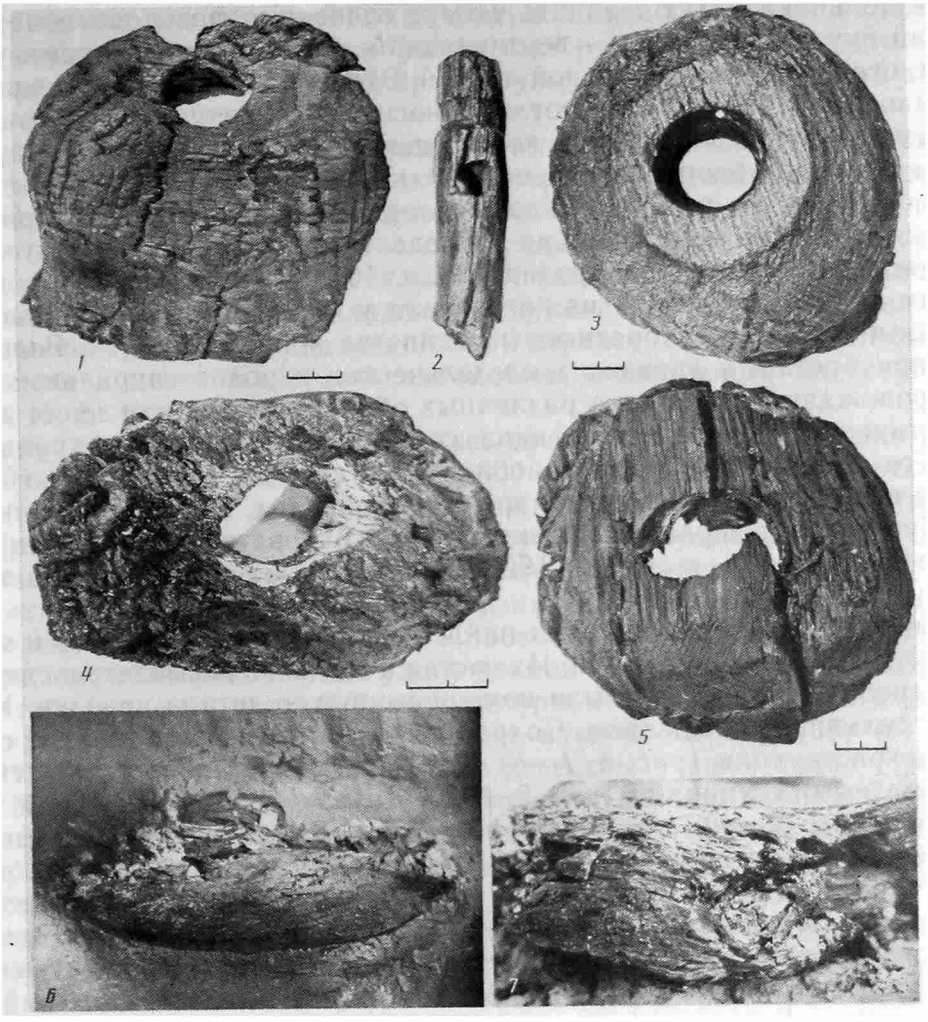


Рис. 4. Фрагменты повозки: *1, 3—5* — ступицы колес; *2* — фрагмент конструкции; *6* — сохранившаяся часть колеса в погребении; *7* — фрагмент диска колеса со шпунтом

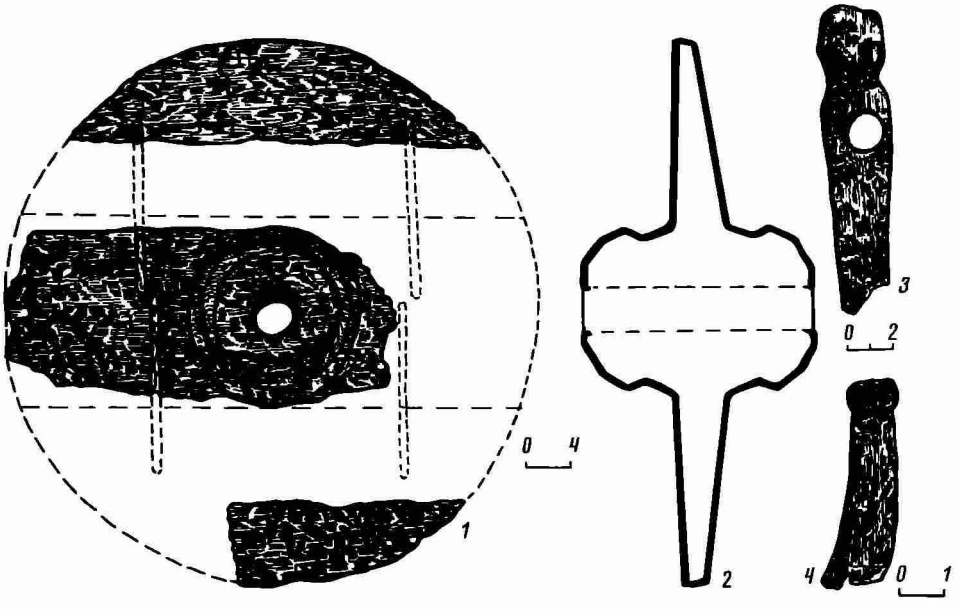


Рис. 5. Деревянное колесо и детали повозки. *1, 2* — реконструкция колеса с выделенными сохранившимися частями; *3, 4* — детали конструкции

тыре треугольника могут означать четыре солнечные фазы: зимняя — без изображений внутри; весенняя — вертикальной линией; летняя, время урожая,— колосом; осенняя — вертикальной линией. Этот и подобные ему сосуды с аграрной символикой [27, с. 28] могли относиться к ритуальным, связанным с аграрным культом. Изображение колоса пшеницы-однозернянки обнаружено на топоре из катакомбного погребения 18 кург. 2 у с. Баратовка [28, с. 67, 69, 70] И колос, и ромбо-меандровый орнамент являются аграрными символами, связанными у древнейших земледельческих племен энеолита и бронзы с идеей возрождения и плодородия [29, с. 161]

Таким образом, пшеница из погребения у с. Болотное выступала как символ, связанный с идеей обратимости, единства жизни и смерти. Роль хлебных злаков приобретает у древних земледельческих народов сакральное значение, они сопровождают человека в различных обрядах от его рождения до смерти. Археологически засвидетельствована со времени энеолита сакральная роль зерна. Его добавляли в тесто трипольских статуэток [30, с. 253] Особеннно ярко она проявилась в различных греческих обрядах, в том числе и погребальных. Обугленными зернами пшеницы и других растений посыпали умерших детей на Боспоре [31, с. 46, 79, 160, 161] Хлебные зерна сеяли на могилах в Аттике (Cic. Leg., II, 25, 63).

Большой интерес представляют найденные в погребении колеса и отдельные детали деревянных конструкций. Их состав и количество свидетельствует о том, что в погребальную камеру были помещены только детали повозки. Колеса по форме и размерам одинаковые. Сохранившиеся части дают твердое основание для их реконструкции (рис. 4, *1—6*). Колесо трехсоставное с двухсторонними муфтообразными ступицами (рис. 5, *1, 2*). Диск колеса — диаметром 51 см, составляющие его части — шириной по 17 см. Толщина диска неодинаковая: 5 см у основания ступицы и 2 см по ободу. На сохранившихся участках обода имеется скос в одну сторону до 10° Скос проходит по всей плоскости обода, угол перехода от обода к диску четкий, без следов стертости. Составные части диска соединялись между собой четырьмя деревянными шпунтами длиной 17 см и диаметром 1,5 см. Примерно на 9 см они заходят в правый и левый сегменты диска. Гнезда для шпунтов проходят поперек волокон. Сохранились обломки шпунтов длиной 6,8 и 7 см и часть диска с гнездами для шпунтов (рис. 4, *7*) Ступицы вырезались из одного куска дерева вместе со средней частью диска, выступали над его плоскостью на 5,5 см. Они имели форму усеченного конуса с диаметрами 15,5 и 12 см. В верхней части ступиц сняты три фаски шириной 2—2,5 см. Канал для оси имел одинаковый диаметр по всей длине — 4 см. Колеса вращались на неподвижной оси (поверхность канала заполирована) и фиксировались на ней с помощью чеки [32, с. 67] На ступице одного из колес сохранились остатки кожаного плетеного шнура, которым, очевидно, закреплялась чека. Среди деталей сохранился обломок стержня (чеки?) длиной 11 и диаметром 2,5 см. Уцелевший конец оформлен в виде головки высотой 2 см, выделенной со всех сторон желобком. На расстоянии 5,1 см от основания головки стержень имел отверстие диаметром 1,3 см (рис. 4, *2*; 5, *3*). Еще один стержень, длиной 5 см, имел на одном конце выделенную головку (рис. 5, *4*)

Все описанные деревянные части повозки изготовлены из дуба летнего (черешчатого) (Quercus robur L.) (определение сделано на кафедре механизации сельскохозяйственных работ Украинской сельскохозяйственной академии канд. с.-х. наук доцентом В. П. Левченко). В древности этот вид дуба произрастал в степной части Крыма [33, с. 92—95]

Сохранность деревянных предметов позволяет выделить отдельные технологические приемы, использовавшиеся при изготовлении повозки. Так, следы работы стамеской (скобчатые выемки вдоль слоя древесины, направленные сверху вниз) хорошо видны на стержне (рис. 5, *3*). Ширина лезвия стамески — 1,2 см. Пазы для шпунтов, во всех случаях одинаковые, выполнялись, очевид-

но, кремневым сверлом одинакового диаметра. С помощью сверла сделаны отверстия в ступице и стержне. Эти факты еще раз позволяют убедиться, что изготовление колес в эпоху ранней бронзы уже носило ремесленный характер [34, с. 45, 46].

Что касается колес как частей определенного вида транспорта, то материалы из с. Болотное позволяют выделить такую интересную деталь, как наличие скоса на ободе. Поверхность скоса без следов сработанности, четки углы при переходе от скоса к диску свидетельствуют о его преднамеренном изготовлении. Скос обода можно предположительно связывать с так называемым «развалом колеса», который преднамеренно закладывался в конструкцию и требовал определенного способа крепления продольной оси к передку, особого крепления на оси (консультация доцента Киевского автомобильно-дорожного института канд. техн. наук Н. Е. Основенко).

Очевидно, сама повозка не отличалась от повозок, известных для степных культур этого времени [32, с. 66, 67; 35, с. 102—108] Имеющиеся в наличии данные позволили вычислить возможную грузоподъемность найденной повозки (расчет произведен канд. техн. наук П. Н. Малышевым на кафедре деталей машин Запорожского машиностроительного института), равную 1,5 т, из чего можно заключить, что основным назначением повозок было использование их в хозяйственной деятельности. Повозки и их части использовались при совершении погребального обряда уже у племен ямной культуры. Эта традиция продолжалась у племен катакомбной культуры. Повозки и их части размещались во входной яме, камере, закрывали вход в камеру [36, с. 142; 37, с. 138, 141, 145, 149 и др.] Их находки известны в памятниках Приазовья, Нижнего Поднепровья, Прикубанья, Северного Кавказа, Крыма. Содержание ритуала помещения повозки или ее частей в могилу, единое в своей основе, связано прежде всего с культовой функцией повозок [38, с. 300] и указывает на высокий социальный ранг погребенных.

Обращает на себя внимание такая обрядовая деталь, как одновременность парного захоронения рассматриваемого погребения. Одновременные парные захоронения в катакомбной культуре Северного Причерноморья не являются редкостью. Например, среди 88 катакомбных погребений, исследованных в Крымском Присивашье в 1977—1978 гг., 14 являлись парными одновременными. Для катакомбных погребений Нижнего Поднепровья наиболее часто в парных захоронениях встречается сочетание «мужчина — женщина», причем возраст женщины во всех случаях более молодой [39, с. 128—139] Считается, что при патриархальных родовых отношениях насильственная смерть в парных захоронениях должна свидетельствовать о знатности погребенного [40, с. 108—125] Можно было бы согласиться с тем, что у племен катакомбной культуры произошел процесс выделения парной семьи, что и нашло отражение в погребальном обряде. Но этому противоречит тот факт, что кроме сочетаний «мужчина — женщина» встречаются сочетания «женщина — ребенок», «женщина — подросток», «два мужчины», «мужчина — ребенок», «две женщины», «два ребенка» [39, с. 128—139]. Из этого следует, что погребальный обряд отражает прежде всего социальное положение погребенных или одного из них. Такое заключение не противоречит смысловой интерпретации совместных погребений, предложенной Л. С. Клейном [41, с. 18—20] С этой позиции, высокий социальный ранг погребенного в кург. 14 у с. Болотное (скелет 1) не вызывает сомнения.

Итак, в процессе изучения материалов катакомбного погребения 28 кург. 14 у с. Болотное наше внимание привлекли два аспекта. Первый касается оценки хозяйства и образа жизни населения степей Восточной Европы в эпоху ранней бронзы. В подтверждение уже имеющейся в литературе точки зрения о наличии здесь пашенного земледелия (Т. Б. Попова, И. Н. Шарафутдинова, М. М. Никитенко, И. Ф. Ковалева и др.) получены твердые доказательства: культивирование катакомбным населением двух видов пшеницы и отражение аг-

парного культа в погребальном обряде. Второй аспект касается социальной стратификации населения в раннекатакомбное время. Еще раз перечислим элементы погребального обряда, позволяющие вычленить степень богатства и социальной значимости данного погребения: парность захоронения, детали повозки, куль с пшеницей, бронзовая орнаментированная пластина в сочетании с клыком собаки. Данные анализа позволяют с полным основанием считать, что у племен катакомбной культуры происходили процессы, имеющие выход на социальное членение внутри коллектива.

Кроме того, получены интересные новые данные о таких видах хозяйственной деятельности, как ткачество, деревообработка. Несомненный интерес представляют палеоботанические материалы по истории и географии пленчатых пшениц и о природных условиях Крымского Присивашья в эпоху ранней бронзы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шилов Ю. А.* Памятники старосельского типа (археологические источники и историческая интерпретация) // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
2. *Вязьмітіна М. І., Іллінська В. А. та ін.* Кургани біля с. Новопилипівки і радгоспу Аккермень // АП. 1960. Т. VIII.
3. *Кореневский С. Н.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. 1978. № 2.
4. *Михайлов Б. Д.* Курган епохи бронзи у м. Приморьске // Археологія. 1976. Вип. 20.
5. *Формозов А. А.* О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья // СЭ. 1965. № 6.
6. *Крылова Л. П.* Керносовский идол // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
7. *Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д.* Ямная культурно-историческая общность (южнобугский вариант) // САИ. 1986. Вып. В1-3.
8. *Тереножкін О. І.* Кімерійські стели // Археологія 1978. Вип. 27.
9. *Корпусова В. Н., Белозор В. П.* Могила киммерийского воина у Джакоя в Крыму // СА. 1980. № 3.
10. *Геродот.* История / Пер. Стратановского Г А. Л.: Наука, 1972.
11. *Попова Е. А.* Об истоках традиции и эволюции форм скифской скульптуры // СА. 1976. № 1.
12. *Топоров В. Н.* Животные // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1980.
13. *Гамкрелидзе Т В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984.
14. *Иванов В. В.* Волк // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1980.
15. *Чернай И. Л.* Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита — бронзы Зауралья и Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.
16. *Чернай И. Л.* Глиняные грузики городища Марица // *Пузикова А. И.* Марицкое городище в Посеймье. М.: Наука, 1984.
17. Определитель высших растений Крыма. М.: Наука, 1984.
18. *Рубцов Н. И., Махаева Л. В. и др.* Растительный мир. Природа Крыма. Симферополь: Крым, 1966.
19. *Янушевич З. В., Корпусова В. Н., Пашкевич Г А.* Пшеница из захоронения катакомбной культуры // Изв. АН МолдССР. Сер. биол. и хим. наук. 1981. № 5.
20. *Янушевич З. В.* Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев: Штиинца, 1976.
21. *Вавилов Н. И.* Центры происхождения культурных растений. Т. 1. Л.: Наука, 1967.
22. *Щепинский А. А.* Культуры энеолита и бронзы в Крыму // СА. 1966. № 2.
23. *Бидзиля В. И., Яковенко Э. В.* Рало из позднеямного погребения конца III — начала II тыс. до н. э. // СА. 1973. № 3.
24. *Никитенко М. М.* О датировке балкинского рала // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наук. думка, 1977.
25. История первобытного общества. Эпоха классообразования. М.: Наука, 1988.
26. *Бессонова С. С., Черных Л. А., Куприй С. А.* Курганы у с. Филатовка // Курганы степного Крыма. Киев: Наук. думка, 1984.
27. *Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Корпусова В. Н.* Курганная группа у с. Привольное // Археологические памятники Поингулья. Киев: Наук. думка, 1980.
28. *Шарафутдінова І. М.* Орнаментовані сокіри-молотки з катакомбних поховань на Інгулі // Археологія. 1980. Вип. 33.
29. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.

30. *Бибиков С. Н.* Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре // МИА. 1953. № 33.
31. *Корпусова В. Н.* Некрополь Золотое. К этнокультурной истории европейского Боспора. Киев: Наук. думка, 1983.
32. *Анфимов И. Н.* Повозки эпохи бронзы из раскопок курганов у станицы Старонижнестеблиевской // Древности Кубани. Краснодар, 1987.
33. *Пашкевич Г О.* Споро-пилкові досліджения відкладів стоянок первісної людини Фронтове та Олексіївка на Керченському півострові // Український ботанічний журнал. 1967. Т. XXIV № 4.
34. *Ляшко С. Н.* О деревообработке в эпоху бронзы в Северном Причерноморье // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл. конф. Донецк, 1987
35. *Романовская М. В.* Находки повозок эпохи бронзы в Ставрополье // КСИА. 1982. Вып. 169.
36. *Кубышев А. И., Шилов Ю. А. и др.* Отчет о раскопках Каховской экспедиции в 1984 г. // Архив ИА АН УССР. № 1984/11.
37 *Отрощенко В. В., Рассамакин Ю. Я. и др.* Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1981 г. // Архив ИА АН УССР. № 1981/10.
38. *Кларк Дж.* Доисторическая Европа. М.: Изд-во иностр. лит., 1953.
39. *Круц С. И.* Палеоантропологические исследования степного Приднепровья. Киев: Наук. думка, 1984.
40. *Артамонов М. И.* Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костями // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 7, 8. М.; Л., 1934.
41. *Клейн Л. С.* Смысловая интерпретация совместных погребений в степных курганах бронзового века // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. конф. Донецк, 1979.

W. N. KORPUSOWA, S. N. LJASCHKO

CATACOMB BURIAL WITH WHEAT IN THE CRIMEA

Summary

In 1978, a secondary catacomb burial (mound 14, burial 28) was discovered at the village of Bolotnoye in the Crimea. It contained two skeletons and diverse burial goods: a sack of wheat, four wheels, an earthenware jug, bronze knife, an awl and stone implements. There was a bronze plate with a meander on the male skeleton's breast. The catacomb itself, the position of the buried and the grave goods date the burial to the catacomb culture's early period (the late third millennium B. C.). The authors obtained specific knowledge of the fabrics made of *Junkus sp.* or *Eleocharis sp.* and *Stipa sp.* the wheeled transport, the history and the area of distribution of chaffed wheat and the natural conditions in the Crimea during the Early Bronze age. Developed landtilling and the settled way of life are supported by the fact that wheat of two types was raised (*Triticum monococcus L.* and *Triticum dicoccum Schrank*) and an agrarian religious cult as reflected in the burial rite. These materials suggest that the catacomb population was socially stratified.

Л. Б. КИРЧО

ДРЕВНЕЙШИЕ ПЕЧАТИ И ИХ ОТТИСКИ ИЗ АЛТЫН-ДЕПЕ

Одним из наиболее ярких компонентов культурных комплексов раннеземледельческой эпохи является категория изделий, обычно именуемая печатями.

Наиболее ранние печати-амулеты Южной Туркмении найдены в позднеэнеолитических слоях Кара-депе — Геоксюра I (комплексы времени Намазга III, второй половины IV тыс. до н. э.) [1, табл. XIV, рис. 13—15; 2, табл. III, XXVII, *52*] Печати эти плоские, изготовлены из мягкого камня типа сланца или известняка. Одна печать из Кара-депе терракотовая и имеет в верхней части отверстие для подвешивания. Это и послужило основой предположения, что их носили в качестве амулета. Форма печатей преимущественно квадратная или прямоугольный ромб (рис. 1, *1, 3*), найдены также треугольная (рис. 1, *2*), круглая и обломки крестовидных печатей-амулетов. Орнамент на лицевой стороне каменных печатей вырезан, на глиняной нанесен вдавлениями треугольной в разрезе палочки или кости. Орнаменты на позднеэнеолитических печатях-амулетах Южной Туркмении полностью аналогичны мотивам орнамента керамики типа Кара IБ и Геоксюр. В основе их орнаментации крупные крестовидные или подтреугольные ступенчатые мотивы с одним общим центром.

В последние годы в центре внимания советских археологов, изучающих раннеземледельческие памятники Средней Азии, находятся вопросы формирования предпосылок и становления культур эпохи бронзы, в частности раннегородской цивилизации Алтын-депе [3, с. 10—29] Здесь при стратиграфических исследованиях слоев эпохи ранней бронзы (время Намазга IV, 2900—2300 гг. до н. э.) получены новые массовые материалы, характеризующие период ранней бронзы как этап формирования экономической основы и ведущих компонентов культурного комплекса (в том числе и печатей) раннегородской цивилизации Алтын-депе на базе традиций позднеэнеолитических раннеземледельческих комплексов [4, с. 137—146]

В культурных напластованиях и погребениях шести строительных горизонтов периода ранней бронзы (горизонты 8—4) и конца позднего энеолита (горизонты 10—9) на раскопе 5 Алтын-депе найдено 15 печатей и впервые в Средней Азии — оттиски печатей на комках глины. Печати представлены двумя основными типами: печати-штампы с ушком для подвешивания на тыльной стороне и печати-пуговицы с двумя сквозными отверстиями посередине. Изготовлены печати из меди, кости, терракоты и камня.

1. Квадратная печать-пуговица, медь (рис. 2, *1*; 3, *1*). На лицевой стороне — слабозаметный штампованный (?) крестовидный орнамент в виде двух пересекающихся под прямым углом линий. До сих пор металлические печати-пуговицы в Южной Туркмении не были известны. Найдена около ребер мужского скелета погр. № 843 8-го периода.

2. Квадратная печать-штамп, медь, ушко для подвешивания обломано (рис. 2, *5*). На лицевой стороне — крестовидный орнамент в виде пересекающихся под прямым углом линий, в центре и по углам — кружковый орнамент с точкой в центре круга. Литье (?). Найдена в мусорных слоях двора А 8-го периода.

© Л. Б. Кирчо, 1990 г.

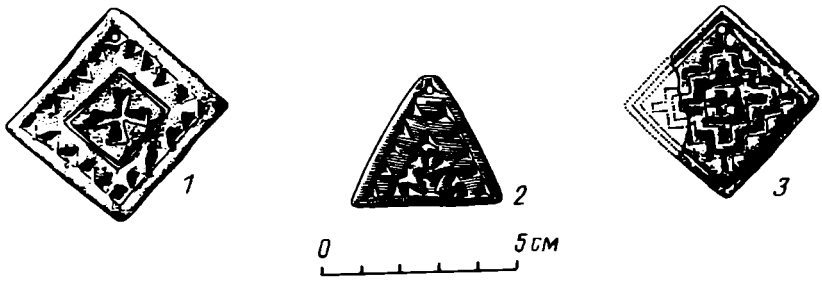


Рис. 1. Печати-амулеты эпохи позднего энеолита, Кара-депе

Рис. 2. Печати периода ранней бронзы из раскопа 5 Алтын-депе

3. Квадратная печать-пуговица, кость (рис. 2, *2*; 3, *2*) Деформирована. На лицевой поверхности вырезана крестовидная фигура, которая делит плоскость на четыре малых квадрата. Внутрь малых квадратов вписаны косые кресты. Найдена у бедренных костей скелета мужчины погр. № 843 8-го периода.

4. Круглая печать-пуговица, кость (рис. 2, *3*; 3, *3*). На лицевой поверхности вырезана крестовидная фигура, делящая плоскость на четыре сектора. Внутри секторов вырезаны еще два концентрических треугольника. Найдена в мусорных слоях двора А горизонта 9.

5. Обломок квадратной печати-пуговицы, обожженная глина (рис. 2, *6*; 3, *4*). На лицевой стороне вырезан орнамент типа свастики с меандровыми завершениями на концах. Найдена в мусорных слоях двора А горизонта 9.

6. Обломок квадратной печати, обожженная глина (рис. 2, *8*). На лицевой поверхности вырезан крестовидный ступенчатый орнамент. Найдена на поверхности двора А горизонта 9.

7 Круглая печать-штамп, терракота (рис. 2, *9*). Вырезанный на лицевой стороне концентрический крестовидный орнамент идентичен орнаменту печати 4. Найдена в заполнении помещения 5 горизонта 8.

Рис. 3. Печати периода ранней бронзы из раскопа 5 Алтын-депе

8. Квадратная печать-пуговица, красноватый камень (яшма?), обломок (рис. 2, *11*). На лицевой стороне высверлен крестовидный концентрический орнамент, по схеме аналогичный орнаменту печатей 4 и 7. Наружные, самые маленькие треугольники, заменены точками. Найдены в слоях 8-го периода.

9. Круглая печать-пуговица, красноватый камень (рис. 2, *13*; 3, *5*). Высверленный крестовидный концентрический орнамент идентичен орнаменту 8. Найдена в мусорных слоях двора А горизонта 7.

10. Заготовка (?) круглой печати-штампа, серо-зеленый камень (рис. 2, *12*; 3, *6*). На лицевой стороне намечена одна прямая полоса. Найдена в мусорных слоях двора А горизонта 7.

11. Обломок квадратной печати-пуговицы, красноватый камень (яшма?) (рис. 3, *7*). На лицевой стороне вырезан крестовидный орнамент с зигзагообразным заполнением по углам, образующим в целом фигуру типа свастики. Найдена в мусорных слоях двора А горизонта 4.

12. Прямоугольная печать-пуговица, красноватый камень (яшма?) (рис. 2, *7*; 3, *8*). На лицевой стороне высверлен Z-видный концентрический повторяющийся мотив, найдена в помещении 25 горизонта 6.

13. Прямоугольная печать-пуговица со скругленными углами, лазурит

(рис. 2, *4*; 3, *9*). Орнаментирована прочерченным крестовидным концентрическим мотивом (косой крест). Найдена на стене помещения 18 горизонта 6.

14. Прямоугольная печать-пуговица, мраморовидный известняк кремового цвета (рис. 3, *10*). На лицевой стороне высверлен крестовидный орнамент в виде косого креста и четырех ступенчатых треугольников. Найдена в заполнении помещения 38 горизонта 5.

15. Квадратная печать-штамп, стеатит (рис. 2, *10*; 3, *11*). Высверленный орнамент в виде прямого креста и трех-четырех углублений по углам печати. Найдена у тазовых костей скелета женщины 60 лет (погр. № 627 4-го периода).

Таким образом, среди печатей периода ранней бронзы Алтын-депе преобладают печати-пуговицы с двумя дырочками в центре и высверленным или прорезанным крестовидным орнаментом. Форма эта появляется в конце позднего энеолита, в 9-м строительном периоде Алтын-депе (начало III тыс. до н. э.), и является развитием традиции печатей-амулетов Кара-депе и Геоксюр I. На самом Алтын-депе печати-пуговицы продолжают бытовать и в период средней бронзы (комплекс времени Намазга V), вплоть до конца жизни поселения (начало II тыс. до н. э.), причем среди каменных печатей раннего городского Алтын-депе есть и образцы с несколькими знаковыми мотивами (рис. 3, *12*). За пределами Южной Туркмении печати-пуговицы с двумя или четырьмя дырочками, разнообразных, в том числе сложных, ступенчатых и многолучевых форм и с высверленным геометрическим орнаментом широко представлены в комплексе Шахри-Сохта II в Сеистане (2700—2600 гг. до н. э.) [5, с. 375, рис. 258, 262—275], а оттиски аналогичной плоской печати найдены и в материалах Шахри-Сохта I, фаза 8 [6, с. 26, рис. 24] (конец IV — начало III тыс. до н. э.), синхронных нашим материалам. Кроме того, прямоугольная каменная печать-амулет с бессистемно высверленными кружками и тремя дырочками в центре найдена в комплексе Мергар IV (середина IV тыс. до н. э.) [7, с. 498, рис. 21]

Печати-штампы с ушком на тыльной стороне появляются на Алтын-депе в 8-м периоде, в начале комплекса ранней бронзы, но встречаются гораздо реже, чем печати-пуговицы. Если печати-пуговицы имеют, по-видимому, местное происхождение, то форма печатей-штампов продолжает традиции раннеземледельческих комплексов Северной Месопотамии V тыс. до н. э. и Ирана IV тыс. до н. э., в свою очередь уходящих в неолитическую эпоху.

Характерной чертой всех позднеэнеолитических и раннебронзовых печатей Ирана и Южной Туркмении является преобладание геометрических орнаментов в виде крупных мотивов-розеток (крестовидных, треугольных, круглых или геометризированных изображений животных). Орнаменты в виде сеток, меандра и сложных спиральных композиций в отличие от неолитических и раннеэнеолитических печатей почти не представлены. По всей видимости, это различие связано с изменением функции печатей. Для неолита было характерно использование штампов для нанесения узоров на предметы: ткани, кожу и т. д. [8, с. 220] В энеолите и в эпоху бронзы, начиная с халафской культуры, печати-штампы использовали уже для получения оттисков на глине (на глиняных буллах), т. е. в функции собственно печати, сначала как оберега, а позже — уже и знака собственности (общинной, храмовой?). Соответственно и изображение на такой печати символ (абстрагированный знак принадлежности) — крупный, четко читаемый мотив: крест, свастика, треугольник, солярный знак или зооморфное изображение.

Судя по материалам погребений, печати эпохи бронзы имели персональный, личностный характер и входили в состав индивидуального погребального инвентаря общинной знати [9, с. 70]. На Алтын-депе их носили привязанными на поясе. Найдены они преимущественно в мужских погребениях, но встречаются и в погребениях женщин, состав инвентаря которых заставляет предполагать их особый социальный статус. На Шахри-Сохта костяная круглая печать-пуговица найдена у запястья женского скелета [10, с. 192, 193, 196]

Вопрос о функциях древнейших печатей Южной Туркмении может решаться

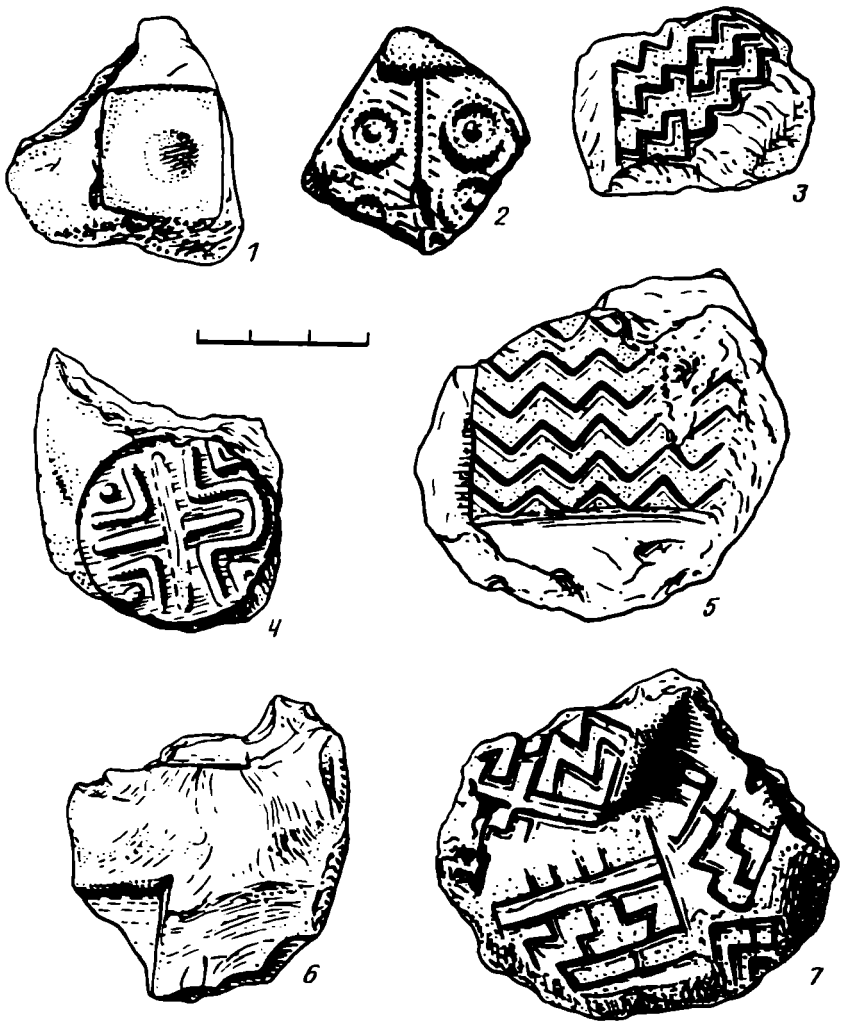


Рис. 4. Оттиски печатей периода ранней бронзы на глиняных буллах, из раскопа 5 Алтын-депе

и на основе анализа найденных теперь в слоях 10—8-го горизонтов раскопа 5 Алтын-депе комков глины с оттисками печатей.

1. Фрагмент конической буллы с плоским основанием. На поверхности — оттиски плоской квадратной терракотовой (?) печати с крестовидным ступенчатым орнаментом, оттиснутой по крайней мере 4 раза (рис. 4, *7*; 5, *7*). Найден в помещении 6 горизонта 9.

2. Фрагмент буллы с оттисками плоской терракотовой печати с зигзагообразным орнаментом (рис. 4, *3*; 5, *4*). На обратной стороне в месте разлома буллы — отпечаток веревки и узла. Найден в помещении 15 горизонта 9.

3. Фрагмент конической буллы с плоским основанием и двумя оттисками квадратной металлической печати (рис. 4, *1*; 5, *1*). В месте разлома буллы — отпечаток узла веревки. Найден в помещении 15 горизонта 9.

4. Фрагмент уплощенной конической буллы. На поверхности — оттиск квадратной металлической печати (рис. 5, *2*). Найдена в помещении 15 горизонта 9.

5. Фрагмент конической буллы с поврежденным основанием. На поверхности — оттиск круглой каменной печати с крестовидным орнаментом (рис. 4, *4*; 5, *5*). В месте бокового разлома — отпечаток веревочного узла. Найден в помещении 17 горизонта 9.

6. Фрагмент округлой глиняной буллы. На лицевой поверхности — два отпечатка одной и той же квадратной печати (рис. 4, *6*). Найден в помещении 33 горизонта 9.

7 Бесформенный комок глины с отпечатком цилиндрической печати, орна-

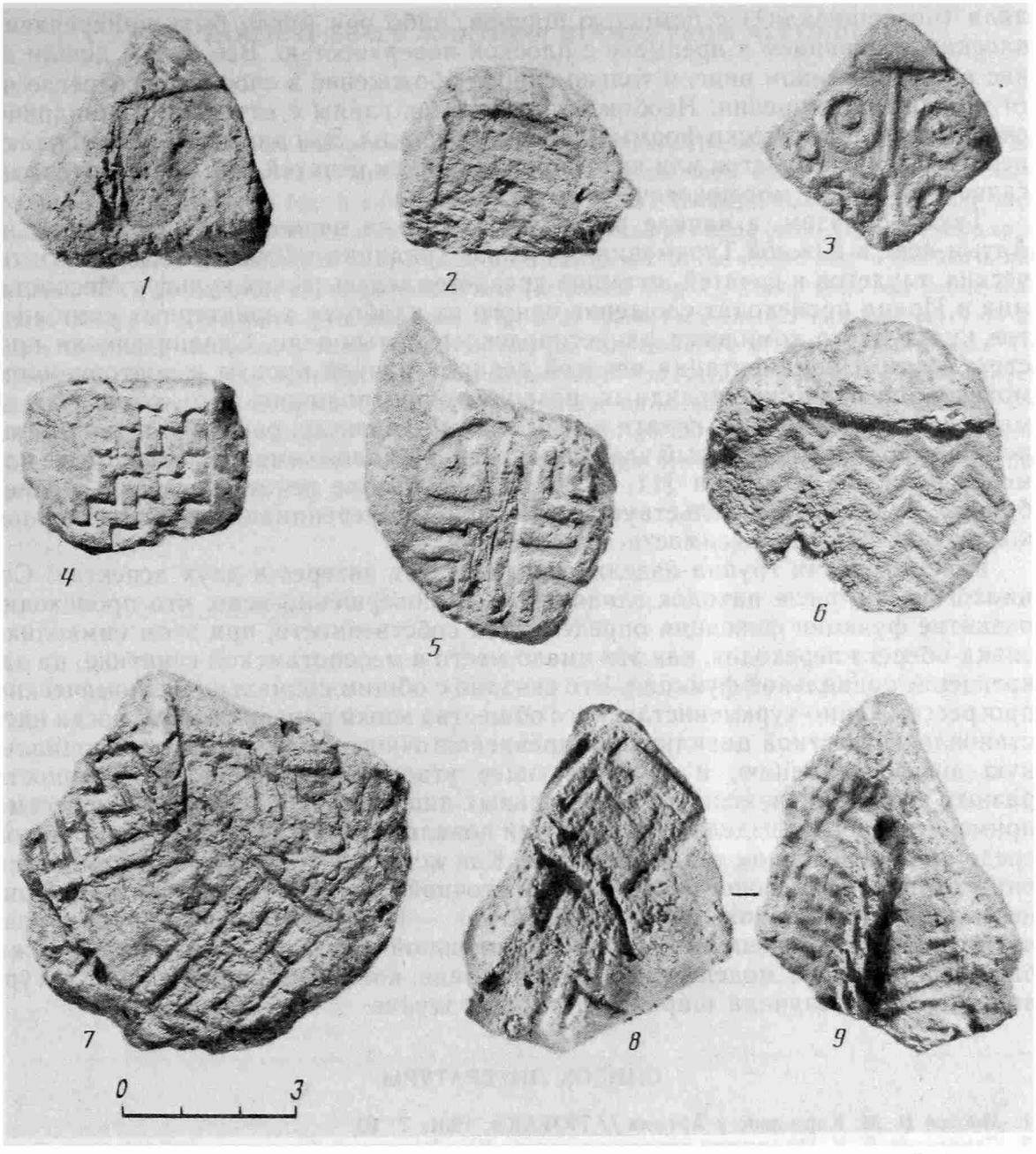


Рис. 5. Оттиски печатей на глиняных буллах, раскоп 5 Алтын-депе (период ранней бронзы)

ментированной шестью рядами горизонтальных зигзагов (рис. 4, *5*; 5, *6*). Найден в помещении 7А горизонта 9.

8. Фрагмент конической буллы. На поверхности — оттиск квадратной каменной печати, орнаментированной четырьмя кружками по углам, с точкой в центре и прямой линией посередине (рис. 4, *2*; 5, *3*). В месте разлома — отпечатки веревки. Найдена в очаге двора (помещение 6) горизонта 8.

9. Обломок конической буллы. На поверхности — два оттиска квадратной каменной печати с орнаментом в виде Z-видной фигуры (рис. 5, *8*). На основании — отпечатки ткани и веревки с узлом (рис. 5, *9*). Найдена во дворе (помещение 12) горизонта 10.

Оттиски нанесены не на бесформенные комки глины, а на глиняные буллы в виде низкого конуса или плоско-выпуклой лепешки. Глиняные конусы и плоско-выпуклые лепешки без оттисков широко распространены в 7—10-м горизонтах раскопа. Буллы, судя по отпечаткам узлов и веревок в местах разлома, прикреп-

ляли (подвешивали?) с помощью шнуров, либо они могли быть прикреплены плоским основанием к предмету с плоской поверхностью. Все буллы дошли до нас в поврежденном виде, и только слабое обожжение в слое золы сберегло их от полного разрушения. Необожженный комок глины с оттиском цилиндрической печати практически формы буллы не сохранил. Эти находки подтверждают использование амулетов или штампов именно как печатей, что ранее предполагалось на основе морфологического анализа.

Таким образом, в начале развития комплекса периода ранней бронзы на Алтын-депе в Южной Туркмении на основе традиции местных позднеэнеолитических амулетов и печатей-штампов древнеземледельческих культур Месопотамии и Ирана происходит сложение одного из наиболее характерных компонентов культурного комплекса раннегородского Алтын-депе. Сравнительная простота форм и орнаментации печатей периода ранней бронзы и повторяемость мотивов, особенно крестовидных, позволяют предположить, что, хотя, судя по материалам погребений, печати имели личный характер, они были в значительной мере родовыми. Каждый член рода — глава малой семьи (?) имел более или менее одинаковые печати [11, с. 66] Разнообразие печатей в эпоху средней бронзы, видимо, свидетельствует о большей дифференциации в общественном коллективе или независимости малой семьи.

Рассмотренная группа изделий представляет интерес в двух аспектах. Социологически после находок глиняных булл совершенно ясно, что происходит развитие функции фиксации определенной собственности, при этом символика знака-оберега переходит, как это имело место в месопотамской глиптике, на закрепление социальной функции. Это связано с общим социально-экономическим прогрессом южно-туркменистанского общества эпохи ранней бронзы, когда идет становление местной цивилизации древневосточного типа, включая и социальную дифференциацию, и сопутствующее утверждение права собственности разных коллективов, если уж не отдельных лиц. Культурологически же весьма примечательно, что изделия типа печатей появляются в южно-туркменистанской среде на определенном этапе развития. Как компонент культурного комплекса они в отличие от Месопотамии и Юго-Восточной Европы нехарактерны для раннеземледельческой эпохи времени Джейтуна — Намазга II. Когда процесс развития привел к изменениям и в соционормативной среде, для практических нужд была использована модель уже в готовом виде, которая в новой социокультурной ситуации получила широкое распространение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка // ТЮТАКЭ. 1961. Т. 10.
2. *Сариниди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении // САИ. 1965. Вып. Б3-8. Ч. IV
3. *Массон В. М.* Алтын-депе // ТЮТАКЭ. 1981. Т. XVIII.
4. *Кирчо Л. Б.* Культурная эволюция в эпоху формирования раннегородской цивилизации // Древние цивилизации Востока. Ташкент: Фан, 1986.
5. *Tosi M.* Excavations at Shahr-i Sokhta. Preliminari Report on the Secon Campain, September—December 1968 // East and West. 1969. V 19. № 3, 4.
6. *Amiet P., Tosi M.* Phase 10 at Shahr-i Sokhta. Excavations in Square XDV and the Late 4th Millenium B. C. Assemblage of Sistan // East and West. 1978. V. 28. № 1—4.
7. *Jarrige J. F., Lechevalier M.* Excavations at Mehragrh, Baluchistan: their significance in the prehistorical context of the indo-pakistan borderlands // South Asian Archaeology. 1977. V. 1. Naples, 1979.
8. *Mellaart J.* Catal Hüyük: a neolithic town in Anatolia. L., 1967.
9. *Алекшин В. А.* Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л.: Наука, 1986.
10. *Piperno M., Tosi M.* The Graveyard of Shahr-i Sokhta, Iran // Archaeology. 1975. July. V. 28. № 3.
11. *Афанасьева В. К.* Гильгамеш и Энкиду. М.: Изд-во вост. лит., 1979.

L. B. KIRCHO

THE EARLIEST SEALS AND THEIR STAMPS FROM ALTYN-DEPE

Summary

The category of objects that are usually called seals is one of the most vivid components of the cultural complexes of the early landtilling period. The earliest seals came from the West Asian Neolithic complexes of the fourth millennium (Chatal Huyuk, Khadzhi-Firuz, Hajilar II, the early Hassuna-Yarum tepe I and the Kalaf culture). The first clay stamps belong to tell Arpachia, seals appeared in the fourth millennium B. C. in Iran cultural complexes. In the second half of the fourth millennium B. C. amulet seals appeared in Southern Turkmenia (Fig. 1). Stamp seals and button-seals made of copper, stone, terra-cotta and bone (Fig. 2, 3) found between 1977 and 1987 carry on the early landtilling traditions of West Asia, Iran and the late Eneolithic of southern Turkmenia. The stamps on clay bulls (Fig. 4, 5) that came from complexes 10-8 of Altyn-depe suggest that the amulets and stamps were used as seals. Comparatively primitive forms and ornamentations indicate that though being a personal property (as suggested by burial goods) the seals belonged to the clan. Clay bulls with stamps and remains of strings testify that right of ownership was being fixed and that protective sings began to play a social role.

О. Х. БГАЖБА, Н. Н. ТЕРЕХОВА, Л. С. РОЗАНОВА

КУЗНЕЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ЦЕБЕЛЬДИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Планомерные и систематические исследования памятников цебельдинской культуры (II—VII вв.) на территории Абхазии, начатые в 1960 г. и ведущиеся и поныне [1], позволили получить ценнейшие археологические данные, анализ которых раскрывает различные стороны жизни одного из древнеабхазских племен — апсилов [1] Как явствует из археологического материала, древние апсилы были искусными ремесленниками (гончарами, кузнецами, ювелирами, камнетесами и т. д.), занимались земледелием и скотоводством. В социально-политическом отношении они, по мнению ряда исследователей, находились еще на стадии военной демократии [1, с. 100—105; 2, с. 35—52; 3, с. 202]

Определенные данные свидетельствуют о генетической связи материальной культуры Цебельды с культурой Центральной и Северной Колхиды более раннего времени [1, с. 135]

В рассматриваемый период Цебельда, являясь периферией римско-византийского мира, не могла не испытывать его значительного воздействия.

Одной из важных сторон производственной деятельности апсилов была обработка черных металлов. Разнообразный кузнечный инвентарь (около 30 наименований) составляет богатую коллекцию, насчитывающую более 1000 экземпляров. Это прежде всего предметы вооружения: мечи, кинжалы, топоры, наконечники копий, дротиков, стрел, детали щитов; хозяйственные орудия: ножи, мотыги, цалды, серпы, ножницы, струги; разнообразные пряжки, поясные пластины, фибулы. Некоторые украшения (браслеты, гривны, кольца) также изготавливались из железа [1, с. 70; 4, с. 121—165].

Материалы происходят в основном из местных погребений II—VI вв. (Апианча, Ауахуамаху, Абгыдзарху, Алраху, Ахьацараху, Ахаччарху, Мрамба, Лар, Апушка, Азанта, Атара, Армянская, Пышта, Цебельда, Верхняя Эшера и др.), а также из культурных слоев крепостей (Цибилиум, Шапка, башня Одинец)

Наиболее полное представление о технике производства железных изделий может быть получено при металлографическом исследовании, на основании чего дается характеристика используемого сырья, его качества, способов и качества его обработки, технологических приемов. В конечном итоге суммирование полученных данных и рассмотрение их на сравнительном фоне синхронных культур позволяет определить общий уровень железообрабатывающего производства и его роль в экономике древнего общества.

Металлографическому изучению было подвергнуто 136 предметов из различных памятников цебельдинской культуры (табл. 1) [2]

---

[1] Раскопки проводили в разное время В. А. Леквинадзе, М. М. Трапш, Г К. Шамба, М. М. Гунба, Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба.

[2] Металлографическое изучение осуществлено в лаборатории естественно-научных методов ИА АН СССР. Микроскопический анализ проводился на металломикроскопе МИМ-7, измерение микротвердости — на приборе ПМТ-3. Описание анализов см. [5].

© О. Х. Бгажба, Н. Н. Терехова, Л. С. Розанова, 1990 г.

Таблица 1

Распределение исследованных предметов по памятникам

Памятник	Дата вв. н. э.	Категория								Итого
		ножи	копья, дротики	мечи	кинжалы	топоры	наконечники стрел	мотыги	шилья	
Атара Армянская	IV—V	4		1				1		6
Азанта	IV	1						1		2
Ахаччарху	IV—V	7	5			2				14
Апианча	V—VI	3	1	1						5
Абгыдзарху	I—IV	5	3				4			12
Алраху	—	2								2
Апушта	V	1								1
Ауахуамаху	IV—VI	2								2
Ахьацараху		8				2	2			12
Верхняя Эшера			1	1						2
Лар	—	3	2					1		6
Лемса	V—VI					1				1
Мрамба	IV—VI	3	1							4
Одинец-башня	III—IV	4				1			2	7
Пышта	VII—VIII	2		1						3
Цебельда	IV—VI	7	9	4	6	5	4	4		39
Цибилиум-башня	VI	7				1	4		2	14
Шапка	V—VI	1	2			1				4
Итого		60	24	8	6	13	14	7	4	136

Наиболее распространенным видом кузнечной продукции были *ножи* — универсальное орудие, являющееся непременной принадлежностью каждого жителя древней Цебельды. Они варьируют как по размеру, так и по форме (рис. 1). Небольшие ножи имеют длину до 14, крупные — до 26—31 см. Различаются в основном по форме клинка. С этой точки зрения, можно выделить две группы изделий — с серповидным и прямым клинком. Первая представлена в изученной коллекции всего 2 экземплярами (рис. 1, *68, 237*). Во второй группе можно выделить следующие типы. **1-й тип.** Режущая линия клинка прямая. Линия спинки плавно закруглена к острию. Острие находится на режущей кромке (рис. 1, *30, 73, 76—78*) **2-й тип.** Режущая кромка клинка прямая, но на конце плавно изогнута к линии спинки так, что острие находится на этой линии (рис. 1, *37, 92, 236, 335*). **3-й тип.** Линии лезвия и спинки симметрично сужаются к острию, которое приходится на осевую линию изделия (рис. 1, *32, 147, 152, 310*) Рукоять у всех изделий этой группы короткая — 4—5 см, имеет чаще всего треугольную форму, иногда отделена от клинка намечающимся уступом либо с двух сторон, либо только со стороны лезвия или спинки. По-видимому, форма клинка диктовалась различием функционального назначения орудия.

Наибольшим количеством экземпляров в нашей коллекции представлены 1-й и 3-й типы, соответственно 18 и 19 экземпляров. 2-й тип представлен 7 экземплярами, типы остальных изделий трудно определить из-за их фрагментарности.

Ножи I группы чаще всего происходят из памятников раннего периода (I—III вв.). В изделиях II группы хронологические различия не прослеживаются.

Наконечники копий, включенные в исследованную нами коллекцию, могут быть разделены на следующие типы (рис. 2). 1) Перо широкое, листовидное, с ребром жесткости округлого сечения. Длина пера 15—19 см, втулка обычно длиннее пера, заканчивается у его основания (рис. 2, *19, 21, 55, 95*). 2) Перо остролистное, втулка, постепенно сужаясь, проходит через все перо до острия (рис. 2, *97*). 3) Перо остролистное, втулка входит в перо на 1/3 его длины. Ее продолжением является срединное ребро ромбического сечения. Длина пера 18—27 см, как правило, оно длиннее втулки (рис. 2, *284, 334, 335*). 4) Перо

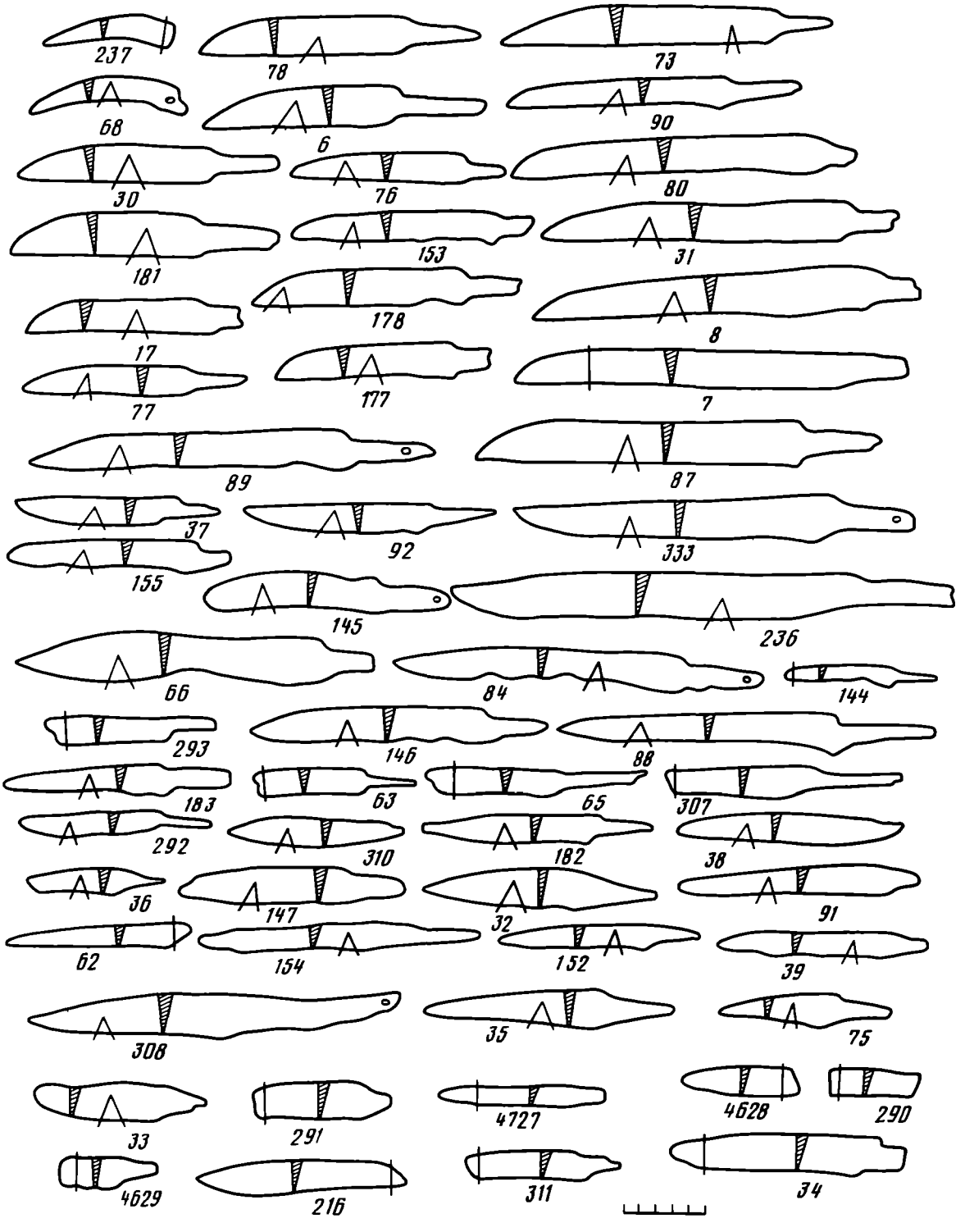


Рис. 1 Ножи из памятников цебельдинской культуры, исследованные металлографически (секущей обозначено место взятия образца для микроскопического изучения. Здесь и на рис. 2—7 цифры соответствуют номеру анализа) Атара Армянская — ан. 34, 37, 38, 39; Азанта — ан. 36; Ахаччарху — ан. 87, 88, 89, 90, 91, 92, 177; Апианча — ан. 6, 7, 8; Абгыдзарху — ан. 68, 73, 78, 154, 155; Алраху — ан 75, 182; Апушта — ан. 35; Ауахуамаху — ан. 65, 66; Ахьацараху — ан. 76, 144, 146, 147, 152, 178, 181, 183; Лар — ан. 31 32, 33; Мрамба — ан. 77, 80, 145; Одинец-башня — ан. 307, 308, 310, 311; Пышта — ан. 216, 235; Цебельда — ан. 17, 30, 62, 63, 84, 237, 153; Цибилиум — ан. 290, 291, 292, 293, 4627, 4628, 4629; Шапка — ан. 333

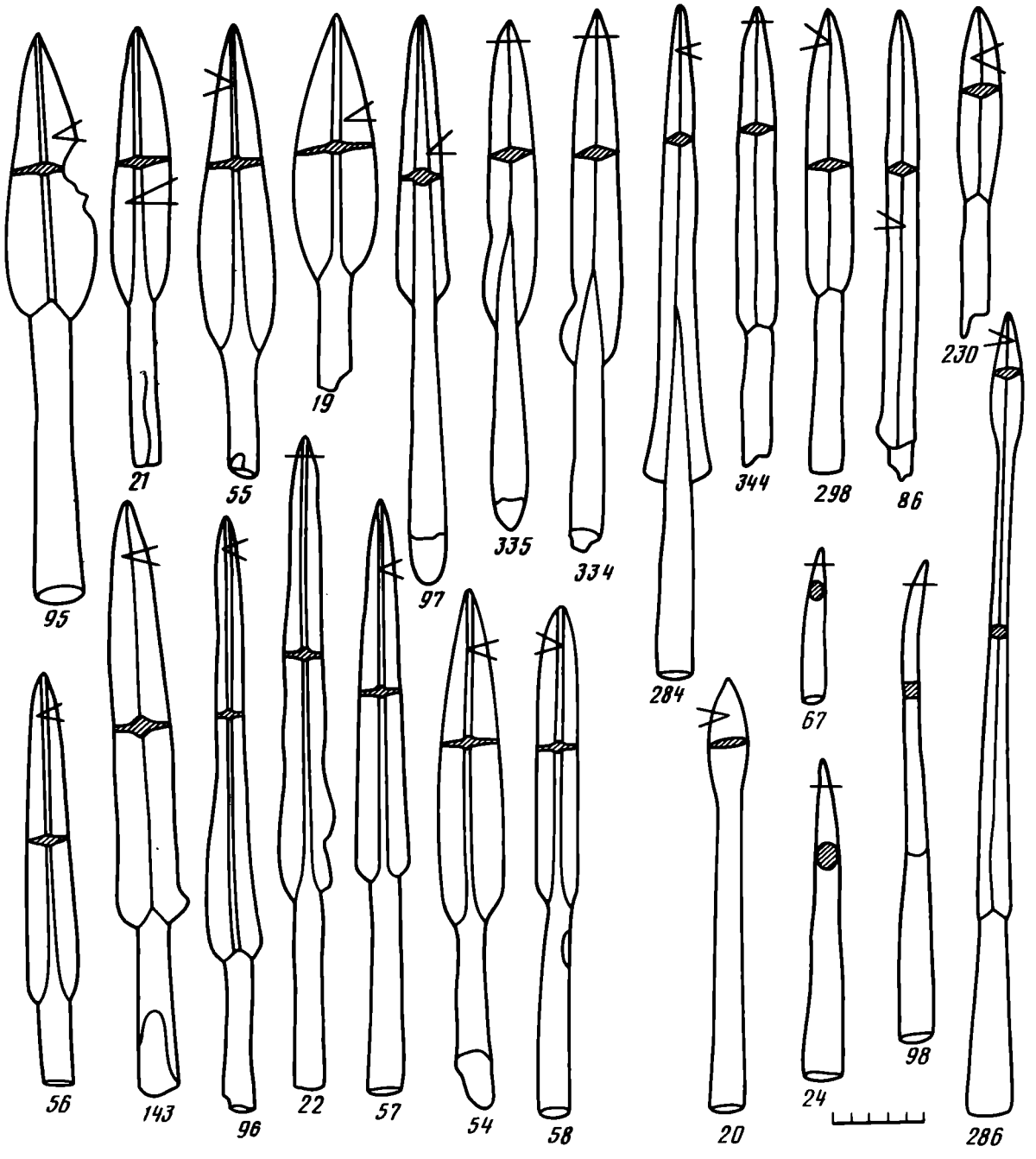


Рис. 2. Наконечники копий. Ахаччарху — ан. 95, 96, 97, 98, 298; Апианча — ан. 58; Абгыдзарху — ан. 54, 55, 56; Верхняя Эшера — ан. 344; Лар — ан. 21, 24; Мрамба — ан. 57; Цебельда — ан. 19, 20, 22, 86, 143, 230, 284, 286; Шапка — ан. 334, 335

узкое, листовидное, втулка заканчивается у основания пера. Длина пера 16—25 см, чаще всего оно длиннее втулки. По форме сечения пера выделяются следующие разновидности: а) вытянуто-ромбическое (рис. 2, *86, 230, 298, 344*); б) сложнопрофилированное, с ребром жесткости треугольного сечения (рис. 2, *143*); в) сложнопрофилированное, с ребром жесткости округлого сечения (рис. 2, *22, 54—58, 96*). 5) Перо короткое, линзовидного сечения (6 см), длинная втулка —18 см (рис. 2, *20*). 6) Копье-дротик, имеет короткую втулку (11 см) и очень длинное (34 см), узкое перо ромбовидного сечения. У основания ширина его —2 см, затем все грани его сужаются (на расстоянии 27 см от основания ширина пера —1 см) и заканчиваются листовидным расширением вытянутого ромбического сечения (рис. 2, *286*). 7) Наконечник дротика типа алабаши.

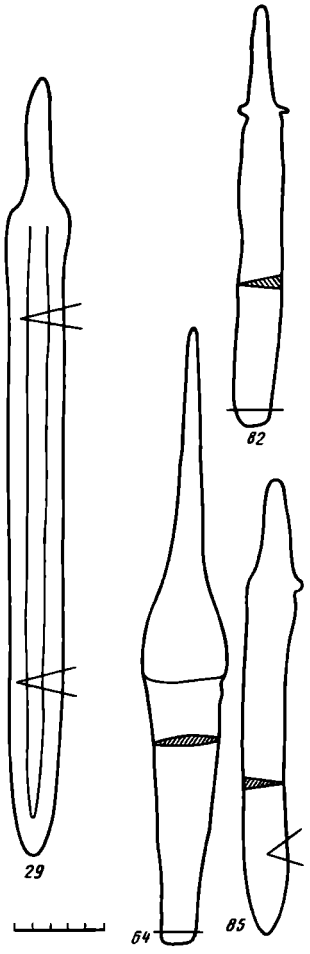


Рис. 3. Меч и кинжалы из Цебельды

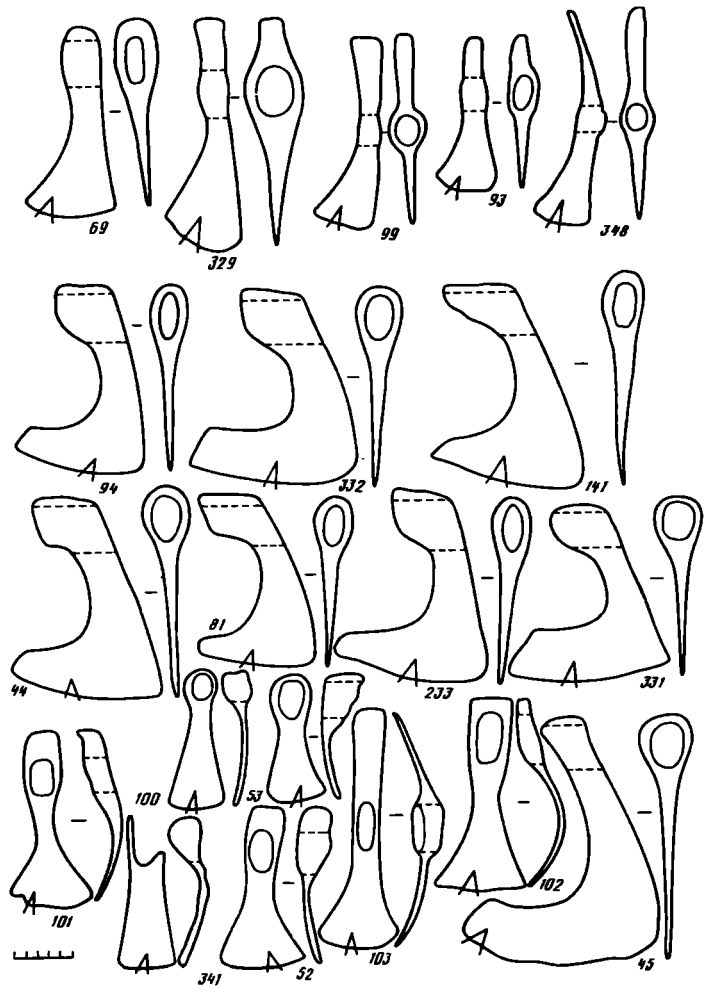


Рис. 4. Топоры, мотыги. Атара Армянская — ан. 52; Азанта — ан. 53; Ахаччарху — ан. 93, 94; Ахьацараху — ан. 69, 141; Лар — ан. 341; Лемса — ан. 331, Одинец—башня — ан. 329; Цебельда — ан. 44, 45, 81, 99, 100, 101, 102, 103, 233; Цибилиум — ан. 348; Шапка — ан. 332

Имеет конусовидную форму. Длина 9—18,5 см, диаметр у основания втулки 1,5—2 см (рис. 2, *24, 67*). 8) Наконечник дротика имеет короткую втулку (11 см) и четырехгранное перо длиной 17 см (рис. 2, *98*).

Представленные в коллекции типы наконечников копий в большинстве случаев имеют аналогии в материалах из памятников раннего железного века на территории Абхазии (Сухумская гора, Гуад-иху, Эшерское городище) [6, 7]

Мечи. В исследованной коллекции 8 экземпляров. Целых экземпляров только один (рис. 3, *29*), у остальных сохранилась либо средняя часть лезвия, либо рукоять с частью лезвия, либо часть лезвия. Поэтому типологически разделить их трудно, можно лишь отметить, что, за исключением 1 экземпляра (ан. 29), все они двулезвийные. Рукоять у сохранившихся экземпляров — треугольной формы, прямоугольного сечения, длина от 7 (ан. 29) до 13—19,5 см (ан. 59, 60). Полотно клинка либо гладкое, либо имеет рельефные полосы — долы. В одном случае это широкий дол (1 см, ан. 29), в других — от трех-четырех рельефных продольных полос до множества бороздок в средней части полотна (ан. 28, 59, 60). Ширина полотна в средней части клинка — чаще всего 4, у однолезвийного меча (ан. 29) — 3 см.

Кинжалы, входящие в исследованную коллекцию (6 экз.), в основном фрагментированы (рис. 3), поэтому типологически охарактеризовать их трудно. Выделяются два кинжала-ножа, имеющие однолезвийный клинок (длина —

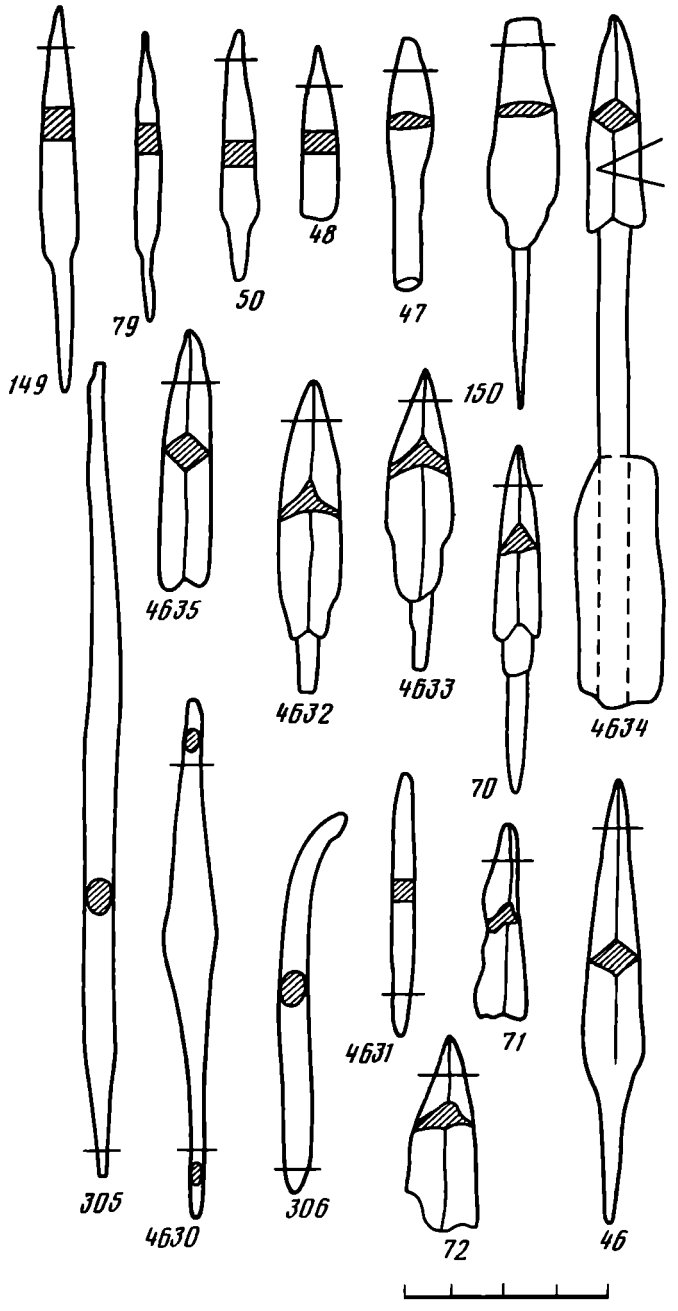


Рис. 5. Наконечники стрел, шилья. Абгыдзарху — ан. 70, 71, 72, 79; Ахьацараху — ан. 149, 150; Одинец-башня — ан. 305, 306; Цебельда — ан. 46, 47, 48, 50; Цибилиум — ан. 4630—4635

около 20 см, ширина 2,5—3 см) с небольшими выступами у его основания (рис. 3, *64*). Рукоять короткая (6 см), подтреугольной формы (ширина у основания —1,5, на конце —0,5 см). Еще один кинжал (ан. 64) имеет двулезвийный клинок, плавно сужающийся к острию с одной стороны и плавно переходящий в рукоять — с другой. Длина сохранившейся части клинка —20, рукояти — 14 см.

Топоры представлены двумя группами. К первой относятся изделия (4 экз.) вытянутых пропорций, с молоточковидным обухом и узкой лезвийной частью (5—6 см). Проушина находится в центре (рис. 4, *99*) или смещена в сторону обуха (рис. 4, *69, 93, 329*). Возможно, к этой группе относится еще одно орудие — типа топора-клевца (рис. 4, *348*), отличающееся от перечисленных вытя-

нутым, сужающимся к концу, слегка опущенным обушком. Общая длина изделия —18 см.

Вторую группу составляют массивные изделия (8 экз.) с оттянутым вниз широким лезвием (10—16 см) и срезанным нижним углом. Обушок округлый, проух овальный. Между обушком и лезвием — глубокая выемка (рис. 4, *44, 45, 81, 94; 141, 233, 331, 332*).

Первая группа топоров имеет прототипы в материалах памятников раннего железного века на территории Абхазии [6, 7]; вторая распространяется в местной культуре в IV—VII вв. [1, с. 92—93; 8, с. 85, 86]

Наконечники стрел. В исследованной коллекции имеются разнообразные типы наконечников стрел (14 экз.). В основном все они черешковые, только 1 экземпляр — втульчатый, с пером линзовидного сечения (рис. 5, *47*). Среди черешковых наконечников стрел различаются четырехгранные (рис. 5, *48, 79, 50, 149*), с пером ромбического сечения (рис. 5, *46, 4634, 4635*), с плоским пером (рис. 5, *150*), трехлопастные (рис. 5, *70—72, 4632, 4633*), срезни (ан. 148).

Все перечисленные типы наконечников стрел встречаются на всем протяжении времени существования цебельдинской культуры.

Мотыги. В исследованную коллекцию включено 7 экземпляров: пять — целиком сохранившиеся, два — в обломках (сохранилась лезвийная часть). В основном это однолезвийные орудия, имеющие несколько изогнутый корпус, молоточковидную обушную часть, плавно расширяющееся лезвие шириной 7—8 см (рис. 4). Проушина овальной формы расположена ближе к обушковой части (рис. 4, *52, 101, 102*). Общая длина 14—16 см. 1 экземпляром представлена небольшая мотыжка (ан. 53), возможно тесло, длиной 11 см, с округлым обухом. Ширина рабочей части —5 см. Еще одно орудие, представленное также в единичном экземпляре (ан. 103), является двулезвийным: одно лезвие — трапециевидной формы (ширина рабочей части —7 см), второе — прямоугольное (ширина рабочей части —2,5 см).

По мнению Ю. Н. Воронова, орудия с одним рабочим лезвием преобладают в III — первой половине V в. в местной культуре, двулезвийные мотыги появляются во второй половине V в. [1, с. 56]

Шилья. В исследованной коллекции 4 экземпляра разных типов: четырехгранные (рис. 5, *4631*), круглые в сечении (рис. 5, *305, 306*), с упором (рис. 5, *4630*).

Как установлено на основании металлографического анализа кузнечной продукции, материалом для цебельдинских изделий служили железо и различные сорта стали. Исходным сырьем, получаемым непосредственно в сыродутном горне, были железо и сырцовая сталь. Железо не подвергалось, как правило, тщательной обработке, свидетельством чего является присутствие большого количества шлаковых включений. Сырцовая сталь характеризуется неравномерностью содержания и распределения углерода. Микроскопически фиксируется на одном и том же образце ферритно-перлитная структура с резким колебанием содержания углерода — от 0,2—0,3 до 0,5—0,6%.

Наряду со сталью, полученной в сыродутном горне, использовалась сталь, специально цементированная, отличающаяся высоким качеством (однородностью структуры, чистотой в отношении шлаковых включений, равномерностью величины зерна). У подавляющего большинства изделий (92 экз.), подвергнутых металлографическому изучению, рабочая часть оказалась стальной; 46 экземпляров были изготовлены из железа.

В кузнечной практике использовались следующие технологические схемы: 1) ковка изделия целиком из железа; 2) целиком из сырцовой неравномерно науглероженной стали; 3) целиком из стали (средне- и высокоуглеродистой), полученной путем цементации; 4) цементация рабочего края изделия; 5) поверхностная цементация готовых изделий; 6) пакетование; 7) наварка стального лезвия на железную основу; 8) дамаскирование.

Наиболее распространены первые четыре схемы. Использование их зафик-

Таблица 2

Распределение технологических схем по категориям

Категория	Технологическая схема								Итого	Из них термообработанные
	железо	сырцовая сталь	цементированная сталь	цементация рабочего края	поверхностная цементация	пакетование	наварка	дамаск		
Ножи	14	8	17	13		5	3		60	27
Копья и дротики	12	10			2				24	—
Мечи		1		2	1		+	4	9	4
Кинжалы	2		2		1			1	6	4
Топоры:										
цебельдинского типа	2			4	1		1		8	4
боевые	1		1	2			1		5	3
Наконечники стрел	10	4							14	—
Мотыги	3	2		2					7	2
Шилья	1	1	2						4	1
Итого	45	26	22	23	5	5	5	5	136	45

сировано на 117 экземплярах (84,7%). Остальные технологические варианты представлены незначительным количеством экземпляров (табл. 2).

В каждой категории изделий может быть выделена наиболее предпочтительная технологическая схема.

Обращают на себя внимание различия в технологии изготовления оружия дальнего и ближнего боя. Так, наконечники стрел (14 экз.), копий и дротиков (25 экз.) изготовлялись, как правило, целиком из железа или сырцовой стали, т. е. использовались наиболее простые технологические схемы. При этом качеству материала не уделялось специального внимания. Лишь в двух случаях при изготовлении копий зафиксирована технология поверхностной цементации изделия. Термическая обработка в данных категориях отсутствует.

При изготовлении мечей (8 экз.), кинжалов (6 экз.), топоров (13 экз.) использовались в основном технологические схемы, связанные с улучшением рабочих качеств изделий. Из 27 предметов этих категорий 22 экземпляра изготовлены либо из специально полученной цементированной стали, либо в технологии цементации самого изделия, либо путем наварки стальных лезвий на железную основу.

В этой группе изделий особое место, с технологической точки зрения, занимают три меча (рис. 6) и кинжал (рис. 7), клинки которых изготовлены в сложной технике сварочного дамаска [3] Эта техника позволяла имитировать узоры булатной стали, придавая изделию парадный вид. Суть ее заключалась в сваривании специальным образом подобранных полос железа и стали, которые неоднократно скручивались, сгибались, определенным образом разрубались.

Полоса из дамасской стали составляла основу клинка, а лезвия из высокоуглеродистой стали были наварными. Дамаскированные клинки отличались не только красотой, но и повышенной гибкостью, упругостью и твердостью.

С конструктивной точки зрения, представляет интерес кинжал (рис. 3, *64*) К его клинку, выполненному в технике сварочного дамаска, грубо прикреплена железная рукоять (рис. 6). Клинок сильно сточен, причем так, что полосчатый рисунок на его поверхности нарушен. Несомненно, клинок в данном случае использован вторично и происходит от сломанного меча. Качества исполнения клинка (в технике сварочного дамаска) и примитивной рукояти (из железа

[3] Вопрос о появлении дамаскированных мечей на территории Абхазии и о технологии их производства требует специального рассмотрения. В данной работе мы касаемся его лишь в самой общей форме.

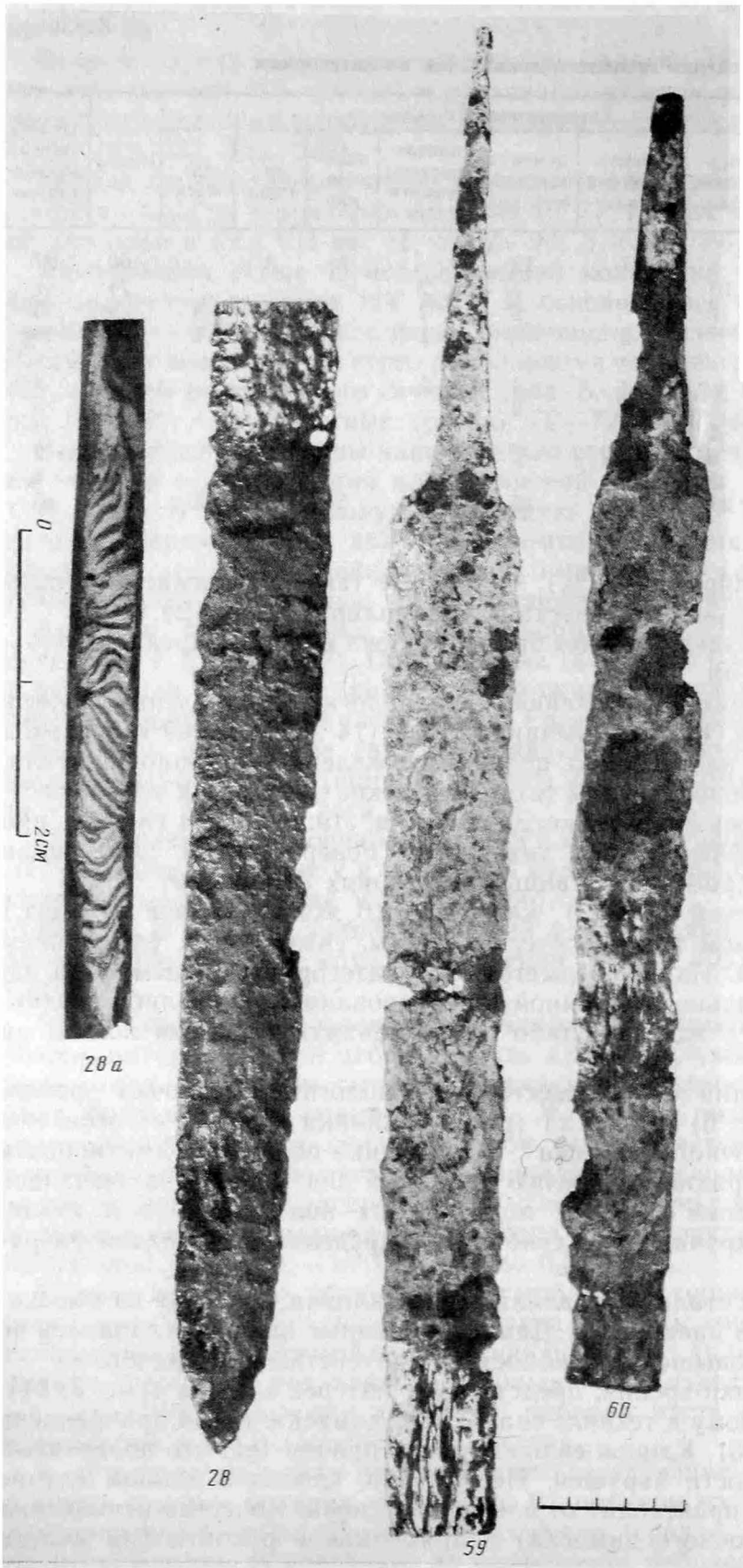


Рис. 6. Мечи с дамаскированными клинками. Цебельда — ан. 28 (28а — фотография макрошлифа с поперечного среза клинка); Атара Армянская — ан. 59; Апианча — ан. 60

Рис. 7. Кинжал из Цебельды (вторичное использование дамаскированного клинка меча)

плохого качества) настолько различны, что они не могут рассматриваться как детали первоначально единой вещи.

При изготовлении ножей использовалась чаще всего цельностальная заготовка (табл. 2; 25 экз.), либо из сырцовой стали (8 экз.), либо из специально цементированной (17 экз.). Для такого универсального орудия, как нож, подобная технологическая схема функционально наиболее оправданна, поскольку лезвие до полного его стачивания всегда оставалось твердым, стальным.

На втором месте по степени распространенности в данной категории может быть названа технология локальной цементации рабочего края лезвия (табл. 2; 13 экз.), обеспечивающая изделию стальное острие. Такой же технологический смысл имела наварка стального лезвия на железную основу (табл. 2; 3 экз.). Однако срок службы этих изделий был более коротким по сравнению с цельностальными. Вероятно, не случайно в этой связи отсутствие в данной категории приемов поверхностной цементации.

Пакетование — чередование железных и стальных полос с выходом на рабочую часть стальной — использовалось при изготовлении ножей редко (5 экз.).

Цельножелезными оказались 14 экземпляров. Возможно, часть из них первоначально имела цементированное лезвие, но из-за плохой сохранности изделий следов этого установить не удалось.

Большая часть ножей со стальными клинками была подвергнута термообработке (27 экз.).

Мотыги представлены в коллекции небольшим количеством экземпляров (7), поэтому трудно говорить о ведущей технологической схеме при их изготовлении. Однако все же обращает на себя внимание тот факт, что большая часть (4 экз.) имеет стальное лезвие, в двух случаях дополнительно упроченное термообработкой — закалкой в воде.

При изготовлении шильев в основном использовались стальные заготовки, что обеспечивало орудию необходимую твердость. Иногда рабочая часть дополнительно упрочнялась термообработкой — закалкой.

Подводя итоги обзору изученной кузнечной продукции из памятников цебельдинской культуры, следует отметить, что местные мастера стремились создавать орудия с качественной рабочей частью, применяя специальные способы ее упрочнения. Однако приемы эти не отличались разнообразием и сводились в основном к цементации либо поверхности, либо рабочего края. Очень редко используются сложные сварные технологические конструкции (пакетование как основа технологической схемы зафиксировано в пяти случаях и только на ножах, наварка стального лезвия на железную основу обнаружена также только на 5 экземплярах изделий — три ножа и два топора).

Стандартизации приемов в отношении определенных категорий изделий не наблюдается. Не прослеживается также взаимосвязей между различными типами изделий внутри категорий и технологическими схемами.

Хотя орудий кузнечного ремесла в цебельдинских памятниках не обнаружено, однако многообразие и развитость форм железных изделий предполагают существование разнообразного кузнечного инструментария. Это в первую очередь различного рода наковальни, молоты и молотки, клещи различных видов и размеров. Для осуществления различных кузнечных операций необходимы были зубила, пробойники, обжимки, напильники и др.

Как показывает технологический анализ, местные кузнецы в совершенстве владели приемами горячей пластической обработки черного металла. Ни на одном изделии не зафиксированы следы перегрева или пережога металла, несмотря на то, что многие сложные формы изделий требовали многократных нагревов.

Набор кузнечных операций сводился к обычным приемам рубки, вытяжки, изгибов металла, пробивки отверстий, высадки, круговой ковки. Выполнялись они с большой тщательностью, в правильной последовательности.

Выявленные в результате проведенного исследования технологические характеристики свидетельствуют о том, что рассмотренные изделия являлись про-

дукцией квалифицированных мастеров. Вместе с тем узкой специализации в ремесле цебельдинских кузнецов не наблюдается, поскольку отсутствуют серии стандартизированных технологических схем в отношении определенного вида изделий. По-видимому, потребности в разнообразном железном инвентаре удовлетворялись за счет кузнецов-универсалов, изготовлявших свои изделия на заказ.

Единственный вид изделий, которые могут рассматриваться как продукция специализированных мастеров,— это мечи, клинок которых выполнен в сложной технике сварочного дамаска. Они происходят из погребений IV—VI вв. и являются древнейшими находками такого рода на территории СССР.

Вопрос о месте производства этого замечательного оружия окончательно не выяснен. Есть мнение, что изготовляли его в западно-римских провинциях (в Рейнской обл.) [9, с. 124]

В Европе одним из древнейших является знаменитый комплекс римских дамасских клинков из Нидама (Дания) [10] Датские находки свидетельствуют о том, что мечи с дамаскированными клинками широко экспортировались за пределы Римской империи. Существуют данные, которые позволяют предполагать, что кузнецы варварского мира пытались имитировать эти клинки, однако не достигли совершенства оригинала ни в техническом, ни в эстетическом отношении (например, мечи из Польши, Швейцарии) [9, с. 125]

В исследованной коллекции наряду с истинно дамаскированными изделиями (три меча) мы обнаруживаем попытку имитации. Так, при изготовлении меча из Верхней Эшеры клинок был сварен из трех брусков (двух железных и одного стального) так, что на поверхности клинка стальная полоса проходила по осевой линии (на образце, взятом с поперечного сечения клинка, полосы располагаются горизонтально). Мастер явно пытался создать эффект узорчатого полотна, используя наиболее простой способ сварки. При этом в функциональном отношении подобное изделие не представляло какой-либо ценности, поскольку лезвия были мягкими, железными (микротвердость феррита — 181 кг/мм^2). Напомним, что у подлинно дамаскированных мечей лезвия были, как правило, наварными из высокоуглеродистой стали с последующей закалкой.

О том, что дамаскированные клинки очень ценились в местной среде, свидетельствует тот факт, что полотно сломанного меча было вторично использовано, уже в виде лезвия кинжала.

За исключением описанных дамаскированных изделий, которые в технологическом отношении занимают особое место, вся основная масса кузнечной продукции из памятников цебельдинской культуры характеризуется технологическими схемами, хорошо известными на данной территории еще в местных культурах скифского времени.

На протяжении всего рассматриваемого периода (III—VII вв.) в местной практике железообработки не наблюдается каких-либо существенных изменений. Наиболее прогрессивная технология наварки стального лезвия на железную основу еще не получила достаточно широкого распространения. Мы фиксируем лишь единичные изделия, выполненные в этой технике (табл. 2).

Аналогичная картина прослеживается в это время почти на всей европейской территории [9; 11, с. 8—49; 12, с. 61—65] Исключение составляет лишь регион западно-римских провинций, где на основе кельтских традиций высокоразвитого железообрабатывающего ремесла продолжалось развитие техники активного использования сварных конструкций, в том числе и изготовление изделий с наварными стальными лезвиями [9, с. 100].

Некоторые специфические черты кузнечной техники в различных регионах связаны с особенностью формирования местных традиций в обработке черных металлов. Так, для цебельдинской кузнечной техники характерно широкое использование высококачественной стали и различных приемов термообработки

(доля таких технологических приемов, как пакетование и поверхностная цементация, незначительна). Именно эти черты являются наиболее показательными и для техники железообработки в период распространения здесь колхидской культуры [13, с. 117—139]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воронов Ю. Н.* Тайна Цебельдинской долины. М.: Наука, 1975.
2. *Меликишвили Г А.* Политические отношения в феодальной Грузии и некоторые вопросы феодальных отношений в Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1973.
3. *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма в странах Закавказья. М.: Наука, 1980.
4. *Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К.* Вооружение воинов Абхазии IV—VI вв.// Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII веков. М.: Наука, 1982.
5. *Бгажба О. Х.* Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1983.
6. *Трапш М. М.* Древний Сухуми // Труды. Т. 1, 2. Сухуми, 1969, 1970.
7. *Каландадзе А. Н.* Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1954.
8. *Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К.* О больших цебельдинских топорах // Тр. Абхаз. гос. музея. Вып. V Сухуми: Алашара, 1980.
9. *Pleiner R.* Stare evropské kovářstvi. Praha, 1962.
10. *Neumann B.* Die ältesten Verfahren der Erzeugung technischen Eisens. B., 1954.
11. *Барцева Т Б., Вознесенская Г А., Черных Е. Н.* Металл черняховской культуры. М.: Наука, 1972.
12. *Вознесенская Г А.* Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тыс. н. э.// Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
13. *Бгажба О. Х., Розанова Л. С., Терехова Н. Н.* Обработка железа в древней Колхиде // Естественнонаучные методы в археологии. М.: Наука, 1989.

O. Kh. BGAZHBA, N. N. TEREKHOVA, L. S. ROSANOVA

BLACKSMITHS' PRODUCTION FROM THE SITES OF TSEBELDA CULTURE

Summare

The sites of Tsebelda culture are situated in the territory of Abhasia. They represent the material culture of ancient tribes of apsils. Blacksmiths' production was an important branch of their economy. The article gives a caracteristic of blacksmiths' technology based on metallographic analyses of 136 artefacts (table 1). Of special interest are the swords made in technology of welding in „Damasque pattern" (fig. 6). These damasqued swords are the most ancient ones known from the territory of the USSR.

Е. А. ПОПОВА

ПОЗДНЕСКИФСКИЕ ЖЕРТВЕННИКИ С ГОРОДИЩА «ЧАЙКА»

В 1972—1976 и 1982 гг. на городище у санатория «Чайка» в Евпатории были открыты и доследованы жилищно-хозяйственные комплексы Восточного, Южного кварталов и кварталов Север-I и Север-II [1] В некоторых помещениях, составляющих эти комплексы, были обнаружены объекты, конструкции которых заставляют считать их предназначавшимися для культовых целей, а именно для жертвоприношений. Особый интерес представляет факт местонахождения указанных объектов не в общественных зданиях, а в жилых домах. О характере использования этих помещений свидетельствуют их небольшие размеры, а также находки в них очагов, фрагментов столовой керамики, предметов хозяйственного обихода [1, с. 46—66; 2, с. 31—38].

В Восточном квартале два таких сооружения были устроены в помещении XIV Одно из них находилось у южной стены помещения, в полу первого строительного периода (I в. до н. э.), где была вырыта небольшая ямка диаметром 0,25 м, глубиной 0,1 м. В ямке лежали аккуратно сложенные не в анатомическом порядке кости молочного барашка [2] (рис. 1, *1*). Ямка перекрывалась полом. Рядом с ней в пол была врыта верхняя часть позднесинопской амфоры, обложенная камнями (рис. 1, *1*). Горло амфоры, таким образом, находилось над полом, тогда как кости жертвенного животного — под ним. Недалеко от описанного жертвенного комплекса под полом помещалось еще одно скопление аккуратно уложенных костей барашка.

Второй жертвенник связан с более поздним периодом существования помещения, датирующимся концом I в. до н. э.—I в. н. э. Он располагается в северо-восточном углу помещения XIV. У восточной стены под полом находилась ямка диаметром 0,3 м и глубиной 0,15 м, в которой были аккуратно сложены не в анатомическом порядке кости молодого барашка. Скелет животного присутствовал целиком, включая череп (рис. 1, *2*). В углу помещения, в 0,15 м от ямки, между северной и восточной стенами была сделана маленькая загородка, состоявшая из трех плоских камней, поставленных «на ребро» (рис. 1, *2*). Ширина загородки —0,2 м. Внутри загородки, на дне, выложенном большим плоским камнем, лежала миниатюрная лепная мисочка. Жертвенник находился рядом с очагом.

В Южном квартале жертвенники обнаружены в двух помещениях —LXXVII и CI.

Помещение LXXVII. У южной стены была вырыта яма, расширявшаяся книзу: диаметр устья —0,25 м, диаметр дна —0,3 м; глубина ямы —0,4 м. В верхней части ямы стояло горло светлоглиняной амфоры с круглыми ручками (рис. 2, *1*; 3, *1*). Оно, видимо, вмазывалось в верхние края ямы, заполненной костями животных. В нижней части ямы лежало горло лепного сосуда (рис. 3, *2*), кото-

---

[1] Работы проводились Крымской археологической экспедицией истфака МГУ под руководством И. В. Яценко и автора статьи.

[2] Весь остеологический материал определен старшим научным сотрудником биологического факультета МГУ С. П. Масловым.

© Е. А. Попова, 1990 г.

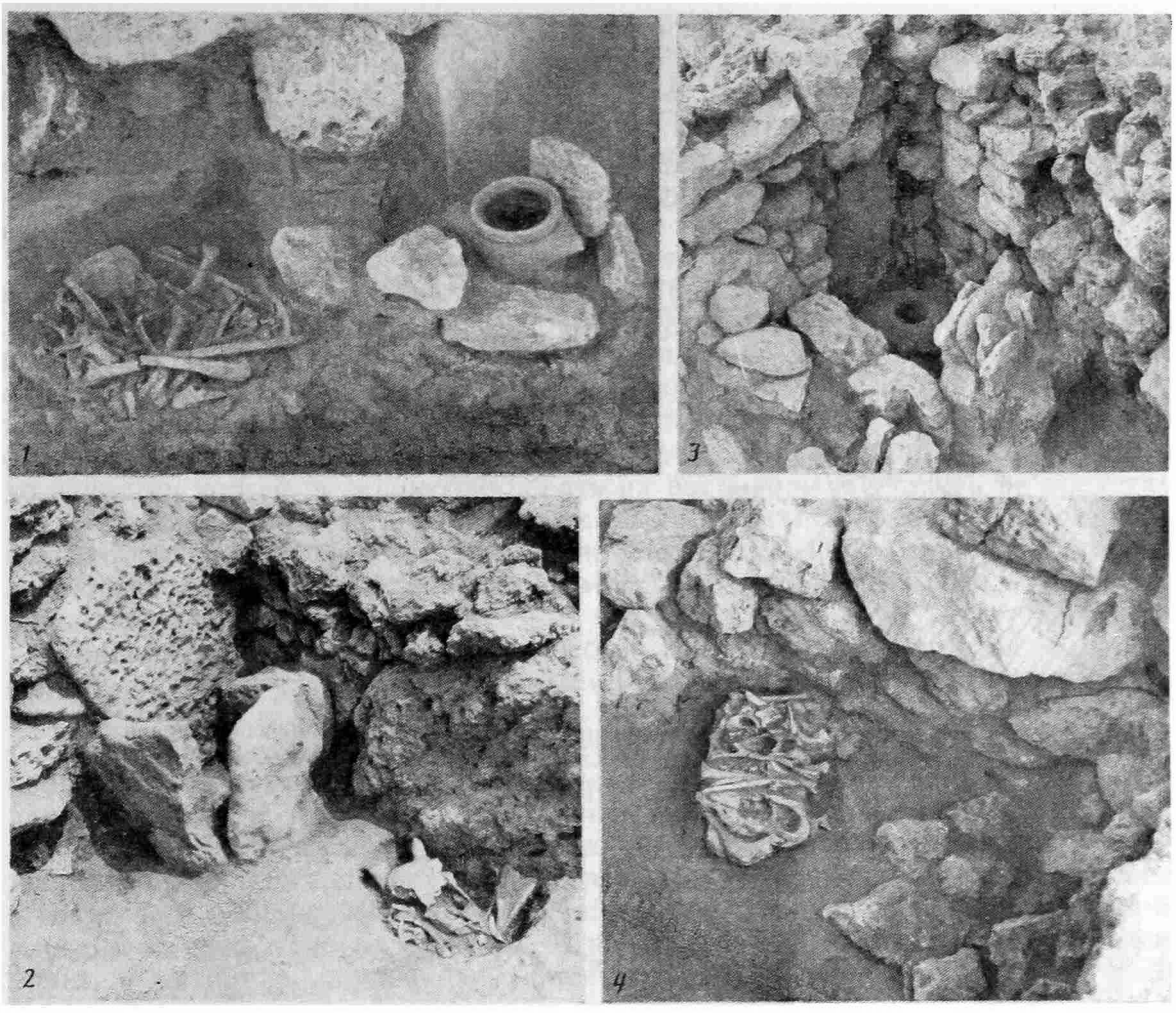


Рис. 1. *1* — жертвенник I строительного периода в помещении XIV; *2* — жертвенник II строительного периода в помещении XIV; *3*— каменный жертвенник в помещении LXXVII; *4*— кости жертвенного барана в помещении CXXXII

рое, вероятно, первоначально выполняло ту же роль, что и амфора.

Рядом с жертвенной ямой, между южной и восточной стенами, помещалась каменная загородка из двух «стенок». Внутри загородки, на глубине 0,3 м от ее верха, лежал по диагонали подпрямоугольный камень со скошенными углами (рис. 1, *3*). Длина камня —0,53 м, ширина —0,35 м, высота —0,07 м. В центре камня было сделано круглое сквозное отверстие, хорошо заглаженное по краям и внутри. Диаметр отверстия — 0,16 м. Камень с отверстием залегал ниже подошвы камней загородки, что свидетельствует о разновременности их укладки: вначале в качестве жертвенника использовался только указанный камень, а позже он был огорожен. Высота загородки — 0,3 м, длина стенок — 0,6 м (рис. 1, *3*).

Описанный жертвенный комплекс связан с периодом существования помещения в I в. до н. э.—I в. н. э. (этим временем датируется светлоглиняная амфора).

Помещение CI. В северо-западном углу помещения, в полу второго строительного периода (конец I в. до н. э.—I в. н. э.), была вырыта ямка диаметром 0,3 м, глубиной 0,2 м (рис. 2, *2*). В ней находились все части скелетов (включая копыта) четырех баранов в возрасте 8—9 мес, а также молочного ягненка или козленка (возраст — в пределах 1 мес). Кости не несли на себе следов рубки или разрезания. Сверху ямка прикрывалась фрагментом верхней части херсонесского сосуда с канфарообразными ручками (рис. 2, *2*), с одной стороны — плоским

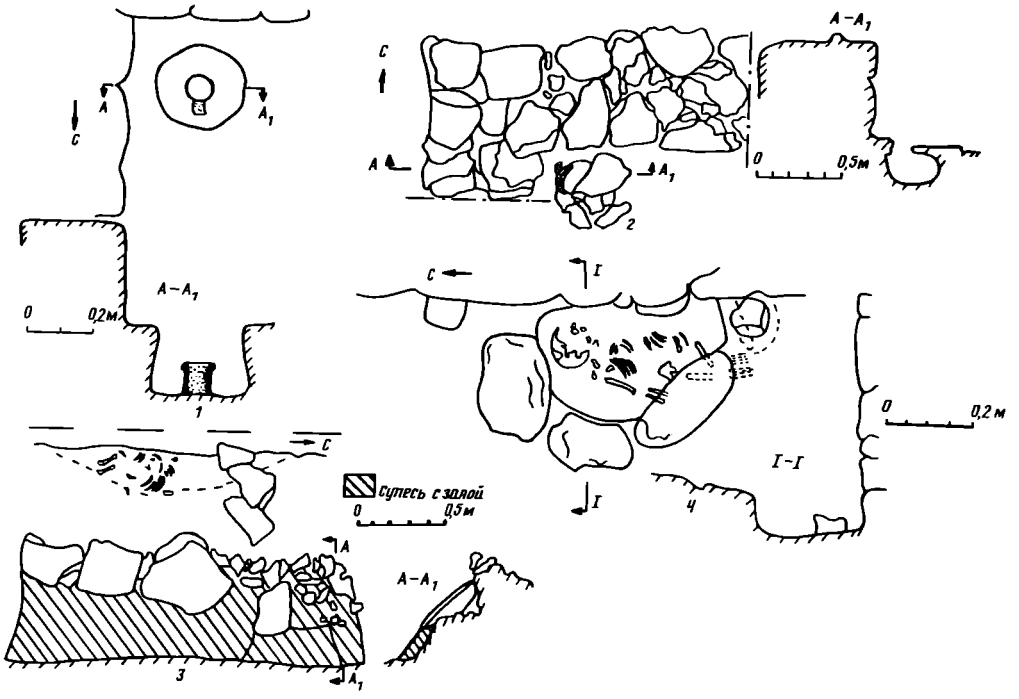


Рис. 2. *1* — горло амфоры в яме в помещении LXXVII; *2* — жертвенник в помещении CI; *3* — погребение младенца с каменным закладом (погр. 1); *4* — погребение младенца (погр. 2)

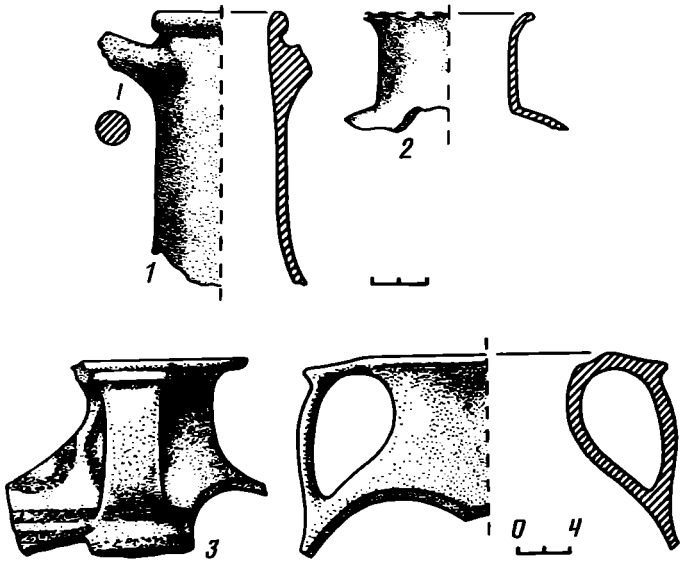


Рис. 3. *1*— амфора из ямы в помещении LXXVII; *2*— горло лепного сосуда из ямы в помещении LXXVII; *3*— сосуд из помещения CI

камнем (рис. 2, *2*). Сосуд был покрыт зеленоватым ангобом и расписан по плечам геометрическим орнаментом коричневой краской (рис. 3, *3*). Подобные сосуды производились в Херсонесе в III—II вв. до н. э. [3, с. 162—168]

В Северном I квартале жертвенник был устроен в помещении XCI. В центре помещения находился глиняный столик размером 0,94×0,94 м. Он был сильно прокален. Рядом со столиком, у его восточного края, располагалась жертвенная яма диаметром 0,55 м, глубиной 0,4 м. В ней среди зольного заполнения были обнаружены скелеты двух ягнят или козлят молочного возраста, лежавшие не в анатомическом порядке на фрагменте стенки красноглиняной амфоры.

Кроме того, в яме найдены обломок глиняного пряслица, три обломка лепного сосуда и один чернолаковый. Яма была перекрыта толстым слоем глинобитного пола первого строительного периода (I в. до н. э.). В юго-западном углу находился очаг, за которым у стены обнаружено скопление костей барана. В северо-восточной части помещения на полу прослеживалось пятно пережженной глины, ограниченное с востока рядом фрагментов печины. В заполнении этого пятна (глубина — до 3 см) было найдено много осетровой чешуи [2, с. 51]

В Северном II квартале жертвенники находились в помещении CXXXII и в двух помещениях в южном конце 3-й Западной улицы.

Помещение CXXXII. В юго-западном углу помещения располагается каменный завал, концентрировавшийся вокруг скопления костей. В верхней части завала находилась плита, вероятно, прикрывавшая упомянутые кости. Поскольку камни лежали в беспорядке, можно лишь предполагать, что они составляли оградку, внутри которой лежали кости барана. Камни завала были убраны до зачистки костей, и реконструировать их расположение теперь не представляется возможным. Кости барана, как уже говорилось, лежали в оградке не в анатомическом порядке, но аккуратно сложенные. По их положению создалось впечатление, что клались не куски туши, а только кости (рис. 1, *4*) Кости принадлежали молодому барану 8—9 мес.

Глинобитного пола в помещении не было. Уровень жизни отмечен развалами светлоглиняных амфор с двуствольными ручками и рассматриваемым жертвенным сооружением. Дата помещения —I в. н. э.

Строительные остатки квартала Север-II сохранились хуже, чем в других кварталах. От помещений в южном конце 3-й Западной улицы, существование которых датируется I в. н. э., остались только стены, выходившие на улицу. У подошв обеих стен (восточной и западной) с внутренней стороны (т. е. в помещениях) находилось два детских погребения. Погребение 1 было совершено у восточного фаса восточной стены улицы. Сверху оно было заложено большим плоским камнем, косо поставленным «на ребро» (рис. 2, *3*). Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, ориентирован головой на север (рис. 2, *3*) Череп не сохранился, не сохранилась также обкладка камнями, первоначально имевшая место.

Погребение 2 располагалось у западного фаса западной стены улицы. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на север (рис. 2, *4*) Погребение совершено в овальной ямке (глубина —0,1 м, длина —0,5 м, ширина — 0,3 м), края которой были обложены некрупными камнями (рис. 2, *4*)

Оба погребения, вероятнее всего, были перекрыты полами помещений, о чем свидетельствует их местонахождение у подошв стен.

Представленные жертвенные сооружения могут быть по конструкции разделены на следующие типы.

1-й тип: жертвенная ямка с костями домашних животных, перекрытая полом, рядом — приспособление для постоянных жертвоприношений (горло сосуда, врытое в пол, но выступающее над ним, или каменная загородка).

2-й тип: жертвенная ямка с костями домашних животных, перекрытая полом, рядом — глиняный жертвенный столик.

3-й тип: жертвенная ямка с костями домашних животных, опущенная ниже пола, но не перекрывающаяся им, а прикрытая верхней частью сосуда.

4-й тип: каменная загородка на полу помещения, внутри которой — кости жертвенного животного, сверху прикрытые каменной плитой.

5-й тип: жертвенник в виде камня с отверстием, огороженный каменной оградкой.

6-й тип: детские захоронения у подошв стен (т. е. под полами помещений), огороженные камнями.

Как видим, общим для первых четырех типов является присутствие костей домашних животных, сохраненных явно в ритуальных целях. Именно эта деталь

позволяет считать конструкции в целом предназначенными для жертвоприношений.

Как уже говорилось выше, все объекты находились в помещениях жилищно-хозяйственного характера и поэтому могут быть названы жертвенниками «домашнего типа». Таким образом, на городище «Чайка» мы имеем серию подобных жертвенников I в. до н. э.—I в. н. э., что является пока большой редкостью. Т. Н. Высотская упоминает глиняные столы на городищах Алма-Кермен и «Чайка», а также небольшие жертвенники в углах домов, имея в виду, видимо, именно чайкинские [4, с. 163] Кроме того, на Усть-Альминском городище в землянке II в. под очагом были найдены череп козла и кости молодого барана [5, с. 136]. Остальные известные позднескифские жертвенные места связаны явно с общественными религиозными отправлениями и, кроме того, датируются II—III вв. [4, с. 167] Подобные памятники найдены в большом количестве в позднескифской столице, и, несмотря на указанные различия наших жертвенников и неапольских, наблюдается значительное сходство между ними. Основой жертвенных сооружений на обоих памятниках являются ритуальные ямки с костями домашних животных. Так, в одном общественном здании Неаполя была устроена жертвенная ямка, в которой находились полные скелеты пяти молодых овец, причем кости все были целыми, не было ни одной преднамеренно разбитой [6, с. 64, 65] Здание датируется I в. до н. э.—III в. н. э. [6, с. 64] Т. Н. Высотская описывает несколько жертвенных мест, где в сосудах или ямах также помещались кости домашних животных [7, с. 60—64] Однако здесь набор животных гораздо шире, и Т. Н. Высотская, вероятно, справедливо связывает эти объекты с обрядами «всезерния» и «всеплодия», отражающими представления об урожае и плодородии [7, с. 62]. Чайкинские жертвенники содержат стабильно кости только одного вида домашних животных — барана. Это обстоятельство отличает их от неапольских. Общей же чертой является сохранение костей животных, что было нехарактерно для ранних скифов. Напротив, из Геродота мы знаем, что кости жертвенных животных не только не сохранялись, а намеренно уничтожались (Herod., IV, 60). Причиной этого был кочевой образ жизни ранних скифов. С переходом к оседлости и развитием городской культуры, с постройкой долговременных жилых домов традиционными становятся жертвенники стационарные, домашние.

Для древнего человека выбор места для жилья был связан с организацией пространства, его «окультуриванием», сакрализацией [8, т. 1, с. 341] Любое освоенное пространство должно было иметь сакральный центр, например общественное святилище [9—11] Традиционным было сакрализовать и жилища отдельных семей. Жилище само, как один из ключевых символов культуры, отражало социальную структуру общества, и наличие большого количества жертвенных мест в жилых домах свидетельствует о дробном характере этой структуры. Жертвенники 1-го и 2-го типов состояли из двух частей: жертвенной ямки и сооружения рядом с ней. Ямки с костями животных перекрывались полами помещений, т. е. содержали единовременные жертвоприношения. Эти части жертвенных сооружений 1-го и 2-го типов представляется возможным связать с обычаями так называемых «строительных жертв», чрезвычайно распространенными у самых разных народов мира. Появление и традиционность подобных обычаев объясняются тем, что дом для древнего человека, являясь квинтэссенцией освоенного мира, был чем-то живым. «Следовательно, надо эту жизнь дома обеспечить, одолжить ее ему при постройке... Жизнь убитого можно перенести на строящийся дом, который тем самым сделается живым, т. е. будет благополучно расти, развиваться. Благополучие же дома есть, очевидно, и благосостояние семьи» [12, с. 47]. Это обстоятельство дает ключ к пониманию выбора породы животного, взятого для жертвоприношений на «Чайке», его возраста, а также сохранения костей. Жертвенным животным здесь, как уже говорилось, всегда выступал баран. Это животное, как известно, во многих мифопоэтических и ритуальных традициях было символом благополучия. Подобное

значение оно имело, в частности, в скифо-сармато-аланской среде, отголоски чего сохранились в обычаях осетин. Б. А. Литвинский пишет об этом следующее: «У осетин существует представление о прямой связи барана с домашним очагом. При принесении барана в жертву его подводят к домашнему очагу» [13, с. 72] Примечательно, что в чайкинских помещениях с жертвенниками, как правило, присутствовали и очаги, причем иногда в непосредственной близости от них (помещения XCI, XIV). В помещении XCI помимо строительной жертвы за очагом также лежали кости барана. Очень интересна в связи с этим уже упоминавшаяся находка в землянке на Усть-Альминском городище, где под очагом были зарыты череп козла и кости молодого барана.

Ритуальными, возможно иногда строительными, жертвами следует считать и погребения младенцев (жертвенные сооружения 5-го типа), что также находит многочисленные аналогии и в археологических материалах, и в этнографии. О принесении в жертву именно детей при строительстве новых и ремонте старых домов известно из этнографии [12, с. 8, 9] Т. П. Высотская отмечает обряд жертвоприношения младенцев на Неаполе скифском [4, с. 169; 7, с. 64], а также ритуальные захоронения прямо на поселении на Усть-Альминском городище [5, с. 139] Большое количество детских захоронений под полами помещений было обнаружено на Козырском городище [14, с. 138] Детские захоронения в жилых помещениях, не будучи специально жертвоприношениями, служили выражением идеи увеличения семьи, ее богатства и благополучия.

Выбор в качестве жертвы молодых животных и захоронение прямо в домах детей младенческого возраста неслучайны. Это связано опять-таки с представлениями о жизненности дома. Жертва должна быть молодого возраста, так как в противном случае она теряет способность влиять на окружающих [15, с. 418].

Как уже говорилось, кости из чайкинских жертвенных ямок были целыми, не несли следов рубки или разрезания. То же самое отмечено В. М. Маликовым в отношении костей из ямки в здании на Неаполе [6, с. 65] Сохранение костей жертвенных животных отражает веру в возрождение при условии тщательного оберегания скелета от поломки [15, с. 405; 16, с. 361] Постоянная реинкарнация души животного обеспечивала дому жизненность и благополучие.

Жертвенные сооружения 1-го и 2-го типов состояли, как мы видели, из двух частей: рядом с ямками с единовременными жертвоприношениями находились объекты, предназначавшиеся для неоднократных, постоянных приношений — возлияний, положения кусков мясной пищи и т. д. Эти части рассматриваемых сооружений представляли собой собственно жертвенники — алтари. То же назначение имел, вероятно, и камень с отверстием в помещении LXXVII (жертвенник 6-го типа), употреблявшийся для возлияний. Перечисленные объекты связаны с едва ли не самым главным обрядом, сопровождавшим практически все ритуальные действия во время религиозных актов,— с едой [17, с. 427—429] О. М. Фрейденберг, определяя «действо еды» как «одновременно и жертвоприношение», прослеживает это сходство во многих областях культуры: «Но как еда присутствует во всех основных обрядах первобытного общества, так и жертвоприношение, съедание богом убитого животного, далеко не исчерпывается одними храмово-религиозными актами закланий, приношений и возлияний, а в разнообразных формах идет по всем линиям жизни общества (каковы стол, престол, алтарь, жертвенник, ложе), в праздниках, в культе, в священных сказаниях» [17, с. 61] При этом ритуальная еда, вкушение части той же пищи, что принесена в жертву божеству, означает приобщение этому божеству: «поесть» — значит «соединиться» [17, с. 81]

Отражением этих обрядов, видимо, являются и жертвенники 3-го типа. В них сосуды без дна прикрывали жертвенную ямку, заполненную костями жертвенных животных. Посуда в различных обрядах и ритуалах имела самое разнообразное значение. Помимо утилитарных свойств она обладала, как и другие предметы, свойствами символическими — «знаковостью» [18, с. 63] Так, на-

пример, в одном из Керченских курганов II в. верхняя часть амфоры, врытая в землю, выполняла роль ботроса [19, с. 130]. В этом случае, как и в наших, сосуды (их верхние части) осмыслялись как медиаторы между жертвующими и божествами. Отсутствие дна, замкнутости предполагало выход к потусторонним силам. Устройство же ямок с сохранением костей жертвенных животных означало обеспечение возрождения.

Использование верхних частей сосудов, каменных загородок и каменных плит с отверстиями в качестве жертвенников в погребальных сооружениях было довольно распространенным явлением в эллинистическое и более позднее время в Северном Причерноморье [19—21] Постоянное соприкосновение скифского населения с греческим, как известно, приводило к различного рода заимствованиям. Возможно, греческие традиции устройства жертвенников в какой-то мере повлияли на позднескифские.

Атрибутом, относящимся к обрядам жертвоприношений, была, видимо, и миниатюрная лепная мисочка, лежавшая на дне каменной загородки жертвенника в помещении XIV Употребление таких предметов в ритуальных целях фиксируется также и в материалах позднескифской столицы [4, с. 167; 6, с. 64, 65]

Жертвенное сооружение 4-го типа также следует связывать с обрядом вкушения мяса жертвенного животного, сохранения и оберегания его костей.

Жертвенное сооружение 2-го типа (помещение XCI) предназначалось для иной формы обряда передачи жертвы божествам. В качестве алтаря здесь выступает глиняный столик, значительная прокаленность которого прямо указывает на то, что жертвоприношения сжигались. Огонь как передатчик жертвоприношения богам использовался в ритуальной практике очень многих народов мира [8, т. 1, с. 35] Интересно, что глиняный столик в помещении XCI располагался в центре помещения, тогда как в остальных помещениях ритуальные объекты находились в углах или у стен. Как уже говорилось выше, жилище для человека в древности служило моделью мира. «Структура дома повторяет структуру мира и в том смысле, что он сам имеет свой центр, периферию и т. д.» [22, с. 11] Место в центре, как известно, обладает наибольшей сакральностью. Маркирование же углов являлось существенным моментом для установления границ между домом и остальным пространством и обеспечения безопасности внутри некоторого замкнутого пространства [23, с. 243]

Заслуживает внимания и вопрос относительно расположения жертвенников по сторонам света. Почти все рассмотренные ритуальные объекты располагались у южной и восточной стен (за исключением одного в помещении CI). Известно, что во многих текстах прослеживается оппозиция парных понятий юг / восток — север / запад [24, с. 231], причем первая пара маркируется положительно, а вторая — отрицательно [24, с. 232]

Возможно, устройство жертвенников в южной и восточной частях помещений связано с подобными представлениями.

В целом жертвенники домашнего типа были связаны с обрядами, посвященными домашним божествам, и отражали идеи жизненности дома, богатства и благополучия его обитателей. Рассмотренные объекты и предназначались для обеспечения всех этих условий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Яценко И. В.* Исследования сооружений скифского периода на городище «Чайка» в Евпатории (1964—1967) // КСИА. 1970. Вып. 124.
2. *Яценко И В.* Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории (по материалам раскопок 1974—1975 гг.) // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
3. *Дашевская О. Д.* Эллинистическая расписная керамика из северо-западного Крыма // СА. 1967 № 1.
4. *Высотская Т Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наук. думка, 1979.
5. *Высотская Т Н.* Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища // Античная и средневековая идеология. Свердловск, 1984.

6. *Маликов В. М.* Жертвенник из пригородного здания Неаполя скифского // КСИА АН УССР. 1961. Вып. 11.
7. *Высотская Т. Н.* Культы и обряды поздних скифов // ВДИ. 1970. № 3.
8. Мифы народов мира. Т. 1—2. М.: Сов. энциклопедия, 1980—1982.
9. *Шрамко Б. А.* Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке // СА. 1957. № 1.
10. *Покровская Е. Ф.* Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин // КСИА АН УССР. 1962. Вып. 12.
11. *Андриенко В. П.* Земледельческие культы племен лесостепной Скифии (VII—V вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1975.
12. *Зеленин Д. К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
13. *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.
14. *Бураков А. В.* Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев: Наук. думка, 1976.
15. *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
16. *Харузин Н.* Этнография. Т. 4. СПб., 1905.
17. *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936.
18. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Наука, 1972.
19. *Кастанаян Е. Г* Обряд тризны в боспорских курганах // СА. 1950. Т. XIV
20. *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.
21. *Яценко И. В.* О двух жертвенниках-эсхарах в курганах побережья Днепровско-Бугского лимана // Тр. ГИМ. 1960. Вып. 37.
22. *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.
23. *Цивьян Т В.* О некоторых способах отражения в языке оппозиции внутренний / внешний // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.
24. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976.

E. A. POPOVA

LATE SCYTHIAN SACRIFICIAL COMPLEXES AT THE CHAIKA SETTLEMENT

Summary

In 1972—1976 sacrificial complexes were found during excavations of the Chaika late Scythian settlement near Evpatoria. They came from the living rooms that were also used for economic purposes. All of them had a small sacrificial pit filled with ram bones. Near them bottomless vessels were dug in or low partitions. In one of the rooms there were ram bones behind a stone partition covered with a slab. The ritual pits were sometimes covered with a floor that points to a construction sacrifice rite. The same can probably be said of infant burials et the walls of two rooms. In two cases the pits with bones were covered with bottomless vessels. In all cases young rams were the sacrificial animals that indicates that we are dealing with the cult of fertility and home. The fact that the bones were preserved shows that there was a faith that the animal will resurrect to ensure vitality and wellbeing to the house and its dwellers.

С. Ю. САПРЫКИН

УНИКАЛЬНЫЙ СТАТЕР БОСПОРСКОЙ ЦАРИЦЫ ДИНАМИИ

В 1983 г. при раскопках древнего святилища в районе перевала Гурзуфское седло экспедиция Ялтинского краеведческого музея среди многочисленных монетных находок обнаружила золотой боспорский статер с изображением царицы Динамии [1, с. 327] (рис. 1; 2, *2*):

Аверс. Бюст царицы вправо, в повязке, концы которой спускаются по обе стороны головы.

Реверс. Восьмилучевая звезда (солнце), под которой изображен полумесяц, надпись ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΔΥΝΑΜΕΩΣ, справа год ΖΟΣ = 277 г. п. э. = 20 г. до н. э. Вес 8,07 г. Хранится в Ялтинском музее.

Эта монета повторяет статер той же царицы из собрания графа А. С. Уварова (ныне — в ГИМе), который датирован 281 г. п. э. = 16 г. до н. э. Лицевые и оборотные стороны обоих статеров чеканены разными штемпелями [2, с. 68; 3, с. 191; 4, с. 49 сл.; 5, с. 282]. До обнаружения статера Динамии 20 г. до н. э. монета от 16 г. до н. э. являлась единственной с легендой этой боспорской царицы, дочери Фарнака II, внучки Митридата VI Евпатора (КБН, 30, 31, 38, 978, 979, 1046; IPE I ^{2}, 354; Cass. Dio, IV, 24, 4). Новый статер Ялтинского музея вносит ряд корректив в цепь событий политической истории и династийной борьбы на Боспоре, уточняет последовательность чекана монет Асандра и Динамии, открывает возможность проследить общие направления римской политики в отношении вассальных царей понтийско-боспорской династии.

Публикация статера Динамии 20 г. до н. э. была предпринята В. А. Анохиным. Согласно его точке зрения, Асандр начал править еще в 50 г. до н. э., получив от Фарнака часть царства и титул архонта. С этого же года Асандр-архонт чеканил золотые монеты и повел отсчет лет своего правления. Разделение царства, по мнению В. А. Анохина, было скреплено браком Динамии, дочери Фарнака, с Асандром. В 47 г. до н. э. Асандр отделился от Фарнака, после того как тот был побежден Цезарем при Зеле. Не позднее 46 г. до н. э., а скорее всего в 47 г. до н. э., после гибели его тестя Фарнака, Асандр стал титуловаться царем. В тот же год был разгромлен и Митридат Пергамский, посланный Цезарем на Боспор для свержения Асандра. Поскольку золотые статеры Асандра выпускались в течение всех 29 лет его правления, то последний, 29-й год царствования должен, как предлагает В. А. Анохин, соответствовать 21 г. до н. э. В 20 г. до н. э., когда был отчеканен первый статер Динамии, Асандра уже не было в живых. Эта точка зрения отличается от мнения большинства исследователей об этом боспорском правителе [6, с. 76—80].

Предположение В. А. Анохина вызывает ряд возражений. Представляется нелогичным, что золотую монету чеканил соправитель царя, который не имел даже царского титула. Это тем более невероятно, что Фарнак перестал выпускать золото в 51 г. до н. э. [7, с. 28—33]. И совершенно непонятно, почему право выпуска золотой монеты, которое на Боспоре с III в. до н. э. находилось в руках единоличных правителей — архонтов или царей [3, с. 183—185; 8, с. 195], перешло к соправителю. К тому же в соседнем Херсонесе известен обол, чеканенный при Фарнаке и, очевидно, с его портретом на аверсе [9, с. 60], а монет с изобра-

© С. Ю. Сапрыкин, 1990 г.

Рис. 1

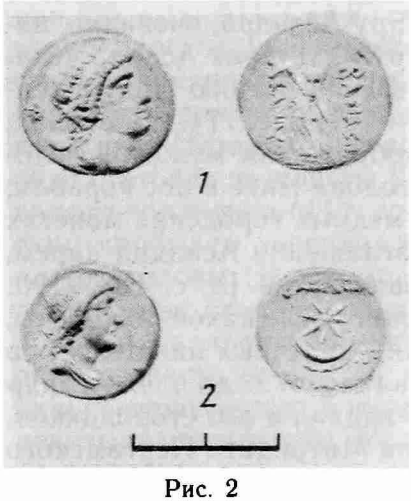


Рис. 2

Рис. 1. Статер царицы Динамии 277 г. п. э.=20 г до н. э. Золото

Рис. 2. Золотые статеры из собрания ГИМа. *1* — царь Асандр, 26 г. до н. э.; *2* — царица Динамия, 281 г. п. э.= 16 г. до н. э.

жением Асандра, соправителя Фарнака, не засвидетельствовано. И это несмотря на то, что город подчинялся Боспору до 46 г. до н. э. [3, с. 153; 9, с. 60, 61]. Чеканка золота от имени властителя при жизни и в правление суверена, пользовавшегося законной властью, должна была расцениваться как вызов Фарнаку, вынашивавшему планы войны с Римом и возврата отцовского наследия в Малой Азии. Это означало бы для него намеренно ослабить собственный тыл перед лицом римлян. Римляне из лагеря Помпея, помня о том, что Фарнак обязан им царством, неоднократно обращались к нему в 50—48 гг. до н. э. за помощью против Цезаря, но все их попытки окончились неудачей (Bell. Alex., 69; App. BC, II, 88; Suet. Caes. 63; Cass, Dio, XLI, 65; XLII, 6, 2). Из этих сообщений никак не следует, что на Боспоре в это время у власти находились соправители. Наконец, легенда на монетах Асандра — ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ ΒΟΣΠΟΡΟΥ. Ни древняя спартокидовская, ни митридатовская традиции не дают оснований утверждать, что соправители в этих домах титуловались архонтами. Титул «архонт Боспора и Феодосии, царь скифов, меотов и проч.» имел лишь законный властитель Боспора, пользовавшийся им единолично и по наследству (ср. КБН, 10, 11, 971, 1039, 1040 и др.). Только в посвящении Файниппа из Пантикапея царь Перисад I назван архонтом Феодосии и царем синдов, меотов и фатеев (КБН, 9-IPE II, 8). Поскольку этот царь одно время (347—342 гг. до н. э.) правил вместе со своим

братом Спартоком II, то иногда считают, что они якобы разделили царство и Спарток должен был именовать себя «архонтом Боспора» [10, с. 310; 11, с. 80; 12, с. 172] Однако нигде мы не найдем указания, что соправители царя титуловались как архонты (ср. КБН, 1: Παιρισάδης καὶ πατδες, т. е. Перисад I и его сыновья-соправители Сатир, Евмел и Притан; КБН, add., 4 — Горгиппия; посвящение из Кеп дочери Спартока III за брата его Перисада II [13, с. 70, 71]; IG II/III, 212 = Syll.^{3} 206 — афинский декрет в честь сыновей Левкона I; Syll.^{3}, 212 — Λεύκων καὶ οἱ πατδες, Митилена). В пантикапейское посвящение Файнипа вкралась ошибка резчика, который пропустил Βόσπορου καὶ... [14, с. 577; 15, с. 110], поэтому мнение, что при разделе власти Спарток II оставил титул «архонт Боспора», теряет смысл [16, с. 50; 17, с. 33—36] Сообщения о соправительстве понтийских царей также не позволяют говорить, что соправители официально именовались архонтами [1] (ср. Syll.^{3}, 368, 369). Это исключает предположение, что Фарнак и Асандр могли разделить власть.

Важной особенностью монет Асандра является их датировка по годам правления Асандра-архонта, а затем царя: эра правления того или иного монарха в древности начиналась с какого-либо важного события — военной победы, одержанной в борьбе за престол, либо свержения царя и утверждения на троне нового властителя [19, с. 65—72] Новая эра никогда не вводилась при соправительстве, тем более, когда у власти находился прежний монарх. А между тем первые годы правления Асандра, согласно В. А. Анохину, приходятся на 50—47 гг. до н. э., когда Фарнак еще правил на Боспоре. Эру Асандра, очевидно, надо поставить в связь с типологией его монет. На золотых статерах Асандр чеканил на аверсе изображение мужской головы, на реверсе — богиню Нику с венком и ветвью на носу корабля [2, с. 62—68; 3, с. 138—191; 6, с. 77]. На оболах, выпускавшихся в годы архонтства, помещались изображения мужской головы — носа корабля и трезубца, а на тетрахалках — голова Нике и нос корабля, но без трезубца [2, с. 62 сл.; 3, с. 183; 6, с. 79]. На медных городских монетах Фанагории, получившей право чеканки после провозглашения Асандра царем, также изображалась Нике, а на обороте — пальмовая ветвь [3, с. 188—190; 6, с. 80] По всей вероятности, Асандр начал чекан монет после какой-то победы, скорее всего морской [3, с. 189] Согласно сообщениям античных писателей, по крайней мере в течение 2 лет после отделения от Фарнака в 47 г. до н. э., Асандр вынужден был вести военные действия как против Фарнака и его сторонников, так и против посланного на Боспор по приказу Цезаря Митридата Пергамского (Bell. Alex., 78; Strabo XI, 2, 17; App. Mithr., 120, 121; Cass. Dio, XLII, 9, 46).

Существует предположение, что символы морской победы на монетах Асандра появились в связи с его успехами в борьбе с морскими разбойниками [20, с. 314; 21, с. 326; 22, с. 76; 23, с. 108], либо в результате победы над Фарнаком или Митридатом Пергамским [2] [24, с. 11; 25, с. 32 сл.; 26, с. 86]. После отделения от Фарнака Асандр не сразу стал хозяином в столице Боспора, так как разбитый при Зеле Фарнак вернулся и отвоевал у Асандра Пантикапей и Феодосию (App. Mithr, 120). Только после этого Асандр вновь напал на Фарнака и разгромил его в конной битве (Strabo XIII, 4, 3) [27, с. 54]. Следовательно, символика морской победы на монетах Асандра не может быть связана с успехом в битве с Фарнаком. Мало вероятно, что она связана и с победой над пиратами. Возможно, что в последующие годы Асандр успешно боролся с пиратами, препятство-

---

[1] Аппиан (App. Mithr., 78) называет Махара, сына Митридата VI, назначенного в 81/80 гг. до н. э. наместником на Боспоре, то архонтом, то царем (Mithr., 67; 83; Livy Per., 98). Разночтения в терминах не препятствуют оценивать власть Махара на Боспоре как наместническую, полностью находившуюся под контролем отца-царя [18, с. 59]. В таком случае титул архонта Асандр мог получить в полном соответствии с митридатовской традицией наместничества, что не было связано с соправительством.

[2] Х. Х. Гиль считал, что Асандр начал чекан золота после победы над Митридатом Пергамским, но не связывал тип монет с морской победой над ним.

вавшими морской торговле [28, с. 151], но в 47—44 г. он вряд ли вел с ними борьбу, так как был занят внутриполитическими делами и положение его на престоле было еще непрочным. Поэтому победные символы могли появиться лишь после успешной борьбы с Митридатом Пергамским, победа над которым дала возможность Асандру закрепиться на престоле. Вот почему за дату начала правления Асандра надо принимать 45—44 гг. до н. э. и с них вести счет годов его эры.

Некоторые исследователи считали эру Асандра на золотых монетах соответствующей юлианской эре по солнечному календарю с 365 днями в году, введенному с 1 января 45 г. до н. э. Юлием Цезарем [24, с. 11, 12; 26, с. 89] Юлианский (солнечный) календарь быстро получил распространение в Малой Азии. Поскольку Асандр заигрывал с римлянами, то вполне резонно, что он вел счет годов по юлианскому календарю. Наконец, тот факт, что счисление годов по эре Асандра не получило впоследствии распространения в Боспорском царстве, где с приходом к власти Динамии (см. ниже) опять вернулись к летоисчислению по лунно-солнечному календарю, на котором основана вифино-понтийская царская эра, говорит в пользу принятия Асандром юлианского календаря, в соответствии с которым велся счет годов его правления (ср. [19, с. 42, 43, 46])

На лицевой стороне статеров двух первых годов правления Асандра (годы А — В) исследователи видят самого Асандра [25, с. 95—97], Октавиана [2, с. 65, 66; 3, с. 189; 14, с. 592; 21, с. 325; 22, с. 78, 79; 29, с. 15, 16], Марка Антония [26, с. 90, 91], Гая Юлия Цезаря [24, с. 11] Последнее предположение более верное, поскольку портретные черты Цезаря, приукрашенные согласно эллинистическим канонам портретных изображений, совпадают с его ликом на римских ауреусах и денариях, выпущенных в 46—45 гг до н. э. Как известно, в последний год жизни Цезаря Сенат постановил помещать портретное изображение «вечного диктатора» на монеты [3, с. 72; 30, с. 69]. На статере архонта Асандра второго года правления (44 г. до н. э.) из парижской коллекции мужская голова с римским профилем увенчана повязкой, конец которой спускается под затылочной частью головы. Это fascia — головная повязка, которую в Риме носили как диадему. Но на статере она повязана на голове мужчины совсем не так, как было принято у эллинистических царей. Они охватывали диадемой-повязкой всю голову целиком, от лба до затылка, тогда как на асандровом статере повязкой охвачен только самый верх головы. Этот способ ношения отличается от того, как повязывал голову сам Асандр, запечатленный на золотых монетах с титулом царя и медных тетрахалках и оболах времени архонтства. В 45—44 гг до н. э. Цезаря не раз пытались увенчать белой лентой и даже диадемой, хотя сам диктатор демонстративно уклонялся от этих знаков отличия и власти, распорядившись поместить диадему в храм Юпитера Капитолийского (Suet. Caes., 79). Тем не менее на римских монетах 45—44 гг Цезаря изображали то с повязкой и диадемой, то в лавровом венке. Как известно, лавровый венок и диадему в эллинистическую эпоху рассматривали как признак царской власти или обожествления правителя [31, с. 21], поэтому естественно видеть диадему на портретном изображении Асандра после получения царского титула. Однако на статере времени архонтства подобная диадема несколько неожиданна: ведь даже архонт Гигиенонт представлен на монете без диадемы [8, табл. IX, *104, 105;* 32, с. 37, 38] Только цари из династии Спартокидов имели на нее право [8, с. 220, табл. IX, *106—108*] Вот почему на означенном золотом статере следует видеть скорее не изображение архонта Асандра, а, может быть, Гая Юлия Цезаря, тем более что портретные черты лица на статерах двух первых годов эры Асандра тождественны, но отличаются от портретных изображений на статерах последующих годов.

Разгромив Митридата Пергамского в морской битве в 46—45 гг. до н. э., Асандр пожелал реабилитировать себя в глазах Рима. Добиваясь прощения Цезаря, он покорно поместил его изображение на монету и начал счет годов своего правления по юлианскому календарю. Это могло быть сделано и в надежде

на признание его царем. Однако смерть Цезаря в марте 44 г. до н. э. помешала этим расчетам. Но Асандр, добиваясь от римлян официального признания, продолжал ставить годы правления по юлианскому календарю, поскольку он был принят в Риме и после Цезаря.

Вопрос о правлении Асандра имеет обширную литературу. За первый год архонтства Асандра брали либо один из годов трехлетия 48—46 гг. до н. э., а последний год царствования — по прошествии 29 лет — 19—17 гг до н. э. [4, с. 49; 11, с. 98; 14, с. 593; 20, с. 314; 22, с. 80; 29, с. 1516; 33, с. 71; 34, с. 267; 35, с. 179; 36, с. 74; 37, с. 130; 38, с. 108; 39, с. 777; 40, с. 17, 18], либо 45/44 гг. до н. э., а окончание — 17/16 г. до н. э. [2, с. 64; 21, с. 325; 24, с. 11; 26, с. 90; 41, с. 144; 42, с. 267; 43, с. 6] В зависимости от этого предполагались различные даты принятия Асандром царского титула и выпуска им первого статера со своим изображением, годом $\Delta = 4$ и царской легендой: 45—44 гг. до н. э., т. е. признание его царем при Цезаре [20, с. 314; 34, с. 267; 35, с. 179; 39, с. 777], 43/42 — 41/40 гг. до н. э., т. е. объявление царем с ведома Октавиана и Антония [2, с. 64; 14, с. 593; 21, с. 325; 22, с. 80, 81; 24, с. 11; 26, с. 91; 40, с. 7; 41, с. 144; 42, с. 267; 43, с. 6; 44, с. 529] Изложенные соображения заставляют нас отдать предпочтение тем, кто полагает, что первый статер года А-1 был отчеканен архонтом Асандром в 45 г. до н. э. и имел портрет Цезаря, а первый статер с царским титулом, полученным Асандром от Антония после битвы при Филиппах, годом $\Delta = 4$ и собственным портретом — в 42 г. до н. э. В том же году, вероятно, Асандр женился на Динамии, законной наследнице престола. Благодаря этому браку Асандр, не имевший никакого касательства к митридатовской династии, стал законным царем Боспора, приобщился к ахеменидо-понтийскому царскому роду, популярному еще у населения северного и южного побережий Черного моря. Учитывая благоволение Антония к Митридатидам, рост популярности Динамии и то, что он сам фактически узурпировал власть, убив законного царя, Асандр вынужден был согласиться на равное с ним участие Динамии в делах государства. Вот почему она фигурировала в надписи наварха Панталеона наравне с Асандром как царица Боспора (КБН, 30), что вызвало даже попытки приписать ей соправительство [45, с. 30—33; 46, с. 13; 47, с. 39] [3]

Против отнесения даты женитьбы Асандра на Динамии до 47 г. до н. э. [14, с. 591; 48, с. 81] свидетельствует тот факт, что Фарнак еще до битвы при Зеле предлагал Цезарю в жены свою дочь (App. BC II, 91). Большинство исследователей усматривают в ней Динамию [22, с. 99; 33, с. 72; 45, с. 30—33], единственную засвидетельствованную источниками дочь Фарнака. Очевидно, Фарнак пристально следил за расстановкой политических сил в Риме и в какой-то период сделал ставку на цезарианцев, что объясняет его весьма прохладное отношение к просьбам сторонников Помпея оказать помощь против Цезаря (Bell. Alex., 69; Cass. Dio, XLII, *47—48*). Эти контакты с Цезарем объясняют, почему римский полководец так болезненно воспринял сообщение о восстании Асандра против Фарнака, с которым незадолго до этого вел вооруженную борьбу. В данной ситуации Асандру, не ожидавшему, очевидно, подобной реакции Рима, не оставалось ничего иного, как демонстративно афишировать верность Цезарю, что нашло отражение в его монетном деле.

Если нижней хронологической границей правления Асандра был 45 г. до н. э., то время его смерти должно падать на 17 г. до н. э., который вычисляется по статеру Динамии от 16 г. до н. э. и соответствует последнему, 29-му году эры Асандра на его статере с датой $\Theta K = 29$ год. Как полагают большинство исследо-

---

[3] В общем списке монет Асандра, приводимом у В. А. Анохина [6, с. 79], фигурирует медная монета типа: Голова Гелиоса — Пегас, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ, $\Delta = 4$, вес 2,12 г. Ярко выраженные митридатовские типы, год эры Асандра, совпадающий с принятием царского титула, не удерживают от соблазна связать ее появление с браком Динамии и Асандра, что дало возможность последнему воспользоваться типологией митридатовской династии на монетах. К сожалению, трудно быть уверенным в подлинности этой монеты; остается только доверять самому Анохину и авторам каталога монет из собраний Великобритании, на который он ссылается.

вателей, Асандр скончался за год до чекана Динамией статера 281 г. п. э. = 16 г. до н. э. [11, с. 100; 20, с. 315; 22, с. 100; 26, с. 86; 40, с. 17, 18; 43, с. 6; 45, с. 30]

Боспорская царица не могла выпустить свои золотые монеты после 16 г. до н. э., так как с этого года Август присвоил себе монопольное право чекана золота в Римской империи. По вифино-понтийской эре 281 г. = 16 г. до н. э. в соответствии с лунно-солнечным календарем начинался в октябре 17 г. до н. э. по юлианскому календарю и заканчивался в сентябре 16 г. до н. э. по лунно-солнечному календарю. В октябре же начинался новый 282 год вифино-понтийской эры (15 г. до н. э.). Следовательно, Асандр, который придерживался счета годов царствования по юлианскому календарю, умер где-то между октябрем и декабрем 17 г., а Динамия тогда же выпустила свой статер. Но по вифино-понтийской эре этот отрезок времени соответствовал уже 16 г. до н. э. Это обстоятельство лишний раз свидетельствует в пользу эры Асандра, взяткой по юлианскому солнечному календарю, согласно которому год начинался в январе. В таком случае статер Динамии от 20 г. до н. э. был выпущен еще при жизни Асандра и в период его правления. Мы попытаемся объяснить это противоречие, предлагая следующую реконструкцию событий на Боспоре и Понте.

На протяжении 29-летнего правления Асандр выпускал золотые статеры почти ежегодно, за исключением нескольких лет: а) 5-й год правления = 41 г. до н. э.; б) 11-й год правления = 35 г. до н. э.; в) 15-й год правления = 31 г. до н. э.; г) 24-й год правления = 22 г. до н. э.; д) 26-й год правления = 20 г. до н. э.

Со времени Помпея и Цезаря правители государств, зависимых от Рима, согласовывали с ним свою политику и право выпускать золотую монету. Сенат либо давал право чекана золота, либо отменял его [49, с. 135] Особенно тесная связь восточных государств и Рима наметилась при Антонии. В 41 г. до н. э. Антоний обложил сторонников Кассия и Брута налогами. Сумму денег, которую города и цари выплатили республиканцам за 2 года и которая равнялась размеру подати за 10 лет, Антоний потребовал выплатить за год (App., BC, V, 4—6; Plut. Ant., 56,1 suiv.).

Учитывая конфронтацию Асандра с Цезарем, можно полагать, что Асандр был в числе царей — сторонников республиканцев, поэтому акция Антония существенно подрывала золотой запас Асандра. В 41 г. до н. э. он мог не чеканить золотую монету. Асандр, которого Антоний все же признал царем, поспешил, вероятно, побыстрее выплатить нужную сумму на содержание римских легионов в Азии. За это ему опять было разрешено чеканить золото.

В основе римской восточной политики в 30—20-х годах до н. э. лежали взаимоотношения с Парфией [50, с. 39 сл.; 51, с. 299 сл.]. Летом 39 г. до н. э. Антоний принял решение восстановить Понтийское царство, а царем сделал Дария, сына Фарнака, внука Митридата VI (App., BC, V, 75). К этому времени Асандр выпустил в обращение статеры 6—7-го годов правления = 40—39 гг. до н. э. В 38 г. до н. э. (8-й год правления) Асандр вновь выпустил золото [4] Антоний и Сенат учли, что на престоле обоих государств находились внуки Митридата, дети Фарнака, брат и сестра Дарий и Динамия. Они разрешили боспорскому царю чеканить монету из благородного металла, желая, очевидно, добиться объединения двух царств под властью одного правителя Асандра, обязанного Антонию царством и потому ему преданного. В связи с парфянской угрозой в 40—38 гг. до н. э. это могло быть вполне реально [5] Однако после разгрома

---

[4] Р. Хенниг [26, с. 92, 93] включает статер 38 г. до н. э. (8-го года эры Асандра) в список датированных монет царя, не указывая его местонахождения. П. О. Карышковский любезно сообщил мне, что статер означенного года эры Асандра ни в одной из нумизматических коллекций не значится, и очень вероятно, что его вообще не существовало, а данные Р. Хеннига ошибочны. Если это так, то отсутствие статера 8-го года правления еще больше укрепляет нас во мнении, что после реорганизации Понтийского царства римляне не оставляли мысли объединить Боспор и Понт и потому не разрешили Асандру чекан золота в указанном году.

[5] Это подтверждается последующими попытками объединить Боспор и Понт при Полемоне I (14—8 гг. до н. э.) и Полемоне II (38 г. н. э.), как, впрочем, и при Цезаре усилиями Митридата Пергамского (см. выше).

парфян в 38 г. до н. э. вопрос об этом отпал [52, с. 51, 52], и на Боспоре Асандр выпустил в обращение очередной статер 9-го года правления = 37 г. до н. э.

Отсутствие статера 11-го года правления = 35 г до н. э. можно связать с новым обострением парфяно-римских взаимоотношений и войной между ними. Зависимые от Рима династы помогали ему материально (Plut. Ant., 37) [50, с. 109—111; 52, с. 52] Можно допустить, что и Боспор вложил лепту в финансовую поддержку римской армии. А это вызвало сокращение золотого запаса в царской казне.

Что касается статера 15-го года правления = 31 г до н. э., то он, очевидно, не был выпущен в связи с битвой при Акции и поражением Антония. Однако с 30 г до н. э. Асандр возобновил чекан (статеры 16—23 гг. правления), что явилось результатом признания его царем в период принципата. К этому времени мы склонны отнести заметку псевдо-Лукиана (Ps.-Luc. Macr 17), в которой говорится, что Август дал Асандру вместо титула этнарха титул царя Боспора. Октавиан получил почетное имя «Август» (Καίσαρ Σεβαστός) только в 27 г. до н. э., поэтому заметка не может быть датирована более ранним временем. Лукиан мог спутать два разных события: Асандр до захвата власти в 47 г. до н. э. был этнархом, т. е. предводителем племени или группы племен на Азиатском Боспоре (ἔθνη), затем архонтом, а потом царем. После установления принципата Августа он вновь был объявлен царем, и это событие довел до нашего сведения псевдо-Лукиан, невольно объединив его с актом Антония.

В 22—20 гг. до н. э. на Восток отправились Август и Агриппа. Они заключили с парфянами мирное соглашение, подкрепленное реорганизацией ряда зависимых царств [51, с. 323—325; 53, с. 593], что коснулось и Северного Причерноморья. К этому времени Боспор представлял собой могущественное государство. Под его протекторатом находился Херсонес Таврический, были налажены добрососедские отношения с варварскими племенами, и вся хора Боспора покрылась укрепленными поселениями-катойкиями [23, с. 104; 54, с. 73; 55, с. 73 сл.; 56, с. 84 сл.] Фактическая независимость Асандра тревожила Рим, и на повестку дня вновь встал вопрос об объединении Понта и Боспора под властью преданного Августу и Агриппе правителя. В 22 г. до н. э. Асандр не получил санкции Рима на выпуск очередного статера (24-го года эры Асандра), хотя на следующий год все же добился ее (статер ЕК-25-го года правления, т. е. 21 г до н. э.). В эти годы на Боспоре появился некто Скрибоний, судя по имени, созвучном имени жены Октавиана Скрибонии, римский вольноотпущенник, выдававший себя за внука Митридата Евпатора и утверждавший, что он получил царскую власть от Августа (Cass. Dio, LIV, 24, *4*). Его появление могло быть санкционировано Августом с целью подорвать изнутри власть неугодного ему Асандра.

С этим маневром связано отсутствие монет Асандра 22 г. до н. э. и, что особенно показательно, 20 г. до н. э. В этот год Август в противовес Асандру разрешил Динамии, его жене, чеканить золотую монету с датой по эре царей Понта. Эти действия римлян тесно переплетаются с мероприятиями, которые в означенный год они провели на Востоке. Данный акт показывает стремление Августа и Агриппы поддержать Митридатидов в лице Динамии и добиться свержения Асандра.

Под нажимом римлян Асандр передал Динамии управление государством (Cass. Dio, LIV, 24, *4*). В заметке псевдо-Лукиана (Macr., 17) говорится, что Асандр в 90-летнем возрасте не уступал никому в пешей и конной битве, но когда увидел, что его воины во время битвы перешли на сторону Скрибония, то уморил себя голодом на 93-м году жизни. Автору заметки важно было подчеркнуть военные доблести Асандра, когда ему было 90 лет, и он выбрал из первоисточника эпизод борьбы со Скрибонием. Следовательно, войну с ним Асандр мог вести в течение 3 лет, так как умер он, согласно той же заметке, уморив себя голодом. Невероятно, чтобы Асандр голодал в течение 3 лет, поэтому резонно допустить, что он воевал со Скрибонием в 90 лет и тогда, когда ему исполнилось 93 года.

Если сопоставить сообщения псевдо-Лукиана с указанием Диона Кассия о передаче Асандром власти Динамии, а также с двумя ее статерами — 20 и 16 гг., присоединив к ним известие, что Динамия стала женой того же Скрибония, то чекан Асандром статеров трех заключительных годов правления увязывается с сообщением «Трактата о Долгожителях» о трех заключительных годах борьбы Асандра со Скрибонием. Опираясь на эти сведения, общий ход событий на Боспоре в начале последней четверти I в. до н. э. можно реконструировать следующим образом.

В 20 г. до н. э., когда Динамия получила право выпуска золотой монеты со своей легендой, династической эмблемой и годом по вифино-понтийской эре, Асандр, вероятно, передал ей бразды правления. Это случилось не без участия Рима, подтвердившего по обыкновению права чекана золота в зависимых царствах [49, с. 135; 57, с. 51] Этот акт произошел в условиях открытой военной оппозиции сторонников Митридатидов и примкнувшего к ним Скрибония, что и побудило последнего выдать себя за внука Митридата Евпатора. Мы не знаем, в тот ли год или уже после смерти Асандра Скрибоний женился на Динамии (Cass. Dio, LIV, 24, *4*), но из того же сообщения Диона мы знаем, что боспорцы не признавали Скрибония царем, как того желали в Риме. На Боспоре опять начались волнения, чем воспользовался Асандр, и римляне вынуждены были санкционировать его право управлять государством. Еще в течение 3 лет (19—17 гг. до н. э.) он чеканил монету (статеры К-27 г.; НК-28 г.; θК-29 г.), и это согласуется с сообщением псевдо-Лукиана, что в 20 г. до н. э., в возрасте 90 лет, Асандр имел неудачное сражение со сторонниками Скрибония (родился Асандр в 110 г. до н. э.) [27, с. 55; 33, с. 61; 58, с. 22], а в 17 г. до н. э. он умер в 93-летнем возрасте, т. е. через 3 года после этого злополучного сражения. В 16 г до н. э. Динамия вновь получила подтверждение своей власти, ознаменовав это выпуском статера 281 г. п. э. = 16 г. до н. э. Тогда же опять активизировал действия Скрибоний, уверявший, что он получил от Августа титул царя Боспора. Однако Агриппа и Август уже не рассматривали его как своего ставленника ввиду крайней непопулярности. Они решили заменить его Полемоном I и объединить, наконец, Понт и Боспор под властью сильного и преданного им правителя [57, с. 51—53; 59, с. 4—8]

По прибытии на Боспор в 14 г до н. э. Полемон I узнал, что боспорцы свергли и убили Скрибония. По решению Августа, Динамия, законная наследница, стала женой понтийского царя, что закрепило искусственное объединение двух государств (Cass. Dio, LIV, 24, *4*). Динамия и Полемон I находились в браке всего около двух с небольшим лет К 12 г до н. э. ее уже, очевидно, не было в живых [4, с. 60; 22, с. 110; 60, с. 7] Последнее подтверждается найденной в Гермонассе в 1983 г. надписью с посвящением Пифодориды, царицы Понта, ее благодетельнице Ливии. То обстоятельство, что в ней не упомянуто о Полемоне I, погибшем в битве с аспургианами (Strabo, XI, 2, 11; Ptol., V, 19, 17), заставляет отнести ее ко времени после смерти последнего (Strabo, XII, 3, 29) и до воцарения Аспурга в 14 г н. э. [61, с. 205; 62, с. 143] Исследователи предполагали, что после развода с Полемоном I Динамия вместе с Аспургом управляла азиатской половиной царства, возглавляя вооруженную борьбу против этого римского ставленника [3, с. 196; 6, с. 82 сл.; 14, с. 594; 20, с. 49; 316; 317; 21, с. 328; 45, с. 30 сл.; 37, с. 132; 38, с. 62; 41, с. 147; 42, с. 268; 46, с. 18; 47, с. 100; 63, с. 231; 64, с. 174; 65, с. 141; 66, с. 104; 67, с. 77—82] К этому периоду относили переименование ею в честь Августа и Агриппы крупнейших городов Боспора, в частности Фанагории в Агриппию (КБН, 31, с. 79), а также три посвящения самой Динамии (КБН, 38; 978; 1046) и херсонесскую проксению Аминию, послу Динамии (IPE I^2, 354). Сюда можно добавить и надгробие из Темрюкского музея, поставленное Динамией, очевидно, стратегу наемников или военных поселенцев Матиану, сыну Зайдара [67, с. 19, № 8] Полагали, что отсутствие в них имен Асандра, Скрибония и Полемона I, мужей Динамии, должно свидетельствовать в пользу реальности ее вторичного правления в 8 г

до н. э. — 8 г. н. э. и резко антиримской позиции [46, с. 18; 47, с. 100—105; 66, с. 104] При этом упускали из виду, что такая позиция не согласуется с преклонением Динамии перед Августом и Ливией и ее эпитетом φιλορώμαιος (друг римлян) [4, с. 59; 63, с. 235; 64, с. 174; 67, с. 82] Это и надпись Пифодориды убедительно показывают, что Динамии скорее всего уже не было в живых после 12 г. до н. э. [4, с. 51 сл.; 11, с. 101; 22, с. 110; 33, с. 74; 39, с. 779; 44, с. 532; 60, с. 7] Ведь странно, зачем представители дома Юлиев-Клавдиев стали бы одновременно поддерживать двух соперничающих цариц, Динамию и Пифодориду, а те в свою очередь — ставить в одно и то же время в одном и том же месте (ср. КБН, 1046) посвящения своим благодетелям. Остается допустить, что большая часть надписей Динамии относится к 22/20—14 гг до н. э., когда римляне в лице Августа и Агриппы делали на нее ставку и всячески принижали Асандра. В указанное время оба бывших супруга, вероятно, выступали независимо друг от друга, на что указывают их золотые монеты [22, с. 86 сл.; 68, с. 97] Они даже могли поделить царство, на чем мы, впрочем, не настаиваем. Скрибоний же только добивался царского титула и потому не удостоился быть помещенным рядом с Динамией в ее надписях. В указанные годы Динамия в знак благодарности Августу и Агриппе переименовала Пантикапей и Фанагорию соответственно в Кесарию и Агриппию и даровала им право чекана меди с портретом Ливии в образе Афродиты Урании или Апатуры [2, с. 71; 3, с. 133; 4, с. 53; 69, с. 37 сл.] Этот обильный выпуск медных монет осуществлялся до 12 г до н. э. [4, с. 53—54; 70, с. 9], т е. до смерти Динамии, и целиком укладывается в те 8 лет, когда Август и Агриппа оказывали ей покровительство [45, с. 33]

Тип оборотной стороны статеров Динамии — звезда и полумесяц — является династической эмблемой понтийских царей из династии Митридатидов, которые считались потомками Ахеменидов в 16-м колене [2, с. 68; 3, с. 194; 71, с. 289] Только А. Л. Бертье-Делагард считал, что это не родовой знак Ахеменидов, а знак почитания Солнца и Луны, что характерно для понтийского царства, где поклонялись Митре — Гелиосу, Мену, Аттису, Ахуро-Мазде, Кибеле, Ма-Эннио-Беллоне. Атрибутами этих богов являлись означенные символы на монетах понтийских царей. В подкрепление своей точки зрения А. Л. Бертье-Делагард приводил довод, что звезда и Луна на статере Динамии от 16 г. до н. э. заимствованы с денария Публия Петрония Турпилиана, выпущенного в 20 г. до н. э. в честь заключения мира с Парфией [48, с. 141, 142] Однако доводы А. Л. Бертье-Делагарда неубедительны. Символика изображения Луны и Солнца на монетах Митридатидов, Асандра и Аспурга до получения царского титула [3, с. 194 сл.; 4, с. 56 сл.; 14, с. 663; 24, с. 27; 48, с. 157] связана с иранскими и малоазийскими солнечно-лунными божествами [72, с. 41—45; 73, с. 69 сл.] Но это нисколько не противоречит тому, что Луна и Солнце — герб Ахеменидов. Ведь он очень тесно переплетен с лунарно-солярными божествами и сам — плоть от плоти культов Ахуро-Мазды, Мена и Митры, воплощением которых считали себя персидские и следовавшие им понтийские и некоторые боспорские цари [72, с. 41—45; 73, с. 72 сл.] Поэтому на их монетах нередки атрибуты солярно-лунарных богов и даже их изображения [3, с. 184—194; 6, с. 72] Денарий Публия Петрония Турпилиана был выпущен после 18 г. до н. э. [74, с. 6], вероятно в 14 г. до н. э. [75, с. 64, 65], так что тип его изображения не повлиял на типологию статеров Динамии 20 и 16 гг до н. э. К тому же они существенно разнятся в деталях. А это позволяет признать в выборе типа оборотных сторон статеров родовой герб боспорской царицы — ахеменидо-понтийскую династическую эмблему, которая была навеяна символикой лунарных и солярных божеств, подчеркивавшей торжество Солнца над мраком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Новиченкова Н. Г.* Раскопки античного святилища // АО—1983. М., 1985.
2. *Орешников А. В.* Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. М., 1887.
3. *Зограф А. Н.* Античные монеты. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
4. *Фролова Н. А.* О времени правления Динамии // СА. 1978. № 2.
5. *Kahrstedt U.* Frauen auf Antiken Münzen // Klio. 1910. B. X. № 3.
6. *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наук. думка, 1986.
7. *Golenko K. V Karyszkowski P. J.* The Gold Coinage of King Pharnaces of the Bosporus // NC. 1972. Ser. 7 V XII.
8. *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора в VI—II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
9. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1977.
10. *Schaefer A.* Athenischer Volkbeschluss zu Ehren der Söhne Leukons von Bosporus // RM. 1878. B. 38.
11. *Латышев В. В.* ПОНТІКА СПб., 1909.
12. *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
13. *Белова Н. С.* Посвятительная надпись из Кеп // ВДИ. 1970. № 2.
14. *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
15. *Сопова Н. К.* К вопросу о характере власти боспорских Спартокидов // Уч. зап. Хабаров. пед. ин-та. 1970. Т. 28. Ч. 2.
16. *Белова Н. С.* К находке надписи IPE II, *8* // СА. 1968. № 3.
17. *Васильев А. Н.* К вопросу о соправительстве на Боспоре // Проблемы античного источниковедения. М.; Л.: Наука, 1986.
18. *Шелов Д. Б.* Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1.
19. *Бикерман Е.* Хронология древнего мира. М.: Наука, 1975.
20. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
21. *Gajdukevič V F.* Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971.
22. *Голубцова Е. С.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
23. *Сокольский Н. И.* Валы в системе обороны Европейского Боспора // СА. 1957 Т. XXVII.
24. *Giel Ch.* Kleine Beiträge zur Antiken Numismatik Südrusslands. Moskau, 1886.
25. *von Sallet A.* Die Münzen Asanders // Berliner Blätter für Münz-, Siegel- und Wappenkunde. 1868. VI.
26. *Hennig R.* Die Regierungszeit des Asander // Berliner Münzblätter NF 29 Jahrg. 1908. № 78, 79.
27. *Сапрыкин С. Ю.* Асандр и Херсонес // СА. 1987. № 1.
28. *Rostovtzeff M. I.* Iraniens and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
29. *Wilcken U.* Asandros // RE. 1896. B. II. H. 2. Hbd 4.
30. *Казаманова Л. Н.* Введение в античную нумизматику. М.: Изд-во МГУ, 1969.
31. *Imhoof-Blümer F.* Die Münzen der Dynastie von Pergamon. B., 1884.
32. *Шкорпил В. В.* К вопросу о времени правления архонта Гигиенонта // Сборник археологических статей, поднесенных графу А. А. Бобринскому. СПб., 1911.
33. *Сибирский А. А.* Гипотеза о происхождении Асандра и новые домыслы о некоторых событиях его правления // ЗООИД. 1877. Т. 10.
34. *Моммзен Т* История Рима. Т. V М.: Изд-во иностр. лит., 1949.
35. *Каллистов Д. П.* Этюды из истории Боспора римского времени (политические взаимоотношения Рима и Боспора при царях Фарнаке и Асандре) // ВДИ. 1938. № 4.
36. *Дьяков В. Н.* Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. 1940. № 3/4.
37. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М.: Наука, 1964.
38. *Устинова В. О.* З історії Боспору у другій половині I ст. до н. е.// Вісн ХДУ. 1966. Іст. сер. Вип. 1.
39. *Brandis C.* Bosporos // RE. 1897 B. III. H. 1. Hbd 5.
40. *von Sallet A.* Beiträge zur Geschichte und Numismatik der Könige des Cimmerischen Bosporus und des Pontus. B., 1866.
41. *Ростовцев М. И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918.
42. *Anderson J. G.* The Eastern Frontier under August // CAH. 1934. V. 10.
43. *Oreschnikow A.* Nouvel essai de chronologie des monnaies d'Asandre // Annuaire de la société de numismatique. Maçon, 1888.
44. *Машкин Н. А.* Принципат Августа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
45. *Macurdy G. H.* Vassal-Queens and Some Contemporary Women in the Roman Empire. Baltimore, 1937.
46. *Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. 1914. Т. XXV.
47. *Rostovtzeff M. I.* Queen Dynamis of Bosporus // JHS. 1919. V. 39.
48. *Бертье-Делагард А. Л.* О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД. 1911. Т. 29.
49. *Sands P. S.* Client Princes of the Roman Empire under the Republic. Cambridge, 1906.
50. *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим. Ч. II. М.: Изд-во МГУ, 1966.
51. *Sherwin-White A. N.* Roman Foreign Policy in the East 168 B. C. to I A. D. Oklahoma, 1984.
52. *Buchheim H.* Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius. Heidelberg, 1960.

53. *Broughton T. R. S.* Roman Asia // An Economic Survey of Ancient Rome / Ed. Frank T. Baltimore, 1938.
54. *Масленников А. А.* К истории населения хоры европейского Боспора в I в. до н. э. // СА. 1980. № 4.
55. *Сапрыкин С. Ю.* Аспургиане // СА. 1985. № 2.
56. *Сапрыкин С. Ю.* Митридатовские традиции в политике Боспора на рубеже н. э. // Античность и варварский мир. Вып. 2. Орджоникидзе, 1985.
57 *Bowersock G. W* Augustus and the Greek World. Oxford, 1965.
58. *Шкорпил В. В., Ростовцев М. И.* Эпиграмма из Эль-Тегеня // ИАК. 1910. Вып. 37.
59. *Rostovtzeff M. I.* Pontus, Bythinia and the Bosporus // Annual of the British School at Athens. 1916—1918. V 22.
60. *Орешников А. В.* Об эре на монетах Пифодориды, царицы Понта. М., 1885 (отд. оттиск).
61. *Блаватская Т. В.* Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2.
62. *Фролова Н. А.* К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре // ВДИ. 1979. № 1.
63. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М.: Наука, 1970.
64. *Болтунова А. И.* К надписи IosPE II, 400 // ВДИ. 1954. № 1.
65. *Голенко К. В.* Керченский клад медных боспорских монет конца I в. до н. э. // НЭ. 1971. Т. IX.
66. *Латышева В. А.* О роли Динамии в период правления на Боспоре Полемона // Вестн. ХГУ. 1981. Вып. 214.
67. *Яйленко В. П.* Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М.: Ин-т всеобщей истории АН СССР, 1987.
68. *Коциевский А. С.* О нумизматической стороне одного важного издания // ВДИ. 1952. № 3.
69. *Орешников А. В.* Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. М., 1914.
70. *Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора первых веков нашей эры: Автореф. дис. докт. ист. наук.: 07.00.06. М., 1985.
71. *Reinach T* Mithridate Eupator, roi de Pont. P., 1890.
72. *Брабич В. М.* Египетские мотивы в монетной чеканке Боспорского царства конца I в. до н. э.— начала I в. н. э. // НЭ. 1960. Т. II.
73. *Сапрыкин С. Ю.* Золотая пластина из Горгиппии // ВДИ. 1983. № 1.
74. *Mattingly H.* Coins of the Roman Empire // BMC. 1927. V I.
75. *Grueber H.* Coins of Roman Republic // BMC. 1910. V II.

S. Y SAPRYKIN

A UNIQUE STATER OF DYNAMIA, A BOSPORAN QUEEN

Summary

A stater of the Bosporan queen Dynamia came to light in 1983 during the diggings of an ancient sanctuary near the Gurzuf pass. It is dated to 277 of the Pontic and Bithynian era, or to 20 B. C. Typologically it is similar to the well-known stater of Dynamia dated to 281 of the Pontic and Bithynian era, or to 16 B. C. and kept in the Museum of History in Moskow. This find triggered an opinion that Asander — an archon and then king of Bosporus, married to Dynamia, was at the state's helm for 29 years (according to numismatic evidence) — came to power in 50 B. C. and was at the head until 21 B. C. This means that he was no longer alive in 20 B. C. Other sources do not support this. There is an opinion that Asander began minting gold coins only after he defeated Mithridates of Pergamum or following the assassination of Ceasar (44 B. C.) who did not recognise him the king of Bosporus. In the wake of the battle of Philippi (42 B. C.) Antonius recognised Asander as the Bosporan king. This was reflected in minting: while Asander was enjoying Roman support he discontinued minting gold coins (41 B. C., 35 B. C., 31 B. C., 22 and 20 B. C.). Since the Romans never abandoned the idea of reuniting Pontus and the Bosporan kingdom they had to orientate themselves on Dynamia and Scribonius when Bosporus under Asander became too powerful. Dynamia's coin made up for an absence of Asander's coin for 20 B. C. The Romans regarded her as their puppet ruler and in the course of administration changes in the dependent provinces effected in 22-21 B. C. proclaimed her a queen.

Р. Ф. ВОРОНИНА

ТРАПЕЦИЕВИДНЫЕ ПРИВЕСКИ С ТРУБЧАТЫМИ ПОДВЕСКАМИ ДРЕВНЕЙ МОРДВЫ

Среди пластинчатых женских украшений древней мордвы особое место занимают трапециевидные привески с трубчатыми подвесками.

Это бронзовые пластины удлиненно-трапециевидной формы, размером от 4,5×3 и 5,5×4 до 13,6×5,5 см.

Верхний конец такой пластины имеет прямоугольный выступ, загнутый в петлю. При помощи этой петли трапециевидная пластина прикреплялась к кольцевидной застежке с длинными трубчатыми или литыми усами. В верхней части по бокам пластина обычно имеет два симметрично расположенных выступа. По нижнему краю проходит ряд отверстий. Небольшие овальные колечки, продетые в эти отверстия, соединяют пластину с трубчатыми привесками.

Тело пластины по боковым краям орнаментировано двумя рядами ложной зерни, а порой еще и волнистой линией, оттиснутой зубчатым колесиком.

Таблица

Распределение и расположение трапециевидных привесок в погребениях и могильниках VIII—XI вв.

Название могильника	Расположение				
	всего	по сторонам груди	в области черепа	в женских вещах, положенных в мужском погребении	не установлено
Томниковский	12	6	—	—	6
Крюково-Кужновский	27	18	4	3	2
Елизавет-Михайловский	7	2	3	—	2
Пановский	2	2	—	—	—
Большой Кашминский	2	2	—	—	—
Лядинский	18	8	2	2	6
Кершин-Вьюнский	1	—	—	—	1
Второй Журавкинский	8	8	—	—	—
Старо-Бадиковский	3	2	—	1	—
Пос. Заря	1	—	—	—	1
Пос. Красный Восток	1	—	—	—	1

В центре она украшена пирамидкой из трех-четырех выпуклин с наколами у основания. Пространство внизу под выпуклинами часто орнаментировано пересекающимися параллельными линиями, сделанными зубчатым колесиком. С помощью кольцевидных застежек пластины прикреплялись к одежде.

Трапециевидные привески с трубчатыми подвесками — редкий вид украшений (погребений с подобными украшениями мало) Их чаще находят в женских погребениях в области ребер, по одной с каждой стороны. Иногда их бывает три и расположены они у теменной кости черепа [1, с. 73] Иногда эти привески находят среди вещей, положенных в мужские погребения женщинами, что говорит об их принадлежности замужним женщинам, хотя редкость таких находок необъяснима.

Данная статья посвящена эволюции, типологии и хронологии этого вида

© Р Ф. Воронина, 1990 г.

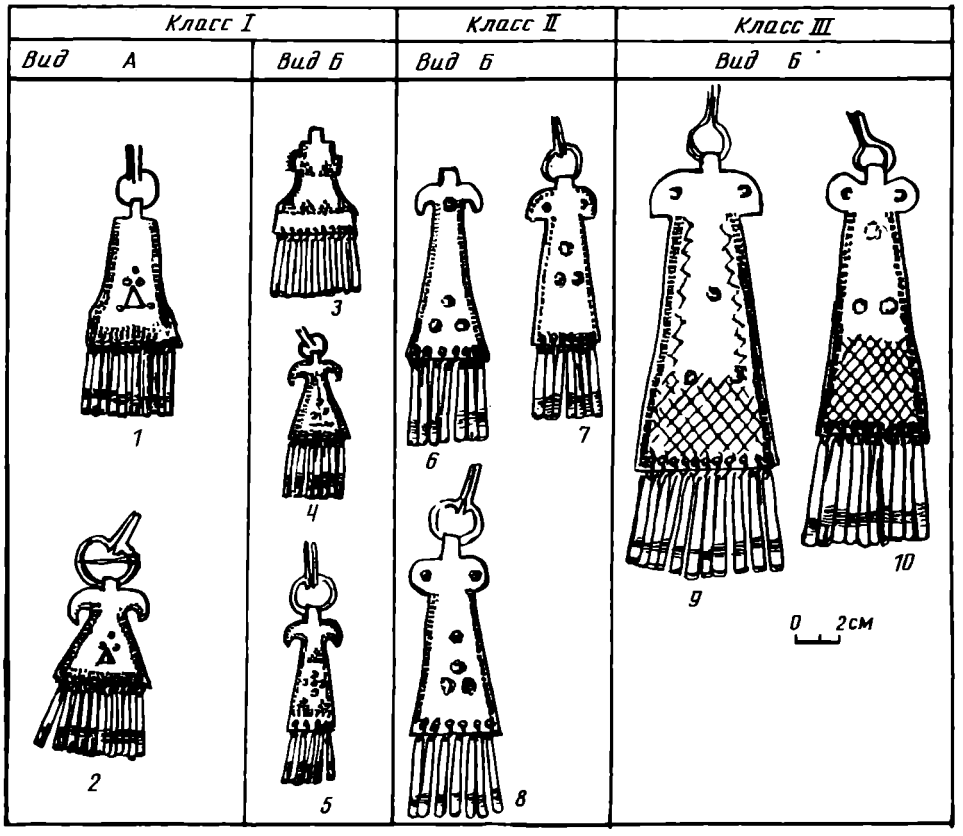


Рис. 1. Типологическая классификация трапециевидных привесок с трубчатыми подвесками. *1* — тип 2, вид А,— из Большого Кашминского могильника; *2* — тип 1, вид А, вариант «б»,— из погр. 349 Крюково-Кужновского могильника; *3* — тип 1, вариант «в»,— из погр. 8 Елизавет-Михайловского могильника; *4* — тип 2, вариант «б»,— из погр. 405б Крюково-Кужновского могильника; *5* — тип 3, вариант «б»,— из погр. 2/3 Крюково-Кужновского могильника; *6* — тип 3, вариант «б»,— из погр. 119 Крюково-Кужновского могильника; *7, 8* — тип 3, варианты «г», «д»,— Второй Журавкинский могильник; *9, 10* — тип 3, варианты «г», «д»,— Лядинский могильник

украшений. Использован материал 11 могильников, как хронологически ранних, так и поздних, в основном опубликованный. Сюда входят находки довоенных лет, хранящиеся в Моршанском районном краеведческом музее, и материалы, полученные раскопками автора на Крюково-Кужновском и Лядинском могильниках (таблица)

Для выделения типов трапециевидных привесок с трубчатыми подвесками анализировались все их признаки: размеры, длина пластины, форма (соотношение длины и ширины пластины), характер боковых выступов, количество трубчатых привесок и наличие или отсутствие прорезей на трапециевидной пластине подвески.

В результате анализа этих признаков все имеющиеся трапециевидные привески были разбиты на классы, виды, типы и варианты.

По длине все привески были разбиты на три класса: класс I — мелкие, к нему относятся привески, длина которых — от 3 до 6 см (рис. 1, *1—5*); класс II — средние (длина 6,5—9 см, рис. 1, *6—8*); класс III — крупные (длина 10—12 см, рис. 1, *9, 10*).

По наличию прорезей на теле пластины все привески делятся на два вида: Вид А — с треугольной прорезью; вид Б — без прорези.

По отношению ширины в нижней части к длине трапециевидной пластины выделяются типы. Форма боковых выступов является вариантным признаком: вариант «а» — без выступов; вариант «б» — с когтевидными выступами; вариант «в» — с короткими прямоугольными выступами; вариант «г» — с клювовидными; вариант «д» — с полукруглыми выступами.

Класс I (мелкие). *Вид А* — с треугольной прорезью. Тип 1. Широкая пластина. Ширина ее в нижней части равна 2/3 длины трапециевидной пластины. Представлен вариантом «б» — с когтевидными боковыми выступами (рис. 1, *2*).

Тип. 1. Ширина пластины равна 1/2 ее длины. Этот тип имеет один вариант «а» — без боковых выступов (рис. 1, *1*).

Вид Б — без прорези. Тип 1. Ширина пластины равна 2/3 ее длины. Этот тип представлен вариантом «в»: боковые выступы его — короткие, прямоугольные, с зубчатым боковым краем (рис. 1, *3*).

Тип 2. Ширина пластины равна 1/2 ее длины. Этот тип представлен вариантом «б» — с когтевидными выступами (рис. 1, *4*).

Тип 3. Ширина пластины равна 1/3 длины. Этот тип имеет вариант «б» — с когтевидными выступами (рис. 1, *5*).

Класс II (средние). *Вид Б* — без прорези. Тип 3. Ширина пластины равна 1/3 ее длины. Этот тип имеет три варианта: «б» — с когтевидными боковыми выступами (рис. 1, *6*); «г» — с клювовидными выступами (рис. 1, *7*); «д» — с полукруглыми выступами и круглыми выпуклинами в центре каждой из них (рис. 1, *8*).

Класс III (крупные). *Вид Б* — без прорези. Тип 3. Узкий, ширина равна 1/3 ее длины. Имеет два варианта: «г» и «д» (рис. 1, *9, 10*).

Корреляция вышеописанных привесок с трубчатыми подвесками и височных привесок с бипирамидальными грузиками, накосниками и подвесками для ожерелий дала возможность выделить более ранние типы и проследить эволюцию трапециевидных привесок. Оказалось, что все ранние типы относятся к классу I — мелких.

Эволюция трапециевидных привесок шла по линии увеличения размеров пластины, ее вытягивания и появления и постепенного видоизменения боковых выступов. Все ранние типы трапециевидных привесок — мелкие, широких пропорций.

Наиболее ранним типом является тип *1*, вариант «а» — с прорезью на пластине и пирамидкой из трех шариков ложной зерни. Он встречается вместе с височной привеской типа 1, вариант «а», которая датируется концом VII — второй половиной VIII в. Отсутствие в комплексе красных пастовых бус позволяет сузить дату до VIII в. Не противоречит ранней дате и наличие орнамента в виде треугольной прорези с пирамидкой из трех шариков ложной зерни, который очень характерен для мордовских женских пластинчатых украшений VII—VIII вв., например для блях с дверками.

Таким же ранним типом трапециевидных привесок является тип 1 привесок, но без прорезей, найденных в комплексах с вышеописанным типом височной привески VIII в. Находки в этих комплексах пластинчатой гривны с бляшками-накладками, аналоги которым известны в Серповском могильнике VII—VIII вв., а также бронзовых браслетов с обрубленными концами не противоречат этой дате. Отсутствие во всех погребальных комплексах, где встречены привески типов 2 и 3, красных пастовых бус дает основание датировать эти типы VIII в. Наиболее поздней в эволюционном ряду является привеска типа 3. Она является исходной для дальнейшей эволюции трапециевидных привесок класса II.

Наиболее ранней в классе II является привеска типа 1, варианта «б». По своей форме она аналогична типу 3 класса I, но отличается размерами. Когтевидные боковые выступы этой пластины более круто изогнуты. Трапециевидная привеска этого типа найдена в комплексе с височной привеской типа 1, варианта «б», с менее массивным бипирамидальным грузиком, у которого верхняя пирамидка меньше нижней, а довольно короткий стержень обвит кованой бронзовой проволокой. Подобная привеска найдена в Крюково-Кужновском могильнике, в комплексе с арабским дирхемом 756 г (отчеканен в г. Куфа близ Багдада в царствование халифа Мансура [1, с. 71]), и в комплексах того же могильника с четырьмя аббасидскими дирхемами, чеканенными в Аббасии (780 г.)

и Ифрикии (793—794 г.)[1] По этим дирхемам погребения датируются серединой IX в. Значит, и височная привеска типа 1, варианта «б» датируется концом VIII — серединой IX в. Этим же временем можно датировать и трапециевидную привеску типа 1, варианта «б», класса II.

Не противоречит этой дате и находка в том же комплексе с привеской пышного кистевидного накосника, ремешки которого плотно обвиты бронзовой кованой проволокой (сложный накосник)

Дальнейшая эволюция идет по линии видоизменения боковых выступов трапециевидных пластин. У трапециевидных привесок варианта «г» концы крутоизогнутых когтевидных выступов срастаются с пластиной, приобретая очертания массивного широкого клюва. Эволюция выступов завершается появлением трапециевидных пластин с полукруглыми боковыми выступами (вариант «д»). Этот вариант так же, как и вариант «г», коррелируется с типом 1 варианта «б» височной привески и датируется концом VIII — серединой IX в.

Дальнейшая эволюция трапециевидных привесок идет лишь по линии увеличения размеров привесок. Трапециевидные привески класса III — поздний, завершающий этап эволюции этого украшения. Он коррелируется с типом 2 височной привески — с длинным стержнем и бипирамидальным грузиком, у которого верхняя пирамидка больше нижней, с ажурными наборными прямоугольными привесками с конскими головами (вариант 5, выделенный Л. А. Голубевой и датированный ею X—XI вв. [2, с. 50]). Эту датировку подтверждают и находки в комплексе с трапециевидными привесками крестовидных привесок ожерелий и литых мелких грушевидных бубенчиков с длинной петлей, широко распространенных в мордовских могильниках X—XI вв.

В пользу этой даты говорит и находка в погребении 479 Крюково-Кужновского могильника вместе с трапециевидной привеской с трубчатыми подвесками накосника-пулокеря.

К этому же времени относится и трапециевидная привеска (тип 3, класс III) из погребения 34 Второго Журавкинского могильника [3, с. 19—23, рис. 19], найденная вместе с круглыми черными пастовыми бусами с двумя перекрещивающимися белыми или голубыми линиями и с красными или белыми глазками с красными или черными ресничками, датируемыми З. А. Львовой X в. [4, с. 20]

Все вышеописанные трапециевидные привески с трубчатыми подвесками встречаются (довольно редко) в VIII—XI вв. на довольно ограниченной территории среднего течения и междуречья Цны и Мокши (рис. 2), являясь типично мордовским украшением, связанным со среднецнинскими могильниками, имеющими южную ориентировку покойников. Их нет в могильниках с северной ориентировкой. Обращает на себя внимание и тот факт, что у вышеописанных трапециевидных привесок с трубчатыми подвесками нет прототипов ни на территории мордвы, ни на соседних территориях.

При внимательном рассмотрении бросается в глаза большое сходство этих трапециевидных привесок со схематизированными женскими фигурами в длинных, расширенных внизу платьях и рогатых головных уборах, которые часто можно встретить на вышивках праздничных полотенец Русского Севера [5, с. 403, 404], и в частности — с предполагаемым изображением Макоши [5, с. 391] Говоря об этих вышивках, Б. А. Рыбаков подчеркивает, что эти изображения чаще всего представлены в вышивках финно-угорских народов или там, где нам хорошо известен финно-угорский субстрат [5, с. 80]

Не следует думать, что изображения небесных и рогатых владычиц присущи только финно-угорскому населению Севера. Они достаточно широко представлены и у русского крестьянства, как в тех северных районах, где финно-угры являются данным субстратом, так и в чисто русских районах [5, с. 81].

Судя по этому сходству, можно высказать предположение, что трапециевидные привески с трубчатыми подвесками являются фигурками великой богини

---

[1] Приношу благодарность А. В. Фомину за определение дирхемов.

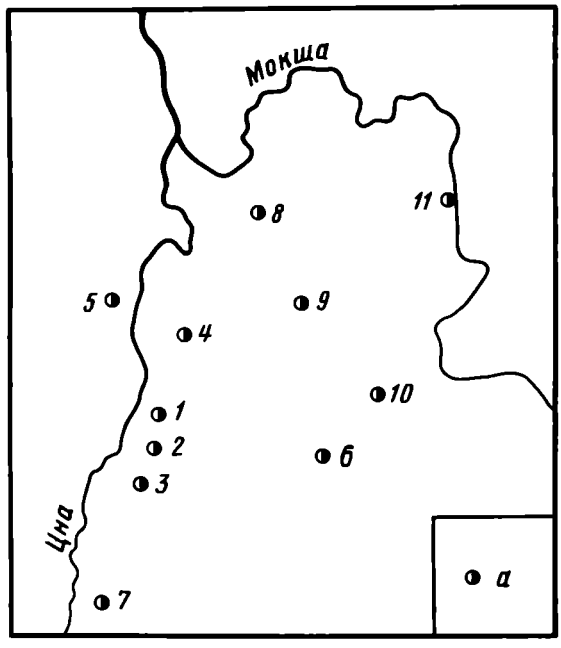


Рис. 2. Схема распространения трапециевидных привесок с трубчатыми подвесками по могильникам: *1* — Крюково-Кужновский; *2* — Кершин-Вьюнский; *3* — Большой Кашминский; *4* — Елизавет-Михайловский; *5* — Томниковский; *6* — Старо-Бадиковский; *7* — Лядинский; *8* — у пос. Заря; *9* — Второй Журавкинский; *10* — Пановский; *11* — у пос. Красный Восток (*а* — находка трапециевидной привески)

плодородия древней мордвы — богини Норов-авы, аналогичной славянской богине Макоши. Эти сильно стилизованные фигуры являлись оберегами данной богини. Они появляются в VIII в., когда великая богиня, вероятно, приобрела человеческий облик. До VIII — начала IX в. ее изображение было символическим — ромб [6, с. 68] Трапециевидных привесок нет ни в Серповском, ни в Армиевском могильниках.

Этот оберег редок, распространен лишь на ограниченной территории. Редкость его объясняется сравнительно поздним появлением и широким распространением ранее другого оберега той же богини — блях с дверками.

В заключение следует указать, что при всей локальности распространения вышеописанных трапециевидных привесок с трубчатыми подвесками — оберегов богини плодородия — этот культ, вероятно, был довольно широко распространен у многих угро-финских народов, на соседних с мордвой территориях. Богини плодородия у каждого из них имели свои, присущие исключительно этому населению имена и обереги, свои формы и приемы изготовления. Таковыми, например, Л. А. Голубева считает треугольные подвески, распространенные в Поволжье [7, с. 110—124]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Среднецнинская мордва VIII—XI вв. Саранск, 1969.
2. *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров // САИ. 1979. Вып. Е1-59.
3. *Петербургский И. М.* Второй Журавкинский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия н. э. (Тр. Мар. НИИЯЛИ. Вып. 63). Саранск, 1979.
4. *Львова З. А.* Стеклянные браслеты и бусы из Саркела и Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
5. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
6. *Воронина Р Ф.* Обереги великой богини древней мордвы // Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. «Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС». М., 1987.
7 *Голубева Л. А.* К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Ченцы. Ижевск, 1982.

R. F. VORONINA

TRAPEZE PENDANTS WITH TUBE ADDITIONS OF ANCIENT MORDVA

Summary

The author discusses for the first time the technology of trapeze pendants and their evolution between the late 7th and the 10th-11th century. Ethnically, they belonged solely to the groups living along the Middle Tsna river, there are no prototypes on the neighbouring territories. They were worn to protect the woman and maintain her fertility.

Ю. И. НИКИТИНА

РИСУНКИ-ГРАФФИТИ ИЗ СОФИИ НОВГОРОДСКОЙ

Выдающийся памятник древнерусского зодчества, Софийский собор в Новгороде — это кладезь, вместилище творений древних художников, резчиков по дереву, златокузнецов, летописцев и переписчиков книг, литейщиков, вышивальщиц и других искусных мастеров.

Казалось бы, этот памятник довольно глубоко и всесторонне изучен архитекторами, искусствоведами, историками, но все новые интересные сообщения преподносят молчаливые стены Софии.

Огромный исторический материал представляют изданные А. А. Медынцевой 253 надписи, открытые на стенах Софии во время археолого-реставрационных работ конца XIX в. и в 1944—1965 гг. [1]. Они содержат важные сведения по различным областям истории, культуры, средневековой ереси, истории письменности и т. д. Надписи-граффити сообщают точную дату закладки Софийского собора — 21 мая 1045 г., имена строителей: Крол, Нежко, Аким, а также имена-автографы художников, расписывающих Софию в XI—XII вв.: Стефан, Микула, Радько, Георг, Сежир, Олисей. Среди граффити встречаются исторические имена: новгородский посадник Остромир (1054—1057), посадник Петрило Микульчич (1131—1134). Исключительный интерес представляет краткая надпись, прочерченная глубоко врезанными крупными буквами: «Дворецкий бешести»; надпись находится на стене лестничной башни, на уровне третьей лестничной площадки.

А. А. Медынцева, издавшая эту надпись, прокомментировала ее следующим образом. Она считает, что надпись относится к дворецкому — первому административному лицу в доме св. Софии, который допустил какой-то произвол, и кто-то оставил запись о бесчестии дворецкого. Надпись эту она датирует концом XIV — началом XV в., а возможно, говорит она, ее следует датировать и более поздним временем [1, с. 176, 177, рис. 159].

Нам представляется, что эта надпись относится именно к более позднему времени (этому не противоречат и палеографические данные) и связана с опальным походом царя Ивана IV Грозного в январе-феврале 1570 г. на Новгород и разграблением и опустошением им города, и в частности Софийского собора. Вот что говорится в Новгородской III летописи об этих событиях под 1570 г.: «... а Дворецкому своему Льву Андреевичу Салтыкову, и протопопу Евстафию, и прочим боярам своим повелел государь идти в соборную церковь св. Софии, взяти ризную казну и прочие драгие освященные вещи церковные; и святые корсунские иконы, и ризы, и колокола и др. ...» [2, с. 257; 3, с. 341].

Именно тогда и могла появится эта запись — «дворецкий без чести или бесчестит чужия владения, бесчинствует». Запись не уничтожили и позже. Она четко и коротко характеризовала разорение Софийского собора дворецким царя Ивана IV Грозного. Если бы надпись относилась к дворецкому — первому административному лицу в доме св. Софии, явно она была бы уничтожена. Эту надпись прорезал на стене Софии новгородец, возмущенный бесчинством дворецкого Салтыкова. Эта надпись — приговор страшному бесчинству Ивана

© Ю. И. Никитина, 1990 г.

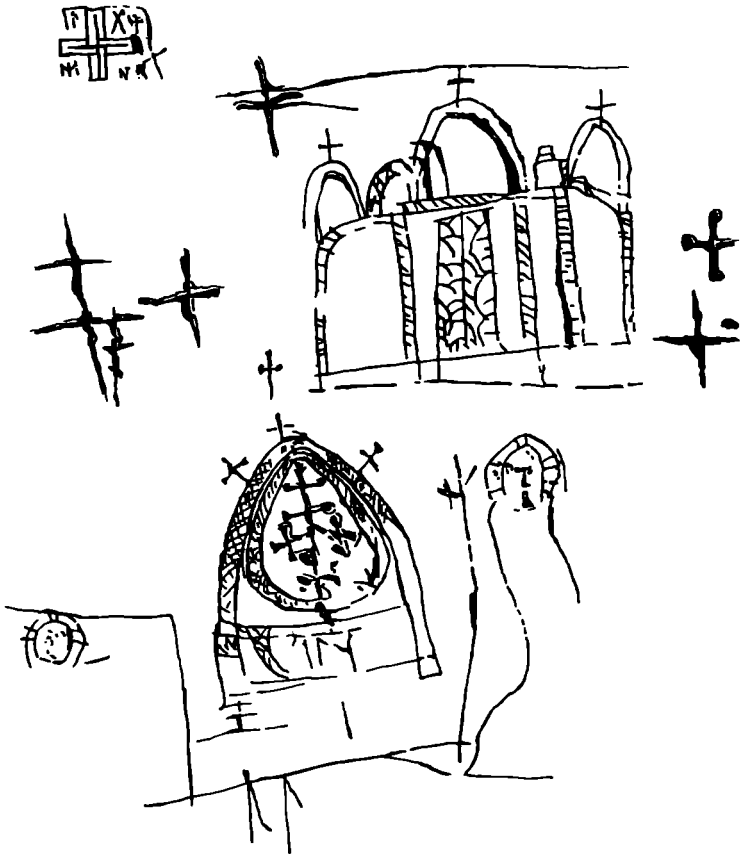


Рис. 1. Софийский собор (западный фасад)

Грозного и его приближенного — дворецкого — сохранилась на века.

Помимо надписей, найденных на стенах Софийского собора и в большей части опубликованных в книге А. А. Медынцевой, автором данной статьи обнаружено большое количество рисунков на стенах, столбах, палатней башни, на хорах, в куполе и алтаре Софии, т. е. рисунки-граффити появлялись там же, где и надписи-граффити. Рисунки удивительно выразительны, они оставлены церковниками, любителями-рисовальщиками, простыми горожанами-прихожанами, а иные — художниками-профессионалами. Встречаются светские, бытовые, и символические рисунки-знаки. Все они являются важным источником по истории быта, культуры, архитектуры древнего Новгорода. Бумага, как известно, появилась на Руси не ранее конца XIV в., пергамент был довольно трудно обрабатываемым материалом и доступен не всем, а вот береста применялась довольно широко для письма. Слишком же охочие до письма и рисования люди, не боясь греха, приспосабливали для этих целей и стены храмов. Рисунки-граффити процарапывались теми же орудиями, какими писались и надписи на стенах и берестяных грамотах, т. е. металлическими и костяными писалами или другими острыми предметами, которые, вероятно, постоянно находились у людей, умеющих писать либо рисовать.

В настоящей статье предлагаются вниманию читателей наиболее яркие, на наш взгляд, рисунки-граффити. Особый интерес представляют рисунки, изображающие храмы. Так, в южном нефе, на южной грани северо-восточного столба, на 45—50 см ниже уровня современного пола, на первоначальной, относящейся к XI в. розовой обмазке собора рукой профессионального художника прочерчено изображение, по-видимому, храма Софии с западного фасада (рис. 1). Рисунок напоминает современные чертежи Софийского собора в разрезе с западной стороны. С этой стороны шестиглавая София кажется трехглавой — таковой она изображена и на граффити. Видны три купола,

Рис. 2. Скоморох

увенчанные четырехконечными крестами. Портал и лопатки, разделяющие фасад, заштрихованы горизонтальными и косыми линиями. Все три членения завершаются сводами-закомарами. Западные врата заштрихованы зигзагообразными линиями [1]

Изображение Софии также с западного фасада, с автографом, как предполагается, зодчего Петра, строителя Георгиевского собора Юрьева монастыря, было обнаружено в Богословском пределе [1, с. 59—61, рис. 30].

В лестничной башне, на последней площадке лестницы, при выходе из нее на хоры, по кремовой гладкой обмазке стены прочерчен однокупольный храм, увенчанный четырехконечным крестом; к сожалению, правая часть рисунка уничтожена большой выбоиной. Слева от рисунка храма процарапан шестиконечный крест, прочерченный двумя контурами, концы креста утолщены, в средокрестии изображено два круга. Высокая продольная полоса креста значительно длиннее поперечных, она придает кресту торжественность. Крест представлен на ступенчатой, сложного рисунка Голгофе. Под Голгофой изображен, по-видимому, ад в форме зигзагообразного круга. Оба изображения, храма и креста, вероятно, прочерчены одной рукой профессионального рисовальщика.

Здесь же, в лестничной башне, между седьмой и восьмой лестничными площадками, возле окна прочерчена двойным контуром арка или полуциркульный свод, увенчанный треугольным куполом. Под аркой примитивно процарапана фигура человека по пояс; от левого плеча фигуры, как бы вырастая из нее,

---

[1] Рисунок сделан по первоначальной розовой обмазке и, согласно архитектурной стратиграфии, может быть отнесен к концу XI — началу XII в. Какие врата висели в это время на западном фасаде Софии — неизвестно. Магдебургские врата, украшающие теперь западный фасад Софии, здесь появились не ранее XIV в. На книжных миниатюрах XV—XVI вв. двери (врата) храмов изображались заштрихованными косыми и вертикальными линиями, иногда еще украшались кружками. [4, с. 271, рис. 10, с. 297, рис. 122, с. 165, рис. 54]

изображен шестиконечный крест с расширяющимися концами. Напротив этого граффито, на столбе, также изображена арка. По-видимому, подобные рисунки исполнялись под впечатлением малых архитектурных форм Софии (порталов, сводов и т. д.).

Авторами рисунков храмов, сводов, порталов могли быть либо архитекторы, либо строители-каменщики.

Не меньший интерес, чем изображение храмов, представляют граффити с изображением людей. В Мартирьевской (южной) паперти, на западной лопатке западной пилястры, на 60 см ниже уровня современного пола, по фресковой живописи XII в. глубоко врезанной линией прочерчено любопытное изображение человека в рост [2] Правая рука его поднята кверху в благословляющем жесте, левая рука положена на бедро (рис. 2). Платье на нем, доходящее до колен, заштриховано косыми линиями. На голове человека корона заштрихована пересекающимися линиями. Лицо почти полностью утрачено, оно испещрено мелкими выбоинами в штукатурке. Человек изображен на четырех ногах; создается впечатление, что другая пара ног, более длинных (ходули), была дорисована другой рукой, так же как и подол расширяющейся части платья. Изображение дано в фас, ноги повернуты вправо. По-видимому, здесь представлен скоморох на ходулях или так называемые «бесовские плясания», страстно осуждавшиеся церковными проповедниками. Видимо, логическую связь со скоморохом имеют и любопытные надписи: шуточная песенка о пирогах и каше в печи, о перепелке, парящей в дубраве, и о недоброй изнеженной душе, выцарапанные неподалеку от скомороха и тщательно заштрихованные «церковной цензурой». Надписи А. А. Медынцева датирует XIII в. [1, с. 148—150, рис. 125, 126] Вероятно, этим же временем следует датировать и изображение скомороха [3] Чуть левее и выше рисунка человека выцарапано изображение двух четырехконечных крестов с утолщениями на концах. На этой же лопатке выше рисунков прочерчена надпись: «Господи, помоги рабу своему Тудору Сбыславичу!», А. А. Медынцева высказывает предположение, что это мог быть автограф Федора Сбыславича, «мужа добра», упомянутого в летописи под 1268 г. в связи с неудачным походом новгородцев к Раковору [1, с. 150, 151, рис. 127] Не исключено, что и рисунок человека сделал Федор Сбыславич.

На восточной пилястре, на ее восточной лопатке, ниже уровня современного пола на 5—10 см примитивно нацарапаны изображения четырех человеческих фигурок разных размеров. Справа — самая большая фигура, правая рука ее вытянута по горизонтали, в направлении к маленькой фигурке человечка, изображенного, по-видимому, спеленутым. Рядом еще две человеческие фигурки. Возможно, эти рисунки были нацарапаны ребенком, они очень напоминают современные детские рисунки. Выполнены рисунки на первоначальной розоватой цемяночной штукатурке и могут датироваться концом XI — началом XII в.

Большое количество граффити-рисунков открыто в Мартирьевской (южной) паперти. В папертях Софийского собора погребали владык Новгорода, князей, иногда бояр. Чаще хоронили в Мартирьевской паперти. Вероятно, под впечатлением одного из погребальных обрядов какой-то новгородец под фреской «Константин и Елена», ниже уровня современного пола на 50 см, довольно примитивно процарапал изображение умершего человека (вызывает недоумение то, что умерший представлен не в горизонтальном, а в вертикальном положении). Фигура человека представлена в рост в фас, ноги повернуты влево (рис. 3), руки сложены на груди, левая рука прижимает к груди книгу,

---

[2] Размер изображенной фигуры — около 45 см.

[3] За основу датировки берем фресковую живопись XII в., по которой начертан рисунок, а также расположенные рядом надписи, которые А. А. Медынцева датирует XIII в.

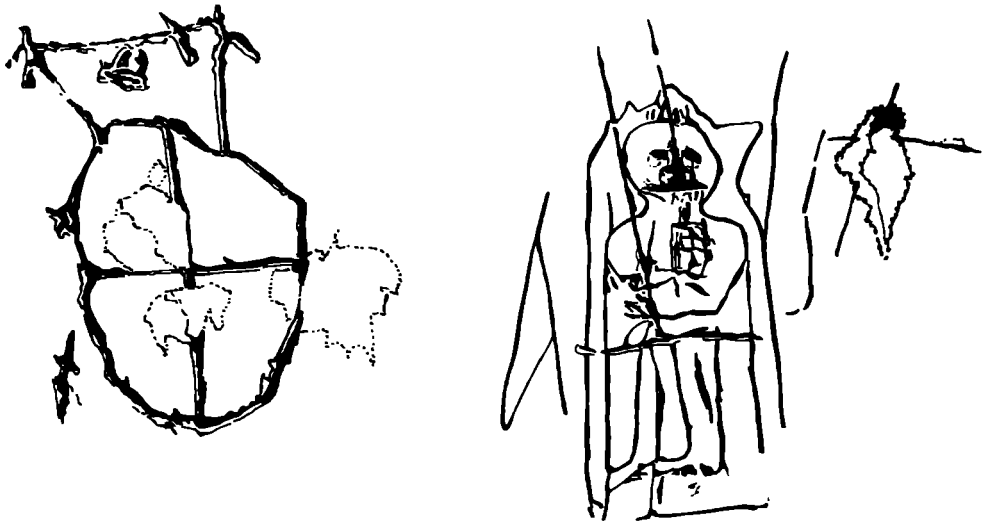


Рис. 3. Человек в гробнице

на которой изображен четырехконечный крест[4] Фигуру обрамляет рамка (гробница), прочерченная двойным контуром. Над головой линия переходит в зигзагообразный узор в виде венка. Не совсем ясно, что за линия идет от ног и пересекает правое плечо (возможно, изображение посоха?). Чуть правее фигуры прочерчена довольно больших размеров буква «А», слева от фигуры видна часть еще одной буквы, по-видимому «W» (к сожалению, эта буква почти утрачена выбоиной в штукатурке). Скорее всего, здесь прочерчены первая и последняя буквы алфавита — альфа и омега (начало и конец) — тайна, связанная со смертью человека. Чуть левее этого рисунка прочерчен как будто этой же рукой равноконечный четырехконечный крест, заключенный в круг (круг с крестом внутри является символом вечности, бессмертия, спасения). Вверху к кругу примыкают два крючковатых отрога, соединенных горизонтальной линией, к которой подвешен колокольчик. Рисунки прочерчены по розовой первоначальной обмазке собора и могут датироваться концом XI—XII в. Этому не противоречит и начертание буквы.

Весьма примечателен рисунок, который находится в южном нефе, на северо-восточном столбе, на 50 см ниже уровня современного пола (рис. 4). На рисунке изображены три арки: две — рядом, одна — чуть поодаль, правее двух первых. Арки прочерчены двойной линией и заштрихованы пересекающимися линиями в виде плетенки. Каждая арка увенчивается тремя четырехконечными крестами. Внутри арок изображены изысканных форм кресты. В двух рядом стоящих арках — десятиконечные кресты, причем третье сверху перекрестие у них прочерчено под углом. Все перекрестия в свою очередь имеют еще дополнительные вертикальные перекладины. В третьей арке, расположенной поодаль, внутри заключен восьмиконечный крест. Центральное перекрестие его прочерчено вертикальными отрогами. Под центральным перекрестием прочерчена дуга (полукружие). Над этой аркой изображены две человеческие фигуры. Одна из них очень примитивна и представляет, по-видимому, какого-то святого, вокруг головы — круг-нимб. Другая фигура изображена погрудно, намечена схематично, несколькими штрихами, но очень выразительна: она представляет со спины тучного, плешивого человека. Чуть выше и левее этой фигуры, заключенная в прямоугольную рамку, процарапана надпись: «Ланрог вредея». Ланрог, по-видимому, имя или прозвище, «вредея» в древней

[4] Умерших священнослужителей иногда хоронили со священными книгами, которые клались на грудь. Подобное можно видеть на миниатюрах русских исторических рукописей [4, с. 191, рис. 79 (погребение митрополита Филиппа)].

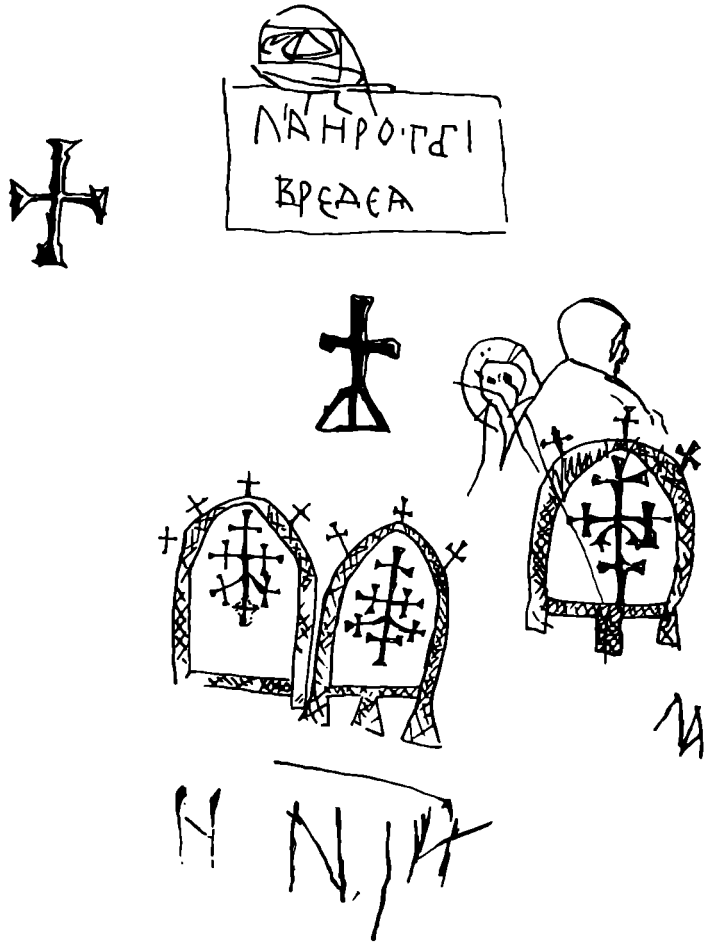


Рис. 4. Человек и арки

Руси означало «богохульник» [5, стб. 319]. Явно надпись «Ланрог богохульник» относится к изображенному тучному человеку. Рисунок и надпись выполнены, как нам представляется, одной рукой профессионального рисовальщика. А. А. Медынцева надпись датирует 1050—1109 гг. [1, с. 81, рис. 69] Следовательно, и рисунок относится к этому же времени. У нас нет основания датировать его другим временем. На этой же плоскости столба, чуть ниже предыдущего рисунка и правее его, изображены еще одна подобная арка, внутри нее — десятиконечный крест. Слева от арки процарапана тоненькой линией примитивная поясная человеческая фигурка (рис. 1).

Особо хочется отметить рисунки, находящиеся в тайниках Софии.

В одном из тайников, находящемся в толще стены лестничной башни, процарапаны довольно примитивные изображения человека возле креста и чудовищного зверя в момент прыжка. Недалеко от рисунка надпись: «писал Былята». Поскольку вход в тайник был доступен лишь определенным лицам, вероятно, Былята (имя) имел доступ в тайник, он и оставил рисунок-автограф, рисунок-оберег [1, рис. 88, 89]. Как известно, в тайниках хранили церковную казну, дорогие ювелирные изделия, возможно, книги и другие богатства. В Софии имеется шесть тайников: четыре малых — в стене лестничной башни; два главных, больших тайника скрыты под полом в северо-восточной и юго-восточной частях хоров. Весьма странный рисунок находился в северо-восточной палатке, где под полом расположен главный тайник. Рисунок-граффито сохранился лишь в копии [5] В архиве В. В. Суслова среди материалов,

[5] На листе, где скопирован рисунок с граффито, под изображением подписано: «северо-восточная палатка, восточная сторона» (хранится в Архиве Академии художеств в Ленинграде. Научно-исследовательский музей. Д. Суслова В. В. № А-14653. Л. 62).

относящихся к реставрации Новгородского Софийского собора, сохранилось несколько листов бумаги, на которых скопированы граффити-рисунки; на одном из них карандашом исполнено изображение «чудовищного человека» по пояс. Лицо человека и тело испещрены вертикальными и пересекающимися линиями-штрихами. Волосы изображены также в виде вертикальных линий. Руки-палочки соединены с телом при помощи многочисленных горизонтальных линий. Голова человека — в виде круга. Глаза-кружки соединены коромыслообразной линией-бровями. Справа от человека-чудища изображен круг, разделенный на восемь ячеек; каждая ячейка заполнена буквами, кружками, какими-то знаками. Трудно поддается определению, что означает этот круг с тайнописью (криптограмма?) [6] Слева от человека нарисован еще один круг, также разделенный на восемь ячеек; в ячейках нет никаких знаков. Линии, делящие круг на части, выходят за его пределы и сами в свою очередь завершаются маленькими кружками. Над головой человека надпись:

«З Никита »

и чуть поодаль и правее — больших размеров буква «А». Известно, что с 1096 по 1108 г. владыкой (епископом) Новгорода был Никита. Новгородская летопись отмечает, что после смерти епископа Никиты на его сбережения приступили к росписи Софийского собора [6, с. 203]. Возможно, рисунки-граффити были связаны с накопленными епископом Никитой богатствами, которые хранились в главном тайнике. Изображение чудища-человека могло быть знаком-оберегом. Перед надписью «Никита» стоит цифра «семь». Обычно считают Никиту шестым епископом Новгорода. Однако в древние времена, по-видимому, Ефрема, который с 1030 по 1035 г. заведовал епархией, но не был епископом, все же считался вторым владыкой Новгорода; в этом случае Никита был седьмым епископом Новгорода, что и обозначено цифрой «семь»; Н. Г Порфиридов в сводной таблице владычных печатей епископа Никиту поставил под седьмым номером [7, с. 83]

Встречаются рисунки с изображением святых. Без сомнения, два замечательных рисунка с изображением Христа и Николая Чудотворца [7] были выполнены художником-профессионалом (сохранились лишь на фотографии с отпечатков на мастике) [1, с. 53, 54, рис. 24, 25]. Странным является то, что у Николая Чудотворца изображен крестчатый нимб, что свойственно лишь изображениям Христа [8] Переписчики книг, работавшие при Софийском соборе, так же как художники и строители,«пробовали руку», т. е. иногда оставляли свой «след» на стенах Софии. Так, на юго-восточном алтарном столбе, вся поверхность которого покрыта многочисленными надписями и крестами различных форм, выделяется мастерски выполненная буквица «Б» в красивом растительном орнаментальном решении. На западной стене хоров начертаны две буквицы: «Я» [1, с. 105, рис. 87].

Любопытную страницу из жизни древних новгородцев раскрывают рисунки-граффити, изображающие животных, птиц, зверей. На северной стене Мартирьевской паперти на 20 см ниже уровня современного пола процарапан рисунок бегущей собаки, впереди нее — стая улетающих птиц (рис. 5). Рисовальщик мастерски передал стремительный бег собаки и полет птиц. Изображение собаки прочерчено одной сплошной линией. Уши собаки подняты вверх — знак настороженности, хвост поднят кверху. Рисунок выполнен по

---

[6] Данный ребус трудно разгадать еще и потому, что копия (лист, на котором изображено бывшее граффито) плохо сохранилась. К тому же копия могла быть выполнена не совсем точно.

[7] А. А. Медынцева считает, что здесь изображены Христос и Иоанн Златоуст. На наш взгляд, иконографический тип более соответствует Николаю Чудотворцу: высокий лоб, раздвоенная небольшая борода, округлое лицо, но не впалые щеки, что характерно для иконографии Иоанна Златоуста.

[8] Фотоархив ЛОИА. № 11, 14124.

Рис. 5. Собака. Фрагмент сцены «охота»

Рис. 6. Зверь-чудище

фресковой живописи XII в. Чуть правее вышеописанного рисунка процарапано изображение чудовищного зверя. Выглядит он весьма странно: морда чешуйчатая, передние лапы-ноги, поднятые кверху, — копытные (рис. 6). Передняя часть туловища заштрихована прямыми пересекающимися линиями. Зверь поднялся на задние ноги. Рисунок выполнен примитивно, но довольно выразительно. Над рисунком прочерчена надпись: «Аж возьшьлся»; на современном языке — «даже вздыбился», т. е. встал на дыбы. Рисунок и надпись сделаны, по-видимому, одной рукой и процарапаны по фресковой живописи XII в. А. А. Медынцева надпись датирует концом XII — началом XIII в. [1, с. 146, 147, рис. 123]

В приделе Иоанна Богослова был обнаружен рисунок, изображающий бегущего оленя и терзающего его зверя-барса, процарапанный твердой рукой привыкшего рисовать человека. Легко и свободно передан бег зверей [1, рис. 32]. Немало открыто рисунков-граффити в лестничной башне (о некоторых из них уже говорилось); вход туда был доступен лишь избранным. На уровне первой лестничной площадки, на высоте 25 см, на столбе находится рисунок, изображающий бегущего в галопе коня с разметавшейся гривой, открытым ртом и поднятыми вверх ушами. Передние ноги изображены выдвинутыми вперед как бы в стремительном галопе. Представляется, что этот рисунок был начертан рукой ребенка. Это подтверждает его расположение — невысоко от лестничной ступеньки. Выполнен он был не позднее XI—XII вв., по первоначальной штукатурке. Несколькими маршами выше, также на лестничном столбе потрудился над рисунком, по-видимому, художник-профессионал. Легкой, уверенной линией процарапано изображение льва с длинной гривой и коротенькими лапами. Туловище зверя изображено в профиль, морда — в фас. Хвост поднят кверху и заканчивается декоративным завитком. Ниже льва схематично, карикатурно изображен как бы приплясывающий человечек с большой головой и маленьким торсом. Правая рука поднята вверх. На голове его — конической формы шапочка, на груди — крест. Чуть ниже и правее рисунков прочерчена надпись: «Стефан». Вполне допустимо, как предполагает А. А. Медынцева, что рисунок-автограф мог оставить художник, принимавший участие в росписи Софии в 1108—1112 гг. [1, с. 36, 37, рис. 12].

На стене лестничной башни оригинально исполнен рисунок рыбы. В качестве тулова рисовальщик-фантазер использовал форму камня из кладки стены. К тулову-камню он дорисовал (прочертил) плавники, голову и хвост в виде вертикальных линий. Рыба — это символ Христа. Изображение рыбы в раннехристианском искусстве встречается довольно часто.

Описанное граффито вполне может относиться ко времени строительства Софийского собора. Этому не противоречит и техника его исполнения.

Большое число рисунков-граффити представляет символические, магические, княжеские и другие знаки. Это изображение разнообразных крестов — четырех-, шести-, восьми- и десятиконечных, многие из которых изданы в статье В. Н. Щепкина [8] и книге И. А. Шляпкина [9]. Замечание И. А. Шляпкина о том, что в граффити Софийского собора в основном встречаются изображения четырех-, пяти- и шестиконечных крестов [9, с. 26], справедливо, но, как было показано выше, известны изображения и восьми-, и десятиконечных крестов.

На столбе лестничной башни, чуть выше площадки, ведущей на хоры, прочерчены жирной линией по древнейшей гладко отшлифованной кремовой штукатурке два четких, красиво исполненных креста в форме четырехлепестковых цветков (рис. 7). Лепестки — трапециевидной формы, в центре они соединяются кругом. Каждый лепесток украшен еще тремя кружками. Несколькими ступеньками выше, на самом верху лестничной башни, перед выходом на крышу собора, по древнейшей кремовой гладко оштукатуренной стене начертан квадрат с четырьмя полукруглыми выступами по сторонам (рис. 8). Выступы прочерчены двойным контуром. Внутри квадрат расчерчен сложным орнаментальным переплетением, состоящим из плетения вертикальных и гори-

Рис. 7 Крест-цветок

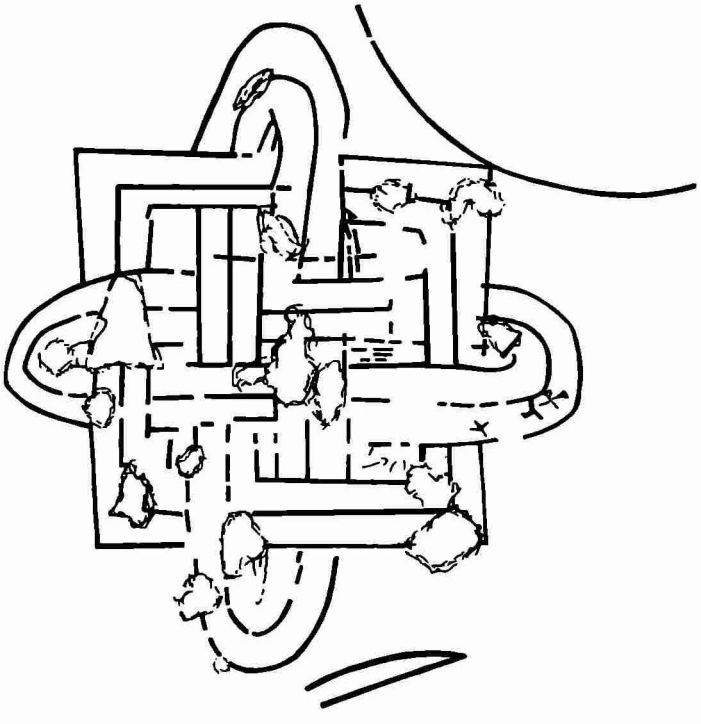


Рис. 8. Квадрифолий

Рис. 9. Княжеский знак?

зонтальных линий. Это, вероятно, широко известный в древнерусском искусстве и в других странах так называемый «квадрифолий» — изображение креста в квадрате. Такую форму имеют ковчеги-реликварии, иконки и т. д. Некоторую аналогию данному рисунку находим в двух граффити-плетенках Киевской Софии. С. А. Высоцкий считает их магическими знаками [10, с. 112, 113, табл. XXII—XXIV]

Изображения крестов имеются в разных частях собора. Некоторые из них уже упомянуты нами ранее. Они обычно как-то связаны с расположенным рядом граффито-рисунком. Например, в изображении скомороха кресты, возможно, играли роль заклинателей против «бесовских плясаний». Подобный смысл могли иметь и два четырехконечных креста с расширяющимися в виде треугольника концами, прочерченных глубоко вырезанной линией около зверя-чудища в Мартирьевской паперти или крест и человечек, прочерченные одной рукой. Многие кресты изображены на Голгофе. Голгофа иногда многоступенчатая, иногда треугольная или прямоугольная. Большинство крестов имеет утолщение на концах. Великолепные по исполнению символы-знаки в виде креста-солнца были прочерчены в нескольких местах Софии (в центральном куполе, на хорах, на высоте 3—4 м от уровня пола): четкий, геометрически

Рис. 10. Магический знак

правильный рисунок креста, в основу рисунка положен четырехконечный крест, в средокрестии — круг, из круга средокрестия исходят четыре луча-сияния, завершающиеся трезубцами. Нижний конец креста удлинен и заканчивается двумя волютообразными отрогами. К сожалению, изображение крестов сохранилось лишь в копии. А. А. Медынцева предполагает, что кресты были прочерчены художником-профессионалом Олисеем, принимавшим участие в росписи собора в XI в. [1, с. 50—52, рис. 20—22] Действительно, не вызывает сомнения, что кресты прочерчены художником, и именно одним из тех, кто расписывал Софийский собор; об этом свидетельствует не только прекрасно исполненный рисунок, но и местоположение — на большой высоте, доступное только со строительных лесов. На северной стене Мартирьевской паперти, слева от фигуры Петра из композиции «Деисус», ниже уровня современного пола на 35 см процарапан рисунок, представляющий собой магический знак (рис. 9), в основе которого лежит шестиконечный, с длинной косой перекладиной крест на прямоугольном, расширенном книзу подножии (Голгофе). По сторонам креста от основания Голгофы прочерчены вьющиеся процветшие стебли. Правая ветвь стебля увенчивается четырехконечным крестом на Голгофе. В целом граффито близко изображениям процветших крестов, неоднократно встреченным в соборе. Любопытная деталь в данном

рисунке креста — нижняя косая перекладина, чего не было в других изображениях граффити-крестов. Этот рисунок-знак несколько напоминает граффито, обнаруженное в Киевской Софии, но здесь шестиконечный крест изображен с прямой нижней перекладиной (без наклона). С. А. Высоцкий считает, что рисунок данного граффито близок к княжескому знаку Святослава Изяславича [10, с. 112, табл. XXIII, *1*]. Над рисунком-знаком процарапана надпись-молитва, относящаяся к фресковому изображению апостола Петра. Надпись гласит: «О святой Петр, прости и отпусти все, что тебе согрешил, рабу своему Михаилу. Аминь». Очень похоже, что надпись и символ-знак прочерчены одной, не очень твердой рукой, возможно даже (как считает А. А. Медынцева) старческой. Чувствуется некоторая вибрация руки при начертании рисунка и надписи, проглядывает искривленность. А. А. Медынцева датирует надпись XIII в. [1, с. 152, рис. 129] Следовательно, и рисунок относится к этому времени.

Еще рисунок в виде магического знака находится в этой же паперти, на западной стене, ниже уровня современного пола на 30—35 см. Рисунок прочерчен по фресковой живописи 1144 г. В основе его — четырехконечный крест, вытянутый по вертикали (рис. 10). Нижняя часть креста заключена в круг, верхнюю часть креста обрамляет полукружие. От нижней части креста отходят зигзагообразные отроги. От центра креста отходят отроги, завершающиеся кружками. Символ-знак прочерчен четко и глубоко. Его окружают процарапанные четырехконечные и шестиконечные кресты.

Рисунки-граффити, как и надписи-граффити, в большей части датируются XII—XIV вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М.: Наука, 1978.
2. Новгородская третья летопись // ПСРЛ. 1841. Т. 3.
3. Летописец церквам божиим Новгородские летописи, СПб., 1879.
4. *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М.: Наука, 1965.
5. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. М., 1958.
6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
7. *Порфиридов Н. Г* Очерки памятников новгородской сфрагистики (печати владык Великого Новгорода) // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959.
8. *Щепкин В. Н.* Новгородские надписи-graffiti. М., 1902.
9. *Шляпкин И. А.* Древнерусские кресты. СПб., 1906.
10. *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966.

Y. I. NIKITINA

GRAFITTI FROM THE ST. SOPHIA OF NOVGOROD

Summary

Archaeological and restoration works in the late 19th century and in 1940-1960 revealed a great number of inscriptions and drawings on the walls of St. Sophia's of Novgorod. They were made by the clergy, parishioners and artists with sharp bone or metal objects. They are mainly dated between the 11th and 14th centuries. In some places representations of temples, including the western façade of St. Sophia's were found. Drawings made by common people are no less interesting: in the Martyr (southern) chapel there is a drawing of a buffoon on stilts (Fig. 2), and a dead placed in a sarcophagus (Fig. 3). In the southern chapel there is an expressive representation of a bold and fat man shown from behing (Fig. 4) and an inscription „Lanrog, [evidently a name or a nickname], is a blasphemer" In the cathedral's different parts there are drawings of animals (Figs. 5, 6). There are also drawings showing saints. The most numerous objects represented on the walls are crosses and symbols of all kinds.

С. В. БЕЛЕЦКИЙ, Е. Ю. КРЫМОВ

ПАМЯТНИКИ АКТОВОЙ СФРАГИСТИКИ ИЗ ДРЕВНЕРУССКОЙ ДУБНЫ

В 4 км от г. Дубны (Московская обл.) при впадении р. Дубна в Волгу находится широко известное Ратминское поселение. Оно давно и справедливо отождествляется в литературе с населенным пунктом Дубна [1, с. 257], упомянутым в летописи под 1216 г. [2, с. 55]. Памятник интенсивно размывается Волгой. За годы, прошедшие со времени проведения здесь экспедицией ГИМ археологических раскопок (1963—1965 гг.) [3], уничтожена береговая линия шириной не менее 10—12 м. На отмелях местные жители собирают многочисленные предметы древнерусского времени, попавшие сюда из разрушенного культурного слоя поселения.

Среди других находок, происходящих из подъемного материала с Ратминского поселения, имеются три актовые печати и две заготовки для печатей. Для четырех находок удалось установить точное место обнаружения их на памятнике (рис. 1). Сфрагистическим памятникам Ратминского поселения посвящена настоящая статья [1]

1. *Аверс*: Вседержитель на престоле. *Реверс*: изображение Св. Федора в композиции «Чудо о змие». *Д*: 19—23 мм. *В*: 6,6 г. *Хр*: колл. Е. Ю. Крымова. *Не изд* (рис. 2). *Уп*: [4—6]

Печать крайне плохой сохранности. Она полностью состоит из окислов свинца, поэтому вес моливдовула должен был бы быть в 2—3 раза бóльшим. Изображения на аверсе и реверсе скорее угадываются, нежели читаются отчетливо. Однако редкий тип композиции на реверсе и характерные очертания фигур на аверсе и реверсе позволили легко связать буллу с известным в науке сфрагистическим типом. Печать оттиснута матрицами № 368 Корпуса актовых печатей древней Руси [7, т. 2, с. 156]

Еще два моливдовула от этой же пары матриц найдены в Новгороде [7, т. 2, с. 156, № 368, *2, 3*] Но в литературе наибольшую известность получил оттиснутый той же парой матриц позолоченный аргировул [7, т. 2, с. 156, № 368, *1*], сохранившийся вместе с грамотой князя Мстислава Великого новгородскому Юрьеву монастырю [8, с. 140, № 81] Эта грамота считается древнейшим из дошедших до нашего времени средневековых русских актов и датируется обычно 1130 г.

В литературе существуют две различные оценки печати Мстиславовой грамоты [2] Н. П. Лихачев, первым установивший, что на реверсе печати изображен Св. Федор, связал аргировул с деятельностью князя Мстислава-Федора Владимировича, от имени которого составлена грамота [9, вып. 1,

---

[1] В каталожных описаниях приняты следующие сокращения: *Д.*— диаметр; *В.*— вес; *Хр.*— место современного хранения; *Изд.*— издание (с воспроизведением и подробным описанием); *Уп.*: упоминание (без воспроизведения или описания).

[2] Историография вопроса подробно рассмотрена В. Л. Яниным (см. [7, т. 2, с. 16—21, 156, № 368, *1*]).

© С. В. Белецкий, Е. Ю. Крымов, 1990 г.

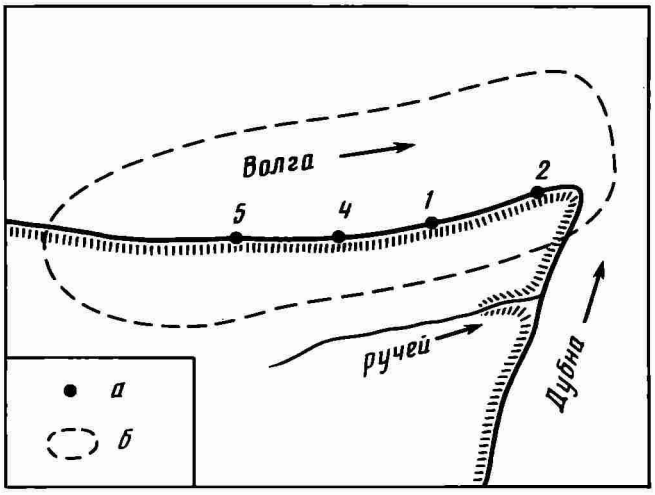


Рис. 1. Памятники актовой сфрагистики Ратминского поселения. Топография находок (*а*). Номера на плане соответствуют номерам каталожных описаний. Границы поселения (*б*) — по А. В. Успенской

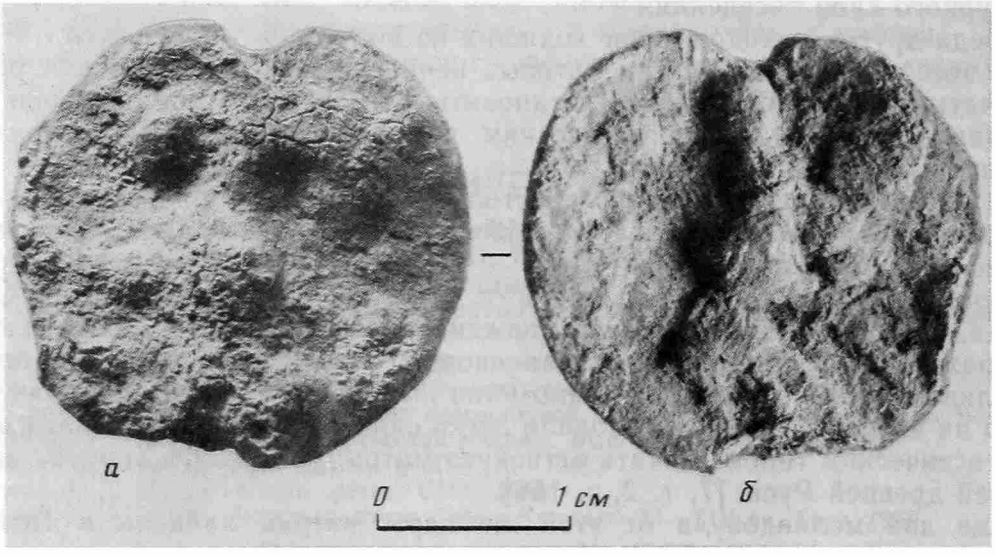


Рис. 2. Печать князя Ярослава Всеволодича. *а* — аверс, *б* — реверс

с. 16—19] Правда, исследователь отметил, что тип печати находит отражение в печатях первой половины XIII столетия [9, вып. 1, с. 19] [3]

В. Л. Янин, предпринявший детальный разбор печати Мстиславовой грамоты [7, т. 2, с. 16—19; 10, с. 42—48], отказался от датировки документа 1130 г. Исследователь признал грамоту ловким подлогом времен Ивана Грозного [7, т. 2, с. 21]. Печати от матриц № 368 В. Л. Янин приписал князю Ярославу-Федору Всеволодичу и предположил, что аргировул первоначально скреплял грамоту более высокого ранга, а в XVI в. был использован для придания «рядовому документу особой импозантности» [7, т. 2, с. 19—21].

Е. И. Каменцева и Н. В. Устюгов специально останавливались на гипотезе В. Л. Янина в учебном пособии по сфрагистике и геральдике. Исследователи считали аргументы в пользу подложности грамоты недостаточно убедительными, но были вынуждены констатировать, что в распоряжении науки более со-

[3] Н. П. Лихачев писал: «Если бы мы не знали Мстиславовой грамоты и ее текста, хрисовул этот скорее отнесли бы к концу XII в., чем к его началу» [9, вып. 1, с. 19].

лидной аргументации в пользу того или другого толкования нет [11, с. 67, 68] [4]

Хотя найденный на Ратминском поселении моливдовул по сохранности заметно уступает трем другим экземплярам печати, он представляет несомненный интерес прежде всего местом обнаружения. Дубна, впервые упомянутая в летописи в начале XIII в., входила в это время в состав Переяславского княжества [13, с. 100], принадлежавшего князю Ярославу Всеволодичу — сыну Всеволода Большое Гнездо [14, с. 170, 171] Это дает серьезные основания связывать печать вслед за В. Л. Яниным именно с деятельностью Ярослава Всеволодича. Действительно, как ни интерпретировать функции княжеской печати в домонгольской Руси — относить ли их за счет княжеской переписки или же связывать с юрисдикцией частного акта, попадание в Дубну документа, скрепленного печатью владетельного переяславского князя, вполне объяснимо.

Если считать печати от матриц № 368 принадлежащими Ярославу Всеволодичу, то есть возможность уточнить хронологию рассматриваемого экземпляра этой печати. О поселении Дубна в летописи сообщено единственный раз в связи с событиями феодальной войны 1216 г Весной этого года сыновья Мстислава Храброго — псковский князь Владимир и новгородский князь Мстислав Удатный — выступили против младших Всеволодичей — великого владимирского князя Юрия и его брата Ярослава. Поводом к началу военных действий послужила попытка Ярослава Всеволодича, годом раньше изгнанного из Новгорода и перебравшегося в Торжок, объявить Новгороду экономическую блокаду, перекрыв подвоз хлеба из низовских земель. Торговый путь из Суздаля в Новгород шел по Нерли через Переяславль Залесский, далее проходил через Верхневолжья Кснятин, Дубну, Шошу, Тверь и через Торжок выходил по р. Тверца на Мсту. В то время как Владимир Мстиславич с псковскими войсками пустошил Кснятин, Мстислав Удатный с новгородцами предал огню города Шоша и Дубна. После этих событий Дубна в летописи более не упоминается.

Археологические раскопки показали, что Ратминское поселение погибло в пожаре в начале XIII в. и более на этом месте не возрождалось [3] Если отождествление поселения с городом Дубна справедливо, то пожар, в котором оно погибло, датируется 1216 г. Следовательно, позднее этого времени документ, скрепленный печатью Ярослава Всеволодича (и вообще любой другой документ), поступить сюда не мог.

Но и в пределах первых полутора десятилетий XIII в. время вероятного попадания в Дубну документа, скрепленного рассматриваемой печатью, оказывается достаточно ограниченным. Ярослав родился, по сведениям В. Н. Татищева, 8 февраля 1190 г. [15, с. 149] Юридическим лицом, обладавшим правом печати, он стал не ранее 1201 г., когда получил свое первое княжение в Переяславле Русском (Южном) [16, стб. 419] Княжеский стол в Переяславле Залесском князь занял не ранее 1208 г. [16, стб. 426, 432] Но уже в 1209 г Ярослав Всеволодич был переведен на княжение в Рязань, там пробыл, правда, недолго [16, стб. 434; 15, с. 182] и вновь вернулся в Переяславль. В 1215 г. Ярослав Всеволодич был приглашен на княжение в Новгород. Вскоре новгородцы изгнали князя, он перебрался в Торжок, а последовавшая вслед за этим попытка торговой блокады Новгорода [2, с. 252, 253] привела к трагическим для Дубны событиям 1216 г.

Поступление в Дубну документа, скрепленного от имени Ярослава Всеволодича в период его княжения в Переяславле Русском, представляется нам маловероятным. Тогда акт, скрепленный публикуемым моливдовулом, должен был быть составлен в промежуток между 1208 и 1215—1216 гг

Место находки нового экземпляра печати от матриц 368 позволяет выска-

---

[4] В первом издании пособия печать Мстиславовой грамоты приводилась в качестве примера типичной княжеской печати начала XII в., хотя авторы и оговаривали существование альтернативной оценки памятника [12, с. 74—76]

зать некоторые соображения и об альтернативной атрибуции печати князю Мстиславу Великому. Этот вопрос непосредственно связан с проблемой основания Дубны. Массовый керамический материал, собранный при осмотре памятника в 1986 г. [4], коллекции подъемного материала с Ратминского поселения, находящиеся в частных руках, а также материалы раскопок 1963—1965 гг. [3, с. 108, рис. 2] свидетельствуют о том, что поселение возникает около середины XII в. и активно функционирует до начала XIII в. [5] Конечно, нельзя исключать, что поселение возникало несколько ранее, чем середина XII в., однако вряд ли намного; в пользу этого свидетельствует отсутствие среди известных нам археологических материалов керамики и вещевых находок, относящихся к XI или XI — началу XII в. [5]

Исходя из того, что поселение при впадении Дубны в Волгу возникает не ранее XII в., полагаем, что вопрос о конкретно-исторических причинах основания этого поселения должен рассматриваться в связи с проблемой формирования границ Ростовской земли. Недавно эти сюжеты были проанализированы В. А. Кучкиным. Исследователь отмечал, что фиксирование границ Ростовского княжества происходит в годы княжения здесь Юрия Долгорукого (1095—1149 гг., с перерывами) и, вероятнее всего, начинается после высвобождения этих земель из-под опеки Южной Руси [13, с. 76], т. е. после смерти в 1132 г Мстислава Великого Новгородский рубеж, в частности, был, по мнению В. А. Кучкина, укреплен в 40-е годы XII в. и проходил несколько западнее устья р. Медведица — левого притока Волги, впадающего в нее ниже по течению от устья р. Дубна [13, с. 82].

Аргументом в пользу возникновения порубежных крепостей на западной границе Ростовской земли в конце 40-х годов XII в., по мнению В. А. Кучкина, является быстрое продвижение новгородских войск в походе 1135 г. на Суздаль, что, по мнению исследователя, свидетельствует об отсутствии сопротивления на всем протяжении пути к Ждане Горе. Действительно, путь из Новгорода до р. Кубра новгородцы проделали всего за 26 дней, однако маршрут этого похода в источниках не описан. Но в то же время интересные данные имеются в описании маршрута предшествующего похода новгородцев, осенью 1134 г. Тогда полки под командованием князя Всеволода Мстиславича дошли до границ Новгородской земли и внезапно повернули обратно. Новгородская Первая летопись отмечает, что войска «воротишася на Дубне» [2, с. 23]

Традиционно принято считать, что в этом сообщении речь идет не о поселении, а о реке Дубне, от устья которой повернули обратно полки Всеволода Мстиславича. Некоторые основания для такого заключения есть. В Лаврентьевской летописи в том же контексте сказано: «На Волзе воротишася» [16, стб. 302], и это наводит на мысль о реке, являвшейся ориентиром в описании похода.

Однако отсутствие мотивировки для внезапного прекращения похода и организация в том же году нового похода, начавшегося 31 декабря 1134 г., свидетельствуют о том, что причина прекращения осеннего похода 1134 г. скрывается не в неожиданной смене политических симпатий и антипатий у руководителей похода. Вероятнее всего, на пути новгородских войск оказалась неожиданная преграда, преодолеть которую в условиях осенней распутицы оказалось невозможно.

Такой преградой, на наш взгляд, явилась крепость Дубна [6], о появлении которой в период подготовки похода в Новгороде еще не знали (или, что менее

---

[5] А. В. Успенская датировала Ратминское поселение X—XIII вв. [3, с. 105—111]. Однако в обоснование нижней даты никаких аргументов приведено не было. На недостаточность оснований для датировки X в. поселения при впадении р. Дубны в Волгу указывал, кстати, и В. А. Кучкин [13, с. 82, примеч. 196].

[6] Остатки фортификаций у Ратминского поселения прослеживались еще в конце XIX в. [1, с. 257]. Уже в 1960-е годы следы валов не наблюдались [3].

вероятно, которую не брали в расчет). Основание в устье р. Дубна опорного пункта на пограничье Ростовского княжества с Новгородскими землями в 1133—1134 гг. вполне оправдано: в 1132 г. начался конфликт между Юрием Долгоруким и его племянником Всеволодом Мстиславичем, и в связи с этим укрепление новгородско-ростовского рубежа приобрело особую актуальность. Путь же по Волге мимо устья Дубны, по справедливой оценке В. А. Кучкина, был самым естественным и удобным маршрутом в глубь Ростовской земли [13, с. 79] [7]

Если изложенное справедливо и возникновение населенного пункта Дубна относится к 1133—1134 гг. [17, с. 35, 36], то поступление сюда документа, скрепленного печатью Мстислава Великого, оказывается невозможным: поселение было основано уже после смерти князя.

Таким образом, в атрибуции печати Мстиславовой грамоты следует согласиться с В. Л. Яниным: печать от матриц № 368 принадлежала не великому киевскому князю Мстиславу Владимировичу, а удельному переяславскому князю Ярославу Всеволодичу, и датируется эта печать соответственно не 30-ми годами XII в., а в пределах первых десятилетий XIII в.

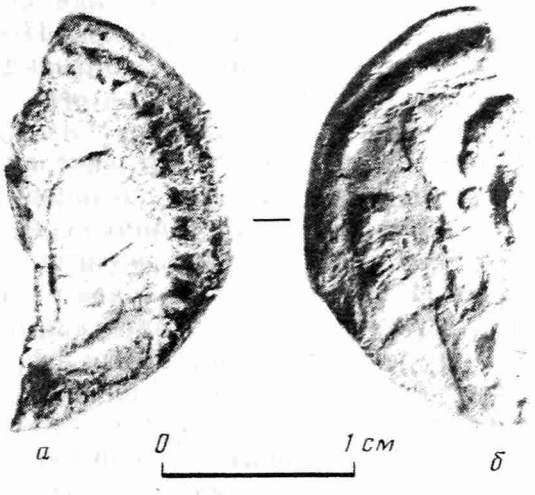


Рис. 3. Печать новгородского посадника середины XII в. *а* — аверс, *б* — реверс

2. *Аверс*: двузубец (?) прямоугольных очертаний. Правый зубец отогнут наружу. Большая часть знака утрачена. *Реверс*: погрудное изображение Св. Георгия с копьем в правой руке, справа фрагмент надписи «Ге(оргий)». *Д*: 21 мм. *В*: 1,98 г. (фрагм.). *Хр*: колл. Е. Ю. Крымова. *Не изд* (рис. 3). *Уп*: [4, 5]

Фрагмент печати также крайне плохой сохранности. Он целиком состоит из окислов свинца и сохраняется только благодаря плотной пленке поверхностного окисла. Реальный вес фрагмента должен был бы быть в 2—3 раза бóльшим.

Сфрагистический разряд, отличительной особенностью которого является помещение на аверсе печати тамгообразного знака, давно известен в литературе. Знаки в виде двузубцев или трезубцев и производные от них традиционно рассматриваются как княжеские знаки рода Рюриковичей [7, т. 1, с. 35—41, 132—146; 9, вып. 2, с. 46—269; 18—20] Поэтому связь печатей, несущих на аверсе такие знаки, с деятельностью княжеского аппарата осозна-

[7] Полагаем, что январский поход 1135 г., когда на пути новгородских войск не оказалось никаких препятствий, шел иным путем, нежели осенний поход 1134 г.: войска Всеволода Мстиславича, вероятнее всего, свернули со Мсты к востоку и через верховья Мологи вышли к р. Медведица, вдоль которой спустились к Волге, обойдя, таким образом, крепость Дубну с севера. Город Кснятин, прикрывавший устье Нерли, как известно, был основан позднее 1134 г.

валась всеми исследователями достаточно отчетливо. Предметами активного обсуждения являлись принципиальная атрибуция сфрагистического разряда и конкретная атрибуция отдельных видов тамгообразных знаков.

Долгое время печати с княжеской тамгой на аверсе расценивались исследователями как атрибуты юрисдикции князей из рода Рюриковичей [8] Только после исследований В. Л. Янина стало очевидным, что печати рассматриваемого разряда принадлежали не самим князьям, а чиновникам княжеского аппарата [7, т. 1, с. 141—146] Но усвоение рассматриваемого разряда сфрагистических памятников конкретной группе чиновников и после этого осталось предметом дискуссии. Правда, В. Л. Янин в осторожной форме указал на возможную связь печатей с деятельностью княжеских тысяцких [8, т. 1, с. 144], но уже Б. Д. Ершевский отказался от однозначной атрибуции сфрагистического разряда, считая вопрос по-прежнему открытым [21, с. 38—55] [9]

Принципиально иную оценку сфрагистическому разряду дал в ряде работ А. А. Молчанов [19, 20, 22—24] Он также признал, что печати с княжескими знаками не принадлежали самим князьям. Подчеркнув, что подавляющее большинство известных печатей с княжескими знаками происходит из Новгорода, А. А. Молчанов связал их с деятельностью новгородских посадников. Княжескую тамгу на печати исследователь расценил как свидетельство участия князя в смесном суде Новгорода вместе с посадником. Посадничья же принадлежность печати, по мнению А. А. Молчанова, обозначалась помещением на печати изображения патронального посаднику святого.

Основной аргумент исследователей, связывающих печати, несущие княжеский знак на аверсе, с деятельностью представителей новгородской администрации (вне зависимости от того, являлись ли чиновники представителями князя или боярскими магистратами), — это обнаружение подавляющего большинства известных булл в Новгороде. На первый взгляд аргумент безупречен: из 59 зафиксированных (на 1969 г.) моливдовулов с княжеским знаком на аверсе (без учета печатей так называемой «архаической традиции», составляющих, по мнению исследователей, самостоятельный сфрагистический разряд [7, т. 1, с. 35—41]) 52 буллы происходят из Новгорода.

Однако при более внимательном обращении к источнику выясняется, что принадлежность чиновников, пользовавшихся печатью рассматриваемого типа, к новгородскому аппарату управления далеко не так очевидна. Из 52 новгородских булл девять найдены на Рюриковом городище, где в древности размещалось крупное архивохранилище [7, т. 1, с. 6], а еще 40 моливдовулов (происходящих главным образом из собрания Н. П. Лихачева) могут быть причислены к комплексу городищенских находок с большой степенью достоверности [10] Иными словами, из 52 печатей, найденных в Новгороде, 49 скрепляли документы, отложившиеся в государственном архиве.

Состав новгородского архива до настоящего времени не анализировался. Принадлежность его конкретному государственному институту средневекового Новгорода также пока надежно не установлена. Поэтому до выявления закономерностей, которым подчинялось формирование этого обширного собрания документов долговременного хранения (судя по найденным на Рюриковом городище печатям, в состав архива входили акты с XI по XVI в., и, следовательно, накопление документов происходило в течение длительного времени), вряд ли целесообразно опираться на печати с Рюрикова городища как

---

[8] Историография вопроса подробно рассмотрена В. Л. Яниным [7, т. 1, с. 137—141].

[9] В целом Б. Д. Ершевский поддержал В. Л. Янина в том, что печати с тамгообразными знаками на аверсе принадлежали полномочным представителям князей, а не самим князьям.

[10] По словам В. Л. Янина, «заметным недостатком лихачевского собрания (печатей.— *Авт.*) является отсутствие точной документации его материалов. Паспорта печатей ограничены указанием общего места находки: „Новгород", „Киев" и т. д. Однако очевидно, что подавляющее большинство булл происходит из Новгорода, а подавляющее большинство новгородских булл — с городища» [7, т. 1, с. 7].

новгородские по происхождению: в комплекс архива могли входить документы, не обязательно скрепленные печатями в самом Новгороде, а поступавшие в Новгород Великий извне [11]

Более существенной является география тех экземпляров печатей, которые были найдены вне комплекса новгородского архива. Из семи документированных моливдовулов три были обнаружены в черте Новгорода: два — в раскопках, один — при случайных обстоятельствах; они почти наверняка скрепляли документы, находившиеся в древности в частных руках [12] Еще две буллы были найдены в пределах территории древней Новгородской земли — в Ладоге и в с. Холынья на Мсте. И только два экземпляра печатей происходят с территорий, удаленных от Новгорода на значительное расстояние: из Киева, где в X—XII вв. находилась резиденция великого князя, и из Вышгорода — удельного центра Киевской земли, располагавшегося в 15—16 км выше по Днепру от Киева и являвшегося его «северными воротами» [25, с. 68] Таким образом, юрисдикция чиновников, пользовавшихся печатью с изображением на аверсе княжеского знака, в основном распространялась на Новгород и Новгородскую землю. Связь института власти, атрибутом которого являлись рассматриваемые печати, с Новгородом Великим представляется нам поэтому вполне правдоподобной.

Могли ли быть владельцами рассматриваемых печатей княжеские тысяцкие Новгорода? А. А. Молчанов отказался от гипотезы, выдвинутой В. Л. Яниным, ссылаясь на слишком незначительную роль княжеских тысяцких в политической жизни древней Руси и Новгорода, в частности, для того, чтобы атрибуировать этим чиновникам «второй по численности разряд памятников домонгольской сфрагистики» древней Руси [22, с. 19, 20] Вероятно, в этом исследователь прав: удельный вес печатей с княжеской тамгой на аверсе в составе домонгольской части новгородского архива достаточно велик, чтобы связывать эти печати с деятельностью второстепенных чиновников в администрации Новгорода Великого [13] Даже беглого ознакомления с материалом оказывается достаточным для того, чтобы уверенно утверждать: чиновники, пользовавшиеся печатью с княжеской тамгой на аверсе, имели широкие полномочия. Они обладали правом юрисдикции в самом Новгороде и в пределах Новгородской земли. Документы, скрепленные их печатями, попадали в столицу Русского государства, а также оседали «на вечное хранение» в государственном архиве Новгорода (или, что в данном случае безразлично, — в «архиве новгородских князей», по оценке В. Л. Янина [7, т. 1, с. 157]). Следовательно, владельцы печатей занимали одно из ведущих мест в системе управления Новгорода. Наиболее заметной фигурой в правящих кругах Новгорода Великого являлись, безусловно, посадники, и при атрибуировании столь представительного сфра-

---

Это, кстати, не исключал и В. Л. Янин, отмечавший в связи с характеристикой новгородского архива: «Допустимо... догадываться, что этот архив составляли важнейшие документы междукняжеских и международных отношений» [7, т. 1, с. 157] Исследователь справедливо задавался вопросом: «Не вызвано ли преобладание новгородских материалов (среди известных актовых печатей русского происхождения.— *Авт.*) самим наличием мощного сфрагистического комплекса, собранного на новгородском городище?» Но справедливо отметив, что наличие архива «смещает правильные акценты» в географии распространения и статистике русских актовых печатей [7, т. 1, с. 157, 158], В. Л. Янин тем не менее во всех рассуждениях опирался на городищенские находки как на новгородские по происхождению.

[12] «И уж не государственные документы, нужно думать, хранились за иконой или в ларце... горожанина»,— характеризовал В. Л. Янин функции тех экземпляров печатей, которые были найдены в черте средневекового Новгорода вне комплекса городищенского архива [7, т. 1, с. 157]. Эта гипотеза представляется справедливой.

[13] В. Л. Янин отмечал, что об авторитетности должности княжеских тысяцких в Новгороде свидетельствуют поздние источники [7, т. 1, с. 144]. Однако ни одного примера исследователь не привел и, более того, вынужден был констатировать: «Нам не известны имена тысяцких новгородских князей» [7, т. 1, с. 145] Единственное летописное сообщение о тысяцких у новгородских князей — зафиксированное под 1219 г. существование такой должности.

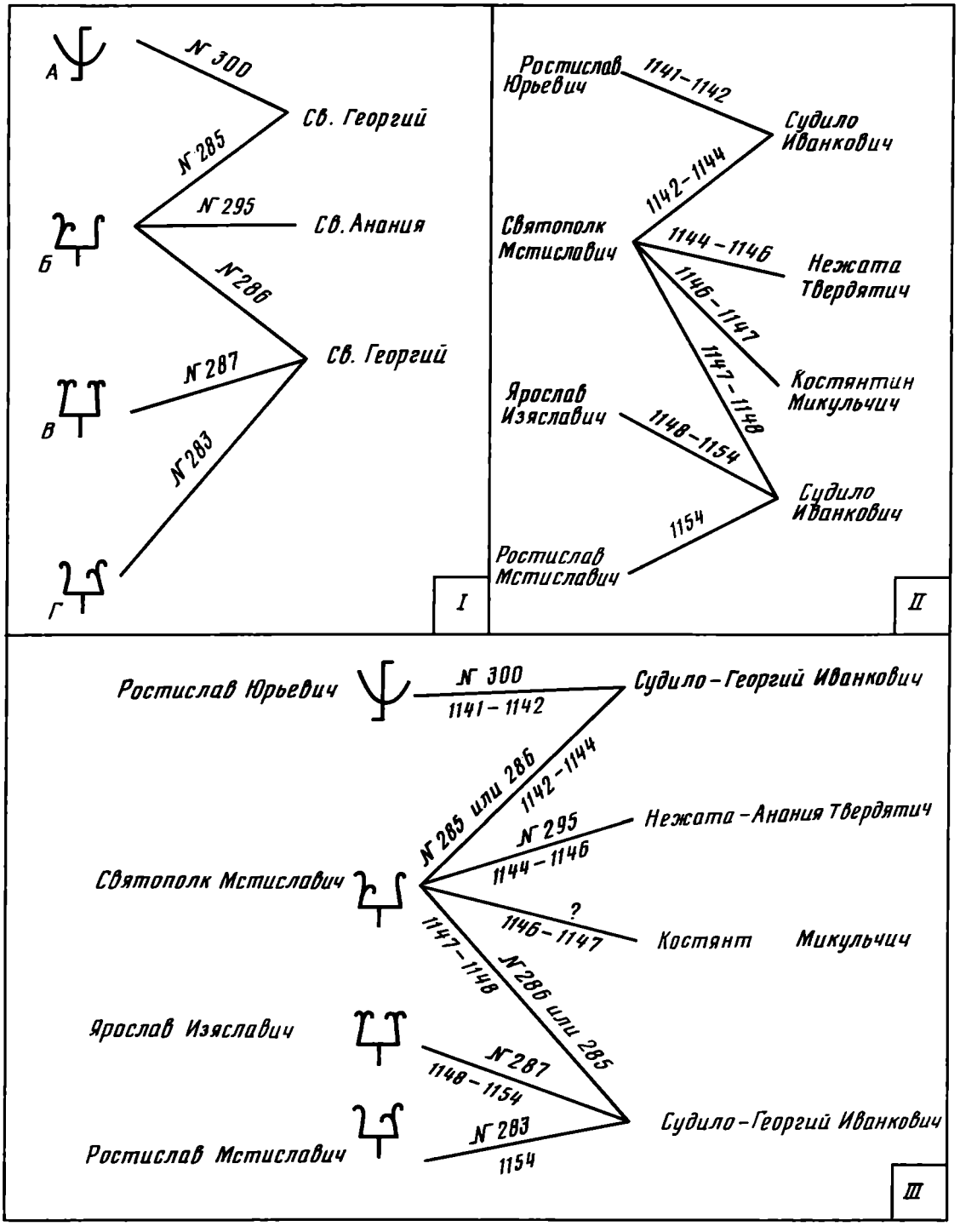


Рис. 4. Схема соотношения аверса и реверса у печатей с княжескими знаками (I) и возможности персонификации владельцев печатей (II, III)

гистического разряда, каким являются печати с княжеской тамгой, именно они привлекают внимание в первую очередь.

В гипотезе А. А. Молчанова наиболее весомым аргументом, на наш взгляд, является персональная атрибуция печатей, основанная на соотнесении между собой очередности пребывания князей на новгородском столе и новгородских посадников в степени. Особенно наглядно это видно на примере соотношения печатей № 283, 285—287, 295 и 300 [7, т. 1, с. 217—220].

На печатях перечисленных типов помещены изображения княжеских знаков четырех различных видов: три из них относятся к группе двузубцев прямоуголь-

ных очертаний, а один — к группе трезубцев колоколовидной формы. На тех же печатях имеются изображения всего двух святых — Георгия и Анании. Графическое соотношение знаков с изображениями святых имеет следующий вид (рис. 4, I). Если считать, что одновременно печатью рассматриваемого разряда пользовался только один чиновник и при этом в распоряжении данного чиновника одновременно могла быть только одна пара матриц печати [14], то за намечающейся схемой стоит следующий порядок чередования «должностных лиц». В период сюзеренства владельца знака «А» от его лица выступал чиновник, носивший крестильное имя «Георгий». От лица владельца знака «Б» также выступал «Георгий», однако интересы этого сюзерена, кроме того, представляли «Анания» и еще один (или повторно тот же самый?) «Георгий». Интересы владельцев знаков «В» и «Г» представляли чиновники (чиновник?), крещенные (крещенный?) «Георгием».

В домонгольский период истории Новгорода Великого имеется только один хронологический отрезок, когда смена князей на новгородском столе соответствовала порядку чередования высших боярских магистратов Новгорода именно в том виде, как это зафиксировано соотношением княжеских знаков и изображений святых на рассматриваемых актовых печатях (рис. 4, II). В 1141—1142 гг., при князе Ростиславе Юрьевиче, в степени находился посадник Судила Иванкович. Он же пребывал в степени и при князе Святополке Мстиславиче, в 1142—1144 гг. В 1144—1146 гг., когда на новгородском столе оставался Святополк Мстиславич, в степени находился посадник Нежата Твердятич. При том же князе Нежату сменил в степени посадник Костянтин Микульчич, отправлявший должностные обязанности в 1146—1147 гг. В 1147 г., при том же Святополке Мстиславиче, в степень был возведен Судила Иванкович, продолжавший впоследствии оставаться в должности степенного при князьях Ярославе Изяславиче (1148—1154 гг.) и Ростиславе Мстиславиче (1154 г.). Совпадение порядка смены князей и посадников с отмеченной выше схемой соотношения аверса и реверса у печатей № 283, 285—287, 295 и 300 несомненно (рис. 4, III) [15]

Существенным подтверждением полученной схемы можно считать найденную при раскопках в Пскове домонгольскую товарную пломбу, на которой зафиксировано повторное оттискивание новой парой матриц [26, с. 221, 222, № 1]. При осмотре находки в фондах Псковского музея-заповедника [16] выяснилось, что из-под княжеского знака вида «Б» на этой пломбе отчетливо проступает княжеский знак вида «А». Повторное оттискивание по одной и той же пломбе было целесообразно, с точки зрения функциональности, только в том случае, если пломба продолжала скреплять освидетельствованный товар, но в момент освидетельствования появилась необходимость замены матриц буллотерия. Такая необходимость могла возникнуть только в том случае,

---

[14] Исключения, связанные с утратой матриц печати при случайных обстоятельствах (утеря или порча матриц и проч.), в расчет, естественно, не принимаются.

[15] Единственная лакуна в схеме связана с отсутствием в имеющемся сфрагистическом фонде таких печатей, на аверсе которых был бы помещен княжеский знак вида «Б», а на реверсе — изображение Св. Константина. На отсутствие печатей с изображением Св. Константина среди памятников рассматриваемого сфрагистического разряда указывал В. Л. Янин [7, т. 1, с. 144]. Для исследователя этот факт явился в свое время одним из оснований для отказа от атрибуции печатей с княжеским знаком на аверсе новгородским посадникам [7, т. 1, с. 144] Однако имеющаяся лакуна, как представляется, не должна смущать. Отсутствие среди известных сфрагистических памятников подобных печатей еще не дает права отрицать возможность обнаружения их в будущем. Уверенности в том, что в распоряжении исследователей имеется исчерпывающая источниковая база, естественно, нет и быть не может. Против опасности абсолютизации наличного сфрагистического фонда выступал еще Н. П. Лихачев, справедливо подчеркивавший: «Находки продолжают делаться ежегодно, новые и новые печати поступают в музеи, а при роковой их анонимности каждый отдельный памятник может в смысле определения повлиять на целую систему построений» [9, вып. 1, с. 9].

[16] ПОМЗ, инв. № 12864. Благодарим В. И. Лабутина (Псков), оказавшего содействие в осмотре памятника.

если прежние матрицы буллотерия утратили юрисдикцию: произошла смена должностного лица, ответственного за освидетельствование товара, либо сменился князь-сюзерен, от лица которого выступал в своей деятельности чиновник — держатель буллотерия. Иными словами, повторное оттискивание по уже привешенной пломбе происходило в том случае, когда владелец новой пары матриц буллотерия был тождествен владельцу прежней пары матриц либо являлся его юридическим преемником, и при этом переутверждение происходило фактически в самом начале употребления новой пары матриц буллотерия (в тот момент, когда пломба, подвергнутая «перечеканке», не просто сохраняла свое юридическое значение, но вообще только приобретала это значение). В данном конкретном случае мы можем констатировать, что княжеский знак вида «Б» непосредственно сменил княжеский знак вида «А», восприняв функции последнего, т. е. князь, владелец знака «Б», занял стол непосредственно вслед за князем, которому принадлежал знак «А». Именно эта ситуация фиксируется при атрибуировании знака «А» Ростиславу Юрьевичу, а знака «Б» — Святополку Мстиславичу, как это и предлагает А. А. Молчанов [20, с. 82, табл. II] [17]

Таким образом, наиболее вероятными претендентами на владение печатью с изображением княжеского знака на аверсе действительно являются новгородские посадники.

Но, признавая достаточно непротиворечивой схему персональной атрибуции печатей с княжеской тамгой на аверсе, предложенную А. А. Молчановым [18], следует подчеркнуть: трактовка этих печатей как атрибутов смесного суда князя и посадника в Новгороде Великом вопреки мнению А. А. Молчанова не позволяет заполнить столетнюю лакуну в посадничьей сфрагистике Новгорода.

Действительно, если бы княжеская тамга на печати символизировала только представительство князя в смесном суде Новгорода, то изображение святого в равной мере должно было бы указывать только на представительство в этом органе судопроизводства степенного посадника. Тогда вряд ли печать, несущая на себе символическое обозначение представителей двух различных и противостоящих друг другу институтов управления, объединенных в одном органе власти, могла бы применяться в иной сфере делопроизводства, кроме данной конкретной инстанции судопроизводства. И если принять гипотезу А. А. Молчанова относительно смыслового значения тамги на печатях, то эти печати следовало бы считать не посадничьими, а печатями смесного суда Новгорода, оставляя вопрос о собственно посадничьих печатях открытым.

Соглашаясь с предложенной А. А. Молчановым трактовкой сфрагистического разряда как атрибутов юрисдикции новгородских посадников, мы полагаем, что смысловое значение княжеской тамги на печатях было (безотносительно принципиальной атрибуции самого разряда) верно определено В. Л. Яниным: княжеский знак на печати символизировал вассалитет владельца буллы перед сюзереном-князем. По-видимому, введением печати рассматриваемого типа было юридически закреплено иерархическое отношение между двумя основными институтами управления в Новгороде: верховным правителем Новгорода являлся князь, а посадник в своей деятельности выступал в качестве полномочного представителя княжеской власти в городе.

Общая датировка памятников рассматриваемого сфрагистического разряда традиционно определяется XII—XIII вв. Исходя из того, что среди имеющихся сфрагистических типов нет ни одного, который можно было бы аргументированно датировать временем ранее 40-х годов XII в. [20, с. 81], можно полагать, что

---

[17] Если атрибуции знаков верны, то пломбу из Пскова можно датировать крайне узким отрезком времени — вскоре после 19 апреля 1142 г.

[18] А. А. Молчанову в резкой форме возражал Б. Д. Ершевский [21], однако в ответной статье А. А. Молчанов отвел все аргументы своего оппонента, показав их несостоятельность [20]

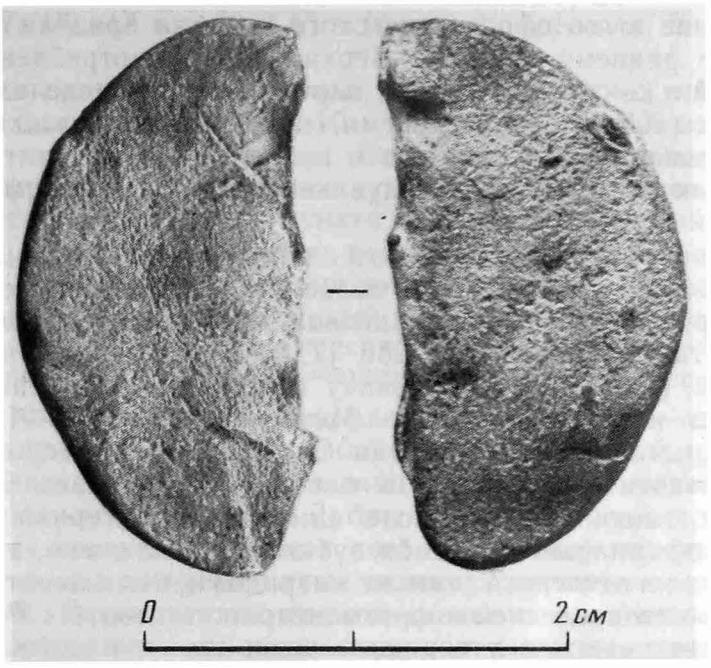


Рис. 5. Фрагмент печати. *а* — аверс (?), *б* — реверс (?)

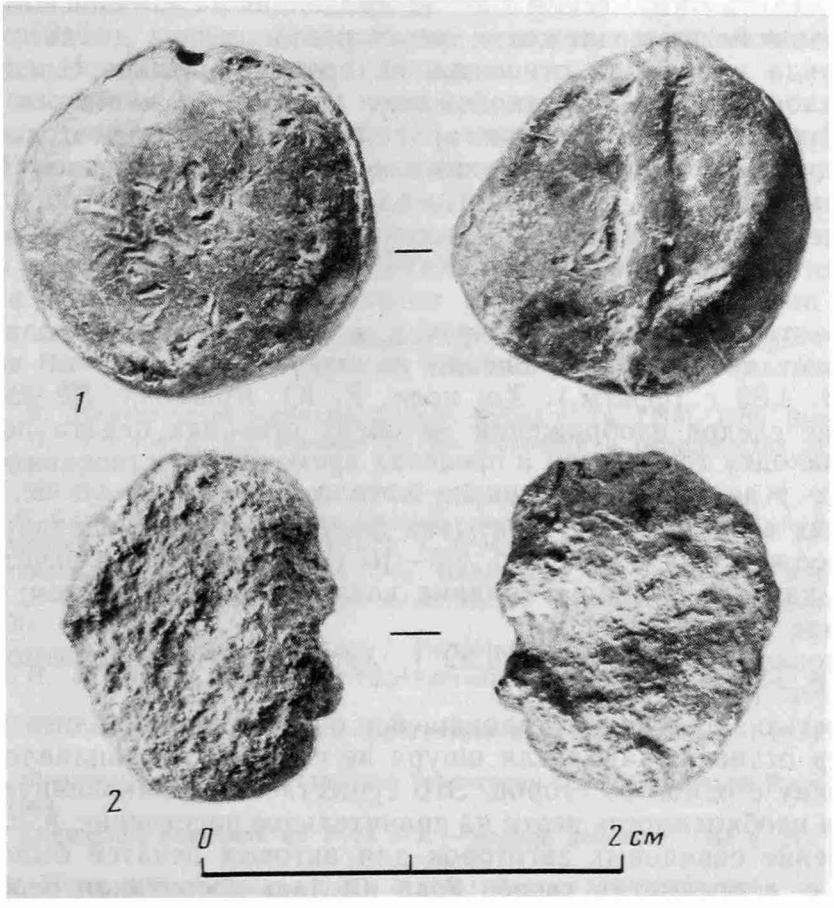


Рис. 6. Заготовки для актовых печатей

и само появление этого сфрагистического разряда вряд ли относится к значительно более раннему времени. Верхняя дата употребления в делопроизводстве печатей с княжеским знаком определяется в пределах первой трети — первой половины XIII в.: на это время «падает кризис русской княжеской геральдики... а сама тамга оказывается вынужденной уступить место территориально-родовым и сугубо индивидуальным геральдическим эмблемам» [20, с. 83]

Фрагментарная сохранность печати с княжеским знаком на аверсе, найденной на Ратминском поселении, не позволяет уверенно определять ее узкую датировку и персонифицировать владельца. Чрезвычайно близка нашей печати булла, оттиснутая матрицами № 286 [7, т. 1, с. 217], атрибуированная посаднику Судиле (Георгию) Иванковичу в период отправления им должности степенного при князе Святополке Мстиславиче (1142—1144 или 1147—1148 гг.): сходны абрис изображения Св. Георгия, размеры копья, расположения копья относительно нимба и плеча святого, очень близки очертания правого зубца тамги, в том числе заметна характерная для обеих булл дефектность в оформлении перегиба зубца. Не исключено, что печать с Ратминского поселения оттиснута теми же матрицами, что и печать № 286. Однако плохая сохранность последней и фрагментарность печати с Ратминского поселения не позволяют все-таки утверждать наверняка тождественность экземпляров по матрицам. Поэтому уточнение датировки моливдовула с Ратминского поселения и его персональная атрибуция остаются открытыми до обнаружения более сохранных экземпляров печатей от этой же пары матриц. Пока же отметим, что печать с княжеским знаком, найденная на Ратминском поселении, по всем признакам принадлежит к числу ранних типов данного сфрагистического разряда и вряд ли относится ко времени позднее середины XII в.

Выше было высказано предположение о том, что основание поселения в устье р. Дубна произошло в разгар конфликта между ростовским князем Юрием Владимировичем (Долгоруким) и новгородским князем Всеволодом Мстиславичем — в 1133—1134 гг. Посадничья печать Новгорода середины XII в., найденная на Ратминском поселении, свидетельствует, что практически с момента основания Дубна являлась достаточно заметным населенным пунктом на новгородско-ростовском пограничьи, находящимся в сфере политических интересов высших боярских магистратов Новгорода Великого.

3. Фрагмент печати. Изображения на *аверсе* и *реверсе* не прослежены. *Д*: 27 мм. *В*: 4,89 г (фрагм.). *Хр*: колл. Е. Ю. Крымова. *Не изд* (рис. 5).

Отсутствие следов изображений на обеих сторонах печати не позволяет датировать находку точнее, чем в пределах времени существования поселения. Отметим, что у данного моливдовула металл сохранился лучше, чем у двух рассмотренных выше печатей. Учитывая фрагментарность находки, реальный вес буллы должен был достигнуть 9,5—10 г. Особенностью печати является щелевидный канал для шнура; ширина канала в расплющенном при сжатии заготовки виде достигала 11 мм.

4. Заготовка. *Д*: 17 мм. *В*: 9,59 г. *Хр*: колл. Е. Ю. Крымова. *Не изд* (рис. 6, *1*). *Уп*: [4, 5].

Особенностью заготовки, сохранившейся очень хорошо, является бракованный характер отливки: канал для шнура не сквозной, а заплавленный более чем наполовину с одной из сторон. Это существенно: бракованную заготовку вряд ли была необходимость везти на значительное расстояние, и, следовательно, изготовление свинцовых заготовок для актовых печатей было налажено на месте, т. е. в предметах такого рода имелась постоянная необходимость. Этот факт позволяет утверждать что в древнерусской Дубне, по крайней мере в какой-то период существования города, имелась канцелярия (возможно, в лице конкретного чиновника), обладавшая правом скрепления документов актовой печатью.

5. Заготовка. *Д*: 16—17 мм. *В*: 3,43 г (фрагм.). *Хр*: колл. Е. Ю. Крымова. *Не изд* (рис. 6, *2*).

Фрагмент заготовки сильно корродирован, поэтому вес ее (с учетом фрагментарности) должен был достигать 9,5—10 г. Несмотря на плохую сохранность, можно полагать, что тип заготовок с Ратминского поселения стандартен.

Публикуемые сфрагистические памятники позволяют по-новому представить историю древнерусского населенного пункта Дубна, единственный раз упомянутого в летописи в связи с его гибелью в пожаре феодальной войны. Дубна предстает важным центром в системе городов Верхневолжья. Уже в начальный период своей истории город, возведенный на западной границе Ростовского княжества, оказался в сфере интересов новгородского республиканского правительства, привлекая к себе повышенное внимание высших боярских магистратов. И, по крайней мере в период расцвета (конец XII — начало XIII в.), в городе находился постоянно действующий административный пункт, чиновники которого располагали правом скрепления документов печатью.

Значение города при впадении Дубны в Волгу среди других городов Ростовской земли (а позднее Переяславского княжества) определяется самим местом его в пределах административных границ этих территориально-политических образований. Располагаясь на пограничье с владениями Новгорода Великого, город Дубна в то же время находился на оживленном торговом пути, связывающем Новгород с Владимиро-Суздальскими землями. И вряд ли будет большой натяжкой предполагать, что в Дубне находился один из таможенных пунктов, через которые проходил хлеб из низовских земель в Новгород. Не случайно именно города Верхневолжья были стерты с лица земли в войне 1216 г., начавшейся сразу же вслед за попыткой переяславского князя объявить Новгороду торговую блокаду.

Впрочем, подробнее эти сюжеты целесообразнее рассматривать при публикации торговых домонгольских пломб с Ратминского поселения, число которых (вместе с заготовками для таких пломб) в настоящее время уже превысило 50 [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903.
2. Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов / Под ред. Насонова А. Н. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
3. *Успенская А. В.* Древнерусское поселение близ г. Дубна // Тр. ГИМ. 1966. Вып. 40.
4. *Белецкий С. В., Фролов А. С., Крымов Е. Ю.* Разведка в окрестностях Дубны // АО—1986. М., 1988.
5. *Белецкий С. В.* Древнерусский город Дубна // Наука и человечество. М.: Знание, 1988.
6. *Белецкий С. В.* Еще раз о печати Мстиславовой грамоты // АИП. 1988. Вып. 8.
7. *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси. Т. 1, 2. М.: Наука, 1970.
8. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ред. Валк С. Н. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
9. *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1, 2. Л., 1928, 1930.
10. *Янин В. Л.* Печать Мстиславовой грамоты // КСИИМК. 1956. Вып. 65.
11. *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская сфрагистика и геральдика. Изд. 2-е. М.: Высш. шк., 1974.
12. *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская сфрагистика и геральдика. Изд. 1-е. М.: Высш. школа, 1963.
13. *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории северо-восточной Руси в X—XIV вв. М.: Наука, 1984.
14. *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М.: Изд-во МГУ, 1977.
15. *Татищев В. Н.* История Российская. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964.
16. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. 1.
17. *Белецкий С. В.* О времени основания летописной Дубны // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М.: Наука, 1987.
18. *Рыбакова Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. // СА. 1940. Т. VI.
19. *Молчанов А. А.* Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни древней Руси: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.: МГУ, 1976.

20. *Молчанов А. А.* Об атрибуции лично-родовых знаков князей-Рюриковичей X—XIII вв. // ВИД. 1985. Т. XVI.
21. *Ершевский Б. Д.* Об атрибуции новгородских печатей и пломб XII — начала XIII в. с изображением княжеских знаков // ВИД. 1978. Т. X.
22. *Молчанов А. А.* Новгородские посадничьи печати с изображениями княжеских знаков // Проблемы истории СССР. Т. IV. М.: Изд-во МГУ, 1974.
23. *Молчанов А. А.* О четырех новгородских посадничьих печатях XII в. // ВИД. 1981. Т. XII.
24. *Молчанов А. А.* О буллах новгородских посадников XII — первой трети XIII в. // АИП. 1984. Вып. 4.
25. Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. Т. 15. М.: Наука, 1985.
26. *Лабутина И. К., Лабутин В. И., Волочкова О. К.* Новые сфрагистические находки в Пскове // СА. 1985. № 1.

S. V. BELETSKY, E. Y. KRYMOV

MEMORIALS OF SPHRAGISTICS FROM OLD RUSSIAN DUBNA

Summary

The authors publish three seals applied to deeds and two stamp blanks found in the settlement dated to the 12th-early 13th centuries and believed to be Old Russian Dubna. The earliest of the seals belonged to a Novgorod posadnik of the mid-12th century (Probably to Sudila Ivankovich, 1142-1144 or 1147-1148), the latest to Prince Yaroslavl Vsevolodovich of Pereyaslavl (1208-1215/1216). These memorials allowed the authors to establish that Dubna built in 1134-1135 on the western fringe of the Rostov principality was, from the very beginning, within the sphere of interest of the Novgorod boyar republic and attracted its highest officials. During its heyday (late 12th-early 13th centuries) there was a permanent administration in the town that used a seal of its own. It seems that there a customs station was situated that controlled the grain route from the Lower Lands to the Great Novgorod. It was not fortuitous that in the internecine war of 1216 (that followed Prince Yaroslav Vsevolodovich's attempts to impose a trade blockade on Novgorod) Dubna and other towns of the Upper Volga were totally destroyed never to be rebuilt.

Заметки

В. В. ШЕВЕЛЕВ

КРЕМНЕВЫЕ ФИГУРКИ ИЗ КАРГОПОЛЬЯ

Распространение кремневой скульптуры связано в основном с волосовскими памятниками Верхнего Поволжья и Волго-Очья, хотя немногочисленные скульптурки встречаются и на смежных территориях. На Севере европейской части СССР серия кремневых фигурок была собрана на стоянках в бассейне оз. Лача, близ г. Каргополя [1]

К настоящему времени данные о кремневых скульптурах каргопольского региона можно дополнить несколькими новыми находками, расширяющими тематический состав изображений. Четыре из них обнаружены автором на стоянках Наволок, Кубенино и Сухое [1]. Одна найдена на стоянке Тихманга учителем истории из Каргополя Ю. Н. Турандиным [2] Все фигурки собраны на поверхности.

1. Стоянка Наволок расположена на правом берегу р. Онеги, в 5 км к северу от Каргополя. Сборы на стоянке проводились впервые в 1972—1974 гг. [2] При повторном обследовании памятника в 1985—1986 гг. собрана коллекция каменных изделий и керамики: ямочно-гребенчатой, типа Модлона, сетчатой и неорнаментированной. С целью изучения стратиграфии поселения проведена зачистка обнажения берега. Анализ образцов почвы показал, что это типичные пойменные отложения [3]. Культурные остатки встречаются на глубине 0,05—0,45 м и, видимо, переотложены.

Среди находок — две частично фрагментированные кремневые скульптуры водоплавающих птиц. У одной обломана задняя часть туловища (рис. 1, *1*), у другой — голова (рис. 1, *2*). Обе фигурки обработаны двусторонней ретушью: одна — только по контуру изделия, другая — по всей поверхности. Эти находки стилистически близки к кремневой фигурке утки, найденной на стоянке Наволок в предыдущие годы [2, рис. 2, *16*] Сравнивая изделия из Наволока с кремневыми фигурками водоплавающих птиц из волосовских памятников, можно прийти к выводу о существенных стилистических различиях [3, с. 107, рис. 5, *2, 4, 6, 9*] Ближайшей аналогией являются рисунки птиц на керамике, где они также выполнены в несколько схематичной геометрической манере. Эти рисунки связаны с культурами гребенчато-ямочной керамики и распространены в северных районах европейской части СССР и Финляндии [4, рис. 10; 5, с. 34—44] Их хронологический диапазон — от раннего неолита до эпохи бронзы [4, рис. 11, *1*; 6, рис. 1, с. 11; 7, рис. 1, *4*, 2, *1*]

2. Многослойное поселение Кубенино хорошо известно в археологической литературе [8] В разные годы здесь было найдено три фигурных кремня [1,

---

[1] Собрание Каргопольского краеведческого музея.

[2] Коллекция Ю. Н. Турандина (г. Каргополь).

[3] Анализ выполнен геологом К. Хельм в лаборатории по археологии и древней технологии ИИ АН ЭССР.

© В. В. Шевелев, 1990 г.

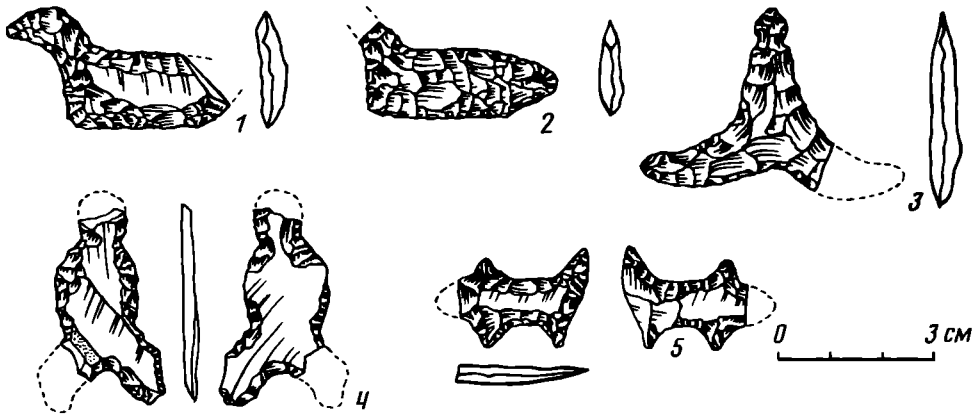


Рис. 1. Кремневые фигурки из каргопольских стоянок. *1, 2* — Наволок; *3* — Кубенино; *4* — Сухое; *5* — Тихманга

рис. 1, *4*; 8, табл. VII, *19*; 9, с. 23] Публикуемая фигурка представляет собой изображение в виде так называемого «якорька или двойного крючка» (рис. 1, *3*). Скульптура обработана двусторонней ретушью, полностью покрывающей поверхность изделия. Одна изогнутая лопасть частично обломана. На конце прямого стерженька имеются выемки для привязывания. Аналогичные кремневые фигурки известны на волосовских памятниках Сахтыш I, II, VIII, Никольское II [10, с. 21, рис. 6, *6, 7*], Модлона [11, табл. 50, *3*], Репище [12, с. 39, табл. 19, *1*], а также в Волосове [3, с. 111, рис. 6, *8, 10*] Все они близки между собой в деталях (например, выемки для привязывания), хотя и отличаются в пропорциях. Стилистическая устойчивость этой группы изображений и их широкое распространение позволяют говорить об особой значимости этого символа. С. Н. Замятнин связывал их с солярно-лунарным культом [3, с. 111], Д. А. Крайнов склонен видеть в них изображения птиц [13, с. 104] Однако не исключено, что прототипом, исходной формой таких изображений могли послужить украшения из сдвоенных клыков животных. Подобные украшения довольно широко представлены на волосовских стоянках [10, с. 22] Известны также находки кремневых изображений в виде клыка животного с выемкой для привязывания на конце [13, с. 104; 14, рис. 126]

3. Стоянка Сухое открыта М. Е. Фосс на правом берегу р. Ковжи, впадающей в оз. Лача [15, с. 261, № 316] В результате раскопок А. А. Куратова [16, с. 27] и С. В. Ошибкиной [17, с. 27] на памятнике выявлены культурные отстатки мезолита, неолита и раннего металла. Среди находок имеется серия антропоморфных и зооморфных кремневых фигурок [4]

В 1973—1974 гг автор собрал на разрушенной части поселения большую коллекцию орудий и керамики. Особый интерес представляет антропоморфная кремневая скульптура анфас (рис. 1, *4*). Изображение изготовлено из тонкого отщепа, контур его образован двусторонней ретушью. Показаны голова, туловище и широко расставленные ноги. Руки не обозначены, но со стороны брюшка отщепа на этом месте отсутствует ретушь. Изделие частично фрагментировано. Схожие кремневые фигурки широко распространены в Верхнем Поволжье, Волго-Камье и Волго-Окском бассейне [3, с. 102—103; 18, рис. 37, *6*; 19, рис. 40, *1—3*] При детальном сравнении скульптуры из стоянки Сухое с этими находками стилистические различия все-таки достаточно велики. Ближайшей аналогией является роговая фигурка, найденная в погребении 2 в Кубенино [8, с. 39, табл. 1, *12*] Особо интересен факт ее находки в погребении. Кремневые антропоморфные скульптуры также иногда встречаются в погребениях, например на

[4] Фигурки происходят из неопубликованных материалов раскопок С. В. Ошибкиной в 1985—1986 гг. Благодарю С. В. Ошибкину, ознакомившую меня с этими находками.

стоянках Иловец I и Мышецкая [20, рис. 5, *1*; 21, с. 67] Можно предположить, что часть кремневых антропоморфных фигурок связана с культом предков.

4. Стоянка на р. Тихманге, впадающей в оз. Лача, была открыта и впервые исследована И. С. Поляковым в 1873 г. [22, с. 7—8, 10—11] В 1978 г. раскопки здесь проводила С. В. Ошибкина [17, с. 27] Поселение существовало в эпоху неолита и бронзы. В слое эпохи бронзы с сетчатой и фатьяноидной керамикой была обнаружена кремневая лунница [23, рис. 75, *1*].

В 1974 г. сборы на стоянке проводил краевед Ю. Н. Турандин. В его коллекции привлекает внимание кремневая фигурка животного с поднятым хвостом (рис. 1, *5*). Небольшими выступами показаны также две лапы и ухо на голове. Часть головы обломана. Изделие обработано по контуру двусторонней ретушью. Сходная кремневая скульптура известна со стоянки Польцо, где она обнаружена в верхнем горизонте культурного слоя. Несколько отличается лишь оформление головы [24, с. 128, рис. 7, *13*]. Близкой аналогией являются также изображения собак на петроглифах бронзового века в Богуслене [25, рис. 10] Наиболее вероятная дата фигурки из Тихманги — эпоха бронзы. Возможно, она изображает собаку.

Вопросы хронологии и этнокультурной принадлежности кремневой скульптуры еще недостаточно разработаны. Много неясного и в их смысловом назначении. Видимо, следует также рассмотреть эти интересные изделия как памятники искусства, отражающие мастерство древнего художника. Введение в научный оборот новых находок поможет в решении этих проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шевелев В. В.* Кремневая скульптура из окрестностей озера Лача // СА. 1986. № 1.
2. *Шевелев В. В.* Стоянка Наволок в Каргополье // СА. 1988. № 1.
3. *Замятнин С. Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. 1948. Т. X.
4. *Гурина Н. Н.* Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // КСИА. 1972. Вып. 131.
5. *Äyräpää A.* Kampakeramiikan linnunkuvat // SM. 1954. LX.
6. *Niemen E.-L., Ruonavaara L.* Stilizierte Vogeldarstellungen auf Gefässcherben aus Kiikarusniemi, Gemeinde Sotkamo und Böle, Gemeinde Porvoo // FA. 1984. 1.
7. *Ошибкина С. В.* Об изображениях птиц на керамике эпохи бронзы в Восточном Прионежье // КСИА. 1980. Вып. 161.
8. *Фосс М. Е.* Стоянка Кубенино // СА. 1940. Т. V.
9. *Куратов А. А., Мартынов А. Я.* Исследования на Архангельском Севере // АО — 1976. М., 1977.
10. *Крайнов Д. А.* Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1987.
11. *Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука, 1978.
12. *Зимина М. П.* Неолит бассейна р. Мсты. М.: Наука, 1981.
13. *Крайнов Д. А.* Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
14. *Крайнов Д. А.* Отчеты основного и Можайского отрядов Верхневолжской экспедиции 1970 г.// Архив ИА АН СССР. Р-1. № 4551, 4551[а]
15. *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера европейской части СССР // МИА. 1952. № 29.
16. *Куратов А. А., Мартынов А. Я., Михайловский Ф. А., Шевелев В. В.* Исследования в Архангельской области // АО — 1975. М., 1976.
17. *Ошибкина С. В., Макаров Н. А.* О работе в зоне переброски северных рек // АО — 1978. М., 1979.
18. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
19. *Зубков В. И.* Антропоморфные и зооморфные изображения из окских неолитических стоянок // КСИИМК. 1949. Вып. XXV.
20. *Урбан Ю. Н.* Поселение и могильник Иловец // КСИА. 1973. Вып. 137
21. *Сидоров В. В.* Многослойные стоянки в Подмосковье // АО — 1971. М.: 1972.
22. *Поляков И. С.* Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги // ЗРГО. Отд. этнографии. 1882. Т. IX.
23. *Ошибкина С. В.* Энеолит и бронзовый век Севера европейской части СССР // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1987.
24. *Никитин А. Л.* Многослойное поселение Польцо // СА. 1975. № 3.
25. Bronze-age Pictures. Photographs from the rock-carvings in Bohuslän Sweden. Göteborg, 1956.

Л. В. СУББОТИН, В. Г. ПЕТРЕНКО

РЕДКИЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ПОДУНАВЬЯ

Как показали результаты археологических исследований трех последних десятилетий, первобытная история левобережного Понизовья Дуная неразрывно связана с его заселением в эпоху позднего мезолита, с энеолитическими земледельцами культуры Гумельница и скотоводами усатовской и раннеямной культур, с племенами таких культур бронзового века, как буджакская (позднеямная), катакомбная, многоваликовой керамики, сабатиновская и белозерская.

Наряду с различными памятниками этих культур, исчисляющимися десятками, а то и многими сотнями, здесь встречено и несколько инокультурных археологических объектов, являющихся для рассматриваемого региона уникальными.

Наиболее ранние из них — неолитический кенотаф у с. Огородное (ныне — Городнее) Болградского р-на Одесской обл. и энеолитическое поселение у с. Мирное Килийского р-на Одесской обл.

Кенотаф был выявлен при раскопках кургана 2 могильника 1 у Огородного в 1967 г. Он представлял собой впущенную в материк трапециевидную в плане яму, ориентированную длинной осью по линии северо-запад — запад — юго-восток — восток, длиной 2 м, шириной с западного края 1 м, с восточного — 1,2 м. В заполнении ямы были найдены обломки двух лепных сосудов, встречались мелкие древесные угольки. Учитывая сосредоточение близ кенотафа (в 1—3,5 м к северу — северо-востоку от него) группы курганных захоронений, исследователи отнесли и его к их числу, наименовав погребением 3. Вместе с тем указанная планиграфия не может служить достаточным основанием для включения кенотафа в комплекс кургана, тем более что и сам он настолько распахан, что выделялся на темном фоне поля лишь нечетким светло-желтоватым пятном. Неверной оказалась и первоначальная интерпретация культурной принадлежности памятника. Найденная в кенотафе керамика, украшенная «колосковым» барботином и рядами ногтевых защипов [1, с. 138, рис. 6, *2—4*], была отнесена к культуре Боян [1, с. 137, 142], тогда как такая орнаментация является типичной для посуды памятников типа Старчево-Криш Карпато-Дунайского региона [2, с. 71, рис. 4, *1, 3, 7—9*, с. 79, 80; 3, с. 9, рис. 5, *9, 13*]. К этой культуре мы и относим кенотаф у Огородного, являющийся в настоящее время единственным памятником неолита на всю степную зону Северо-Западного Причерноморья, включая юг Молдавии.

Культурная принадлежность поселения у с. Мирное устанавливается по раскопочным материалам 1975 г. (по керамике, каменным и кремневым орудиям) однозначно: Триполье В1 [4, с. 17—22] Этот памятник является пока единственным серьезным свидетельством проникновения трипольского населения в придунайские степи в период их заселенности племенами Болградского варианта культуры Гумельница.

Еще два не характерных для рассматриваемой территории памятника связываются своим местонахождением с г. Рени Одесской обл., находящимся на левом берегу Дуная между дельтой р. Прут и оз. Кагул. Остановимся на них подробнее.

В 1985 г. в центральной части города (в 1 км от Дуная) при выкапывании погреба во дворе дома № 12 по ул. Спортивной Н. М. Любомским и В. М. Кожокару на глубине около 2 м от современной поверхности случайно был обнаружен глиняный сосуд (рис. 1, *1*). Осмотр места находки показал, что он происходит из захоронения, которое полностью уходило в стенку погреба и потому не могло быть исследовано. Современные постройки не позволяют установить, была ли над ним курганная насыпь.

Сосуд лепной, венчик его отогнут наружу, на биконическом тулове расположены массивные ручки-ушки с горизонтальными отверстиями. Керамическое

© Л. В. Субботин, В. Г Петренко, 1990 г.

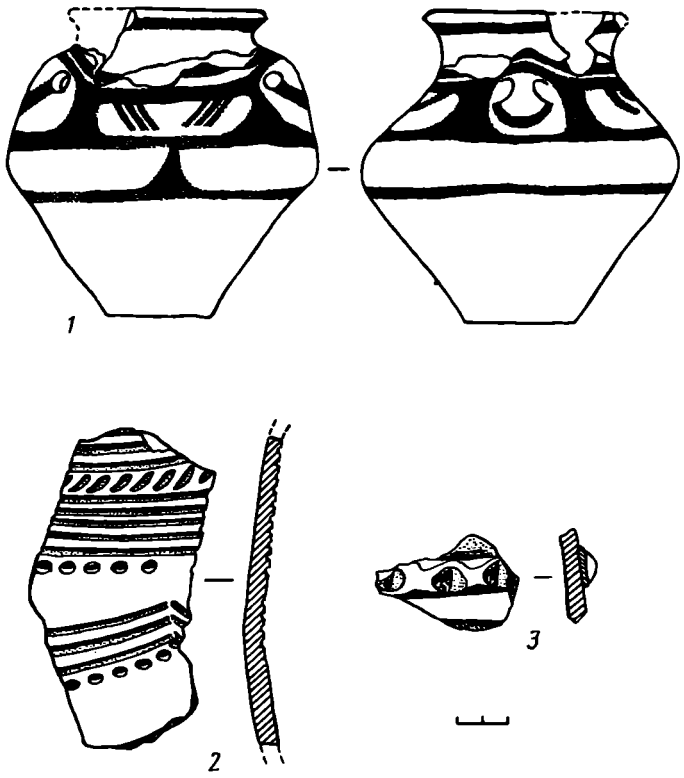


Рис. 1. Редкие керамические находки с левобережного Понизовья Дуная. *1* — трипольский сосуд из г. Рени; *2, 3* — фрагменты сосудов культуры Монтеору с поселения Рени

тесто сосуда светло-оранжевое, плотное, без видимых примесей, качественного и равномерного обжига. Поверхность тщательно заглажена и расписана черной краской. Высота сосуда 11,6 см при толщине стенок 0,5—1 см, диаметр венчика 7,8 см, тулова — 12 см, дна — 4 см.

Культурная атрибуция находки не вызывает затруднений. Такого рода керамика характерна для культуры Кукутени-Триполье периода С1 и представлена, к примеру, на таких поселениях, как Петрены и Брынзены IV в Северной Молдавии [5, с. 18, рис. 9, *1—4*, с. 21, рис. 16, *6*], а также в Буго-Днепровской лесостепи на памятниках Томашевка, Сушковка, Старая Буда, Майданецкое и др. [6, с. 48, рис. 2, *7*; 7, с. 229, рис. 60, *8, 15*]. Наиболее близкими аналогиями публикуемой находке (и по форме, и по росписи) являются так называемые «лицевые урны» ранних поселений томашевско-сушковской группы. Вероятно, ренийский сосуд и происходит именно из Буго-Днепровского Триполья. Во всяком случае, наше предположение хорошо согласуется с данными о тесных контактах томашевско-сушковских общин и степных энеолитических племен в первой трети III тыс. до н. э., что документировано поселениями Нижнего Побужья (Новорозановка, Ташлык II и др.) и курганными погребениями с томашевской керамикой, выявленными в Буго-Днепровском междуречье [7, с. 232].

Сосуд из Рени является первой и пока единственной находкой трипольской керамики периода С1 на западе степного Причерноморья. Эта находка расширяет наши представления о характере энеолитических памятников региона, предшествовавших формированию здесь генетически связанной с Трипольем усатовской культуры.

Уникальным для левобережного Понизовья Дуная является и памятник культуры Монтеору, выявленный в 1973 г. при повторном обследовании ранее открытого (в 1967 г.) в 2 км к западу от Рени эпонимного поселения гумельницкой и южнославянской (балкано-дунайской) культур. Поселение, занимавшее площадь 700×400 м, вытянуто вдоль северной стороны дороги Рени — Джур-

джулешты по второй и третьей террасам левого берега Дуная, недалеко от впадения в него р. Прут.

Керамика бронзового века концентрировалась на разрушенной земляными работами западной окраине многослойного поселения. Она представлена обломками лепных толстостенных (до 1 см) сосудов. Черепки в изломе темно-серые, снаружи покрыты белым ангобом; керамическое тесто содержит значительную примесь крупного шамота, мелкий речной песок и следы измельченной растительной добавки. Среди находок выделяются фрагменты сосудов с налепными валиками, расчлененными пальцевыми вдавлениями (рис. 1, *3*), и обломки крупного сосуда, орнаментированного горизонтальными и дуговидными рядами врезных линий, обрамленных цепочками насечек и овальных оттисков штампа рис. 1, *2*) [1]

Орнамент такого рода характерен для культуры Монтеору этапа I. Близкие аналогии композиции из врезных линий имеются на целом ряде поселений этой культуры, исследовавшихся в Румынии на территории Мунтении и Молдовы [10, с. 518, рис. 6, *7*, с. 524, рис. 11, *4*; 11, с. 359, рис. 404; 12, с. 63, рис. 13, *12*, *14*, *15*, с. 83, рис. 29, *5*] Там же отмечено и широкое распространение приема украшения посуды налепными расчлененными валиками [10, с. 513, рис. 3, *10*, с. 522, рис. 9, *1—3*; 12, с. 74, рис. 21, *7*, с. 82, рис. 27, *9*].

В целом, судя по керамике, существование монтеоровского поселения Рени приходится на фазы культуры Ic4—Ic3. С фазой Ic3 связываются и фрагменты монтеоровских сосудов, найденные на многослойном поселении Заречное II в Татарбунарском р-не Одесской обл. Однако в отличие от стационарности ренийских материалов эта керамика, вероятно, попала к местному степному населению от носителей культуры Монтеору в результате опосредованных контактов [8, с. 106, 107, 111, рис. 3, *1*].

До открытия у Рени на территории СССР уже был известен (с 50-х годов) один крупный памятник культуры Монтеору — разрушенный карьером могильник у с. Прутень Фалештского р-на МССР, находившийся на кромке плато высокого коренного левого берега р. Прут в среднем ее течении [13, с. 57—59] В отличие от ренийского этот памятник более поздний. Он относится к периоду, когда в Северо-Западном Причерноморье уже широко господствовали племена культуры многоваликовой керамики, среди погребального инвентаря которых встречаются и сосуды, имеющие позднемонтеоровский облик [8, с. 106—108]

Таким образом, археологические данные свидетельствуют о том, что монтеоровские племена проникали на левобережье Прута и Нижнего Дуная как на раннем, так и на позднем этапе своего развития. Очевидно, именно здесь они и вступали в прямые контакты с племенами культуры многоваликовой керамики, и именно отсюда они оказывали длительное влияние на развитие этой культуры, послужившее причиной своеобразия ее юго-западного варианта [14, с. 9]

Локализация вышеотмеченных памятников неолита, энеолита и бронзового века подтверждает сделанные ранее выводы о том, что основной и традиционный участок переправы через Дунай находился в древности в пределах нынешнего Ренийского р-на Одесской обл., очевидно, как и в более позднее время, между озерами Кагул и Кугурлуй-Ялцуг [15, с. 20] Сам факт открытия этих памятников качественно дополняет археологическую карту Придунайского края и призван способствовать лучшему пониманию многих культурно-исторических процессов, затрагивающих все Северо-Западное Причерноморье.

---

[1] Этот фрагмент сосуда был произвольно опубликован Г Н. Тощевым (искаженно и в перевернутом виде), как якобы происходящий с поселения Зализничное Болградского р-на Одесской обл. [8, с. 106, 107, 111, рис. 3, *2*]. Считаем необходимым заметить, что такового памятника вообще не существует, близ указанного села-эпонима известны лишь позднемезолитическая стоянка Зализничное, поселение первых веков нашей эры Ялпуг V и раскапывавшееся поселение Ялпуг IV, весь керамический комплекс которого относится к белозерской культуре [9, с. 95—101].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Субботин Л. В., Загинайло А. Г Шмаглий Н. М.* Курганы у села Огородное // МАСП. 1970. Вып. 6.
2. *Petrescu-Dîmbovita M.* Sondajul stratigrafic de la Perieni (reg. Jaşi, r. Bîrlad) // MCA. 1957 III.
3. *Богданович М.* Неолитические поселения в Дивостине и протостарчевская культура // СА. 1987 № 2.
4. *Бурдо Н. Б., Станко В. Н.* Энеолитические находки на стоянке Мирное // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
5. *Маркевич В. И.* Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1981.
6. *Круц В. О., Рижов С. М.* Фази розвитку пам'яток томашівсько-сушківської групи // Археологія. 1985. Вып. 51.
7. *Мовша Т. Г* Поздний этап трипольской культуры // Археология УССР. Т. 1. Киев: Наук. думка, 1985.
8. *Тощев Г. Н.* Западные связи культуры многоваликовой керамики в Северо-Западном Причерноморье // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1986.
9. *Ванчугов В. П.* Поселение конца позднего бронзового века Ялпуг IV в Нижнем Подунавье // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
10. *Oancea A., Drâmbocianu V.* Noi descoperiri din epoca bronzului în judeţul Buzău. Observaţii asupra cronologiei culturii Monteoru // SCIVA. 1977. T. 28. № 4.
11. *Dumitrescu V.* Arta preistorică în România. Bucureşti, 1974.
12. *Florescu M.* Contribuţii la cunoaşterea etapelor timpurii ale culturii Monteoru în Moldova // Arheologia Moldovei. Bucureşti, 1966. IV.
13. *Дергачев В. А.* Памятники эпохи бронзы. Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 3. Кишинев: Штиинца, 1973.
14. *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1986.
15. *Суботін Л. В., Черняков І. Т* Новотроянівський скарб та питання обміну металом за доби пізньої бронзи // Археологія. 1982. Вып. 39.

Л. С. КЛОЧКО, Н. П. ОЛЕНКОВСКИЙ

НОВЫЕ СКИФСКИЕ НАВЕРШИЯ С НИЖНЕГО ДНЕПРА

При обследовании в 1986 г курганов в связи с подготовкой к изданию «Свода памятников истории и культуры народов СССР» Н. П. Оленковскому были переданы местными жителями два бронзовых навершия. Осмотр места показал, что они найдены на пахоте возле насыпи кургана высотой около 2 м. Курган входит в компактную курганную группу (три кургана), находящуюся в 1,1 км к юго-западу от с. Догмаровка Нижнесерогозского р-на Херсонской обл.

Навершия из бронзы имеют одинаковую конструкцию: на прямоугольной перекладине располагается плоскостное двустороннее изображение грифона с головой оленя в открытом клюве (рис. 1, 2). Они различаются некоторыми деталями, и потому следует рассмотреть их отдельно.

Горизонтальная перекладина навершия 1 (длина 12,2 см, ширина 1,5 см) имеет два сквозных отверстия, которые располагаются близко к краям. Перекладина перпендикулярна к втулке, имеющей вид цилиндрического стержня, едва заметно расширенного книзу. Длина его 5,7 см, ширина 2,9 см. В сечении втулка прямоугольной формы.

Интерес представляют художественные характеристики образа грифона, изображение которого венчает перекладину. Он передан в профиль стоящим. Хорошо проработаны детали его фигуры: живот подтянут, мощные лапы с довольно четкими признаками конечностей кошачьего хищника, острыми зубцами обозначен гребень. Ухо изображено торчащим вперед, имеет каплевидную форму — закругленной частью примыкает к голове, выделено глубокой выемкой. Изгиб шеи, зубцы гребня подчеркиваются хорошо заметной бороздкой, которая создает выпуклый валик, обрамляющий эти элементы изображения по краю.

© Л. С. Клочко, Н. П. Оленковский, 1990 г.

Рис. 1. Навершие 1

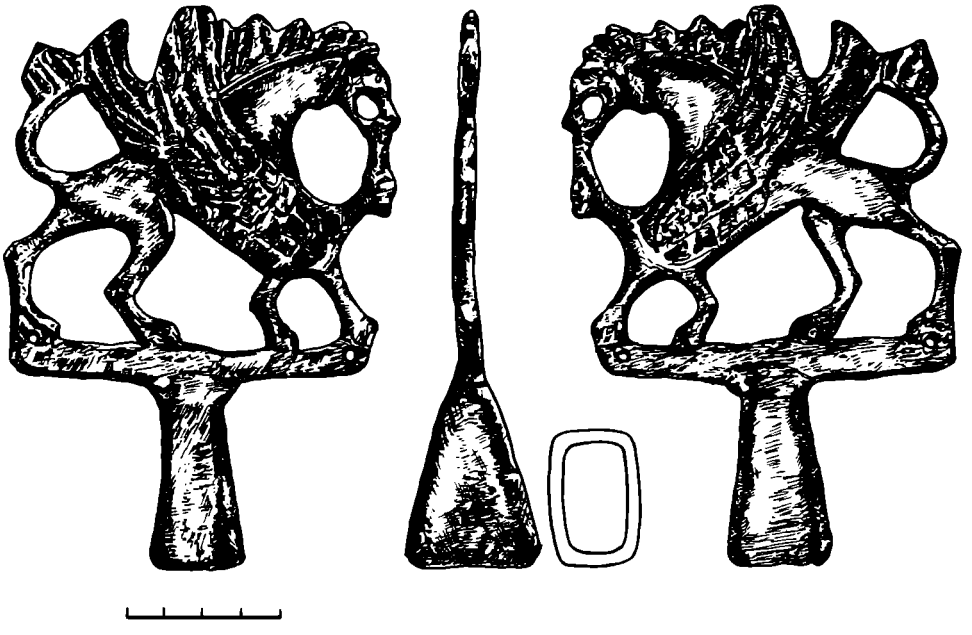


Рис. 2. Навершие 2

Крылья грифона занимают бóльшую площадь изображения: они прочерчены через все туловище и начинаются от передних конечностей. Крылья широкие, загнутые в верхней части. Очертания их подчеркиваются выпуклым валиком. Вся плоскость крыльев разделена продольными и поперечными полосами, которыми схематично обозначено оперение. Длинный хвост грифона изящно изогнут и завершается расширением, плоскость которого разделена неглубокими продольными линиями.

Выразительно выглядит голова грифона: хищно загнутый клюв, подчеркнутый бороздкой, к нижней части которого примыкает борода, своим изгибом подчеркивающая плавную линию шеи; выпуклый глаз, широкая толстая бровь — все эти средства призваны создать образ жестокого животного. Очертания его тела везде четкие, скульптурно выделенные. Словно из тела грифона,

из его мощно выпуклой груди вырастает шея олененка мягких очертаний. Плавные линии шеи идут к голове животного, мордочка которого повернута вверх и зажата в раскрытом клюве грифона. Головка олененка очень изящна: удлиненная мордочка переходит в высокий лоб, округлыми выступами переданы пробивающиеся рожки. Уши изображены плотно прижатыми к голове, четко обозначены глубокой выемкой. Изображение на навершии 1 отличается композиционной завершенностью, выразительностью художественных характеристик образов.

Навершие 2 является точным повторением сюжета описанного изделия. Воплощение же прекрасной композиции осуществлялось примитивными художественными средствами, и потому изображение выглядит неумелым подражанием. Горизонтальная перекладина у́же, чем у навершия 1 (здесь ширина 1,2 см), отверстия сделаны на разном расстоянии от края: одна округлая дырочка «пробивает» заднюю лапу грифона, т. е. находится за пределами перекладины. Вертикальная втулка довольно грубо приделана к перекладине. Она более заметно, чем в навершии 1, расширяется книзу: в самом узком месте ширина ее составляет 1,5 см, а в самом широком — 2,4 см. Втулка в сечении прямоугольной формы, как и в первом случае.

Фигура грифона 2, так же как и в первом случае, является основой изделия, но выглядит примитивней. Она непропорционально утяжелена в передней части из-за неравномерного размещения деталей, характеризующих образ. Неровными зубцами обозначен гребень, изображение же уха, так четко смоделированное в навершии 1, здесь среди элементов изображения навершия 2 вовсе отсутствует. Большая плоскость крыла пересекает все туловище грифона. Сильно выступая вперед, крыло делает грудь грифона более массивной. Поверхность крыла разделена вертикальными и горизонтальными линиями, очень грубо имитирующими оперение. Неумело переданы лапы животного. Правда, задние конечности имеют некоторые признаки лап кошачьего хищника, на них виднеются углубления, изображающие когти хищника. Передние же очень схематичны, причем примитивность изобразительных средств стала причиной нарушения логических завершений отдельных деталей, и поэтому шея олененка, голова которого находится в клюве грифона, составляет одно целое с передней ногой грифона.

Голова фантастического существа лишена подробных характеристик, углубляющих содержание образа. Бесформенное образование с некоторыми признаками загнутого клюва, округлым глазом лишь отдаленно напоминает четкой лепки голову грифона на навершии 1. Вместо раскрытого клюва мастер сделал округлое отверстие, замкнутое и в нижней части, там, где по логике изображения должна находиться мордочка животного, зажатого в клюве. Головка животного, играющего в композиции определенную роль, словно «прилеплена» к голове грифона, что подчеркивает примитивность художественного выражения сюжета.

Изображение головы олененка на навершии 2 отличается от подобного элемента композиции на навершии 1 упрощенностью, отсутствием подробных характеристик, углубляющих содержание образа.

Таким образом, представленные на двух навершиях композиции хоть и являются тождественными по сюжету, но различаются уровнем воплощения художественных характеристик образов.

На рассматриваемых навершиях представлена совершенно оригинальная композиция, схема которой характерна для восточных регионов распространения культур скифского типа. В частности, аналогия имеется в искусстве племен, оставивших памятники на Алтае: во 2-м Пазырыкском кургане найдено изображение грифона с головой оленя в раскрытом клюве [1, с. 200] Сюжет, запечатленный на навершиях, раскрывается по аналогии со сценами борьбы животных, которые часто встречаются в искусстве скифов. Сюжет «противоборства» в общих чертах отражает некую основу миропорядка ираноязычных народов: циклическая смена противоположных явлений, диалектическая борьба и воз-

рождение через уничтожение. Е. Е. Кузьмина, делая обзор семантической основы сцен противоборства, указывает, что корни сюжета «терзания животных» уходят в передневосточное искусство [2, с. 68—69]

Навершия являются интересной категорией материальной культуры, которая привлекала внимание многих исследователей. Находки наверший отмечаются во всех регионах распространения скифской культуры, причем большинство их связано с погребением лошадей или с уздечкой. Скифологи высказывали различное мнение относительно их назначения, происхождения, семантики [3, с. 33—69]. Еще М. И. Ростовцев убедительно доказал, что скифские навершия многими характеристиками связаны с навершиями древневосточного мира, в частности с хеттскими, ассирийскими и закавказскими [4, с. 46] Что касается назначений этих предметов, то представляется наиболее достоверным мнение В. А. Ильинской, которая предполагала различный их семиотический статус, зависящий от конкретной ситуации.

Найденные навершия относятся к типу II по классификации Е. П. Переводчиковой [5, с. 23—45], характерному для Северного Причерноморья.

Ажурные навершия с изображением, помещенным на горизонтальной перекладине, перпендикулярной к стержневой втулке, были найдены в Краснокутском кургане, Слоновской Близнице, Александрополе. Памятников, тождественных друг другу и нашим навершиям, ни по сюжету, ни по исполнительским традициям нет, но все они близки друг другу морфологическими, стилистическими характеристиками, а также семантикой своих композиций.

Навершия, основу которых составляют плоские ажурные изображения, входят в состав погребальных наборов V—IV вв. до н. э. Рассматриваемые в отрыве от комплекса погребального инвентаря навершия можно попытаться датировать по стилистическим особенностям образов, составляющих композицию. Детальное изображение головы на навершии 1 — изогнутый клюв, выделение восковицы, острое ухо и зубчатый гребень — элементы выразительности, которые сближают изделие с изображениями на келермесской диадеме, топорике из кургана 18 у с. Львово Херсонской обл. [6, с. 140] и указывают на художественные традиции V в. до н. э. Этим временем, по-видимому, и следует датировать публикуемые навершия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
2. *Кузьмина Е. Е.* О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе // СА. 1976. № 3.
3. *Іллінська В. А.* Про скіфські навершники // Археологія. 1963. № 15.
4. *Ростовцев М. И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1916.
5. *Переводчикова Е. В.* Типология и эволюция скифских наверший // СА. 1980. № 2.
6. *Кубышев А. И., Николова А. В., Полин С. В.* Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине // Древности степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.

Е. Э. КИРЖНЕР, О. В. АРМАТЫНСКАЯ

БРОНЗОВАЯ АНАНЬИНСКАЯ СЕКИРА ИЗ С. ГАЛАНОВО

Осенью 1986 г. житель с. Галаново Каракулинского р-на Удмуртской АССР, учитель местной школы П. Н. Петухов передал в лабораторию археологических исследований Удмуртского университета бронзовый топор. Находка сделана при рытье могилы на современном сельском кладбище, расположенном на южной окраине села. Со слов местных жителей, при подобных обстоятельствах на территории кладбища были найдены также «железная кирка» (железный ананьинский чекан?) и кости мамонта, обнаруженные при разработках глиняного

© Е. Э. Киржнер, О. В. Арматынская, 1990 г.

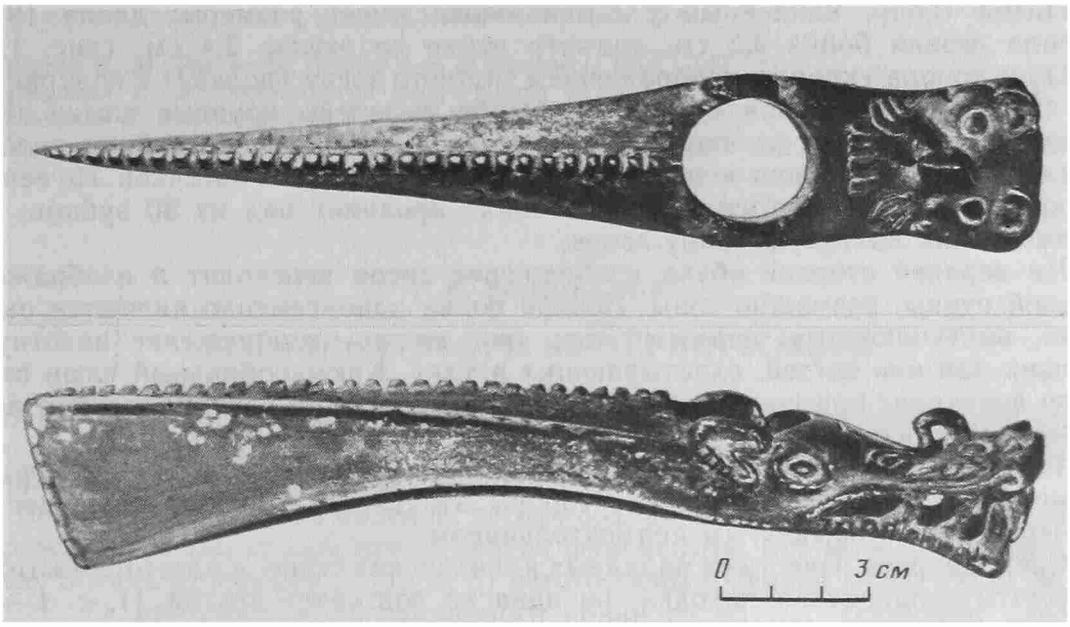


Рис. 1. Секира из с. Галаново. Фото.

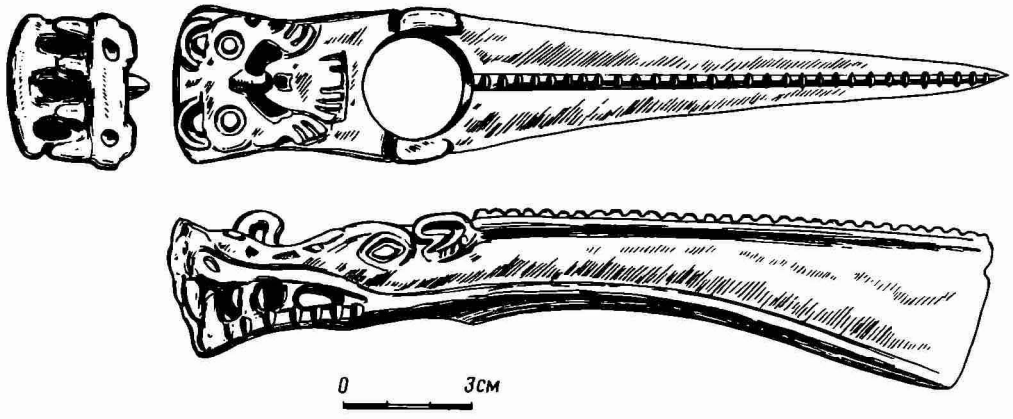


Рис. 2. Секира из с. Галаново. Прорисовка

карьера в восточной части кладбища (возможно, материал относится к известному Галановскому местонахождению первобытной фауны).

Кладбище расположено на коренном берегу р. Камы высотой 10 м. В настоящее время с востока склон переходит в широкую заболоченную пойму; с севера площадка ограничена глубоким логом, южная окраина кладбища распахивается.

С XVIII в. эта территория вплоть до деревенской церкви использовалась как волостное кладбище, и следы беспорядочных захоронений прошлых веков прослеживаются по всему берегу. Современные могилы часто нарушают более ранние.

Разведочная траншея в северо-восточной части площадки кладбища выявила остатки культурного слоя селища ананьинского времени: под дерном зафиксирован слой темно-коричневого гумусированного суглинка с находками керамики и кальцинированных костей. Керамика орнаментирована по шейке насечкой и ямочными вдавлениями, в тесте примесь песка и шамота.

Обследовать центральную часть площадки террасы и непосредственно место находки самого топора не удалось — оно окружено современными могилами. Можно лишь отметить, что топор обнаружен на глубине около 1 м и, верятно, не относится к культурному слою селища.

Литой топор, найденный у с. Галаново, имеет размеры: длина 19 см, ширина лезвия бойка 3,5 см, диаметр ручки по втулке 2,4 см. (рис. 1, 2).

Обух топора украшен изображением хищного зверя (волка?) с полураскрытой пастью, обращенной от клинка. Особо выделены крупные клыки зверя, ноздри; ромбические по форме глаза обведены двойной рельефной полосой. Прижатые уши и нижняя челюсть зверя украшены крупной насечкой. По верхнему краю расширяющегося к лезвию бойка проходит ряд из 30 зубцов, подчеркивающих выгнутую спину зверя.

На верхней стороне обуха изображение зверя переходит в изображение хищной птицы, возможно совы. Ноздри волка одновременно являются округлыми, выступающими ушами птицы; уши зверя — изображение подогнутых птичьих лап или когтей, охватывающих втулку. Крючкообразный клюв птицы резко выступает над широко расставленными круглыми глазами и четко выделенным оперением.

Таким образом, с трех сторон форму обуха создают скульптурные фигуры хищников, с четвертой, нижней стороны это слегка изогнутая плоскость с прочерченным незамкнутым прямоугольником.

Среди широко известных парадных ананьинских секир, к категории которых относится галановская находка, ни одна не повторяет другой [1, с. 1—12] Галановская секира также не имеет точных аналогий среди описанных в литературе семи экземпляров [2, с. 144]

Все секиры характеризуются выступающей втулкой — наименее она выражена у находки из окрестностей г. Юрюзань [3, рис. 1, *1*, с. 313]

По мнению многих исследователей, ананьинские парадные секиры являлись символом власти или отличия военных, родовых и племенных предводителей [1, с. 10, 12; 2, с. 145; 4, с. 142]

Наши знания об идеологических представлениях древних очень скудны, а найденная секира несет в себе целый комплекс ценнейшей информации, закодированной в мифологических образах. Сейчас сложно сказать, являются ли образы совы (?) и волка (?) тотемистическими или это отражение какого-либо мифологического сюжета, символизирующего власть и могущество владельца секиры, но, что касается характера самого изображения, можно отметить следующее.

В металлической пластике Приуралья, получившей название «пермского звериного стиля», сочетание подобных образов (хищная птица + хищный зверь) встречается именно на парадных секирах, и связь эта наверняка не случайна. Однако от всех ранее известных галановскую секиру отличает то, что на ней хищная птица изображена на обухе, а не венчает выступающую втулку. Возможно, что перенос изображения обусловлен самим отсутствием выступающей втулки.

Задача воплощения образов животных в бронзовом литье блестяще решена древним мастером. Автору секиры присущ высокий уровень художественного мышления и фантазии.

В изображениях удачно сочетаются реалистические черты и лаконичные умелые стилизации; здесь мы видим не смешение черт различных животных в одном образе, что особенно характерно для изображений I тыс. н. э., а органичный, плавный переход одной фигуры в другую, что обусловливает их неразрывную связь.

Таким образом, коллекция ананьинских секир пополнилась еще одним уникальным экземпляром (интересно, что половина известных теперь находок происходит с территории Камско-Вятского междуречья).

С. В. Кузьминых датирует ананьинские секиры рубежом VI—V—IV вв. до н. э. [2, с. 145], А. М. Тальгрен — V—II вв. до н. э. [1, с. 8], однако закрытые документированные комплексы с секирами неизвестны.

Вероятно, более точной датой для галановской секиры можно считать VI—V вв. до н. э.— период расцвета ананьинского звериного стиля, завершения развития основных категорий ананьинского вооружения из бронзы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Tallgren A. M.* The Arctic Bronze Age in Europe // ESA. 1937. XI.
2. *Кузьминых С. В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.: Наука, 1983.
3. *Сальников К. В.* Находки на Южном Урале // СА. 1964. № 1.
4. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.

Г. И. ШАПОВАЛОВ

ВОТИВНЫЕ ЯКОРЯ ИЗ ЧЕРНОГО МОРЯ

В 1987 г. в бухте Лимена-Кале между горой Болваном и генуэзской крепостью в г Судаке на дне Черного моря были найдены модели якорей. Находки сделаны в прибежной зоне на глубине 1—2 м [1]

Всего найдено девять моделей: четыре сохранились прекрасно, четыре имеют повреждения, одна модель представлена фрагментом. Все модели якорей свинцовые. Восемь из них (рис. 1, *1—6, 8*) изготовлены техникой литья. Одна модель (рис. 1, *7*) изготовлена из свинцового кованого прутка, согнутого вдвое и проклепанного.

Четыре модели (рис. 1, *1, 5, 7, 8*) имитируют железные якоря с дугообразными рогами и выступающей пяткой. В верхней части у них имеются отверстия для рымов (колец). Одна из моделей (рис. 1, *1*) имеет также отверстие для съемного штока. Две модели (рис. 1, *2, 4*) имитируют железные якоря с рогами, опущенными вниз. У одной модели (рис. 1, *2*) верхняя часть веретена загнута вниз, у другой (рис. 1, *4*) в верхней части веретена имеется отверстие для рыма. Железные якоря, в конструкции которых рога примыкают к веретену перпендикулярно, взяты за основу для изготовления двух моделей (рис. 1, *3, 6*). Все модели копируют железные судовые якоря трех типов, распространенные в бассейнах Средиземного и Черного морей в I—IX вв. н. э. [1, с. 121—143; 2, с. 109, 114, 115; 3, с. 23—26; 4, с. 374, 380]

По нашему мнению, свинцовые модели якорей из Черного моря являются вотивными дарами средневековых мореходов подводным богам. Известно, что на территории порта Сугдеи (Сурожа) находилось раннесредневековое укрепление VI в. В VIII—IX вв. здесь был довольно крупный ремесленный, торговый и религиозный центр [5, с. 244] Находка вотивных моделей якорей позволяет сделать предположение, что, по-видимому, в бухте Лимена-Кале имелось святилище, в котором древние мореходы молились морским богам, приносили им жертвы и дары. Одним из видов даров, возможно бросаемых в море, и были вотивные модели судовых якорей, которым посвящено настоящее сообщение.

Упоминания о различного рода жертвоприношениях подводным богам морей и рек имеются еще у античных авторов [6, с. 330, 414; 7, с. 276]. Есть сведения о поклонении богам подводного мира и в средневековое время [8, с. 297; 9, с. 59, 60] Однако арехологических памятников, хотя бы как-то отражающих характер и способ приношений, связанных с культом подводных божеств, известно крайне мало. Жертвоприношения в виде миниатюрных свинцовых якорей известны в храмах Фасоса и Рима, а также в святилище Марика

---

[1] Автор искренне благодарит начальника Судакской экспедиции Института археологии АН Украинской ССР И. А. Баранова за любезно предоставленную возможность изучить и опубликовать уникальную находку.

© Г И. Шаповалов, 1990 г.

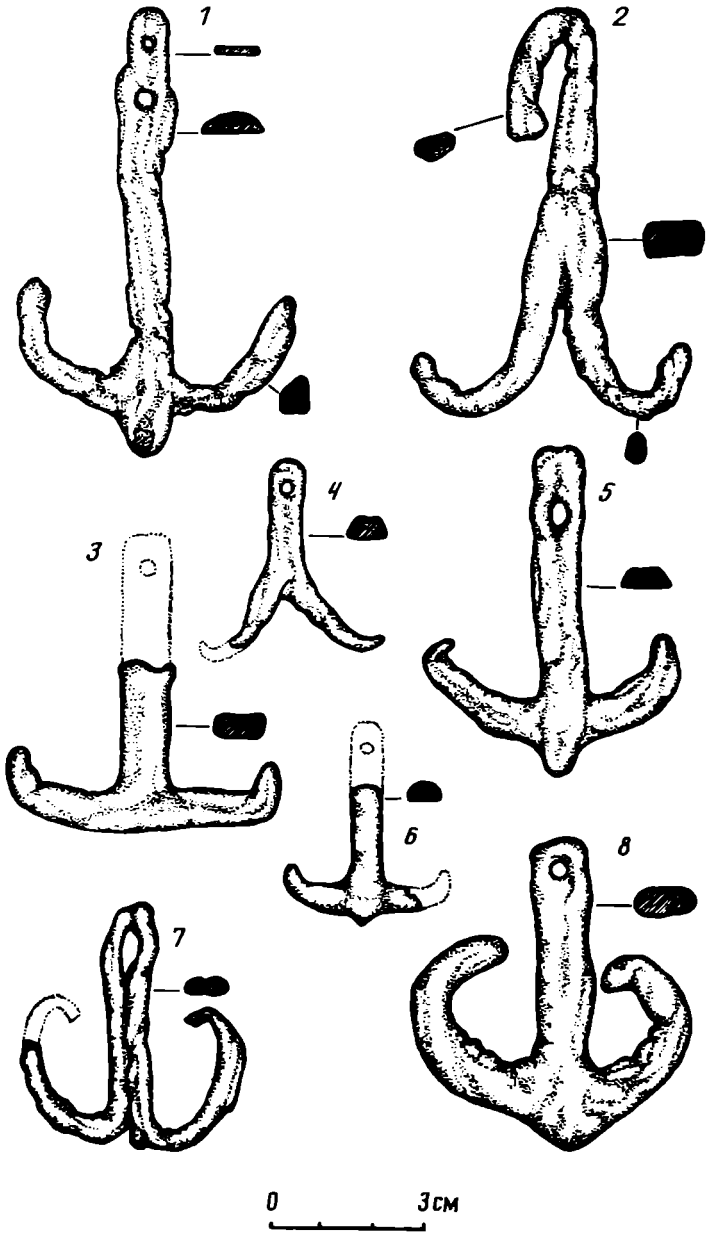


Рис. 1. Вотивные якоря из Черного моря

на р. Гарильяно [10, с. 285, 286] Подобных находок на территории нашей страны пока известно не было, и потому находка описанных вотивов является редкой удачей отечественной подводной археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bass G., van Dorninck F H., Yassi A.* Seventh-Century Bysantine Shipwreck. V 1. Texas, 1982.
2. *Лазарев М.* Потъналата флотилия. Варна, 1975.
3. *Окороков А. В.* Якоря корабельные. М., 1986.
4. *Fonquerle D.* Les ancres primitives et antiques decouvertes sur le site subaquatique de l'antique Agathe-Tyche (1) // Thracia Pontica. III. Sofia, 1986.
5. Археология Украинской ССР. Т 3. Киев: Наук. думка, 1986.
6. *Геродот.* История / Пер. Стратановского Г А. Л.: Наука, 1972.
7. *Фукидид.* История / Изд. подгот. Стратановским Г А. Л.: Наука, 1981.
8. *Прокопий Кесарийский.* Война с готами / Пер. с греч. Кондратьева С. П. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
9. *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. II. Харьков, 1916.
10. *Gianfrotta P. A.* Ferst Elements for the Dating of Stone Anchor Stocks // Nautical Archaeology and Underwater Exploration. 1977. V. 6. № 4. November.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

О ШАМАНИЗМЕ ДРЕВНЕЙШИХ ТЮРКОВ

Проблема происхождения шаманизма народов Сибири, этапы развития и становления этой религиозной системы активно обсуждаются в научной литературе [1—4]. Считается, что истоки шаманизма теряются в глубине веков, восходя к эпохе бронзы или даже неолита (ср. [5, с. 240, 255—258]). Наиболее ранние сведения о профессиональном шаманизме у южносибирских народов (древних тюрков-тугю и древних хакасов) относятся к VI—VIII вв. Об этом сообщает в описании путешествия византийского посла Зимарха к кагану тюрок-тугю на Алтай в 568 г известный историк Менандр Протектор: «Некоторые люди из этого племени (тюрок-тугю.— *Л. К.*), о которых уверяли, будто они имели способность отгонять несчастья, пришед к Зимарху, взяли вещи, которые римляне везли с собой, склали их вместе; потом развели огонь сучьями дерева Ливана (кедра.— *Л. К.*), шептали на скифском языке какие-то варварские слова и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан (бубен.— *Л. К.*) над поклажею. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня; между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им приписывали силу отгонять их и освобождать людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Зимарха через пламя, и этим, казалось, они и самих себя очищали» [6, с. 376]

Китайская хроника Синь-Таншу (XI в.) в сообщении о древних хакасах VII—VIII вв. рассказывает: «Жертву духам приносят в поле. Для жертвоприношений нет определенного времени. Шаманов называют гань (кам)» [7, с. 353] Так впервые в письменных источниках появилось, в китайской транскрипции, тюркоязычное наименование шамана — «кам» («хам» — современное хакасское) Без сомнения, тюркоязычные племена и народности Саяно-Алтайского нагорья в качестве официальной религии имели в VI—VIII вв. развитой профессиональный шаманизм. Это позволяет предполагать, что древние тюркоязычные народности Южной Сибири исповедовали шаманизм и в более раннее время [8] Такое мнение подтверждается широко распространенными в Хакасско-Минусинской котловине наскальными воспроизведениями шаманистских празднеств, совершавшихся в таштыкскую эпоху (I в. до н. э.— V в. н. э.) [9, рис. 302] Они посвящены культу плодородия всех производящих сил природы, молениям об охотничьей и военной добыче, борьбе со злыми силами природы и болезнями, сражениям со злыми духами и чужеродными шаманами и т. п.

Одной из замечательных таштыкских писаниц, к сожалению, сильно пострадавшей от времени и людей, является многоярусная и многофигурная писаница, выгравированная на скальных плоскостях вдоль северного берега оз. Тус-кол, расположенного к востоку от д. Соленоозерной. Рассмотрим лишь два ее участка, особенно ярко иллюстрирующие таштыкский шаманизм.

I. Сцена войны шамана с антропоморфными и зооморфными духами. Сохранность фигур из-за омытости песчаника дождевыми водами и расщепленности мерзлотными трещинами плохая (рис. 1) Лучше всего сохранилась могучая фигура шамана-воителя, стоящая развернуто, грудью на зрителя, с бубном в левой руке и со стреловидной колотушкой в правой. Голова обозначена коротким приостренным кверху выступом, прикрытым не то пышной прядью волос, не то уплощенным сверху шлемом (рис. 2) Три острия, «воткнувшиеся» сзади в волосы (2) и в левое плечо (1), может быть, обозначают поразившие шамана дротики. Шаман-воин, руки и плечи которого обнажены, одет в металлический панцирь на лямках, прикрывающий грудь от подмышек до пояса. Ниже он одет, очевидно, в набедренник, который также, возможно, усилен защитными пластинами (рис. 2)

Известно, что шаманы сибирских народов в старину нередко исполняли роль

© Л. Р. Кызласов, 1990 г.

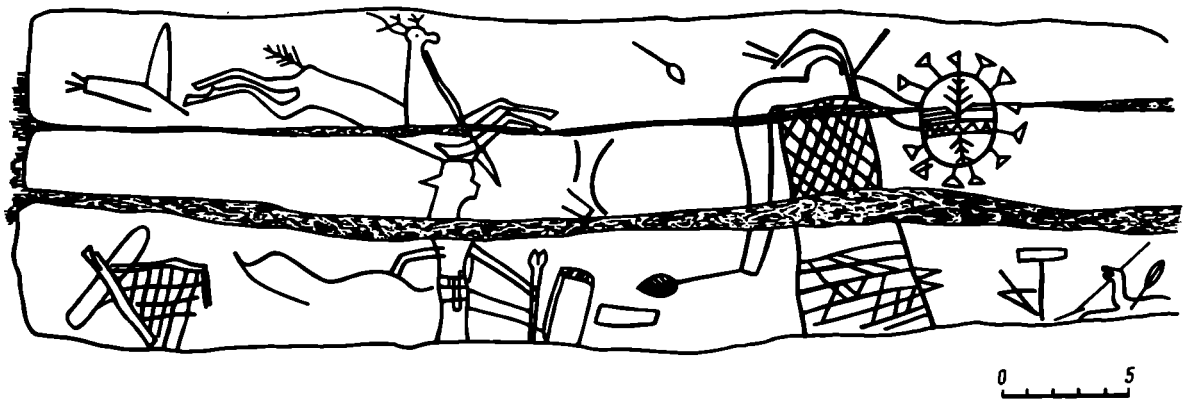


Рис. 1. Писаница на оз. Тус-кӧл. Сцена войны шамана с зооморфными и антропоморфными духами

организаторов военных походов, военных вождей и имели пластинчатые доспехи. В XVII—XVIII вв. защитный доспех был еще известен многим народам Сибири и изготовлялся ими для военных целей. У сымских эвенков шаманский костюм представлял собой панцирь, а в целом одежда шаманов сибирских народов (в особенности хакасов) содержала элементы пластинчатого панцирного доспеха [10]

Бубен, изображенный в левой руке таштыкского шамана-воина, имеет овальную форму и вытянут сверху вниз. В этом он подобен бубнам хакасских шаманов. По истолкованию последних, шаманские бубны воспроизводят мировое яйцо — вселенную, с рисунками трех миров, разделенных по вертикали на небо, землю и подземный мир, с изображениями космических тел (солнце, луна, звезды и пр.) и мирового дерева [11, с. 594, 595]

Земля на рисунке таштыкского бубна изображена, как и на современных бубнах, в виде поперечного пояса из полос с зигзагом или цепью треугольников внутри (рис. 2). По толкованию хакасских шаманов, это изображение трех слоев земли и горной цепи, проходящей вдоль земли. Посредине таштыкского бубна, по вертикали, нарисована ось вселенной — мировое дерево, растущее от земли вверх в небесной сфере и вершиной вниз в нижней половине подземного мира (рис. 2) Антиподально расположенные деревья (по-хакасски пай хазын — «березы») изображались на бубнах и *тосах* (рисунках духов на ткани) хакасов и шорцев [11, рис. 41 и 106]

Таштыкской особенностью изображенного на скале бубна являются 12 колокольчиков, переданных в виде подвешенных к обечайке треугольников. При этом шесть колокольчиков прикреплены к небесной сфере, один — к земному поясу и пять — к сфере подземного мира (рис. 2) Хотя колокольчики — обычная принадлежность шаманской одежды и бубнов [10, 11], но форма их здесь характерна именно для гунно-сарматского времени. Они трех- или четырехгранны в сечении. Такие «колокольчики-позвонки» на железной скобе (также, по-видимому, происходящей от бубна) обнаружил С. В. Киселев в таштыкском склепе могильника Уйбат I [12, с. 460, табл. 36, *2*]

Таким образом, анализ рисунков на скалах оз. Тус-кӧл позволяет прийти к выводу, что сложившийся профессиональный шаманизм был религией древнего тюркоязычного населения Саяно-Алтайского нагорья и сложился он, вероятно, ранее I в. до н. э. Это подтверждают и лингвистические данные. Изучая ранние заимствования самодийских языков (в частности, селькупского) из древних тюркоязычных диалектов, возникших при совместном проживании соответствующих этносов в Южной Сибири, лингвисты полагают, что общие шаманистские термины этих языков возникли в древности около рубежа нашей эры [13]

II. На той же шаманистской писанице на оз. Тус-кӧл сохранилась редкая сцена (рис. 3) Изображен большой таштыкский котел, на полом коническом

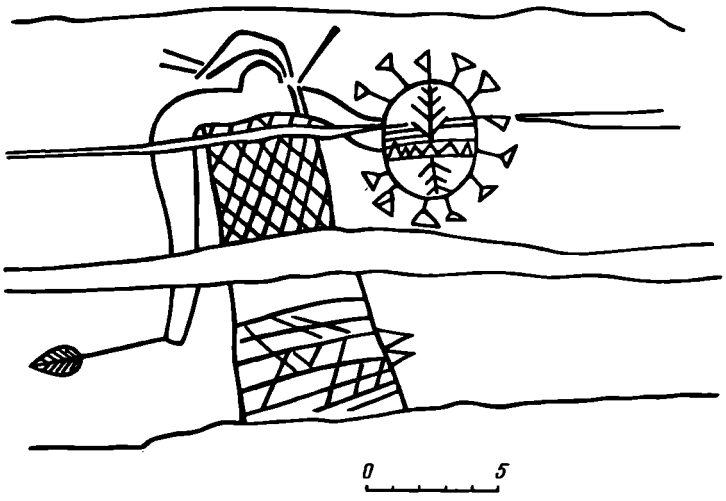


Рис. 2. Древнейшее изображение шамана, вырезанное на береговой скале оз. Тус-кӧл

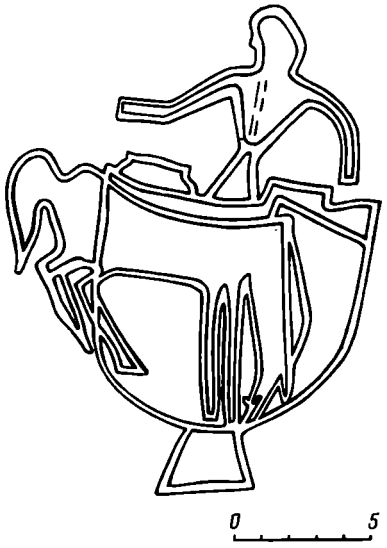


Рис. 3. Писаница на оз. Тус-кӧл. Сцена закладки в котел целой туши принесенного в жертву священного жеребенка

поддоне, с подпрямоугольными ручками, следовательно, вероятно, бронзовый в натуре. За котлом стоит мужчина в приталенном кафтане, фигура которого развернута в фас, а голова повернута влево в профиль. Левой рукой человек как бы держится за край котла, а правой закладывает в котел целую тушу забитого животного. Это жеребенок, передняя часть туши которого с опущенной головой заложена в котел и, очевидно, подвешена на каком-то крючке за холку. Задняя нога и хвост находятся еще за пределами котла. Конечно, рисунок сделан довольно условно (стенка котла как бы перерезает заднюю ногу и туловище жеребенка), но смысл всей сцены вполне ясен. Жертвоприношение молодого коня, приготовление и поедание целой туши его характерно для большинства шаманистских празднеств и молений общественного характера. Жертвоприношение небу, горе, посвящение животного-изыха, свадьбы, похороны, поминки и т. п.— все это требовало жертв и культовых трапез. Особенно присуще это было тюркоязычным народам Южной Сибири [2, с. 145; 3, с. 74, 169, 171, 172, 185, 199, 204, 220, 245] У шорцев, например, как пишут этнографы, для камлания верховному божеству Ульгеню приносили в жертву «жеребенка, намеченного еще заранее (иногда до его рождения) самим Ульгенем. Масть его должна быть особой для каждого рода... В день принесения в жертву жеребенку не должно быть больше 7 лет, лучше всего, если он трехлетний. Называется он „чабага“ На нем никто не должен ездить, даже без седла, на него нельзя надевать узду, он не может общаться с кобылой, за всем этим следят очень строго, и не только его хозяин, но все члены рода, он считается общим. На нем не должно быть ни одного пятнышка, вся масть должна быть ровной... Перед камланьем приводят жеребца, к его ногам привязывают арканы, подвешивают животное к четырем столбам головой вниз и душат так, чтобы не пролилось ни одной капли крови... Считается, что жертвенный конь — сын Ульгеня, называется он „кочиган“ После камланья мясо варят тут же в казанах и едят. Это тоже входит в обряд приобщения к священному животному» [14, с. 86—88]

В алтайском эпосе есть описания, еще более сходные с таштыкским обрядом, о котором идет речь: «Еще двух зим, двух весен не прошло, а сколько жирных коней закололи, в больших медных котлах сварили, сколько песен спели, сколько свадеб сыграли — не сосчитать» [15, с. 208, 209] И далее: «В котлах лошади, быки и бараны, дикие козлы и олени целыми тушами варятся» [15, с. 266]

Таковы весьма ценные данные, которые получает историческая наука при изучении только некоторых аспектов отдельных сцен замечательных наскаль-

ных рисунков древних тюркоязычных обитателей Хакасско-Минусинской котловины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Токарев С. А.* Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964.
2. *Токарев С. А.* Религии в истории народов мира. М.: Наука, 1964.
3. *Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980.
4. *Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма с древнейших времен до XVIII в. Новосибирск: Наука, 1980.
5. *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во МГУ, 1986.
6. Византийские историки / Пер. с греч. Спиридона Дестуниса. СПб., 1861.
7. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
8. *Кызласов Л. Р.* К истории шаманских верований на Алтае // КСИИМК. 1949. Вып. 29.
9. *Appelgren-Kivalo H.* Alt-altaische Kunstdenkmäler. Helsinki, 1931.
10. *Иванов С. В.* Элементы защитного доспеха в шаманской одежде народов Западной и Южной Сибири // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978.
11. *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
12. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
13. *Филиппова Т. М.* О древних самодийско-тюркских контактах // Сибирский диалектологический сборник. Новосибирск: Наука, 1980.
14. *Хлопина И. Д.* Из мифологии и традиционных религиозных верований шорцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978.
15. Танзаган — отец алтайцев. М.: Худ. лит., 1978.

А. Р. АРТЕМЬЕВ

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ КРЕПОСТНОГО ЗОДЧЕСТВА В ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ XV В.

Оборонительные сооружения большинства псковских пригородов к настоящему времени достаточно хорошо изучены исследователями [1; 2; 3; 4, с. 19, 20; 5, с. 15, 16; 6, с. 13, 14; 7, с. 130—140] Не совсем ясна лишь типология и обостоятельства возведения крепостей в некоторых новых пригородах XV в.

В капитальной монографии Н. Н. Масленниковой приводится мысль, что с 30-годов XV в. великие князья принимают деятельное участие в крепостном строительстве Псковской земли [8, с. 142—151] В качестве примеров она приводит летописные записи об обстоятельствах возведения Выбора, Гдова (1431 г.), Владимира (1462 г.) и Красного (1454 г.), а также восстановление Опочки (1441 г.). В каждом из них инициаторами строительства называются князь, посадники и весь Псков. И именно тот факт, что на первом месте всегда стоял великокняжеский наместник, свидетельствует, по ее мнению, о их ведущей роли во всех этих обстоятельствах. Между тем ни о чем подобном эта обычная формула летописей и договоров не говорит. Более того, когда исследовательница пишет о том, что «по-видимому, в это время псковичам была известна и самая московская техника строительства оборонительных сооружений» [8, с. 68], она находит один-единственный пример: приезд в 1420 г. из Москвы мастера по изготовлению свинцовых плит для покрытия Троицкого собора [9, с. 37] Все остальные случаи сотрудничества, приводимые ею, свидетельствуют об обратном: о работе в Москве псковских мастеров. Тем не менее, опираясь именно на ее выводы, В. В. Косточкин отнес все крепостное строительство в Псковской земле с середины XV в. к «почину великого князя» [3, с. 48—51]. П. А. Раппопорт полагал, что Гдов, Владимирец, Кобыла и Красный

© А. Р. Артемьев, 1990 г.

строились под прямым руководством Москвы, о чем свидетельствует их новая для того времени прямоугольная плановая структура [1, с. 217, 236] Последнее обстоятельство позволило исследователю отнести перелом в русской фортификации к середине XV в. и связать его с развитием артиллерии. По его мнению, в это время на смену крепостям, тесно связанным с защитными свойствами рельефа и обеспеченным фланкирующим обстрелом лишь с одной, напольной стороны, приходит новая организация обороны, значительно меньше связанная с рельефом и обеспеченная фланкирующим обстрелом по всему периметру крепости [1, с. 86, 241, 247]

Рассмотрим обстоятельства возведения и особенности плановой структуры этих городов более подробно.

Гдов. Впервые он упоминается по 1323 г., когда осенью немцы «на миру городок Гдову взяша» [10, с. 15] Весной 1431 г. псковичи наняли 300 человек мастеров и заложили город на р. Гдове. Одна половина стены была возведена из дерева, а другая, с напольной стороны — из камня. Местные земцы заплатили мастерам 300 рублей [9, с. 43, 125; 10, с. 39]

Крепость Гдова расположена на невысоком холме левого берега р. Гдовки в месте ее поворота. В связи с этим с северо-запада подступы к крепости прикрывала река. С юго-западной стороны, где склон холма наиболее крутой, у его подошвы протекает ручей Старица, а с юго-восточной — ров, который в 1639 г уже почти не прослеживался [11, с. 330] По-видимому, прав В. В. Косточкин, предположивший, что раньше река огибала крепостной холм с юго-запада и юго-востока и ров был вырыт на месте ее старого русла [2, с. 73] Стены крепости, особенно с северо-западной стороны, сохранились плохо, башни почти совсем не прослеживаются. Однако на основании чертежа Гдовского кремля 1771 г., его обмера в 1955 г. и особенно сравнительного анализа описей крепости в писцовых книгах В. В. Косточкину удалось реконструировать ее план [2, с. 85—90, рис. 22] Археологические исследования крепости А. Н. Кирпичниковым в основном подтвердили его правомерность. Единственным серьезным отличием от реконструкции В. В. Косточкина является выявление Круглой башни, которая, как оказалось, выступала только внутрь крепостного двора и, следовательно, была нефланкирующей [6, с. 13]. По мнению А. Н. Кирпичникова, после сооружения крепости в 1431—1434 гг. примерно в середине XV в. к ней были пристроены Псковский и Кушельский захабы, первый из которых в конце XV в. был перестроен [6, с. 13, 14] Свой окончательный облик относительно правильного четырехугольника (один угол крепости был закруглен) — единственной фигуры, соответствующей рельефу местности, город приобрел около 1500 г. [12, с. 362]

Владимирец. В 1462 г. «псковичи заложиша иной городок новый на Володцыне горе и нарекоша ему имя Владимирец и церковь поставшия святаго отца Николы» [9, с. 52, 150; 10, с. 62] Причины его возведения очевидны: он был сооружен у границы с Порховским уездом, в единственном районе, где Новгородская и Псковская земли не были разделены труднопроходимыми болотами и лесами, и должен был защищать псковский рубеж от посягательств «старшего брата», который в 50—60-х годах XV в. руководствовался в своей политике только собственными интересами, не помышляя об общерусских [13, с. 144]

Городище Владимирец (рис. 1). Единственное среди псковских пригородов имеет в плане действительно подчетырехугольные очертания. Оно расположено на холме, имеющем с севера, востока и юга высоту 33 м, а с запада 23 м. Площадка городища имеет приближающуюся к прямоугольнику трапециевидную форму, размерами 120×65 м, без следов искусственной обработки. По периметру оно укреплено валом высотой 2—4 м. На северо-западном и восточном углах имеются круглые выступы, предназначенные, по справедливому мнению П. А. Раппопорта, для башен [1, с. 86, 88, рис. 12] Въезд на городище расположен в западной части вдоль северного и южного склонов. С южной же стороны приблизительно на середине располагался тайный вылаз, ведущий к колодцу.

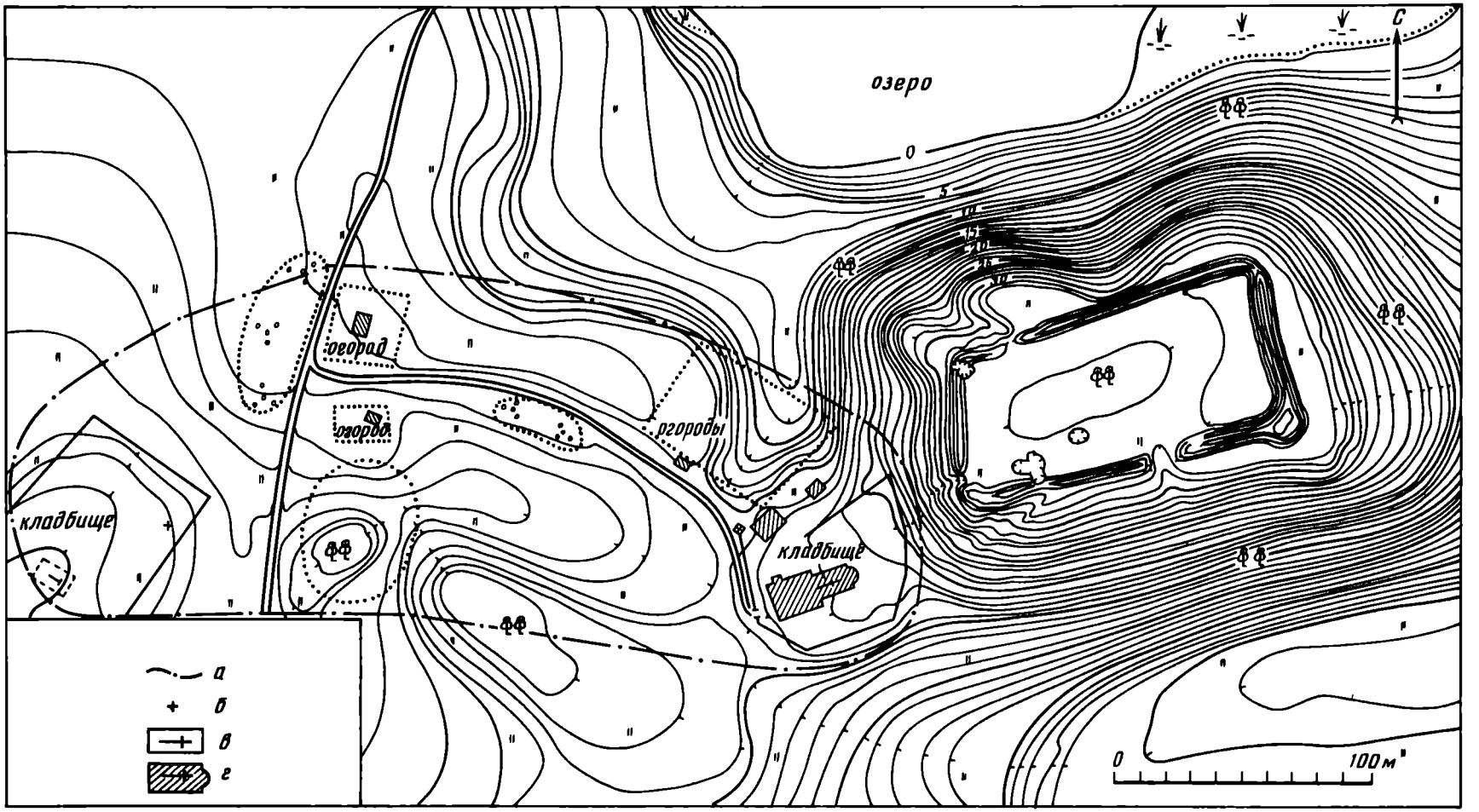


Рис. 1. Городище Владимирец. *а* — граница селища; *б* каменный крест; *в* — место расположения церкви; *г* — церковь

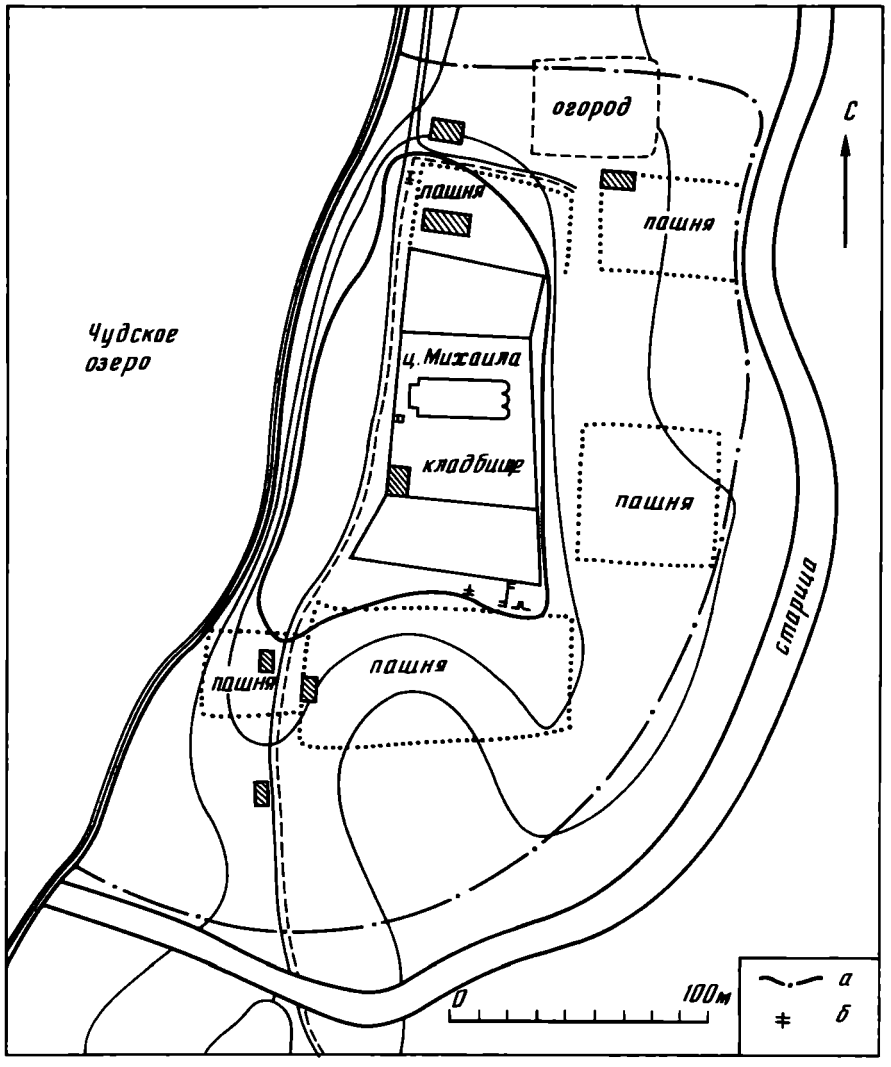


Рис. 2. Городище Кобыла. *а* — граница селища; *б* — фрагменты крепостной стены по П. А. Раппопорту

По данным И. Д. Годовикова, он имел каменный свод, стены и ступени, разобранные на строительство церкви Николы, расположенной у юго-западного подножья городища, в 1793 г [14, с. 54, 55]

Кобыла. В 1462 г «заложиша псковичи Новый городок в Обозерии, на обидном месте, при князи Пъсковъскомъ Володимере Ондреевиче и при посаднике Максиме Ларионовиче и до осени совершиша его и церковь поставиша в немъ архистратига божия Михаила и освящена бысть» [10, с. 62] «и нарекоша его Кобылою» [9, с. 52] «А дальше его мастри псковские и с волощаны, 60 человек псковскихъ мастеровъ, а взяше от него, токо же и от церкви дела своего мзду оу всего Пскова 60 рублей, а потом придаше 30 роублевъ» [9, с. 150] Новый городок был возведен в 5 км от д. Желачка, русского рыболовецкого поселения на южном берегу о-ва Пириссар на Чудском озере, служившего предметом спора между Псковом и западными соседями с 1365 г. [13, с. 130—133]

Кобыльим городищем (рис. 2) является довольно ровная площадка трапециевидной формы, площадью 1,2 га, на берегу Чудского озера, возвышающаяся над окружающей низиной на 3 м. П. А. Раппопорт полагал, что крепость на ней представляла собой благодаря строителям геометрически правильный четырехугольник [1, с. 88, 89]. Инструментальная съемка показала, что форма городищенской площадки целиком совпадает с естественным рельефом местности и не является правильной трапецией. Кроме того, нет никакой уверенности, что сохранившуюся планировку имела именно крепость 1462 г.,

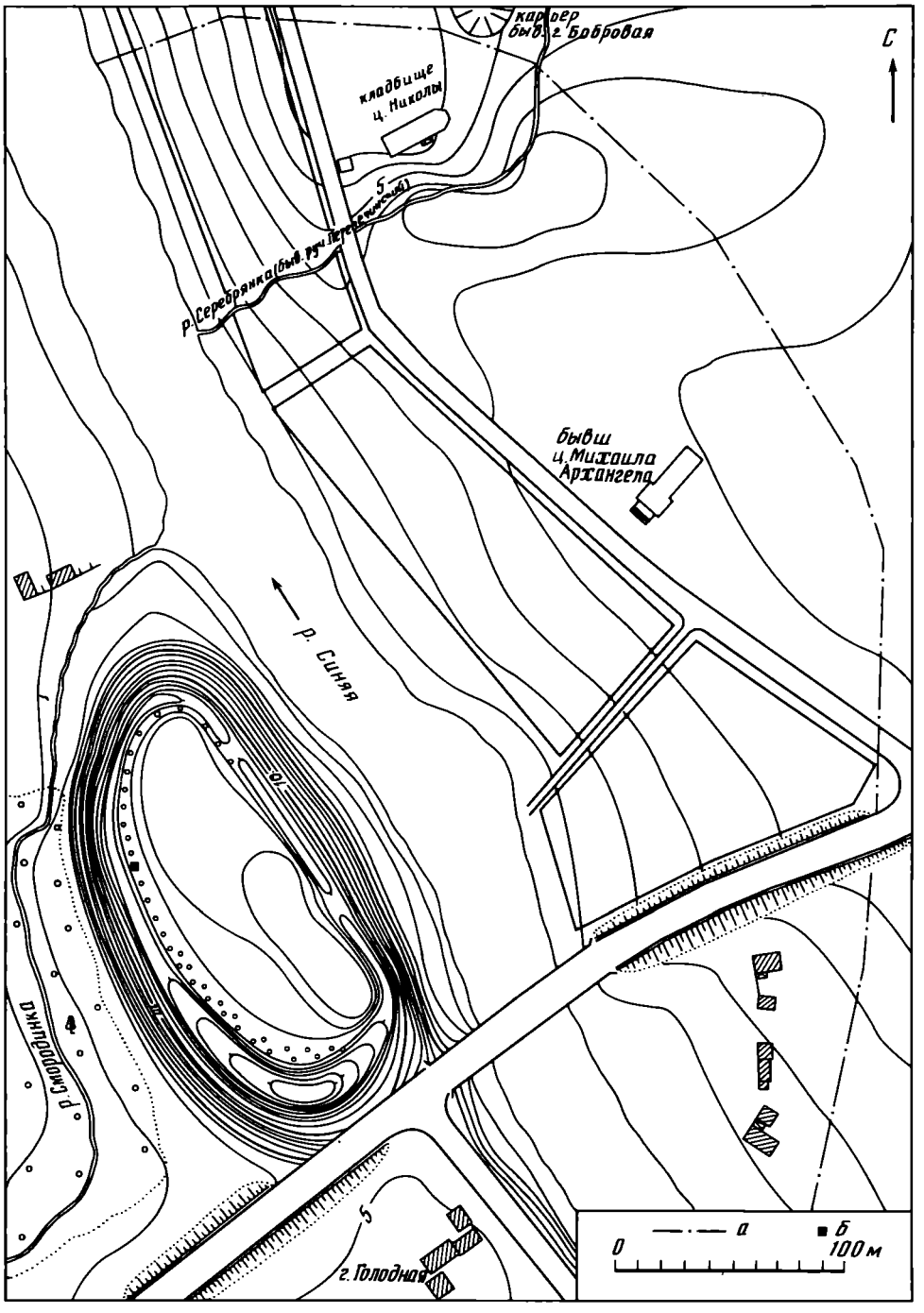


Рис. 3. Городище Красный. *а* — граница селища; *б* — шурф

поскольку в московское время укрепления на Кобыле были возобновлены. Согласно сообщению секретаря Стефана Батория Рейнгольда Гейденштейна, зимой 1581 г в городке сидела часть бывшего русского гарнизона Дерпта, позже выбитая и оттуда [15, с. 241]

Красный. Летом 1464 г. «князь псковский Иванъ Олександрович и посадник степенный Олексей Васильевич заложиша град нов деревянъ на Сини реки, и нарекоша и Красный городец» [9, с. 159] В 1470 г. пригород имел уже свою печать с надписью «печать святого Спаса Красногородского» на одной стороне и датой — 1470 г.— на другой [16, с. 258, рис. 8, *70*] Аналогичная печать была найдена в известном комплексе из псковского архива [17, с. 62] Принадлежность этой территории была спорной [13, с. 157], и в 1471 г. немецкие послы

высказали псковичам недовольство магистра Ливонского ордена по этому поводу [9, с. 174]. Тем не менее военная помощь великого князя, прославшего в ноябре 1473 г в Псков рати 22 городов для похода на немцев, заставила последних пойти на уступки. Согласно договору 1474 г., орден отказался от притязаний на территорию, которую псковичи считали своей [13, с. 143, 149]

Городище Красный (рис. 3) расположено на левом берегу р. Синей (приток р. Великой), вплотную подступающей к нему с востока и северо-востока. Городищенский холм является крайним в длинной гряде, уходящей в юго-восточном направлении. С противоположной его стороны еще в конце XVIII в. существовало озерко [18, с. 20], образуемое речкой Смородинкой, которая ограничивает холм и с северо-запада, впадая в р. Синюю. Несмотря на мысовой характер памятника, в плане площадка городища, размерами около 1 га, имеет форму овала, целиком повторяя при этом, вопреки мнению П. А. Раппопорта [1, с. 87, рис. 71], естественную конфигурацию холма. Нет здесь и «следов искусственной подгонки этого мыса к определенной геометрической форме — четырехугольнику», снятый план памятника показал это со всей очевидностью. По всему этому периметру городище окружено валом: высотой с трех сторон 2—3 м, а с южной, напольной — до 5 м. По нему проходила древняя стенка, обугленные сосновые остатки которой были открыты при раскопках [19, с. 14—16] На валу находились также три деревянные башни, местоположение которых в конце XVIII в. еще прослеживалось. Въезд на городище, оформленный в виде разреза на валу, расположен с северо-восточной стороны городища. Следы еще одного осыпавшегося тайного хода находились с западной стороны города против озерка. Упомянутый в сметных книгах 1699 г [11, с. 264, 266—268], он прослеживался, судя по плану П. А. Раппопорта, еще в 1956 г

Таким образом, следует признать, что до конца существования (1510 г.) республика не имела крепостей регулярной и близкой к ней планировки. Плановая структура всех новых пригородов Пскова, возведенных в XV в., подчинена естественному рельефу местности.

Что же касается руководства или даже участия Москвы в градостроительстве в Псковской земле, то ни по каким видам источников оно не прослеживается.

Более того, политика подрыва Москвой экономических основ могущества вечевого государства нанесла удар прежде всего по его оборонному могуществу [20, с. 104] В остром социальном конфликте 1483—1486 гг.— «брани о смердах» между свободными от налогов членами городских общин Пскова и пригородов, с одной стороны, и тяглым населением волостей — смердами — с другой,— великий князь поддерживал последних. В результате этого смерды повсеместно были освобождены от натуральных повинностей, которые были разверстаны между жителями Пскова и пригородов, потерявшими таким образом свое привилегированное положение [21, с. 204—227] Не случайно новых городов вплоть до присоединения к Москве в республике больше не возводили, а взятые и сожженные немцами в 1480 г. Кобыла и Вышгород восстановлены не были.

Все сказанное позволяет заключить, что отнести переход к новой организации обороны русских крепостей в середине XV в. на материалах Псковской земли не представляется возможным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. // МИА. 1961. № 105.
2. *Косточкин В. В.* Кремль древнего Гдова. (Из истории псковского оборонного зодчества) // МИА. 1958. № 77.
3. *Косточкин В. В.* Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI в. М.: Наука, 1962.
4. *Кирпичников А. Н.* Исследование Островской крепости в Псковской области // АО — 1975. М., 1976.
5. *Кирпичников А. Н., Васильев М. Е.* Открытие крепости Велья // АО — 1976. М., 1977

6. *Кирпичников А. Н., Назаренко В. А.* Открытие Гдовской крепости // АО — 1978. М., 1979.
7. *Артемьев А. Р.* Стратиграфия и хронология Изборской крепости // СА. 1985. № 2.
8. *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955.
9. Псковские летописи. Ч. II. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
10. Псковские летописи. Ч. I. М.; Л.: Наука, 1941.
11. Сб. МАМЮ. 1914. Т. VI.
12. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. III. Рига, 1980.
13. *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л.: Наука, 1975.
14. *Годовиков И. Д.* Описание и изображение древностей Псковской губернии. Псков, 1880.
15. *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне 1578—1583 гг. СПб., 1889.
16. *Янин В. Л.* Вислые печати Пскова // СА. 1960. № 3.
17. *Белецкий В. Д.* Отчет о раскопках Псковской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1962 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2198.
18. *Лазарев Д.* Псковское наместничество. Псков, 1887.
19. *Раппопорт П. А.* Отчет о работе отряда по изучению крепостей Среднерусской археологической экспедиции ИИМК в 1956 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 1246.
20. *Артемьев А. Р.* Градостроительная политика Псковской феодальной республики // КСИА. 1987. Вып. 190.
21. *Алексеев Ю. Г* Псковская Судная грамота и ее время. Л.: Наука, 1980.

История науки

От редакции

Открывая в журнале раздел «История науки», мы хотели бы не ограничиваться публикацией в нем кратких биографий ученых прошедших поколений, воспоминаний отдельных археологов о тех или иных событиях, людях, экспедициях и пр., но и помещать в него работы крупнейших ученых, по какой-то причине не опубликованные своевременно, при жизни этих исследователей, и обнаруженные в их архивах.

Представленная статья М. И. Артамонова, посвященная им памяти И. И. Ляпушкина, пролежала в архиве почти 20 лет. Это его последняя работа, возможно, не вполне еще законченная, с точки зрения очень требовательного к себе автора. Тем не менее она, безусловно, заслуживает публикации. В ней М. И. Артамонов охватил весь имевшийся в то время обширный изданный материал, учел и оценил чужие гипотезы и построил собственную стройную концепцию о начальных шагах русской государственности на совершенно новых для историков источниках — археологических.

Следует сказать, что при подготовке рукописи к печати пришлось несколько сократить ее объем (примерно на 0,5 печ. л.). Мы сочли возможным удалить из текста страницы, посвященные излишне резкой полемике автора с покойным П. Н. Третьяковым. По существу она даже мешала восприятию системы взглядов М. И. Артамонова. Поскольку вся статья в целом имеет вполне определенную направленность против концепций П. Н. Третьякова, суть спора этих двух ученых передана полностью.

М. И. АРТАМОНОВ

ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Дре́вняя история славян, как она вырисовывается по бесспорным археологическим данным, во многом совпадает с выводами историков, основанными на письменных источниках. Археология вносит в них, однако, важные коррективы и обогащает знаниями таких сторон истории славян и руси, какие в материалах письменности не освещены или же получили очень слабое отражение. И. И. Ляпушкину с его требовательностью к документальной обоснованности любого заключения и скепсисом к идущим впереди фактов теориям в значительной степени принадлежит заслуга возвращения славяно-русской арехологии из области произвольных построений и догадок на почву строго проверенных данных.

В предлагаемой статье я выступаю против утвердившихся в археологии мнений, в отношении которых и я ранее занимал колеблющуюся позицию, в частности о славянстве зарубинецкой культуры, длинных курганов и сопок, и в соответствии с этим отношу начало заселения славянами лесной полосы

© М. И. Артамонов, 1990 г.

Восточной Европы не к первым векам н. э., не к VI, а к IX в., что вынуждает к пересмотру проблемы славяно-норманнских отношений, а вместе с тем и процесса образования Древнерусского государства.

В своей работе я опираюсь на труды И. И. Ляпушкина, хотя не со всеми его положениями считаю возможным согласиться, в особенности в тех, довольно многочисленных случаях, когда он занимает уклончивую позицию в ожидании более определенных данных по тому или иному вопросу. В таких случаях я беру на себя смелость давать прямые ответы, пользуясь теми материалами, какие имеются в наличии, и не избегаю гипотетических решений.

Конечно, не все возможные на данном этапе развития нашей науки заключения обоснованы достаточным количеством фактов, многое еще остается областью догадок по отдельным разрозненным намекам, содержащимся в памятниках прошлого, но главное состоит в том, чтобы заключения не были беспочвенными и не противоречили твердо установленным сведениям и друг другу. Необходимость же в обобщении накопившихся частных наблюдений в широкую картину возникновения Русского государства совершенно несомненна, так как только при этом может быть правильно оценена совокупность имеющихся данных и выявлены вопросы, требующие дополнительных исследований путем ли накопления и более тщательной обработки археологических материалов или новой интерпретации такого ряда источников.

Ко времени возникновения Русского государства у славян уже давно существовала частная собственность, и, хотя земли еще находились в общинном владении, были среди них богатые и бедные, знатные и рядовые члены общества, свободные и рабы, эксплуататоры и эксплуатируемые, были ремесленники, купцы и воины. Правда, все это находилось еще в зачаточном состоянии и требовало соответствующих условий для своего развития. Авторитет вождя уже превращался в наследственную привилегию, он распоряжался общественным имуществом и имел право собственности на него; обычаи коллективного труда становились формами эксплуатации соплеменников. Общественные обязанности становились повинностями в пользу общинных властей. Все это подтверждается как археологическими данными, так и известиями византийских авторов о славянах, появившихся на Дунае в VI в. н. э.

Лучше других осведомленный о событиях своего времени, византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский утверждает, что славяне не управлялись одним человеком, а издавна жили в демократии [1, с. 297] Другой византийский писатель — псевдо-Маврикий подтверждает, что славяне не имеют над собой главы и враждуют друг с другом [2, с. 37], т. е. при решении общих дел спорят и ссорятся между собой. Из этого не следует, что у славян отсутствовала политическая организация, что у них не было объединений по родам, общинам, племенам или областям и что они не создавали временных союзов для достижения общих целей.

Готский историк Иордан, писавший (как и названные византийские авторы) в VI в., сообщает, что после смерти готского короля Германариха и бегства под ударами гуннов части готов (визиготов) в пределы Римской империи в 376 г. другая часть готов (остроготы) покорилась гуннам и осталась на прежнем месте. Король этих готов Винитарий, стремясь возродить мощь готов, напал на своих соседей антов, ранее находившихся в подчинении готов, а с появлением гуннов ставших самостоятельными. Готам удалось захватить главу антов (рикса) Божа. Чтобы окончательно дезорганизовать побежденных, Винитарий приказал публично казнить (распять) Божа с его сыновьями и 70 «приматами» — старейшинами [3, с. 115] Из этого следует, что в конце IV в. у восточной части славян — антов были общий вождь и «начальники» более мелких подразделений — общин. Ту же картину дает Менандр, освещающий события VI в.— борьбу наследовавших гуннам куртигуров с теми же антами. Не будучи в состоянии справиться с антами, кутригуры натравили на них своих союзников авар, вторгшихся в 558 г. в степи Северного Причерноморья. Когда

к аварам прибыл антский посол Мезамир, брат Келагаста и сын Идаризия, и своей надменностью восстановил их против себя, кутригуры подговорили убить его и тем сорвали переговоры. После этого авары «пуще прежнего стали разорять землю антов, не переставая грабить ее и порабощать жителей» [4, с. 324, 325]. Мезамир был лицом, пользовавшимся большим влиянием у антов, во главе которых стоял, по-видимому, его брат Келагаст. Так как братья названы именем их отца Идаризия, то можно полагать, что занимаемое ими положение было наследственным.

Точное местоположение антов остается неизвестным, но, судя по событиям, описанным Иорданом, они в IV в. жили где-то в пределах так называемого Готского царства, т. е. в области распространения черняховской культуры или в близком соседстве с ней.

Мы не будем задерживаться на рассмотрении остродискуссионных вопросов о местонахождении славян до их вступления на историческую арену и о славянской археологической культуре до VI в. н. э. Отметим только, что на этот счет существуют две тенденции, одну из которых принято называть миграционистской, а другую — автохтонистской. И та, и другая представлены различными оттенками и разной степенью агрессивности. Особой нетерпимостью отличается вторая из них, стремящаяся из чувства ложного патриотизма максимально расширить пределы славянской прародины или по крайней мере доказать глубокую древность проживания славян на занятой ими территории.

При рассмотрении этих важнейших для истории славян вопросов следует помнить, что народ (этнос) — категория историческая, с течением времени он изменяется. В истории этноса действует множество факторов внешнего и внутреннего порядка, под влиянием которых и происходят то более, то менее существенные перемены. Они охватывают не одновременно и не все признаки данного народа. Одни из них оказываются более, а другие — менее устойчивыми, одни остаются неизменными, тогда как другие исчезают и их место занимают совершенно новые черты. Остающиеся неизменными или слабо изменяющиеся признаки связывают между собой различные периоды истории народа и определяют его единство во времени и в пространстве. Они составляют то, что можно назвать этнической традицией [5].

При ретроспективном археологическом изучении того или другого народа неизбежно наступает момент, когда признаки, заключающиеся в его материальной культуре, полностью исчезают и исследователь оказывается не в состоянии проникнуть в его более отдаленное прошлое. Происходит ли это в силу недостаточности имеющихся археологических данных или коренных изменений в жизни народа, в данном случае неважно, но предел, за которым место бесспорных знаний занимают более или менее вероятные предположения, существует. Для славян такой момент еще 30 лет назад относился к VIII в. н. э. Последующие археологические открытия позволили отодвинуть его в VI в. Более древняя этническая история славян пока остается в области гаданий, хотя письменные известия о них под именем венедов уходят еще в первые века н. э. Они помещались в то время на землях между Карпатами и Балтийским морем. Однако как памятники, так и территория венедов остаются не установленными. Историческое предание, сохраненное Иорданом, сообщает о событиях, происходивших в IV в.,— о борьбе между готами, с одной стороны, и венедами с их восточным подразделением, антами,— с другой, но археологически это сообщение не подкрепляется, и только предположительно анты локализуются в Западной Подолии, а венедам в целом приписывается пшеворская культура Польши [6, с. 107 и сл.].

В VI в., по данным Иордана, анты занимали область на изгибе Понта (Черного моря) и Днепра [3, с. 72], т. е. в северо-западном Причерноморье, но не в степях (так как это были оседлые земледельцы), а скорее всего в лесостепной зоне от Днестра до Днепра, где известны бесспорно славянские археологические памятники VI в. с керамикой пражского и корчакского типов [7, с. 93 и сл.],

Находились ли там же славяне в VI в., неизвестно, так как относящиеся к этому времени славянские памятники остаются не установленными. Правда, некоторые основания для выделения славян в составе населения черняховской культуры на верхнем Днестре указывает В. Д. Баран [8, с. 43 и сл.].

Соседями антов в VI в. была западная группа гунно-болгар — кутригуров, владевших степью и частично лесостепью по обе стороны нижнего и среднего Днепра, а также степями северо-западного Причерноморья. Здесь располагались их становища с керамикой пеньковского типа и с металлическими вещами, известными по кладам и отдельным находкам. Они особенно многочисленны на Пастырском городище в бассейне Тясмина, по имени которого вся культура может называться пастырской, а не антской [9] или росской [10], как ее именовали ранее, и не мартыновской, названной А. Феттихом по имени одного из характерных для этой культуры кладов, отнесенных этим автором к кутригурам [11]

Некоторые археологи, хотя и вынуждены признать общий облик пастырской культуры не соответствующим одновременной ей славянской культуре, выделяют в ее составе в качестве славянского элемента керамику пеньковского типа. Считая ее специально антской, одни производят характерные для этой керамики формы из лепной керамики черняховской культуры [12, с. 39], а другие — из керамики Верхнего Поднепровья (точнее — Среднего Подесенья), где они, являясь наследием зарубинецкой культуры, распространились в Среднее Приднепровье [13, с. 228 и сл.; 14, с. 52 и сл.]

Происхождение пеньковской керамики пока остается не установленным. От лепной черняховской она отличается характерным реберчатым перегибом у части сосудов примерно на середине их высоты, а от верхнеднепровской керамики — тем, что пеньковские сосуды представляют биконические, а не цилиндроконические формы и вовсе не имеют лощения. Кроме того, на пеньковской керамике встречаются налепные валики и сосочки, каких нет ни у черняховских, ни у верхнеднепровских сосудов, хотя они и встречаются на керамике зарубинецкой культуры. По времени возникновения пеньковская керамика, возможно, древнее пастырской культуры со всей совокупностью остальных характеризующих последнюю признаков, так как известен ряд поселений с одной лишь пеньковской керамикой, без других элементов пастырской культуры. К тому же незначительно углубленные землянки, обнаруженные на некоторых из этих поселений, как будто бы свидетельствуют об оседлом быте их населения, тогда как для гунно-болгар был характерен кочевой образ жизни. Думается, правомерно предположить, что ранний период бытования этой керамики может относиться ко времени между исчезновением черняховской культуры и возникновением пастырской, т. е. к V — первой половине VI в., ввиду чего ее естественно было бы отнести к остаткам оседлого населения черняховской культуры. Однако распространение пеньковской керамики много шире черняховской культуры [15, с. 317, 318; 16, с. 54; 17, с. 63; 18, с. 72—74; 19, с. 145 и сл.; 20, с. 161 и сл.; 21, с. 320 и сл.; 22, с. 317 и сл.; 23, с. 251, рис. 12, *6*; 13, *6*], поэтому связывать ее происхождение с последней пока преждевременно. Установленным можно считать только, что пеньковская керамика является составной частью пастырской культуры, принадлежавшей тому населению Северного Причерноморья, которое в VI в. стало известно под именем кутригуров [24, с. 118—132; 25, с. 3—37; 26, с. 1—9]

Эти последние представляли собой гуннов, смешавшихся с различными другими народами, входившими в созданное ими объединение. Кроме явившихся из Азии тюрок в нем были угры, иранцы, германцы и другие этнические образования, ассимилированные гуннами и в целом составившие тюрко-болгар. Следы происхождения отдельных их компонентов в настоящее время не поддаются определению, но они могли сохраняться в рамках тюрко-болгарской общности как в то, так и в более позднее время.

К берегам Днепра собственно славянские поселения подходили только в

районе Киева [27, с. 289—292]. В основном они располагались в бассейне р. Тетерев, и верхнем течении Южного Буга [7, с. 94]

Русская летопись сохранила воспоминание о притеснениях, которым подвергли авары славянское племя дулебов, живших на Буге, «где ныне волыняне» [28, с. 14]. Речь идет о Западном Буге — современной Волыни. Волынь и Подолия в VI в. были заселены славянами, культура которых была фактически идентична культуре славян, заселявших другие области славянского расселения. Исключением, возможно, были венеды — западная группа славян, культура которых в настоящее время еще неизвестна. Притеснение аварами дулебов могло иметь место во второй половине VI — первой четверти VII в., так как после неудачной осады Константинополя в 626 г. начался развал Аварского каганата. После смерти хана Баяна в 630 г. положение внутри каганата еще более осложнилось из-за соперничества между аварами и увлеченными ими на запад (в Среднее Подунавье) кутригурами. Каждая из этих частей каганата добивалась признания ханом своего кандидата. В разгоревшейся между ними войне кутригуры были побеждены и бежали из Паннонии к франкам, а их соплеменники в Поднепровье отложились от авар и вошли в состав возникшего около этого времени в восточной части Северного Причерноморья Болгарского государственного объединения, так называемой Великой Болгарии [29, с. 112, 160 и сл.]

Освободившиеся от аварской зависимости славяне в Словакии и Моравии образовали самостоятельное государство Само [30]. Тогда же или вскоре после этого появилось и известное арабскому географу Масуди Волынское славянское объединение (Валинана) во главе с Маджаком. Поскольку других сведений об этом объединении не сохранилось, размеры его и продолжительность существования остаются неизвестными. Следует помнить, что Масуди писал свое сочинение в X в., используя более древние источники. В его же время Валинаны уже не было. Она распалась, видимо, как и десятки аналогичных образований, из-за раздоров между составлявшими ее территориальными образованиями. Каждое из них, согласно Масуди, избрало своего «царя» [31, с. 135—138]. Русская летопись кроме волынян-бужан знает в юго-западной части Русского государства, между Западным Бугом и Днестром, Припятью и Дунаем, дреговичей, древлян, уличей, тиверцев, возможно, представлявших те части, на которые распалось в свое время Волынское объединение.

Обращает на себя внимание географическое значение некоторых племенных наименований. Так, древляне — жители лесов, дреговичи — болот. Имя «уличи» в варианте «угличи» может быть сопоставлено с обозначением междуречья Днестра и Дуная — Онгл, т. е. угол [28, с. 14] Географическое обозначение племен свидетельствует, очевидно, о том, что летописные племена не были, конечно, племенами в собственном смысле этого слова. Это были, безусловно, территориальные объединения [32, с. 134 и сл.] В древнерусском языке словом, соответствующим по значению термину «племя», было «род» с названием по эпониму, таким, как Радим или Вятко, хотя общественные образования с такими наименованиями вряд ли объединяли только членов одного происхождения. При этом фикция родства могла существовать. Территориальные объединения состояли, видимо, из таких «родов», а имя одного из них иногда переходило на все объединения, как это случилось с радимичами и вятичами. Некоторое представление о социальной организации земель, или княжений (как в летописи обозначаются так называемые «племена»), дают сведения о древлянах, у которых кроме общего князя, соответствовавшего «риксу» более древних источников, были и другие местные правители, именуемые летописцем «лучшими людьми», а Иорданом — «приматами» [3, с. 115].

Первым среди властителей, обособившихся после распада Волынского объединения славянских территориальных объединений, Масуди называет Дира [31, с. 137], а опирающаяся на народные предания русская летопись связывает его с другим князем — Аскольдом, а обоих — с Киевом [28, с. 19].

Это были киевские князья, жившие, судя по сохраненным летописью сведениям, во второй половине IX в. Исходя из этого можно предположить, что распад Валинаны относился к сравнительно недавнему от этой даты времени, а значит, это объединение просуществовало примерно 150—180 лет (с середины VII до чачала IX в.).

Характерным явлением славянской истории со времени, предшествовавшего возникновению Русского государства, было расселение славян по Восточно-Европейской равнине.

К западу от Днепра, на Волыни и в Подолии, они выступают в археологических памятниках одновременно со славянами, действовавшими, согласно письменным источникам, в Прикарпатье и Подунавье в VI в. н. э., однако, судя по распространению памятников корчакского типа, еще не заселяют побережья среднего Днепра, за исключением, как уже говорилось, наиболее северной его части — окрестностей Киева [27] Нет их в это время ни в среднеднепровском Левобережье, ни в бассейне верхнего Днепра. Верхнее Поднепровье от Припяти и Десны с Сеймом в это время занимал балтские (летто-литовские) племена, среди которых восточнее собственно Прибалтики различается несколько территориальных групп, представленных особыми археологическими культурами. На севере они охватывали бассейны Западной Двины, рек Великая и Ловать, а также верхнее течение Оки, где граничили с финно-угорским населением, не соприкасавшимся тогда со славянами [33, 34].

Первым делом самостоятельного Хазарского каганата, возникшего в середине VII в. в Северном Дагестане и на нижней Волге, было покорение родственного хазарам объединения тюрко-болгар, к тому времени опять распавшегося на части. Под ударами хазар часть болгар устремилась на север — в бассейн Дона и на среднюю Волгу, а часть (под именем «оногуры») под предводительством Аспаруха двинулась из Приазовья на запад — к Днепру и Дунаю. Преследовавшие их хазары столкнулись с занимавшими в это время обе стороны нижнего и среднего Днепра болгарами-кутригурами и разгромили последних [29, с. 170 и сл.]

Победа над болгарами досталась хазарам дорогой ценой. В Надпорожье и в полтавском пограничье с лесостепью обнаружен ряд богатых комплексов вещей, которые обычно относились к категории кладов. Однако более серьезное исследование показало, что это остатки погребений посредством трупосожжения, инвентарь которых существенно отличается от содержания кладов пастырской культуры, хотя и относится к одному с ними времени [35, с. 61 и сл.]. Самым замечательным из этих комплексов является «клад», найденный у д. Малая Перещепина Полтавской обл. Кроме дорогих предметов, относящихся к вооружению, конскому снаряжению и личным украшениям, в нем оказалось много золотых и серебряных сосудов византийского, иранского и согдийско-тюркского происхождения [36, 37] Если даже перещепинское сокровище не приношение умершему для его загробной жизни, а клад, спрятанный в землю в момент большой опасности, угрожавшей его владельцу, все равно оно принадлежало очень богатому и знатному лицу, каким мог быть предводитель хазар в войне с болгарами. Золотая византийская посуда и наградные византийские монеты в этом сокровище напоминают рассказ византийских писателей о приеме тюркского кагана и его вельмож императором Ираклием в 627 г. под Тбилиси, когда гости были награждены дорогой посудой с пиршественного стола [38, с. 355; 39, с. 235; 40, с. 59, 159].

Владелец перещепинского сокровища мог быть одним из тюрко-хазарских вельмож, присутствовавших на этом приеме, а затем, после того, как Хазария из провинции Западно-Тюркского каганата превратилась в независимое государственное объединение,— предводителем хазарского войска на западных землях — в войне с болгарами.

Эта война принесла разгром кутригурам. Часть их ушла вместе с восточно-приазовскими оногурами на Дунай, а часть укрылась в лесах среднеднепровского Левобережья. Не исключено, что довершение разгрома кутригуров было

поручено славянам, занявшим затем их территорию. Следов пребывания хазар в лесостепном Левобережье не обнаружено, а клады с вещами пастырских типов не все зарыты в одно время. Так, Харивский клад [41, с. 109 и сл.], спрятанный в горшке волынцевского типа, представлявшем собой видоизменение формы пастырской керамики, относится к более позднему времени, чем другие. Продвигаясь в Левобережье, славяне частью присоединяли к себе, а частью оттесняли кутригуров на восток. Возможно, именно с ними следует связывать погребения с трупосожжениями и волынцевской керамикой, известные в настоящее время в бассейне Дона и на Волге [24, с. 127, 130, 131].

После победы над кутригурами славяне, получившие доступ к Днепру, заселили лесостепную полосу среднеднепровского Левобережья, где они хорошо известны по памятникам роменской культуры [42, с. 238 и сл.], имеющим близкие аналогии в славянской культуре того же времени в Правобережье Днепра, представленной поселениями типа Лука Райковецкая и Григоровка [43, с. 283 и сл.; 44, с. 107 и сл.] Поскольку, как нам представляется, славяне овладели Средним Приднепровьем с согласия хазар и при их содействии, то, поселившись здесь, они оказались данниками Хазарского каганата. По сообщению русской летописи, платили дань хазарам поляне, северяне, радимичи и вятичи, т. е. те группы славян, которые поселились на земле, захваченной у кутригуров, или в ближайшем соседстве с этой землей.

В то время, когда славяне расселялись по днепровскому Левобережью, междуречье Северского Донца и Дона было, видимо, уже занято переселившимися туда из Центрального Предкавказья аланами [45, с. 145 и сл.; 46, с. 91, рис. 23, *3*], спасавшимися от участившихся в первой половине VIII в. нападений арабов из Закавказья. Поэтому расселение славян дальше на восток пошло в обход аланских владений — по северной их границе и достигло среднего Дона только в IX в. [47, с. 152 и сл.] По всей лесостепной полосе от Днепра до Дона славяне, очевидно, не встретили, кроме алан, другого сплошного оседлого населения. Сохранившиеся кое-где остатки предшествующего населения этой полосы они ассимилировали, чем и объясняется примесь к славянской культуре роменского типа некоторых элементов волынцевского типа, главным образом в виде характерных лепных или сделанных на гончарном круге округлобоких сосудов с цилиндрическим горлом, иногда украшенных пролощенным орнаментом того же рода, что и распространенный на посуде ремесленного производства пастырской культуры [42, с. 238]. Волынцевская керамика и некоторые другие связанные с ней культурные элементы, влившиеся в славянскую культуру днепровского Левобережья, такие, например, как височные кольца с закрученным в спираль концом [48, с. 68, 90], представляют собой наследие пастырской культуры. Вместе с тем следует отметить, что волынцевская керамика встречается только на части роменской территории и вклад «пастырцев» в славянскую культуру был невелик и не сказался в ней, хотя образование северян, вполне вероятно, связано с ассимилированными славянами северами, входившими в состав кутригуров [1]

Заселение славянами освобожденной от кутригуров лесостепной полосы происходило под эгидой хазар беспрепятственно. С иным положением славяне столкнулись на Десне и Сейме, в полосе смешанного леса, издавна занятой балтами. Там они могли обосноваться, только оттеснив или уничтожив аборигенов. Уже в IX в. славяне овладевают этой территорией, а в начале X в. занимают левый берег верхнего Днепра до верховий Десны и верхнее течение Оки, где летопись размещает по р. Сож радимичей, а по р. Сейм до верхней Оки — вятичей [28, с. 14]

По летописи, радимичи и вятичи происходили «от рода ляхов» т. е. от западных славян. Археологического подтверждения этому не обнаружено, но гидро-

---

[1] Путивльские и рыльские севрюки-севры были известны еще в XVI в. От их имени ведет свое название р. Северский Донец.

нимика радимичской земли дает некоторые основания предполагать, что эти славяне вышли с верховий Днестра [34, с. 131—143], что, возможно, и послужило основанием летописцу причислить их к западным славянам. Как бы там ни было, но и радимичи, и вятичи поселились на землях, указанных в качестве их местожительства, не раньше IX—X вв., так как более древних памятников на этих землях не обнаружено [34, с. 134]

Наступление славян на балтов происходило и по другую (правую) сторону Днепра. К IX в. они перешли через Припять и заняли левобережье этой реки, о чем свидетельствуют имеющиеся там курганы с трупосожжениями и лепной керамикой IX — начала X в. [34, с. 83]. Формирование на этой территории дреговичей, как и радимичей и вятичей по другую стороную Днепра, происходило при участии местного балтского субстрата.

Что же касается роменской культуры, то, как говорилось, она плотно вписывается в географические границы лесостепи днепровского Левобережья. Кроме того, памятники роменской культуры известны и на нижней и средней Десне, по Сейму, на верхней Оке и в Верхнем Поднепровье. Весьма существенно отметить, что в лесной полосе, по заключению И. И. Ляпушкина, «достоверно славянских поселений VIII — первой половины IX в. мы пока совсем не знаем», а «наиболее ранние достоверно славянские могильные памятники (курганы) в большей своей части относятся уже к IX в.» [49, с. 172].

О культуре населения лесной полосы до внедрения в нее роменских элементов лучше всего можно составить представление по материалам двух полностью раскопанных городищ-убежищ: Колочинского, расположенного на правом берегу Днепра южнее г. Речицы, и Тушемлинского в верховьях р. Сож. И то, и другое закончили свое существование в результате опустошительных пожаров, в огне которых погибли и другие частично исследованные археологами городища этой культуры, примерно в VIII — начале IX в. В порядке обоснования этой даты П. Н. Третьяков использует показания радиоуглеродного анализа, сделанного по материалам трех городищ (960∓150, 980∓90, 950∓120) [49, с. 17, 107, 112], а также факты расположения длинных курганов на месте поселений с культурой верхнего слоя городища Тушемля. Так, на месте поселения у д. Слобода Глушица находились длинные курганы, насыпанные из культурного слоя городища. То же прослежено и на берегу Акатовского озера [49, с. 33, 34, 59]. Длинные же курганы, как известно, в Верхнем Поднепровье датируются не раньше VIII в. Тот же результат был получен Э. А. Сымоновичем при радиоуглеродном анализе материала с Колочинского городища (920∓120) [50, с. 135, примеч. 41].

Все среднеднепровские поселения с керамикой пеньковского типа П. Н. Третьяков рассматривает как прямое продолжение культуры, сложившейся в Верхнем Поднепровье путем смешивания принесенной славянами зарубинецкой культуры с туземной — балтской и считает их принадлежавшими восточной ветви славян — антам, которые после разгрома гуннами готов продвинулись на освобожденную от последних территорию. В основном свои выводы он основывает на сходстве реберчатой керамики, которая, по его мнению, различается только тем, что в Верхнем Поднепровье распространены цилиндроконические формы, каких в Среднем Поднепровье нет, потому что пеньковская керамика более поздняя, со временем несколько, естественно, изменившаяся [51, с. 110]

При этом П. Н. Третьяков оставил без внимания статью И. П. Русановой, в которой она пишет по данному вопросу следующее: «В целом округлые и биконические сосуды типа Пеньковки коренным образом отличаются от вытянутых и почти не профилированных сосудов типа Колочин — Тушемля... Несмотря на некоторые точки соприкосновения, различия керамических комплексов Пеньковки и Колочина — Тушемли настолько велики, что „реберчатая керамика, характерная для ранних тясминских, надпорожских и верхнебугских поселений, могла иметь лишь верхнеднепровское происхождение“» [52, с. 149].

Нам остается только присоединиться к этому заключению. Самое же существенное в статье И. П. Русановой — то, что она, внимательно прослеживая развитие славянской керамики от корчакских форм в типы, характерные для Луки Райковецкой, не обнаруживает никакой преемственности между бесспорно славянской и пеньковской керамикой [52, с. 146, 147; 53, с. 188].

Очевидно, в настоящее время можно считать доказанным прежде всего, что совокупность памятников пеньковско-пастырского типа можно считать отдельной культурой. Для Б. А. Рыбакова, именовавшего эту совокупность древностями русов, даже вопроса о такой правомерности не существовало [10, с. 63 и сл.]. Еще раньше А. А. Спицын, выделяя древности антов, представлял их как культуру с определенным этническим содержанием. Таким образом, археологи, в том числе и П. Н. Третьяков [54, с. 186], пришли к единодушному мнению, что перед нами культура с четко выраженными этнографическими признаками [2]

Общая характеристика этой культуры дана Б. А. Рыбаковым и Г Ф. Корзухиной [10, 35]. В своих работах я тоже приводил сведения относительно ее отличительных признаков [25, с. 23 и сл.], из которых особое внимание всех, кто занимался этой культурой, привлекали большие пальчатые фибулы, и в их числе своеобразные антропозооморфные экземпляры, хотя и близкие типологически среднедунайским, но, несомненно, местного производства.

В качестве одного из доводов против кутригурской принадлежности пастырской культуры П. Н. Третьяков выдвигает нехарактерный, по его мнению, для кочевников костюм, в который входили своеобразные украшения и парные фибулы. «Перед нами,— говорит он,— среднеевропейский убор, распространенный в латенское время и появившийся в Поднепровье с зарубинецким населением» [51, с. 111] Вот именно — среднеевропейский, представленный в аварокутригурских памятниках Среднего Подунавья, где авары и кутригуры унаследовали многие элементы предшествующей им гепидской культуры, в частности парные пальчатые фибулы, а также звездообразные серьги. Думаю, от них эти элементы проникли и в славянский костюм, но у славян фибулы в отличие от серег не получили такого развития, как у поднепровских кутригуров, у которых возникли, как говорилось, местные варианты этого рода украшений. Прямые свидетельства существования местного ремесла содержатся в кладах пастырской культуры, в ряде случаев состоявших из металлического лома и незаконченной продукции, явно принадлежавших ювелирам-ремесленникам. Наличие кузнечного производства подтверждается находкой остатков кузницы на Пастырском городище [55, с. 102 и сл.]. Что касается керамики, совсем неизвестной в свое время Б. А. Рыбакову и Г Ф. Корзухиной, то она представлена теперь не только грубой лепной, домашней выделки посудой пеньковских типов, но и высококачественными сосудами, изготовленными на гончарном круге и обожженными в гончарных печах. Такие сосуды обнаружены на Пастырском городище и на других поселениях вместе с пеньковской керамикой. Их нередко сравнивают с лощеной керамикой, широко распространенной в аланской среде Северного Кавказа и салтово-маяцкой культуры. Однако с ней пастырская керамика сходна только украшениями в виде лощеных бороздок и налепных валиков. По формам же ее широкогорлые круглобокие горшки и средней величины кувшины вытянутых пропорций, с одной или двумя ручками и широким горлом резко отличаются от аланской посуды. В то же время многочисленные и весьма близкие аналогии ей хорошо известны в Дунайской Болгарии, куда она проникла, вероятно, вместе с болгарами-кутригурами.

---

[2] Правда, стоило эту устойчивую совокупность памятников назвать «пастырской культурой» и отнести не к славянам, а к древним болгарам-кутригурам, как П. Н. Третьяков перестал называть ее культурой. Это оказалась только область контактов двух культур, из которых одна — славянская, а другая (более южная) — кочевническая.

Новым элементом, не учтенным мною в предшествующих работах, являются относящиеся к пастырской культуре небольшие грунтовые могильники с погребениями, совершенными посредством трупосожжения [56, с. 58 и сл.]. Однако наряду с трупосожжениями существовали и трупоположения, более распространенные у донских болгар. Вероятно, погребения с трупосожжениями распространялись в Дунайской Болгарии не с приазовскими оногурами, а с кутригурами.

Славянская культура VIII—X вв. по обе стороны среднего Днепра не связывается ни с балтской культурой лесной полосы, ни с пастырской культурой Поднепровья. В ней нет ни керамических форм, характерных для балтской посуды второй половины I тыс., ни сосудов с пролощенным орнаментом, встречающихся в пастырской культуре, почти нет (очень мало) металлических вещей балтских типов и известных по кладам и случайным находкам серебряных и бронзовых украшений пастырских типов. Это — культура, связанная происхождением с более ранней славянской культурой Волыни и Подолии — с пражско-корчакской керамикой и лишь с немногими элементами, вошедшими в нее на левой стороне Днепра вместе с остатками прежнего населения с его волынцевской культурой, представляющей собой прямое продолжение пастырской культуры.

Только после освоения славянами Среднего Поднепровья начинается продвижение их на верхний Днепр и на верхнюю Оку, на исконную балтскую территорию. Памятниками этих славян В. В. Седов считает длинные курганы с трупосожжениями, появляющиеся в Псковской обл. в VI—VII вв., а в бассейне Западной Двины и верхнего Днепра датирующиеся VII—X вв. [34, с. 92 и сл.] Тот факт, что длинные курганы иногда находятся в могильниках вместе с типичными для славян полусферическими насыпями, не доказывает происхождения вторых от первых, поскольку и в тех, и в других встречены совершенно одинаковые погребения, и те, и другие существовали одновременно. Так как большинство длинных курганов образовалось путем подсыпок, связанных с присоединением к старым погребениям новых, исходной формой каждого из них была небольшая круглая насыпь. Такие насыпи, не получившие дальнейшего развития в длинные курганы, оставались в некоторых могильниках независимо от времени их сооружения.

В псковских длинных курганах преобладают элементы, одинаковые с распространенными западнее Чудского озера, на территории Эстонии, где также известны длинные курганы, а для полоцко-смоленских длинных курганов характерны западно-балтские формы, известные в соседней Латвии. Существенно различается керамика псковских и полоцко-смоленских длинных курганов. Для первых обычными являются грубые сосуды баночной формы, тогда как во вторых находятся лепные, а иногда и сформованные на гончарном круге профилированные горшки с четко выделенным венчиком и расширенной верхней частью тулова, украшенные скромным узором в виде насечек по краю венчика или даже нанесенными по плечикам сосуда оттисками веревочки, намотанной на конец палочки, аналогичными орнаменту на керамике роменской культуры. Эта керамика отсутствует в керамическом комплексе городищ типа Тушемли, что свидетельствует о появлении ее в длинных курганах Верхнего Поднепровья в более позднее время. П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт относят длинные курганы Смоленщины к VIII—X вв. и связывают их возникновение с распространением нового населения, каким могли быть только славяне, хотя вещи, находимые в погребениях с такой керамикой,— балтских типов [49, с. 33, 37, 41, 187 и сл.].

Новое население, разрушившее балтские городища-убежища и принесшее с собой длинные курганы, по мнению П. Н. Третьякова, были славяне-кривичи.

Однако мне представляется, что валообразные насыпи с содержащимися в них погребениями по обряду трупосожжения, т. е. длинные курганы, явно не принесены извне, а возникли на месте, по-видимому, на основе ранее распространенных погребений по обряду трупосожжения, сложенных нередко в

глиняные урны, в неглубоких грунтовых могилах. Такие погребения известны, например, в Акатове на Смоленщине [57, с. 189 и сл.; 58, с. 56], у с. Демьянки на Гомельщине [59, с. 187 и сл.], между селами Кветунь и Макорзно близ Трубчевска [60, с. 85 и сл.] и на оз. Узмень в Псковской обл. [61, с. 19]. Урны во всех этих могильниках грубые, лепные, банкообразные, с незначительно выступающими боками и слабо отогнутым венчиком. Интересно, что профилированная керамика, характерная для длинных курганов Смоленщины, вовсе не представлена в длинных курганах Псковщины, из чего, видимо, следует заключить, что население, с которым распространялась эта керамика, севернее Западной Двины не проникло и что там туземный облик культуры остался не затронутым чуждым влиянием.

Таким образом, длинные курганы — памятники не славянские, но керамика в смоленских курганах с ее роменскими формами и орнаментикой могла появиться в них только вместе со славянами, под влиянием распространившейся вместе с ними культуры, т. е. в результате тесных контактов местного населения с новым и сосуществования их друг с другом.

Как и длинные курганы, к славянским памятникам необоснованно причисляются так называемые сопки — большие крутобокие курганы, известные в Приладожье, Приильменье и в бассейне верхней Волги [62, с. 93; 63, с. 5—33] Они считаются принадлежностью новгородских славян, датируются начиная с VI в. и служат доказательством раннего проникновения славян в эту часть Восточной Европы. Однако сопки по своему содержанию далеко не однородны, к ним относятся насыпи с различными погребениями. Часть их — «коллективные» захоронения, содержащие несколько разновременных погребений. В отличие от длинных курганов они увеличивались с новыми погребениями не в длину, а в высоту. Эти сопки по своему содержанию не отличаются от длинных курганов и, как и последние, принадлежат не славянам, а местному балтскому или финно-угорскому населению.

Степень археологической изученности средней полосы Восточной Европы I тыс. н. э. оставляет желать лучшего. Тем не менее в настоящее время мы можем говорить о том, что характерные для начала этого тысячелетия археологические культуры в дальнейшем претерпевают существенные изменения, возникают новые культуры. В бассейне верхней Оки культура середины I тыс. представлена так называемой мощинской культурой с восходящей к зарубинецким формам лощеной ребристой керамикой, прибалтийскими эмалями и подкурганными трупосожжениями, подобными раскопанным у деревень Шаньково и Почепок [64, с. 5 и сл.] Так называемые «большие курганы», встречающиеся в центральных областях России, одними признаками сходны с мощинскими курганами, а другими — с сопками, представляющими, по всей вероятности, локальный вариант этого рода памятников. Это тоже одиночные насыпи, содержащие по большей части следы нескольких трупосожжений [65, с. 7 и сл.] Распространены они на тех же землях, что и сопки и длинные курганы, но выходят и за пределы занятой ими территории.

К сопкам нередко причисляют и внешне сходные с ними курганы с погребениями норманнов [66, с. 188, и сл.] Различия между ними, действительно, трудноуловимы при отсутствии или нехарактерности погребального инвентаря. В целом же норманнские погребения выделяются не величиной курганной насыпи и не наличием каменных выкладок, а уплощенной вершиной и остатками кострища от трупосожжения на месте, заклепок от погребальной ладьи и вещей скандинавских типов. Они хорошо представлены в могильнике Плакун на берегу Волхова напротив Старой Ладоги [67, с. 31] Там же найдены и норманнские трупоположения в деревянных камерах, известные в Швеции (могильник в Бирке) и Среднем Приднепровье (в частности, в Киеве). В число сопок включают иногда и наиболее значительные по величине славянские полусферические курганы.

Выше уже говорилось, что, отказавшись признать длинные курганы славян-

скими, мы допускаем, что встречающиеся в них в Верхнем Поднепровье элементы роменской культуры проникли туда все же со славянами, причем, естественно, не раньше возникновения этой культуры, т. е. не ранее VIII в. Собственно же славянскими памятниками являются полусферические курганы с трупосожжениями в насыпи, нередко в урне. Время распространения этих курганов в Верхнем Поднепровье И. И. Ляпушкин определил VIII в., хотя бесспорных данных в пользу такой датировки нет и хронология основывается только на общем представлении о времени возникновения роменской культуры, одним из признаков которой являются полусферические курганы [48, с. 57, 117, 118] Появление их в Верхнем Поднепровье и на Оке с равным основанием можно относить и к IX, и даже к X вв., т. е. датировать всем временем существования роменской кульуры. Этим же временем, следовательно, следует датировать и проникновение роменских элементов в балтскую культуру длинных курганов, свидетельствующих о тесных контактах между славянами и балтами.

По всей вероятности, именно со вторжением славян в Верхнее Приднепровье можно связывать гибель балтских городищ-убежищ и святилищ типа городища Тушемля, случившуюся не ранее IX в. Славянские памятники во всех случаях, когда они оказываются на месте древних городищ, наслаиваются на остатки пожарищ, уничтоживших сооружения предшествующего времени, или находятся поверх стерильного слоя, образовавшегося в период более или менее длительного запустения данного места.

Не исключая мирного просачивания или внедрения более или менее значительных групп славян в соседние балтские или финно-угорские области, следует все же помнить, что главным фактором в их расселении было завоевание. В целом это подтверждается прежде всего быстрым продвижением славян на чужие территории, а также руинами сожженных балтских укреплений. Хотя ко времени вторжения славян местное население ненамного уступало им по уровню своего социально-экономического развития, оно было разобщено в слабо населенной лесной стране и не могло, очевидно, организовать действенного отпора.

Для завоевания новых земель не требовалось сложной организации и больших армий. Первыми в чужую среду проникали группы промысловиков пушнины и торговцы, которые, как позже новгородские ушкуйники или московские землепроходцы, не довольствуясь мирными способами обогащения и встречая противодействие, силой облагали местное население более или менее обременительной и регулярной данью (ясаком).

Добычу они сбывали прибывшим в их земли иноземным купцам или составляли торговые караваны и отправлялись с ней в заморские страны, сами превращаясь в торговцев, а нередко и в разбойников. В целом они ничем не отличались от скандинавских викингов, поскольку порождены были такими же условиями распада первобытно-общинных отношений и развития социально-экономической дифференциации. Их отряды также формировались из добровольцев, вышедших из семей сельских хозяев заселенной славянами земли. Такие славянские дружины, обосновываясь в завоеванных областях, жили за счет подчиненного ими местного населения, не порывая, однако, связей с землями, из которых ушли. Только этим можно объяснить прочные связи отдельных центров среднеднепровской Руси с определенными подчиненными им периферийными областями [68, с. 41—43]

Причины, побудившие славян переселяться из среднеднепровской Лесостепи на север, в лесную полосу, были и внешние, и внутренние. С ослаблением Хазарского каганата положение славян на границе с кочевниками значительно усложнилось. Еще в IX в. в Поднепровье проникли мадьяры, за ними в степях Северного Причерноморья появились печенеги и гузы и, наконец, в XI в.— самые опасные и сильные из степняков — половцы. Все они совершали набеги на славянские поселения, жгли, убивали, захватывали в плен и грабили население. Пожарища и трупы оставляли они на своем пути. Естественно, страдавшие от

набегов кочевников земледельцы стремились укрыться под защитой непроходимых лесов и болот.

Другой причиной интенсивного заселения лесной полосы славянами было, по-видимому, быстро возникающее перенаселение в каждой отдельно взятой общине. Появлялась необходимость в устройстве заимок, выселков и переселении избыточного населения на новые места. При этом переселения были не стихийными, не беспорядочными, а вполне организованными и целенаправленными С X в. они направлялись княжеской властью, заинтересованной в закреплении за собой захваченных участков балтских и финских областей, составлявших в совокупности ту «Внешнюю Русь», о которой писал Константин Багрянородный [69, с. 272] и которая долго противопоставлялась среднеднепровской, собственно Русской земле с ее сплошным славянским населением.

Движение переселенцев, как и вообще движение в заросшей непроходимыми дебрями земле, происходило по рекам; в сторону от больших речных магистралей славяне долго не проникали, и там сохранялось прежнее население. Следует сказать, что славянская колонизация (завоевания) ничем не отличалась от других того же рода явлений мировой истории. Славяне захватывали лучшие земли, при этом нередко уничтожая местное население. Однако в ряде случаев славяне мирно соседствовали с покоренными и вступали с ними в те или иные формы постоянных контактов: происходили сближение и смешивание их между собой, а в конечном счете ассимиляция одних другими. Хотя славянские этнические признаки при этом преобладали, у возникших в процессе смешивания поколений сохранились и некоторые черты «туземного» происхождения, составившие тот субстрат, который определил возникновение в дальнейшем белорусского и великорусского народов с их локальными подразделениями. В одном случае таким субстратом был балтский, в другом — финно-угорский.

Этническое своеобразие летописных племен (земель) возникло не столько за счет особенностей различных групп славян, участвовавших в их образовании, сколько за счет того местного (туземного) субстрата, который славяне застали на землях своего расселения и затем ассимилировали. Это местное население не было одинаковым и делилось не только на балтов и финно-угров, но и на различные этнические подразделения тех и других, что не могло не сказаться на облике слившихся с ними славян. Границы летописных «племен» определяются прежде всего субстратом, на который наслоилось славянское население, теми этническими группами, с которыми встретились славяне. Племенной организации ко времени колонизации не было даже в областях со сплошным славянским населением, там господствовали территориальные образования с незначительными локальными различиями, возникшими в процессе длительного совместного обитания. Поэтому возможностей для возникновения племен в новых областях славянского расселения не было: этнические образования там формировались на территориальной основе.

Археологические открытия последнего времени не оставляют сомнений в том, что славянское завоевание лесной полосы Восточной Европы совпало по времени с проникновением туда же норманнов, известных в русской летописи под именем варягов. Варяги появились там местами даже раньше славян. Так, на Волхове известны варяжские памятники, датирующиеся концом VIII в. В Ладоге варяжско-финское население было задолго до славян, следов которых до начала X в. в этом городе не обнаружено [70, с. 76 и сл.; 71, с. 61 и сл.]

Летопись сообщает, что прибывшие из-за моря варяги взимали дань с чуди, веси, мери, кривичей и славян, а в легенде о призвании варягов говорится, что Рюрик раздавал «мужам своим города» и что варяги в этих городах — «находники» [28, с. 18], т. е. пришельцы, завоеватели. Далее в летописи следует, что варяги подчинили обширную область от Ладоги и Белого озера до бассейна Западной Двины, на востоке включающую верхнее течение Волги, откуда речной путь вел в Каспийское море — в привлекавшие варягов богатые страны Востока.

Еще в 40-х годах IX в. на о-ве Готланд был зарыт в землю большой клад арабских серебряных монет, попавших туда не иначе, как по Волжскому пути. Ко времени между 864 и 884 гг. относятся первые известия о варягах-руси на Каспийском море [72, с. 4, 5]. В Верхнем Поволжье известен ряд курганов с трупосожжениями скандинавского типа. Три могильника с такими курганами известны в окрестностях Ярославля. Кроме норманнских в них есть славянские и финские погребения, причем славянские относятся ко времени не раньше X в., тогда как некоторые норманнские датируются IX в. [73, с. 226 и сл.]

В числе подчиненных варягами в летописи помимо финнов значатся новгородские славяне и кривичи, причем о новгородских говорится, что это люди варяжского рода, прежде бывшие славянами [28, с. 18] Здесь летописцем допущена явная несообразность: как славяне могли стать варягами? Они могли присоединиться к варягам, но и то только в X в., так как до этого славян в Приильменье не было. По всей вероятности, в дошедших до летописца сведениях о нашествии варягов славяне вовсе не упоминались, и они понадобились ему в качестве участников пресловутого «призвания», для чего варяги и стали бывшими славянами. Впрочем, вполне возможно, что под «варягами, прежде бывшими славянами», подразумеваются те южно-балтские славяне — «руги», об участии которых как варягов в возникновении Русского государства настойчиво в течение уже полутораста лет говорят некоторые авторы [74, с. 253—277]. Ввиду этого следует указать, что в археологических памятниках времени формирования Русского государства никаких следов южно-балтийского славянского происхождения не отмечено. Все, что можно отнести за счет южно-балтийского влияния на северо-западе Руси, датируется более поздним временем — XII, особенно XIII вв., да и то с большой долей сомнения в таком именно происхождении этого рода элементов, так как при ближайшем рассмотрении многие из них оказываются распространенными не только в Южной, но и во всей Прибалтике. Что же касается связей с южно-балтийскими славянами, устанавливаемых лингвистами, то они, как обычно в языковых данных, оказываются весьма неопределенными по времени своего возникновения, что лишает их доказательности в решении вопроса об отношениях Северо-Западной Руси с Южной Прибалтикой в интересующее нас время.

В летописи в связи с призванием варягов городов со славянскими названиями, таких, как Новгород, Изборск, Белоозеро, в IX в. не было. Возникновение славянского Новгорода относится к X в. В. Л. Янин и М. Х. Алешковский [75, с. 32 и сл.] сужают тему призвания до размеров Новгорода, будто бы составлявшегося из трех поселков, принадлежавших славянам (Славно), кривичам и мере (Неревский конец). Однако авторы лучше, чем кто-либо, осведомлены, что в настоящее время нет реальных данных о существовании таких поселков, так как следов IX в. в Новгороде вообще пока не найдено. К тому же нет оснований и для предположения на месте Новгорода поселения кривичей, а тем более мерян, основная территория которых находилась вдали от Новгорода — в бассейне верхней Волги. В городище так называемого Труворова Изборска славянские отложения в культурном слое также датируются не раньше X в. [76, с. 65 и сл.] В предшествующее время оно, как Псков и Камно возле Пскова, было заселено финнами, с культурой, не имеющей ничего общего со славянами. Дославянский предшественник Изборска назывался, надо полагать, не славянским именем, а как-то иначе, подобно Ладоге — Альдейгобургу. Точно так же и Белоозеру предшествовало неизвестное название, данное ему дославянским населением. Включение славянских городов в летописный рассказ о призвании варягов может служить лишним доказательством сравнительно позднего его сочинения.

Более вероятным представляется распространение власти варягов на кривичей, в то время (IX в.) еще не славян, а балтов. Название «кривичи», по-видимому, не славянское, а балтское, только в славянской огласовке, перенесенное с балтов на славян. Находки в Старой Ладоге вещей балтского происхождения,

преимущественно женских украшений и керамики, свидетельствуют о связях варягов Приладожья с кривичами.

Встречное движение славян и варягов привело к столкновениям их друг с другом. В одних случаях брали верх славяне, в других — варяги. В летописной легенде о призвании варягов говорится, что славяне изгнали варягов за море, но что те вскоре вернулись по добровольному приглашению славян и других, ранее подвластных варягам народов. Не в связи ли с борьбой славян с варягами находится пожарище, разделяющее слой Ладоги (слой Е) на две части [77, с. 155]? Возможно, оно относится ко времени изгнания варягов. Однако вскоре после истребительного пожара поселение было восстановлено с постройками того же скандинавского типа, какие были в предшествующее время, из чего можно заключить, что в это время (IX в.) смены населения в Ладоге не произошло.

Период борьбы славян с варягами не был продолжительным и завершился объединением тех и других на почве общих целей — подчинения местного населения и обложения его данью и поборами. Немалую роль в процессе объединения славян и варягов сыграло, возможно, соперничество отдельных варяжских дружин между собой. Преимущество оказывалось на стороне тех из них, которые раньше успели усилиться за счет привлечения на свою сторону славянских воинов. Ярчайшим памятником такого объединения является Гнездовский курганный могильник на верхнем Днепре, где славяне и варяги еще в IX в. встретились друг с другом.

Этот исключительный по размерам могильник состоит из нескольких тысяч курганов разной величины. В него входят, во-первых, славянские трупосожжения в урнах, помещенных близ вершины полусферической насыпи; во-вторых, подкурганные балтские (такие, как в длинных курганах) погребения, тоже трупосожжения, покрытые перевернутым вверх дном горшком или с положенным возле останков трупосожжения целым или же разбитым горшком; в-третьих, скандинавские трупосожжения на месте с кальцинированными костями, собранными в урну, помещенную на кострище или на каменной выкладке, а также совершенные в ладье, и не только с отдельными вещами скандинавских типов, но и с наборами металлических принадлежностей мужской, а иногда и женской одежды, свидетельствующими, что вместе с норманнами погребались и жены. Наконец, отдельные, найденные в курганах вещи финских типов указывают, что, вероятно, в могильнике погребались иногда не только славяне, балты и варяги, но и финно-угры [78] Несколько трупоположений, обнаруженных на могильнике, относится к тому же времени, что и сожжения. Большинство погребений датируется X в., но возник могильник еще в IX в.

Представители разных этносов и народов северной части Восточной Европы вместе с норманнами входили в состав того сложного военного образования, сформировавшегося преимущественно из славян и варягов, которое стало известно под именем руси и жило в находившихся возле могильника поселениях, предшествовавших Смоленску, возникшему в конце XI — начале XII в. Подобные могильники были и возле других опорных пунктов славянских и варяжских завоевателей, например близ Ярославля [79]

Гнездовский могильник расположен на берегу Днепра ниже Смоленска на 12 км — в начале днепровской части водного пути «из варяг в греки». Это было главное место сбора воинов и купцов, из которых составлялись отряды, доходившие, как это описано у Константина Багрянородного, до Константинополя [69, с. 272, 273] По пути они пополнялись такими же искателями удачи, в зависимости от обстоятельств то разбойничали, опустошая побережья Черного моря, то торговали привезенными с собой или награбленными по пути товарами. Еще во второй половине IX в. они иногда по маршруту, описанному Ибн-Хордадбехом, через Дон и Волгу переправлялись из Черного моря в Каспийское и там вели того же рода деятельность [80, с. 127 и сл.] Из Гнездова же, вероятно, отправилась русь в набег на Константинополь в 866 г., и уже, наверное, оттуда

двинулась дружина Олега, обманом, под видом купцов, захватившая Киев в 882 г. [28, с. 20]

Русская летопись сообщает о совместном правлении в Киеве братьев Аскольда и Дира, а Масуди знал об одном славянском царе Дире, во владениях которого находились многие страны и обширные города, куда съезжались купцы с различными товарами [31, с. 137] Характеристика «царства Дира», далекого и неизвестного автору, дана с обычным для восточного сочинения преувеличением. На самом деле, видимо, оно соответствовало земле полян. Можно предположить, что у Дира был воевода Аскольд, по значению не уступавший ему настолько, что в предании оба превратились в братьев-соправителей. Такое сочетание наследственного главы и военного предводителя типично для раннеклассовых политических образований.

Были ли отношения между Аскольдом и Диром такими, какими они нам представляются наиболее вероятными, или оба происходили из обосновавшихся в Киеве варягов, действовавших независимо от «династии» Рюрика, захватившего власть на северных рубежах расселения славян, в данном случае несущественно. Важно, что во второй половине IX в. Киев с полянской землей был самостоятельным политическим образованием — княжеством, вероятно, не отличавшимся от других княжеств или земель, известных летописи под названиями, нередко принимаемыми ныне за названия племен. Часть их — по левой стороне Днепра находилась под властью хазар, а другая часть — на правобережье была независимой и управлялась князьями, какие, впрочем, были и у подвластных хазарам земель.

Если даже отклонить как недостоверные или по крайней мере дискуссионные житийные сведения о набегах руси на Амастриду и Сурож до 842 г., все равно в проповедях 869 г и в окружном посланий 867 г. патриарх Фотий называет народ рос как хорошо известный в Византии. Из его послания следует, что вскоре после набега на Константинополь росы приняли христианство, а русская летопись сообщает, что в числе крестившихся был Аскольд. Над его могилой стояла церковь Николы, что косвенно подтверждает это сообщение [28, с. 20; 81, с. 430; ,82].

Еще в 838 г. в византийском посольстве императора Феофила, прибывшем в Ингельгейм к императору Людовику Благочестивому, оказались послы кагана росов, которые не могли вернуться из Константинополя прямым путем, потому что он был перерезан опасными врагами [83, с. 18—20], видимо вторгшимися в это время в степное Поднепровье мадьярами. Каганом народа рос мог быть только глава среднеднепровских славян, принявший этот титул в знак освобождения от хазарского ига и равноправия с главой хазар.

Ибн-Русте, текст которого восходит к IX в., говорит, что русы имеют царя, который зовется хакан-рус (рос) [84, с. 35]. В письме к императору Василию Македонянину, датированном 871 г., король Людовик Немецкий называет четыре народа, правители которых носили титул кагана: авар, хазар, норманнов и болгар [85, с. 238] В данном случае норманнами названа русь, поскольку варяги уже были в Киеве и русь частично была «норманизована». Этот титул впоследствии прилагался к киевским князьям Владимиру Святославичу и Ярославу Мудрому. В Софийском соборе в Киеве сохранились граффити XI в. с поминанием «кагана нашего» [86, с. 49 и сл.] Каганом же именуется в «Слове о полку Игореве» и князь Олег Святославич [87, с. 30]

Возникновение Росского каганата произошло при следующих обстоятельствах: в начале IX в. в Хазарском каганате разразилась междоусобная война между захватившей власть иудейской верхушкой хазарской аристократии и недовольными узурпацией другими представителями хазарской знати. Восставшие привлекли на свою сторону мадьяр из-за Волги, но хазарскому правительству с помощью нанятых гузов удалось подавить восстание. Мадьяры были оттеснены на запад — за Днепр, а вместе с ними ушли и уцелевшие от расправы хазарские мятежники, образовавшие сообщество так называемых кабаров, т. е. мятежников [29, с. 324; 88, с. 145, примеч. 1]

Этими-то событиями и воспользовались среднеднепровские славяне, чтобы освободиться от власти хазар и основать независимое государство во главе с каганом, равноправным с верховным владыкой хазар. Новое государственное образование, естественно, нуждалось в военной силе, способной противостоять хазарам, и охотно привлекало на службу появившихся на среднем Днепре варягов. Этим и объясняется, вероятно, что попавшие в Ингельгейм послы кагана, стремившегося установить связи с Византией, оказались норманнами.

Какие земли входили в состав Росского каганата — неизвестно. Несомненно, в нем были поляне и, возможно, северяне, хотя различие между теми и другими тогда едва ли существовало. Мало вероятно участие в этом политическом образовании древлян и других правобережных славянских княжеств, и без того независимых от хазар. Вне его находились также радимичи и вятичи, так как формирование их как особых объединений относится ко времени не раньше IX—X вв., а их территория не входила в понятие «Русская земля», как она очерчивается по данным русской летописи и других древнерусских источников [89] Находясь за пределами этой земли и не подчиняясь власти киевского князя, вятичи и радимичи признавали над собой власть хазар и, чтобы обеспечить себе относительную безопасность с их стороны, платили каганату дань «с дыма». Следов проникновения в их области руси (славяно-норманнов) не обнаружено, а по летописным данным, их дважды завоевывали киевские князья Олег и Владимир [28, с. 18, 20, 58, 59] Русские (славяно-норманнские) могильники имеются в Киеве, где ряд погребений обнаружен на месте Ярославова города, застроенного в XI в. [90, с. 127 и сл.], и под Черниговом, где сохранился большой Шестовицкий могильник, возникший, как и Киевский, еще в IX в., хотя большинство исследованных в этих могильниках погребений датируется X в. [91; 92, с. 28]

Славянское государство на среднем Днепре не могло получить свое имя от варягов, известных финнам под именем руотси или руси [93, с. 43 и сл.] Оно задолго до появления варягов называлось Росским, потому что его территория была известна под именем Росской, а в дальнейшем Русской земли. Вполне вероятно, название этой земли восходит к ираноязычным роксоланам (росаланам), какие позже по-готски назывались «росоманами» и при появлении гуннов первыми восстали против готов, а затем вошли в состав завладевших страной гунно-болгар [29, с. 289 и сл.]

Упоминание народа «рос» в Восточной Европе имеется у сирийского историка VI в. Захария Ритора [94, с. 42 и сл.]. Вряд ли тогда оно относилось к славянам. Это имя дошло до заселивших Среднее Приднепровье славян вместе с волынцевской культурой, которая вошла в круг славянских культур только в VIII—IX вв. Вполне вероятно, с появлением варягов старое название «Росская земля» превратилось в Русскую землю, что благодаря созвучию этих названий было нетрудно, но не исчезло из памяти народной и дожило до наших дней в слове Россия и производных от него: российский, россиянин. Под именем рос-рус выходцы из этой земли стали известны в Византии и у арабов, вне зависимости от их действительной этнической принадлежности. Были ли они славянами, норманнами, балтами или финнами, они одинаково представляли Росское или Русское государство.

Не входя далее в историографию давнего вопроса о происхождении имени «Русь», последняя сводка материалов и суждений по которому содержится в статье А. Г Кузьмина [95, с. 28 и сл.], я со своей стороны еще раз отмечу, что оно не было названием норманнов, ставших известными славянам под именем варягов (имени тоже неясного происхождения)

Среднеднепровский Росский каганат просуществовал недолго. Подавив смуту в своем государстве, отогнав за Днепр мадьяр, хазары попытались восстановить свою власть над некоторыми отложившимися во время войны народами. Однако среднеднепровским славянам удалось сохранить независимость от хазар. Опасность подстерегала Росский каганат с другой стороны, а именно —

от утвердившихся выше по Днепру варяго-славянских дружин, которые под предводительством Олега сумели захватить Киев и сделать его столицей созданного ими Русского государства. По словам русского летописца, русь в войске Олега состояла из «варягов, славян и прочих» народов [28, с. 20] Ко времени захвата Киева эта разноплеменная русь с норманнской династией во главе успела утвердиться не только в Приладожье и Приильменье, но и на верхней Волге, и на Западной Двине, и на верхнем Днепре. Дружины Олега и Игоря, овладев к тому же и Росским каганатом, объединили большинство восточнославянских земель, а также и подчиненных славянами и варягами областей, занятых балтским и финно-угорским населением. Так они создали обширную «Русскую империю», представляющую собой крупную международную силу, с которой приходилось считаться и Хазарии, и Византии.

Разнородный состав руси получил отражение в неопределенных представлениях о ней у других народов — у арабов и византийцев. Для них русь была одновременно и славянской, и норманнской, и даже каким-то военно-торговым сословием. Арабские авторы писали, что росы-русы не занимались сельским хозяйством, а жили грабежом окружающего населения, обозначаемого безразлично к его этнической принадлежности словом «сакалиба» — славяне. Собираясь отрядами в сто или более человек, русы нападали на славян, забирали у них продовольствие и захватывали их самих в плен, а затем продавали в рабство в Хазеране (Итиле) или Булгаре. По выражению Гардизи, «посев их (русов.— *М. А.*) — грабеж славян». Чтобы обезопасить себя от руси, многие славяне сами поступали на службу к ним, т. е. сами становились русью [96, с. 81, 82] Таковы были отношения руси и других народов Восточной Европы в IX в.

Константин Багрянородный рисует следующий этап в отношениях руси и славян, характерный для X в., когда грабеж заменился регулярной данью. Его деление Руси на Внутреннюю и Внешнюю определяет положение руси как народа в Среднем Поднепровье. Русь, обитавшая здесь, была Внутренней русью, по отношению к которой вся остальная подвластная ей территория была Внешней русью. Зимой русь из Киева отправлялась в «полюдье» — за сбором дани с древлян, дреговичей, кривичей, северян и остальных славян и неславян, проживающих во владениях руси. Русским у этого автора выступает норманнский язык, что вполне объяснимо, так как соответствует данным о захваченной норманнами и их династией власти над Русью [69, с. 273]

Собранная дань шла на содержание князя и его дружины и служила товаром в торговых отношениях с Византией и Востоком. Существенным добавлением к ней оставалась также и единовременная добыча, поскольку князь вел постоянные войны, направленные не только на расширение владений, но и просто для грабежа. В случае необходимости дружина усиливалась за счет ополчения, состоявшего из подвластного населения.

Однако князь с дружиной играл и другую роль, защищая подвластную территорию от врагов и обеспечивая и даже организуя колонизацию новых земель с целью закрепления их под своей властью и, что самое главное, поддерживая местную знать в ее отношениях с общинниками. Это последнее обстоятельство и было важнейшим условием прочности княжеской власти. Варяги смогли удержаться во главе Русского государства, только подчинившись интересам формирующегося господствующего класса, слившись со славянской аристократией. Они вместе со всей русью составили аппарат принуждения, без которого невозможно было существование государства (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т 25. С. 358).

Возникновение «империи Рюриковичей» было завершением процесса распада первобытно-общинных отношений и условием перехода от них к феодальному строю, явившемуся, конечно, не в готовом виде, а выработанному в течение длительного времени в соответствии с внутренними и внешними условиями Русского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Прокопий из Кесарии.* Война с готами / Пер. Кондратьева С. П. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
2. *Жебелев С. А.* Маврикий (Стратег). Известия о славянах VI—VII вв. // Исторический архив. 1939. Т. II.
3. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов / Пер. Скржинской Е. Ч. М.: Изд-во вост. лит., 1960.
4. Менандр Византиец // Византийские историки. СПб., 1860.
5. *Артамонов М. И.* Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.
6. *Кухаренко Ю. В.* Археология Польши. М.: Наука, 1969.
7. *Русанова И. П.* Карта распространения памятников типа Корчак // Древние славяне и их соседи. М.: Наука, 1970.
8. *Баран В. Д.* Деякі підсумки дослідження поселень черняхівського типу у верхів'ях Дністра і Західного Бугу // Слов'яноруські старожитності. Київ: Наук. думка, 1969.
9. *Спицин А. А.* Древности антов // Сборник в честь А. И. Соболевского. Л., 1928.
10. *Рыбаков Б. А.* Древние русы // СА. 1953. Т. XVII.
11. *Fettich N.* Archaeologische Studien zur Geschichte der späthunnischen Metalkunst // AH.1951.T. T. XXI.
12. *Сымонович Э. А.* О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья (по керамическим материалам) // СА. 1966. № 3.
13. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне. М.: Наука, 1965.
14. *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л.: Наука, 1970.
15. *Рутковская Л. М.* Исследование стойбищ скотоводов на левом берегу Орели // АО—1968. М., 1969.
16. *Плетнева С. А.* Работа Северо-Донецкого отряда // АО—1966. М., 1967
17. *Плетнева С. А.* Работа Северо-Донецкого отряда // АО—1967 М., 1968.
18. *Плетнева С. А.* Работа Северо-Донецкого отряда // АО—1970. М., 1971.
19. *Березовец Д. Т* Поселения уличей на р. Тясмине // МИА. 1963. № 108.
20. *Сміленко А. Т.* Осіле населення степового Подніпров'я в ранне Середньовіччя // Археологія. 1969. Вып. XXII.
21. *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга // МИА. 1963. № 108.
22. *Рафалович И. А.* Население Пруто-Днестровского междуречья во второй половине I тысячелетия н. э. // Тези пленарних і секційних доповідей. XV наук. конф. інституту археології, Одеса, 1972.
23. *Barnea I.* L'incendie de la cité de Dinogetia au VI siècle // Dacia. 1966. T. X.
24. *Артамонов М. И.* Славяне и болгары в Поднепровье // Berichte über des II Internationalen Kongress für Slavische Archäologie. B. 1. Berlin, 1970.
25. *Артамонов М. И.* Болгарские культуры северного и западного Причерноморья // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л., 1970.
26. *Артамонов М. И.* Етническата принадлежнаст и историческото значение на пастирската култура // Археология. 1969. № 3.
27. *Шовкопляс А. М.* Археологические раскопки раннеславянских памятников в Киеве // Тези пленарних і секційних доповідей. XV наук. конф. інституту археології. Одесса, 1972.
28. Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
29. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
30. *Labuda N.* Pierwisze państwo slowiańskie. Państwo Samova. Poznań, 1949.
31. *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.
32. *Середонин С. М.* Историческая география. Пг., 1916.
33. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., Наука, 1966.
34. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970.
35. *Корзухина Г Ф.* К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. // СА. 1955. Т. XXII.
36. *Бобринский А. А.* Перещепинский клад // МАР. 1914. № 34.
37. *Маршак Б., И., Скалон К. М.* Перещепинский клад. Л., 1972.
38. Никифора патриарха константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия // Византийский временник. 1950. Т. III.
39. Летопись византийца Феофана // Чт. МОИДР. 1884—1887.
40. *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения. М., Наука, 1980.
41. *Березовец Д. Т.* Харівський скарб // Археологія. 1952. Т. VI.
42. *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. 1961. № 104.
43. *Гончаров В. К.* Лука Райковецкая // МИА. 1963. № 108.
44. *Артамонов М. И.* Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. // КСИИМК. 1955. Вып. 59.
45. *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. 1958. № 62.
46. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967.
47. *Москаленко А. Н.* Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж, 1965.
48. *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // МИА. 1968. № 152.
49. *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

50. *Сымонович Э. А.* Городище Колочин на Гомельщине // МИА. 1963. № 108.
51. *Третьяков П. Н.* Что такое «пастырская культура»? // СА. 1971. № 4.
52. *Русанова И. П.* О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
53. *Русанова И. П.* Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии // Древности Белоруссии. Минск, 1966.
54. *Третьяков П. Н.* Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки // СА. 1969. № 4.
55. *Брайчевская А. Т* Кузница на Пастырском городище // КСИА. 1959. Вып. 9.
56. *Березовецъ Д. Т* Могильники улічів у долині р. Тясмину // Слов'яно-руські старожитності. Київ; Наук. думка, 1969.
57 *Шмидт Е. А.* Поле погребений и курганы у д. Акатово Смоленской области // СА. 1962. № 4.
58. *Шмидт Е. А.* Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э. // МИА. 1963. № 108.
59. *Соловьева Г Ф.* Славянские курганы близ с. Демьянки // СА. 1967. № 1.
60. *Артишевская Л. В.* Могильник раннеславянского времени на р. Десне // МИА. 1963. № 108.
61. *Минасян Р. С.* Работы в окрестностях пос. Усвяты // АО—1971. М., 1972.
62. *Чернягин Н. Н.* Длинные курганы и сопки // МИА. 1941. № 6.
63. *Седов В. В.* Новгородские сопки // САИ. 1970. Вып. Е1-8.
64. *Булычев Н. И.* Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.
65. *Седов В. В.* К вопросу о классификации смоленских курганов // КСИА. 1960. Вып. 81.
66. *Тухтина Н. В.* Об этнической принадлежности погребенных в сопках волоховского типа // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
67. *Булкин В. А., Назаренко В. А., Носов Е. Н.* О работах Староладожского отряда // АО—1971. М., 1972.
68. *Алешковский М. Х.* Структура отчин трех Ярославичей // Тез. докл. науч. сессии Гос. Эрмитажа: Л., 1967.
69. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982.
70. *Корзухина Г Ф.* О времени появления укрепленного поселения в Ладоге // СА. 1961. № 3.
71. *Корзухина Г Ф.* К уточнению датировки древнейших слоев Ладоги // Тез. докл. третьей науч. конф. по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. Тарту, 1966.
72. *Dorn B.* Caspia // Memoires de l'Akademie de Sciences. 1875. VII Ser. T. XXIII. № 1.
73. *Клейн Л. С., Лебедев Г С., Назаренко В. А.* Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970.
74. *Вилинбахов В. Б.* Балтийские славяне и Русь // Slavia Occidentalis. T. 22. Poznan, 1962.
75. *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2.
76. *Гроздилов Г П.* Археологические памятники Старого Изборска // АСГЭ. 1965. Вып. 7.
77. *Гроздилов Г П.* Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. // СА. 1950. Т. XIV.
78. *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии // МАР. 1902. № 28.
79. Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: Сов. Россия, 1963.
80. *Булгаков П. Г* «Книга путей и государств» Ибн-Хордадбеха // Палестинский сборник. 1958. Вып. 3 (66).
81. *Ловягин Е.* Две беседы святейшего патриарха Константинопольского Фотия по случаю нашествия россов на Константинополь // Христианское чтение. 1882. Ч. 2.
82. *Лопарев Х. Л.* Старое свидетельство о положении ризы богородицы применительно к нашествию русских на Византию в 860 г. // Византийский временник. 1895. Т II. Вып. 4.
83. «Annales Bertiniani» // Scriptores rerum Germanicarum. Hannoverae, 1883.
84. *Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Ибн-Даста. СПб., 1869.
85. *Da Costa-Luillet.* Ient-il des invasions russes dans l'Empire Byzantion avan 860? // Byzantion. 1940—1941. XV
86. *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Вып. 1. Киев: Изд-во АН УССР, 1966.
87. Слово о полку Игореве / Под ред. Адриановой-Перетц В. П., М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
88. *Vanbéry H.* Ursprung der Magyaren. Lpz, 1882.
89. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
90. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
91. *Бліфельд Д. І.* Дослідження в с. Шестовіцях // АП. 1952. Т. III.
92. *Станкевич Я. В.* Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 г. // КСИА. 1962. Вып. 87.
93. *Ловмяньский Г* Руссы и руги // ВИ. 1971. № 9.
94. *Пигулевская Н. В.* Имя «рус» в сирийском источнике VI в. н. э. // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
95. *Кузьмин А. Г* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ. 1970. № 10.
96. *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М.: Наука, 1967.

Хроника

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЕМИНАР, ПОСВЯЩЕННЫЙ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА ИЛЛАРИОНОВИЧА АРТАМОНОВА

(Ленинград, 1988)

С 12 по 15 декабря 1988 г. Государственный Эрмитаж, кафедра археологии ЛГУ, Ленинградское отделение Института археологии АН СССР проводили Всесоюзный семинар, посвященный памяти замечательного советского ученого, одного из основоположников советской археологии, блестящего организатора науки и музейного дела, выдающегося педагога, профессора Михаила Илларионовича Артамонова (1898—1972 гг.).

В работе семинара приняли участие археологи и историки 19 научно-исследовательских учреждений, высших учебных заведений и музеев 15 городов СССР и ВНР: Ленинграда, Москвы, Киева, Каменец-Подольска, Донецка, Симферополя, Херсона, Харькова, Ростова-на-Дону, Краснодара, Цхинвали, Кемерова и Будапешта.

Семинар открыл директор Эрмитажа акад. Б. Б. Пиотровский, отметивший наиболее актуальные проблемы скифской, славянской, хазарской археологии и истории и большую роль в их изучении М. И. Артамонова.

Тематика 32 докладов, зачитанных на семинаре, была весьма широка, что соответствует энциклопедическому характеру научной деятельности М. И. Артамонова.

Первое заседание было посвящено вопросам теории и методологии в трудах М. И. Артамонова.

А. Д. Столяр (ЛГУ) выступил с докладом «„Феномен человека" (по В. И. Вернадскому — Тейяру де Шардену) в археологической перспективе плейстоцена». Напоминая о еще бытующей недооценке решающей роли духовного фактора социоантропогенеза, он подчеркнул актуальность задачи «раскрытия интеллектуальной основы человеческого феномена во всей его генетической динамике в качестве прямого условия существования ноосферы». По его представлению, доклад является самой начальной попыткой археологического «чтения» реалий антропогенеза под углом зрения материализованного в них движения мысли. И далее, выделяя возникающие надбиологические элементы в панораме плейстоцена, он наметил и охарактеризовал первые, последовательно возникавшие ступени становления человеческого типа мышления.

Основная мысль доклада Л. С. Клейна (Ленинград) «Этнос и археологическая культура»: этнос определяется общественным сознанием. Основанием такого взгляда на проблему служит психологическая концепция этноса. Своеобразие, «самобытность» отдельных археологических культур определяется комбинацией некоторых явлений в материальных остатках человеческой деятельности (разных сфер человеческой деятельности), регулярностями связей. Набор признаков такой общности определяется обстоятельствами места и времени, т. е. не единообразен. Таким образом, имеется две схемы, и нужно разрабатывать не общую схему, а методы продвижения от конкретных археологических культур к конкретным этносам. И совпадение обеих схем вовсе не обязательно.

По мнению Г. Н. Бестужева, положение «этнос определяется общественным сознанием» чрезмерно общо. Деятельность человека, коллектива в известной мере нормативна, и это находит отражение в типологии социокультурных явлений. Огромную роль в стереотипизации поведения, практической деятельности индивидов и коллективов людей играют институты. Таким образом, существует объективная связь между социумом и культурой. Археология изучает культуру: «археологическая» — определяющее, культура — определяемое. Но, как известно, археологическая культура — это мертвая культура, и задача состоит в том, чтобы реконструировать ее. В артефактах запечатлен смысл человеческой деятельности. Бессознательно или осознанно мы попытаемся понять культурный фактор, роль, которую играли разные вещи в жизни людей. Здесь есть выход на нормы жизнедеятельности древних обществ, т. е. выход на проблему реконструкции древних этносов.

Доклад Г. С. Лебедева (ЛГУ) «Категории нового мышления в археологии» был посвящен дальнейшему развитию представлений М. И. Артамонова об археологической культуре как системе археологических признаков, отличающихся от других систем в пределах одной эпохи и одной территории.

В. А. Алекшин (ЛОИА) в докладе «Археология и проблема происхождения индоевропейцев» высказал аргументированное сомнение относительно попыток локализации индоевропейцев в ареалах земледельческих культур юго-западной Азии и на Балканах. По его мнению, только одна раннеземледельческая культура V—IV тыс. до н. э.— культура линейно-ленточной керамики Центральной Европы — практически не дает изображений женских божеств, которые, по данным

© Г. И. Смирнова, В. С. Флеров, 1990 г.

лингвистики, неизвестны древним индоевропейцам. Именно в этой культурной среде, считает докладчик, следует помещать индоевропейцев. Сфера исследований археологии в индоевропеистике заключается в детальном изучении генезиса и смены археологических культур в Европе, начиная от неолита вплоть до фиксации в письменных источниках отдельных индоевропейских народов. Г Н. Бестужев согласен с В. А. Алекшиным в том, что нам пока неизвестна связь между древними языками, этносами и культурами (археологическими), что проблема происхождения индоевропейцев в археологии больше связана с реконструкцией их материальной и духовной культуры, чем с вопросами лингвистики. Археолог изучает язык материальной деятельности, что неразрывно связано и с духовной культурой. При отсутствии прямых данных о языке (письменности) вопросы лингвистики неприемлемы в археологических разработках. Есть другой путь — читать «язык» вещей.

Следующие четыре заседания в основном были связаны с киммеро-скифской проблематикой. К сожалению, из-за перегруженности программы не все доклады удалось обсудить.

В. С. Бочкарев (ЛОИА) в докладе «К вопросу о ранней стадии использования железа в Северном Причерноморье» представил сводку древнейших (из датированных) железных и биметаллических изделий с территории Северного Причерноморья, сопоставив их с материалами древнейшей металлургии железа Восточного Средиземноморья, Карпато-Балкан, Средней Европы и Кавказа. В итоге делается вывод о том, что индустриальное применение железа в Восточной Европе ранее всего началось в Северном Причерноморье, тесно связанном с Балканами и Подунавьем. Ранние железные изделия датируются в рамках существования белозерской культуры, т. е. XII—X вв. до н. э. Доклад был высоко оценен аудиторией, ему сопутствовал оживленный обмен мнениями. Обсуждая затронутые в нем проблемы древней металлургии железа, Б. Б. Пиотровский, В. И. Козенкова, Б. В. Техов, Р. С. Минасян, И. Н. Медведская, Г И. Смирнова касались в первую очередь вопросов времени появления индустрии железа в Европе, на Кавказе и Древнем Востоке. Б. А. Шрамко остановился на причинах «внезапного» появления железа на белозерском этапе, соглашаясь с В. С. Бочкаревым относительно экономического характера причин (железо дешевле бронзы) и дополнив его.

Доклад В. В. Отрощенко (Институт археологии АН УССР) «Топография памятников киммерийской культуры», в котором с привлечением новых материалов дана всесторонняя характеристика черногоровских погребальных памятников сравнительно с белозерскими, вызвал много вопросов. Вытекающее из доклада генетическое противопоставление белозерской и черногоровской культур было встречено с большим интересом. Правда, учитывая прежнюю точку зрения В. В. Отрощенко о существовании значительной связи между этими культурами, этот вывод, фундированный докладчиком довольно надежно, явился для многих несколько неожиданным, требующим глубокого осмысления сложившихся представлений по киммерийской проблеме.

В докладе Э. С. Шарафутдиновой (ЛОИА) «К вопросу о местных традициях эпохи поздней бронзы и характере социальной градации в протомеотском погребальном обряде» со всей полнотой привлечены для сопоставления особенности погребального обряда Никольского, Кубанского, Псекупского и ряда других могильников протомеотов. Фиксируя сосуществование в них двух погребальных традиций (более древние — скорченные и вытянутые) при господстве одинаковой южной ориентировки и коррелируя положение умерших с инвентарем, докладчик приходит к заключению о преобладании среди вытянутых погребений мужчин (конные и пешие воины, невоинские погребения), а среди скорченных — женщин. Корни обряду погребения в скорченной позе и отдельным категориям инвентаря докладчик находит в местной культуре финальной бронзы.

Большой интерес и оживленные прения вызвал доклад О. Р. Дубовской (Донецкий областной краеведческий музей) «Об этнокультурной атрибуции „новочеркасских" погребений Северного Причерноморья». Впервые отделив от внестепных памятников — собственно новочеркасских по наличию узды типа Новочеркасского клада — степные «новочеркасские» погребения и всесторонне сопоставив последние с черногоровскими, с одной стороны, и раннескифскими круга Темир-горы — Н. Серогозы — с другой, О. Р Дубовская пришла к выводу о том, что степная «новочеркасская» группа продолжает генетическую линию развития черногоровской культуры. Интерпретируя эту степную группу как позднечерногоровскую, она полагает, что к ней генетически восходят раннескифские памятники вышеназванного круга, локализованные вокруг Азовского моря. По докладу выступили А. Ю. Алексеев, В. В. Отрощенко, В. П. Белозер, В. А. Подобед, В. И. Козенкова, Г И. Смирнова, Н. А. Боковенко, Ю. Ю. Пиотровский, единодушно отмечавшие важность поднятой в докладе темы. Одни из них (А. Ю. Алексеев, В. А. Подобед, В. А. Козенкова) выделение степных «новочеркасских» погребений считают корректным и убедительным, другие (В. В. Отрощенко, Г. И. Смирнова) пока сомневаются в правомерности такого деления. При этом В. П. Белозер возражал против исключения кладов из рассмотрения, приводящего к обеднению круга источников. У А. Ю. Алексеева и Г И. Смирновой вызвал сомнение по системе доказательств вывод о преемственности позднечерногоровских (степных «новочеркасских») погребений с раннескифскими. Н. А. Боковенко, наоборот, поддержал мнение о связи памятников «новочеркасского» типа с раннескифскими.

Л. С. Марсадолов (Гос. Эрмитаж) в докладе «Курган Аржан. Хронология, алтайские и европейские аналогии» подробно остановился на абсолютной хронологии кургана Аржан, которая в настоящее время базируется на данных перекрестного археологического датирования многих археологических предметов, корректируемого радиоуглеродными и дендрохронологическими определениями. Наиболее вероятной датой сооружения кургана автор считает вторую-третью четверть VIII в. до н. э. Докладчик особо остановился на европейских параллелях костяным псалиям из Аржана и Горного Алтая VIII—VII вв. до н. э.

Суть интересного доклада Д. С. Раевского (Москва, Ин-т востоковедения) «Киммерийцы и скифы у Геродота: этноисторическая реальность или умозрительный конструкт» трудно изложить в несколько строк. Остановившись на рассказе Геродота (IV, 11—12) о появлении скифов в Северном Причерноморье и вытеснении отсюда киммерийцев, докладчик предостерегает исследователей от прямолинейности в археологической идентификации событийной канвы этого рассказа. При оценке этноисторической информативности сведений Геродота необходимо учитывать, что в скифо-киммерийском конфликте один из участников (киммерийцы) для «отца истории» в значительной мере легендарен, а другого он хорошо знает по современной ему реальности. Кроме того, за период, отделяющий время формирования этого предания от эпохи Геродота, могло трансформироваться содержание этнонима «скифы». Соответственно иначе, чем принято считать, выглядят и археологические следы описанных Геродотом событий.

В докладе Б. Н. Мозолевского (Ин-т археологии АН УССР) «Гипотеза М. И. Артамонова о киммерийской принадлежности курганов Кубани в свете новейших данных» в основном рассматривались вопросы этносословной структуры населения Скифии. Но из-за отсутствия тезисов сложно резюмировать содержание этого большого и интересного по своим положениям доклада.

Интересные и очень важные вопросы были подняты И. Н. Медведской (ЛОИВ) в докладе «Периодизация скифской архаики и Древний Восток». Работа по удревнению раннескифской культуры (РСК), начатая В. Г. Петренко, Л. К. Галаниной, С. В. Полиным и получившая продолжение в недавно вышедшем труде Г. Коссака, поставила исследователей перед фактом существования РСК в пределах всего VII в. до н. э. Рассматривая предложенное Г. Коссаком деление РСК на три этапа (первый начинается около рубежа VIII—VII вв. до н. э. или чуть раньше; второй, или раннекелермесский, оканчивается около середины VII в. до н. э.; третий, иначе позднекелермесский, помещен во вторую половину VII в. до н. э.), И. Н. Медведская на широком фоне комплексного анализа памятников скифской архаики Среднего Поднепровья пришла к заключению о том, что периодизация Г. Коссака не является окончательной и может быть уточнена. По ее мнению, предложенная хронология подтверждается археологическими и письменными материалами Древнего Востока и корректируется по этой линии связей. Культура номадов в Северно-Западном Иране (скифы) и в Восточной Анатолии, на территории Урарту (киммерийцы), известная по находкам в Норшунтепе, Имирлере и др. и соответствующая второму этапу РСК, в равной степени принадлежала киммерийцам и скифам. Элементы РСК обнаружены также в Кармир-Блуре, поздняя дата существования которого, до начала VI в. до н. э., ныне подвергается сомнению. Появление киммеро-скифской культуры на Древнем Востоке уже в 70-е годы предполагает сложение второго этапа на Кубани и в Приднепровье не позднее 80-х годов VII в. до н. э., а даты (722—715 гг.) первого упоминания киммерийцев на Древнем Востоке приводят докладчика к заключению о возможности появления первого этапа их культуры в Евразии уже во второй половине VIII в. до н. э.

Выступавшие по докладу И. Н. Медведской А. Ю. Алексеев, Л. К. Галанина, Г. И. Смирнова, В. А. Подобед, В. И. Козенкова высоко оценили проделанную ею работу по корректировке периодизации РСК, высказав лишь отдельные несогласия либо дав уточнения по датам тех или иных комплексов скифской архаики. Б. Б. Пиотровский, сославшись на исторические факты и имена царей, зафиксированные письменными источниками и надписями на вещах, не считает возможным удревнять дату падения Кармир-Блура ниже 600 г. до н. э.

Б. В. Техов (Цхинвали, Юго-Осетинский НИИ) в докладе «Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. (по материалам Тли)» на комплексных находках Тлийского могильника представил развернутую картину активных контактов аборигенов Центрального Кавказа со скифами, занимавшими предгорья Северного Кавказа. Связи со скифами в VII—VI вв. до н. э. фиксируются богатым набором скифского оружия и конской узды, а также орнаментальными деталями, характерными для скифского искусства.

Учитывая все имеющиеся данные по погребальному обряду Келермесского комплекса (раскопки Н. И. Веселовского и Д. Г. Шульца, а также новые раскопки Келермесской экспедиции Эрмитажа), Л. К. Галанина в докладе «Погребальный обряд Келермесских комплексов раннескифского времени» выделяет в Келермесе четыре группы памятников середины VII — начала VI в. до н. э. По мнению докладчика, эти группы отражают этническую неоднородность местного общества. По типам могильных сооружений и особенностям погребального обряда две из них (грунтовый могильник с 42 могилами и впускное погребение в насыпи кургана 19) связываются с аборигенным меотским населением, третья (большие курганы над грандиозными квадратными ямами с деревянными перекрытиями на столбах) — с пришлым, скорее всего скифским этническим элементом.

Ряд докладов был посвящен спорным вопросам развития культур лесостепной Скифии и их культурно-этнической интерпретации в свете фактов активного воздействия пришлой скифской культуры на местную, к изучению которых М. И. Артамонов неоднократно обращался. Основным стержнем доклада Б. А. Шрамко «Основные черты и особенности лесостепной культуры скифской эпохи (VII—III вв. до н. э.)» является мысль о существенном отличии культуры лесостепных племен Восточной Европы от культуры населения степей, где жили скифы. Не считая элементы скифской «триады» этническим показателем, Б. А. Шрамко отрицательно относится к скифизации лесостепной культуры в результате покорения местного населения скифами.

В противоположность Б. А. Шрамко, Г. И. Смирнова в докладе «Время и обстоятельства проникновения скифской культуры на Средней Днестр» признает присутствие скифов на западных рубежах лесостепной Скифии, привлекая для доказательства не только вещи скифской «триады», а и в первую очередь обряд погребения, отличный от местного — голиградского и черно-лесского — и характеризующийся курганами с деревянными четырехугольными камерами на столбовом каркасе. В свете обоснованного понижения возраста скифских наконечников стрел вместе

с другими категориями инвентаря (С. В. Полин и Г Коссак, 1987 г.) и в соответствии с датированными по западным параллелям предметами время появления скифских памятников на Среднем Днестре (курганы у сел Ленковцы и Круглик, следом за ними Долинянский и Перебыковский могильники) переносится ею с рубежа VII—VI вв. до н. э.— VI в. до н. э. на середину VII — вторую половину VII в. до н. э.

О глубоком и всеобъемлющем процессе скифизации Днепровского лесостепного Правобережья говорил С. А. Скорый в докладе «Курган Перепятиха». На основании всестороннего изучения отчетной документации и вещевого комплекса этого грандиозного памятника, раскопанного еще в 1845 г., он видит в Перепятихе усыпальницу одного из могущественных скифских вождей эпохи архаики (новая дата — конец VII в. до н. э.), сопровождаемого представителями двух этнических групп — скифов-иранцев и местного населения.

Доклад Я. В. Доманского и К. К. Марченко (Гос. Эрмитаж, ЛОИА) «Из истории региона Южного Побужья в архаическую эпоху» был посвящен проблемам ранней античной истории Ольвии, Березани и всей ольвийской округи; рассматриваются спорные вопросы возникновения городов и поселений, формирование ольвийского полиса, его взаимоотношений со Скифией в VI—V вв. до н. э.

В нескольких докладах разбирались отдельные категории скифского материального комплекса или отдельно взятые предметы, что немаловажно для выяснения вопросов их происхождения и источников формирования скифской культуры в целом.

С. В. Махортых (Ин-т археологии АН УССР) в докладе «О мечах и кинжалах скифского типа с антенным навершием» детально остановился на одной из разновидностей наступательного оружия, удревненного им по северокавказским комплексным находкам до второй половины — конца VII в. до н. э. Приведенные параллели в предскифских кобанских могильниках горного Кавказа позволили докладчику небезосновательно высказаться за появление этого оружия независимо от гальштатских центров.

В. П. Белозер (Ин-т археологии АН УССР) в докладе «О территории распространения скифской монументальной традиции» дал исчерпывающее представление о территории распространения, типологии и хронологии «степной» группы скифских каменных изваяний, которые могут служить надежным индикатором собственно скифского элемента в конгломерате племен, входивших в состав Большой Скифии.

Авторы доклада «Куль-обский олень» Е. Ф. Чежина и А. Ю. Алексеев (Эрмитаж) пересматривают точку зрения М. И. Артамонова на возраст и подражательный характер боспорской пластины (IV в. до н. э. с намеренной архаизацией образа). Набор композиционных, иконографических и стилистических особенностей позволяет докладчикам отнести время изготовления оленя к первой половине V в. до н. э., отказавшись от версии поздней стилизации этого изображения, Н. Л. Грач, выступая по докладу, дала ему высокую оценку, однако для определения возраста пластины-оленя призвала к необходимости всестороннего анализа каждого изображения, помещенного на олене. Б. В. Переводчикову приведенные докладчиками доказательства не убедили, она считает, что в свое время М. И. Артамонов был прав в своих выводах.

Два заседания семинара, на которых прозвучало 11 докладов, посвящались средневековой археологии.

С. А. Плетнёва (ИА АН СССР) в докладе «Стратиграфические исследования Плиски (Болгария)» изложила основные итоги раскопок в древней столице Болгарии в 1977—1980 гг. Работы разворачивались во внутреннем городе, у его южной стены. Создана четкая стратиграфическая колонка участка с хорошо выделяющимся слоем периода белокаменного строительства. Стратиграфия соотнесена с многочисленными находками керамики, благодаря чему получены «керамические профили» по образцу саркело-тмутараканских. Такая керамическая колонка VIII—XI вв. создана для Плиски впервые. Поистине сенсационным стало открытие «фундамента» древнейшей оборонительной стены внутреннего города, проходившей в 40 м от известной более поздней. Вновь открытая стена относится к VIII в.— времени строительства первого дворца Плиски. Стена состояла из двух белокаменных панцирей с глиняным «ядром» на деревянном каркасе. Стратиграфические наблюдения и открытие самой ранней оборонительной стены позволяют по-новому взглянуть на формирование первого крупного центра Придунайской Болгарии.

Тему праболгарской фортификации продолжил В. С. Флёров (ИА АН СССР) докладом «Работы Советско-Болгарской экспедиции на Правобережном Цимлянском городище в 1987—1988 гг.». Неординарность городища была определена еще в конце 20-х годов М. И. Артамоновым. Исследовался южный угол городища, где впервые за всю историю раскопок открыт большой комплекс остатков оборонительных сооружений: 15-метровый участок основания крепостной стены шириной 4 м и башни размерами 8,5×9,5 м. При определенном сходстве с фортификацией Плиски на Правобережном городище, по мнению Флёрова, представлена иная ветвь развития крепостной архитектуры.

На городище открыта и серия котлованов округлых жилищ, которые по ряду признаков напоминают юрты. В большинстве жилищ по центру открытые круглые очаги. Часть жилищ относится ко времени основания крепости, т. е. к VIII в.

С белокаменным крепостным строительством связан и доклад И. Л. Кызласова (ИА АН СССР) «Надписи Маяцкого городища и проблема восточно-европейской рунической письменности». Таковых уже 18. Особенности начертания знаков говорят, что в основе маяцких граффити — письмо по мягкому писчему материалу, с направлением справа налево. Алфавит из 33 знаков-рук, представленный помимо Маяцкого городища на новочеркасских баклажках и черепе быка из кургана Кермен-Толга, автор предлагает называть «донским». Многочисленность

надписей на Маяцком городище приводит автора к мысли о широкой грамотности его населения.

Следующие три доклада посвящены погребениям. Этот цикл начался докладом З. А. Львовой (Гос. Эрмитаж) «К вопросу об интерпретации Перещепинского клада». Полностью поддерживая версию И. Вернера о толковании «клада» в качестве остатков погребения болгарского хана Куврата, Львова расширяет круг аргументов в ее пользу. Так, квадратные золотые пластинки со сквозными отверстиями по углам она рассматривает в качестве деталей погребального сооружения, ссылаясь при этом на серебряные с позолотой квадратные пластины из богатого аварского погребения Кунбабони. Аналогии пластинам именно в аварском погребении говорят, по мнению Львовой, о возможности рассматривать Перещепинский комплекс как захоронение, сохраняющее аварские традиции бывшего подданного авар Куврата. Наблюдения Львовой, безусловно, заслуживают внимания и изучения, но, к сожалению, не решают проблему персональной принадлежности перещепинских сокровищ.

А. И. Айбабин (Симферополь) на основе предметов из Киевского музея исторических драгоценных вещей осветил «Келегейское погребение хазарского военного вождя», происходящее из Херсонской обл. Погребение, по монете, относится к 641—668 гг. На основе анализа деталей конской сбруи, доспехов и оружия, деталей поясных наборов, украшений автор полностью подтверждает правильность прежнего вывода М. И. Артамонова о принадлежности келегейской находки к «перещепинской культуре».

В докладе «Курганы хазарского времени в окрестностях Саркела (о критериях хазарской атрибуции погребальных памятников)» А. И. Семенов (Гос. Эрмитаж) подверг критике все ранее существовавшие попытки выделения погребений этнических хазар (Л. Н. Гумилева, М. Е. Магомедова и др.). В противоположность им А. И. Семенов поддерживает неоднократно высказывавшуюся в последние годы многими археологами точку зрения об отнесении к хазарам серии нижнедонских погребений в курганах с ровиками. Большинство из них открыто в ходе спасательных раскопок на новостройках. К ним же автор относит и погребения у ст. Романовской. К сожалению, в увлечении критическими замечаниями в адрес иных точек зрения автор недооценивает возможность существования различных форм хазарских погребений, а не только в хорошо известных курганах с ровиками с определенным небольшим набором вещей.

С некоторыми новыми мыслями по аварской проблематике поделился с участниками семинара Л. Н. Гумилев (ЛГУ) в небольшом докладе «К вопросу о термине „авары"», где рассмотрел не только проблему, вынесенную в заголовок, но и вопрос о прародине авар.

С докладом «Русский аналог к рассказу Кембриджского анонима о походе Хельгу на Самкрай» выступил А. В. Гадло (ЛГУ), нашедший рефрен указанному рассказу в русском летописании XVI в. Автор провел блестящий сравнительный анализ обоих источников.

Тематика раннесредневековых кочевников была завершена докладом известного венгерского ученого, бывшего аспиранта М. И. Артамонова, И. Эрдели (Институт археологии, Будапешт) — «К вопросу о печенегах на территории Венгрии». Эрдели был единственным иностранным участником семинара, что совершенно не отражает зарубежные контакты М. И. Артамонова. В докладе приведены данные письменных источников о печенежско-древневенгерских контактах до прихода венгров в бассейн Дуная. Охарактеризованы проблематика печенежских топонимов и нынешнее положение с исследованностью печенежских памятников на территории Венгрии. В заключение Эрдели сформулировал будущие задачи печенежской археологии в Венгрии.

Два последних доклада на семинаре были посвящены славяно-русской тематике. Первый — «Спорные вопросы расселения славян в области Верхнего Поднепровья и Подвинья» сделал В. А. Булкин (ЛГУ). Автор указал, что попытки выделить посредствующее звено между культурой смоленско-полоцких длинных курганов (КСПДК) и древнерусской курганной культурой остаются безуспешными. Определеннее связь КСПДК с тушемлинскими памятниками IV—VIII вв. Далее автор указал на определенную обособленность зоны вокруг Полоцка, где отсутствует КСПДК. Обособленность этих мест отмечена в середине IX в. распределением кладов восточного серебра. Укрытие этих сокровищ автор связывает с событиями 859 г.— взиманием варягами дани с чуди, словен, мери и «со всех кривичей». Затронут вопрос о полочанах как дунайской славянской группе, соседствовавшей с кривичами. В заключение автор указал, что историко-археологическая ситуация в верхних Поднепровье и Подвинье не согласуется с современной концепцией бескровного славянского расселения. По его мнению, прав был М. И. Артамонов, который видел в расселении славян не мирное просачивание, а завоевание, внедрение в среду инородного населения славянских групп.

Эпизоду из русской истории посвящался доклад И. В. Дубова (ЛГУ) «„Лют зверь" и легенда об основании города Ярославля». Автор анализирует возможные трактовки мифического «лют зверя» из «Сказания о построении града Ярославля». Отмечая, что под ним мог подразумеваться распространенный в местных культах медведь, И. В. Дубов не отрицает возможности видеть в нём и других животных: вепря, рысь, кабана. Отождествление же «лютого зверя» исключительно с медведем сформировалось только в XVIII веке. Сам же Ярослав, основатель города, вступил скорее всего в схватку с рысью.

Доклады по средневековой тематике не вызвали дискуссий или длительных обсуждений. Это объясняется многообразием тем, не имевших объединяющего начала.

Всесоюзный семинар, посвященый 90-летию М. И. Артамонова, стал заметным событием в отечественной археологии. На его заседаниях был отражен широкий круг интересов одного из последних русских археологов-энциклопедистов. Семинар с полным основанием воспринят его участниками как Первые Артамоновские чтения. Хочется надеяться, что они станут традиционными.

Работу семинара завершил вечер памяти М. И. Артамонова. Собравшиеся — участники семи-

нара, ученики и коллеги по работе в ЛГУ, Эрмитаже и в руководимых им экспедициях — с искренней признательностью говорили о М. И. Артамонове как о выдающемся ученом, честном и смелом в науке и жизни человеке.

Г. И. Смирнова, В. С. Флёров

СОВЕЩАНИЕ ПО НЕКОТОРЫМ ИТОГАМ И ПЕРСПЕКТИВАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СТРАНЕ (Москва, 1989)

В апреле 1989 г. Институту археологии АН СССР исполнилось 70 лет. Этому событию была посвящена юбилейная конференция «Археология и социальный прогресс», которая проходила в Москве с 24 по 27 апреля 1989 г. Юбилей располагает к тому, чтобы оглянуться на пройденный путь, осмыслить и оценить его с разных позиций. Данная конференция стала поводом, чтобы оценить роль археологии в осмыслении исторического процесса, а также роль Института археологии в развитии советской археологической науки.

С учетом этого фактора конференция была проведена не совсем традиционно. Доклады по наиболее актуальным проблемам археологической науки были заказаны Оргкомитетом ведущим ученым страны и заслушаны только на пленарных заседаниях. Основная часть докладов была посвящена итогам и перспективам развития археологии в отдельных республиках и регионах, а также исследованию крупных и актуальных проблем различных этапов истории общества.

В задачу данной публикации не входит информация о докладах, прочитанных на конференции: они опубликованы в двух выпусках сборника «Материалы конференции „Археология и социальных прогресс“» (М., 1990). Среди них доклады: директора ИА АН СССР акад. В. П. Алексеева «Некоторые аспекты палеоэкологических исследований», почетного директора ИА АН СССР акад. Б. А. Рыбакова «Предыстория Киевской Руси», д-ра ист. наук Д. Б. Шелова «70 лет Институту археологии АН СССР» и др.

Заметным явлением была организация в рамках юбилейной конференции 26 апреля 1989 г. специального совещания для обмена мнениями по наиболее актуальным вопросам археологической науки. Совещание было организовано по инициативе директора Института археологии АН СССР акад. В. П. Алексеева. Его своевременность совершенно очевидна. Широкий размах археологических исследований в стране в последние годы, особенно связанный с работами на новостройках, появление многих археологических центров и исследовательских лабораторий, насущная необходимость решения крупных и узловых проблем археологической науки в масштабах больших регионов и всей страны в целом требуют объединения усилий не только отдельных коллективов и учреждений, но и координации действий всех археологических центров.

В работе совещания приняли участие 32 представителя от 25 академических и вузовских организаций: Института археологии АН СССР (директор — акад. В. П. Алексеев, зам. директора — канд. ист. наук Т. М. Потемкина, ученый секретарь — канд. ист. наук К. А. Смирнов), Ленинградского отделения ИА АН СССР (зав. отделом — д-р ист. наук А. Н. Кирпичников), Института археологии АН УССР (директор — чл.-кор. АН УССР П. П. Толочко), Института истории АН БССР (руководитель Объединения отделов археологии — д-р ист. наук Л. Д. Поболь), Института истории АН ЛатвССР (зав. отделом археологии — д-р ист. наук. Э. С. Мугуревич), Института истории, археологии, этнографии АН ГССР (директор Центра археологических исследований — д-р ист. наук О. Д. Лордкипанидзе), Института истории АН АзССР (зав. отделом — д-р ист. наук Г. М. Ахмеров, зав. отделом — д-р ист. наук И. Б. Нариманов, канд. ист. наук А. Б. Нуриев), Института археологии АН УзССР (директор — д-р ист. наук Р. Х. Сулейменов), Института истории, археологии, этнографии АН ТаджССР (зав. отделом акад. АН ТаджССР Н. Н. Негматов), Института истории АН ТССР (зав. отделом — д-р ист. наук Е. А. Атагаррыев), Уральского отделения АН СССР (Институт истории и археологии, г. Свердловск,— канд. ист. наук В. Д. Викторова); Удмурдского института истории, языка, литературы, г. Ижевск (зав. сектором — канд. ист. наук М. Г. Иванова, ученый секретарь — канд. ист. наук Л. А. Наговицын); Башкирского научного центра, г. Уфа (зав. отделом — кэнд. ист. наук А. Х. Пшеничнюк), Кабардино-Балкарского НИИ (зав. сектором — канд. ист. наук И. М. Чеченов); университетов: Воронежского (зав. кафедрой — проф. А. Д. Пряхин), Волгоградского (декан истфака — канд. ист. наук Б. Ф. Железчиков; зав. кафедрой — канд. ист. наук А. С. Скрипкин), Ростова-на-Дону (канд. ист. наук В. Я. Киняшко, ст. науч. сотр. Л. М. Казакова), Краснодарского (проф. Н. В. Анфимов), Башкирского (д-р ист. наук Н. А. Мажитов, канд. ист. наук М. Ф. Обыденнов), Уральского (канд. ист. наук Л. Н. Корякова), Тюменского (канд. ист. наук А. В. Матвеев), Кемеровского (зав. кафедрой — проф. А. И. Мартынов), Самаркандского (зав. кафедрой — канд. ист. наук Н. А. Аванесова); пединститутов: Смоленского (проф. Е. А. Шмидт), Ульяновского (зав. кафедрой — канд. ист. наук В. И. Ледяйкин).

На совещании выступили 24 человека. В выступлениях были подняты проблемы, связанные с организацией и координацией археологической науки, охраной памятников, подготовкой кадров, издательской деятельностью, рядом частных, но довольно важных вопросов.

© Т. М. Потемкина, 1990 г.

Из числа организационных вопросов наиболее оживленную дискуссию вызвали те, которые связаны с уровнем координации и ролью в ее организации ИА АН СССР как головного учреждения, с периодичностью проведения всесоюзных совещаний и конференций, предложением создания Археологического общества.

Необходимость координации археологических исследований в стране на новом уровне, предусматривающем концентрацию усилий различных центров на узловых проблемах и приоритетных темах с единым организующим центром в виде Координационного совета, отмечалась в большинстве выступлений. При этом наметились две тенденции в решении данного вопроса.

Одна сводилась к предложению об усилении роли и авторитета Института археологии АН СССР как всесоюзного организующего и координирующего центра. Его задача — объединить все археологические учреждения и центры страны в единую систему, оказывать им постоянную помощь во всех вопросах, вплоть до защиты интересов в вышестоящих инстанциях и правительстве. Для выработки и утверждения тематики исследований отмечалась необходимость создать Координационный совет из представителей всех археологических центров, как академических, так и вузовских. Естественно, в данном случае должны учитываться как всесоюзные, так и региональные цели и задачи, имеющие свою специфику (Л. Д. Поболь, Н. В. Анфимов, А. И. Мартынов, И. Г Нариманов, Л. Н. Корякова).

Другая часть выступавших, отмечая необходимость подъема координации в области археологии и древней истории на новый уровень и ведущую роль ИА АН СССР в этом вопросе, подчеркивала, что на местах, особенно в республиках, выросли крупные центры с большими коллективами исследователей, со своей спецификой, задачами, трудно вписывающимися в единую программу. Управлять такими коллективами из одного центра сложно и трудно, так как охватить все вопросы одному институту сейчас невозможно. Пример тому — Комплексная программа научных исследований № 14, предложенная руководством ИА АН СССР. Выяснилось, что программы на местах полностью не вписываются в центральную, что побудило республиканские и другие центры создать свои программы. Поэтому координация должна осуществляться не одним Координационным советом. Должны быть еще координационные советы на местах: региональные, республиканские. Все вместе они должны составить единую систему — Всесоюзный координационный совет, опирающийся в своей деятельности на ряд региональных советов. Задача Центрального совета — осуществлять координацию по глобальным проблемам, советов на местах — по региональным (П. П. Толочко, А. Д. Пряхин, А. Н. Кирпичников, Э. С. Мугуревич, Н. Н. Негматов). Одним из направлений деятельности Всесоюзного совета должен быть кадровый вопрос (В. Д. Викторова). Важно определить четко задачи координации, что позволит найти хоть и разные, но во всех случаях нужные формы этой работы.

Отмечалась перспективность для решения концептуальных вопросов проблемной координации: по крупным археологическим культурам, унификации методов археологических исследований, методологии и т. д. (О. Д. Лордкипанидзе, Р. Х. Сулейменов). Хорошим примером проблемной координации является созданный при ИА АН СССР Координационный совет по сарматской археологии, результаты деятельности которого хорошо ощутили специалисты в этой области: проводятся конференции, выпускаются сборники, осуществляется обмен мнениями, ведутся совместные разработки по наиболее актуальным и спорным вопросам (Б. Ф. Железчиков).

Координация исследований по проблемам археологии и древней истории, совместные обсуждения во многом могут способствовать решению спорных вопросов, в том числе и национальных. В организации действенной координации большую роль могут и должны сыграть отделы Института археологии АН СССР (Л. М. Казакова). Пришло также время ставить вопрос о координации археологических исследований не только внутри страны, но и с зарубежными учреждениями (Э. С. Мугуревич).

Итоги координационной деятельности и опыта работы советов на разных уровнях должны подводиться на специальных конференциях, которые намечают также планы работы на будущее. Такая форма работы позволит объединить вузовскую и академическую науки, что чрезвычайно важно для решения кадровых вопросов (А. С. Скрипкин).

В ряде выступлений были затронуты вопросы тематики и периодичности проведения всесоюзных и региональных конференций. Отмечалось, что в последнее время проводится довольно много конференций, совещаний, семинаров, особенно по регионам, многие из них — по узким проблемам. Специалистам трудно принимать участие во всех интересующих их мероприятиях без ущерба для работы. Назрела необходимость более четко регулировать тематику и график проведения различного рода совещаний. Это должны осуществлять Всесоюзный и региональные координационные советы. Зональные конференции целесообразно проводить по актуальным проблемам, что поможет избежать мелкотемья (Н. Н. Негматов, А. И. Мартынов, Л. А. Наговицын).

Всесоюзные археологические пленумы, проводимые раз в 2 года, также практически не подводят итогов по результатам работ. Имеет смысл восстановить Археологические съезды один раз в 5 лет, где стоит докладывать законченные большие темы, результаты раскопок значительных объектов, специально обсуждать назревшие проблемы (Н. Н. Негматов). В период между съездами желательно проводить один раз в год всесоюзные совещания по более узким темам — проблемам каменного, бронзового веков и т. д. (В. Я. Кияшко). Нужны также совещания по вопросам методики, источниковедения, использования ЭВМ, поскольку к недостаткам в работе археологов на современном этапе относятся и неразработанность методики, отсутствие единого подхода в исследованиях (Л. Н. Корякова).

Оживленное обсуждение вызвало предложение о создании Археологического общества (А. Н. Кирпичников). Мнения разделились. Одни высказались за создание такого общества ученых-

профессионалов, представленного различными учреждениями, со своим уставом, солидным денежным взносом, изданием своего популярного журнала. Общество могло бы взять в свои руки часть координационной и издательской деятельности (В. Я. Кияшко, А. В. Матвеев, М. Ф. Обыденнов, Л. А. Наговицын). Другие не поддержали идею создания Археологического общества, объясняя это ненужным параллелизмом в науке. В общество войдут те же учреждения и лица, которые должны заниматься отмеченным кругом вопросов по роду своей деятельности. Созданное Археологическое общество окажется малоэффективным. Кроме того, существует Общество охраны памятников истории и культуры, которое уже дублирует ряд направлений деятельности археологических учреждений. Трудно будет оградить общество и от случайных людей. Более целесообразным является вступление археологов в Общество историков (П. П. Толочко, Н. Н. Негматов, Н. В. Анфимов).

Большая обеспокоенность прозвучала в выступлениях по поводу состояния дел с охраной памятников археологии. Памятники в массовом порядке разрушаются и гибнут. Практически никто не несет за это ответственности. Часто памятники разрушаются узаконенно, в процессе строительных и иных хозяйственных работ (И. М. Чеченов). Если так будет продолжаться дальше, то ничего не останется будущим поколениям.

В качестве мер по улучшению охраны памятников археологии и истории предлагалось: в связи с разработкой Уголовного кодекса выйти в правительство с просьбой ужесточить закон об охране памятников, больше писать на эту тему в прессе (Н. Н. Нигматов); общее руководство охраной памятников, равно как и их музеефикацию, осуществлять археологическим учреждениям (Л. Д. Поболь); передать охрану памятников из ведения Министерства культуры археологическим центрам во главе с Институтом археологии (И. Г Нариманов); создать срочную археологическую службу с оперативным учетом и исследованием всех гибнущих памятников. По данному вопросу в ближайшее время провести совещание с заинтересованными учреждениями — Министерством культуры и др. Учитывая большие сложности работы на новостройках, Институту археологии провести всесоюзное совещание по выработке единого мнения о системе охранных работ, с которым выйти в правительство с целью принять соответствующие законы (Л. Н. Корякова).

Было высказано также мнение, что все предлагаемые выше меры по охране памятников подменяют работу государственных учреждений (Министерства культуры и др.), призванных заниматься данным вопросом, и потому возникают сомнения в их необходимости (П. П. Толочко).

С охраной памятников тесно связаны вопросы выдачи открытых листов на право производства раскопок и отчетности по исследованным объектам, что также стало предметом активного обсуждения на совещании. Перед археологами в настоящее время, особенно на новостройках, где памятники подвергаются более интенсивному разрушению, стоит задача быстрого, но в то же время тщательного и всестороннего исследования археологических объектов. Это требует усиления внимания к совершенствованию методики полевых работ, высокой квалификации исследований, организации более действенного и жесткого контроля над раскопочной практикой археологических экспедиций.

Такой контроль, как известно, осуществляется посредством представления в Отдел полевых исследований ИА АН СССР и республиканских академий отчетов руководителей экспедиций о полевых работах. Отчет — показатель профессионализма, научного уровня и качества проведенных археологических исследований. Без добротного отчета раскопанные памятники для науки мертвы.

Однако отчеты, как показывает практика, бывают разные: как в форме законченной научной работы, так и содержащие мало научной информации. В то же время открытые листы получают практически все. Это положение дел требует от Отдела полевых исследований принимать и утверждать только те отчеты, которые соответствуют всем требованиям археологической науки. Таким отчетам следует придать статус законченной научной работы и найти пути их депонирования (Б. Ф. Железчиков, Л. А. Наговицын, А. В. Матвеев). В связи с этим следует подумать над тем, чтобы Архив ИА АН СССР получил права отдела Института научной информации и имел возможность получать копии отчетов из республиканских центров (Л. М. Казакова).

Очень важно в целях повышения уровня отзывов и ответственности рецензентов устранить анонимность отзывов (А. В. Матвеев). К тому же это поставит руководителей раскопок в равное положение с рецензентами.

В числе других организационных вопросов была затронута вузовская проблема, как в плане научного потенциала, так и формы общения. В настоящее время связь академической и вузовской науки не соответствует задачам археологической науки в целом. Она строится на индивидуальной договоренности, а нужны археологические центры, которые бы синтезировали академические и вузовские направления деятельности. Это, несомненно, поможет готовить хорошие кадры для всех (А. Д. Пряхин) В этом же плане очень важно возобновить Всесоюзные студенческие археологические конференции в МГУ (В. Я. Кияшко).

Конечным результатом научных исследований и показателем их уровня являются опубликованные труды. Благодаря публикациям вводятся в научный оборот и становятся достоянием широких кругов населения новейшие достижения науки. Потому многое было сказано в выступлениях по поводу основных археологических изданий. Более всего высказано сожалений в связи с прекращением с 1987 г. Институтом археологии АН СССР публикации всесоюзного сборника «Археологические открытия», включавшего краткую информацию о результатах ежегодных раскопок в стране и являющегося, как полагают, единственным объединяющим археологические центры мобильным печатным органом.

Как известно (об этом сообщалось в письме, разосланном ИА АН СССР во все археологические учреждения и центры), издание ежегодника было прекращено в связи с сильно возросшим за послед-

ние годы объемом археологических работ по всей стране, числом экспедиций (до 1000) и соответственно числом публикаций, включаемых в сборник. Несмотря на предельную краткость представляемой информации (1,5 машинописных страницы), объем сборника возрос до 50 авт. л., что чрезвычайно затрудняло его оперативную подготовку к печати и само издание. В результате ежегодник утратил свое основное назначение экспресс-информации. Да и сами публикации за счет значительного сокращения объема перестали давать всю необходимую научную информацию и не охватывали работу всех экспедиций в стране, поскольку подача статей в сборник — дело добровольное. В то же время сборник забирал шестую часть издательского листажа ИА АН СССР, задерживая выход в свет многих интересных и нужных трудов сотрудников института.

Тем не менее многие участники совещания высказали пожелание найти возможность возобновления издания информационного ежегодника: в республиках или по регионам (Н. В. Анфимов); за счет издательского лимита республик, с включением в редколлегию их представителей, отвечающих за свою часть (Н. Н. Негматов, И. Г Нариманов); компенсировать закрытие сборника адекватными информационными изданиями или созданием отделов информации в журнале «Советская археология», сборнике «Краткие сообщения Института археологии», чтобы научная общественность страны знала о наиболее интересных открытиях и событиях (А. И. Мартынов, Е. А. Шмидт).

Высказаны также пожелания в адрес журнала «Советская археология: подумать об изменении содержания журнала, обновить круг авторов, не допускать слабых статей (А. И. Мартынов); включить в редколлегию представителей всех республик (Л. Д. Поболь); выпускать тематические номера журналов — каменный, бронзовый века, средневековье и т. п. (И. Г Нариманов). По мнению выступивших, журнал должен формировать научные взгляды ученых-археологов всего Советского Союза.

Относительно многотомного издания «Археология СССР» отмечалось, что издание чрезвычайно важное и нужное, но, к сожалению, разные регионы представлены здесь не равномерно, в отдельных случаях — неоправданно кратко, что требует при необходимости расширения объема издания за счет включения новых томов (Н. Н. Негматов); недостаточно учитываются работы местных авторов (Г М. Ахмеров).

Высказывалось мнение больше издавать научно-популярных работ, которые бы не только несли знания, но и помогали привлекать широкие круги населения к защите археологических памятников (Л. А. Наговицын).

Кроме вопросов, касающихся общих проблем археологической науки, затрагивались чисто региональные и тематические аспекты исследований. В частности, говорилось о необходимости усиления внимания к проблеме славяноведения в археологии, для решения которой мобилизовать внутрисоюзные и международные силы ученых. В этом плане большой интерес представляет музеефикация Минского деревянного кремля, древнего Берестья, которые могли бы стать объектом не только всесоюзного, но и всеевропейского изучения (Л. Д. Поболь). В программу работы археологических учреждений Советского Союза желательно включать темы, которые могли бы стать предметом международных исследований. В числе таких можно назвать расчистку раннесредневековых мечей IX—XI вв. н. э., которых более 4 тыс., что могло бы обогатить европейскую науку новыми открытиями, связанными с новым источником — именами и школами ремесленников. Базой для таких исследований, равно как и проведения всесоюзных и международных совещаний, обмена опытом, может стать Старая Ладога в качестве международной лаборатории по изучению средневекового города (А. Н. Кирпичников).

Заслуживает внимания предложение об издании сборника нерешенных проблем в археологии, как это делают математики (Л. Н. Корякова).

Итоги работы совещания подвел акад. В. П. Алексеев, поблагодаривший выступавших за все высказанные предложения и пожелания, среди которых много новых, ранее не обсуждавшихся. В заключительном слове он коротко остановился на основных вопросах, затронутых на совещании.

Интересным, по мнению В. П. Алексеева, является предложение о создании Координационного совета двух уровней: верхний — Всесоюзный совет, гибкий в своей деятельности, занимающийся общими направлениями науки; нижний — региональные советы, практически решающие все вопросы. Также привлекательной является идея проведения археологических съездов раз в пять лет. Между съездами должен работать Координационный совет, проводиться конференции по отдельным проблемам.

Создание археологического общества является сложной проблемой. Пример малоэффективности работы подобных обществ — Всесоюзное общество охраны памятников, которое пока слабо справляется со своими задачами.

Коснувшись кадрового вопроса, В. П. Алексеев отметил, что приходится исходить из имеющихся, а не из желаемых возможностей, Институт археологии не может пока влиять на систему подготовки кадров. Еще одной большой проблемой является усилившаяся среди археологов тенденция проявления интересов только к собственным делам, мало — к чужим.

Многие рассматривавшиеся на совещании вопросы, как заметил В. П. Алексеев, связаны с деятельностью Института археологии АН СССР: археологические издания, контроль за ведением полевых исследований и др. Возвращаясь к вопросу об «Археологических открытиях», он сказал, что Институт археологии один взять на себя его не может без ущерба для своей издательской деятельности, и предложил подумать об информационных изданиях по регионам.

Что касается многотомного издания «Археология СССР», то в настоящем виде, по мнению В. П. Алексеева, это издание не успевает за временем, единственный же способ улучшить его — это ввести несколько дополнительных томов: по методике и методологии исследований, динамике развития археологической мысли, палеоантропологии, археоботанике и археозоологии.

Касаясь работы отдела полевых исследований, В. П. Алексеев отметил, что осуществляется достаточно строгий подход к рецензированию и оценке отчетов, из которых большое количество возвращается на доработку. Но, видимо, надо предъявлять еще более строгие требования. Для решения вопроса о депонировании отчетов по наиболее значительным объектам требуются дополнительные средства, штаты.

Компьютеризация в археологии идет медленно, но определенные сдвиги есть, в том числе и в нашем институте.

В общем положение дел не блестящее, но и для пессимизма оснований нет — так закончил обобщение дискутируемых вопросов акад. В. П. Алексеев.

В заключение отметим, что заинтересованное обсуждение на совещании многих старых и новых проблем свидетельствует о стремлении ученых-археологов внести существенные коррективы в положение дел в археологической науке, помочь ей подняться на уровень, соответствующий требованиям времени. Назрела необходимость обсуждения наболевших вопросов на более широкой основе, с привлечением более значительного круга специалистов.

Руководство Института археологии АН СССР и редколлегия журнала «Советская археология» предлагают отдельным исследователям и коллективам ученых высказаться по затронутым выше и другим важным вопросам в форме статей и писем, которые просим направлять в адрес журнала «Советская археология». При наличии необходимого материала в нем будет открыта специальная рубрика по итогам и перспективам развития археологической науки в СССР.

Т. М. Потемкина

ПАМЯТИ РОСТИСЛАВА ЛЕОНИДОВИЧА РОЗЕНФЕЛЬДТА

29 марта 1989 г. после тяжелой продолжительной болезни скончался Ростислав Леонидович Розенфельдт — один из старейших сотрудников Института археологии АН СССР.

Ростислав Леонидович Розенфельдт родился 17 января 1922 г. в с. Завиваловка Кашинского района Пензенской области, в семье преподавателя сельскохозяйственного техникума. В 1934 г. он с семьей переехал в Москву в связи с переводом отца на новую работу. В 1939 г. Р. Л. Розенфельдт окончил среднюю школу и поступил на исторический факультет Московского университета. Его интерес к археологии определился рано. Еще будучи школьником, он занимался в археологическом кружке во Дворце пионеров под руководством Б. А. Рыбакова.

После начала Великой Отечественной войны, летом 1941 г., Р. Л. Розенфельдт работал на строительстве оборонительных сооружений на московском направлении, а в ноябре вместе с университетом был эвакуирован сначала в Ашхабад, а потом в Свердловск. В 1942 г. он был призван в Советскую Армию и принимал участие в Великой Отечественной войне до ее конца. Он был награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Белграда», «За победу над Германией». После демобилизации Ростислав Леонидович продолжил учебу на историческом факультете Московского университета и после его окончания в 1947 г. был принят в Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра (ныне — Институт археологии АН СССР), где проработал всю жизнь.

В университете и институте Ростислав Леонидович познакомился с крупнейшими археологами и научился от них преданности делу, трудолюбию, умению широко рассматривать любое историческое явление, тщательности в работе.

Ростислав Леонидович много сделал в разных областях археологической науки. Он проводил исследования во многих районах нашей страны, но основные его полевые работы связаны с Москвой и Московской областью.

С 1953 по 1958 гг. Ростислав Леонидович участвовал в раскопках в Москве, в Зарядье. При обработке полученных находок он взялся за самый важный и самый многочисленный материал — керамику, включая изразцы, и блестяще справился с задачей. Работа «Московская керамика и московское керамическое производство XII—XVII вв.» была им успешно защищена в качестве кандидатской диссертации в 1962 г. Результаты этих исследований опубликованы в монографии «Московское керамическое производство XII—XVII вв.» (1968 г.) и в ряде статей.

Интересы Ростислава Леонидовича в области славяно-русской археологии не ограничивались только московской керамикой. Ему принадлежат исследования о замках и ключах («Русские замки домонгольского времени»), о русском ружейном приборе и многие другие.

Им была написана монография «Древнерусская игрушка», в которой собраны и проанализированы многочисленные предметы из раскопок и из музейных коллекций. К сожалению, она не опубликована.

Примерно с середины 50-х годов Ростислав Леонидович начал работать над составлением археологической карты Московской области. Эта работа, связанная с ведением разведок, сбором материалов в архивах и библиотеках, растянулась на многие годы и велась параллельно с разработкой других тем. Результатом этих многолетних исследований стала монография «Археологическая карта Московской области» (объемом более 40 листов), окончательный вариант которой он закончил, уже будучи тяжело больным.

© К. А. Смирнов, 1990 г.

Другая область археологии, прочно связанная с именем Р. Л. Розенфельдта,— это эпоха раннего железа в Восточной Европе, и в первую очередь дьяковская культура. Он сам участвовал в раскопках многих городищ, в том числе Троицкого и Щербинского. Результаты этих исследований опубликованы в ряде статей, среди которых надо отметить «К вопросу об оборонительных сооружениях Троицкого городища». Ростислав Леонидович прекрасно знал музейные и архивные фонды многих собраний страны и постоянно вводил в научный оборот ранее не опубликованные материалы прежних раскопок. В продолжение многих лет он подбирал материал по культурам эпохи раннего железа в Восточной Европе. К сожалению, эта работа осталась незавершенной.

Широкое знание материалов определило то, что Ростислав Леонидович был привлечен к работе над многотомной «Археологией СССР» в качестве ответственного редактора тома «Ранний железный век лесной полосы СССР» и автора отдельных разделов для томов «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» и «Древняя Русь. Зодчество, культура, быт». Безвременная смерть помешала ему завершить эту работу.

Ростислав Леонидович был неутомимым исследователем, прекрасным знатоком полевой методики. Поэтому закономерно, что он долгое время был одним из самых активных членов Отдела полевых исследований института. Он участвовал в подготовке новых инструкций, в рецензировании отчетов, в инспекторских поездках.

Всегда занятый исследовательской работой, Ростислав Леонидович находил время для пропаганды научных знаний, особенно среди молодежи. Он, несомненно, должен быть отнесен к числу ученых-просветителей. Много сил он отдал руководству кружками школьников. Бывшие участники кружков на всю жизнь сохранили память об этом замечательном человеке, а для некоторых из них археология стала профессией, и они в настоящее время работают в Институте археологии. В течение ряда лет он руководил полевой практикой студентов историко-филологического факультета Университета Дружбы народов им. П. Лумумбы.

Глубокое знание памятников Московской области, интерес к краеведению и склонность к пропаганде научных знаний определили то, что Ростислав Леонидович активно участвовал в работе Московского областного отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры. В продолжение многих лет он избирался в состав правления, не раз ему выносились благодарности.

Ростислав Леонидович ушел из жизни в полном расцвете сил и творческих замыслов. На столе лежит незавершенный том «Археологии СССР», закончить работу над которым без его знаний будет очень трудно. В памяти товарищей он навсегда останется энергичным, доброжелательным, всегда готовым оказать помощь попавшему в беду.

К. А. Смирнов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИП — Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭМК — Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
ВАП — Вопросы археологии Приобья. Тюмень
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск; Ижевск
ВГОМ — Владимирский гос. областной музей
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗООИД — Записки императорского Одесского общества истории и древностей
ЗРГО — Записки Русского географического общества
ИОЛЕАЭ — Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КА УрГУ — Кабинет археологии Уральского гос. университета. Свердловск
КБН — Корпус боспорских надписей / Под ред. акад. В. В. Струве. М.: Наука, 1965
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
МАЕСВ — Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар
МАИКЦА — Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАМЮ — Московский Архив Министерства юстиции, хранящийся в Центральном гос. архиве древних актов
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МАРНИИЯЛИ — Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого («Кунст-камера») АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
САИ — Свод археологических источников. Москва; Ленинград
СМАА — Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп
Тр. ИЭ — Труды института этнографии АН СССР
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
ХГУ (ХДУ) — Харьковский гос. университет им. А. М. Горького
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AmA — American Antiquity. Menasha; Solt Lake City
BMC — A Catalogue of the Roman Coins in the British Museum
CAH — Cambridge Ancient History
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
FA — Folia archaeologica. Budapest
IG — Inscriptiones Graecae. Berlin
IPE, I^2 — Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxine. 2 ed. Vol. I. Petropoli, 1916
JHS — J. of Hellenic Studies. London
MCA — Materiale si cercetari acheologice. Bucuresti
NC — Numismatic Chronicle. London
RE — Pauly — Wissowa — Kroll Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
RM — Rheinische Museum
SCIVA — Studii şi cercetări de istorie veche şi archeologie. Bucuresti
SM — Schweizer Münzblätter. Bern

К читателям и подписчикам журнала

Редколлегия и редакция журнала, обращаясь ко всем археологам, специалистам по древней истории и любителям старины, сообщает, **что подписка на журнал «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» принимается всеми почтовыми отделениями страны с любого номера.**
Стоимость годовой подписки — 11 руб 20 коп.
Индекс журнала — 70822.

В 1991 г. журнал будет продолжать публикацию интересных дискуссионных статей, в частности статью о новой периодизации истории Северного Причерноморья в скифское время (Ю. А. Виноградова и К. К. Марченко), статьи по проблемам палеолита, которым в последние годы журнал уделял явно недостаточное внимание. Большинство публикуемых в журнале этого года материалов позволяет ставить и решать вопросы древнейшей и средневековой истории нашей страны.

Будут продолжены дискуссии, начатые в предыдущих номерах журнала в том числе дискуссии о предмете и объекте археологии, о месте археологии в гуманитарных науках.

В № 1 будет опубликована долгосрочная программа Отделения истории АН СССР и Академии наук СССР в целом по развитию археологической науки. Ее предваряет обстоятельный научный комментарий академика В. П. Алексеева «Древние общества: взаимодействие со средой, культура и история», в котором заострено внимание на наиболее важных методических и методологических основах этой программы.

В этом году журнал открывает раздел «Проблемы мировой археологии» статьями К. Ламберг-Карловски (США), В. М. Массона и Е. Н. Черныха, посвященными роли огня в жизни и сложении мировоззрения человека.

В № 4, в библиографическом отделе будет опубликована сводка работ (статей и монографий) советских ученых за 1989 г

Редколлегия и редакция

Адрес редакции:
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 16.04.90 Подписано к печати 01.06.90 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ. л. 24,7 Усл. кр.-отт. 87,3 тыс. Уч.-изд. л. 30,3 Бум. л. 9,5
Тираж 3512 экз. Зак. 4370 Цена 2 р. 80 к.

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Отделение
архивов АН СССР
при Институте